ВОЙНА И ОРУЖИЕ
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Труды Одиннадцатой Международной научно-практической конференции

17–19 мая 2023 года

Часть III

Департамент культуры Минобороны РФ
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Одиннадцатой Международной научно-практической конференции

17–19 мая 2023 года

Часть III

Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2023

УДК 351.852.1 + 355.48
ББК 79.1 + 68 + 63
В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор — *С. В. Ефимов*

Организационный комитет конференции
«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:
В. М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, академик РАРАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С. В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,
С. В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,
В. И. Кобякова, старший научный сотрудник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,
Е. Г. Игнатьева, начальник научного отдела редактирования и допечатной подготовки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Одиннадцатой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 3

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

На обложке: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Художник Е. Ю. Емельянов. 2017 г.

© ВИМАИВиВС, 2023
© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-7937-2331-2

В. В. Наумов, В. А. Шигин, Д. Н. Белоусов
(Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ТЫЛОМ ВО ВТОРОМ ПЕРИОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (19 НОЯБРЯ 1942 г. – 31 ДЕКАБРЯ 1943 г.)

СОДЕРЖАНИЕ и организация работы тыла Красной Армии во втором периоде Великой Отечественной войны определялись военно-политической, военно-экономической, военно-стратегической обстановкой.

Военно-политическая обстановка, военно-экономическое положение страны к этому времени оставались достаточно сложными. Однако, несмотря на известные трудности, Красная Армия в предшествующий период выстояла в жестких сражениях.

Советские войска обескровили главные группировки противника, заставили его перейти от наступления к обороне, одержали ряд крупных побед, сами перешли в контрнаступления и общее наступление. В зимней кампании 1942–1943 гг. Красная Армия разгромила 100 дивизий противника, освободила территории на глубине 600–650 км. В летне-осенней кампании 1943 г. было разгромлено еще 118 вражеских дивизий.

Во втором периоде Великой Отечественной войны советские войска вели наступление в полосе шириной 1200–2000 км. Глубина продвижения составила 500–1300 км. После разгрома немецко-фашистских войск в битве на Волге и под Курском в Великой Отечественной войне наступил коренной перелом.

Опираясь на существенные достижения военно-экономического комплекса страны, продолжила совершенствоваться система тылового обеспечения войск, в том числе организация управления тылом. Оценивая сложные задачи, руководство Красной Армии исходило из увеличения объема работы

тыла, вызванного принципиально новой военно-стратегической обстановкой.

Усилия органов управления тылом в первую очередь были сосредоточены на формировании дополнительных тыловых воинских частей и учреждений. Значительно увеличилось количество центральных складов Народного Комиссариата Обороны в связи с созданием резервов Верховного Главнокомандования для обеспечения стратегических операций. Так, количество артиллерийских баз увеличилось с 52 в мае 1943 г. до 88 в октябре, число продовольственных баз и складов возросло в 1,5 раза.

С учетом перехода Красной Армии к широкомасштабным наступательным действиям принимались меры к увеличению количества железнодорожных, дорожных, автомобильных соединений, воинских частей, подразделений. Так, в течение 1943 г. численность железнодорожных войск увеличилась с 112,5 тыс. человек до 180,6 тыс., автомобильных войск – с 35,2 тыс. до 59,7 тыс. автомобилей[1].

Начиная с битвы на Волге, перед органами тыла возникла новая задача – развернуть учреждения для содержания военнопленных. Всего было развернуто 112 учреждений на 200 тыс. военнопленных.

Количество тыловых соединений, воинских частей и учреждений на фронте достигало 200–250, а с учетом армейских – до 1000 единиц. В дивизиях в органах тыла вместе с воинскими частями насчитывалось до 1000 человек, или 11,2 % к численности всего состава дивизий, а в дивизионном звене находилось 2,7 % от общей численности[2].

Однако увеличение численности войск тыла усложнилось в связи с необходимостью укомплектования в первоочередном порядке возрастающего количества боевых соединений и воинских частей. Поэтому ГКО принял постановление, в котором предусматривалась передача части сил и средств центрального звена оперативному звену, повышение мобильности, приближение органов тыла к войскам в наступательных операциях, оптимизация состава тыловых соединений, воинских частей и учреждений.

Одновременно во втором периоде совершенствовалась структура системы управления тылом. Постановлением ГКО от 9 июня 1943 г. учреждена должность начальника тыла Красной Армии – заместителя народного комиссара обороны по тылу. Первым заместителем начальника тыла определен начальник штаба тыла.

Начальнику тыла Красной Армии были подчинены: Штаб тыла; центральное управление ВОСО; главные управления (автомобильное, дорожное, интендантское, провиантского снабжения, военно-санитарное); управления снабжения горючим, ветеринарное, финансовое и др.

В рамках реорганизации системы управления Красной Армии совершенствовались структуры служб тылового обеспечения[3]:

– службы по сбору трофейного имущества и металлолома были переподчинены Трофейному комитету при ГКО (вскоре эти службы были подчинены командующим, командирам;

– управление продовольственного снабжения было включено в состав Главного интендантского управления;

– вошли в подчинение начальнику тыла управления по учету потерь, финансовое управление;

– органы управления тылом насыщались техническими средствами связи; штабам тыла фронтов выделялась отдельная рота связи и отдельная кабельно-щитовая рота; в армиях связь организовали за счет выделения из полков связи одной роты связи.

Во втором периоде войны значительно увеличили объем задач, решаемых начальниками тылов всех звеньев, штабами и службами тыла.

С проведением Красной Армией контрнаступательных операций и переходом в общее наступление руководством, штабами, службами тыла все чаще решались новые внеплановые задачи. Весной 1943 г. с учетом новых стратегических решений часть центральных складов и баз впервые за войну была перемещена ближе к линии фронта.

Органами тыла был выполнен большой объем восстановительных работ:

– силами 15-й и 16-й железнодорожных бригад осуществлено строительство подъездных шахтных путей в Донбассе[4];

– органами управления тылом 3-го Украинского фронта было организовано восстановление 15202 жилых домов, 51 школы, 27 больниц и др.;

– для народного хозяйства автотранспортом фронтов было перевезено 3 млн тонн грузов.

Значительно увеличился состав Советского транспортного управления в Иране – до 10 тыс. человек и 2,5 млн машин.

Во всех звеньях тыла были организованы работы по обеспечению бесперебойного функционирования новой системы подвоза,

базирующиеся на установлении ответственности старшего начальника за подвоз всех видов материальных средств в соединениях и воинских частях.

Во втором периоде войны напряженно работали все службы тыла. Вот, например, как осуществлялось управление службами ***транспортного обеспечения***.

Усилия ***железнодорожных войск*** во втором периоде были сосредоточены на своевременном восстановлении железных дорог в целях обеспечения наступательных операций Красной Армии.

За этот период железнодорожные войска и формирования восстановили 25 тыс. км железнодорожного пути, более 100 км мостов.

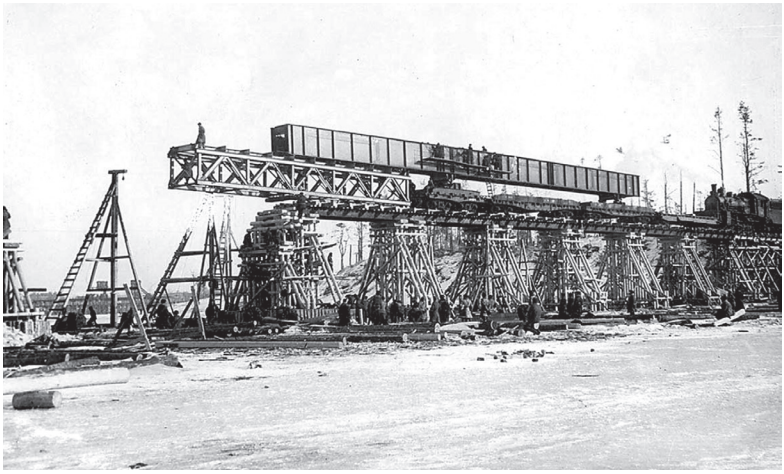
Тяжелые условия выполнения восстановительных работ требовали от органов управления принятия соответствующих мер. Эффективным решением этой задачи было принятие нового типового штата железнодорожной бригады батальонного состава численностью 6 тыс. человек. Число формирований достигало 186.

В деятельности железнодорожных войск внедряли новые организационные решения, которые обеспечили эффективное выполнение поставленных задач.

Летом и осенью 1943 г. для обеспечения общего наступления Красной Армии железнодорожные войска одновременно восстановили железные дороги на фронте до 2000 км и в глубину до 600 км. Органы управления обеспечили выполнение железнодорожными войсками неординарных задач. Железнодорожные войска восстанавливали мосты длиной до 1000 м и более (ил. 1) через Днепр, здания железнодорожных вокзалов и другие объекты.

Численность железнодорожных войск увеличилась до 250 тыс. человек. Принятые меры позволили обеспечить восстановление железных дорог с темпом 8–10 км в сутки.

Дорожная служба во втором периоде войны существенно изменила направление своей длительности – перешла от содержания и улучшения дорог, что было характерно для оборонительных действий, преимущественно к восстановлению и наращиванию их на освобожденных территориях. Резко возросли объемы ремонтных работ. В этих условиях решение проблем дорожного обеспечения руководство тыла Красной Армии в первую очередь видело в увеличении состава дорожных войск. Во втором периоде было дополнительно сформировано 12 соединений



Ил. 1. Восстановление железнодорожного моста через р. Днепр

и 134 отдельных батальона дорожной службы. Общая численность службы достигла 200 тыс. чел.

Управление службой сосредоточило значительную часть на наиболее важных направлениях, обеспечило насыщение дорожных воинских частей сборными конструкциями. Особое внимание уделялось формированию мостостроительных воинских частей и организации их работы на объектах. К концу 1943 г. было сформировано 78 мостостроительных воинских частей.

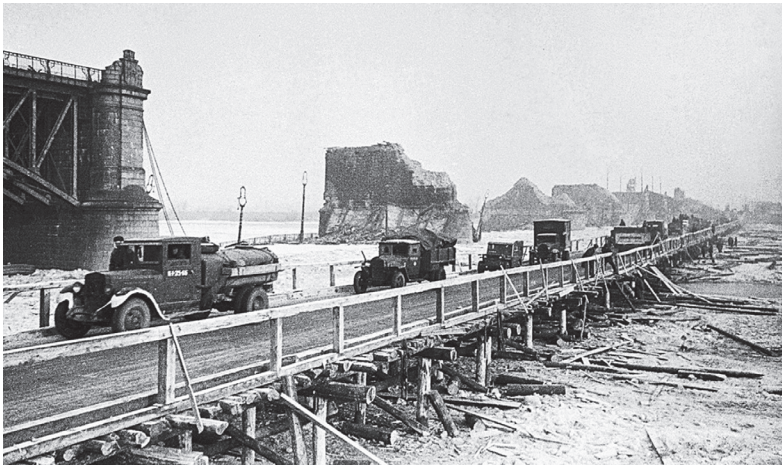
Низководные мосты через Днепр возводились с темпом 140–150 м в сутки, высоководные через эту реку – с темпом 18–19 м в сутки (ил. 2).

При определении задач руководство дорожной службы исходило из необходимости более длительной эксплуатации уже существующих военно-автомобильных дорог и повышенной категории восстановления.

Через реки Дон, Кубань, Ока, Сож, Десна, Березина строились высоководные долговременные мосты. Капитально восстанавливались участки магистральных дорог.

На дорожные войска возлагалась новая задача – охрана и конвоирование военнопленных. Продолжала совершенствоваться структура дорожных войск.

Постановлением ГКО от 9 июня 1943 г. была образована самостоятельная дорожная служба в составе тыла. Для руководства



Ил. 2. Наведенный низководный дорожный мост через р. Днепр

ею в центре было создано Главное дорожное управление, во фронтах – дорожные управления, в армиях – отделы[5].

Автотранспортная служба осуществляла свою деятельность с учетом движения количества автомобилей во фронтах, с другой стороны – с учетом значительного отрыва войск от железных дорог.

Подвоз производился преимущественно автомобильным транспортом. Планирование автомобильных перевозок осуществлялось управлением (в армиях – отделом) автотранспортной и дорожной службы.

Служба организовывала круглосуточные перевозки. На военно-автомобильных дорогах были организованы пункты дозаправки, питания, технического обслуживания и др. Суточный пробег автомобильного транспорта достигал 400–560 км.

Однако фронтовой и армейский автотранспорт не справлялся с перевозкой. С учетом этого были приняты необходимые меры. В танковых армиях были созданы автомобильные полки. Центральному фронту было выделено десять автомобильных батальонов и три роты подвоза горючего.

Автомобильный транспорт привлекли для выполнения оперативных перевозок, в Курской битве автомобильным транспортом был перевезен 77-й стрелковый корпус на расстояние 100–120 км (ил. 3).

Ил. 3. Привлечение автомобильного транспорта к оперативным перевозкам

Во втором периоде войны служба планировала и обеспечивала в целом эффективное использование автотранспорта. Органы управления тылом и службой сделали правильные выводы о том, что в условиях проведения активных и высокоманевренных наступательных действий основная нагрузка в подвозе материальных средств в оперативном звене ложится на автомобильный транспорт.

Эффективное использование автотранспорта во втором периоде войны подтверждают цифры: в январе 1941 г. пробег одного автомобиля за месяц составлял около 700 км, объем перевозок – 5,2 т; в 1943 г. пробег превысил показатели 1941 г. в три раза (2025 км), а объем перевозок – в 20 раз (80–100 т).

Автотранспорт Красной Армии привлекался и для перевозок народно-хозяйственных грузов, в 1943 г. было перевезено 3 млн тонн грузов. Совершенствовалось управление автотранспортом в направлении большей его централизации.

Постановлением ГКО в июне 1943 г. Главное автомобильное управление (автоотряды) фронтов (армий) были подчинены соответствующим начальникам тыла.

Увеличение автомобильного парка, количества автотранспортных соединений и воинских частей, интенсивная эксплуатация транспорта требовали серьезного улучшения организации

ремонта техники. В январе 1943 г. было создано Ремонтное управление Главного автомобильного управления Красной Армии.

Ряд организационных мер по расширению ремонтной базы, по совершенствованию ремонта автомобильной техники был предпринят во фронтах, армиях, соединениях.

Благодаря принятым решениям и организационным мерам в 1943 г. было отремонтировано 508 тыс. автомобилей, в т.ч. во фронтах и округах – 421 тыс.

Во втором периоде войны повысилась эффективность применения в перевозках ***воздушного транспорта***. Этому способствовало увеличение грузоподъемности транспортной авиации, а также преобразование в 1942 г. особых групп Гражданского воздушного флота в регулярные воинские части военно-транспортной авиации.

Органы управления тылом Красной Армии в этот период продолжали поддерживать максимально возможное использование гужевого транспорта для подвоза в войсковом тылу. Во фронтах использовали 209 гужевых транспортных рот. Особенно проявилась важная роль гужевого транспорта в период весенней распутицы 1943 г. Руководство тылом и служба организовали работу гужевого транспорта в этих условиях для подвоза материальных средств от станции снабжения до дивизионных складов.

Управление тылом во втором периоде Великой Отечественной войны осуществлялось с учетом конкретных особенностей подготовки и ведения стратегических операций Красной Армии.

Подготовка тыла к контрнаступлению под Сталинградом велась в тяжелых условиях оборонительных действий. Органы управления тылом центрального звена были заблаговременно информированы о наличии во фронтах запасов материальных средств, восстановлении техники, подготовке органов тыла.

Начальник тыла Красной Армии генерал армии А.В. Хрулёв принимал участие в разработке плана наступательной операции «Уран».

Решением командования первые эшелоны тыла всех трех фронтов были приближены к войскам. Органы тыла, взаимодействуя с органами власти, организовали использование местных материальных и трудовых ресурсов. К началу контрнаступления труженики Сталинградской области передали фронтам значительное количество продовольствия, отремонтировали 600 танков, 1600 автомобилей и др.

Должностные лица тыла проявляли творческий подход к выполнению задач тылового обеспечения. Так, например, на железнодорожном направлении Урбах – Астрахань поезда с войсками и грузами отправлялись в одностороннем движении к Сталинграду, разгружались, следовали в Астрахань, где порожние вагоны переводили на трамвайные пути или вытаскивали на грунт.

Сложная транспортная обстановка потребовала от органов тыла принятия срочных мер по выполнению большого объема работы. В короткие сроки строились объекты, выгрузочные площадки, новые железнодорожные линии, началось строительство линии Саратов – Сталинград. Благодаря принятым мерам, в 1,5 раза были увеличены возможные железнодорожные перевозки.

Большой объем работ был выполнен по дорожному обеспечению. Фронтовые и армейские дорожные части взаимодействовали с инженерными войсками при устройстве переправ через Волгу.

Управление тылом при подготовке к контрнаступлению осуществлялось путем отдачи устных распоряжений, письменные документы по тыловому обеспечению не отрабатывались, широко использовались офицеры связи. Существенно проявлялись функции централизации управления автотранспортом. Положительные результаты дало привлечение оперативных групп тыла.

Величайшим событием Великой Отечественной войны стала битва под Курском. Органы тыла внесли весомый вклад в победу Красной Армии в этом сражении. Управление тылом осуществлялось на основе задач, которые были определены приказом ВГК № 195 от 1 мая 1943 г. В приказе указывалось о необходимости поднять работу тыла, твердо помнить, что от полного и своевременного снабжения войск боеприпасами, снаряжением, продовольствием зависит исход боевых операций.

Органы управления тылом фронтов при подготовке контрнаступления всю организационную деятельность сосредоточили на целесообразном применении тыловых соединений, воинских частей и учреждений, доведении до норм запасов материальных средств, подготовке транспортных коммуникаций.

Учитывая опыт предыдущих боевых действий, руководство тыла фронтов стремилось приблизить органы тыла к войскам, иногда размещая тыловые воинские части и учреждения на одной линии с армейским тылом и даже впереди него. Зачастую это приводило к подмене армейского тыла фронтовыми средствами.

Условия работы органов управления войскового тыла на направлениях главных ударов значительно усложнялись вследствие большой скученности в тыловых районах значительного количества войск.

В ходе контрнаступления от органов управления тылом потребовалось оперативно решать вопросы тылового обеспечения объединений и соединений, поступающих на усиление фронтов по приказу ВГК.

Новые подходы применяли органы управления дорожной службой фронтов. В битве под Курском перед дорожными войсками фронтов была поставлена задача – работать в армейских тыловых районах, а армейским, соответственно, в войсковых. Руководство тыла фронтов максимально использовало возможности авиации, за время битвы под Курском авиация эвакуировала 21 тыс. раненых.

Тыл в битве за Днепр работал в новых условиях, вызванных особенностями действий фронтов. Войска четырех фронтов форсировали Днепр на фронте длиной 750 км, овладев 20 плацдармами.

Органы управления тылом основное внимание сосредоточили на обеспечении группировок войск на плацдармах, наведении переправ через Днепр, организации переброски сил и средств тылового обеспечения.

Строительство мостов и подготовка коммуникаций осуществлялись в крайне тяжелых условиях, вызванных постоянными обстрелами и бомбежками противника, а также наступившей распутицей. Из-за этого подвоз материальных средств воинским частям нарушался.

19 октября 1943 г. ГКО принял постановление, обязывающее НКПС продвигать эшелоны с горючим к фронту быстрее других поездов. Военные советы обязаны контролировать слив горючего из цистерны, не допуская простоя более 4 часов.

Начальники тыла фронтов, армий особое внимание уделяли подвозу продовольствия. Управление тыла, продовольственная служба фронтов организовали срочную заготовку хлеба, мяса у местных жителей. Так, удельный вес таких продуктов во втором Украинском фронте достигал 80 %.

Управление тылом видов Вооруженных Сил во втором периоде Великой Отечественной войны продолжало совершенствоваться[6].

В 1943 г. управление устройства тыла ВВС было преобразовано в штаб тыла ВВС, отделы устройства тыла воздушных армий – в штабы тыла армий.

В этом же году было принято «Положение о начальнике тыла ВВС, начальнике тыла ВА и начальнике тыла ВВС округов». Этим положением были впервые определены права начальника тыла ВВС.

В марте 1943 г. было сформировано в центре Управление автотранспорта, в армиях – автоотделы.

В 1943 г. приказом НКО СССР в ВВС Красной Армии были созданы органы общевойскового довольствия. Таким образом, начиная с 1943 г., тыл ВВС представлял централизованную, целостную, самостоятельную структуру тылового обеспечения.

В связи с изменением задач ПВО была проведена структурная перестройка ее системы. В июне 1943 г. ГКО принял решение о создании управлений двух фронтов ПВО – Западного и Восточного. Корпусные и дивизионные районы ПВО были преобразованы в корпуса и дивизии ПВО.

ГКО установил централизованное по фронтам ПВО снабжение всеми видами материальных средств (кроме продовольствия).

Структурной реорганизации был подвергнут тыл ВМФ. В декабре 1943 г. были введены новые штаты тыла флота. Согласно этим штатам учреждалась должность заместителя начальника тыла флота по вооружению. Аналогичные изменения были проведены в тылу военно-морских баз.

Опыт операций 1943 г. способствовал созданию подвижных групп тыла. В 1943 г. отделы плавсредств и гаваней на флотах были преобразованы в учреждения вспомогательных судов и гаваней.

Выводы

Во втором периоде Великой Отечественной войны в тяжелых военно-экономических и военно-стратегических условиях Красная Армия одержала ряд крупных побед над фашистскими захватчиками, перешла от обороны в контрнаступление и общее наступление. Опираясь на достижения военно-промышленного комплекса, продолжала совершенствоваться система тылового обеспечения действующей армии:

1. Управление тылом методично развивалось структурно, организационно в направлении дальнейшей централизации,

оптимизации органов управления, расширения прав должностных лиц тыла во всех звеньях; совершенствовался документооборот, методы работы по руководству тылового обеспечения.

2. Органы управления тылом и службами проявили творческий подход к развертыванию тыла, его построению, осуществлению маневра в операциях.

3. Были определены главные направления в материальном обеспечении войск; обновлена нормативная база под созданные запасы материальных средств; повышена подвижность складов и баз.

4. Существенно улучшилась организация работы служб транспортного обеспечения, их защищенность; усилен состав, усовершенствована структура соединений, частей и учреждений.

---

[1] Управление тылом Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне: монография / В. В. Наумов, В. В. Демков, Е. А. Фадеенко. СПб.: ВАМТО, 2021. 12 с.

[2] Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л.: ВАТТ, 1963. 295 с.

[3] Развитие тыла Советских Вооруженных Сил 1918–1988 гг. М.: ВИ, 1989. С. 150–152, 171–172.

[4] Железнодорожные войска в Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ВИ, 1963. С. 37, 54, 137–139.

[5] История дорожных войск Советской Армии. Л.: ВТА, 1953. Ч. II. С. 77–78.

[6] И. М. Голушко. Штаб Тыла Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. М.: ВИ, 1988.

А. Ю. Низовский (Москва)

ОБ АВТОРСТВЕ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СОЗДАНИЯ ПАМЯТНИКА БАТАРЕЙНОЙ № 1 И ЛЕГКОЙ № 1 РОТАМ ГВАРДЕЙСКОЙ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

К 100-ЛЕТИЮ Отечественной войны 1812 г. на Бородинском поле было возведено 35 памятников в честь различных воинских частей, принимавших участие в Бородинском сражении. Авторство значительной части этих памятников до настоящего времени не установлено. К числу последних относится памятник батарейной № 1 и легкой № 1 ротам Гвардейской артиллерийской бригады, сооруженный в 1912 г. на средства действующих и старослужащих офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. В данной статье рассказывается об обстоятельствах создания этого памятника и впервые называется имя его автора (ил. 1).

Замысел создания памятника, увековечивающего подвиг частей Гвардейской артиллерийской бригады на Бородинском поле, родился в дни подготовки к 100-летнему юбилею Отечественной войны 1812 г. 31 декабря 1910 г. общее собрание офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады – наследницы боевых традиций батарейной № 1 и легкой № 1 рот Гвардейской артиллерийской бригады, сражавшихся на Бородинском поле[1], – единогласно постановило соорудить (отдельно или совместно с другими частями) к 100-летию Отечественной войны 1812 г. памятник «в воспоминание подвигов лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и в память павших ее чинов в Бородинском бою»[2]. Решение общего собрания было утверждено приказом по бригаде № 37 от 6 февраля 1911 г.

Ил. 1. Памятник батарейной № 1 и легкой № 1 ротам Гвардейской артиллерийской бригады на Бородинском поле. Фото автора. 2022 г.

Для «разработки, обсуждения и организации как самого празднования юбилея, так и всех вопросов, связанных с этим торжеством»[3], была организована бригадная историческая комиссия в составе полковника Н. А. Илькевича (председатель), капитана Ю. А. Явида, штабс-капитана В. С. Савонько и поручика М. М. фон Эндена (делопроизводитель). Одним из первых предпринятых ею шагов стала поездка в Москву и на Бородинское поле с целью точного определения мест расположения батарей Гвардейской артиллерийской бригады в бою 26 августа 1812 г., выбора места для постановки памятника и решения вопроса о приобретении земли под памятник[4].

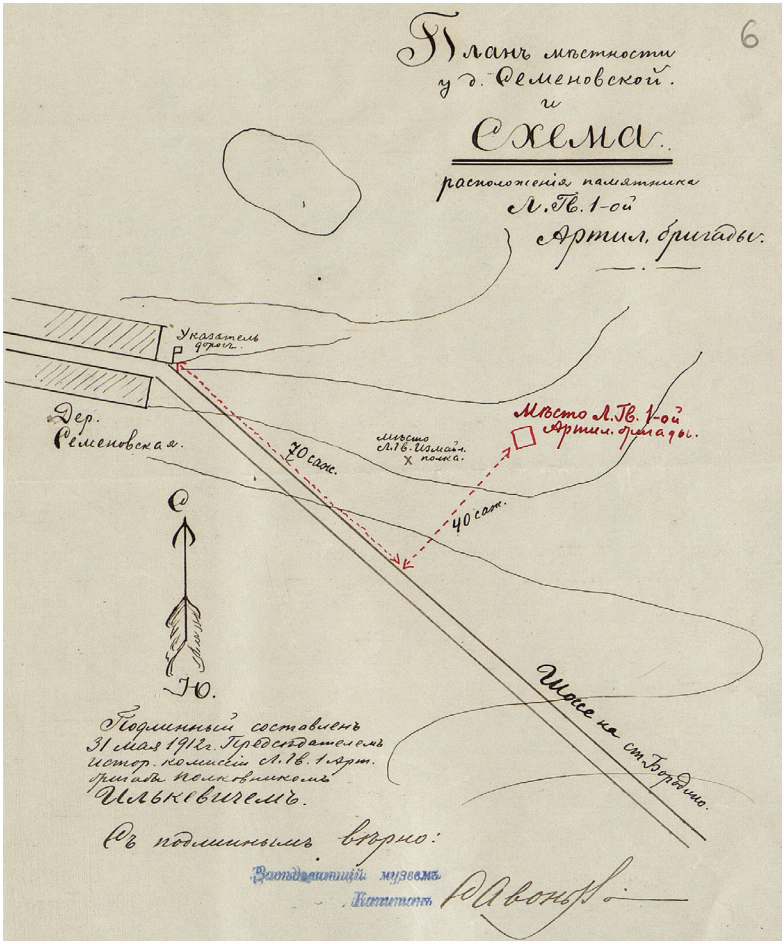
Встретившись в Москве с полковником В. А. Афанасьевым, секретарем Комитета по устройству в Москве музея 1812 г., и с председателем Особой комиссии при штабе Московского военного округа по организации празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г[5]. генералом от инфантерии Э. В. Экком, члены комиссии наметили участок земли для постановки памятника и получили заверения в том, что этот участок не планируется к отчуждению. В качестве места под памятник В. А. Афанасьев рекомендовал приметный пригорок у д. Семеновской, местоположение которого, по его мнению,

соответствовало историческим данным[6]. От В. А. Афанасьева члены комиссии получили рекомендательные письма к начальнику станции Бородино и казначею Спасо-Бородинского монастыря[7].

В ночь на 19 апреля комиссия поездом выехала из Москвы в Бородино. Прибыв к месту назначения в 5 часов утра, члены комиссии направились в д. Семеновскую, где подробно осмотрели предполагаемое место постановки памятника. В музее-сторожке у батареи Раевского нашлись планы 1814 г., на которых были «весьма подробно изображены места стоянок наших орудий»[8]. Из этих планов следовало, что место, намеченное для памятника, не вполне соответствует исторической истине, так как указанная полковником Афанасьевым горка оказывается в тылу расположения русских войск в Бородинском бою[9]. Поэтому комиссия вернулась в д. Семеновскую и вновь исследовала предполагаемый к постановке памятника район. В итоге был избран пункт к юго-востоку от д. Семеновской, приблизительно в 200 метрах восточнее Семеновского оврага. По заключению членов комиссии, именно в этом районе действовали роты Гвардейской артиллерийской бригады 26 августа 1812 г. во второй период боя, «в каковой период участие в бою лейб-гвардии артиллерийской бригады было наиболее полное и выразилось наибольшим успехом»[10].

Встретившись со старостой д. Семеновской, комиссия предложила обсудить на сходе вопрос об уступке земли под бригадный памятник. Крестьяне согласились уступить землю безвозмездно, но попросили 25 рублей на водку[11]. Сошлись на шести рублях, и еще один рубль комиссия дала крестьянам на расходы по заключению и утверждению приговора. Таким образом, приговором Семеновского сельского общества Кукаринской волости Можайского уезда, состоявшимся 19 апреля 1911 г., лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде был пожертвован участок земли в размере 4 кв. сажен для постройки памятника[12] (ил. 2).

По возвращении в Петербург полковник Илькевич рапортом доложил командиру бригады генерал-майору Н. П. Демидову об итогах командировки. Результаты поездки были с энтузиазмом восприняты офицерским составом бригады, ряд офицеров даже выступили с собственными вариантами проекта памятника. По мнению генерал-майора Демидова, памятнику было желательно «придать [...] артиллерийский вид включением в него пушек



Ил. 2. План местности у д. Семеновской с указанием места расположения памятника, составленный полковником Н. А. Илькевичем ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 51. Л. 6

и ядер»[13], и, судя по представленным эскизам, это мнение разделялось большинством офицеров.

Готовясь к заключению контракта на изготовление памятника, командование бригады сочло необходимым сделать несколько официальных запросов, чтобы убедиться, что «постановка памятника безусловно разрешена и никаких препятствий... быть не может»[14]. В ответ командир бригады Н. П. Демидов получил

16 ноября 1911 г. от В. А. Афанасьева письмо с извещением о том, что никаких препятствий к постановке памятника не встречается. К письму в копиях были приложены разрешительные надписи на постановку бригадного памятника председателя Особой комиссии при штабе Московского военного округа генерала Э. В. Экка и московского губернатора В. Ф. Джунковского[15].

Работа над проектом памятника началась в последние месяцы 1911 г. Исторической комиссией были выработаны и опубликованы «Условия для составления проекта и сметы памятника лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады на Бородинском поле», в соответствии с которыми к памятнику выдвигались следующие требования:

«Памятник должен быть возможно более простым и прочным. Каменные изваяния, барельефы, бронзовые украшения и т. п. не допускаются.

Общая высота памятника не менее 4 сажен.

Главным материалом памятника должен служить гранит или какая-либо другая прочная порода камня.

В состав памятника могут быть включены чугунные пушки и ядра, каковые бригада предоставляет безвозмездно. В настоящее время в бригаде имеется 4 чугунных орудия длиною около 3 аршин, шириною у казенной части ¾ аршин и весом по 90 пуд каждая. Кроме означенных пушек, бригада предполагает получить пушки и более легкого типа.

Памятник должен быть увенчан восьмиконечным золоченым крестом.

На памятнике должны быть свободные места для надписей и эмблем.

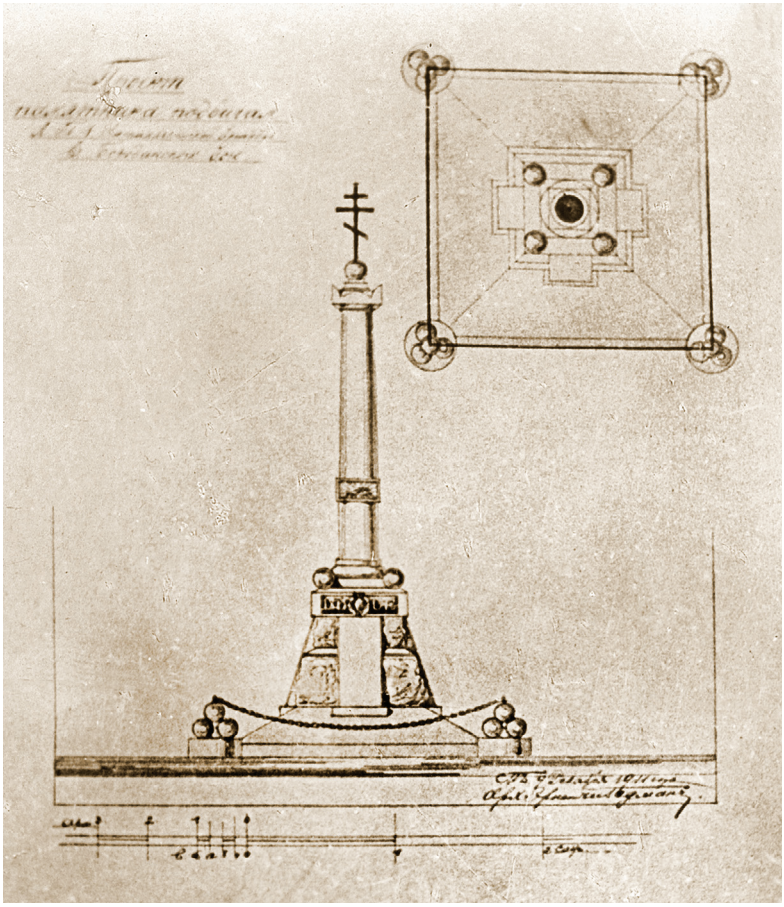
Ограда вокруг памятника должна состоять во всяком случае из пушек или ядер, соединенных цепями»[16].

Рассмотрев поступившие предложения[17], комиссия остановилась на проекте памятника, предложенном финляндским акционерным обществом «Гранит» (Aktiebolaget Granit). Основанное в 1886 г., это предприятие к началу XX в. являлось крупнейшим поставщиком финляндского гранита и изделий из него. Считается, что именно оно положило начало современной камнедобывающей и камнеобрабатывающей промышленности Финляндии[18].

Успешная деятельность АО «Гранит» в значительной степени объяснялась ростом экономики Российской империи на рубеже XIX–XX вв. и связанным с этим строительным бумом в главных

городах России, вызвавшим к жизни потребность в строительном камне. Использование машинных технологий позволяло АО «Гранит» производить продукцию самого широкого спектра назначения – от простой брусчатки и фасадного камня с различными видами обработки поверхности до полированных колонн и гранитных и мраморных памятников[19]. Базой для производственной деятельности общества стал город Ханко (швед. Гангё, рус. Гангут) на юго-западе Финляндии, известный своим морским портом и крупными обнажениями красного гранита хорошего качества. В 1886 г. здесь был построен первый камнеобрабатывающий завод, на котором к 1904 г. работало около 450 человек[20]. Правление общества располагалось в Гельсингфорсе (Хельсинки), филиалы – в Санкт-Петербурге и Москве. Около трети годовой продукции фирмы экспортировалось в Россию, где гангутский гранит быстро завоевал популярность. В Санкт-Петербурге этим камнем облицованы фасады дома Фаберже (1899–1902) на Большой Морской ул., здания правления страхового общества «Россия» (1898–1899), доходных домов страхового общества «Россия» (1905–1907) и Первого Российского страхового общества (1911–1912)[21]. К 1912 г. в активе общества «Гранит» имелись также такие монументальные сооружения, как памятник Александру II (1894) в Хельсинки, памятник броненосцу «Русалка» в Ревеле (Таллине, 1902), памятник императору Александру III в Москве (1900–1912) и др.

Проект памятника батарейной № 1 и легкой № 1 ротам Гвардейской артиллерийской бригады на Бородинском поле был разработан архитектором Эрнстом Густавом Гедманом, заведующим московским отделением АО «Гранит». Предложенный им вариант монумента представляет собой увенчанную восьмиконечным крестом колонну из серого финляндского гранита, поставленную на пирамидальном основании, сложенном из грубо обработанных глыб гранита розового. По углам постамента и ограды – пирамидки из сферических бомб, придающих памятнику требуемый «артиллерийский вид». Одна такая же бомба помещена на верху колонны под крестом. На боковых гранях основания – мемориальные доски с именами офицеров батарейной № 1 и легкой № 1 рот, погибших в Бородинском бою и отличившихся в кампании 1812–1814 гг. Высота от уровня земли до верхушки креста, согласно проекту, составляла 4 сажени (8,5 м), площадь основания – 3 х 3 сажени (6,4 х 6,4 м)[22] (ил. 3).



Ил. 3. Фотокопия проекта памятника за подписью архитектора Э. Гедмана. РГИА. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 643. Л. 140

Здесь следует сказать несколько слов об авторе памятника. Эрнст Густав Хедман (Ernst Gustaf Hedman, 18.12.1867–21.10.1933) или, как его называли в России, Эрнст Иванович Гедман (ил. 4), родился в г. Оулу (Улеаборг) в семье коммерции советника Йохана Санфрида Хедмана и его супруги Анны Хелены Блюменталь. В 1886 г. он окончил Шведский лицей в Оулу, в 1890 г. – Политехнический институт в Хельсинки, получив диплом архитектора. В 1892 г. Э. Гедман вместе с Карлом

Густавом Граном и Кнутом Эдгаром Васастшерна основал архитектурное бюро «Гран, Хедман и Васастшерна» (Grahn, Hedman & Wasastjerna). В последующие годы этим бюро было реализовано около 50 архитектурных проектов в Хельсинки, Оулу и ряде других городов, в том числе здание конторы акционерного общества «Гранит» в г. Ханко (1896 г.)[23].

Архитектурное бюро прекратило свое существование на рубеже 1905–1906 гг. Еще ранее, в 1898 г., Эрнст Гедман продал свою долю в компании двум другим учредителям и ушел из бизнеса. В 1910-х гг. он занимал должность архитектора в акционерном обществе «Гранит». Судя по сведениям ежегодника «Фабрики и заводы всей России», Эрнст Гедман по крайней мере с 1909 г. заведовал московским отделением АО «Гранит», созданным в 1908 г. на базе бывшей фабрики механической и ручной обработки камней М. Д. Кутырина (по этой причине московское отделение АО «Гранит» в рекламных объявлениях позиционировало себя как «преемники М. Д. Кутырина»). Фабрика располагалась по адресу Москва, Большая Садовая ул., д. 159[24]. По сведениям справочника «Вся Москва» за 1911 г., архитектор Эрнст Иванович Гедман занимал в это время должность директора акционерного общества «Гранит» (точнее, его московского отделения). В 1912 г. Э. И. Гедман стал уполномоченным АО «Гранит» в Петербурге, а должность заведующего делами московского отделения общества занял инженер Георгий Александрович Путкинен[25].

Предложенный Э. Гедманом проект памятника был единогласно утвержден общим собранием офицеров бригады, о чем объявлено в приказе по бригаде от 5 января 1912 г. Предельная стоимость памятника с фундаментом, установкой и прочими накладными расходами первоначально определялась в 2500 руб.[26], однако в дальнейшем эта сумма возросла до 4000 руб. Участие старослужащих офицеров в постановке памятника было признано желательным при условии, чтобы взнос каждого составил не менее 15 руб. (за это проголосовало большинство участников собрания – 30 против 8[27]).

17 января 1912 г. историческая комиссия лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады выработала договор с акционерным обществом «Гранит», и в тот же день контракт был подписан обеими сторонами[28]. Подписанный Э. Гедманом проект памятника утвержден особой комиссией при штабе Московского военного округа 15 февраля 1912 г[29].

Ил. 4. Архитектор Э. Гедман (слева) в помещении бюро «Гран, Хедман и Васастшерна». Фото А. Э. Розенбройера, Городской музей г. Хельсинки

Вслед за заключением контракта историческая комиссия лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады приступила к сбору средств на сооружение памятника. Предполагалось привлечь к его финансированию не менее 100 человек, в разные годы служивших в лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде. Всем им от имени председателя исторической комиссии были разосланы письма с предложением «принять участие в постановке памятника, цель коего увековечить бессмертные дела славных

героев родной нам лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады»[30]. Минимальный размер взноса устанавливался в 15 руб., при этом на памятнике постановлено поместить доску с фамилиями жертвователей. К каждому письму прилагался фотоснимок чертежа памятника (всего было изготовлено 120 таких фотографических снимков)[31].

Между тем уже в конце 1911 г. начал обсуждаться вопрос о целесообразности постановки памятников на Бородинском поле отдельными частями войск. В качестве альтернативы предлагалось поставить на Бородинском поле один общий памятник всем частям, участвовавшим в бою 26 августа 1812 г. Разгоревшаяся дискуссия к началу 1912 г. выплеснулась на страницы печати. 14 февраля 1912 г. «Русский инвалид» опубликовал заметку Залесского «Не кладбище, а памятник», в котором идея постановки отдельными частями памятников на Бородинском поле подвергалась критике. Мысль о нецелесообразности постановки на Бородинском поле множества памятников была доведена до сведения императора, и в результате последовало распоряжение приостановить всякие работы в данном направлении[32].

Данное решение поставило бригаду в весьма затруднительное положение. На подготовку к сооружению памятника были истрачены значительные суммы. В адрес бригады поступили первые пожертвования, АО «Гранит» уже изготовило часть деталей памятника. 31 марта командир лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады генерал-майор Демидов обратился с рапортом означенного содержания к начальнику 1-й гвардейской пехотной дивизии, указывая на то, что вопрос о постановке памятников отдельными частями войск был возбужден «по инициативе и по предложению высшего начальства»[33], и «все личные сношения председателя бригадной исторической комиссии с должностными лицами, ведавшими вопрос о постановке памятников отдельными частями войск, привели к твердой уверенности, что установка памятника безусловно разрешена и препятствий никаких быть не может»[34]. В связи с возникшей ситуацией Н. П. Демидов просил ходатайства о том, чтобы бригаде, как имеющей уже место на Бородинском поле и уже заказавшей памятник, было разрешено поставить таковой на Бородинском поле сражения или же вернуть обществу офицеров бригады всю ту сумму, каковая была израсходована до сего времени на постановку памятника

и на прочие нужды, связанные с этой постановкой. Согласно расчетам полковника Илькевича, к 1 апреля 1912 г. бригада уже истратила на сооружение памятника 1050 руб.[35]

В аналогичном положении оказалась не только лейб-гвардии 1-я артиллерийская бригада, но и ряд других войсковых частей. 23 апреля 1912 г. военный министр лично докладывал императору о сложившемся положении. По итогам доклада было высочайше разрешено войсковым частям закончить постройку уже запроектированных ими памятников на Бородинском поле[36].

В мае 1912 г. работа над памятником лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады возобновилась. Сбор средств на сооружение монумента в основном был завершен в последних числах мая 1912 г. Общая стоимость памятника составила 4000 руб.[37] Средства на его сооружение пожертвовали 133 человека, в том числе 59 действующих офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и 74 старослужащих[38]. В числе жертвователей был герцог М. Г. Мекленбург-Стрелицкий[39], которому Н. А. Илькевич 21 мая 1912 г. направил письмо с соответствующим предложением[40]. Это предложение было с благодарностью принято, взнос герцога в общее дело составил 100 руб.[41]

Командир бригады генерал-майор Н. П. Демидов в эти дни был занят приобретением участка земли под памятник, для чего ему пришлось лично приехать в Москву. Приговора схода крестьян д. Семеновское, как выяснилось, оказалось недостаточно[42]. Землю под памятник требовалось приобрести в соответствии с установленным порядком. 29 мая 1912 г. Н. П. Демидов посетил московского губернатора В. Ф. Джунковского, после чего, в соответствии с его рекомендациями, выехал в Можайск и Бородино, где встретился с земским начальником 2-го участка Можайского уезда Ю. И. Зверевым, подал ему заявление по соответствующей форме и на Бородинском поле лично указал ему место для постановки памятника. Земским начальником тут же был составлен приговор о добровольной уступке обществом крестьян д. Семеновское в собственность лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады 9 кв. саженей земли на Бородинском поле за 75 рублей для постановки бригадного памятника. Дальнейший ход дела был передан в руки Ю. И. Зверева[43]. 28 июня 1912 г. Ю. И. Зверев уведомил командира бригады о том, что приговор крестьян д. Семеновское от 31 мая утвержден губернским присутствием, и вместе с чертежом уступленной земли, подписанным

Ил. 5. В художественном оформлении памятника использованы 1-пудовые и 5-пудовые сферические бомбы, полученные из Московского окружного артиллерийского склада. На центральном фасаде памятника помещался бригадный знак лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады (его изображение – вверху справа), в настоящее время отсутствует (заметны следы креплений). Фото автора. 2022 г.

уполномоченными сельского общества, препровожден к можайскому нотариусу для совершения купчей крепости[44].

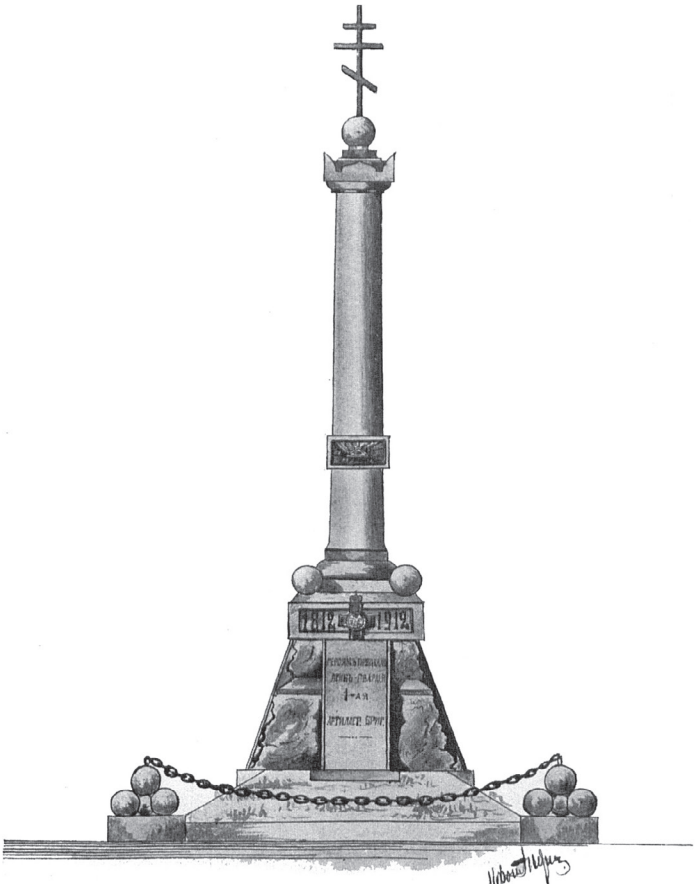
На протяжении мая–июля 1912 г., т. е. в завершающий период работы над памятником, переписка между Э. Гедманом и Н. А. Илькевичем велась наиболее интенсивно. В ходе ее уточнялись и согласовывались последние детали: тексты мемориальных надписей, размеры досок на боковых гранях памятника и др. 5 июня 1912 г. Э. Гедман вторично обратился к Н. А. Илькевичу с просьбой силами бригады организовать доставку ядер для угловых тумб памятника[45]. 6 июня 1912 г. командир бригады обратился в Главное артиллерийское управление с просьбой отпустить для памятника на Бородинском поле 20 пятипудовых и 10 однопудовых ядер[46]. 16 июля 1912 г. эти ядра (чугунные сферические бомбы) были отпущены из отдела артиллерии Московского артиллерийского склада по накладной ведомости № 2675[47] (ил. 5).

Согласно проекту, передний фасад памятника должен был украшать бригадный знак, а на тыльной части – помещаться

Ил. 6. Мемориальные доски на гранях памятника. Доски на тыльной стороне с именами лиц, сделавших пожертвования на памятник, не сохранились (заметны следы креплений). Фото автора. 2022 г.

памятные доски с именами лиц, сделавших пожертвования на его создание. Изготовить эти детали взялось торгово-промышленное предприятие Э. Э. Новицкого в Петербурге. Стоимость двух цинковых полированных досок и бронзового знака составила 185 руб.[48] В настоящее время эти доски и бригадный знак на памятнике отсутствуют; на местах, где они находились, заметны следы креплений (ил. 6).

К 4 августа все гранитные части для памятника были доставлены на Бородинское поле[49]. 17 августа в 1:10 дня сводная батарея лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады под командой полковника Вишнякова в составе 1 штаб-офицера, 4 обер-офицеров, 1 чиновника и 169 нижних чинов отправилась из Петербурга в Москву для участия в Бородинских торжествах[50]. Открытие и освящение бригадного памятника на Бородинском поле состоялись 24 августа в 3 часа дня[51]. Герцог М. Г. Мекленбург-Стрелицкий прислал в Бородино из Ораниенбаума приветственную телеграмму: «Сердечно приветствую лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду в знаменательный день освящения памятника славным предкам на Бородинском поле»[52].



Ил 7. Рисунок памятника, сооруженного офицерами лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады на Бородинском поле из «Памятки "Бомбардира" об Отечественной войне. 1812–1912». Сост. В. С. Савонько. 1912, Санкт-Петербург, т-во Р. Голике и А. Вильборг

В заключение следует сказать о дальнейшей судьбе автора памятника. Около 1913 г. Эрнст Хедман вернулся в Финляндию. После обретения страной независимости он оставил архитектурную деятельность и поступил на государственную службу,

в 1925–1932 гг. занимал должность финансового инспектора Департамента пенитенциарной службы Министерства юстиции. Скончался Э. Хедман 21 октября 1933 г. в г. Таммисаари, Финляндия[53].

Выводы

Памятник батарейной № 1 и легкой № 1 ротам лейб-гвардии артиллерийской бригады на Бородинском поле установлен в 1912 г. по инициативе общего собрания офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Непосредственно вопросами сооружения памятника занималась бригадная историческая комиссия в составе полковника Н. А. Илькевича, капитана Ю. А. Явида, штабс-капитана В. С. Савонько и поручика М. М. фон Эндена.

В сборе средств на сооружение памятника приняли участие 133 человека – действующих и старослужащих офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Общая стоимость памятника составила 4000 руб.

Автором проекта памятника является финский архитектор шведского происхождения Эрнст Густав Хедман (Гедман, 18.12.1867 – 21.10.1933).

Памятник изготовлен из гангутского гранита финляндским акционерным обществом «Гранит» на заводе этого общества в г. Ханко.

В оформлении памятника использованы подлинные артиллерийские артефакты – пятипудовые и однопудовые чугунные сферические бомбы, отпущенные с Московского артиллерийского склада.

До наших дней памятник дошел с некоторыми утратами: утрачены бригадный знак на центральном фасаде и памятные доски с именами лиц, пожертвовавших средства на сооружение монумента.

---

[1] 3 февраля 1816 г. из всех рот Гвардейской артиллерийской бригады были сформированы 1-я и 2-я гвардейские артиллерийские бригады, каждая в составе двух батарейных и одной легкой роты. На формирование 1-й гвардейской артиллерийской бригады поступили батарейная № 1, батарейная № 2 и легкая № 1 роты бывшей Гвардейской артиллерийской бригады (Буйместер Н. И. Лейб-гвардии 1-я артиллерийская бригада // Часовой. Париж, 1930. № 36. С. 16–19)

[2] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3670. Оп. 1. Д. 560. Л. 1, 45.

[3] Там же. Л. 651.
[4] Там же. Л. 651, об.
[5] По распоряжению военного министра на Особую комиссию при штабе Московского военного округа по организации празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. была возложена работа по урегулированию вопросов о постановке памятников различными частями войск, участвовавшими в Бородинском сражении, рассмотрение поступающих заявлений войсковых частей, согласование их и избрание мест для постановки памятников, руководство частями войск при постройке воздвигаемых памятников, «помощь им сношениями с владельцами необходимых для возведения памятников участков земли, а равно при выработке заключаемых условий». Войскам предписывалось «не входить самостоятельно в сношения с владельцами участков земли, необходимых для постановки памятников, и воздвигать их на местах по своему выбору, а обращаться в комиссию при штабе Московского военного округа, куда должны обращаться также прибывающие для выбора мест и для распоряжений по постановке памятников депутации войсковых частей («Разведчик», № 1109 от 31 января 1912 г.).
[6] РГВИА. Ф. 3670. Оп. 1. Д. 560. Л. 24 – 24 об.
[7] Там же. Л. 24.
[8] Там же. Л. 25 об.
[9] Там же.
[10] Там же. Л. 665 – 665 об.
[11] Там же. Л. 25 об.
[12] Там же. Л. 31.
[13] Там же. Л. 670.
[14] Там же. Л. 236.
[15] Там же. Ф. 2177. Оп. 1 Д. 716. Л. 92 об.
[16] Там же. Ф. 3670. Оп. 1. Д. 560. Л. 45.
[17] Предложения поступили от К. В. Боровского, владельца магазина памятников в Смоленске, и московской фирмы «Синицын и Ко» (последней к 100-летнему юбилею Отечественной войны было сооружено в 1911–1912 гг. 12 памятников на Бородинском поле).
[18] Selonen Olavi, Ehlers Carl. Ab Granit – En föregångare inom den Finska Stenindustrin// Geologi. №69 (2017). P. 26.
[19] Ibid.
[20] Ibid, p. 27.
[21] Булах А. Г. Каменное убранство Петербурга. Шедевры архитектурного и монументального искусства Северной столицы. М.: Центрполиграф, 2009. С. 41, 124, 162.
[22] Центральный Государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 17. Оп. 89. Д. 51. Л. 4, 5.
[23] Режим доступа: https://fi.wikipedia.org/wiki/Grahn,_Hedman_%26_Wasastjerna
[24] Список фабрик и заводов России по официальным данным фабричного, податного и горного надзора / составлено редакцией «Торгово-промышленной газеты» и «Вестника финансов». М.: 1909 и 1910 гг.
[25] РГВИА. Ф. 3670. Оп. 1. Д. 560. Л. 333а.
[26] Там же. Л. 45.
[27] Там же. Л. 86.
[28] Там же. Л. 156, 236.

[29] РГВИА. Ф. 3670. Оп. 1. Д. 560. Л. 156.
[30] Там же. Л. 150–151.
[31] Там же. Л. 148 об. Один такой фотоснимок сохранился в бумагах генерал-лейтенанта Е. К. Смысловского, служившего в лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде в 1904–1908 гг. (Российский Государственный исторический архив. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 643. Л. 140).
[32] РГВИА. Ф. 2177. Оп. 1. Д. 716. Л. 37.
[33] Там же. Л. 92.
[34] Там же. Л. 92 об.
[35] Там же. Л. 93.
[36] Там же. Л. 91.
[37] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 694. Оп. 1. Д. 473. Л. 2.
38 РГВИА. Ф. 3670. Оп. 1. Д. 560. Л. 329 об. – 330.
[39] Герцог Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий (1863–1934) – представитель русской ветви Мекленбургского дома, последний владелец Ораниенбаумского дворца. С 1884 г. служил в лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде, в 1904–1908 гг. – ее командир.
[40] ГАРФ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 473. Л. 1, 2; РГВИА. Ф. 3670. Оп. 1. Д. 560. Л. 324 – 325, об.
[41] РГВИА. Ф. 3670. Оп. 1. Д. 560. Л. 341.
[42] Там же. Л. 485.
[43] ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 89. Д. 51. Л. 5–5 об.; РГВИА. Ф. 3670. Оп. 1. Д. 560. Л. 759 – 759 об.
[44] РГВИА. Ф. 3670. Оп. 1. Д. 560. Л. 759 – 759 об.
[45] Там же. Л. 403.
[46] Там же. Лл. 741, 745.
[47] РГВИА. Ф. 3670. Оп. 1. Д. 374. Л. 30.
[48] Там же. Д. 560. Л. 487.
[49] Там же. Л. 474.
[50] Там же. Д. 374. Л. 7.
[51] Там же. Д. 560. Л. 919.
[52] Там же. Д. 560. Л. 555.
[53] До 2009 г. – отдельный город, ныне часть города Раасепори (Расеборг).

Э. В. Оболонская (Санкт-Петербург)

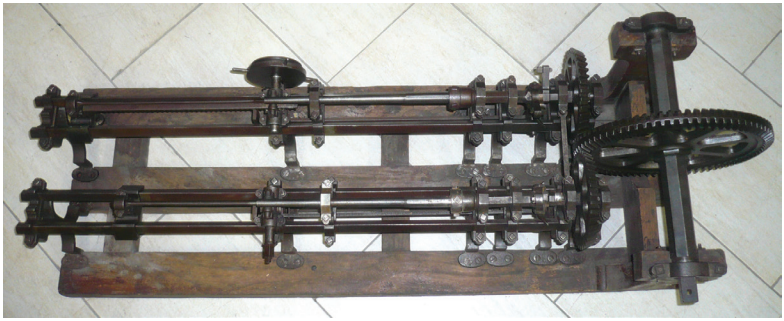
ПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ РУЧНОГО СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ В XIX в. НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗЦОВ ГОРНОГО МУЗЕЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОРНЫЙ МУЗЕЙ в своем собрании отражает историю старейшего высшего технического заведения России – Санкт-Петербургского Горного университета[1], которому в 2023 г. исполняется 250 лет. Со дня основания здесь готовили специалистов для работы на горных металлургических заводах, где выпускали различные вооружения. Со второй половины XIX в. на базе Горного института давали профильное образование офицерам Военного министерства, которые исполняли обязанности артиллерийских приемщиков на горных заводах[2]. В Горном музее находятся экспонаты, связанные с производством артиллерийских орудий. Они поступали с горных заводов и демонстрировали передовые достижения в развитии отечественной оборонной промышленности. Об экспонатах гладкоствольной артиллерии были достаточно подробные публикации в 2019 г.[3]

Горный музей также хранит образцы, связанные с производством ручного стрелкового оружия. Они поступили с двух предприятий: Александровского пушечно-литейного завода в Петрозаводске и Князе-Михайловской сталепушечной (позже сталелитейной) фабрики в Златоусте.

Александровский пушечно-литейный казенный завод

История Александровского пушечно-литейного завода представлена многими образцами, поступавшими с завода с конца XVIII по вторую половину XIX столетий. В большинстве своем они относятся к двум периодам реконструкции завода:



Ил. 1. Стан для сверления ружейных стволов. Модель. Масштаб 1:3. Александровский пушечно-литейный завод в Петрозаводске. 1819 г. Горный музей

преобразованиям 1786–1794 гг. под руководством шотландского инженера Чарльза Гаскойна и перестройке завода, проведенной горным инженером Н. А. Фелькнером в 1860-х гг. Есть экспонаты правления Н. Ф. Бутенёва (1843–1859). В этот период, включающий годы Крымской войны, Александровский завод увеличил свою производительность более чем в два раза. Все эти экспонаты отражают главный профиль завода – производство гладкоствольной чугунной артиллерии. На их фоне выглядит необычным привезенный в 1819 г. директором завода А. А. Фуллоном стан для сверления ружейных стволов в виде действующей модели[4] (ил. 1). Поскольку даты поступления экспонатов в Горный музей, как правило, коррелируют с их производством на заводах, то можно сделать вывод, что на Александровском заводе в это время производили такие станы. Интересно, что в 1819 г. Александровский пушечный завод посетил император Александр I. Возможно, что передача этого ценного экспоната в Горный институт как-то связана с посещением завода императором.

Сверлильный стан для ружейных стволов относится к неописанным ранее экспонатам. Его конструкция и история создания нуждаются в дальнейшем изучении. В Горный музей в первой четверти XIX в. поступили еще две действующие модели сверлильных станов Александровского завода – для пушек и для паровых цилиндров[5], но они не сохранились. Станы для сверления отверстий в каналах чугунных пушек горизонтального типа были устроены на заводе Гаскойном в конце XVIII в. и успешно работали не одно десятилетие. Эта же технология применялась

для сверления цилиндров паровых машин. С привязкой этих двух сверлильных станов к производственному процессу Александровского пушечного завода все ясно. Чего не скажешь о стане для сверления ружейных стволов. Завод производил чугунные пушки и цилиндры для паровых машин, а о производстве ружей на данном предприятии в этот период ничего не известно.

Известно, что ружья на Олонецких заводах производились лишь в начале XVIII в., когда в период Северной войны по распоряжению Петра I на Олонецких Петровских заводах стали производить фузеи, но местное железо оказалось малопригодным для этих целей[6]. В первой четверти XIX в. все основное ружейное производство было сосредоточено в Туле, но небольшое количество ружей производили Сестрорецкий и Ижевский заводы. Можно предположить, что Олонецкие заводы делали такие станы для Сестрорецка или Ижевска, а их производство было налажено накануне или во время Отечественной войны 1812 г. и существовало непродолжительный период. Скорее всего, такие станы поставлялись на Сестрорецкий оружейный завод, поскольку он находился относительно недалеко от Петрозаводска. Исторически сложилось, что поставки различных материалов, изделий и оборудования на Сестрорецкий завод шли с Олонецких Петровских заводов, да и сам завод был построен и оснащен олонецкими мастерами под руководством В. И. Геннина[7].

Сверлильный стан для ружейных стволов выполнен полностью из железа, основание деревянное, примерный масштаб 1:3. Общие габариты действующей модели – 1180х460х430 мм, диаметр рулевого колеса для подачи сверл – 95 мм. По конструкции он существенно отличается от сверлильных станов для ружей этого периода, описанных известным историком техники Ф. М. Загорским[8]. Из устройства стана видно, что подача сверл на вращающиеся ружейные стволы производилась вручную с помощью рулевого колеса и ступенчатого устройства. Вращение ружейных стволов посредством зубчатой передачи осуществлялось от гидравлического колеса. Сверлильные машины для ружей, описанные И. Х. Гамелем в 1826 г. в его известном труде об оснащении Тульского завода[9], отличаются от рассматриваемой модели. И прежде всего тем, что у тульских машин во вращение от гидравлического колеса посредством зубчатой передачи и шестеренок приводятся сверла, а ружейные стволы на них надвигаются с помощью механического устройства. А у модели Горного

музея во вращение приводятся стволы ружей, а сверла постепенно подаются на них вручную, т.е. все наоборот. Механическая подача сверл была бы менее бережной, чем ручная, где каждое движение контролируется мастером.

Общий принцип работы ружейного стана Горного музея совпадает с принципом работы станов для сверления пушек Александровского завода этого периода. Пушку закрепляли на штоке и вращали вокруг своей оси с помощью водяного колеса. Сверло подавалось с помощью подвижной «нажимательной тележки»[10], которая как бы наезжала на вращающуюся пушку и приводилась в движение с помощью регулируемого механического устройства.

В модели стана для сверления ружей находятся два железных кованых ствола. Меньшая по длине казенная часть стволов – восьмигранная; большая дульная часть – гладкая конусообразная с уменьшающимся к концу диаметром. С казенной части стволы крепятся шпоночными соединениями. С дульной части в стволы входят сверла. Согласуясь со временем изготовления модели стана, можно сделать вывод, что это стволы для гладкоствольного кремниевого ружья. Внутренний диаметр моделей стволов 6–7 мм. Длина стволов примерно 300–350 мм, более точно определить сложно, т.к. неясно, какая часть ушла в шпоночное соединение.

В 1883 г. стан для сверления ружейных стволов, датированный 1819 г., фигурирует в музейном списке *«Список моделей машин и инструментов, предложенных к передаче в классы Института»*[11]. Класс, в который была передана модель сверлильного стана, – это, с большой долей вероятности, класс прикладной механики. Список для передачи в классы был составлен вместе с двумя другими авторами профессором Горного института И. А. Тиме, который преподавал механику. Таким образом, модель стана для сверления ружейных стволов спустя более 60 лет со дня изготовления все еще представляла из себя интерес как механическая конструкция оригинального станка.

Златоустовская Князе-Михайловская сталепушечная (сталелитейная) фабрика

Златоустовская Князе-Михайловская фабрика вошла в историю как первое отечественное сталелитейное предприятие, изготовившее стальную пушку, не уступавшую лучшим мировым

образцам. И хотя производство пушек на ней не было налажено, она внесла свой вклад в перевооружение армии – здесь стали производить качественные стволы для нарезных ружей. Свидетельствами этого производственного процесса являются образцы ружейных стволов для винтовки Бердана, хранящиеся в Горном музее. Это образцы из литой стали, созданной выпускником Горного института П. М. Обуховым.

Возможность использования на оружейных заводах литой обуховской стали для производства ружейных стволов обсуждалась долгий период. На предприятиях отсутствовали технологии сверления литых ствольных заготовок[12]. Были попытки делать стволы сварными, но технология заварки стволов требовала от стали хорошей свариваемости. Это технологическое свойство противоречило основному назначению стали – повысить прочность и живучесть стволов. Для обработки стволов из литой стали требовалась инструментальная сталь с более высокой стойкостью.

Отечественные металлургические заводы не всегда соблюдали технологию получения литой стали, что приводило к недопустимому снижению ее качества. Заказы на литую сталь размещались на частных металлургических предприятиях, на казенных заводах Горного и Артиллерийского ведомств. Технологические свойства стали, полученной с разных предприятий, могли отличаться. При заказе металлургическим заводам выдавались лишь образцы стали. Не были выработаны технические требования на литую сталь, что также приводило к снижению качества продукции.

В 1858–1860 гг. проводились испытания литой стали Обухова в качестве материала для ружейных стволов. Исследовались структура стали, ковкость, свариваемость, закаливаемость и обрабатываемость. В результате проведенных опытов было принято решение о том, что сталь Обухова следует признать вполне годной для изготовления из нее стволов[13].

На примере Ижевского оружейного завода видно, что стволы одновременно изготовляли как сварными, так и литыми. На Ижевский оружейный завод в феврале 1863 г. со Златоустовской Князе-Михайловской сталелитейной фабрики полковник Обухов прислал *«..стали в пластинках 423 пуда. Из этой стали заварено стволов 1034 шт. Вышло браку от металла 4,1% ...работы 15,9%»*[14]. Стволы были заварены машинно-прокатным способом. А уже в ноябре 1863 г. из Златоуста на Ижевский завод была доставлена сталь Обухова в литых

Ил. 2. Стволы из литой обуховской стали для винтовки 4,2 лин. калибра, испытанные пороховой пробой. Златоустовская Князе-Михайловская сталелитейная фабрика. 1870 г. Горный музей

ствольных заготовках – «в трубках или пушках». На заводе велся специальный журнал по разработке стволов из стали Обухова. Там есть следующая статистика по приготовлению стволов: *«Приготовлено стволов из трубок или пушек в течение 1864 и 1865 годов 3147 шт. Вышло годных 2234 шт... браку 913. Из пластинок заварено стволов 545 шт. Вышло годных 331... браку 214»*[15].

Исследованиями свойств стали и влияния способов ее обработки на качество стволов с 1870 г. занимался Н. В. Калакуцкий. Он проводил огромное количество опытов по определению химического состава литой стали ряда отечественных и зарубежных производителей[16]; исследовал механические свойства образцов; устанавливал зависимость механических свойств стали от ее химического состава, структуры и способа обработки; испытывал ствольные заготовки и стволы с целью определения влияния последствий механического воздействия и различных дефектов на прочность ствола при пороховой пробе. На основе результатов экспериментов Калакуцкий выработал методики испытания стволов пороховой пробой и их приема.

Горный музей хранит в своей коллекции ствольные трубки для ружей, испытанные пороховой пробой Князе-Михайловской фабрики (ил. 2). Они поступили с XIV Всероссийской мануфактурной выставки, прошедшей в Санкт-Петербурге с 15 мая по 1 августа 1870 г.[17] На ружейных стволах есть гравировка – З.О.Ф. Златоустовская оружейная фабрика и Князе-Михайловская сталелитейная фабрика в этот период работали как одно предприятие. Из сопроводительной этикетки к образцам следует, что это *«три ствола из литой стали для винтовок 4,2 линейного калибра, испытанных пороховою пробою Златоустовской Князе-Михайловской фабрики»*. Образцы ствольных трубок Горного музея были предназначены для винтовки Бердана № 2, которая в 1870 г. была принята на вооружение.

Ил. 3. Ружейный ствол из литой обуховской стали для винтовки Бердана, согнутый в кольцо в холодном состоянии. Златоустовская Князе-Михайловская сталелитейная фабрика. 1868–1873 гг. Горный музей

О продукции фабрики можно судить по выставочным образцам, которые перечислены в Указателе Всероссийской мануфактурной выставки 1870 года, где изделия Златоустовской оружейной и Князе-Михайловской сталелитейной фабрик даны под одним пунктом. Среди перечисления фигурируют *«винтовые стволы из литой стали»*[18].

В отчете о работе Златоустовских заводов за 1855 г. начальника Златоустовского горного округа А. А. Иоссы упоминается об опытах подполковника Обухова, а также о согнутом в кольцо ружейном стволе: *«...стволы, приготовленные из литой стали г. Обухова, отличаясь чистотою снаружи и внутри канала, выдерживают необыкновенно сильную пороховую пробу и также могут быть в холодном состоянии согнуты в кольцо, без всякого повреждения»*[19].

В собрании Горного музея находится свернутая в кольцо ружейная трубка с внутренним каналом порядка 10 мм, что говорит о ее принадлежности к 4-линейной винтовке Бердана. Трубка сплошная без заварки, с высверленным каналом (ил. 3). У экспоната имеется сопроводительная этикетка: *«Ружейный ствол, изогнутый в холодном состоянии»*. Период изготовления стволь-ной трубки вписывается в хронологические рамки 1868–1873 гг., поскольку образец винтовки Бердана № 1 был принят на вооружение в 1968 г., а Бердана № 2 – в 1870 г. В рассматриваемый период были три партии поступлений изделий Златоустовской оружейной и сталелитейной фабрик. Изделия предназначались для выставок – XIV Всероссийской мануфактурной выставки 1870 г., прошедшей в Санкт-Петербурге, Политехнической выставки 1872 г. в Москве и Всемирной промышленной выставки 1873 г. в Вене.

В 1873 г. на Венской всемирной промышленной выставке были представлены образцы ствольных трубок для винтовки Бердана № 2, выпускаемые Князе-Михайловской фабрикой.

Ил. 4. Два ствола из литой обуховской стали для винтовки Бердана № 2. Златоустовская Князе-Михайловская сталелитейная фабрика. 1873 г. Горный музей

В архивной книге Горного музея они идут под заголовком: *«Образцы стволов для четырехлинейных винтовок»*[20]. Всего восемнадцать трубок: шестнадцать трубок были закреплены на деревянном щите, выстланном красным бархатом, и две трубки отдельно (ил. 4). После выставки образцы были переданы в Горный музей.

Для перевооружения армии винтовкой Бердана № 2 необходимо было переходить к производству стволов исключительно из литой стали. Прежнее железо перестало соответствовать требованиям, предъявлявшимся к ствольному металлу. Винтовка Бердана благодаря меньшему калибру (4 линии 8,4 мм вместо 6 линий 10,6 мм) обладала большей убойной силой, а значит, и прочность стволов должна быть выше. Зависимость от иностранных поставщиков приняла угрожающие масштабы. В 1871 г. только немецкому фабриканту Бергеру было заказано стволов на 115 тыс. руб. В 1872 г. Военное министерство обратилось к изготовлявшим литую сталь русским заводам – частному Обуховскому и казенным горным Пермскому пушечному и Златоустовскому. В 1870-х гг. Обуховский завод достаточно исправно изготовлял стволы по 25 тыс. штук ежегодно. Пермский завод к 1877 г. изготовил 10 тыс. стволов, Златоустовский к 1883 г. – более 80 тыс. стволов[21].

Но, несмотря на хорошее качество выпускаемых Князе-Михайловской фабрикой литой стали и ствольных трубок, она

так и не стала ведущим предприятием по производству материалов для стрелкового оружия. У Военного ведомства была другая задача – организовать производство ствольного железа в Ижевске. В 1880-х гг. Ижевский завод стал единственным поставщиком стволов на оружейные заводы России[22].

Златоустовская Князе-Михайловская фабрика останется в истории как предприятие, где российским ученым П. М. Обуховым была получена особая сталь для производства отечественного оружия самого высокого качества. А образцы Горного музея являются материальным свидетельством производственного процесса на фабрике.

---

[1] Горный университет основан в 1773 г. как Горное училище, в период 1804–1833 гг. именовался Горным кадетским корпусом, 1833–1834 гг. – Горным институтом, 1834–1866 гг. – Институтом Корпуса горных инженеров, с 1866 г. – Горным институтом, с 2016 г. – Горным университетом. В дальнейшем будет использоваться название Горный институт как наиболее исторически известное.

[2] Сергиевский И. А., Сыскин Г. А. Подготовка артиллерийских офицеров в Горном институте во второй половине XIX века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Девятой международной научно-практической конференции. 15–17 мая 2019 г. Ч. II. СПб., 2019. С. 363–373.

[3] Оболонская Э. В. Страницы истории русской артиллерии в образцах коллекции Горного музея Санкт-Петербургского Горного университета // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Девятой международной научно-практической конференции. 15–17 мая 2019 г. Ч. II. СПб., 2019. С. 165–179.

[4] Архив Горного музея (АГМ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 90. Л. 69 об.

[5] Там же. Л. 69.

[6] Алексеев Т. В. Оружейное производство России с XVI века по 1917 год в отечественной дореволюционной историографии // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Девятой международной научно-практической конференции. 15–17 мая 2019 г. Ч. I. СПб., 2019. С. 7–23.

[7] Тараканова Е. С. Сестрорецкий оружейный завод в XVIII веке // Черные металлы. 2018. № 10. С. 76–83.

[8] Загорский Ф. М. Обработка металлов резаньем на Петрозаводском и Кончезерском заводах на рубеже XVIII и XIX вв. // Труды института естествознания и техники. Вып. XXIX. М., 1960. С. 112–134.

[9] Гамель И. Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С. 147–152 (Табл. V).

[10] Загорский Ф. М. Обработка металлов резаньем на Петрозаводском и Кончезерском заводах на рубеже XVIII и XIX вв. // Труды института естествознания и техники. Вып. XXIX. М., 1960. С. 147.

[11] АГМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 269. Л. 3.

[12] Михайлов А. В., Астахов С. А., Ефимов Р. В. 150 лет с начала производства 4,2-лин. винтовки образца 1870 г. системы Бердана № 2 // Война и оружие. Новые

исследования и материалы. Труды Десятой международной научно-практической конференции. 12–14 мая 2021 г. Ч. II. СПб., 2021. С. 449–459.

[13] Русилович. Об испытании ствольного железа // Артиллерийский журнал. 1861. № 6. С. 414–420.

[14] Соловьев А. М. В память столетнего юбилея основания Ижевского Оружейного завода. 1807 г. 10 июня – 1907 г. 10 июня. Исторический очерк. Ижевск. 1907. С. 33.

[15] Там же. С. 34.

[16] Калакуцкий Н. В. Испытание ствольной стали и опыты над малокалиберными стволами разных заводов // Оружейный сборник. 1871. № 1–3.

[17] АГМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 88. Л. 187 об.

[18] Указатель Всероссийской мануфактурной выставки 1870 года в С.-Петербурге. Санкт-Петербург, 1870. С. 293–294.

[19] Иосса А. А. Отчет о действии Златоустовских заводов в 1855 году // Горный журнал. 1857. Кн. 3 (март) С. 411.

[20] АГМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 89. Л. 13.

[21] Шумкин Г. Н. Проблема снабжения металлом для стволов оружейных заводов России в XIX – начале XX веков // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции. 18–20 мая 2016 г. Ч. V. СПб., 2016. С. 384–397.

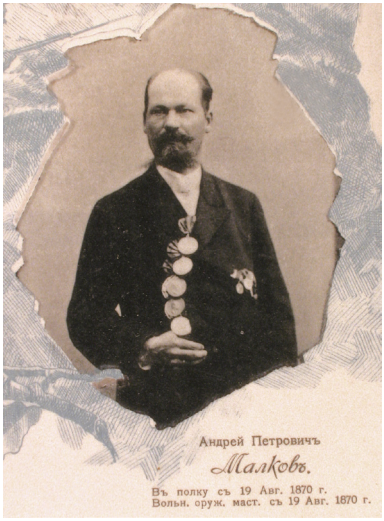
[22] Там же.

Н. А. Оводков (Санкт-Петербург)

MAGAZIN VON MALKOFF-PASKIN: ИНОСТРАННЫЕ ПАТЕНТЫ НА РУССКИЕ ВИНТОВКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 80-х ГОДОВ XIX в.

Первая половина 1880-х годов была ознаменована началом масштабных опытов над магазинными винтовками для выбора лучшей из них с целью перевооружения русской армии. Многие участники этого процесса известны, однако до сих пор от нас скрыты подробности их работы, их исследовательская база как разработчиков, степень индивидуальности их труда, наличие непосредственных исполнителей и заказчиков.

Ил. 1. Общий вид на переделочную 4,2-лин. винтовку обр. 1870 г. с ускорителем заряжания конструкции Малкова, с макетом картонного магазина, ВИМАИВиВС ООФ 5-305. Ни один экземпляр оригинального картонного магазина не сохранился. Макет, предположительно, был изготовлен в рамках подготовки иллюстративной части диссертационной работы подполковника Ф. И. Сироты.
Иллюстрация из диссертации «Перевооружение русской армии во второй половине XIX столетия», 1950 г., л. 235 об., из собрания РГБ



Ил. 2. Портрет А. П. Малкова, вольнонаёмного оружейного мастера лейб-гвардии Московского полка, 1900 г., ЦГАКФФД СПб П-224 сн. 93

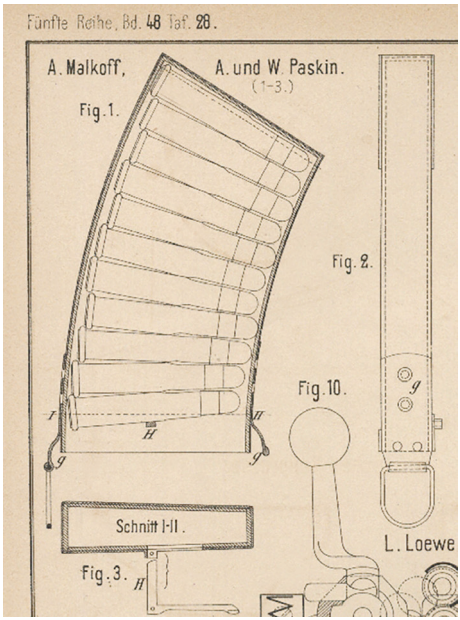
В источниках и историографии современниками процесса в большей степени уделялось внимание непосредственно ходу испытаний и описанию материальной части, в то время как за металлическими конструкциями стояли вполне конкретные личности, а иногда и целые коллективы. Известно, что С. И. Мосин, выдающийся русский оружейник и создатель первой штатной магазинной винтовки обр. 1891 г., прибегал к помощи высококвалифицированных рабочих Тульского оружейного завода. Целые группы мастеров трудились под руководством требовательного оружейника: «стволоправщик Николай Овчинников (Авчинников), слесари Василий Земцов, Санаев и Сенопальников, токари Александр Милованов и Андрей Новиков, ложевщик Петр Моисеев. Чертежные работы выполнял Иван Алексеевич Пастухов»[1]. Однако в данном случае речь идет о сформировавшемся процессе создания образца для русской армии, который проходил на государственном уровне, с официальным привлечением людского ресурса завода. На более ранних этапах, особенно до объявления конкурса 1883 г., об авторах магазинных конструкций практически не известно.

В начале 1880-х гг. на рассмотрение Артиллерийского комитета (далее – Артком) поступила штатная 4,2-лин. винтовка, переделанная в магазинную путем установки ускорителя заряжания под коробчатые картонные магазины (ил. 1). Автором конструкции являлся Андрей Петрович Малков, оружейный мастер лейб-гвардии Московского полка (ил. 2). Позднее его разработка, одна из немногих, получила несколько иностранных патентов: американский № 262803 от 15 августа 1882 г.[2] (ил. 3) и немецкий № 17162 от 17 июня 1883 г.[3]

Makepeace, William T., Marston's Mills, Mass. Ax	267,703	Nov. 21	947	276	22	1722
Malette, George B., Watkins, N. Y. Screw-plate	263,550	Aug. 29	2183	623	22	742
Malette, John F., Watkins, N. Y. Writing-tablet. (Reissue)	10,198	Sept. 19	1368	387	22	1035
Malkoff, Andrew, A. and V. Paskin, St. Petersburg, Russia. Magazine fire-arm	262,803	Aug. 15	1224	344	22	558
Mallen, James, Wellsville, Ohio. Pulley	262,445	Aug. 8	771	217	22	473
Mallery, James G. (See Galbraith, William A., assignor.)						
Mallery, Jasper E., *et al.* (See Halladay, William H., assignor.)						
Mallett, Edward J., Jr., New York, N. Y. Apparatus for disinfecting water-closets, &c	253,400	Feb. 7	253	73	21	389
Mallett, Edward J., Jr., New York, N. Y. Boiler or other furnace	258,450	May 23	1608	455	21	1591
Mallett, Edward J., Jr., New York, N. Y. Apparatus for promoting the combustion of fuel in furnaces	258,451	May 23	1609	455	21	1591

Ил. 3. Данные об американском патенте № 262803 от 15 августа 1882 г. на конструкцию Малкова-Паскиных

(ил. 4). Однако «держателем» патента в обоих случаях числился не только А. П. Малков. Оба патента были получены Малковым совместно с братьями Владимиром и Анатолием Паскиными. Несмотря на то, что иностранные патенты были получены Малковым в соавторстве, в журналах заседаний Арткома ГАУ разработчиком упоминался только он, фамилия братьев там не фигурирует. Фамилия братьев Паскиных в составе патента создает прецедент существования творческого коллектива разработчиков магазинной винтовки.



Ил. 4. Чертеж ускорителя заряжания конструкции Малкова-Паскиных из немецкого патента № 17162 от 17 июня 1883 г.

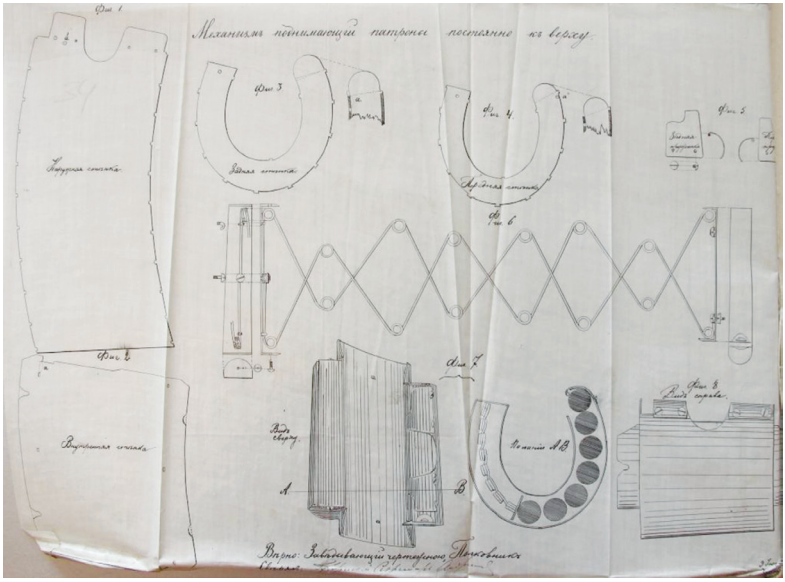
С 1870 г. Андрей Петрович Малков служил в лейб-гвардии Московском полку. В том же полку с 1866 г. служил прапорщиком Владимир Петрович Паскин. Позже, в 1870–1872 гг., он состоял в должности заведующего оружием в полку, а во время русско-турецкой войны командовал стрелковой ротой. Возвратившись с войны, он вернулся к своей полковой должности вплоть до 1881 г. Его брат, Анатолий Петрович Паскин, с 1878 г. в чине

полковника занимал должность заведующего хозяйством полка до 1881 г., пока не был прикомандирован в управление Санкт-Петербургского градоначальника (ил. 5). Участие в русско-турецкой войне и опыт противостояния противнику, вооруженному магазинным оружием, могли натолкнуть братьев на мысль предпринять попытку разработки собственной конструкции. Дополнительной мотивацией послужило то, что после окончания войны вопрос о перевооружении магазинным оружием обсуждался на достаточно высоком государственном уровне и практически все присылаемые запросы рассматривались специалистами Арткома.

Ил. 5. Портрет полковника А. П. Паскина, 1878 г., фрагмент полкового коллажа, ВИМАИВиВС ФФ 7-601/21

Ускоритель заряжания конструкции Малкова был представлен в оружейный отдел Арткома. В 1880 г. инспектор Стрелковой части в войсках генерал-лейтенант В. В. фон Нотбек представил разработку Малкова военному министру. Уникальность образца заключалась в том, что впервые штатная винтовка была модернизирована под использование коробчатого сменного магазина при оснащении ствольной коробки приемником под него. Магазины для винтовки представляли собой картонные емкости, укрепленные металлическими элементами и вставлявшиеся в приемник сверху вниз. После опорожнения магазин просто выбрасывался. В результате специалистами Арткома было предложено несколько доработать конструкцию на Императорском Тульском оружейном заводе с целью облегчить сборку его частей в войсковых мастерских[4].

В этом же году разработкой Малкова заинтересовался сам Александр II. Одновременно с устройством Малкова Артком изучал ускорители заряжания конструкций генерал-майора Е. В. Соколова и подпоручика В. О. Вица[5], заведующего



Ил. 6. Чертёж проекта ускорителя заряжания конструкции подпоручика В. О. Вица. Архив ВИМАИВиВС Ф. 4. Оп. 39/6. Д. 89. Л. 34

оружием в 44-м пехотном Камчатском полку (ил. 6). В конце декабря 1880 г. император изъявил желание лично встретиться с лицами, принимавшими участие в этом процессе. Встреча состоялась в Зимнем дворце, а состав участников был следующим: оружейный мастер А. П. Малков, командир лейб-гвардии Московского полка генерал-майор О.-Ф. К. Гриппенберг, капитан А. И. фон дер Ховен, флигель-адъютант полковник Далер, генерал-майор Соколов, инспектор оружейных и патронных заводов генерал-майор О. Ф. Лилиенфельд и генерал-майор Фриде. Император потребовал представить передовые разработки в области магазинного оружия и новые конструкции, поступившие на рассмотрение Арткома: А. И. фон дер Ховен представлял магазинные винтовки конструкций Гра-Кропачека, Ли и Эванса, полковник Далер – ускоритель заряжания конструкции фирмы «Лёве и Ко», а генерал-майор Е. В. Соколов – ускоритель заряжания собственной разработки. По результатам встречи разработка Малкова была удостоена высочайшего одобрения[6]. Было решено изготовить для войсковых испытаний на Тульском оружейном заводе 200 ускорителей заряжания

этой конструкции для последующей установки их на штатные винтовки, а на Петербургском патронном заводе изготовить 800 картонных магазинов, из них 400 – емкостью на 11 патронов и 400 – емкостью на 5 патронов. Половину изготовленных образцов отдали на испытания в роту Учебного пехотного батальона, а оставшуюся половину – в роту 2-го Гвардейского стрелкового батальона.

Испытания, как и процесс изготовления ускорителей в войсках, состоялись в начале 1882 г. В результате было установлено, что переделку винтовки в магазинную может выполнять группа из пяти человек нижних чинов «от 7 до 11 1/2 час. утра и от 1 до 7 час. вечера»[7]. Вся работа длилась девять дней. Специалистами было выяснено, что винтовка подвержена сваливанию вправо при малейшей невнимательности стрелка, и эта проблема особенно обострялась при ускоренной стрельбе, когда «...стрелок не нажимает на спуск плавно, а производит выстрел коротким, отрывистым нажатием на спуск, вследствие чего дуло винтовки в момент выстрела отклоняется почти всегда вправо. Влияние на сваливание винтовки при магазинах с 5-ю патронами слабее, чем при магазинах с 11-ю»[8]. Ускоритель заряжания на 11 патронов представляет собой еще большую площадь для сопротивления ветру, что усугубляет проблему прицеливания. В остальном, в том числе при испытании ускорителя заряжания на сопротивление загрязнению и запыливанию, механизм действовал исправно.

Приставной картонный магазин являлся самой уязвимой частью всей конструкции. Металлические детали в виде оковки, которые должны были предохранять картон от вмятин и других повреждений, не выполняли своих функций. Пружины, за счет которых магазин удерживался в ускорителе заряжания, мгновенно ослабевали при установке и извлечении картонной пачки. В магазине имелось устройство блокирования действия магазина или подачи патронов в виде крючка, которое часто ломалось: «самое движение крючка настолько на оси неустойчивое, что во время производства стрельбы, он, от сотрясения, нередко закрывает магазин и не пропускает патрон в раму»[9]. Картон подвергался внешнему воздействию через металлическую оковку как при установке пачки в ускоритель заряжания, так и при нахождении в сумке стрелка, сильно деформировался, вследствие чего патроны застревали. Помимо этого, испытание выявило, что

«для правильной и безостановочной подачи патронов ускорителем необходимо рассчитать мерное действие затвором; между тем нельзя надеяться на выполнение этого условия при скорой стрельбе по неприятелю. Поспешное приставление упомянутого ускорителя к ружью нередко влечет за собою высыпание всех патронов из пачки»[10].

При испытании также было установлено, что магазин на 5 патронов имеет слишком малую емкость – стрелок тратит много времени на смену пачки (магазина), а при использовании сменной пачки емкостью 11 патронов от скорой стрельбы стоит дымовая завеса, сильно влияющая на меткость. По расчетам специалистов, наиболее оптимальной была бы емкость в 7 патронов.

По итогам испытаний было решено предложить оружейному мастеру внести изменения в конструкцию ускорителя заряжания, модернизировать его, устранив указанные специалистами недостатки и изготовить десять экземпляров. В противном случае испытания необходимо было прекратить. Несмотря на неудовлетворительные результаты испытаний конструкции, специалисты признавали, что сменные емкости с патронами более удобны, нежели просто постоянно-приставные ускорители, которые необходимо было наполнять вручную каждый раз, тогда как в данном случае «...вместо наполнения магазина нужно только отбросить опорожненный ускоритель и взять новый, заранее наполненный патронами, что, очевидно, потребует гораздо меньше времени, чем заряжание магазина»[11]. Позднее, кстати, в процессе испытаний винтовок с отъёмными коробчатыми металлическими магазинами конструкции Ли члены Арткома изменили свое мнение – использование одноразовых магазинов, которые после опустошения выкидывались, сочли неразумной растратой[12].

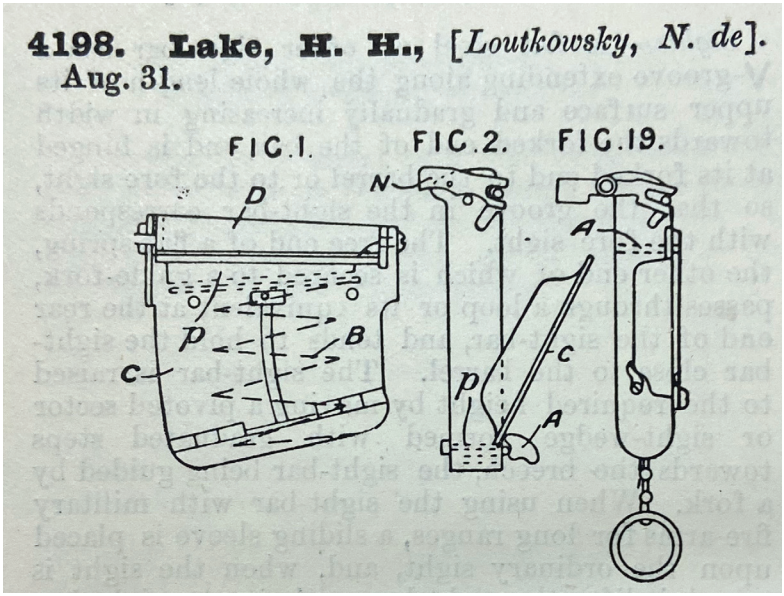
Переделочная винтовка обр. 1870 г. с установленным на нее ускорителем заряжания конструкции Малкова (Малкова-Паскиных) стала одной из самых ранних отечественных конструкций, прошедших весь путь от изучения и предварительного испытания до испытаний в войсках. Войсковые испытания именно этой конструкции инициировали очередную вспышку интереса к разработке магазинного оружия в России. Специалистами снова была заявлена необходимость обратить внимание военных агентов за границей на конструкции для ускорения заряжания,

проектированные там, особенно на винтовки Гочкисса в США, Кропачека во Франции и Австрии, Ярмана в Швеции[13].

Отдельный интерес для исследования представляют патентирования отечественной разработки в США и Германии. И снова разработка оказывается первой, своего рода первопроходцем. Вслед за ней, ближе к середине 1880-х годов, русский оружейник Н. В. Лутковский запатентует в Великобритании ускоритель заряжания, разработанный им в рамках конкурса 1883 года[14] (ил. 7–10).

Фамилии Малкова, Паскиных, Лутковского как авторов патентов вызывают искреннее уважение, ведь в Российской империи не существовало патентного ведомства по образцу и подобию зарубежных аналогов, а существовала система привилегий. Выдачей привилегий на различные изобретения занимались «так называемые «патентные учреждения» – структурные подразделения организаций, осуществлявших управление промышленностью и торговлей»[15]. Согласно «Положению о привилегиях» 1833 г. уполномоченные государственные органы не были обязаны выдавать привилегию авторам, даже если они прошли проверку. «Понятие привилегии-милости исчезло с принятием закона 1870 г.»[16], в котором были прописаны структура и особенности. Согласно закону, корректно описанный в запросе предмет, не представляющий опасности и не вошедший до этого момента в употребление, мог быть

Ил. 7–8. 4,2-лин. винтовка обр. 1870 г., переделанная под установку ускорителя заряжания конструкции Лутковского 5-й модели, 1883 г.и., И.Т.О.З., общий вид справа на винтовку и ускоритель, ВИМАИВиВС ООФ 5-301



Ил. 9–10. Чертеж ускорителя заряжания конструкции Лутковского патента №4198 от 31 августа 1883 г. и вид с тыльной стороны на ускоритель заряжания, ВИМАИВиВС ООФ 5-301

одобрен Мануфактурным советом[17]. После этого министр финансов подписывал привилегию, и она вступала в силу. Несмотря на это, статистика за период с 1813 по 1917 гг. свидетельствует о том, что «более 80 % привилегий из 30 тысяч выданных за это время получено иностранцами»[18]. На основе этих статистических данных можно предположить, что иностранцам было проще получить привилегию. Кроме того, инициативность и возможности иностранных оружейников-предпринимателей были во много раз выше, нежели русских офицеров и мастеров-оружейников.

Исходя из данных патентов Малкова-Паскиных и благодаря изучению самих систем, мы можем с высокой долей вероятности отметить роль Андрея Петровича Малкова. Он выступал в качестве мастера-исполнителя. Братья Паскины, вероятнее всего, были идейными вдохновителями проекта. Анатолий Петрович, Паскин-старший, будучи ветераном русско-турецкой войны, затем заведовал хозяйством в полку. Владимир Петрович, Паскин-младший, также прошел русско-турецкую войну, до и после боевых действий заведуя оружием полка. У братьев было не только понимание действия магазинных винтовок Henry-Winchester M1866, которыми были вооружены турецкие части, но и, безусловно, желание противопоставить что-то этому оружию. Втроем у них были все шансы разработать достойную конструкцию для своего времени, хоть и недопущенную в будущем к принятию на вооружение в армии.

В случае с конструкцией, разработанной Николаем Васильевичем Лутковским, также абсолютно ясны мотивы ее автора. Он получил прекрасное образование, будучи выпускником 4-й Московской гимназии с серебряной медалью. В русско-турецкой войне принял участие как рядовой на правах охотника, не единожды принимая участие в столкновениях с вооруженным противником. После войны Лутковский повышал свою квалификацию, являясь слушателем Тверского кавалерийского юнкерского училища, а в начале 1880-х годов практиковался на должности заведующего оружием в полку. Известно, что уже в начале 1880-х годов офицер занимался разработкой ручного огнестрельного оружия, сначала охотничьего, затем армейского. В 1883 году с разрешения военного министра он принял участие в конкурсе на создание магазинной винтовки для русской армии, своими разработками ускорителей заряжания составив, в некоторой степени, конкуренцию разработкам американского оружейника Джеймса Ли. Примерно в середине 1880-х годов Лутковский начал предпринимательскую деятельность в качестве владельца завода охотничьего оружия «Русская охота». В период работы над переделочными винтовками, вероятнее всего, он был осведомлен о возможности получить привилегию в России или патент за границей на разработанную им конструкцию. Он выбрал второй вариант, оставив задокументированный след своей деятельности в истории русского оружия.

Ил. 11. 4,2-лин. винтовка обр. 1870 г., переделанная под установку ускорителя заряжания конструкции Малкова-Паскиных, 1878–1881 гг., И.Т.О.З., общий вид справа, ВИМАИВиВС ООФ 5-305

Ил. 12. Личное клеймо «А.М.» мастера А. П. Малкова на прикладе винтовки справа, ВИМАИВиВС ООФ 5-305

Ил. 13. Приёмник ускорителя заряжания конструкции Малкова-Паскиных, вид слева; обозначения и клейма «И.Т.О.З.», «81 г.», «№ 128», «СМ под короной» (клеймо С. И. Мосина – винтовка переделывалась под его наблюдением в инструментальной мастерской И.Т.О.З., которую он возглавлял); ниже нанесено наименование винтовки с ошибкой в фамилии – подобные ошибочные (либо некорректные) наименования наносились в музее в первой половине XX века, ВИМАИВиВС ООФ 5-305

Приведенные примеры иностранных патентов на русские разработки на данный момент являются скорее исключениями, нежели тенденцией. В отечественных источниках и историографии братья Паскины как соавторы разработки не упоминались. Обнаружение их имен в иностранных справочниках стало случайностью, равно как и обнаружение иностранного патента на разработку Лутковского.

На примере переделочной конструкции Малкова-Паскиных мы видим успешный результат предполагаемой коллаборации группы «вдохновителей» и «исполнителя». Успешным он является, как минимум, потому, что конструкция была допущена до испытаний и для этого была изготовлена партия. Однако необходимо отметить, что до объявления официального конкурса в 1883 г. пройти такой длинный путь и попасть на испытания образцу было несколько проще из-за меньшей конкуренции и придирчивости членов Арткома.

Количество сохранившихся образцов переделочных винтовок сообщает нам о достаточно серьезном подходе Военного ведомства к изучению этой конструкции, как минимум в период до 1883 г. В собраниях российских музеев известны три образца переделочных винтовок конструкции Бердана с ускорителем заряжания конструкции Малкова (Малкова-Паскиных). Два пехотных образца хранятся в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – ВИМАИВиВС), оба изготовлены на Императорском Тульском оружейном заводе. Первый образец был изготовлен в 1878–1881 гг., имеет несколько заводских №: 52271, 43391. Само устройство ускорителя заряжания имеет на корпусе № 128 (ил. 11, 12, 13). На втором образце, изготовленном в 1878 г., заводской номер не был обнаружен. Третий образец хранится в собрании Тульского государственного музея оружия, он представляет собой пехотную винтовку, изготовленную в 1873 г. и переделанную в 1881 г. под установку ускорителя на Императорском Тульском оружейном заводе. Винтовка носит заводской № 24930, а ускоритель заряжания – № 148, на приемнике ускорителя помимо номера расположились клейма, аналогичные образцу из собрания ВИМАИВиВС: «СМ под короной», «И.Т.О.З.», «81 г.». Несмотря на то, что у одной из винтовок из собрания ВИМАИВиВС не сохранился приемник под коробчатый магазин, можно предположить, что он также носил на себе заводской номер.

Образцы из собрания ВИМАИВиВС отличаются некоторыми деталями. Во-первых, есть различия в креплении приемника: у образца с ускорителем заряжания № 128 (ВИМАИВиВС ООФ 5-305) он крепится на правый борт ствольной коробки (см. ил. 13), а у образца с несохранившимся приемником передняя стойка крепится также на правый борт ствольной коробки, но со значительным заходом на патронник ствольной коробки (ил. 14 а,б). Во-вторых, образцы отличаются формами «крючков» (скосов), которые приводят в движение лоток-отсечку для питания винтовки патронами из магазина. В первом образце сохранились оба «крючка», из которых передний смонтирован на гребне затвора, а задний – в задней части приемника (см. ил. 13). Во втором образце сохранился лишь передний «крючок», смонтированный также на гребне затвора (см. ил. 14б). Таким образом, в собрании обоих музеев хранятся винтовки из опытной серии, переделанные в магазинные путем установки ускорителей

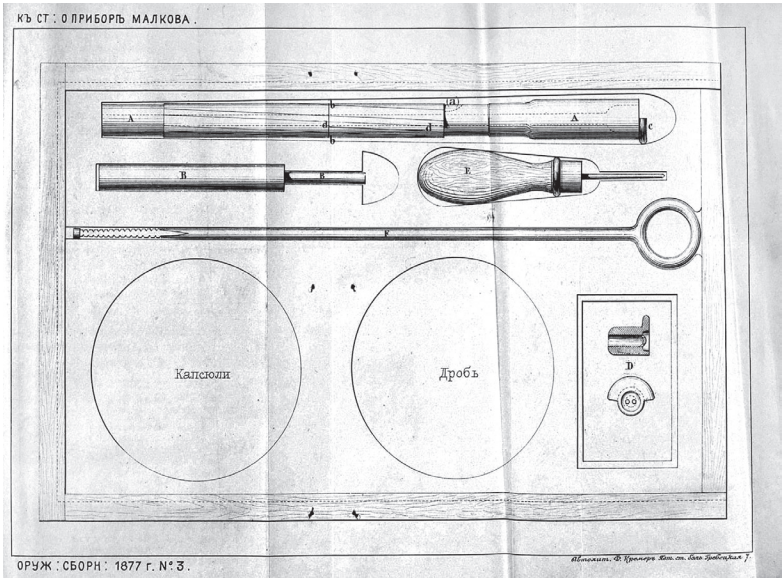
Ил. 14а. 4,2-лин. винтовка обр. 1870 г., переделанная под установку ускорителя заряжания конструкции Малкова-Паскиных, И.Т.О.З., общий вид справа, ВИМАИВиВС ООФ 5-306

Ил. 14б. Ствольная коробка винтовки обр. 1870 г., переделанной под установку ускорителя заряжания конструкции Малкова-Паскиных, вид сверху; приёмник ускорителя не сохранился, только стойки под него, а также передний «крючок»-скос для лотка-отсечки, ВИМАИВиВС ООФ 5-306

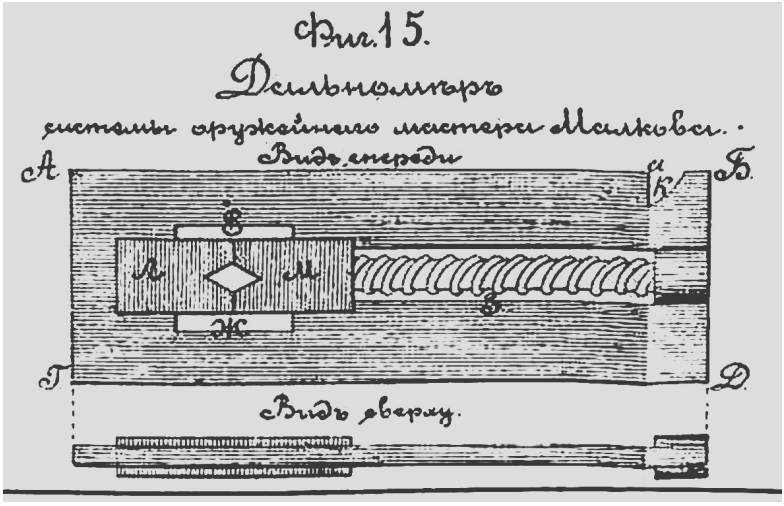
заряжания в 1881 г., после высочайшего одобрения императора Александра II и до отправки на испытания в роты Учебного пехотного батальона и 2-го Гвардейского стрелкового батальона в 1882 г.

Судьбы творческого союза Малкова-Паскиных сложились поразному. Андрей Петрович Малков продолжил служить в лейб-гвардии Московском полку, где состоял вольным оружейным мастером вплоть до 1900 г. Как и другие полковые мастера, он время от времени трудился над различными оружейными конструкциями. В середине 1870-х годов он разработал на базе винтовки обр. 1870 г. ружье для комнатной стрельбы дробинками, позволяющее обучаться целевой стрельбе[19] (ил. 15), а в 1890-е гг. представил дальномер собственной разработки[20] (ил. 16).

Владимир Петрович Паскин в 1881 г. был назначен командующим ротой его высочества, а в 1882 г. был произведен в полковники и переведен в лейб-гвардии Павловский полк, где находился в должности председателя полкового суда и командовал батальоном. В 1884 г. его назначили запасным членом



Ил. 15. Чертеж элементов прибора для стрельбы дробинками конструкции Малкова. Оружейный сборник, 1877. № 3



Ил. 16. Чертеж дальномера конструкции Малкова. Оружейный сборник, 1893. № 4

Ил. 17. Фотографический коллаж лейб-гвардии Московского полка по возвращении с русско-турецкой войны, 1878 г., ВИМАИВиВС ФФ 7-601/21; братья Паскины присутствуют на коллаже, портрет А.П. Паскина был атрибутирован, однако портрет его брата на данный момент выявить не удалось

Петербургского военно-окружного суда, годом позднее – бежецким уездным воинским начальником, а с 1894 г. – петербургским[21]. Анатолий Петрович Паскин, сдав в 1881 г. должность заведующего хозяйственной частью полка, был прикомандирован к Управлению Санк-Петербургского градоначальника. В 1882 г. он был назначен на должность петербургского бранд-майора. В 1896 г. был произведен в чин генерал-майора. Во второй половине 1880-х – 1890-е гг. он принимал участие в иностранных дипломатических делегациях, о чем сообщают нам многочисленные награды, в т.ч. ордена: японский орден Восходящего солнца 4-й степени (1883 г.), черногорский орден Князя Даниила I 3-й степени (1886 г.), перстень с бриллиантами и вензелевым изображением имени его величества (1888 г.), персидский орден Льва и Солнца 2-й степени, офицерский крест французского ордена Почетного легиона (1892 г.), сербский орден Такова 2-й степени (1892 г.), черногорский орден Князя Даниила I 2-й степени (1893 г.), бухарский орден Восходящей звезды, золотой 1-й степени (1893 г.), китайский орден Двойного дракона 2-го класса 3-й степени (1896 г.)[22].

Изучение рабочей группы Малкова-Паскиных дает нам возможность ознакомиться с одним из вариантов творческих коллабораций между оружейным мастером и офицерами в деле создания магазинной винтовки для русской армии на ранних этапах этого процесса. Кроме того, у нас появляется возможность составить портрет русского оружейника первой половины 1880-х гг., автора магазинной винтовки – заводского или полкового оружейного мастера либо офицера с профильным образованием, прошедшего войну, инициативного и одаренного специалиста. Принадлежность братьев Паскиных к разработке винтовки была выявлена случайно, лишь при обнаружении иностранного патента, в то время как в официальной делопроизводственной и технической документации Арткома они не упоминаются. В связи с этим степень вовлеченности братьев в работу над ускорителями требует более глубокого изучения при наличии такой возможности. Пока не доказано обратное, мы будем считать их соавторами, или, как минимум, вдохновителями. В первой половине 1880-х годов другие подобные яркие примеры сотрудничества с результатом в виде войсковых испытаний и двумя иностранными патентами пока не были выявлены.

---

[1] Цит. по: Чумак Р. Н. 3-лн винтовка Мосина. СПб.: изд-во «Атлант», 2017. С. 380.
[2] Annual report of the commissioner of patents to congress for the year ending December 31, 1882. 1883. P. 423.
[3] Neuere Magazingewehre // Dingler's Polytechnisches Journal, Stuttgart. 1883. Band 248. S. 414.
[4] Юрлов Н. И. Обзор опытов, предшествовавших перевооружению нашей армии 3-х лин. винтовками обр. 1891 г // Оружейный сборник. 1899. № 2. I отд. С. 9.
[5] АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/6. Д. 89. Л. 29 об.
[6] Юрлов Н. И. Обзор опытов, предшествовавших перевооружению нашей армии 3-х лин. винтовками обр. 1891 г // Оружейный сборник. 1899. № 2. I отд. С. 9.
[7] АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/6. Д. 89. Л. 49.
[8] Там же. Л. 50.
[9] Там же. Л. 51.
[10] РГВИА Ф. 506. Оп. 1. Д. 489. Л. 46.
[11] АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/6. Д. 89. Л. 53–53 об.
[12] Подробнее о винтовках конструкции Ли в статье Оводкова Н. А. История магазинной винтовки в Российской империи. Российско-американское сотрудничество в разработке магазинной винтовки для русской армии (1879–1886 гг.) // Военно-исторический журнал. 2022. № 1. С. 76–85.
[13] АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/6. Д. 89. Л. 56 об.

[14] Подробнее о винтовках конструкции Лутковского в статье Оводков Н. А. Неизвестный оружейник Н. В. Лутковский: к истории разработки и испытаний переделочных винтовок системы Бердана экспериментальных моделей с ускорителями заряжания системы Н. В. Лутковского в 1880-е годы в России // Мир оружия: истории, герои, коллекции. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции 29 ноября – 1 декабря 2017 г. Тула, 2018. С. 123–133.

[15] Колесников А. П. «Патентные» учреждения в Российской империи. М.: ОАО ИНИЦ «ПАТЕНТ», 2010. С. 57.

[16] Блинников В. И., Дубровская В. В., Сергиевский В. В. Патент: от идеи до прибыли. М.: Мир, 2002. С. 22.

[17] Колесников А. П. История изобретательства и патентного дела. М., 2002. С. 29–30.

[18] Блинников В. И., Дубровская В. В., Сергиевский В. В. Патент: от идеи до прибыли. С. 22.

[19] О ружье оружейного мастера Малкова для стрельбы дробинками // Оружейный сборник. 1876. № 4. Перечень занятий. С. 49; Мясоедов И. О приборе Малкова (*) для стрельбы дробинками 4 лин. винтовкам // Оружейный сборник. 1877. № 3. Отдел I. С. 44–46.

[20] Дальномер Малкова // Оружейный сборник. 1893. № 4. Отдел III. Смесь. С. 23–27.

[21] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 132955. Л. 1–7 об.

[22] Там же. Д. 11014.

А. В. Орлов (Санкт-Петербург)

ОТ ЗАГРАНИЧНЫХ ЗАКАЗОВ К МОБИЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ГАУ И ВОЕННАЯ ИНДУСТРИЯ 1914–1915 гг.

АКТУАЛЬНОСТЬ выбранной мною темы не в том, что ею я занимаюсь уже многие годы. Можно сказать, что вопрос промышленной самостоятельности и так называемого импортозамещения не требует многих аргументов и пояснений. Требуется большее знание материала и обстановки, то есть фактов и работы для выводов и обобщения.

В результате длительной работы в названном направлении я пришел к таким заключениям:

1. Заграничные заказы носили вынужденный характер. Этой вынужденностью они были вполне обоснованы.

2. Война принимала долговременный характер, и военные и политические прогнозы по ее исходу и окончанию становились все более проблематичными.

3. Методологически нельзя отрывать «политику» Главного артиллерийского управления (ГАУ) от факторов, какие невозможно было и прогнозировать при военно-промышленном планировании, равно как и при той военно-политической ситуации, которая складывалась на фронтах войны (война или мир, наступление или оборона).

4. Обвинения к ГАУ в неподготовленности крайне тенденциозны и по существу несправедливы как в советской историографии, так и в современной, если она воспринимает такую позицию в соответствии с политическими нападками тогдашнего времени, т. е. с критикой современников.

5. Вопрос о том, почему отечественная промышленность долгое время не могла добиться крупных военных заказов, вряд ли может быть поставлен с обвинением в адрес только ГАУ и Военного

министерства. Первый ответ будет тот, что частная промышленность не была готова к получению тех заказов, какие требовались ГАУ.

6. Что касается казенной промышленности, то она была загружена полностью и даже перегружена срочными работами на оборону, и рассчитывать на нее и только на ее возможности ГАУ уже не могло.

7. Но были и другие аргументы самого основательного свойства, отклонить которые как отговорку было бы едва ли возможно:

1) сроки;

2) вопрос оборудования;

3) способность частной или казенной промышленности дать необходимое и в требуемом количестве.

8. Положение казенной промышленности, ее недостаточность в ряде важнейших отраслей оборонного производства не внушали никакого оптимизма. Даже наоборот. Темпы роста производства винтовок, пороха и дистанционных трубок заставляли испытывать тревогу и вызывали неверие в возможности казенных заводов ГАУ. Что касается частной промышленности, то в этих отраслях за немногими исключениями она совершить чудес не могла и заместить недостаток казенной индустрии в такие короткие сроки тоже была не в состоянии. Требовалось время не одного–трех месяцев, а хотя бы полугода или года–двух. В условиях войны такого времени могло и не оказаться. Приходилось не только экономить боеприпасы, но и прямо менять все военное планирование.

9. Что касается частной промышленности, то, действительно, предложений с ее стороны было немало и немало было отвергнутых со стороны ГАУ. Однако причины для этого были в большинстве случаев ясны и понятны: неготовность промышленности, долгие сроки для поставок, объемы производства, недостаточные в сравнении с потребностями армии и фронта.

10. Вопрос о тяжелой артиллерии... Как известно, в России были два мощных орудийных завода – Путиловский частный и Обуховский завод Морского ведомства. Если не считать вечно не успевающий Пермский орудийный завод Министерства торговли и промышленности (МТП). Путиловский завод был в годы войны загружен до предела и сверх всякого предела. Это хорошо известно специалистам.

11. Проблема мобилизации промышленности заключалась, по всей видимости, не в том, чтобы строить новые и новые заводы во время войны, а чтобы в первую очередь и всеми силами

наращивать, расширять и усиливать заводы существующие, давно известные и опытные в своем деле. А такие заводы были, и кадрами рабочих и специалистов располагали.

12. Несомненно, многие ошибки были допущены Военным ведомством при рассмотрении вопроса о промышленной мобилизации:

1) в деле мобилизации на фронт рабочих с заводов по нужным в тылу специальностям;

2) в вопросе оборудования частных заводов для выполнения оборонных изделий;

3) в деле реорганизации казенных заводов для достижения единой задачи – увеличения производительности как боеприпасов, так и артиллерийских орудий разной мощности. Речь шла о контроле и перераспределении задач этих заводов и подчинении их в единое управление, в руки ГАУ;

4) в пересмотре порядка финансирования оборонных заказов в смысле удлинения контрактных сроков для заказов и выдачи предприятиям ссуд и кредитов.

Отношение к частной промышленности и так называемым промышленным монополиям также требовало перемен, хотя бы на время войны, так как недоверие и преследование этих «монополий» («Продамет», «Продуголь», «Вогау», «Продвагон», «Медь»).

13. В связи с очень трудным положением на транспорте и с угольным топливом требовалась общеэкономическая межведомственная политика мер регламентации и, по сути, государственно-экономической диктатуры, на что правительство по разным соображениям не решилось и решиться в том составе не могло. Надо признать, что не существует отдельно взятой военной экономики, оторванной от общеэкономического положения страны. Тем более в условиях, по сути, тотальной войны, какой и оказалась Первая мировая.

Заграничные заказы ГАУ первой половины 1915 г. носили не только чрезвычайный характер. Эти заказы отличались большими объемами и рассчитывались таким образом, чтобы уже в первой половине1915 г. дали первые массовые результаты. Все эти заказы предоставлялись частным компаниям – преимущественно в США и Англии. Однако именно американские заводы были менее всего подготовлены к таким крупным объемам, т. к. прежде не выполняли русских заказов с их техническими и технологическими приемами и требованиями. Заказы России в Америке обходились для Военного министерства очень дорого, т. к. гарантом выполнения

русских заказов выступал монопольно банк (финансовая группа) Д. П. Моргана. Однако гарантировать срочность и качество исполнения заказов России банк в любом случае не мог. Но что означало такое финансирование американской промышленности для российского Военного министерства? Это означало, что миллионы золотых рублей вкладывались не в развитие военной индустрии России, а в заграничные заказы, которые с большой переплатой выполнялись и с браком (в деле 3-лин винтовок), а также с опозданием, которое сказывалось на готовности фронта к активным действиям и укомплектованности частей.

Вопрос об ответственности за неготовность промышленности России к войне, какой оказалась Первая мировая, не лежит только на ГАУ. Это вопрос подготовки к войне еще задолго до ее начала, по крайней мере, с 1905 года, т. е. со времени окончания войны с Японией. Ведь именно тогда стали очевидны недостатки казенной военной промышленности и стремление «казны» ограничить зависимость государства от частной индустрии в самой же России. Для таких ведомств как финансовое и Государственный контроль являлась естественной и даже необходимой борьба с монополией Общества Путиловских заводов в деле производства артиллерии и боеприпасов. Однако принятые решения оказывались более чем ограниченными как раз в отношении модернизации и переустройства заводов ГАУ и горных заводов Урала. Постоянные и очень напряженные нарекания Военного и Морского ведомств в адрес неуспеваемости Пермского орудийного завода и других заводов МТиП были ясным указанием на трудное и даже тяжелое положение казенной военной промышленности. Это обстоятельство, конечно, влияло на развитие и готовность казенной промышленности к войне. Вспомним, наконец, вопрос о модернизации Пермского завода и строительстве Царицынского орудийного завода, хотя и частного. Но само строительство Царицынского завода прямо говорило о крайней медленности и проблематичности скорого решения вопроса о казенных заводах. Поэтому был избран путь развития и частных, и казенных.

Тем не менее, военному министру В. А. Сухомлинову были предъявлены в ходе специального расследования весьма тяжелые обвинения в том, что он отвечает «за понижение боевой мощи русской армии» и в «бездействии власти»[1]. Конкретно военному министру вменялось, что «в последние перед войной годы и даже во время возникновения опасений европейской войны допустил

непринятие Главным артиллерийским управлением необходимых мер для того, чтобы обеспечить казенным пороховым заводам взрывчатых веществ переход (на случай войны) от производительности мирного времени к повышенной производительности, необходимой для удовлетворения потребностей в порохе и взрывчатых веществах во время войны», что «допустил в последние годы перед войной и даже во время возникших опасений близости европейской войны непринятие Главным артиллерийским управлением мер к усилению производительности отечественных заводов, так и готовности их к немедленной, по объявлении войны выделке ружей в исчисленном военным ведомством в 1910 году количестве 2000 винтовок в день»; что «ко времени объявления войны в 1914 году допустил, как непринятие Главным артиллерийским управлением к заготовлению всего того количества, которое по исчислению военного ведомства 1906 до 1908 года было установлено как наименьшая норма, так и непринятие сим управлением мер к обеспечению усиления во время войны отечественной производительности патронов в мере, сколько-нибудь приближающейся к потребностям войны»[2].

При всем этом в обвинении не было разъяснено, каким же образом Сухомлинов «бездействовал», т. е. чем же было продиктовано бездействие министра. Вполне резонно отвечал на эти обвинения Сухомлинов, заметив, что все эти обвинения оказывались «в прямом противоречии с положением о пределах объема власти, обязанностей военного министра и фактической возможности лично руководить, вмешиваясь в детали такого технического дела». И далее «для выполнения предуказаний Военного совета нужно было озаботиться развитием нашей частной промышленности настолько, чтобы она могла мобилизоваться одновременно с армией, и согласно требованиям Ставки...»[3]. Если отвлечься от вопроса весьма вероятной борьбы между великим князем Сергеем Михайловичем и Сухомлиновым по вопросам предвоенного артиллерийского промышленного строительства (которое касалось именно военно-технического характера в деле роста частной промышленности при содействии французских и английских фирм), то и в этом случае выясняются факты куда более принципиальной межведомственной борьбы. Речь о финансировании военных расходов. Если Сухомлинов упрекал министра финансов В. Н. Коковцова в недостатке кредитов на военные нужды, в том числе и на кредиты для заводов ГАУ, то Коковцов, в свою очередь мотивировал свой отказ

в новых кредитах тем, что Военное министерство в 1912–1913 гг. не могло освоить уже выделенных ему 250 млн руб. – «израсходовать по совершенной неготовности всей нашей организации к исполнению массовых заказов нового вооружения»[4]. С другой стороны, Коковцов и не скрывает в своих воспоминаниях, что до конца своего министерства был категорическим противником втягивания России в войну с Германией, а поэтому и препятствовал всякому увеличению военных расходов, если предлог для этого у него находился. Но вот как говорит Сухомлинов, вспоминая заседание Совета министров 17 (30) июля 1914 г.: «Приходилось считаться с закрытием границы. Между тем снаряды, патроны, ружья и прочие виды артиллерийского снабжения получались в большом количестве из-за границы. Необходимо было принять немедленные меры к изготовлению всего необходимого в своей стране. Частная же промышленность у нас для этого не была подготовлена: ограниченность кредитов военного ведомства не давала возможность прийти на помощь заводам в амортизации необходимых им для этого капиталов. Сидевший рядом со мной министр земледелия и государственных имуществ Кривошеин напомнил мне о препирательствах, которые были у нас с бывшим министром финансов в 1910 году. Коковцов заявил, что когда вспыхнет война, то для ее ведения потребуются деньги, деньги и еще раз деньги. На это я ему возражал, что деньгами стрелять в неприятеля будет нельзя и все скопленные денежные запасы заберет противник»[5].

Казалось бы, не надо долго объяснять значение финансирования, но как объяснить такие факты, которые вообще с трудом укладываются в понимание промышленной политики? В ходе судебного процесса над Сухомлиновым в 1917 г. начальник хозяйственного отдела ГАУ генерал Е. К. Смысловский давал такие показания: «...всякий отпущенный управлению кредит был действителен на определенное время. Если он за это время не был использован, он закрывался, т. е. его можно было получить только посредством нового закона. Генерал иллюстрирует все эти правила, при которых приходилось работать в ГАУ, многими примерами. Заказаны были, например, Путиловскому заводу гаубицы. За то время, в которые действовал кредит, т. е. пока он не был закрыт, завод гаубиц изготовить не мог. А когда он эти гаубицы изготовил, оказалось, что платить за них нечем, так как кредит закрыт. Путиловский же завод, не получая крупных платежей за эти гаубицы, очутился внастолько в критическом положении, что едва не был принужден закрыться.

Бюджетная комиссия Думы [Государственной Думы], в которую был внесен проект этого кредита, постановила не отпускать этого кредита до производства соответствующего контроля. Только путем обхода закона удалось уладить эту историю»[6]. Потеря времени измерялась при таком положении не днями и неделями, а месяцами! Заметим, что открытие кредитов могло последовать только при разрешении министерства финансов, и именно это министерство прямо и непосредственно влияло на промышленную политику империи, хотя всегда могло свой отказ в продлении кредита обосновать правилами действующего законодательства. Даже в условиях войны только в исключительных и весьма редких случаях эти кредитные правила нарушались. Но вовремя не оплаченный авансами заказ означал не только невозможность для завода оплачивать необходимое для него оборудование или переустройство, но и оплату труда массы рабочих. И это только одна сторона дела и последствий так называемых неплатежей. Генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего Ю. Н. Данилов показывал: «Приходилось всякий кредит проводить через множество междуведомственных совещаний, отстаивать кредит всеми возможными средствами. Мы знали, что то, что нам дают, это ничтожная доля того, что нам нужно, но даже и за это приходилось вести упорную борьбу, а затем мы приходили с урезанными в различных совещаниях кредитами в Гос. Думу, и когда там некоторые депутаты говорили нам, что мы просим слишком мало, что нам нужно гораздо больше, мы должны были защищать цифру, ничтожность которой мы сами понимали: ведь мы приходили в Думу как частица единого правительства, да и не могли высказать своих собственных суждений. Новая потребность, новый кредит и опять совещания. Это было сплошное мученичество! Как бы то ни было, работа шла, но к началу войны мы не могли довести своих запасов до нормы, выработанной на основании опыта японской войны. А мы знали, что и эти нормы уже устарели»[7].

Контр-адмирал А. Д. Бубнов, представитель Морского министерства при Ставке Верховного Главнокомандующего, отмечал: «При тех технических средствах, которыми Россия располагала, значительное увеличение производительности в короткий срок было, конечно, особенно после начала войны, совершенно невыполнимо. Для этого нужны были годы»[8]. Но для того, чтобы говорить, будто частная промышленность была «не готова», надо было бы спросить, как она могла быть готова, если ее не готовили. Очень характерными

представляются эти суждения разных лиц именно о частной промышленности, когда создавалось впечатление, что к казенной промышленности и этих требований нельзя было предъявить.

«К сожалению, – пишет генерал-квартирмейстер Штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенант А. С. Лукомский, – в мирное время ничего не было сделано для перевода при мобилизации частной промышленности на заготовки для надобностей армии. Вопрос об этом подымался несколько раз, но не получил никакого разрешения. ...С октября 1914 г., кроме указаний о недостатке снарядов, стали поступать сведения о необходимости позаботиться о дальнейшем развитии производства винтовок, ружейных патронов, телеграфного и телефонного имуществ. ...Расход ружейных патронов был не так велик в боях, как велика определилась утеря патронов солдатами в походе и в боях. Телефонное и телеграфное имущество, выдаваемое войскам, положительно горело; но и нормы телефонного имущества на каждую часть и штабы оказалось недостаточным»[9].

Еще 28 апреля 1901 г. при Государственном контроле была утверждена Комиссия для выяснения вопросов о беспрепятственном удовлетворении отечественными заводами потребностей военного и морского ведомств в артиллерийских орудиях. Мотивы этой комиссии сводились «главным образом к выяснению двух вопросов: 1) о размерах потребности военного и морского ведомств в предметах артиллерии и 2) о тех средствах, денежных и технических, какие имеются и какие необходимы для своевременного удовлетворения означенной потребности и, следовательно, о планомерном отпуске и распределении и тех и других средств для изготовления того, что требуется для обоих ведомств [военного и морского]»[10]. Но только из хода обсуждения названных вопросов выяснялось, что такие ведомства как Государственный контроль и Министерство финансов интересовали, как явных инициаторов образования Комиссии, вопросы ограничения военных расходов. Такой мотив, казалось бы, понятен, но обосновывался он, с другой стороны, и явной недостаточностью средств для казенных заводов в связи с растущими потребностями самих же оборонных ведомств. Причем речь шла о долговременном планировании на несколько лет вперед, что и влекло за собой формирование военной промышленности непосредственно к 1914 г. Это планирование должно было определить лицо и возможности военной индустрии России перед самой мировой войной.

Заседания Комиссии растянулись на период с 24 июля 1901 г. по 15 марта 1904 г. Весьма характерно, какие вопросы оказались в центре внимания обсуждений Комиссии: 1) о недостатке выделяемых финансовых средств для успешной работы казенных заводов, в частности положение Обуховского завода Морского ведомства; 2) о предельном и обыкновенном кредитовании оборонных нужд; 3) о планах заготовлений военных ведомств; 4) о целесообразности привлечения частной промышленности к оборонным работам наряду с казенными или в дополнение последних; 5) о возможностях долгосрочного планирования оборонных заказов в связи с техническими усовершенствованиями и изменениями в технологиях при перевооружении армии и флота; 6) о роли иностранных заказов. Едва ли можно сказать, что Комиссия сумела справиться с поставленными задачами. Однако приведем высказанные в ходе этих заседаний мнения.

Председатель, генерал-контролер Департамента военной и морской отчетности действительный статский советник А. В. Васильев «указал на желательность, чтобы все наши потребности в предметах вооружения удовлетворялись дома и, по возможности, казенными заводами, так как положение частных заводов не может считаться прочным: все они обустраиваются и оборудуются за счет казны и на казенные же авансы работают; при чем все затраты на оборудование включаются большею частью сполна в цену первых получаемых от казны заказов, тем самым несоразмерно увеличивая для казны стоимость необходимых для нее предметов перевооружения...»[11]. Представитель Министерства финансов коллежский асессор Ф. В. Фомин: «Надлежало бы возможно широко воспользоваться частными заводами, оставив в казенных руках только такие производства, которые по особым причинам недоступны или не могут быть переданы частной предприимчивости. Этим путем, вероятно, не только были бы достигнуты лучшие экономические результаты, и самая военная техника выиграла бы... В общем везде наибольшие заслуги в совершенствовании военной техники принадлежат не казенным, а частным заводам; у нас заметно то же явление, достаточно вспомнить заслуги Обуховского завода, пока он был частным, или Путиловский завод»[12]. Представитель военного ведомства на замечание председателя «составлены ли и утверждены ли новые планы», указанные Военным Советом: «Планы эти уже имеются. На исполнение их-то и рассчитаны выше указанные расходы в размерах до 75 млн руб. В настоящее время на каждый

год на выполнение этих планов отпускается свыше 3 млн руб.; при таких условиях планы могут быть выполнены лишь в 25 лет. Но необходимо иметь в виду, что военная техника быстро растет, и что поэтому может случиться, что типы орудий, а вместе с тем и планы заготовлений будут меняться»[13]. Представитель Морского министерства полковник В. М. Иванов заявил, что «морское ведомство планами богато, но что они осуществляются по недостатку денежных средств у Министерства Финансов»[14].

Не странно ли выглядит тот факт, что представители контролирующих ведомств (Финансов и Гос. контроля) непременно добивались от представителей оборонных ведомств ясного и окончательного заявления об их денежных потребностях на несколько лет вперед вопреки замечаниям этих ведомств, что у них различный характер деятельности, проблем и интересов. Кроме того, военные выясняли не столько бюджетные вопросы и правила, сколько характеризовали недостатки в работах ведомственных заводов, неуспеваемость и взаимное неудовлетворение совместной деятельностью. И такое положение как раз и препятствовало составлению общего планирования. Ведь речь шла не о готовых вооружениях и ценах, что так интересовало контролирующие ведомства, а о нуждах и проблемах непосредственно казенного производства и казенных производителей.

Война с Японией вызвала весьма значительные заказы ГАУ в Германии, Франции и Австро-Венгрии на 3-лин винтовочные патроны, а также 3-дм снаряды полевой артиллерии во Франции и Австро-Венгрии и на частных заводах в самой России. Это же побудило Военное министерство к составлению проекта строительства пяти новых заводов ГАУ в дополнение к существующим «под влиянием опасений за полную обеспеченность боевой готовности нашей армии в будущем», от 8 марта 1905 г.[15]. Речь шла о строительстве патронного, порохового, трубочного, капсюльного заводов и завода взрывчатых веществ. В итоге приступили к постройке Самарского (Сергиевского) завода взрывчатых веществ (вступил в строй в сентябре 1911 г., но еще дооборудовался в 1912 г.) и Самарского трубочного завода (с сентября 1911 г.). Тамбовский пороховой завод ГАУ строился уже в условиях мировой войны в 1914–1916 гг., но его оборудование было получено лишь частично.

Строительство новых казенных заводов ГАУ, однако, далеко не решало многих отраслевых вопросов артиллерийской индустрии, причем особо затратных. Как, например, строительство большого

орудийного завода для крупнокалиберной артиллерии, снарядного завода, оптического и оптико-механического, стального проката и моторостроительного. Все эти заводы, как покажет опыт мировой войны, очень понадобятся для Военного министерства и ГАУ. Что касается мощностей уже действующих казенных заводов, то все они окажутся недостаточными в тех пределах, какие были заданы не только их размерами, но и географическим расположением. Во время войны эти проблемы приобретали уже иной характер, нежели до войны или накануне нее.

Говоря о предшествующем войне периоде, можно ли назвать отправную точку, которая послужила бы началу проблемы военно-промышленной мобилизации, если исходить из возможностей военной индустрии России, если учитывать, как формировались эти возможности и чем эти возможности ограничивались в условиях мировой войны? На мой взгляд, такая отправная точка различима. Этот момент просматривается и по известным нам документам. В 1900 г. Путиловский завод получает крупнейший заказ ГАУ на перевооружение русской армии скорострельной пушкой его образца. В ближайшее же время это обстоятельство влечет за собой многолетнюю дискуссию между ведомствами о военных расходах. И в эти же годы (1900–1904) в правительстве разворачивается более широкий план обсуждений о заграничных заказах всех ведомств, включая и оборонные. В основе этого обсуждения лежит стержневой вопрос, центр заботы Министерства финансов: рост расходов, с одной стороны, и вопрос о сокращении заграничных заказов для поощрения отечественной промышленности – с другой. В числе этих обсуждений и заключаются положение казенных заводов и частных, соотношение частной и казенной промышленности и вопросы эффективности тех и других в деле самостоятельного развития отечественной индустрии под девизом «из русских материалов, русскими рабочими». При всем этом лейтмотивом этих обсуждений выносятся такие вопросы как причины неуспеваемости и убыточности работы казенных заводов, конкурентные способности частной промышленности, успехи частной крупной индустрии в странах Западной Европы, особенно в Германии. Гонка вооружений в Европе ставит перед оборонными ведомствами России не только вопрос модернизации оружия, но и требования развития отраслей промышленности в широком понимании, не ограничиваясь только оборонными делами. И в этом смысле на первый план выходила не казенная индустрия, а состояние

и перспективы именно частной промышленности в России, с учетом иностранного участия и иностранных инвестиций в развитии российской промышленности.

Зависимый характер военно-промышленного строительства в Российской империи обнаруживается в различных отраслях. Нововведения в области артиллерийских систем сопровождались переменами в технологиях, совершенствованием механического оборудования, изменениями в патентном праве и договорных гарантиях на использование изобретений. Естественно, что при тех темпах, с какими происходила модернизация производств в России и странах Западной Европы, где конкуренция задавала темпы в гонке вооружений и где торговля оружием уже стала широко коммерческим предприятием, для российских военных важно было не только следить за изменениями, но и успевать внедрять любые новинки на казенных и частных заводах в России.

Отставание в работе казенных заводов и недостаточная их мощность не были секретом для Военного министерства. Даже если не принимать во внимание крайне трудную борьбу военного ведомства за кредиты на расширение казенных заводов ГАУ и строительство новых, чему противилось Министерство финансов, бросается в глаза факт отсутствия у ГАУ даже одного полноценного завода для производства пушек. Остро нуждаясь в таком, ГАУ всецело зависело от Путиловского завода и не могло не тяготиться тем, что обязано было по закону давать заказы неуспевающему Пермскому заводу и делить заказы между Путиловским частным и Обуховским заводом Морского ведомства. Помимо этого, ГАУ не располагало ни одним снарядным заводом, что можно считать исключительно ненормальным, как и то, что Ижевский оружейный завод, изготовлявший винтовки и ружейные стволы, открыл отделение по производству 3-дм снарядов с целью регулировать цены по ним. Такое положение сохранялось и в отношении гильзового производства.

Причиной было совсем не то, что ГАУ устраивал такой порядок. Многолетняя практика ограничения средств приучила Военное министерство и ГАУ к разработке таких смет, которые закладывали не просто экономию, а именно снижение расходов, вопреки требованиям естественного роста затрат в связи с перевооружением и пересмотром норм снабжения и предметов оснащения армии. Военный министр А. Ф. Редигер вспоминал, как в 1907 г. утверждался новый боекомплект для полевой артиллерии в 1000

выстрелов на орудие: «Признаюсь, однако, что это мне в то время представлялось невероятным, и я считал большой победой, когда мне удалось добиться признания новой нормы со стороны Министерства финансов и законодательных палат, признавших ее основой для исчисления нашей потребности в орудийных патронах; я считал, что эта норма скорее велика и я, может быть, ввожу казну в лишние расходы»[16]. Если считать, что для такой страны как Россия мобилизация промышленности требовала большего времени, чем в Германии, в смысле развития мощностей производства и расширения заводостроительства и требовалась некая программа таких действий еще в довоенное время (в предвидении войны), то станет понятным, какое важное значение имели установленные нормы боезапаса. Именно от этих норм зависело и увеличение производительности заводов, которое могло быть достигнуто еще перед войной.

В марте 1914 г. Главное Управление Генерального Штаба сообщало в ГАУ о необходимости к концу апреля представить сметы на 1915 г. Эти сметы включали в себя расходы Военного министерства по составлению большой пятилетней программы усиления армии на 1915–1919 гг. Между прочим, в эту программу входили окончание работ по расширению технических артиллерийских заведений (заводов и арсеналов) ГАУ, всего 16 заведений, новый пороховой завод и новый завод взрывчатых веществ, а также новый Иркутский окружной арсенал[17]. Кроме того, в Царицыне продолжалось строительство в интересах преимущественно флота огромного частного орудийного завода фирмой «Виккерс» по соглашению с Морским и Военным ведомствами, велись переговоры по сдаче в аренду Пермского пушечного завода французской фирме «Шнейдер и Ко».

Реалии промышленной мобилизации складывались таким образом, что в правительстве и военном ведомстве главные надежды связывались по-прежнему не с новыми производителями, а с уже действующими. Путиловский завод оставался в центре внимания правительства. Его возможности и кадры давали основания к планированию в широких размерах. Неудивительно, что завод этот, будучи частным, был взят под контроль, а потом с 1916 г. и в казну. Это обстоятельство лишний раз подчеркивало недостаток именно казенной артиллерийской промышленности. Вопрос о Путиловском заводе не терял стратегического значения на протяжении всей войны. В этом вопросе выражалась проблема

концентрации и размещения важнейшей части артиллерийской индустрии империи. В этом же отношении для страны сложилось критическое положение в самом факте сверхиндустриализации Петербурга и сверхконцентрации оборонных производств в одном городе, весьма неудачно расположенном для снабжения его топливом и металлами.

Поэтому для ГАУ и Военного министерства предстояло сделать глубокие выводы из такого положения для дальнейшего строительства военной индустрии и с точки зрения создания новых центров производств в глубине империи, и для решения проблемы разгрузки Петербурга от крайне рискованной концентрации здесь многих исключительных по значению отраслей промышленности. Понятие мобилизации промышленности приобретало, таким образом, не одномоментный характер, а целенаправленный политический план. Речь шла о решении ряда вопросов, которые не ограничивались текущими нуждами фронта и армии. Речь шла о программе развития военной промышленности в перспективе, и в первую очередь – казенной индустрии. И не только на военное время, но и на послевоенный длительный период. Такую программу мы и видим в известной «программе Маниковского», возглавившего ГАУ в 1917 г.

В итоге военно-промышленная мобилизация выглядела делом частной инициативы. Эта инициатива подразумевала:

а) включение представителей частной промышленности в состав органов правительственной власти;

б) создание специальных органов или органа (новой организации), куда были бы включены представители «общественности», банков, военно-промышленных комитетов и частных промышленников.

Известно, что идея военно-промышленных комитетов возникла при большом участии членов Государственной Думы и поддержана была партийными течениями в ней. Отношение правительственной власти к ВПК уже через несколько месяцев получило предвзято отрицательный взгляд. Не касаясь вопроса о том, насколько справедлив был такой взгляд и последующее к нему отношение, скажем, что сам смысл промышленной мобилизации на войну оказался до известной степени дискредитирован именно со стороны верховной власти.

Ни состав ВПК, ни характер его деятельности и специализаций не могли удовлетворить тем потребностям ГАУ, которые ставились

на первый план: решение проблемы боеприпасов, производство тяжелой артиллерии и механизация фронта.

С другой стороны, 1916 г. еще раз продемонстрировал, что война на истощение не завершится в ближайшее время. Надежды на то, что Германия и ее союзники не смогут продолжать войну, снова не оправдались. Это означало, что лозунг военно-промышленной мобилизации не потерял и не потеряет своего значения на перспективу, с какой война продолжается. Для России 1916 год уже имел переломное значение. Вторая половина этого года характеризовалась ростом напряженности в обществе и среди населения, на что были как раз экономические причины.

Зима 1916–1917 гг. может оцениваться как время нового кризиса или новой фазы кризиса внутри России. Перелома на фронте не произошло, военные успехи России в связи с Брусиловским прорывом не стоит преувеличивать: германо-австрийский фронт сохранился и предстояла кампания лета 1917 г., для которой России нужны были средства прорыва, т. е. тяжелая полевая артиллерия. Наконец-то была создана специальная структура ТАОН, подразумевавшая и фронтовую организацию. Однако для такой борьбы предстояло новое расширение орудийной промышленности в России или массовые заказы гаубичной артиллерии за границей. Кроме того, для потребностей армии и фронта значительно недоставало механизации и средств воздушной разведки. Для ГАУ нерешенной проблемой оставался вопрос о массовом производстве боеприпасов для тяжелой артиллерии. Требовался специальный завод для решения этой задачи. Для огневой мощи в сравнении с противником требовалось большое количество пулеметов, потребность в которых превосходила наличность и производство одного Тульского казенного завода. Частных пулеметных заводов в России так и не появилось. Исходя из сказанного, нетрудно понять, что до самого выхода России из войны значение заграничных поставок оставалось для страны очень важным, а в некоторых случаях и решающим.

Дело заграничных заказов в обстановке мировой войны сложилось особенно неблагоприятно именно для России. Вот что пишет об этом генерал В. И. Гурко: «...Было установлено, что казенные военные заводы не в состоянии произвести оружие, необходимое для покрытия громадных потерь. Только тогда Военное министерство в большой спешке взялось за поиски возможности для размещения военных заказов за границей. Предложения имелись в изобилии, в особенности – из Америки. Условия большинства американских

предложений включали требования отсрочки поставок, которая была необходима для подготовки к началу производства enmasse.

Вследствие этого Военное министерство не имело возможности определить, какая часть от любого размещения заказа будет выполнена к оговоренному времени; к тому же сроки поставок оказывались из-за упомянутого условия очень продолжительными. В результате получалось, что большинство заводов, получивших заказы, наверняка не смогут своевременно их выполнить. Поэтому возникло подозрение, что предприятия сознательно принимали заказы, выполнять которые вовсе не собирались, имея руководство, уже подкупленное германцами или просто настроенное прогермански. Ни одно из подобных обвинений не подкреплялось достаточными доказательствами, однако упомянутые заказы в срок выполнены не были, и поставки по ним не завершены и поныне [март 1918 г.]»[18].

Генерал В. С. Михайлов в октябре 1921 г. на первом съезде инженеров, говоря об организации военной промышленности в дореволюционной России, дал такую оценку ее положения: «Предметы артиллерийского вооружения заготовлялись Главным артиллерийским управлением на заводах казенных и частных... Казенные артиллерийские заводы составляли мощную группу заводов, к 1914 году общим числом больше 20... Но ни плана, ни организационной идеи в построении этой группы артиллерийских заводов не было... А между тем такой план напрашивался сам собой... Словом, он мог бы быть базой мобилизации промышленности. Ничего подобного не было. Не было даже единства в управлении заводами, и оно дробилось и переплеталось в частях ГАУ»[19].

Вопрос о милитаризации промышленности должен был повлиять и на ход военно-промышленной мобилизации в России. Вопрос о милитаризации (август 1915 – май 1916 гг.) встретил такие разногласия в правительстве и Государственной Думе, которые правящие верхи так и не смогли преодолеть. «Двухгодичное бесплодное топтание на месте правительства и буржуазии при решении коренного вопроса ведения войны является наиболее яркой иллюстрацией бессилия и распада государственной власти», – писал академик А. Л. Сидоров[20]. Любопытное признание со стороны, казалось бы, весьма далекого от военного дела государственного лица. Председатель Совета министров И. Л. Горемыкин на заседании правительства 26 августа 1915 г. заметил на слова военного министра А. А. Поливанова, что «политика не дело военного министра»: «Политика от военного дела неотделима»[21].

Из отрывочных записей заседаний видно, с каким напряжением работал кабинет министров. Запись от 21 августа 1915 г. «Вопрос о заказе в Америке 12 млн орудийных патронов (400.000.000 руб. валюты). Размещен при непосредственном содействии лорда Китченера. Начало поставки 1 ноября 1915 г. (ноябрь 90.000, декабрь 580.000 штук... конец на 1 ноября 1916 г.). Если ранее срока, то 3 доллара премии за штуку»[22]. Запись 2 октября 1915 г.: «Основная ошибка: наивное убеждение, что война скоро кончится. Отсюда разные меры оказались несоответствующими. Рассчитывали на несколько месяцев, а потому все шли за границу с заказами. Надо было все сделать для поднятия нашей промышленности. Когда взялись осенью этою за снаряды, то оказалось, что при должной поддержке наши заводы справились без заграницы и снаряды сейчас имеем. Потеряли 8.000 верст железных дорог»[23]. Монополия банкирской группы Моргана крайне тяготила работу Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части (ОРКАЧ) при заказах пороха и винтовок в Америке, но Министерство финансов во главе П. Л. Барком наоборот, связывало расчеты на получение американских займов с такой монопольной практикой. Неравноправие российской стороны еще более подчеркивалось англо-русским финансовым соглашением от 17 сентября 1915 г., по которому англичане не только получали контроль над использованием английского займа для России, но и ставили предел размерам валюты в фунтах стерлингов, какую могли получать все заказывающие российские ведомства по заграничным поставкам[24]. Средства от этих займов шли именно на закупку вооружения, станков и медикаментов, остро недостающих для фронта в России.

История с секвестром Путиловского завода в казну осенью 1915 г. лишний раз подчеркнула, что в условиях угрозы радикального, по сути революционного движения в рабочей среде для правительства оказалось неприемлемо положение крупнейшего артиллерийского производителя в статусе частного[25]. Последствием чего стали, во-первых, ревизия финансового положения завода, назначение в его состав правительственного правления вместо частного, во-вторых, перераспределение выполнения некоторых прежде полученных Обществом артиллерийских заказов. Эти действия подтвердили тенденцию к военно-экономической диктатуре государства на период войны и военного времени.

В качестве примера военно-промышленной мобилизации и мобилизации «с нуля» приводят пример Организации генерала

С. Н. Ванкова. Такой пример, однако, требует оговорки. Почему ГАУ и Артком так сдержанно относились к развитию деятельности этой Организации в России? Ведь эта Организация вызвала к развитию снарядного дела десятки новых заводов, прежде ничего общего не имевших с производством боеприпасов. Два обстоятельства вызывали в ГАУ большие сомнения и даже оппозицию этому делу. Во-первых, сам способ изготовления снарядов французского образца. Во-вторых, то, что такая организация нового производства потребовала получения в ее распоряжение массы заводского оборудования – металлообрабатывающих станков и инструмента, которые категорически нужны были как казенным заводам, так и частной промышленности. Организация Ванкова привлекала к выполнению заказов множество разбросанных на больших расстояниях сравнительно мелких и малых заводов, вплоть до мастерских. Эта децентрализованная и распыленная, никак не собранная в единую мощность промышленность была не только затратна, но и отвлекала массу ресурсов на ее обслуживание (перевозки металлов, топлива, распределение приемок, рабочего состава). Для ГАУ такой путь был не только неэффективен, но и просто разорителен: ведь строительство или расширение заводов нацеливали именно на централизацию и укрупнение производства, особенно такого как снарядное. Кроме того, Организация Ванкова не могла решить проблемы производства тяжелых снарядов, в которых так росла потребность уже в 1915 г., не говоря о дальнейшем. Для такого производства нужны были другие заводские мощности и наличие крупных и немногих производителей, а не множества малых и разбросанных на большие расстояния. Не стоит забывать, что в производстве и во всех планах Военного министерства не последним, а едва ли не определяющим фактором была цена изделий. И в этом смысле оборонные ведомства попадали в зависимость от контролирующих ведомств, Министерства финансов и Гос. контроля.

Ненормальность такого явления как разноподчиненность военных казенных заводов и перегруженность их работами не была устранена и во время войны. Пермский пушечный завод оставался в ведении Министерства торговли и промышленности (МТиП), ГАУ вынуждено было обращаться за орудийными заказами к Обуховскому заводу Морского министерства, не имея достаточно сильного завода собственного. В свою очередь, Морское министерство не имело своего порохового завода и зависело от частного

Шлиссельбургского и Охтенского завода ГАУ. Снарядные заводы Горного Департамента (МТиП) не могли составить надежную базу для Военного министерства, так как требовали значительного переустройства, капиталовложений и прямого подчинения военному ведомству. Огромные потери времени и энергии уходили на межведомственную переписку, согласования, совещания и выяснения, что в условиях военного времени становилось особенно обременительным. Межведомственные противоречия возникали из различия их интересов и двойственности положения казенных производителей. Для ГАУ и Министерства финансов принципиальными были вопросы ценообразования, экономии казенных средств, и эти самодовлеющие понятия как будто игнорировали общую убыточность дела: экономия была важнее самого положения казенного производства. В переписке ведомств такое течение дел отражалось десятками случаев и разбирательств. Напоминать об этом приходится хотя бы потому, что мобилизация казенной промышленности в условиях такой внутриведомственной войны не могла быть вполне успешной. Напрашивались более гибкие и жесткие формы управления и организации, хотя бы на время переживаемого момента. В довоенное время межведомственная борьба велась по бюджетным вопросам, и этими вопросами ограничивалась. Каждое ведомство в этих столкновениях отстаивало свои компетенции и понимаемые им узкие интересы.

Ведомственная борьба между Военным и Морским министерствами продолжалась и в годы войны. Флот не играл тогда второстепенного значения, несмотря на его относительную пассивность. Поскольку Россия не пересматривала своих судостроительных программ, принятых в предвоенный период, требования флота не только не уменьшались, но и росли. Это касалось прежде всего артиллерийско-минного вооружения и достройки уже заложенных кораблей. Морскому министерству не хватало собственной пороховой базы производства, металлов и угля в условиях фактической полублокады России, поскольку до войны заводы Адмиралтейства работали на привозном угле (английском), а металлы становились дефицитны в России в связи с потребностями заводов, работающих по заказам Военного министерства. Кроме того, заводы Балтийский, Адмиралтейский и Охтенский судостроительные переключали часть своего производства на обслуживание заказов ГАУ, специально оборудуясь для этих целей. Вместо развития морского артиллерийского производства

приходилось усилия перенацеливать на оборудование береговой обороны и подступов к Петербургу с моря. Строительство Царицынского частного орудийного завода фактически было законсервировано из-за полностью импортного оборудования, которое в новых условиях невозможно было доставить в Россию из-за блокады проливов[26].

Может ли быть парадоксом то, что и военный министр, и морской министр, будучи высшими представителями государства, не были, тем не менее, «поклонниками» казенного хозяйства? Что и Сухомлинов, и Григорович далеко не во всех случаях готовы были отстаивать так называемый «казенный интерес», «интересы казны»? Вопрос заключался для них не только в ассигнованиях, но в самом состоянии и характере казенного хозяйства, в методах его ведения. И тот, и другой понимали необходимость и неизбежность роста частной промышленности в оборонном деле при сравнении казенных и частных способов ведения производства. К таким выводам они приходили, глядя на военную промышленность в Германии, во Франции и в Англии.

Заключение. В истории военной промышленности России, и артиллерийской в частности, периода Первой мировой войны остается достаточно много невыясненных и недооцененных вопросов для изучения. Мне хотелось бы подчеркнуть, что именно вопросов промышленности, а не развития артиллерии. У нас очень часто путают эти два понятия: артиллерия и артиллерийская промышленность.

Понимание истории военной промышленности России неразрывно с пониманием истории экономики страны в целом. Узкий же взгляд, только в пределах промышленности оборонной (или в пределах одного предприятия) и тем более одной казенной, не даст нам такого понимания и дать не может.

Мы все еще много пишем о развитии артиллерии, о ее характеристиках, применении и значении в бою, но по-прежнему более чем скромно – об артиллерийской индустрии и ее собственной истории, об истории заводского труда металлургов, химиков, машиностроителей и металлообрабатывающих отраслей.

Случайно ли, что вопрос о военно-промышленной мобилизации не нашел ясного выражения и анализа в воспоминаниях ответственных лиц, причастных к деятельности ГАУ? Почему в работах А. А. Маниковского и Е. З. Барсукова анализируется только казенная промышленность, а частная лишь затрагивается? Почему в работах советских историков эта проблема ставится, но опять же

ограниченно, с точки зрения статистики и констатации, без попыток отдельного рассмотрения положения и проблем частной промышленности, а не только ее возможностей для обороны?

В условиях тогдашней России особое значение имела промышленная политика государства, с учетом долговременного ее развития еще в предвоенные годы. Заграничные заказы вооружений производились и до 1914 г. не как исключение. Они составляли частую практику ведомств – и Военного, и Морского. Относительно так называемого «золотого тельца», ради которого заграничная промышленность работала по этим заказам для России, можно только напомнить, что без этой прибыли фирмы Америки, Англии, Франции и Германии работать бы не стали. Но у российских ведомств не было выхода, за неимением производств в самой России. А время требовало получить необходимое, хотя бы и ценой огромной переплаты.

Своеобразная идеология, которая формировалась в правящих кругах дворянской еще России, заключалась в часто повторяемом тезисе, что Россия суть крестьянская страна и ее промышленность не может равняться с уровнем «передовых», «первоклассных» промышленных держав, таких как Германия, Англия и Франция, такой как Северная Америка (США). На этом же основании строились и заключения о промышленных возможностях и промышленной политике империи. Зависимый характер экономического развития России, и в частности зависимость России от иностранных капиталов и займов, вполне подтверждала правильность того вывода, что Россия не может иметь самостоятельного развития частной индустрии в деле обороны. И, кроме того, казна должна сохранять монополию на целый ряд отраслей оборонных производств, не ставя себя и безопасность государства в зависимость от «частных интересов» и «случайностей». Наконец, из этих взглядов делался общий вывод о якобы полной противоположности как положения, так и интересов казенной и частной индустрии.

Отказ правительства провести милитаризацию промышленности в августе 1915 г. предопределил дальнейшее развитие промышленной мобилизации в стране. Государственная Дума и беспартийные общественные круги усиливали критику правительства за его некомпетентность и авторитарность. По сути, кризис вооружений и снарядный голод перерастали в чисто политический кризис в России, но мотивирован он был национальной катастрофой и переживанием военного поражения империи.

Мобилизация гражданской промышленности на оборонные нужды проходила в России крайне разновременно. При этом военно-промышленная мобилизация основывалась до февраля 1915 г. на расчетах и планах в первую очередь казенной промышленности и с учетом ее мощностей. Помимо наращивания уже давно существующих производств, теперь, в условиях промышленной и торговой блокады, России приходилось размещать значительные заграничные заказы на вооружения, да еще главным образом за океаном, в Америке, где Россия не имела ни знания рынка, ни налаженных связей с поставщиками, ни компетентного и авторитетного представительства. Чем дольше длилась война, тем сильнее приходилось считаться с такими факторами как:

1) необходимость внутреннего роста производства и контроля над этим производством мерами планирования;

2) дороговизной сырья и материалов, оборудования для заводов, выполняющих оборонные заказы;

3) неизбежность новых заграничных заказов в виду слабости ряда производств, неуспеваемости заводов и перегруженности их заданиями;

4) обследование частной промышленности в России для привлечения ее к оборонным заказам и мобилизации оборудования частных производителей для исполнения работ на оборону.

Последнее направление деятельности ГАУ оказалось особо трудным в связи с тем, что одновременно ГАУ стремилось усилить казенные заводы оборудованием именно с частных заводов, реквизируя его в ущерб частным производителям. При этом у представителей самой частной промышленности не было какого-либо «покровителя» и представительства для защиты интересов и положения частных производителей перед «лицом казны». Это «лицо» и представляло, и выражало собой прежде всего ГАУ.

Другим вопросом мобилизации явилось полное отсутствие для частной промышленности информации о планировании военного производства или недостаточности тех или иных предметов вооружений. При всей секретности такого рода информации частная промышленность была совершенно лишена своего представительства перед Военным министерством и правительством, чтобы быть в курсе текущих проблем оборонного производства и направлений неотложных работ. Практика ГАУ, как и полномочия Управления, не предусматривала совещаний с представителями частной промышленности. Между тем, потребность

в составлении определенного плана и перечня нужд и заказов артиллерийского дела подводила к необходимости широкого обсуждения вопроса, от возможностей того или иного производства, кооперации заводов до вопросов цен и объемов заказов, сроков исполнения их и чисто технических вопросов исполнения.

Образованные на местах так называемые заводские районные совещания появились только с осени 1915 г., после лозунга о мобилизации промышленности. Как же правительство отнеслось к лозунгу военно-промышленной мобилизации? С одной стороны, оно приветствовало этот призыв и обещало ему поддержку и содействие. Однако ни в ГАУ, ни в других оборонных ведомствах не наблюдалось никакого энтузиазма по поводу появления ВПК. И на это были с их стороны веские доводы. Какие же?

В каждой отрасли военного применения мобилизация проходила по-своему. Допустим, глубоко и критически отставала промышленность пороховая и взрывчатых веществ. Дать достаточную производительность заводы ГАУ (Охтенский, Шостенский и Казанский), даже вместе с частным Шлиссельбургским, не могли никакими мерами. Для этого требовалось время фактически мирных условий. Поэтому заграничные заказы были единственно возможным и необходимым решением проблемы. Эти заказы размещались в Америке и были очень дорогими, затратными. Однако несомненно, что поставки пороха и взрывчатых веществ из США сыграли в 1915 г. немалую роль в обеспечении российских боеприпасов.

Между тем, прежде многих обвинений или резонных суждений об ошибках ГАУ и Военного министерства необходимо помнить, что программа расширения военной казенной индустрии была сформулирована как раз за 10 лет да провального 1915 г. Кроме того, ГАУ надеялось приобрести Пермский пушечный завод от Горного ведомства, перенести на новое место Сестрорецкий оружейный завод, предварительно закрыв его. Из этих фактов мы можем увидеть, что отраслями, которые считались проблемными для ГАУ, были: производство взрывчатых веществ, трубочное, патронное, орудийное. При всем этом планирование производства касалось не запасов вооружений, а пополнения норм мирного времени. Эти нормы не рассчитывались на долговременную войну, а на случай военных действий составлялись из расчета 1/3 боевого комплекта мирного времени. Доля вооружений, оставляемая для частной промышленности, касалась прежде всего снарядов и гильз (Путиловский, Брянский,

РОИС, СПб. Металлический, Барановского, Сормовский, Лильпоп, Рау и Левенштейн, Николаевский, Рудзкого) для полевой легкой артиллерии и пушек и гаубиц всех калибров, производимых почти на одном только Путиловском заводе.

Потребности России в вооружениях с течением войны не уменьшались, и это осложняло задачи промышленности. Ведь производство преимущественно легких снарядов, какими были 3-дм, велось в диспропорции с потребностями в тяжелых снарядах: 42-лин, 48-лин, 6-дм гаубичных. В ГАУ даже распространялось едва ли верное мнение, что производство полевой легкой артиллерии происходило за счет недопроизводства тяжелой, что не требовало слишком больших доказательств. Речь шла о кризисном недостатке оборудования для орудийных заводов для производства тяжелых орудий и боеприпасов к ним. Этот вопрос считался стратегически важным уже с весны 1916 г.

Проблема оборудования для мобилизованной промышленности – это и была часть вопроса о заграничной зависимости и заграничных заказах, которые не являлись заказами готовых вооружений. Глубоко справедливо замечено генералом В. И. Гурко: «...Военное министерство озаботилось максимально возможным увеличением производительности казенных заводов, но на этом пути препятствием становилась нехватка соответствующих станков и малые мощности имевшихся в стране предприятий, способных такое оборудование выпускать»[27]. Станкостроение являлось едва ли не слабейшим местом российской промышленности. Требовались весьма разнообразные станки – от сверлильных до станков-автоматов, долбежных и фрезерных. Большая нехватка была также прессового оборудования для штамповки снарядов. Заводы испытывали острый дефицит в лекалах, сверлах и метчиках, в инструментальной стали и специальных сплавах (ферросплавах).

Еще один вопрос – чрезвычайной важности, на мой взгляд, – это вопрос о так называемой духовной мобилизации, то есть о мобилизации собственно широких народных масс для ведения войны, какой явилась Первая мировая и которая называлась Второй Отечественной войной России. Что такое духовная мобилизация, и какая связь между мобилизацией материальной и духовной? Можно определить эту связь в таких проявлениях:

1) сознательное отношение рабочих и крестьянских масс к войне с точки зрения разъяснительной пропаганды целей и значения войны для России;

2) обязательное проведение реформ, особенно в области рабочего законодательства;

3) вмешательство государства в отношения труда и капитала для устранения конфликтов на почве классовой борьбы.

Объективно такая политика должна была неизбежно подвести империю к установлению военной диктатуры в стране и подавлению антиправительственных выступлений. Это значит – и к подавлению революционных выступлений.

Недооценка такого фактора мобилизации как политика властей в отношении рабочего движения и так называемой революционной опасности искажает всю историческую картину и влияет на наши заключения. Вопрос в этой сфере далеко не ограничивается политикой Военного ведомства в отношении мобилизации рабочих на фронт. Кстати, эта мобилизация вызывала множество жалоб и даже протестов со стороны администраций заводов, в особенности тех, которые и работали преимущественно в интересах обороны. Речь шла не о массе рабочих вообще, а о больших потерях заводами необходимых и особо ценных специалистов, без которых заводоуправления не могли гарантировать своевременного исполнения срочных оборонных заказов. Однако ни жалобы, ни протесты не вели к тому, чтобы уже призванных рабочих вернуть с фронта, не говоря уже о том, чтобы вернуть их на прежние предприятия.

Относительно военно-промышленной мобилизации в России мы можем отметить три ее этапа, каждый из которых заслуживает отдельного внимания для оценки.

Первый этап – усиление производства и расширение казенных заводов ГАУ и заводов Морского и Горного ведомств (переоборудование или дооборудование последних для полученных нарядов ГАУ в условиях начавшейся войны).

Второй – расширение производства частных заводов по уже выполняемым ими заказам ГАУ на момент начала войны (сентябрь–декабрь 1914 г. и начало 1915 г.) и ближайшее их усиление в связи с вновь полученными новыми заказами. Расширение и дополнительное оборудование частных предприятий.

Третий – начало военно-промышленной мобилизации или мобилизации гражданской промышленности в оборонных целях после мая 1915 г. в связи с лозунгом «мобилизации промышленности», выдвинутым IX съездом представителей промышленности и торговли. Образование военно-промышленных комитетов (ВПК) по всей империи.

Отметим, что военно-промышленная мобилизация была не объявлена правительством, а провозглашена московским купечеством. Эта мобилизация не была инициирована промышленными кругами Петрограда, от которых и следовало бы ожидать таковую более, чем от москвичей. И в Петрограде, и в Москве уже действовали местные и достаточно представительные организации промышленников – Петроградское общество заводчиков и фабрикантов (ПОЗиФ) и Московское общество заводчиков и фабрикантов (МОЗиФ). Положение этих обществ было неодинаково. Петроградские предприятия, можно сказать, были уже поголовно мобилизованы в том смысле, что имели оборонные заказы на год вперед. Московские же металлопрокатные заводы не были приспособлены к требованиям снарядного производства, однако в Москве располагалось немало предприятий механического производства в виде мастерских и отделений при текстильных мануфактурах для обслуживания и ремонта механического оборудования ткацких фабрик. Только с июня 1915 г. эти предприятия стали оборудоваться для выполнения совершенно незнакомых им ранее работ. Вопреки этим примерам, выделялись знаменитые предприятия Второва, занятые снаряжением боеприпасов, практически монопольно для всего центрально-промышленного района, которые обслуживали снарядную продукцию заводов юга России. Но и Москва с центральным районом не представляла собой достаточного дополнения Петроградскому промышленному региону. Заметную долю снарядного производства приняли на себя металлургические заводы Юга России. Интересно, что, несмотря на громкую кампанию промышленной мобилизации, гораздо скромнее и малозаметно она разворачивалась на многочисленных заводах Урала. Наиболее перспективный в экономическом и стратегическом отношениях старейший промышленный район империи оставался и самым проблемным для развития. Война не внесла больших перемен в довоенное положение Уральского региона.

Период с сентября 1914 по май 1915 гг. можно отнести к первому этапу военно-промышленной мобилизации. Именно в это время все заводы, имевшие специализацию в оборонных отраслях, получали усиленные заказы и наряды, перестраивались и расширялись в той или иной степени. Частной промышленности это касалось в еще большем масштабе, чем заводов казенных. Металлообработке, как самой затратной и технологически сложной отрасли частной промышленности, досталась значительная доля заказов. Заводам

Петрограда здесь принадлежали ведущие позиции – прежде всего Обществу Путиловских заводов (ОПЗ).

Важность крупных производителей снарядов можно установить на таких сравнениях. Северный промышленный район (22 завода, из которых 5 казенных, остальные частные) дал в общем 48.696.186 снарядов за все время войны. Из них 12.354.413 штук приходится на один только Путиловский завод, а вместе с Путиловской группой заводов – 15.119.147 снарядов, в то время как 5 казенных заводов (Обуховский, Адмиралтейский, Балтийский, Ижорский и Олонецкий) – 7.818.465 снарядов. Следующим за Путиловским по величине в этом районе – завод Русского Общества изготовления снарядов и военных припасов, давший 6.788.642 снаряда, и завод Лесснера, давший 5.199.621 снаряд. Для сравнения: все уральские казенные заводы, для которых снарядная специализация являлась ведущей, дали 16.787.172 снаряда[28]. Самые сильные и специальные заводы на протяжении первого года войны монопольно действовали именно в Петрограде: Путиловский, Русский завод по изготовлению снарядов и военных припасов, СПб. Металлический, Петроградский металлический и литейный, завод Барановского, завод Лесснера и несколько вновь организованных предприятий: Невский судостроительный, Франко-Русский, Северное техническое товарищество, «Феникс»[29].

Несмотря на выдающийся и даже революционный рост химической индустрии в России в 1915–1917 гг., заграничные заказы пороха и взрывчатых веществ сыграли огромную роль в обеспечении фронта. Особенно в критические 1915 г. и первую половину 1916 г. В частности, вопрос о пороховом производстве осложнялся проблемой оборудования, которое в России получить было невозможно, и сложностью доставки его из-за границы в годы войны. Сказать, однако, что химическая отрасль в производстве толуола, бензола и других взрывчатых веществ была «мобилизована», было бы едва ли верным, так как эти отрасли, до того почти отсутствовавшие, фактически благодаря войне и утвердились в России.

Столь очевидно крупные заказы за границей, какие Россия совершила за границей в годы мировой войны (например, винтовок, пороха, снарядов и взрывателей и множества других предметов и полуфабрикатов, а также станков и заводского оборудования), были не просто свидетельством отсталости или «слабости» промышленных возможностей. Массовые заказы требовались для полноценной наступательной войны, к которой Россия

готовилась, преследуя и обязательства перед союзниками по Антанте. Неготовность казенной и частной военной промышленности России к требованиям такой войны не была чем-то из ряда вон выходящим. Проблема была, на наш взгляд, в другом. Оборонная индустрия империи не могла в относительно сжатые сроки добиться необходимого на базе имеющихся резервов и ресурсов. Иначе говоря, автономность этой индустрии в России была слишком ограничена, чтобы, опираясь на нее, вести полноценную войну такой длительности. В этом и заключались несостоятельность возможностей России и главная причина слабости Русского фронта войны, технической пассивности этого огромного фронта.

Какой же эффект имели заграничные заказы в интересах войны для России? Можно, не сомневаясь, сказать, что за исключением заказов из Японии и пороха из США, большая часть этих поставок была сильно просрочена, и в 1915 г., в самое критическое для Русского фронта время, не сыграла заметного, а тем более решительного значения. Доставка в Россию, как и собственно выполнение в контрактные сроки заказов на винтовки, взрыватели и готовые боекомплекты (3-дм шрапнельные и фугасные снаряды), происходили с большим нарушением договорных сроков и фактически перечеркивали первоначальные расчеты ГАУ и Военного министерства. Повлияла ли такая успеваемость на дальнейшую практику заграничных заказов и ожидание эффекта от этих поставок? Можно сказать, что да, повлияла. Массовые заказы, по сравнению с заказами 1915 г., уже с прежним размахом не производились. Исключение составляли разве заказы тяжелой (гаубичной) артиллерии, а также автомобилей и авиамоторов. Но и в этих вопросах правительство приняло решение о строительстве казенных военных заводов и поощрения частного заводостроительства в самолетостроении.

Несомненно, что заграничные заказы обходилось для России в годы войны и по ценам военного времени баснословно дорого, представляя собой действительно настоящую дань с оплатой золотом. Эти деньги могли бы существенно изменить облик промышленности самой России. Но несомненно и другое. Военно-промышленная мобилизация в России могла опираться с успехом только на продуманную за несколько лет перед войной систему военной индустрии, где не только казенные, но и частные заводы были бы вызваны к действию путем развития их оборонной специализации. Для России таким примером, при всех оговорках и различиях, была Германия, государство, которое и рассматри-

валось как самый вероятный военный противник России задолго до начала Первой мировой войны.

ГАУ сознавало все трудности и слабые места работы артиллерийской промышленности России. Было бы крайне несправедливо упрекать артиллерийское ведомство в том, что оно было преступно и безответственно в его усилиях и решениях. Кампания травли работников ГАУ со стороны думских партийных деятелей и части так называемого общественного мнения носила явно политический характер и цели, далекие от выяснения дела. Нет оснований утверждать, что в ГАУ не сознавали значения частной промышленности в обороне империи. И в то же время условия, в которых приходилось работать ГАУ во время войны, были исключительно трудными и неблагоприятными.

Наряду с ведущими державами Европы Россия готовилась к мировой войне задолго до ее начала. Однако времени для такой подготовки России было явно недостаточно. Но куда важнее было то, что в России, независимо от срочности, совершенно отсутствовала продуманная политика в области организации и развития военной промышленности – как казенной, так и, в особенности, частной, если учитывать, что Российская империя являлась в этой гонке предвоенных вооружений слабейшим звеном и наиболее зависимым от импорта именно в деле роста крупной промышленности. В частности, в отрасли заводского станкостроения и оборудования, а также в тяжелом машиностроении, химии, приборостроении и еще многих отнюдь не второстепенных отраслях металлостроения и металлообработки.

---

[1] Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2005. С. 390.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Коковцев В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М.: Наука, 1992. С. 348–350, 100–101.
[5] Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мемуары. С. 292–293, 234–235.
[6] Русская воля. 1917. № 194. 17 августа. С. 5.
[7] Там же. № 192. 15 августа. С. 7.
[8] Бубнов А. Д. В Ставке Верховного Главнокомандующего. М.: Вече, 2014. С. 67.
[9] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М.: Айрис Пресс, 2012. С. 272–274.
[10] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Ф. 8/9. Д. 232. Л. 1об.
[11] Там же. Л. 5 – 5 об.
[12] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Ф. 8/9. Д. 232. Л. 4 об. – 5.

[13] Там же. Л. 3 об. – 4.
[14] Там же. Л. 2.
[15] Военная промышленность России в начале XX века. 1900–1917. Сборник документов. М.: Новый хронограф, 2004. Т. 1. С. 179–184, 193–194, 209–217, 232–245, 267–268, 426, 492.
[16] Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М.: Канон пресс-Ц, 1999. Т. 2. С. 202.
[17] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 5/2. Д. 1520. Л. 21–21 об., 18–18 об.
[18] Гурко В. И. Война и революция в России. Записки командующего Западным фронтом 1914–1917. М.: Центрполиграф, 2007. С. 131.
[19] Генерал В. С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии. Очерки истории военной промышленности. М.: РОССПЭН, 2007. С. 35–36.
[20] Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1973. С. 166–172.
[21] Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин. 1999. С. 250.
[22] Там же. С. 237.
[23] Там же. С. 283.
[24] Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы первой мировой войны. СПб.: РХГА, 2017. С. 207–208.
[25] Родзянко М. В. Крушение империи. Харьков: Интербук. 1990. С. 133–134.
[26] Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб.: Дева, 1993. С. 144, 159, 161, 164.
[27] Гурко В. И. Война и революция в России. Записки командующего Западным фронтом 1914–1917. М.: Центрполиграф, 2007. С. 131–132.
[28] Барсуков Е. З. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. Приложения. М.: 1928. Таблица № 85. С. 18–19.
[29] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 12. Оп. 47/1. Д. 8/1. Т. 1. Л. 13, 24, 27, 470, 295, 341, 352. Д. 8/2. Том 2-й. Лл. 9, 63, 65, 75, 100, 193, 445, 450, 463, 472; Ф. 6. Оп. 70. Д. 26. Л. 1, 99.

В. В. Оточкин, В. Л. Пашута, А. А. Поярков, С. В. Лопатин (Санкт-Петербург)

ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОТОГРАФИЯХ, АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ И ЭКСПОНАТАХ ВИМАИВиВС

ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ физической культуры – одна из старейших образовательных организаций Министерства обороны РФ и единственная, которая готовит специалистов в сфере физической подготовки, физической культуры и спорта для Вооруженных Сил, правоохранительных органов и других силовых структур.

История института связана с развитием и становлением физической подготовки, физической культуры и спорта в русской армии и в военно-учебных заведениях. Авторами статьи в рамках научно-исследовательской работы была предпринята попытка анализа системы физической подготовки, физической культуры и спорта в Вооруженных Силах в различные периоды их существования. Военно-физкультурное образование ведет свой отсчет от 1816 г. с введения института мониторов – помощников руководителей занятий по фехтованию и гимнастике. Потребность в подготовке специалистов по физической подготовке и спорту для войск и флота реализовывалась не только в военных учебных заведениях. Если говорить о физической подготовке, то подобные учебные заведения уже существовали. Учителей гимнастики и фехтования из низших чинов, начиная с 1850-х годов, для пехоты и артиллерии готовили «Учебный фехтовально-гимнастический кадр» (Учебный пехотный батальон) и для флота – Военно-морское гимнастическое заведение со сроком обучения до 1 года.

При наличии военных академий, кадетских корпусов центрами переподготовки военных кадров для войск становились

офицерские школы. В период, предшествовавший реформам Д. А. Милютина, и до Первой мировой войны в русской армии действовали офицерские школы: артиллерийская (с 1882 г.), стрелковая (с 1882 г.), кавалерийская (с 1892 г.), электротехническая (с 1894 г.), воздухоплавательная (с 1910 г.), главная гимнастическо-фехтовальная офицерская школа (с 1909 г.). Как учебные заведения, они осуществляли переподготовку или повышение квалификации офицеров по тем или иным военным специальностям. Но не было должной теоретической, методической и практической подготовки у офицеров-преподавателей, формальным был отбор офицеров для обучения, отсутствовали программы и единые методы обучения. Все это снижало эффективность обучения и качество профессиональной подготовки офицеров.

Еще до создания Главной гимнастическо-фехтовальной офицерской школы было принято решение об отправке в 1906 г. заведующего Петербургским офицерским фехтовальным залом лейб-гвардии Павловского полка штабс-капитана Александра Павловича Мордовина в Италию, Францию, Германию и Австро-Венгрию, «чтобы этому прекрасному учителю и горячо преданному фехтовальному искусству офицеру получить более широкий взгляд на дело и изучить различные приемы обучения фехтованию»[1]. Рапорт А. П. Мордовина по возвращении из заграничной командировки, приложения в виде руководств, уставов, расписаний занятий по гимнастике и фехтованию в армиях стран Европы легли в основу разработки проекта Положения о Главной гимнастическо-фехтовальной школе. Первоначально был реализован эксперимент – создание трехмесячных курсов для подготовки инструкторов фехтования и гимнастики. Успех курсов оказался очевидным и стал основой создания нового учебного заведения по подготовке офицеров в области военного спорта. 17 мая 1909 г. по высочайшему повелению императора Николая II утверждением Временного положения основана Главная гимнастическо-фехтовальная офицерская школа[2]. Временное положение определило задачи офицерской школы:

– теоретическая и практическая подготовка офицеров как учителей гимнастики и фехтования для войск и для самой школы;

– установление правильных и единообразных приемов обучения гимнастике и владению холодным оружием в войсках;

– обсуждение и практическое испытание усовершенствований в области физического развития в России и за границей.

Ил. 1. Император Николай II обходит офицеров, окончивших Главную Гимнастическо-фехтовальную школу. Петергоф. 1911 г. ВИМАИВиВС ФФ 7_614-2

Начальником школы был назначен подполковник А. П. Мордовин. В его спортивном послужном списке шесть Императорских призов за фехтование, пять Императорских призов за стрельбу, пять золотых медалей в российских и зарубежных соревнованиях.

Первый набор школы состоял из 100 офицеров не старше 30 лет, прослуживших не менее трех лет на офицерских должностях. Срок обучения – 10 месяцев по теоретическому (методика гимнастики и фехтования, физиология, анатомия) и практическому (полевая гимнастика, гимнастика на снарядах, подвижные игры, фехтование на рапирах, эспадронах, ружьях) разделам. Первый выпуск был произведен в 1910 г.

В фонде фотодокументов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранится фотография, связанная с историей Главной гимнастическо-фехтовальной школы «Император Николай II обходит офицеров, окончивших офицерскую гимнастическую школу»[3] (ил. 1).

На фотографии на картонной подложке на первом плане парадного построения войск лагерного сбора в Петергофе – офицеры Главной гимнастическо-фехтовальной школы. Император

обходит ряды офицеров; рядом с императором Великий князь Николай Николаевич, генералы и офицеры свиты Его Величества, командование школы. Снимок датирован 1911 г., что представляется правильным. С этим же периодом посещения школы императором Николаем II связаны две фотографии, помещенные в юбилейное издание «Военный институт физической культуры. 1909–2019». На одном снимке – группа офицеров в гимнастической форме в ходе лагерного сбора в Петергофе. На другой фотографии – император Николай II и его дочери сфотографированы с офицерами школы при выпуске 1911 г.[4]

Последующие выпуски с 1912 г. уже сопровождались вручением утвержденного 16 июня 1911 г. «нагрудного знака для офицеров, оканчивающих успешно курс Главной Гимнастическо-Фехтовальной Школы». Описание и изображение знака было известно по каталогу Е. Н. Шевелевой «Нагрудные знаки Русской армии». Голова льва на фоне щита, опирающегося на Государственный герб, обрамленный лавровым венком, и перекрестий учебной штанги с ядрами, эспадрона и винтовки. Под щитом были помещены буквы «Г. Г. Ф. Ш.» Указаны размеры знака. Герб – золотой, штанга – черная, остальные части знака – серебряные[5]. В наши дни в Военном институте физической культуры этот знак воссоздан, изготавливается и вручается офицерам – преподавателям и командирам подразделений, курсантам-выпускникам как свидетельство преемственности традиций[6] (ил. 2).

Становлению и применению наградной системы в военном спорте (спортивных знаков, жетонов, дипломов и призов по физической подготовке и спортивным дисциплинам) в войсках и военно-учебных заведениях посвящено исследование Т. Н. Ильиной. Проследив историю создания призовых жетонов по таким видам спорта как стрельба, фехтование, гимнастика, Т. Н. Ильина привела примеры свидетельств развития физической подготовки и спорта в воинских частях русской армии, в военно-учебных заведениях того времени, что подводит к пониманию важности спортивных наград, сохранения исторической преемственности спортивных традиций[7].

Отдельное место в работе Т. Н. Ильиной отведено V Олимпиаде 1912 г. в Стокгольме. Материалы ярко иллюстрируют фотографии олимпийских состязаний по конному спорту. В составе олимпийской сборной России было немало офицеров Главной гимнастическо-фехтовальной школы, которые

не смогли показать достойные результаты, хотя и стремились выступить по мере своих возможностей, несмотря на недостаточную подготовленность[8].

Следует отметить отсутствие фотоматериалов, документальных свидетельств, иллюстрирующих участие офицеров Главной гимнастическо-фехтовальной школы в Олимпиаде 1912 г. в фондах ВИМАИВиВС. Но это не говорит от том, что поиски в архивах, библиотеках, в периодической печати того времени не дадут нам результаты в виде фамилий и имен выпускников школы и их заслуг в военном спорте как примера для нынешних поколений курсантов – продолжателей спортивных традиций 56-ти олимпийских чемпионов – выпускников Военного института физической культуры.

Ил. 2. Памятный знак Главной Гимнастическо-Фехтовальной Школы. Санкт-Петербург. Военный институт физической культуры. 2022 г.

Военный институт физической культуры располагается сегодня в знаменитых «Красных» казармах на Выборгской стороне, бывших местом дислокации прославленных в походах и боях пехотных полков русской армии: с 1836 по 1656 гг.– лейб-гвардии Литовского и с 1856 по 1918 гг. лейб-гвардии Московского полков. История полков знаменательна и тем, что с личным составом полков, а также других частей Гвардии проводили свои занятия по фехтованию и гимнастике Ренгау, Вальвиль, де Рон, де Паули и другие известные в истории военного спорта иностранные специалисты[9].

В начале 1918 г. лейб-гвардии Московский полк был расформирован. Позднее в казармах на Выборгской стороне, как предполагали авторы исследования «Казармы на Выборгской стороне. 1836–2021 (185 лет)», разместились вновь образованные Петроградские курсы инструкторов по физическому развитию, строю, владению оружием и допризывной подготовке, позднее переименованные в Петроградские окружные курсы инструкторов спорта и допризывной подготовки при Главной Гимнастическо-фехтовальной школе[10]. В казармах на Выборгской стороне

на основе лейб-гвардии Московского полка был создан запасный батальон.

Эти курсы инструкторов по физическому развитию, строю, владению оружием и допризывной подготовке при Главной гимнастическо-фехтовальной школе, Петроградские окружные курсы инструкторов спорта и допризывной подготовки стали предшественниками Военного института физической культуры.

Петроградские курсы возглавил бывший начальник Главной гимнастическо-фехтовальной школы А. П. Мордовин. Его заместителем стал А. П. Галкин. Среди преподавателей – известные представители российского армейского спорта: Г. В. Вихра (окончил гимнастический институт во Франции), Э. И. Лусталло (окончил школу бокса во Франции), П. А. Заковорот (окончил Военно-спортивную академию в Венгрии). Первый набор курсов составил 101 военнослужащий с образованием 2–4 класса со сроком обучения 2, а затем 3 месяца.

29 августа 1918 г. приказом народного комиссара по военным делам № 793 с 1 октября 1918 г. деятельность Главной гимнастическо-фехтовальной офицерской школы была возобновлена переименованием в Советскую военную Главную гимнастическо-фехтовальную школу, где стали обучать 200 курсантов со сроком обучения 10 месяцев. Первым начальником вновь образованной школы стал А. П. Галкин.

К этому периоду истории казарм на Выборгской стороне, где позднее стал располагаться Военный институт физической культуры, относятся фотографии из Фонда фотодокументов ВИМАИВиВС. Одна из них была представлена в 2018 г. на выставке, посвященной 100-летию Рабоче-крестьянской Красной армии «Первые шаги. Красная Армия в редких фотографиях 1918–1920-х гг.». Фотография была аннотирована как «Лыжный батальон в казармах бывшего лейб-гвардии Измайловского полка. Петроград 1919 г.», что следует считать ошибочным[11] (ил. 3).

На фотографии четко сопоставимы объекты плана казарм лейб-гвардии Московского полка, здания на фотографии и здания сегодняшнего Военного института физической культуры: экзерцицгауз (F) – сегодня это зал спортивных игр, 2-й корпус солдатской казармы (C) – казарменное общежитие курсантов, цейхгауз (H) – спортивный тир. Группа военнослужащих (предположительно – запасного батальона, сформированного на основе лейб-гвардии Московского полка) в зимней форме одежды

Ил. 3. Занятия по лыжной подготовке военнослужащих запасного батальона на территории казарм бывшего лейб-гвардии Московского полка. Петроград. 1919 г. ВИМАИВиВС ФФ 7_1837-48

с лыжными палками, но без лыж, отрабатывает на территории учебного плаца (сегодня это граница плаца и спортивного стадиона) под руководством командиров или преподавателей определенные упражнения. При изучении коллекции фотодокументов «Борьба с Юденичем» (ВИМАИВиВС ФФ 7_1837/1-114) благодаря помощи Белогубцевой Н. И. мы обнаружили еще одну фотографию территории казарм на Выборгской стороне – нынешнего Военного института физической культуры (ил. 4). Эта же группа военнослужащих выполняет на учебном плацу элементы вольных упражнений или разминки. Объектив зафиксировал обучающихся под командованием командиров или преподавателей в положении приседания[12].

В марте 1921 г. 230 курсантов Петроградских окружных курсов инструкторов спорта и допризывной подготовки приняли активное участие в Кронштадтских событиях, которые закрепились в отечественной историографии как «подавление Кронштадтского мятежа». За мужество и героизм, проявленные при овладении фортами №№ 2, 3, 4, 5, 6, петроградские курсы были награждены Почетным Революционным Красным Знаменем Всероссийского

Ил. 4. Занятия по физической подготовке военнослужащих запасного батальона на территории казарм бывшего лейб-гвардии Московского полка. Петроград. 1919 г. ВИМАИВиВС ФФ 7_1837-49

Центрального Исполнительного комитета, орденами Красного Знамени были награждены несколько курсантов.

1 сентября 1921 г. курсы преобразованы в Петроградскую военно-окружную школу инструкторов физического образования, и на спортивном празднике школе было вручено Революционное Красное Знамя ВЦИК – награда, которая была приравнена к ордену Красного Знамени. Затем школа переименована в Ленинградскую военную школу инструкторов физического образования комсостава РККА и Красного Флота, в 1924 г. она вливается в высшую школу физического образования комсостава РККА и Красного Флота им. В. И. Ленина[13].

22 апреля 2018 г. декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Об обязательном обучении военному искусству» создано Управление всеобщего военного образования (Всевобуч). Организация системы Всевобуча включала обучение стрелковому делу, строевую, лыжную подготовку, а также физическую подготовку, в которую входили гимнастика и штыковой бой. Для проведения занятий были необходимы инструкторы допризывной подготовки, которых должны были обучать специально созданные курсы в Петрограде, Москве

и других крупных городах. Таких организаций к концу только 1918 г. было создано 350 с общим числом активистов 36 167 и с 731 инструктором. Немалый вклад в подготовку специалистов по физической культуре и спорту внесла Советская Главная военная гимнастическо-фехтовальная школа, организация которой стала исходным этапом в истории Военного института физической культуры[14].

С 1 октября 1918 г. в школе возобновляются занятия. Здесь обучались 200 человек со сроком 10 месяцев. В программу обучения входили политическая подготовка, изучение уставов, строевая подготовка, практические разделы физической подготовки (гимнастика, фехтование, плавание, легкая атлетика, спортивные игры, лыжная подготовка). В июле 1919 г. школа передислоцируется в Москву, где был сделан первый выпуск 54 инструкторов. Всего за пять лет Советская Главная гимнастическо-фехтовальная школа, переименованная в Московские окружные курсы инструкторов спорта и допризывной подготовки, подготовила более 500 инструкторов[15].

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, его вещественные памятники, документы архива, военно-исторической библиотеки, фонда фотодокументов позволили по-новому взглянуть на известные события начала XX в. Они открыли ранее неизвестные эпизоды истории Военного института физической культуры, в 1943 г. награжденного за подготовку специалистов по физической подготовке, за героизм и мужество, проявленные выпускниками и сотрудниками, орденом Красного Знамени.

Перелистывая страницы книг, просматривая фотографии того времени, мы понимаем, что поиски ответов на возникшие вопросы – это один из важнейших мотивов к военно-исторической работе в рамках героико-патриотического воспитания курсантов и слушателей института.

---

[1] Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 2516. Л. 130–131.

[2] Военный институт физической культуры. 1909–2019 / Под общ. ред. О. С. Боцмана. СПб., 2019. С. 49.

[3] ВИМАИВиВС ФФ 7_614-2.

[4] Военный институт физической культуры. 1909–2019. С. 34, 43, 98

[5] Шевелева Е. Н. Нагрудные знаки Русской армии. Из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Каталог. СПб., Фарн, 1993. Инв. № 20/ 5529. С. 94, 153–154; Чихачев Ю. Т., Евстафьев Б. В. Начало биографии института. Из жизни Главной гимнастическо-фехтовальной школы. Л., 1981. С. 13.

[6] Военный институт физической культуры. 1909–2019. С. 316.

[7] Ильина Т. Н. Призовые жетоны рассказывают // Сб. исслед. и мат. Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. XI. СПб.: ВИМАИВиВС, 2018. С. 323–387.

[8] Чихачев Ю. Т., Евстафьев Б. В. Начало биографии института. С. 18.

[9] История лейб-гвардии Литовского полка. Сост. А. Маркграфский. Варшава, 1887. С. 317, 325, 329; Московцы: история, биографии, мемуары / Сост. А. Ю. Бондаренко. М.: Воениздат, 2013. С. 193.

[10] Фролов А. О., Корнеев Е. Н., Багреев С. Р. Казармы на Выборгской стороне. 1836–2021 (185 лет). Рукопись / Под общ. ред. О. С. Боцмана. СПб.: ВИФК, 2021. С. 12.

[11] ВИМАИВиВС ФФ 7_1837–48; Фролов А. О., Корнеев Е. Н., Багреев С. Р. Казармы на Выборгской стороне. С. 6.

[12] ВИМАИВиВС ФФ 7_1837–49.

[13] Музей боевой и спортивной славы Военного дважды Краснознаменного института физической культуры. С. 47.

[14] Пашута В. Л., Ларькин А. И. Политика в области военно-физкультурного дела в Советской России (100-летие системы Всевобуча) // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты. Сб. ст. по мат. XV Межд. научно-практ. конф. Т. 10 (11). Новосибирск, 2018. С. 24; Военный институт физической культуры. 1909–2019. С. 56.

[15] Изонов В. В. Страницы истории офицерских школ русской армии: проблемы, факты, люди. М.: Росспэн, 2017. С. 133.

Р. Н. Панков (Ульяновск)

ПОДШЕФНАЯ РАБОТА УЛЬЯНОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ КАК ФОРМА ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ (КОНЕЦ 1970-х – 1980-е гг.)

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ подготовка молодежи в Советском Союзе имела целью воспитывать у каждого гражданина чувство личной ответственности за безопасность Родины, готовность с оружием в руках выступить на защиту ее интересов и своим трудом укреплять обороноспособность страны.

Военно-патриотическая работа в Ульяновской области проводилась в конце 1970-х – 1980-х гг. районными военкоматами, ДОСААФ, партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями. Она была направлена на воспитание гордости за Родину, чувства патриотизма, любви к Советским Вооруженным Силам и постоянной готовности к защите Отечества в случае необходимости.

Своей практической целью военно-патриотическое воспитание ставило подготовку к службе в Вооруженных Силах, формирование правильного понятия о роли и задачах Вооруженных Сил, развитие стремления изучать военное дело и практически овладевать военными знаниями.

Большую роль в этой работе сыграл Ульяновский областной комитет ВЛКСМ, деятельность которого по военно-патриотической подготовке велась как с молодежью допризывного возраста, так и с теми, кто проходил военную службу. Одно из направлений работы – организация шефской помощи армии и флоту. Традиции шефства молодежи над армией имеют глубокие корни. Становление Советской армии и флота в мирное время сопровождалось воспитанием молодого поколения, для которого служба в армии являлась священным долгом. Главную ставку

руководство страны делало на комсомол, через который происходило приобщение молодежи к военно-спортивной работе. Принятые соответствующие решения об организации шефства над армией и флотом строго регламентировали эту сферу. В целом шефская работа комсомола являлась одной из форм взаимодействия общества с Вооруженными Силами. Она включала в себя помощь материального, культурного, просветительского, воспитательного и иного характера. Начало шефскому движению было положено еще в период Гражданской войны[1], в нем активно принимали участие комсомольские организации: «Так, в октябре 1922 года по призыву комсомола ряды военных моряков пополнили 2 тыс. молодых добровольцев, с 1927 года развернулось шефство над Военно-воздушными силами, в мае 1970 года – над пограничниками»[2].

В конце 1970 – 1980-х гг. шефская работа базировалась на обширной нормативно-правовой базе. Позитивный опыт, накопленный государственными органами, трудовыми коллективами и общественными организациями, представляется нам актуальным и востребованным в современных условиях. Интерес представляет опыт подобной деятельности в регионах. В настоящей статье в центре нашего внимания деятельность Ульяновского областного комитета ВЛКСМ по организации шефства над Советской армией и флотом. Постановлением Секретариата ЦК ВЛКСМ республиканские, краевые и областные комсомольские организации были закреплены за воинскими частями ограниченного контингента, выполнявшего свой долг в Афганистане. В письме из войсковой части полевой почты 69507, направленном в Ульяновский областной комитет ВЛКСМ в июле 1984 г., отмечалось, что: «Шефство комсомола страны над нашей Советской армией вызывает у нас и сейчас большой морально-политический и боевой подъем у всего личного состава и способствует повышению боевой готовности, обеспечивает качественное выполнение боевых и интернациональных задач»[3].

Крепкие связи ульяновских комсомольцев сложились с экипажем подшефной подводной лодки «Ульяновский комсомолец». На этой лодке служили многие молодые люди – выходцы из Ульяновской области. Налаженная почтовая связь позволяла обмениваться письмами и подарками, кроме этого, организовывались встречи делегатов из числа ульяновских комсомольцев

и экипажа лодки. Таким образом, помощь, оказываемая морякам ульяновскими комсомольскими организациями, была разнообразна.

Служить на этой подводной лодке было почетным правом. Ульяновская областная организация комсомола организовывала соревнование за право служить на подводной лодке «Ульяновский комсомолец». Например, в 1980 г. оно проводилось под девизом: «Сегодня передовик производства, завтра – отличник боевой и политической подготовки», за его организацию отвечали как райкомы ВЛКСМ, так и горком[4].

Прошедшие отбор получали от Ульяновской городской комсомольской организации «Комсомольскую путевку» о направлении для службы на подводной лодке «Ульяновский комсомолец»[5]. Ответственный подход к направлению на службу на подводной лодке «Ульяновский комсомолец» самых достойных подтверждался активной деятельностью ульяновских комсомольцев во время несения воинской службы. Так, в письме заместителя командира по политической части войсковой части 87053, отправленном в Ульяновский областной комитет ВЛКСМ в феврале 1979 г., подчеркивалось: «По праву победителями социалистического соревнования на корабле, передовиками боевой учебы являются комсомольцы-ульяновцы, прибывшие служить по Вашей рекомендации на подшефную лодку»[6]. Среди отличившихся фигурируют: Фенин Сергей Федорович, Свищев Александр Михайлович, Матвеев Иван Васильевич, Афанасьев Валерий Анатольевич, Гудков Владимир Викторович, Курочкин Владимир Алексеевич[7].

Ульяновские комсомольцы зарекомендовали себя с положительной стороны, они добросовестно выполняли свой долг, проявляли разумную инициативу как в службе, так и в комсомольской деятельности. Нареканий со стороны командования ульяновцы не вызывали. На подводной лодке были готовы принять новый состав молодых ребят из Ульяновской области: «Выражаем уверенность, что комсомольцы Ульяновска будут и впредь направлять своих лучших представителей для службы в нашем прославленном соединении подводников Балтики, на свою подшефную лодку»[8].

С целью популяризации воинской службы на подводной лодке среди молодежи и формирования положительного образа советского воина к 1982 г. Ульяновский областной комитет

ВЛКСМ планировал подготовить фильм о «трудовых и ратных делах комсомольцев и молодежи г. Ульяновска и Ульяновской области, служащих на подводной лодке «Ульяновский комсомолец»[9]. Это действо планировалось приурочить к 60-летию шефства Ленинского комсомола над Военно-морским флотом. Кроме этого, предполагалось опубликовать статьи в газетах и журналах о молодых ульяновцах, служащих на подводной лодке «Ульяновский комсомолец». К сожалению, мы не располагаем документальными свидетельствами о претворении этих планов в жизнь. С целью поднятия престижа службы на подводной лодке предполагалось изготовить именные обложки для военных комсомольских билетов подводной лодки «Ульяновский комсомолец» и выпустить именные боевые листки «Ульяновский комсомолец»[10].

Интерес вызывает предложение проведения соревнований между комсомольцами подводной лодки «Ульяновский комсомолец» и Ульяновского приборостроительного завода. Заметим, что рабочие этого завода выбраны неслучайно: в 1970-е гг. завод активно развивался: выпускал изделия для нужд самолетостроения и гражданскую продукцию – медицинские приборы, например, тонометры. В 1980-е гг. предприятие стало флагманом отечественного авиационного приборостроения, в 1985 г. численность работающих достигла 9700 человек[11].

В рамках социалистических соревнований были учреждены переходящие вымпелы: «Лучшая боевая часть» – «Лучшая цеховая комсомольская организация», «Лучший боевой пост» – «Лучшая комсомольско-молодежная бригада», «Лучшая команда» – «Лучший комсомольско-молодежный коллектив», «Лучшая комсомольская организация соединения» – «Лучшая районная комсомольская организация»[12].

Отдельным направлением работы Ульяновского комсомола, заслуживающим внимания, выступает помощь в строительстве памятника советским воинам-подводникам в г. Лиепая (Латвия). Инициатива в строительстве памятника принадлежала воинам-красноармейцам дважды Краснознаменного Балтийского флота, ее поддержал экипаж подводной лодки «Ульяновский комсомолец». 4 декабря 1980 г. в своем постановлении секретариат Ульяновского областного комитета ВЛКСМ распорядился выделить «из привлеченных средств обкома ВЛКСМ на строительство в г. Лиепая памятника морякам-подводникам 10 тыс. руб.,

заработанных комсомольцами и молодежью Ульяновской области на субботниках, посвященных Дню советской молодежи, 60-летию речи В. И. Ленина на III съезде РКСМ»[13]. Ульяновские комсомольцы внесли свой вклад в открытие памятника морякам-подводникам. Мемориал был торжественно открыт 9 Мая 1981 г., надпись на постаменте гласила: «Слава героям-подводникам Балтики». Скульптором и архитектором выступил Раймонд Габалиньш[14].

Подводя итог, отметим, что подшефная работа Ульяновского областного комитета ВЛКСМ над воинами Советской армии велась успешно. Содержание деятельности по военно-патриотическому воспитанию молодежи регулярно анализировалось на заседаниях областного, городских и районных комитетов ВЛКСМ, результаты деятельности доводились до ульяновцев на комсомольских собраниях в трудовых коллективах, образовательных заведениях.

Ульяновская комсомольская организация, проводя военно-патриотическую работу, воспитывала у молодого поколения гордость за Родину, чувства патриотизма, любви к Советским Вооруженным Силам и постоянной готовности к защите Отечества в случае необходимости.

---

[1] Подробнее: Федулов С. В., Постников Н. А., Лаушкин С. А. Красный флот и комсомол (к 100-летию принятия РКСМ шефства над рабоче-крестьянским красным флотом) (на примере Балтийского флота) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. №3 (63).

[2] Военно-шефская работа: состояние, проблемы, перспективы. Доклад / Общественная палата Российской Федерации. М., 2012. С. 5.

[3] Письмо воинов войсковой части полевая почта 69507, направленное в Ульяновский областной комитет ВЛКСМ, о шефстве комсомола над Советской Армией. 7 июля 1984 г. (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 162. Оп. 2. Д. 1128. Л. 3, 4. Подлинник. Машинопись) // Комсомол и время: Ульяновская областная комсомольская организация в документах, воспоминаниях, фактах: сб. док. / сост. и ред. В. Н. Егоров, научн. и археограф. ред. Р. В. Ильязова. Н. Новгород: Исток, 2018. С. 365.

[4] Письмо заместителя командира по политической части войсковой части 87053 В. Рудого, направленное в Ульяновский областной комитет ВЛКСМ о службе ульяновских комсомольцев на подводной лодке «Ульяновский комсомолец». 22 февраля 1979 г. (ГАНИ УО. Ф. 162. Оп. 2. Д. 1349. Л. 1–2. Подлинник. Машинопись). // Комсомол и время: Ульяновская областная комсомольская организация в документах, воспоминаниях, фактах: сб. док. / сост. и ред. В. Н. Егоров, научн. и археограф. ред. Р. В. Ильязова. Н. Новгород: Исток, 2018. С. 368.

[5] Комсомольская путевка на имя В. Б. Львова о направлении для службы на подводной лодке «Ульяновский комсомолец». 1982 г. (ГАНИ УО. Ф. 162. Оп. 2. Д. 1350. Л. 1. Подлинник. Бланк. Машинопись) // Комсомол и время: Ульяновская областная комсомольская организация в документах, воспоминаниях, фактах: сб. док. / сост. и ред. В. Н. Егоров, научн. и археограф. ред. Р. В. Ильязова. Н. Новгород: Исток, 2018. С. 368.

[6] Письмо заместителя командира по политической части войсковой части 87053 В. Рудого, направленное в Ульяновский областной комитет ВЛКСМ о службе ульяновских комсомольцев на подводной лодке «Ульяновский комсомолец». 22 февраля 1979 г. (ГАНИ УО. Ф. 162. Оп. 2. Д. 1349. Л. 1–2. Подлинник. Машинопись). // Комсомол и время: Ульяновская областная комсомольская организация в документах, воспоминаниях, фактах: сб. док. / сост. и ред. В. Н. Егоров, научн. и археограф. ред. Р. В. Ильязова. Н. Новгород: Исток, 2018. С. 368.

[7] Там же. С. 367.

[8] Там же. С. 368.

[9] План шефской работы Ульяновской областной комсомольской организации над комсомольцами и молодежью воинской части 22921 дважды Краснознаменного Балтийского флота. 18 апреля 1980 г. (ГАНИ УО. Ф. 162. Оп. 2. Д. 1349. Л. 1–2. Подлинник. Машинопись). // Комсомол и время: Ульяновская областная комсомольская организация в документах, воспоминаниях, фактах: сб. док. / сост. и ред. В. Н. Егоров, научн. и археограф. ред. Р. В. Ильязова. Н. Новгород: Исток, 2018. С. 369.

[10] Там же.

[11] Есть на Волге «Утес». История ульяновского приборостроительного завода. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ulpressa.ru/2017/09/04/brandergofer-est-na-volge-utes-istoriya-ulyanovskogo-priborostroitelnogo-zavoda/ (дата обращения 11.01.2023).

[12] План шефской работы Ульяновской областной комсомольской организации над комсомольцами и молодежью воинской части 22921 дважды Краснознаменного Балтийского флота. 18 апреля 1980 г. (ГАНИ УО. Ф. 162. Оп. 2. Д. 1349. Л. 1–2. Подлинник. Машинопись) // Комсомол и время: Ульяновская областная комсомольская организация в документах, воспоминаниях, фактах: сб. док. / сост. и ред. В. Н. Егоров, научн. и археограф. ред. Р. В. Ильязова. Н. Новгород: Исток, 2018. С. 369.

[13] Постановление секретариата Ульяновского областного комитета ВЛКСМ «Об оказании шефской помощи воинам-комсомольцам дважды краснознаменного Балтийского флота по строительству в г. Лиепая памятника советским морякам-подводникам, погибшим в годы Великой Отечественной войны». 4 декабря 1980 г. (ГАНИ УО. Ф. 162. Оп. 2. Д. 1349. Л. 4–5. Подлинник. Машинопись) // Комсомол и время: Ульяновская областная комсомольская организация в документах, воспоминаниях, фактах: сб. док. / сост. и ред. В. Н. Егоров, научн. и археограф. ред. Р. В. Ильязова. Н. Новгород: Исток, 2018. С. 371.

[14] Памятник морякам-подводникам – Героям Советского Союза Краснознаменного Балтийского флота. Веб-проект «Наша Победа. LV». Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.nashapobeda.lv/712.html (дата обращения 11.01.2023).

С. М. Пасхин (Санкт-Петербург)

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СВЯЗИ В ТЫЛУ ФРОНТА КРАСНОЙ АРМИИ ВО ВТОРОМ ПЕРИОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (К 80-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ УЗЛОВ СВЯЗИ ТЫЛОВЫХ ПУНКТОВ УПРАВЛЕНИЯ ФРОНТОВ)

В О ВТОРОМ ПЕРИОДЕ Великой Отечественной войны обстановка на советско-германском фронте продолжала оставаться напряженной. К ноябрю 1942 г. фашисты оккупировали значительную часть территории нашей страны, на которой до войны проживало 41,9% всего населения Советского Союза, выпускалась треть валовой продукции промышленности СССР, до 71% чугуна, около 60% стали, находилось 47% всех посевных площадей. Фашистские войска стояли в 150–200 км от столицы СССР. Ожесточенные боевые действия велись в Сталинграде и предгорьях Кавказа. Однако наступательные возможности врага уже иссякали. Советский народ героическим сопротивлением на фронте и самоотверженным трудом в тылу подготовил условия для коренного перелома в войне. В ходе летне-осенней кампании 1942 г., особенно в оборонительном сражении на Волге, Красная армия стойкой обороной и мощными контратаками истощила ударные группировки врага. Самое тяжелое время для нашей Родины осталось позади. Страна превратилась в единый боевой лагерь, в неиссякаемый источник материальных и духовных сил Красной армии.

Перед Великой Отечественной войной перед фронтовым и армейским тылом задачи обеспечения войск в ходе боевых действий не ставились, т.к. было принято считать, что перед началом войны будет угрожаемый (особый период), в ходе которого планировалось без спешки развернуть фронтовой и армейский тыл. Основой снабжения Вооруженных Сил должны были стать стационарные окружные базы снабжения.

Централизации в управлении тылом в предвоенные годы не было. Функция организации и управления тыловым обеспечением многочисленных служб снабжения была возложена на общевойсковые штабы. Управление снабжением и планирование тылового обеспечения осуществлялись отделами тыла, начальниками которых являлись заместители начальников общевойсковых штабов.

Организация руководства снабжением родов войск и специальных войск была возложена на начальников родов войск и служб.

Общевойсковые штабы через отделы (службы) организовывали железнодорожные и водные перевозки (отдел военных сообщений – ВОСО); подвоз материальных средств; содержание военных автомобильных дорог и автотранспорта (отделения автомобильно-дорожной службы). Исключением в сложившейся системе являлся флот, где в 1939 г. была введена должность начальника тыла флота.

Данная структура управления не претерпела изменений в ходе боевых действий на р. Халхин-Гол (1939) и в войне с Финляндией (1939–1940). В первые месяцы военных действий остро ощущались проблемы, связанные с тыловым и техническим обеспечением войск.

Случаи недостаточного тылового и технического обеспечения фронта проявились на Юго-Западном фронте. 26-я армия, вступившая в сражение с началом войны, имела один автотранспортный батальон с 45 автомобилями и один госпиталь, а по состоянию на 28 июня 1941 г. Южный фронт имел всего в частях подвоза 280 автомобилей.

Сложившаяся обстановка требовала срочного улучшения структуры руководства тыловым обеспечением. В июле 1941 г. И. В. Сталин утвердил положение «Об управлении тылом Красной Армии в военное время». 1 августа 1941 г. был издан приказ № 0257 об организации центральных и фронтовых органов управления тылом, согласно которому были созданы: в центре – Главное управление тыла, а во фронте (армии) – Управление тыла во главе с заместителем командующего по тылу, которому подчинялись все основные службы.

В августе 1941 г. была введена должность начальника тыла ВВС, а в мае 1942-го создано Главное управление тыла ВМФ во главе с начальником тыла ВМФ. Было создано централизованное управление всеми обеспечивающими службами флота.

Существенно изменилась структура органов управления тылом: планированием тылового обеспечения армии теперь занимались штабы и службы тыла, а за общевойсковыми штабами остались функции контроля и координации деятельности тыла. Несмотря на значительные изменения, структура организации пунктов управления осталась неизменной – начальник тыла управлял подчиненными подразделениями из второго эшелона полевого пункта управления. Там же размещались все службы тылового обеспечения.

В отделе тыла штаба фронта, в армейском, войсковом тылу и довольствующих органах в начале войны не было технических средств для организации связи с базами, складами, распорядительными станциями, станциями снабжения и другими тыловыми учреждениями, находившимися на большом удалении от штаба фронта и друг от друга. Организация связи с войсками, получение сведений об их обеспеченности возлагались на каждого начальника службы. Только к середине июля 1941 г. начальник Главного управления связи Красной армии (ГУ СКА) приказал выделять необходимые средства связи (каналы связи) в интересах управления тылом фронта и армии за счет фронтовых и армейских частей связи.

Из-за отсутствия связи было фактически потеряно управление тылом. Поэтому штабы армий и фронтов практически не располагали сведениями о материальном, техническом и медицинском обеспечении войск. Например, в сводке по тылу штаба Западного фронта от 24 июня 1941 г. указывалось на отсутствие сведений о базировании армий, о запасах материальных средств в войсках и на головных складах, о состоянии техники, вооружения, транспорта, а также о санитарных потерях. За период с 22 июня по 9 июля 1941 г. штабы армий Западного фронта не получили от штабов подчиненных соединений ни одного донесения по тылу. Это приводило к дезорганизации управления тылом и срыву материального, технического и медицинского обеспечения. В тылу Западного фронта не было радиосредств. Быстро изменяющаяся оперативная обстановка не позволяла с полной отдачей использовать проводные средства связи. Это приводило к тому, что связь прерывалась на продолжительное время, т. е. в этот период не было управления тылом.

Штабы и управления тыла фронтов и армий, чтобы как-то повысить оперативность и устойчивость управления тылом, стали

выделять оперативные группы и офицеров связи (впервые под Москвой), которые высылались в нижестоящие органы для передачи указаний и распоряжений, оказания практической помощи на местах.

Состояние связи тыла в начале Великой Отечественной войны не удовлетворяло потребностям управления тылом, что, в свою очередь, намного снижало эффективность тылового, технического обеспечения и, соответственно, сказывалось на боеспособности войск фронтов и армий.

Во втором периоде войны органы управления тыла фронтов работали более оперативно. Они быстро реагировали на изменения обстановки, своевременно подготавливали необходимые предложения, обоснованно и детально планировали тыловое обеспечение войск на всю глубину проводимых операций. При подготовке операции разрабатывался «План устройства тыла и материально-технического обеспечения войск фронта», в котором отражались все основные вопросы организации и работы тыла: границы тыловых районов; сеть путей сообщения; организация базирования армий; размещение и перемещение частей и учреждений тыла; размеры и эшелонирование запасов; нормы расхода и порядок подвоза материальных средств всеми видами транспорта; мероприятия медицинского и ветеринарного обеспечения; организация охраны, обороны, управления и связи тыла. В соответствии с ним готовились директивы, приказы и распоряжения по тылу, в которых определялись конкретные задачи по тыловому обеспечению войск, устанавливались порядок и сроки их выполнения. В целях сохранения секретности планы и директивы по тылу в войска и службы, как правило, не рассылались. Задачи им ставились лично начальником тыла фронта или доводились шифром в форме выписок из директивы в части, их касающейся.

При планировании отдельных наступательных операций для достижения внезапности действий войск письменные и графические документы по организации тылового обеспечения вообще не отрабатывались.

При подготовке большинства операций для повышения оперативности руководства в армии направлялись ответственные офицеры штаба и управлений служб тыла фронта. Работая на местах, они принимали необходимые меры и оказывали практическую помощь в организации обеспечения войск и ускорении создания запасов.

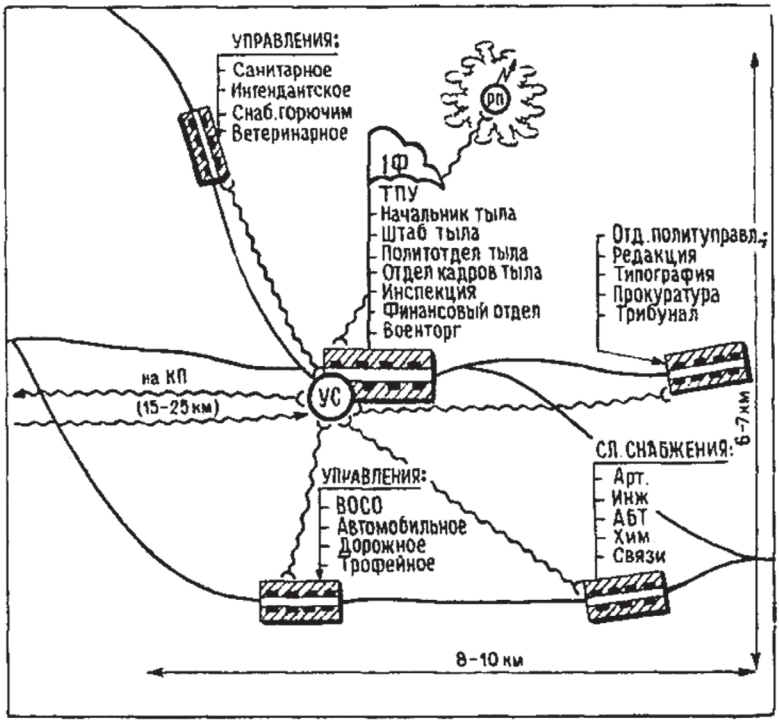
Структура органов управления тылом постоянно совершенствовалась. Так, в соответствии с Постановлением ГКО СССР от 9 июня 1943 г. упразднялось Главное управление тыла и вводилась должность начальника тыла Красной Армии – заместителя наркома обороны по тылу. Был образован штаб тыла, начальник которого стал первым заместителем начальника тыла Красной армии. Начальнику тыла были подчинены: главные управления – автомобильное, дорожное, интендантское, продовольственного снабжения, военно-санитарное; Центральное управление военных сообщений; управления ветеринарное, снабжения горючим, финансовое, административно-хозяйственное, персонального учета потерь младшего начальствующего и рядового состава действующей армии и пенсионного обеспечения их семей; Академия тыла и снабжения, Военно-транспортная академия.

В этом же году были разработаны, изданы и доведены до войск: проект «Положения об организации и работе фронтового тыла», а также ряд директив и инструкций, которые регламентировали деятельность служб тыла.

В результате такой целенаправленной работы опыт второго периода Великой Отечественной войны явился основополагающим в организации и обеспечении снабжения действующей армии в последующих боевых действиях и в значительной мере сохранил свою актуальность в послевоенное время.

В ходе второго периода Великой Отечественной войны была разработана и усовершенствована структура тыловых пунктов управления, их узлов связи и вся система связи в целом.

В связи с тем, что в предвоенный период вопросы управления тылом ни в теоретическом, ни в практическом плане разработаны не были, с началом боевых действий они решались во фронтах по-разному. Даже наименование ТПУ было различным: «второй эшелон штаба фронта», «второй эшелон управления», «тыловой эшелон управления» и т. д. Только с 1943 года начала складываться более стройная система пунктов управления и связи тыла. Например, в период подготовки Курской битвы в распоряжение штабов тыла фронтов были выделены части связи тыла (отдельная рота связи и отдельная кабельно-шестовая рота) и авиазвено самолетов По-2. Это позволило создавать самостоятельную систему связи тыла и более четко организовывать работу тыловых пунктов управления.

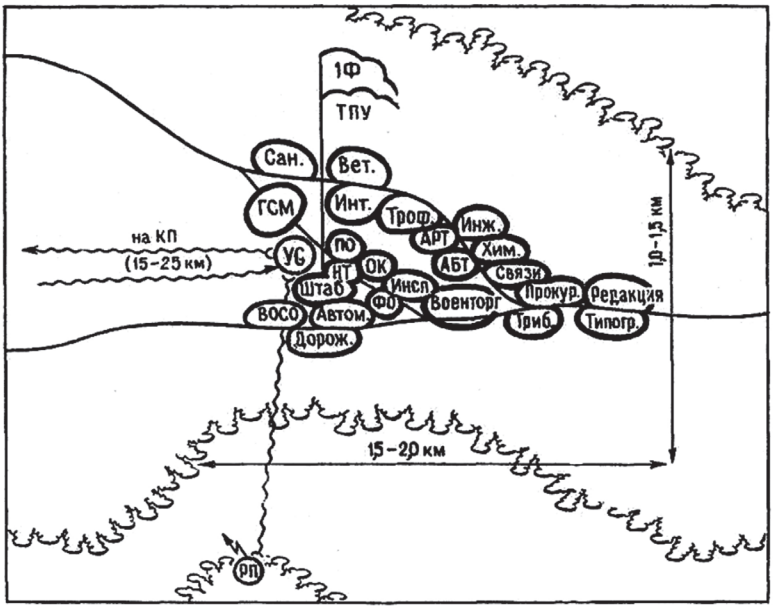


Ил. 1. Размещение ТПУ в населенном пункте

На ТПУ, который возглавлял лично заместитель командующего – начальник тыла фронта, сосредотачивалась вся практическая деятельность по руководству тылом и обеспечением войск. Его численность в большинстве операций составляла от 2 до 2,5 тыс. человек личного состава и до 250–300 различных специальных и транспортных машин. При подготовке операций ТПУ располагался в 15–25 км от КП фронта. Для размещения чаще всего использовались уцелевшие населенные пункты и крупные лесные массивы (ил. 1 и 2).

По решению Генерального штаба в октябре 1943 г. в комплект войск связи фронтов были введены отдельная рота связи тыла, отдельная кабельно-шестовая рота и авиационное звено связи (три самолета По-2).

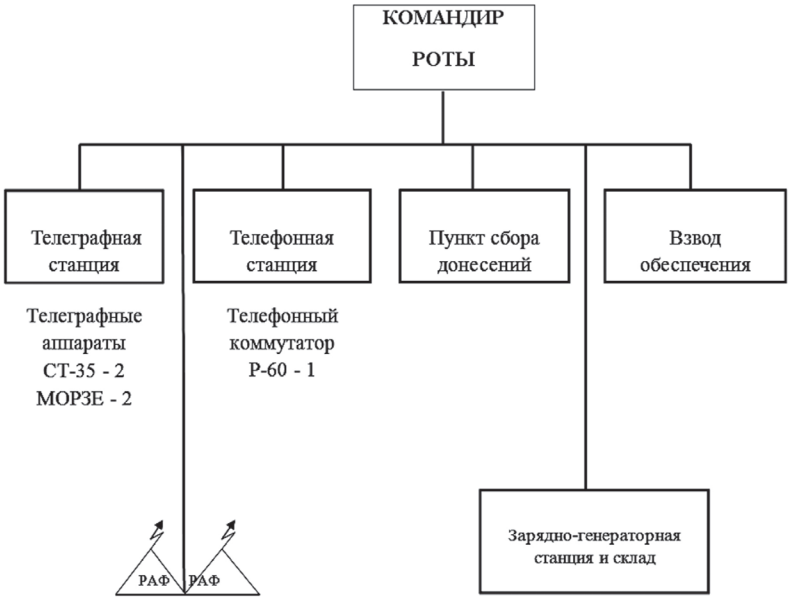
В армиях в распоряжение начальника тыла стала выделяться за счет армейского комплекта рота связи.



Ил. 2. Размещение ТПУ в лесном массиве

Отдельная рота связи тыла (ил. 3) предназначалась для развертывания и обслуживания узла связи полевого тылового пункта управления фронта. В ее составе имелись следующие основные средства связи: радиостанции РАФ (2); телеграфные аппараты СТ-35 (2), Морзе (2); коммутатор типа Р-60 (1); зарядный агрегат (1); грузовые автомобили (11); легковые автомобили (4); специальные автомобили (2); мотоциклы (4). Отдельная кабельно-шестовая рота использовалась для развертывания и эксплуатационного обслуживания кабельно-шестовых линий, предназначенных для обеспечения связи (в линейном отношении) полевого тылового пункта управления фронта с подчиненными фронтовыми (в отдельных случаях – центральными) базами, складами, частями и учреждениями тыла.

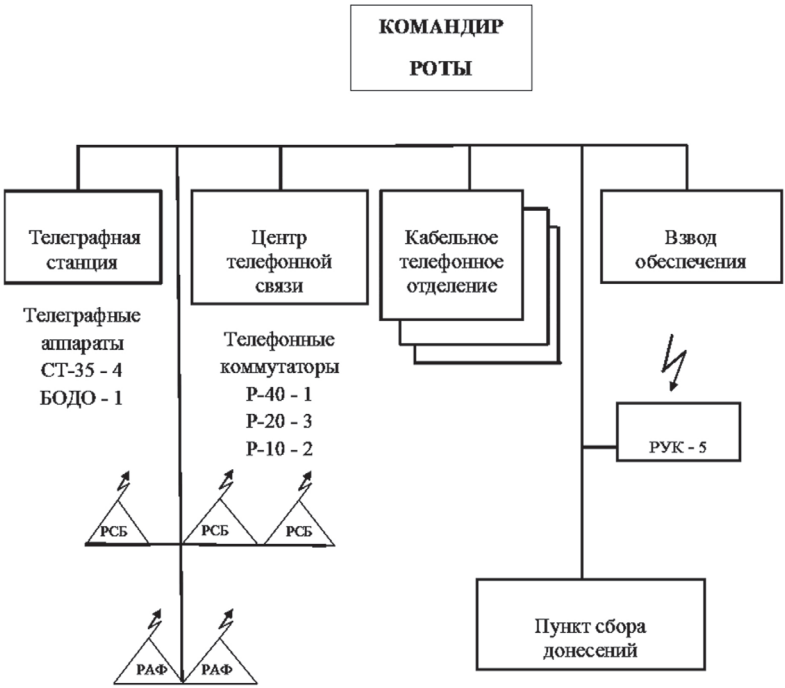
Организационно-штатная структура отдельной кабельно-шестовой роты (моторизованная) согласно штату по состоянию на июнь 1941 г. имела численность личного состава 161 (10 офицеров, 27 сержантов, 124 красноармейца). Численность аналогичной роты связи, содержащейся на конной тяге, в этот же период



Ил. 3. Структура отдельной роты связи тыла фронта. 1943 г.

составляла 194 человека. Кабельно-шестовая рота имела в своем составе управление, три взвода и хозяйственное отделение. Из техники связи в роте были: 2 комплекта аппарата Морзе, 27 телефонных аппаратов, 36 км кабеля. Данная рота могла строить кабельно-шестовую линию в один провод на глубине до 80 км. Шест представлял собой металлическую (или деревянную) трубу высотой 2–2,5 м. Внизу у каждой из них был стальной наконечник для втыкания в землю. Наверху шеста крепился изолятор. В кабельно-шестовой роте было десять повозок с такими шестами и повозки с телефонным кабелем. Основная работа заключалась в установке шестов, закреплении на них кабеля и обеспечении связи.

В ходе наступательных операций ТПУ перемещался за КП фронта. Для обеспечения непрерывности управления смена района размещения производилась через каждые 3–4 суток и организовывалась двумя эшелонами. Первый эшелон (основная часть штаба тыла и оперативные группы от основных служб фронта) выдвигался в новый район после развертывания в нем второго



Ил. 4. Структура отдельной роты связи тыла фронта. 1944 г.

положения узла связи тыла. Возглавлял его либо лично заместитель командующего по тылу, либо начальник штаба тыла фронта. По прибытии в новый район он принимал управление тылом на себя и давал команду на свертывание и перемещение второго эшелона.

К 1944 году система управления тылом фронтов, ТПУ и их узлы связи сформировались как централизованная система.

Для развертывания и обслуживания узла связи ТПУ использовались отдельная рота связи тыла (ил. 4) и отдельная кабельно-шестовая рота связи, но уже расширенного состава.

Для обеспечения и организации связи от ТПУ фронта в отдельной роте связи тыла имелись следующие средства: радиостанции РАФ (2), РСБ (2), РУК-5 (1); коммутаторы: Р-10 (2), Р-20 (3), Р-40 (1); телеграфные аппараты СТ-35 (2), Бодо (2); зарядный агрегат (2); грузовые автомобили (10); легковые автомобили (4); авиазвено По-2 (4); мотоциклы (10).

Опыт Великой Отечественной войны показал, что для управления и организации связи в тылу необходимы тыловые пункты управления и подразделения связи этих пунктов, оснащенных достаточным количеством различных средств связи.

В настоящее время для повышения оперативности и устойчивости системы управления тылом, техническим и материально-техническим обеспечением важное значение имеет дальнейшее развитие и совершенствование систем связи и пунктов управления.

Использованная литература:

1. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М.: ВИ, 2015.
2. История военной связи российской армии: В 6 т. Том 3. СПб: ВОЛКУС, 1999.
3. Там же. Т. 4.
4. Военная мысль. 1981. № 11. С. 57–58.
5. Военно-исторический журнал. 1983. № 3. С. 49.
6. Пастуховский Г. П. Вопросы управления тылом фронта (Исторический опыт и современность) // ВМ. 1987. № 12. С. 45–54.

Ф. А. Петров, М. В. Фалалеева (Москва)

ДНЕВНИК ЛЕЙТЕНАНТА ФЛОТА ЛЕОНТИЯ ФЕДОТОВИЧА ЛЬВОВА, УЧАСТНИКА БАЛТИЙСКОГО ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг.

В ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ в собрании документов «Рукописные книги и сборники из собрания П. И. Щукина»[1] мы обнаружили рукописный дневник лейтенанта флота Леонтия Федотовича Львова, выпускника Морского кадетского корпуса, участника Крымской войны. Во время этой войны он находился на Балтике и был участником событий, главным образом, Второй Балтийской кампании 1855 г., обороны Свеаборга и Кронштадта, парламентером в переговорах с командованием английского флота.

Леонтий Федотович был сыном генерал-лейтенанта Федота Леонтьевича Львова (1777–1854), который в 1853 г. после 54-летней службы в офицерском звании с чином генерал-лейтенанта вышел в отставку. Был похоронен на Смоленском кладбище, на месте Морского кадетского корпуса. Родные братья – морские офицеры. Младшая сестра Александра – воспитанница Смольного института благородных девиц.

Из дневника мы узнали, что автор учился в Александровском кадетском корпусе (в Царском Селе) в 1841–1842 гг. (директор – генерал-лейтенант Иван Ильич Хатов), а в 1843 г. был переведен в Морской кадетский корпус. Директорами корпуса были вице-адмирал Николай Петрович Римский-Корсаков (дядя знаменитого русского композитора), Николай Глебович Казин, получивший за отличие в Крымской войне чин адмирала Российского императорского флота, и Богдан Александрович Глазенап, будущий адмирал, командир Черноморского флота.

Среди преподавателей были такие знаменитые ученые-академики как математик Виктор Яковлевич Буняковский и астроном Алексей Николаевич Савич. Экзамен по русской словесности автор дневника сдавал профессору Петербургского университета Василию Тимофеевичу Плаксину (в свое время любимому учителю императора Николая I). Затем Львов находился в Гардемаринской роте. С 1850 г. – младший унтер-офицер. С 1851-го – старший унтер-офицер. 1 августа 1851 г. указом Николая I произведен в мичманы с назначением в 7-й флотский экипаж[2].

В 1852 г. ходил мичманом на корпусном фрегате «Верность» в Петергоф, Свеаборг и Кронштадт[3]. В 1853 г. – на кораблях «Св. Георгий Победоносец», «Россия» под командованием вице-адмирала Ивана Петровича Епанчина. Летом этого же года был переведен на пароходный фрегат «Смелый» и командирован в Кронштадт.

После Крымской войны Львов служил в Гидрографическом департаменте под началом вице-адмирала Михаила Францевича Рейнеке.

Первое упоминание о Крымской войне относится к 11 октября 1853 г. («дело при Исакчи», где русские войска обстреляли турецкую крепость). В это время автор дневника находился в Кронштадте. 20 октября 1853 г. был обнародован манифест Николая I об объявлении войны Турции.

Затем автор сообщает о знаменитой победе адмирала Павла Степановича Нахимова 18 ноября 1853 г. над турецкой эскадрой Османа-паши при Синопе.

В марте 1854 г. Англия и Франция объявили войну России. Столица Российской империи – Санкт-Петербург – оказалась под угрозой нападения. В русском Балтийском флоте имелось 25 парусных линейных кораблей и 27 боевых пароходов. Русские силы уступали западным державам. Поэтому стратегия России на море могла быть только оборонительной. В целях предотвращения внезапного прорыва англо-французского флота к Кронштадту и Петербургу было решено перегородить Финский залив с севера на юг минными заграждениями. Тогда мины были новейшей техникой морской войны, еще нигде не испробованной. В этом плане Финскому заливу повезло больше, чем Севастополю. Как указывал академик Е. В. Тарле, «мины русского изобретателя Якоби, опередившего минную науку и технику

Запада, делали Кронштадт и Свеаборг недоступными для англичан, даже если бы тем удалось прорваться сквозь заградительный артиллерийский огонь и подойти к берегу»[4].

28 апреля Леонтий Федотович сообщает о том, что Николай I произвел старший офицерский класс в лейтенанты, после чего его перевели в 24-й флотский экипаж, 10 мая он принял присягу в церкви Морского корпуса в присутствии управляющего Морским министерством генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича. 19 мая 1854 г. Львов начал свою военную службу на 84-пушечном пароходе-фрегате «Владимир», который прославился еще в ноябре 1853 г. участием в первом в истории сражении паровых судов. 29 ноября 1854 г. «Владимир» отправился в Кронштадт под командованием контр-адмирала Льва Львовича Князева.

18 февраля 1855 г. скончался Николай I, а 19 февраля на престол вступил Александр II. На время похорон Николая I Львов был откомандирован в Петербург для участия в траурной церемонии. А в мае этого года начинается Вторая Балтийская кампания, которой и посвящен дневник.

В мае Леонтий Федотович был командирован от Морского ученого комитета в Кронштадт на почтовый пароход «Владимир», стоявший на большом рейде брандвахтой, и сделал следующую запись: «Неприятельский англо-французский флот, более 30 вымпелов, стоит в виду Кронштадта милях в 16. По временам пароходы от него отделяются и подходят ближе к нашим фортам, но дело не открывают»[5].

2 июня, как сообщает автор, неприятельский флот, стоящий между Толбухином маяком и Красной Горкой, часу в 5-м вечера удалился в море. 8 июня неприятельский флот вновь приблизился к Кронштадту. Около 15 больших судов и 6 канонерских лодок отправились на северный фарватер, а 5 винтовых кораблей остановились на большом фарватере у Толбухина маяка[6].

Как видим, неприятельские корабли то подходили к Кронштадту, то удалялись в море – каких-то решительных действий не предпринимали. Кронштадт к этому времени был сильно укреплен как кораблями, так и минными заграждениями, поэтому союзному англо-французскому флоту нужно было думать о собственной своей безопасности в Финском заливе. Военная тактика англичан не предполагала высадки на русских берегах, разрушить Кронштадт тоже не имелось ввиду. В 1855 г., когда

русское командование серьезно подготовилось к встрече неприятеля, Кронштадт стал неприступен[7].

17 июня автор дневника сообщает об отправке из Кронштадта парохода «Курьер» к английскому адмиралу Джеймсу Дондасу, руководившему всеми военно-морскими операциями, с депешей от военного министра князя Василия Андреевича Долгорукова по делу под Гангутом, когда английский пароход, бывший под парламентским флагом, «сжег деревню и делал промеры». В ответ на это штабс-капитан Волынского полка Сверчков «сделал нападение и 5 убил, 7 взял в плен»[8], что вызвало недовольство англичан. И на следующий день Леонтий Федотович был откомандирован в качестве парламентера на этот неприятельский пароход «Princesse Alice» за ответной депешей от адмирала Джеймса Дондаса, поскольку из русских офицеров лучше всех знал английский. «Пароход оказался небольшой двухмачтовый, как снаружи, так и внутри не очень красивый, с двумя медными пушками небольшого калибра в корме. Я уже усомнился, что он пришел из Англии. ...Я сначала шел под парусами, но к пароходу подошел на веслах, флаг наш немедленно был вставлен на корму... и, говорили, этот маневр уборки парусов и пристава ния на гребле был сделан удачно и красиво... Встретил меня офицер в густых эполетах с короной на рогожках при сабле и в шлеме с генеральской встушкой; мундир у него синий с откидным воротником и золотыми пуговицами, форма проста, свободна и красива. ...Когда я спросил у него ответа, он предложил мне спуститься в каюту. Каюта довольно красива, посредине круглый стол, за ним – кресло... на одной из боковых скамеек лежала куча карт, а наверху – карта большого рейда и Кронштадта». Львову вручили большой пакет с изящными гербовыми печатями, адресованный на имя князя Долгорукова в Петергоф и командующего военными силами в Кронштадте генерала Дена. Первый был ответ, а второй заключался в размене пленных. Далее автор пишет: «На вопрос мой, когда же кончится эта неприятная война, он отвечал неведением, конечно, но что они ждут конца с нетерпением и очень его желают. Потом он предложил мне посмотреть пленных... Мы вышли наверх: это были 2 еще молодые солдата 22-го линейного дивизиона, взятые прошлого года при Бомарзунде... На вопросы мои, откуда они и хорошо ли им было, один отвечал с живостию, но как будто принужденно, что из местечка Лунс, верстах в 17 от Лондона, оттуда

их перевезли в Ширнес, а потом на угольном пароходе доставили сюда на один из кораблей. Положение их было хорошее и оскорблений им не делали... Имя парохода «Princess Alice»... По приезде на пароход, конечно, я был принужден рассказать все со мною бывшее. У нас были посетители д.с.с. Якоби, занимавшийся постановкою мин на фарватерах, Ленц, известный физик[9], и другие»[10].

Как указывает академик Е. В. Тарле, изготовленные Якоби мины были расположены между Кронштадтскими фортами «Павел» и «Александр» в 300-х саженях от берега, и они причинили большой вред судам противника (этому предшествовал приказ вел. кн. Константина Николаевича об изготовлении 300 мин для обороны фортов). Как известно, мины Якоби, которые взрывались от электрического сигнала, было решено ставить ближе к рейдам Петербурга и Кронштадта, тогда как мины промышленника Эммануила Нобеля (племянника знаменитого Альфреда Нобеля), автоматические, взрывавшиеся от соприкосновения с судном, ставили на фарватерах дальше от берегов.

20 июня начались неприятельские бомбардировки. «Сегодня во 2-м часу пополуночи от стоящего перед нами неприятельского флота отделились 2 канонерские лодки и направились по большому фарватеру на рейд... Лодки, остановясь далеко от нашего места, бросили на южный берег (говорят, в деревню Лебяжью, где они заметили на берегу лежавшие рыбацкие лодки) до 80 ядер и бомб, из коих кажется только одно достигло берега. Потом, наскучив этим, одна из лодок бросила 2 ядра в форт «Павел I», 2 ядра в наш пароход и пустила ракету в форт «Александр I». Ядра далеко не долетели, а ракета перелетела и упала, кажется, на косу на северный фарватер. Результат их бомбардирования южного берега неизвестен. В 4-м часу они удалились за Красную Горку, где немного спустя открыли канонаду. Она продолжалась до 2-го часа пополудни. От нас с салинга можно было видеть только появлявшийся дым... Вечером часу в 6-м отправился из Кронштадта пароход «Летучий» под белым флагом к неприятельскому флоту... В 9-м часу они воротились. Привезли тех 2-х пленных солдат, которых я видел на пароходе... Теперь на пароходе они были недовольны обхождением англичан... Около 700 человек, по их словам, еще остались там, и как им выпало на долю воротиться на родину, они

и сами не понимают. Судов в неприятельском флоте много; с каждым днем к ним прибывают новые фрегаты, новые лодки... »[11].

23 июня английский пароход «Princess Alice» пришел на большой рейд под парламентерским флагом, и Леонтий Федотович вторично побывал у англичан. Из разговора он узнал, что им известны мины подводные академика Якоби и Нобеля и что они имеются и по нашему фарватеру, только англичане не знают место их расположения. На его вопрос, когда же они начнут бомбардирование Кронштадта, они отвечали, что у русских «и много орудий, и мины стоят так, что они и не знают как начать»[12].

28 июня англичане начали перестрелку: «Вечером к нашим батареям подошли на довольно близкое расстояние большой неприятельский пароход и 2 канонерские лодки. По ним сделано с форта «Павел» 3 выстрела, а с «Александра» – 2; ядра легли близко. Не задев неприятеля, который, однако, поворотя удалился к своим на всех парах...». Позже «присоединился к неприятелю на северный фарватер отряд из 3 кораблей, 1 фрегата, 3 транспортов и 4 канонерских лодок; вероятно, отряд контр-адмирала Бенса... Теперь число его судов следующее: на северном фарватере – кораблей 11, фрегатов 2, пароходов 2, пароходофрегатов 3, бомбардирских судов 3, транспортов 6, канонерских лодок 12, итого 39. На южном, т.е. против большого рейда, кораблей 5, канонерских лодок 2, итого 7»[13]. Таким образом, английский флот наращивал свое присутствие на Балтике.

29 июня пароход «Летучий» под парламентерским флагом вновь ходил к неприятельскому флоту... Не пришлют ли англичане еще бумаг; кажется, в этом и пройдет все их бомбардирование. Говорят, они сожгли город Ловизу, находящийся верстах в 100 с лишком от Гельсингфорса»[14].

Сообщая о смерти главнокомандующего английскими войсками в Крыму лорда Реглана 17 июня, автор высказывает свое мнение: «Не заставит ли это известие, как много и других для них неблагоприятных, наших неприятелей или сжечь Кронштадт, или отойти в свои страны. Вообще сердечное согласие между четырьмя союзными нациями в Крыму: французами, англичанами, сардинцами и турками – очень расстраивается»[15].

2 июля неприятельская эскадра переменила свою позицию, около 10 судов и в том числе «Duce of Wellington», корабль адмирала Дондаса, удалились в море, а остальные все выстроились за Толбухиным маяком и у оконечности Кронштадтской косы.

Под 5 июля в дневнике содержится подробное описание новшества в русском флоте – винтовых канонерских лодок: «Здесь в гавани стоят несколько винтовых лодок. Это у нас еще новизна, и эти 40 лодок делают первую кампанию. Я был на одной из них, на «Ведьме»... Выстроены ... из лиственничного дерева... Команды имеют до 60 человек, машиниста и 2 кочегаров ... имеют 105 футов длины и 20 футов ширины. Снарядов помещают по 75 выстрелов на орудие...»[16].

11 июля автор сообщает о том, что «неприятель решительно считает невозможным какие-либо действия против Кронштадта в нынешнем году за неимением мелко сидящих судов и за неприступностью берегов... А на будущее лето ему еще неприступнее покажется Кронштадт – что он тогда скажет?»[17]

21 июля Леонтий Федотович перебрался в форт «Император Павел I», находившийся по южную сторону большого Кронштадтского рейда в двух верстах от Кронштадта. Здесь помещено до 1500 человек солдат линейных. «Неприятельский флот, стоящий в виду нас – все в том же положении. Стоя сегодня на вахте на высоте 60 фут. от поверхности моря ... откуда ... прекрасно виден Петербург ... я насчитал 9 кораблей, 2 фрегата, 3 больших парохода и несколько канонирских лодок...»[18]

Отказавшись от идеи атаковать Кронштадт, «решено было напасть на Свеаборг и снести все его укрепления с лица земли»[19]. Автор дневника записал: «Неприятель начал действовать решительнее. Флот около 80 судов... 28 и 29 июля неприятель бомбардировал Свеаборг... Говорят, что произведен как в крепости, так и в Гельсингфорсе большой пожар, будто бы у нас 200 человек гарнизона выбыло из строя и до 20 офицеров и будто бы корабль «Россия», получив множество пробоин и загоревшийся от бомб, во избежание взрыва потоплен... 30 числа неприятель оставил Свеаборг и направился к югу»[20]. По поводу того, почему 30 июля на рассвете адмирал Дондас и контр-адмирал Пэно вдруг прекратили бомбардировку крепости, существуют две версии. Официально англичане и французы заявили, что их задача выполнена – все разрушено. На самом же деле после 45-часовой стрельбы английские и французские мортиры и бомбарды почти все вышли из строя. Они сделали по Свеаборгу до 20 000 выстрелов, но количество разрушений в городе, значительное само по себе, совсем не соответствовало такой колоссальной затрате артиллерийских снарядов. Неприятельские

суда очень далеко держались, избегая повреждений, а канонерские лодки постоянно меняли положение[21]. После Свеаборга до 17 августа неприятель ничего не предпринимал.

17 августа автор дневника сообщает о сильном взрыве бомб на складе и гибели свыше 10 человек нижних чинов: 300 бомб вынесли на внутренний двор для осмотра. Одну из них разорвало и спустя несколько секунд с различными перекатами и залпами пошла страшная канонада. «Сила удара была такова, что в одном погребе пробило железную дверь в 1½ дюйма толщиною... Это был ад, и этот момент не желаю ни другу, ни недругу... Когда испуг прошел, я зашел в церковь, двери которой были выломлены во время катастрофы, и так благодарил Господа за свое избавление, как никогда еще не молился...»[22]

30 августа, в день святого Александра Невского, состоялось богослужение в Александро-Невской лавре, на котором присутствовал император Александр II. Автор дневника, который в это время находился в Петербурге, записал, что государь в этот день «был очень грустен, а вместе с ним грустит и вся Россия: 28 числа получена от князя Горчакова (Михаила Дмитриевича, командующего русскими войсками в Крыму в конце войны. – *Ф.П., М.Ф.*) из Севастополя телеграфическая депеша, что наконец, после 11-месячной защиты, наши войска должны были оставить его в руках неприятеля...». Далее автор написал следующие строки об оставлении Севастополя русскими: «Итак, теперь наш прекрасный Севастополь со своими чудными доками, прекрасными зданиями, и может быть с нашими кораблями, одиннадцать месяцев упорно державшийся против четырех сильных армий: французов, англичан, турок и сардинцев, оставлен нашими войсками и развалинами достался неприятелю; но эти развалины не дешево дались ему; погибли сотни тысяч людей, и десятки, а может быть, и сотни миллионов денег... но может быть на развалинах его воздвигнется новый Севастополь, и Россия засияет своим могуществом и славой пуще прежнего... Да, имя Севастополя теперь у всех на устах»[23]

Автор, возвращаясь к Балтике, пишет, что «по-прежнему Кронштадт блокируют 2 корабля», а часть кораблей уже отправились в Англию, так как после бомбардировки Свеаборга «английские плавучие батареи и бомбарды, построенные из железа, сильно потекли, орудия попортились и они возвращаются

восвояси, решаясь более ничего не предпринимать в нынешнее лето в Балтике...»[24]

3 сентября мы читаем следующую запись: «С наступлением сильных западных ветров, к фортам начало приносить сорванные с грузов ударные подводные мины Нобеля. Мины эти с 10 фунт. пороху воспламеняются от удара, следовательно с ними чрезвычайно опасно обращаться... по множеству их срывает и разносит по всему заливу... Другие мины академика Якоби, заряжающиеся посредством электричества, менее и даже вовсе не опасны разряженные, заряженная мина воспламеняется только при ударе... Полезнее было бы поболее иметь мин Якоби, а не Нобеля»[25]. 19 сентября Львов сообщает о том, что противник «строго поддерживает» блокаду Кронштадта – 2-3 корабля постоянно крейсируют в виду Кронштадта. «В бомбардировке Свеаборга французы опять винят англичан, что те кроме бомбард и канонерских лодок кораблей в дело не пускали, и тем окончательно не разрушили северного Гибралтара». Под этим же числом Львов записал о затоплении кораблей Черноморского флота для заграждения неприятелю входа в бухту и гавань: «Теперь не существует Черноморского флота, а может быть, Бог даст, он возродится с большой силою!!!»[26]

21 сентября автор дневника сообщает о больших переделках в Кронштадтской крепости – наряду с деревоземляными укреплениями усилилось крупномасштабное каменное строительство. Здесь Львов упоминает о «необыкновенном случае» с одним офицером линейного финляндского батальона, который осколком гранаты был сброшен в яму, в которую только что попала бомба. «Он очутился на ногах на бомбе, в это мгновение бомбу разрывает, он летит к верху. Нескольких человек, бывших невдалеке, убивает, а он целый падает на землю, но спиною ударяется о лафет, его относят в бесчувствии. Через некоторое время он приходит в себя. Никто не хотел верить, что он жив, но, хотя контузия очень сильна, он поправляется, и есть надежда, что будет жив»[27] Конечно, это может вызвать ассоциации с бароном Мюнхгаузеном, однако подобные сюжеты, как мы видим, могли иметь место.

13 октября пришла из штаба бумага, что брандвахта на форте «Павел I» снимается, команда и офицеры отсылаются к своим местам, а Львов – в Петербург.

Находясь в Петербурге, автор дневника записал: «Да, враги у нас теперь имеют огромные силы, и решительно со всех морей, и даже с Камчатки угрожают нам... Да, грустно, грустно думать нам о потере Севастополя, этой чудной колыбели наших черноморцев, колыбели столь дорого стоящей России... Бог даст и теперь мы перенесем эту чашу испытаний, и Россия снова озарится блеском и силою. Уже давно ясно было, что не свобода Турции, а слава России побуждала англо-французов к войне, ясно и теперь, что не разрушение сильного нашего порта и истребление южного флота, а весь полуостров Крым хочется их алчности...»[28].

13 ноября появляется запись о снятии блокады Свеаборга: «В Балтийском море неприятель, кажется, удалился восвояси, и тем дал случай 2-го числа пройти из Кронштадта в Свеаборг 10 канонерским винтовым лодкам и одному небольшому пароходу и кроме того, говорят, что недавно прошли туда уже нагруженные разными снарядами пароходы и корабль»[29].

4 января 1856 г. автор в своих записях выражает опасения по поводу итогов войны и дальнейших планов России в сложном противостоянии с различными западноевропейскими странами. «Война, этот бич народов, невольно у всех на уме... Хотя иностранные газеты и пишут что-то про мир, но тотчас же упоминают о приготовлениях к войне, и трудно верится в возможность первого. Может быть, планы изменятся... Теперь-то они видят всю бесполезность двухлетней кампании в Крыму: разрушили половину Севастополя, и только, а Крым все еще в наших руках и двинуться во внутрь полуострова они боятся»[30].

Автор дневника высказывает радость по поводу того, что заведовать обороной Кронштадта по инженерной части поручено знаменитому Э. И. Тотлебену, обессмертившему себя своей фортификационной деятельностью в Севастополе, за 2 года из капитанов дослужившемуся до генерал-майора и генерал-адъютанта и получившему европейскую известность и имя «русского Вобана».

6 февраля в дневнике содержится следующая запись: «Важное европейское событие – все ожидают скорого мира... Россия приняла предложенные ей мирные условия ... и в этом месяце уполномоченные должны съехаться в Париж для утверждения перемирия, а потом и мира... Австрия и Пруссия колеблются

в своем нейтралитете, а Швеция и Дания уж заключили тайный союз с западными государствами касательно наступающих их действий в Балтийском море». Были выдвинуты следующие условия заключения мира: «Во 1-х, нейтрализация Черного моря, тогда как до сей поры по оному плавали только суда России и Турции, а теперь будут плавать все, а главное Англия, этот паук, распространяющий свои торговые сети по всему миру и которому теперь рукой подать до его Ост-Индских владений, 2-е, грустное для нас условие... Это условие состоит в содержании одинакового числа военных кораблей с Турцией. А что теперь Турция? Рабыня и данница Англии, следовательно, у нас в Черном море будет столько кораблей, сколько захочется англичанам, но, может быть, и мы будем иметь на них влияние и обстоятельства изменятся...». Насчет Севастополя и Карса «занятые пункты возвращаются взаимно». «Франция вела эту войну без всякой явной причины, она ничего из нее не извлекала и не могла извлечь как держава не морская и которой Черное море не так важно, тогда как англичане стремились уничтожить наши морские силы, и южные уничтожили, теперь собрались нынешним летом уничтожить и северные; и тогда она одна владычица над морями и над морской торговлей своей опасной соперницы России... Глава Лондонского кабинета лорд Пальмерстон, боясь разрыва с союзником (с Францией. – *Ф.П., М.Ф.*), предложил условия в надежде, что они не будут приняты, но император Александр великодушно их принял, чтобы хотя на время успокоить всех. И можно представить себе, что во Франции было принято известие о мире с восторгом, с энтузиазмом, тогда как в Англии с ропотом и негодованием (они надеялись завладеть и Балтикой)... Конечно, мир был бы благодетелен для всех ... но по слухам, хотя вооружения как у нас, так и у врагов, по политической поговорке «если хочешь мира, будь всегда готов к войне», везде продолжаются»[31].

26 марта Леонтий Федотович сделал в дневнике последнюю запись: «Наконец, после трехлетнего кровопролития, страшного, гибельного, мир, но надолго ли?.. Говорят, что теперь откроются заграничные кампании для нашего флота, снаряжаются винтовые суда, чтобы чрез Средиземное море следовать в Чёрное, пойдут также и в кругосветное плавание, в которое я хотел проситься...»[32]

Таким образом, вводится в научный оборот новый дневник, который дополняет известные ранее источники, такие как дневники русского солдата И. Загородникова, артиллерийских офицеров Ф. Нордмана и Н. Эгерштрома, капитана 1-го ранга Р. Нечаева, неизвестного офицера с корабля «Россия» и др.

---

[1] ОПИ ГИМ. Ф. 420. Ед. хр. 413.
[2] Там же. Л. 4 об.
[3] Там же. Л. 6.
[4] Тарле Е. В. Сочинения: В 12 т. М., 1959. Т. IX. С. 45.
[5] ОПИ ГИМ. Ф. 420. Ед. хр. 413. Л. 17 об. – 18.
[6] Там же. Л. 18 об.
[7] Тарле Е. В. Сочинения. Т. IX. С. 422.
[8] ОПИ ГИМ. Ф.420. Ед. хр. 413. Л. 19–20.
[9] Якоби Борис Семенович (1801–1874) – физик, электротехник; с 1847 г. – академик. Ленц Эмиль Христианович (1804–1865) – физик, автор знаменитого закона Джоуля-Ленца; с 1834 г. – академик.
[10] ОПИ ГИМ. Ф. 420. Ед. хр. 413. Л. 24–26.
[11] Там же. Л. 31об. – 32
[12] Там же. Л. 34 – 35.
[13] Там же. Л. 37 – 37 об.
[14] Там же. Л. 38 об. – 39.
[15] Там же. Л. 39 об.
[16] Там же. Л. 45–47.
[17] Там же. Л. 52–51 об.
[18] Там же. Л. 57– 58.
[19] Тарле Е. В. Сочинения. Т. IX. С. 422.
[20] ОПИ ГИМ. Ф. 420. Ед. хр. 413. Л. 63–64.
[21] Тарле Е.В. Сочинения. Т. IX. С. 426–427.
[22] ОПИ ГИМ. Ф. 420. Ед. хр. 413. Л. 69–71.
[23] Там же. Л. 75–76.
[24] Там же. Л. 78–78 об.
[25] Там же. Л. 80–81об.
[26] Там же. Л. 86–87 об.
[27] Там же. Л. 88–89 об.
[28] Там же. Л. 94–96, 99 об. – 100.
[29] Там же. Л. 106 об. – 107.
[30] Там же. Л. 109–109 об.
[31] Там же. Л. 117–118.
[32] Там же. Л. 126–128.

Е. П. Петрова (Владимир)

УКРАШЕННЫЕ КРЕМНЕВЫЕ ПИСТОЛЕТЫ XVIII В. В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В СОЗДАНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ до начала массового машинного производства принимали участие не только искусные ремесленники – литейщики, кузнецы, механики, которые отвечали за технические качества, но и граверы, чеканщики, резчики по металлу, дереву и кости, которые занимались сборкой оружия и нанесением декора. В собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника интерес представляют 16 кремнёвых пистолетов XVIII в., в отделке которых сочетаются различные техники обработки металла и дерева. Рассмотрим эти пистолеты.

В 1920 г. из усадьбы последнего предводителя дворянства Владимирской губернии В. С. Храповицкого в селе Муромцево Судогодского уезда Владимирской губернии поступила коллекция оружия[1], украшавшая в начале XX в. рыцарский замок его владельца. Среди предметов – кавалерийский пистолет первой четверти XVIII в. с необычной художественной отделкой (В-6300/2078) (ил. 1). Ранние пистолеты военных образцов с кремнёвым замком не входили в число штатного оружия офицеров, изготавливались на заказ, украшались по желанию владельца. Ствол рассматриваемого пистолета гладкий, с тонкой гравировкой на казне растительного орнамента и инициалов владельца «АЛМ(?)» на верхней грани. На замочной доске сказочный или мифологический сюжет: примитивно гравированы две обнявшиеся фигуры, возможно, водяного и русалки (водяного и водяницы). Декор оружия – изображения людей, животных, различных атрибутов – восходит к тем временам, когда эти изображения

Ил. 1. Пистолет кремневый кавалерийский. 1700–1725 гг.

наделялись магической силой, которая должна была помогать владельцу оружия. (Славяне верили, что водяной – это одно из самых мудрых существ в природе). Особого внимания на пистолетах заслуживает противозамочная доска, или замочная личина. Замок, как правило, крепится к огнестрельному оружию двумя и более винтами. В XVII в. их стали заменять тщательно обработанной пластиной, напоминавшей по форме букву «S», и постепенно замочная личина становится средством украшения. На кавалерийском пистолете замочная личина стальная, со стилизованным изображением русалки в ветвях и дракона. Прибор стальной, с гравировкой. Спусковая скоба фигурная, с балясинами. Ложа с овальной в сечении рукоятью доходит до дульного среза и заканчивается роговой накладкой. Внизу цевья – канавка для шомпола. Ствол крепится на ложе двумя стальными обоймицами. Общая длина – 540 мм. Длина ствола – 340 мм. Калибр – 16 мм.

Кремнёвые пистолеты носили по два из-за частых отказов при стрельбе, оружейники так и изготовляли их – парами, причем пистолеты одной пары должны быть совершенно одинаковыми[2].

Рассмотрим парные пистолеты с самой богатой художественной отделкой (В-881, В-38850) (ил. 2). Они поступили в 1931 г. в качестве обмена из Оружейной палаты Московского Кремля[3]. Происходят, вероятно, из императорской Рюст-камеры («оружейная комната») XVIII — начала XIX вв.

Стволы турецкие (отличаются клеймами), гладкие, граненые в казенной части, с фигурными наплывами вверху, украшены рельефной насечкой, выполненной золотой и серебряной проволокой. Это более сложная техника, чем плоская насечка, при которой инкрустируемый металл не заглублялся внутрь

Ил. 2. Пара кремневых пистолетов. 1738 г.

и орнамент получался выпуклым, красиво выступая над поверхностью ствола. Замок, замочная доска и даже замочный винт декорированы оброном – одним из самых сложных и эффектных способов, при котором выбирался фон рисунка и орнамент получался рельефным, изображения полировались, фон канфарился. На курке, среди листьев с побегами, изображена бегущая собака. На замочной доске дважды изображена сцена охоты на оленей с собаками, выбита дата: «1738». На крышке пороховой полки – рельефный лист аканта. Замочная личина ажурная, с изображением колесницы, в которую впряжен грифон. В колеснице с головой птицы сидит воин со щитом в левой руке. На щите изображение лица или маски.

Для украшения пистолетов XVIII в. мастера использовали сюжетные композиции, заимствованные из сборников рисунков, составленных на основе мотивов античного искусства[4]. К фурнитуре пистолета относятся также затыльник рукояти, спусковая скоба, шомпольные гнезда. С конца XVII и до середины XIX в. латунные затыльники часто имели львиную маску (маскарон) или какое-то иное декоративное украшение, отлитое рельефно в центре затыльника. На затыльниках пистолетов, с двух сторон, в центре арматуры из оружия и знамен изображения воинов: справа – с копьем, слева – с мечом. Под ногами воинов – стилизованные маски. В центре затыльника, в обрамлении листьев аканта, рельефная маска. Спусковая скоба с гравированным растительным орнаментом, передний конец в виде пальметки. Ложа

доходит до дульного среза, украшена резьбой растительного характера: около хвостовика вырезан лист аканта, в нижней части – симметричные завитки. На ложе одного пистолета около спусковой скобы выбиты номер (35) и овальное клеймо с изображением птицы. Шомпольные гнезда граненые, украшены гравировкой, на плоской поверхности заднего гнезда – изображение маски. Весь прибор позолочен. Общая длина – 520 мм. Длина ствола – 330 мм. Калибр – 15 мм.

Оформление кремневых пистолетов первой половины XVIII в. во многом находилось под влиянием художественных стилей барокко и рококо, для которых характерны композиции на мифологические темы, сцены охоты, вплетенные в стилизованный растительный орнамент. Все это характерно для рассмотренной пары пистолетов, в украшении которой органично сочетались различные техники художественной обработки металла и дерева: гравировка, оброн, художественное литье, насечка, золочение, резьба.

Из усадьбы В. С. Храповицкого поступили две пары пистолетов оружейного мастера Л. Леконта, который был известен в Льеже в период 1720–1760 гг.[5]

Отличительной особенностью первой пары (В-811, В-812) является симметричный высокий орнамент из цветов, листьев аканта, ромбов, выступающий на золоченом фоне, характерный для второй половины XVIII в. В технике оброн украшены ствол на казне, хвостовик, курок, замочная доска и весь стальной прибор: замочная личина, близкая по форме к замочной доске, спусковая скоба, граненый затыльник, шомпольное гнездо, щиток на рукояти в виде картуша. На замочной доске – гравированная надпись: «L LECOMTE». Ложа доходит до дульного среза, украшена резьбой растительного характера: около хвостовика и переднего конца спусковой скобы вырезаны листья аканта, на цевье – вьющиеся стебли. Шомпольные трубки бочкообразные. Общая длина – 500 мм. Длина ствола – 340 мм. Калибр – 15 мм.

Вторая пара пистолетов этого мастера – с латунным прибором (В-826/1-2). Стволы гладкие, граненые на казне, с растительным орнаментом на трех гранях. Курок и замочная доска украшены скромной гравировкой из листьев и геометрического орнамента. На замочной доске имя мастера: «L LECOMTE». Замочная личина, затыльник, спусковая скоба, шомпольные гнезда по форме повторяют прибор предыдущей пары пистолетов, за исключением гравированного орнамента. Ложа украшена резьбой, аналогичной

Ил. 3. La Roche J. B. Пистолет кремневый. Середина XVIII в.

резьбе на первой паре. На рукояти вмонтирован фигурный щиток с гравированным листом аканта. Общая длина – 500 мм. Длина ствола – 320 мм. Калибр – 15 мм.

Единственный пистолет середины XVIII в. в коллекции – с инкрустацией ложи (В-797) (ил. 3). Ствол гладкий, граненый на казне. Элементом декора ствола являются каннелюры с гравировкой и золочением, орнамент вокруг мушки. Курок с гравировкой. На замочной доске, слева, из-под фигурного наплыва появляется военная арматура, в центре доски указано имя мастера: La Roche Paris. Ла Рош – оружейник из Парижа, работал в Луврской галерее, был одним из лучших декораторов, которому подражало большинство мастеров Европы, умер в 1769 г.[6] Замочная личина выполнена в технике литья: изображены цветы, ветви с листьями, виньетки. Прибор латунный. Спусковая скоба фигурная, передний конец – в виде пальметки с маскароном, в центре изображение маски среди растительного орнамента, под ней – военные атрибуты. Ложа из ореха, украшена пышной резьбой растительного характера. Затыльник латунный гладкий, с геометрическим орнаментом. На рукояти помещен овальный серебряный щиток с гравированным гербом России: двуглавый орел под короной, на груди которого Георгий Победоносец. Щит увенчан короной. По рисунку герба можно предположить, что щиток выполнен в начале XIX в. Вокруг щитка – инкрустация серебряной проволокой, создающая тонкий витой рисунок. Общая длина – 510 мм. Длина ствола – 325 мм. Калибр – 15 мм.

В конце XVIII в. в украшении оружия мастера возвращаются к использованию сюжетов из античной истории. Это хорошо видно на примере пистолета с латунным стволом (В-800). Ствол гладкий, с рельефным растительным орнаментом в казенной

Ил. 4. Пара кремневых пистолетов. Конец XVIII в.

части и изображением фигуры античного воина с копьем. Прибор латунный. На спусковой скобе – изображение собаки с опущенным хвостом, сидящей на задних лапах под балдахином. В декоре затыльника – мотивы военной эмблематики: воины среди предметов вооружения (военных трофеев), развевающихся знамен. Завершением затыльника служит отдельно отлитый маскарон. На шомпольном гнезде – изображение маски. Ложа доходит до дульного среза и имеет латунную накладку. Общая длина – 510 мм. Длина ствола – 340 мм. Калибр – 14 мм.

Еще одна пара пистолетов конца XVIII в. – с мифологическими сюжетами (В-829/1,2) (ил. 4). Стволы гладкие, в казенной части отделаны пятью гранями, украшены гравировкой на казне, хвостовике и вокруг овальной мушки. Наверху – накладная латунная гравированная пластина с гротескным поясным изображением мужчины в высоком головном уборе, возможно, персидского царя в тиаре. Замок и замочная доска – с гравировкой. Замочная личина ажурная, со стилизованным изображением парных драконов. Прибор латунный, гравированный. Спусковая скоба фигурная, передний конец в виде пальметки с маскароном, в середине скобы – изображение гротескного существа. Ложа украшена резьбой растительного характера, около хвостовика – лист аканта. Затыльник с двух сторон украшен изображением женской фигурки со склоненной головой среди пышных растений, под ней – маскарон. Рукоять заканчивается овальной

рельефной пластиной с маскароном. Наверху рукояти – литой бронзовый гладкий гербовый щиток. Общая длина – 520 мм. Длина ствола – 330 мм. Калибр – 13 мм.

Пара кавалерийских пистолетов конца XVIII в. со стальным прибором (В-827/1-2). Стволы гладкие, с гравированным орнаментом на казне и вокруг мушки. Замок и замочная доска украшены гравированными побегами. Замочная личина ажурная со стилизованными листьями и стеблями. Спусковая скоба фигурная, передний конец в виде пальметки. Ложа с резьбой растительного характера. Рукоять заканчивается стальным затыльником с рельефным восьмилепестковым цветком с граненой серединой. На рукояти – гербовый геральдический щиток с изображением маскарона в нижней части. Общая длина – 550 мм. Длина ствола – 360 мм. Калибр – 17 мм.

Пара пистолетов конца XVIII в. с женским портретом на рукояти (В-828/1-2). Стволы гладкие, в казенной части отделаны пятью гранями, украшены гравировкой. Наверху казенной части и на хвостовике – латунная гравированная накладная пластина. Курок и замочная доска украшены гравировкой. Замочная личина фигурная литая, с растительным орнаментом. Прибор латунный. Ложа резная, затыльник стальной, с украшением в виде многолепесткового цветка, с накладным латунным маскароном. В верхней части рукояти вмонтирована латунная фигурная литая пластина с изображением женского портрета в овальной рамке. Общая длина – 530 мм. Длина ствола – 350 мм. Калибр – 12 мм.

Над созданием пистолета с накладными чеканными пластинами (В-819) трудились мастера разных стран. Подобная практика была широко распространена в XVIII–XIX вв. Пистолет изготовлен в Южной Европе, вероятно, для турецкого рынка. Ствол гладкий, в казенной части отделан пятью гранями, украшен гравированным орнаментом. Замок, замочная доска, спусковая скоба, затыльник с растительным орнаментом. Прибор стальной. В таком виде пистолет европейской работы прибывал в Османскую империю, где (возможно, в самой Турции) он украшался чеканными накладками на турецкий манер: в верхней части рукояти – фигурная серебряная пластина с симметричным орнаментом, ниже казенной части – фигурная серебряная обоймица. На конце ствола и на шомполе – двойная латунная чеканная обоймица с растительно-геометрическим орнаментом. Рукоять перевита крученой стальной проволокой, что

характерно для восточных пистолетов. Общая длина – 530 мм. Длина ствола – 350 мм. Калибр – 17 мм.

Подводя итог, можно сказать, что для украшения пистолетов оружейники XVIII в. использовали разнообразные техники художественной обработки металла и дерева. В декоре рассмотренных пистолетов прослеживаются общие черты: наиболее популярными были сцены охоты, сюжеты из античной мифологии, фигуры реальных и мифических животных, фантастических существ. Для этого времени характерны сложные орнаментальные композиции на замочных личинах, спусковых скобах и затыльниках рукоятей. Многие образцы оружия, изготовленные мастерами в XVIII в., можно рассматривать как произведения декоративно-прикладного искусства. К сожалению, мода на богатое украшение личного огнестрельного оружия длилась до последней четверти XVIII в. С появлением дуэльных пистолетов на первый план выходят надежность и безотказность оружия, украшение на пистолетах, кроме подарочных, сводилось к минимуму[7].

---

[1] Петрова Е. П. Древности Оружейной палаты в собрании оружия Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. Выпуск 1. М.: БуксМАрт, 2018. С. 304.

[2] Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб.: Полигон. 1994. С. 162.

[3] Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Опись предметов, изъятых из совхоза Муромцево для передачи во Владимирский музей от 15 июля 1920 г. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 42. Л. 4 об.

[4] Грифоны – мифические существа, символизируют власть над небом и землей, силу, бдительность и гордыню. Коляски, запряженные грифонами, являются атрибутами небесных богов, которые перевозят Солнце. В качестве возниц подобных колесниц часто выступают герои или победители, что делает колесницу символом битвы.

[5] E. Heer 'Der neue Stockel. Internationales Lexikon der Buchsenmacher, Handfeuerwaffen-Fabrikanten und Armbrustmacher van 1400-1900', 3 Bande, Schwabisch Hall, 1978-1982. Т. 1. С. 237.

[6] Маркевич В .Е. Указ. соч. С. 151.

[7] Блэр К. Пистолеты мира. М., 2007. С. 124.

И. Б. Пинк (Тула)

КАЗНОЗАРЯДНЫЕ НЕАВТОМАТИЧЕСКИЕ ПИСТОЛЕТЫ В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ

СОБРАНИЕ Тульского государственного музея оружия (далее – ТГМО) располагает различными коллекциями стрелкового и холодного оружия. Среди них можно выделить образцы неавтоматических казнозарядных пистолетов. Целью данного доклада является введение данной коллекции в научный оборот, а также соотнесение ее предметов с различными этапами развития стрелкового оружия в целом.

Под неавтоматическими казнозарядными пистолетами следует понимать стрелковое огнестрельное оружие, предназначенное для стрельбы на близкие дистанции с помощь одной руки, запирающееся с казенной части с помощью затворов или плоскостью ствольной коробки. Они могут быть как однозарядными, так многозарядными, но при этом в них для размещения патронов не используются, как в револьверах, вращающиеся барабаны. Конструктивное сходство с таким видом стрелкового оружия имеют сигнальные пистолеты, однако они предназначены для выполнения других задач. В собрании ТГМО сигнальные пистолеты составляют отдельную коллекцию, которая будет представлена в дальнейшем, а некоторые предметы, входящие в ее состав, рассмотрены ранее[1].

Казнозарядные образцы появились на самых ранних этапах эволюции огнестрельного оружия, однако до введения машинного производства уступали по надежности дульнозарядным системам и не получили широкого распространения. Изобретение пистолетов, заряжающихся с казенной части ствола, также относится к самому началу истории этого вида стрелкового оружия. Так, один из первых сохранившихся образцов датируется

Ил. 1. Капсюльный казнозарядный пистолет. Опытный образец. Тульский оружейный завод. 1838 г. ТГМО КП-1452

концом XVI в. Это германский колесцовый пистолет из собрания Исторического музея в Вене. Другой – казнозарядный колесцовый пистолет из Музея Виктории и Альберта, изготовленный в Дрездене, произведенный около 1610 г.[2] Из-за относительной сложности конструкции казнозарядные пистолеты долгое время не получали широкого распространения, хотя попытки создать удачную модель такой конструкции продолжались и в XVIII – первой половине XIX в., сначала на базе ударно-кремневых, а затем и капсюльных замков.

Казнозарядные капсюльные пистолеты в качестве боевого образца для российской армии рассматривались также и в России. Например, в собрании ТГМО хранится капсюльный казнозарядный пистолет, изготовленный на Тульском оружейном заводе в 1838 г. (ТГМО КП-1452)[3]. Это опытный военный образец с коротким цевьем, усиленным стальной «ствольной коробкой». Круглый конический ствол с граненой казенной частью соединен с цевьем латунным двойным ложевым кольцом. Капсюльный замок с внешним боковым курком помещен с правой стороны пистолета. При движении вперед рычага, расположенного под стальной спусковой скобой, ствол поворачивается на шарнире вниз (ил. 1). В этом пистолете использована система запирания, аналогичная той, которая применена в дуэльном пистолете Ж. Ф. Лелиона из собрания ВИМАИВиВС[4].

Каких-либо документов, подтверждающих проведение испытаний системы Лелиона в России в качестве армейского оружия, выявить не удалось. Следовательно, образец в собрании ТГМО в настоящее время представляет собой единственное

Ил. 2. Пистолет-карабин системы Дельвиня. Франция, г. Сент-Этьенн. Государственная оружейная фабрика. 50–60 гг. XIX в. ТГМО КП-6409

доказательство попыток принять на вооружение российской армии боевые казнозарядные капсюльные пистолеты. По всей вероятности, он был изготовлен на Тульском оружейном заводе по распоряжения Комитета по улучшению штуцеров и ружей, который с 1830 по 1844 гг. занимался поисками образцов для переделки боевого ударно-кремневого оружия в капсюльное. Известно, что среди ружей Комитетом также рассматривались казнозарядные системы, например, конструкции Робера-Велле[5].

Если опытный «тульский» пистолет 1838 г. относится к «переламывающимся» системам, то капсюльный пистолет-карабин системы Дельвиня для запирания канала ствола использует откидной затвор, который вращается на шарнире вверх-вперед и фиксируется защелкой с подпружиненным рычагом отпирания (ТГМО КП-6409). Ложа состоит из деревянного приклада с выемом на левой стороне и пистолетной рукоятки. Приклад съемный, ввинчивается в ствольную коробку, фиксируется сдвижной защелкой с рычагом в виде ласточкиного хвоста. Таким образом, такое оружие с длиной ствола около 30 см можно использовать и как карабин, и как пистолет (ил. 2).

Этот пистолет-карабин разработан офицером французской армии Густавом Дельвинем и произведен во Франции на Государственной оружейной фабрике в г. Сент-Этьенн, на что указывает клеймо Государственной испытательной станции этого города, которое ставилось с 1856 г. На ствольной коробке около спусковой скобы и на затворе внутри выбит заводской номер 27[6].

Подобный образец Дельвиня с нарезным стволом рассматривался российским Комитетом по улучшению штуцеров и ружей. Этим оружием заинтересовался император Николай I, и в декабре 1841 г. были проведены испытания системы Дельвиня в Образцовом кавалерийском полку. В результате она была

Ил. 3. Капсюльный многозарядный пистолет системы Коллэ. Бельгия. 50–60-е гг. XIX в. ТГМО-8030

отклонена, но модели Дельвиня послужили базой для разработки дульнозарядных капсюльных пистолетов, принятых на вооружение офицеров российской армии в 40-х гг. XIX в.[7]

На базе казнозарядных пистолетов создавались также многозарядные системы. Так, в собрании ТГМО представлен капсюльный пистолет системы Коллэ (ТГМО-8030). Бельгийский оружейник, владелец фабрики в предместье г. Льеж Анри-Жозеф Коллэ, работавший в 40–50-е гг. XIX в., предложил четырехзарядную модель оригинальной конструкции[8]. В системе Коллэ используется вертикально расположенная обойма с гнездами, в которые помещаются четыре бумажных патрона с порохом и пулей, последовательно воспламеняемых ударами курка по капсюлям, надетым на четыре брандтрубки. Мушка расположена на правой стороне ствола, так как при обычном расположении ее закрывала обойма, поднимающаяся при стрельбе вверх, и стрелок должен был наклонять пистолет в сторону (ил. 3).

Распространение унитарных патронов послужило новым толчком для создания на базе казнозарядных пистолетов многозарядных систем. Один из таких образцов также представлен в собрании музея. Это пистолет системы Колетта (ТГМО КП-6412). Затвор клинового типа расположен в стальной ствольной коробке конусовидной формы, которая соединена с рукоятью при помощи винтов на верхнем и нижнем хвостовиках. Магазин желобкового типа расположен вдоль ствола сверху на шести вертикальных стойках, со стороны казенной части на шарнире расположен подаватель патронов с изогнутым рычагом. Ствол стальной, восьмигранный, с расширением в казенной части, с продольным выемом на верхней грани. Канал ствола с шестнадцатью нарезами (ил. 4).

Ил. 4. Многозарядный пистолет системы Колетта. Бельгия. 60-е гг. XIX в. ТГМО КП-6412

В 1855 г. на Всемирной политехнической выставке в Париже бельгийский оружейника Викто́р Колетт представил пистолет собственной оригинальной конструкции. Над стволом своего образца он сконструировал магазин, в желобе которого в зависимости от калибра (6, 8, 10 или 11,2 мм) могло находиться до 18 патронов. Оружейник применил боеприпас, изобретенный годом ранее французом Франсуа-Андре Гоппилом.

Унитарный патрон представлял собой свинцовую пулю в форме колпачка с расположенными внутри нее зарядом дымного пороха и капсюлем. Таким образом, патрон Гоппила можно отнести к безгильзовым боеприпасам, попытки применения которых (в целом, безрезультатные) предпринимались во второй половине XX в. Подача патронов осуществлялась следующим образом. При взведении оружие немного наклоняли, и патрон досылался в патронник под действием силы тяжести. Затем затвор запирал ствол, а подачу патронов блокировала специальная крышка.

Форма магазина давала возможность стрелку отслеживать количество неиспользованных патронов. Однако диаметр пуль Гоппила около 12 мм не позволял использовать мощный заряд пороха. Поэтому пистолет Коллета использовался только для развлекательной салонной стрельбы или как целевое оружие[9].

Важную роль в развитии стрелкового оружия сыграла система Лефоше, в которой использовались так называемые «шпилечные» патроны. Наибольшее распространение она получила в револьверах и охотничьих ружьях, однако существовало и несколько образцов казнозарядных пистолетов, хотя они фактически повторяли конструкцию охотничьих ружей[10].

Ил. 5. Двуствольный шпилечный пистолет. Европа. Вторая половина XIX в. ТГМО КП-1458

Например, в ТГМО хранится двуствольный нарезной шпилечный пистолет (ТГМО КП-1458). Стволы расположены в горизонтальной плоскости. Запирание каналов стволов осуществляется с помощью двух подствольных крюков, входящих в пазы стволь-ной коробки. Курки внешние (ил. 5).

Идея сочетания в одном оружии пистолета и карабина нашла свое отражение и в системах под шпилечный патрон. Например, шпилечный ружье-пистолет из собрания ТГМО (ТГМО КП-6642) имеет съемный ствол и приклад, что позволяет его использовать в качестве ружья или пистолета. Однако такая разборная конструкция ставила своей главной целью создание компактного оружия для скрытого ношения, и поэтому это ружье-пистолет получил название «оружие браконьера». Система запирания этого образца аналогична одной из конструкций запирания охотничьих ружей под шпилечный патрон. Ствол запирается на два нижних крюка, и при заряжении поворотом в правую сторону нижнего рычага отпирания ствола опускается вниз на шарнире. В задней части изогнутой рукояти – фигурный выем для съемного приклада, окантованный стальной фигурной пластиной. На казенной части ствола выбито обозначение калибра оружия (16,0); на стволе снизу и спусковой скобе – цифра 9, по-видимому, заводской номер.

После распространения унитарных патронов центрального боя под них также появляются казнозарядные пистолеты.

Такие образцы в ряде стран принимаются на вооружение армии, прежде всего кавалерийских частей, а также полиции.

Ил. 6. Пистолет системы Вердера М1869. Германия. Фирма «Георг Грайс». ТГМО КП-7907

Известно, что во второй половине XIX в. широкое распространение в качестве военного и гражданского оружия получают револьверы. Использование армейских казнозарядных пистолетов, а также таких полицейских моделей, по всей видимости, связано со сложностью и высокой стоимостью револьверных образцов. Например, в России в самом начале 70-х гг. XIX в. рассматривалась возможность принятия на вооружение казнозарядного пистолета системы Ремингтона[11].

Например, пистолет системы Вердера М1869 принят в баварской армии, в основном, для кавалерии. Эту модель разработал конструктор Иоганн Людвиг Вердер на базе конструкции своей винтовки М1869, которая также состояла на вооружении войск Баварии. Всего было изготовлено около 4000 пистолетов системы Вердера[12].

В пистолете Вердера М1869 использован затвор качающегося типа, который открывается при нажатии на рычаг, расположенный перед спусковым крючком. Затвор и ударно-спусковой механизм смонтированы в ствольной коробке. Курок внешний, со спицей с ромбовидным рифлением, расположен в пазу ствольной коробки справа. Предохранитель рычажного типа, в виде подвижной верх-вниз фигурной пластины, закрепленной винтом на основании ударно-спускового механизма справа.

Пистолет системы Вердера М1869 из собрания ТГМО (ТГМО КП-7907) произведен фирмой «Георг Грайс» (Georg Greiss) и имеет заводской номер 3670. На площадке рукоятки справа выбиты войсковые обозначения армии Баварии (6751CR4, AM 156),

Ил. 7. Двуствольный жандармский пистолет Нагана М1877. Бельгия. Фирма «Л. и Э. Наган». 1877–1901 гг. ТГМО КП-7905

на хвостовике ствольной коробки – 1877, 1872; а на спусковом крючке заводской номер этой детали – 3633 (ил. 6).

В 1877 г. на вооружение бельгийской жандармерии принят двуствольный жандармский пистолет Нагана М1877, который использовался до 1901 г. (ил. 7).

Пистолет представляет собой систему американской компании «Ремингтон», модернизированную бельгийской фирмой «Э. и Л. Наган». В этой модели использован затвор кранового типа, который при отпирании стволов отводится назад. Рычаг полуовальной формы расположен с правой стороны. Ударно-спусковой механизм с внешними курками и одним спусковым крючком. Выстрелы осуществляются последовательно: сначала из правого ствола, при повторном нажатии на спусковой крючок – из левого ствола.

Первоначально пистолеты имели более короткие боковые стороны передней части рамки. Считается, что было изготовлено не менее 1000 штук пистолетов Нагана М1877 первой разновидности. Позднее боковые стороны были удлинены, в результате чего вся передняя часть рамки у пистолета второй разновидности изменила свою форму. Общее количество изготовленных пистолетов Нагана М1877 оценивается примерно в 2000 единиц[13].

Жандармский пистолет Нагана М1877 в собрании ТГМО относится к первой разновидности и имеет заводской номер 1505 (ТГМО КП-7905).

Ил. 8. Пистолет многозарядный системы Бэра. Германия, г. Зуль. Фирма «Й. П. Зауэр унд зон». 1910–1914 гг. ТГМО КП-1686

Казнозарядные пистолеты под унитарные патроны центрального боя применялись в качестве гражданского оружия, хотя тоже уступали в значительной степени по популярности револьверам. Такие модели в собрании ТГМО представлены пистолетом системы Бэра (ТГМО КП-1686). Два его нарезных ствола расположены в вертикальной плоскости, объединены в блок и жестко соединены с рамкой. Патроны размещены в плоской гладкой обойме с четырьмя каморами, которая вращается вокруг продольной оси. Первоначально производятся выстрелы из двух верхних камор, затем обойма поворачивается и следуют выстрелы из двух нижних камор. Таким образом, пистолет Бэра занимает промежуточное положение между магазинными пистолетами и револьверами традиционной конструкции[14].

Пистолет Бэра из собрания ТГМО произведен немецкой фирмой «Й. П. Зауэр унд зон». Интересно отметить, что на обойме этого пистолета с обеих сторон указаны номера патентов, полученных в Великобритании, России, Северной Америке, Германии и Бельгии. Дело в том, что в то время не существовало международного патентного права, а для защиты своих прав на территории конкретного государства следовало получить его патент (ил. 8)[15].

Патроны центрального боя использовались также в охотничьих и целевых пистолетах.

Одним из уникальных образцов собрания ТГМО является двуствольный казнозарядный пистолет, произведенный на частной фабрике тульского оружейника Николая Ивановича Гольтякова (ТГМО КП-1520). Он имеет конструкцию затвора, аналогичную охотничьему ружью этого мастера. Затвор откидного типа, поднимается на шарнире вверх-вперед и представляет собой одну деталь с двумя выступающими бойками, запирающую каналы

одновременно двух стволов. Замки обратные с внешними курками. Для произведения выстрелов используется два спусковых крючка – отдельный спуск для каждого ствола. Нарезные стволы расположены в горизонтальной плоскости и соединены планкой.

На верхней соединительной планке выбиты двуглавый орел с короной, надпись «ПРИДВОРНЫЙ М. НИКОЛАЙ И. ГОЛЬТЯКОВЪ въ ТУЛЕ»; на казенной части правого ствола – в обрамлении лаврового венка под короной «НН», левого ствола – в обрамлении лаврового венка под короной «МН» – вензеля великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича (ил. 9).

Пистолет был сделан для этих великих князей, чьим придворным мастером являлся Н. И. Гольтяков, и вместе с ружьем экспонировался на Первой российской специализированной выставке охотничьего оружия и промысловых орудий 1886 г.[16]

Также для комнатной стрельбы использовались пистолеты системы Монтекристо [17]. Такие пистолеты получили название «салонных»[18]. В собрании ТГМО хранятся три таких образца (ТГМО КП-1523, ТГМО КП-1524, ТГМО КП-1525) Ударно-спусковой механизм с внешним курком серединного типа, смонтирован в ствольной коробке. Один из них выпущен бельгийской фирмой «Ронже и сын» в 1924–1934 гг. (ТГМО КП-1523)[19]

В XX в. в качестве личного оружия широкое распространение получили автоматические пистолеты. Неавтоматические казнозарядные пистолеты в этот период использовались, главным образом, как специальное оружие.

В собрании ТГМО хранится малогабаритный специальный пистолет МСП (ТГМО КП-4533), который относится к бесшумному оружию. В МСП используется 7,62-мм специальный патрон СП-3, принцип действия которого основан на использовании телескопического пыжа-поршня, который стопорится в дульце гильзы и запирает в ней пороховые газы[20].

Два нарезных ствола, расположенные в вертикальной плоскости, объединены в единый откидной блок, который крепится к рамке на шарнире. Запирание блока стволов производится за цапфы особым рычагом с левой стороны рамки. Между стволами расположен экстрактор. Заряжание происходит сразу двумя патронами в обойме. После выстрела при повороте блока стволов вперед-вверх экстрактор обходит расположенный впереди копир и продвигается назад, выдвигая обойму с гильзами.

Ил. 9. Двуствольный охотничий казнозарядный пистолет. Россия, г. Тула. Фабрика Н. И. Гольтякова. 80-е гг. XIX в. ТГМО КП-1520

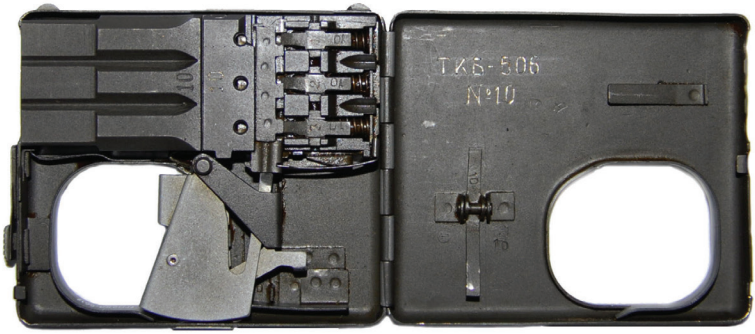
Ударно-спусковой механизм с двумя курками и винтовыми цилиндрическими боевыми пружинами размещен внутри рукоятки. Курки взводятся специальным рычагом, расположенным под спусковой скобой.

МСП разработан в ЦНИИТОЧМАШ совместно с группой конструкторов Тульского оружейного завода (далее – ТОЗ) под руководством Р. Д. Хлынина. СП-3 создан конструкторами ЦНИИТОЧМАШ Б. В. Семиным и Е. Т. Розановым. В 1972 г. пистолет МСП с патроном СП-3 принят на вооружение для подразделений специального назначения Министерства обороны и КГБ СССР[21].

МСП из собрания ТГМО выпущен на ТОЗ и имеет заводской номер НК 0202.

Для бесшумной стрельбы также предназначен специальный трехствольный пистолет ТКБ-506. Он получил название «стреляющий портсигар», т. к. размещен в стальном прямоугольном корпусе с овальным сквозным отверстием, копирующем форму портсигара. Три нарезных ствола объединены в съемный блок прямоугольной формы и запираются затвором сложной формы. Ударно-спусковой механизм куркового типа с тремя курками, смонтированными в затворе, и спусковым крючком в виде клавиши (ил. 10)[22].

«Стреляющий портсигар» ТКБ-506 разработан для отечественных спецслужб в ЦКИБ СОО знаменитым тульским конструктором Игорем Яковлевичем Стечкиным.



Ил. 10. Трехствольный специальный пистолет ТКБ-506. Россия, г. Тула. ЦКИБ СОО. 1955 г. ТГМО КП-5480

В пистолете использованы бесшумные патроны калибра 7,62 мм. В связи с тем, что длина стволов составляет 25 мм, для сохранения убойного действия пули патроны получили усиленный заряд пороха. В качестве метательного средства применили капсюльный состав крупнокалиберного патрона (12,7 мм) с добавлением быстрогорящего пороха.

В собрании ТГМО хранится опытный образец ТКБ-506 под номером 10, выпущенный ЦКИБ СОО в 1955 г. (ТГМО КП-5480)[23].

Специальными патронами стреляет 4,5-мм подводный специальный пистолет СПП-1М. Пуля его патрона СПС имеет форму длинного металлического стержня. При движении под водой вокруг нее образуется полость с газом (каверна), и полет пули стабилизируется давлением внутри каверны. Пуля образует зазор со стенками гладкого канала ствола, в который проникает вода, что позволяет избежать разрыва ствола при выстреле под водой [24].

Работы по созданию оружия для спецподразделений ВМФ СССР были начаты в связи с появлением во второй половине XX в. подводных боевых пловцов. В 1968 г. ЦНИИТОЧМАШ получил задание на создание подводного пистолетного комплекса. В результате конструкторы разработали два комплекса – пистолетный и автоматный, основанные на одном способе метания пули[25].

Блок СПП-1М состоит из четырех гладких стволов и откидывается на шарнире вниз для перезаряжания. Патроны помещены в плоской стальной обойме, гильзы извлекаются из стволов одновременно. Ударно-спусковой механизм двойного действия. Ударник расположен на вращающемся основании и при каждом

Ил. 11. Трехствольный пистолет ТП-82. Россия, г. Тула. Тульский оружейный завод. 1983 г. ТГМО КП-4531

нажатии на спусковой крючок взводится и проворачивается на четверть оборота, подходя к следующему стволу [26].

СПП-1М в собрании ТГМО имеет заводской номер ТА-0235 и произведен на Тульском оружейном заводе (ТГМО КП-4535) .

К специальному оружию относится трехствольный пистолет ТП-82, хотя его в то же время можно считать охотничьим оружием (ил. 11). Он входит в комплекс СОНАЗ («стрелковое оружие носимого аварийного запаса»), который предназначен для экипажей космических и летательных аппаратов в случае их посадки в безлюдной местности для подачи световых сигналов, добывания пищи, защиты от хищных животных. ТП-82 разработан на Тульском оружейном заводе по инициативе и при участии космонавта А. А. Леонова тульскими конструкторами Н. В. Упировым, В. П. Очневым, А. Г. Рудневым, В. А. Парамоновым под руководством директора ТОЗ Н. Д. Масленникова. В 1986 г. СОНАЗ принят Военно-Воздушными Силами СССР.

ТП-82 практически представляет собой укороченное трехствольное охотничье ружье. Два верхних ствола гладкие, расположены в горизонтальной плоскости, нижний ствол нарезной. Гладкие стволы предназначены для стрельбы дробовыми и сигнальными патронами, нарезной – патронами калибром 5,45 мм. Ударно-спусковой механизм с двумя наружными курками и одним спусковым крючком. Последовательность выстрелов из разных стволов обеспечивается различным сочетанием курков и переводчика.

ТП-82 имеет съемный приклад, состоящий из мачете и чехла с затыльником для упора в плечо. Приклад обеспечивает более точную стрельбу, а мачете используется как рубящее средство, позволяющее прокладывать дорогу в зарослях, заготавливать дрова, рыть ямы и т. п.[27]

Ил. 12. Двуствольный газовый пистолет МР-341 «Хауда».
Россия, г. Ижевск. Ижевский механический завод. 2007 г. ТГМО КП-5653

ТП-82 из собрания ТГМО произведен в 1983 г. на Тульском оружейном заводе и имеет заводской номер 0019 (ТГМО КП-4531).

На базе охотничьего двуствольного ружья ИЖ-43 разработан двуствольный газовый пистолет МР-341 «Хауда», предназначенный для самообороны. Он имеет внешнее сходство с пистолетами «хауда», которыми вооружались погонщики слонов в Индии во время охоты на тигров в период британского колониального владения[28]. Возможно применение патронов с резиновой пулей. Каналы гладкие. Соединение стволов со ствольной коробкой и запирание каналов стволов осуществляется на два подствольных крюка, входящих в соответствующие пазы площадки ствольной коробки, и запорной планкой. Рычаг отпирания стволов расположен на ствольной коробке сверху, отводится в правую сторону.

МР-341 из собрания ТГМО (ТГМО КП-5653) произведен на Ижевском механическом заводе в 2007 г. (ил. 12).

К оружию самообороны относится бесствольный пистолет МР-461 «Стражник». Функцию патронника выполняет пластмассовая обойма (кассета) на два патрона. Обойма съемная, для заряжания откидывается вниз и в закрытом положении фиксируется правосторонней подпружиненной металлической защелкой. Экстрактор в форме цилиндрического стержня с утолщенной фигурной пластиной расположен в обойме слева (ил. 13).

«Стражник» является нелетальным оружием самообороны. Для стрельбы применяются травматические и специальные патроны, снаряженные электрокапсюлем. Травматические патроны снабжены резиновой пулей. Специальные патроны применяются для подачи сигналов бедствия и указания местонахождения. Горящие пиротехнические таблетки красного, желтого, зеленого цветов выстреливаются на высоту 80–120 м, а время их горения составляет 5 сек.[29]

МР-461 в коллекции ТГМО имеет заводской номер ЕО 346119336 и произведен Ижевским механическим заводом в 2003 г. (ТГМО КП-5185).

Ил. 13. Пистолет самообороны бесствольный огнестрельный МР-461 «Стражник». Россия, г. Ижевск. Ижевский механический завод. 2003 г. ТГМО КП-5185

Таким образом, собрание ТГМО позволяет проследить практически все основные периоды истории неавтоматических казнозарядных пистолетов. По распространению и применению такие образцы в значительной степени уступали автоматическим пистолетам и револьверам, тем не менее, на их развитии отразились все главные этапы эволюции стрелкового оружия и они занимали и продолжают занимать свою нишу в системе вооружений, преимущественно в качестве специального или малосерийного оружия.

---

[1] Пинк И. Б. Производство сигнальных пистолетов в Туле в 1910-х годах // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Второй Международной научно-практической конференции (18–20 мая 2011 года). СПб., 2011. Ч. 2. С. 247–258.

[2] См., например: Блэр К. Пистолеты мира. М.: Центрполиграф, 2007. С. 45, 323.

[3] Пинк И. Б. Опытные образцы стрелкового оружия для Российской армии XVIII – первой половины XIX в. (по материалам фондов ТГМО) // Оружие в исторических событиях, человеческих судьбах, музейных и частных коллекциях: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 140-летию Тульского музея оружия (23–24 октября 2013 г.). Тула, 2014. С. 183, 185.

[4] Кулинский А. Н. Дуэли. Оружие, мастера, факты. СПб.: Атлант, 2008. С. 37.

[5] См., например: Пинк И. Б. Международные научно-технические связи в истории разработки стрелкового оружия в России (1830–1918 гг.). Тула, 2018. С. 33–35, 170–173.

[6] Тульский государственный музей оружия. 100 уникальных предметов из собрания музея. Тула. Третий путь, 2016. С. 74–75.

[7] Пинк И. Б. Разработка капсюльных пистолетов для российской армии в 40-х годах XIX века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Второй Международной научно-практической конференции (12–14 мая 2010 года). Ч. 2. С. 229–39.

[8] https://www.collectorebooks.com/gregg01/Lot-106.htm (30.01.2023).
[9] Сала А. Пистолеты и револьверы. М.: АСТ, Астрель, 2008. С. 143. https://pikabu.ru/story/pistolet_sistemyi_kolette_6579041 (8.02.2023); https://topwar.ru/129819-magazinnyy-pistolet-collette-belgiya.html (8.02.2023).
[10] Там же. С. 150.
[11] Вооружение нашей кавалерии // Оружейный сборник. 1871. № 2. Отдел I. С. 145.
[12] Мордачев И. Укороченная молния // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2011. № 4. С. 90–93: https://www.kalashnikov.ru/medialibrary/524/ukorochennaya-molniya.pdf (24.06.2021); Блэр К. Пистолеты мира. Ил. 462; https://www.ohotniki.ru/weapon/smoothbore/article/2016/12/05/646922-kurkovyiy-shtutser-miller-amp-val-greiss-iz-myunhena.html (24.06.2021).
[13] http://historypistols.ru/blog/pistolety-pod-unitarnyj-patron-nesamozariydnie/dvustvolnyj-pistolet-nagan-m1877-belgijskoj-zhandarmerii-nagant-model-1877-gendarmerie-rolling-block-double-barrel-pistol-i-ego-raznovidnosti/ (09.06.2021); http://weaponland.ru/load/pistolet_nagant_m_1877_gendarmerie/115-1-0-642 (25.06.2021).
[14] Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. Полигон, 1995. С. 475–476.
[15] Тульский государственный музей оружия. 100 уникальных предметов из собрания музея. С. 98–99.
[16] Там же. С. 94.
[17] Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. С. 180.
[18] Стрелковое оружие / Под ред. Миллера. Смоленск: Русич, 2003. С. 20.
[19] Ивлева О. Б. Оружие Монтекристо в собрании Тульского государственного музея оружия // 145 лет Тульскому государственному музею оружия: сборник научных статей сотрудников музея. 2018. С. 49, 50.
[20] Ардашев А. Н., Федосеев С. Л. Оружие спецназа. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 196–197.
[21] Там же. С. 199–202.
[22] Пономарев Ю. Стреляющие портсигары Стечкина // Ружьё. Оружие и амуниция. – https://www.kalashnikov.ru/strelyayushhie-portsigary/. – (8.02.2023).
[23] Тульский государственный музей оружия. 100 уникальных предметов из собрания музея. С. 150–151.
[24] Ардашев А. Н., Федосеев С. Л. Оружие спецназа. С. 256–257; Федосеев С. Л. Все о пистолете. М.: АСТ, Астрель, 2004. С. 188–189.
[25] Болотин Д. Н. История советского стрелкового оружия и патронов. СПб.: Полигон, 1995. С. 45–46.
[26] Ардашев А. Н., Федосеев С. Л. Оружие спецназа. С. 256–257; Болотин Д. Н. История советского стрелкового оружия и патронов. С. 46–51.
[27] Болотин Д. Н. История советского стрелкового оружия и патронов. С. 46–51.
[28] Федосеев С. Л. Все о пистолете. С. 92.
[29] Пистолет самообороны бесствольный огнестрельный МР-461 Стражник. Паспорт. Ижевск: Ижевский механический завод, 2003 г.

Н. В. Пономарёв (Санкт-Петербург)

БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ БРОНЕВЫХ АВТОМОБИЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ В СОСТАВЕ РУССКОЙ АРМИИ В ХОДЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВПЕРВЫЕ БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ бронеавтомобилей произошло с началом Первой мировой войны. К моменту вхождения броневых иностранных частей в состав русских войск броневое дело в армии Российской империи было на достаточно высоком уровне и опережало в своем развитии большинство армий союзников и противников. В частности, уже 19.08.1914 г. в составе русских войск была сформирована первая в мире броневая автомобильная часть[1]. Со временем был наработан большой опыт их боевого применения и подготовки. На момент начала военных действий специальных требований, наставлений и руководящих документов по боевому применению и боевой подготовке броневых автомобильных частей не существовало.

С началом их боевого применения – с учетом приобретаемого опыта в боевой обстановке – определились оптимальная структура броневых автомобильных подразделений и их состав[2]. Был проведен повсеместный анализ участия броневых автомобильных подразделений в различных боевых условиях, выработаны практические рекомендации по их боевому применению, а также сформулированы требования к боевой подготовке экипажей броневых автомобильных частей. С расширением возможностей их боевого применения своевременно вносились соответствующие коррективы в боевую подготовку личного состава. Опыт боевого применения показал, что бронеавтомобили могли успешно действовать в условиях ограниченной видимости, для этого личный состав броневых автомобильных взводов дополнительно готовился

и проводил занятия по управлению броневыми автомобилями в условиях ночи и плохой видимости с потушенными фарами[3].

С учетом новых наработанных тактических приемов вносились соответственные изменения в тактику действия броневых автомобильных подразделений в бою и обучение им экипажей бронеавтомобилей и технических средств поддержки, входящих в состав взводов, команд и отрядов.

Для эффективных боевых действий бронеавтомобилям была необходима поддержка различных технических средств – мотоциклетов, легковых автомобилей и грузовиков. Мотоциклеты были предназначены для службы связи и разведки путей, к каждому бронированному автомобилю их придавали по одной единице и одну оставляли в распоряжении начальника броневой команды. Легковые автомобили предназначались для действий: вдали от противника – для перевозки некоторой части личного состава (как обслуживающего бронеавтомобили, так и для пополнения экипажей на полях сражений), а также для служебных перевозок офицерского состава; вблизи противника – для пополнения из тыловых баз и районов бронеавтомобилей, к которым они были приданы, боеприпасами и топливом. Три грузовых автомобиля взвода предназначались:

– под подвижную мастерскую с набором необходимых инструментов и соответствующим количеством ЗИП;

– под цистерну для бензина емкостью в одну тонну;

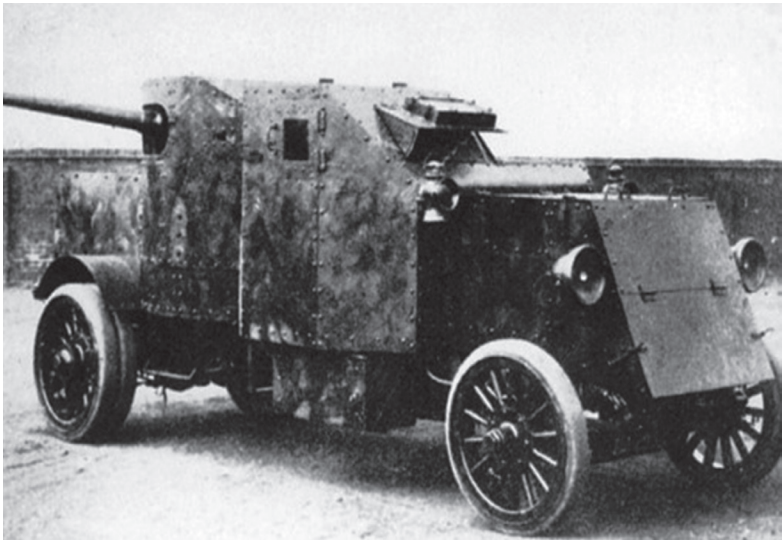
– под определённый запас горюче-смазочных материалов, боеприпасов и набора инструмента для обслуживания оружия. Для этой цели были предназначены только легкие грузовики с возможностью быстрого передвижения со всеми машинами броневого взвода.

Бронеавтомобили успешно действовали ночью, могли эффективно укрываться от артиллерийского огня[4]. В связи с возможностью использования скорострельного пушечно-пулеметного вооружения бронированные взводы направлялись для атаки обороняющегося противника, поддержки наступающих войск, в том числе и в ночных условиях, вынуждая противника отступать еще до подхода наступающих подразделений[5]. В то же время бронеавтомобили могли эффективно действовать только на шоссе и по хорошо укатанным широким грунтовым дорогам. В июне 1916 г. бронированный автомобильный отряд английского адмиралтейства был отправлен на Кавказский фронт, где

находился до сентября того же года. За этот период отряд принял участие в боевых действиях против курдских формирований и турецких войск. Ограниченный характер боевого применения отряда объясняется сложными условиями рельефа местности и спецификой театра военных действий.

В связи с низкой способностью бронеавтомобилей к передвижению по пересеченной местности они применялись главным образом на дорогах и серьезно зависели от их состояния. Это обстоятельство обусловило тактику действий. С другой стороны, высокая скорость передвижения и большой радиус действий давали возможность широкого боевого применения бронеавтомобилей совместно с кавалерийскими частями или с перевозимыми подразделениями пехоты для совместных боевых действий на большом удалении и в отрыве от основных сил. Так, 08.08.1916 г. английский отряд в составе трех броневиков, грузовых и легковых автомобилей выступил в направлении населенных пунктов (н. п.) Хаскей и Мосакс для присоединения к отряду генерала Назарбекова. Проезжая н. п. Коти и Тгак, колонна автомобилей подверглась сильному ружейному обстрелу со стороны курдских формирований, поддержанных, по сведениям разведчиков, двумя ротами турецких аскеров. После первого же залпа первый грузовик был остановлен и личный состав, находившийся в нем, занял оборону. После подхода к месту боя броневиков отряда, которые, встав на линию огня, прикрыли колонну, личный состав вновь погрузился на грузовики, и под прикрытием брони колонна вышла из-под обстрела подразделений противника[6].

Осенью 1916 г. бронированный автомобильный отряд английского адмиралтейства был передислоцирован на Румынский фронт, где принял активное участие в боевых действиях совместно с 4-м автомобильным броневым дивизионом. В этих боях особенно хорошо зарекомендовали себя пушечные машины отряда. 13.11.1916 г. противник крупными силами атаковал г. Браилов, все машины отряда вступили в бой с превосходящими силами противника. Очень удачно в бою действовали пушечные бронеавтомобили «Пирс-Арроу» (ил. 1). В ходе боя броневик под командованием лейтенанта Макдауэла был окружен отрядом противника до 50 бойцов, но удачным маневрированием и эффективным огнем всех боевых машин отряда противник практически был полностью уничтожен.



Ил. 1. Британский бронеавтомобиль «Пирс-Арроу»

В основном боевые действия бронированных автомобильных подразделений сводились к выдвижению в район сосредоточения противника с целью обстрела его во фланг, вправо и влево по пути движения автомобиля и непосредственно перед собой в глубину боевого расположения войск противника. Необходимость при этом ведения огня по трем направлениям и наличие всего двух пулемётов на бронеавтомобиле привели к включению в состав броневых подразделений третьей боевой машины, что позволило эффективно распределить между ними секторы стрельбы. Боевая практика показала, что лучшей организацией для броневых автомобилей был взвод, состоящий из трех боевых машин[7].

Броня боевых машин хорошо пробивалась ружейными пулями с расстояния 200–300 м, однако при удачном выезде бронеавтомобили, вооруженные пулеметами, наносили противнику огромные потери и особенно были ценны в момент наступления, когда двигались впереди наступающих боевых порядков своих войск и огнем заставляли противника укрываться в окопах, тем самым лишая его возможности вести эффективный оборонительный огонь из стрелкового оружия, что, в свою очередь, позволяло наступающим частям быстро и без серьезных потерь приближаться к переднему краю обороны противника.

Представляя собой сильное огневое и быстро передвигающееся средство, защищенное от ружейного и малокалиберного пулеметного огня, бронеавтомобили применялись:

1. При проведении дальней разведки, которая проводилась либо силами только броневых автомобильных подразделений, либо совместно с кавалерийскими отрядами. Во втором случае броневые автомобили имели основной задачей поддержку кавалерийских подразделений огнем своего вооружения[8]. Так, 3-й взвод английского броневого автомобильного отряда под командованием Локер Ламсона в составе войск 4-го Кавказского корпуса 22.08.1916 г. проводил дальнюю разведку н. п. Чухур, Норшен и Чавкис[9].

2. Личный состав броневых автомобильных частей применялся для ведения разведки. Велосипедисты бельгийского броневого дивизиона, несмотря на свою уязвимость, благодаря скорости и маневренности оказались хорошими разведчиками, которые добывали важные сведения о войсках противника[10].

3. Для захвата рубежей и важных пунктов, а также их удержания до подхода основных сил[11]. В ходе летнего наступления русских войск бельгийский броневой дивизион первым занял г. Езерну и, несмотря на сильный артиллерийский огонь и натиск подразделений противника, сумел закрепиться в городе до подхода основных сил русской армии (ил. 2).

4. В условиях перехода своих частей и подразделений к обороне. 12.10.1916 г. подполковник английского броневого отряда Кепинг докладывал, что армянские разведчики выяснили, что отряды курдов в большом количестве появились в районе перевала Вастан и заняли все населенные пункты по долине реки. Броневой автомобильный отряд английского адмиралтейства принял участие в бою с курдами, поддержанными турецкими войсками, у заставы Кешиш-Оглы. Отряд занял большую и сильно растянутую позицию у н. п. Шушанц, располагавшуюся на запад вплоть до озера. Турецкие войска начали массированное наступление по всему фронту, которое продолжилось и в течение ночи. Противник наступал силами двух батальонов с пулеметами и тремя орудиями, совместно с пешими курдами (до 1000 бойцов). Сильный пулеметно-артиллерийский огонь бронеавтомобилей с применением гранат остановил наступление турецких батальонов и заставил их отойти[12].

5. Для поддержки пехотных и кавалерийских подразделений и нанесения самостоятельных огневых ударов по противнику.

Ил. 2. Бельгийский бронеавтомобиль «Минерва»

19.08.1916 г. 3-й взвод английского броневого автомобильного отряда принял участие в атаке позиций турецких войск у н .п. Пав и Котни; 27.08.1916 г. – в атаке у н. п. Норшен и Чавкис[13].

18.11.1916 г. броневое отделение английского отряда содействовало наступлению пехотных частей русских войск Дунайского армии. Часть пулеметных броневиков, опередив пехотные подразделения, подъехала к проволочным заграждениям противника, открыв сильный пулеметный огонь по его окопам, тем самым дав возможность русским войскам быстро, с минимальными потерями приблизиться к переднему краю обороны противника и атаковать его[14].

19.11.1916 г. болгарские части атаковали левый фланг 36-го Сибирского полка, подразделения полка вынуждены были отступить, но контратакой броневиков английского броневого отряда под командованием капитан-лейтенанта Виллис-Гуда положение было восстановлено. В этот же день на участке 10-й Сибирской дивизии в течение дня позиции ее частей неоднократно были атакованы войсками противника. Все атаки были отбиты, чему, в частности, способствовали решительные

и умелые действия английских броневых автомобилей. В этом ожесточенном бою артиллерией противника были повреждены два английских броневика[15].

6. Для уничтожения небольших фортификационных сооружений противника. 19.11.1916 г. отряд старшего лейтенанта Смайлса поддерживал атаки пехотных частей русской армии, в ходе атаки артиллерийским огнем броневых автомобилей «Пирс-Арроу» уничтожил два наблюдательных пункта, пулеметный ДОТ и большое количество солдат противника. В этот день броневики вели бой с утра и до наступления темноты, после чего вернулись в г. Браилов.

7. Для борьбы с автомобильными броневыми частями противника.

8. Во время преследования отступающего врага. Бронированные автомобили врезались между отступающими частями противника и обстреливали их фланговым огнем своих боевых машин[16].

9. Во время отступления своих частей и подразделений – для сдерживания наступающего противника и недопущения развертывания его частей в боевые порядки. Летом 1917 г. броневой отряд английского адмиралтейства участвовал в тяжелых боях, прикрывая отход российских войск из Галиции.

10. Для организации засад и внезапных нападений[17].

11. Для установления и поддержания связи между подразделениями.

12. Для поддержки действий своих войск во время прорывов обороны противника. Летом 1916 г. началось наступление генерала Брусилова, в ходе которого личный состав бельгийского броневого дивизиона принял участие в боях на тернопольско-львовском направлении – под г. Тернополь у н. п. Цебров и Воробьевка[18]. Обладая высокой скоростью и мощным пушечно-пулеметным вооружением, бронеавтомобили были незаменимы в наступательных операциях и прорыве укрепленных позиций противника. 16.09.1916 г. бельгийский броневой дивизион принял участие в наступлении и прорыве обороны противника близ н. п. Свистельниково.

13. Для совершения налетов на объекты, охраняемые небольшими отрядами пехоты или кавалерии противника, на населенные пункты, на тыловые учреждения[19]. 27.08.1916 г. английский броневой автомобильный отряд, поддерживаемый конными

разведчиками 8-го полка и 1-м эскадроном конно-пограничного полка, провел набег на н. п. Човкиль, Чухур-Норшен и Моркс-Ерани. Разведчики и бронеавтомобили были направлены на н. п. Чухур-Норшен. Два взвода пограничников остались на прикрытие артиллерийского орудия, два направлены в обход н. п. Чаккин; им было придано пулеметное отделение английского отряда[20]. Для наступления на н. п. Чаккин с фронта были направлены другие бронеавтомобили отряда. Выйдя на свои позиции, бронеавтомобили открыли мощный огонь по населенным пунктам, в которых сосредоточился противник. Орудие отряда было расположено у линии телеграфных проводов и поддержало действия наступающих, открыло огонь вначале по н. п. Чаккин, потом по отходящим из него в горы курдским отрядам.

Под прикрытием огня пограничники ворвались в деревню, им удалось захватить брошенное курдами имущество. Орудие, перейдя на позиции к н. п. Чаккин, открыло огонь по линии окопов, а затем по турецкому лагерю, расположенному у н. п. Морке. В это же время у н. п. Чухур-Норшен под прикрытием огня бронеавтомобилей из аула были выбиты турецкие аскеры, в деревню вошли разведчики отряда, которыми были уничтожены запасы материальных средств и боеприпасы противника. Совместные боевые действия пограничников и разведчиков, поддержанные подразделениями броневого автомобильного отряда английского адмиралтейства, были очень эффективны и получили заслуженную оценку командования[21].

В целом боевое применение иностранных броневых автомобильных частей в составе русской армии на фронтах Первой мировой войны было признано эффективным. Иностранные броневые автомобильные части принимали участие в боях на Кавказском[22], Румынском[23] и Юго-Западном фронтах[24]. В ходе Первой мировой войны впервые были массово применены новые образцы военной техники, бронированные средства, включая бронеавтомобили и танки, которые навсегда изменили ход ведения боевых действий и положили начало развитию новых средств вооруженной борьбы.

---

[1] РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1824. Л. 1.
[2] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 585. Л. 68.
[3] Там же. Л. 169 об.

[4] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 585. Л. 2. Об., 3., 169 об.
[5] Там же. Л. 239 об.
[6] Там же. Д. 225. Л. 5, 6.
[7] Там же. Д. 585. Л. 2, 68.
[8] Тараканов. Тактика броневых войск. Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Головина в Белграде: Лекции, читанные в 1931–1932 учебном году на младшем классе. Белград. 1933. С. 102.
[9] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 225. Л. 8.
[10] Там же. Д. 585. Л. 240.
[11] Тараканов. Тактика броневых войск. С. 103.
[12] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 225. Л. 10–13.
[13] Там же. Л. 8.
[14] Там же. Д. 1212. Л. 48–49.
[15] Там же. Л. 59–60.
[16] Там же. Д. 585. Л. 169 об.
[17] Там же. Л. 68.
[18] РГВИА. Ф. 15379. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
[19] Тараканов. Тактика броневых войск. С. 104–107.
[20] РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 1099. Л. 1.
[21] Там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 225. Л. 2, 3.
[22] Там же. Д. 225. Л. 5.
[23] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 108. Л. 61.
[24] РГВИА. Ф. 15379. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

А. А. Порошин (Саратов)

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (МЛАДШИЙ): МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ изобилует недостоверной информацией, касающейся определенных военачальников прошедших войн, имена которых на слуху. В многочисленной литературе тиражируются их якобы волевые качества, обширные военные знания и умения, стратегическое мышление, военная прозорливость и др. Однако на поверку указанные их достоинства зачастую являются не более чем мифом, сложившейся легендой. Одним из таких «легендарных полководцев» является, на наш взгляд, великий князь Николай Николаевич (младший) – верховный главнокомандующий русской императорской армией в Первой мировой войне.

Вот лишь маленькая толика словоизлияний о нем. «Первый верховный главнокомандующий русской Действующей армией Первой мировой войны великий князь Николай Николаевич (младший) ... *был прирожденным воином*... (здесь и далее курсив мой. – *А. П.*). Знания, полученные в Академии Генерального штаба (окончил с серебряной медалью), масштабный опыт строевой службы, *боевые отличия* – стали серьезными вехами на пути формирования будущего полководца и администратора». «Природа наделила великого князя ... *твердой волей*...». «В период русско-турецкой войны 1877–1878 годов ... на него было возложено ответственное задание по проведению рекогносцировки берегов Дуная в районе Зимницы с целью выбора места для переправы войск. Молодой офицер хорошо справился с задачей, а затем *в числе первых* переправился через Дунай с дивизией, которой командовал генерал М. И. Драгомиров». «Природные качества, воспитание, образование, постоянная

работа и вдумчивое изучение военного дела создали великому князю в армейской среде *заслуженный имидж первого военного руководителя империи*» и т. п.

Рассмотрим личные и полководческие качества великого князя для того, чтобы определить, насколько реалии соотносятся с приведенными выше дифирамбами.

Верховный главнокомандующий (ВГК) великий князь Николай Николаевич (младший) в глазах своих современников был противоречивой фигурой. У одних он остался в памяти чрезвычайно грубым человеком, который при проверках подчиненных ему войск жестко наказывал провинившихся, по его мнению, офицеров. Другие, не отрицая грубости, вспоминали о его благородстве, приводя многочисленные факты того, что в случае явной несправедливости пострадавший мог всегда обратиться «по команде»[1] к Николаю Николаевичу (младшему). Тот, убедившись в данной ситуации в своей неправоте, немедленно отменял отданное им ранее приказание или примененное наказание. Более того, он приносил несправедливо наказанному офицеру свои извинения[2].

Тонкие наблюдения характера великого князя, свойств личности, динамика их изменений запечатлены в воспоминаниях протопресвитера русской императорской армии Г. Шавельского[3]. Отец Георгий отмечал, что большинство сослуживцев и подчиненных ВГК одинаково свидетельствуют, что «в годы молодости и до женитьбы великий князь Николай Николаевич отличался большой невыдержанностью, безудержностью, по временам – грубостью и даже жестокостью»[4]. В армии и в гвардии ходило большое количество историй, наводивших страх на людей его поведением в различных ситуациях. Но после женитьбы великий князь резко изменился. От прежнего стремительного («бешеного», по оценкам современников) характера остались быстрота и смелость в принятии решительных мер, если они признавались им нужными для дела.

Довоенная и военная пресса (и не только русская) пестрила описаниями непреклонной воли верховного ГК, что подтверждали и те должностные лица, которым не приходилось достаточно близко наблюдать великого князя. Он в сознании многих выглядел выдающимся полководцем, твердым в своих решениях. Вполне очевидно, что наличием воли должен обладать каждый офицер, а военачальник, желающий снискать себе лавры

полководца, без непреклонной, «железной» воли и упорства в достижении поставленной цели просто немыслим. Но люди, близкие по служебной необходимости к великому князю, подметили нюансы в поведении генерала, заставив несколько по-другому взглянуть на свойства характера Николая Николаевича (младшего). Один из современников отмечал, что некоторую злобность великого князя, которая была ему свойственна в молодые годы, ошибочно принимали за знак сильной воли, а резкость его манер давала впечатление решительности[5]. По мнению А. Самойло, одного из офицеров оперативного отдела генерал-квартирмейстерской службы Ставки, «...похвалы, расточаемые в его адрес официальной прессой, о его воле, энергии и прочем, к сожалению, не соответствовали действительности. Для нас, постоянно с ним связанных по службе, он был человеком бесхарактерным, всецело шедшим на поводу у Янушкевича, Данилова (НШ и генерал-квартирмейстер Ставки соответственно. – *А. П.*) и других. Никакой отваги (приписывавшейся ему в английской печати) он не проявлял». Более того, тот же автор воспоминаний отмечал и «мелочность характера ВГК, проявлявшуюся в отсутствии твердого управления фронтами, в тщеславных расчетах при освещении «заслуг» Рузского (командующего 3-й армией. – *А. П.*) под Львовом, в перенесении личной неприязни к Сухомлинову на деятельность его как военного министра»[6].

Другой современник, М. Свечин (не путать с А. Свечиным), очень тонко подметил, что внешнее проявление воли, решительная осанка Николая Николаевича (младшего), строгие разносы подчиненным имели место всегда там, где не требовалась его личная ответственность. Но в тяжелую минуту, «когда от его решения вся ответственность падала на него, пасовал... Совершенно иное принимать решения, за кои на него ложится вся тяжесть ответственности»[7].

Эту тонкость характера описал и Г. Шавельский, рассуждая о решительности великого князя. «При внимательном же наблюдении за ним нельзя было не заметить, что его решительность пропадала там, где ему начинала угрожать серьезная опасность. Это сказывалось и в мелочах и в крупном: великий князь до крайности оберегал свой покой и здоровье; на автомобиле он не делал более 25 верст в час, опасаясь несчастья; он ни разу не выехал на фронт дальше ставок Главнокомандующих, боясь шальной пули; он ни за что не принял бы участия ни в каком перевороте или

противодействии, если бы предприятие угрожало его жизни и не имело абсолютных шансов на успех; при больших несчастьях он или впадал в панику или бросался плыть по течению, как это не раз случалось во время войны и в начале революции»[8]. Подобная слабость в характере высшего военного руководителя, сутью деятельности которого является принятие ответственных решений стратегического уровня, вызывает большие сомнения в способностях осуществлять руководство вооруженными силами вообще, а во время войны – тем более. Еще более увеличивает сомнения в полководческих способностях великого князя его мистицизм.

И еще один штрих, характеризующий волю великого князя. Один из офицеров Ставки отмечал явную растерянность ВГК в феврале 1915 г., когда оба фронта на европейском театре военных действий оказались в тяжелейшем положении[9]. Полководец не имеет права показывать растерянность своим подчиненным, так как внешнее проявление слабости мгновенно становится достоянием не только ближнего окружения, но и лавинообразно доходит до последнего солдата, отражаясь на ходе и исходе операции.

Остановимся на военных знаниях и умениях великого князя. Николай Николаевич (младший) традиционно для представителей мужской части великокняжеского рода был смолоду зачислен в боевые воинские части русской гвардии: лейб-гвардии Гусарский его величества полк и в Гвардейский саперный батальон. Являлся с 11 июня 1871 г. юнкером Николаевского инженерного училища, которое окончил в 1872 г. Небезынтересно, что трехлетний курс обучения в училище был пройден великим князем за один год. А по окончании училища в 16 лет ему был присвоен чин подпоручика, а не прапорщика, как всем юнкерам, успешно окончившим обучение.

Став офицером в 16 лет, он в 1873 г. командирован в учебный кавалерийский эскадрон. Академию Генерального штаба великий князь окончил в 1876 г. Необходимо отметить, что великий князь был первым из Романовых, который окончил Академию ГШ. Судя по малой серебряной медали, которой он удостоился по ее окончании, будущий ВГК отлично усвоил преподносимые слушателям знания. Практическое их применение пришлось на Русско-турецкую войну, хотя маловероятно, чтобы им нашлось место в должности обер-офицера для особых поручений при собственном отце – главнокомандующем Русскими войсками на театре военных действий. Этот первый опыт штабной

практики великого князя весьма мал, что вполне естественно: представитель царской династии не мог быть вторым лицом (что предполагает штабная служба) на любом уровне военной иерархии. Минимальный штабной опыт в должности обер-офицера для особых поручений заключался в выполнении отдельных указаний его отца в ходе Русско-турецкой войны и совершенно не касался оперативной деятельности штабов. Что же это были за боевые поручения? С началом войны он сопровождал ГК с начальником штаба при проведении рекогносцировки места переправы через Дунай. После определения места переправы и с ее началом великий князь (уже прикомандированный к начальнику 14-й дивизии М. И. Драгомирову) «следил за посадкой людей на понтоны». С последним эшелоном дивизии (в котором, как правило, переправлялись тылы полков и дивизии) был переправлен на берег, освобожденный от турок и уже занятый русскими войсками (!). Кстати, за этот «подвиг» (участие таким образом в переправе) был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Позже, за участие в переходе через Балканы, был удостоен золотым оружием с надписью «За храбрость»[10]. Выше мы привели примеры «храбрости» в поведении ВГК в годы Первой мировой войны, что наводит на мысль о несколько преувеличенных боевых заслугах Николая Николаевича (младшего) в Русско-турецкой войне. В год окончания войны с турками он в 21 год уже полковник, пройдя путь от подпоручика до этого чина всего лишь за пять лет.

Отметим, что послевоенная строевая служебная практика тактического уровня получена во 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Великий князь достаточно долго прослужил на командных должностях для того, чтобы у него сформировались устойчивые командные (но не управленческие) навыки.

Вполне очевидно, что Николай Николаевич (младший), изучив до тонкостей кавалерийское дело во всем его многообразии (как вспоминали его современники), вполне успешно командовал кавалерийскими тактическими единицами. Да и могло ли быть иначе для великого князя? Отметим, что, будучи отличным кавалеристом, великий князь не имел никакой пехотной практики. Следует иметь в виду, что тактика действий пехоты и кавалерии заметно различалась. Неслучайно пехотные командиры скептически относились к умениям управлять пехотными корпусами тех генералов, служба которых до этого была связана

с кавалерией. Об этом пишет в своих дневниках один из лучших военачальников русской армии рассматриваемого периода генерал-лейтенант В. И. Селивачев[11].

Обратим внимание читателя на важный нюанс в боевой подготовке кавалерии описываемого периода (вторая половина XIX – начало XX вв.). Главной сущностью кавалерийского искусства считалось умение тесно маневрировать войсковой частью в сомкнутом строю, т.е. строевая подготовка части. Умение кавалериста стрелять, применять холодное оружие, прекрасно ездить верхом лично и осуществлять маневры в составе подразделения (части) – это составные элементы подготовки кавалериста. Но тактика ее применения включала ведение боевых действий применительно к различной местности, совместные действия с другими родами войск, совершение длительных маршей, действия кавалерии в пешем порядке и многое другое. А именно на тактику применения кавалерии в процессе ее обучения в русской армии совершенно не обращали внимания. Кстати, то же самое следует сказать и о подготовке пехоты. В русской армии тактическими занятиями не интересовались, на них смотрели несерьезно и проводили их нудно, в основном только для «галочки»[12].

Занимаемые великим князем в дальнейшем должности генерал-инспектора кавалерии и командующего Петербургским военным округом, конечно же, расширили его военный кругозор. К этому необходимо присовокупить трехлетнее председательство в Совете государственной обороны (СГО), деятельность в котором охватывала весь спектр оборонных вопросов как тактического уровня, так и стратегического масштаба. Текущая работа этого высшего военного органа управления состояла из работы «Особых совещаний при СГО» (периодичность – раз в месяц-полтора, фактически занимались «проработкой» локально-технических вопросов) и непосредственно заседаний СГО, на которых выносились решения по военным вопросам. Но эти высокие должности по сути деятельности на них ничего не могли дать будущему ВГК с точки зрения приобретения практических навыков по управлению оперативно-стратегическими воинскими формированиями.

Не стоит забывать разницу между умением «командовать» и умением «управлять». С точки зрения военной терминологии исследуемого периода существовала вполне определенная разница между ними. Термин «командование» применялся к такой

войсковой тактической единице (подразделению, части), руководство в бою которой осуществлял командир непосредственно сам, и которая в бою действовала в поле его зрения, выполняя одну конкретную тактическую задачу.

«Управление» осуществлялось в отношении более крупных войсковых единиц от дивизии (соединение) и выше. Они развертываются на местности с такой протяженностью фронта, которая исключает видимость и прямой контроль со стороны одного лица за всеми подчиненными частями. Старший начальник, «управляя» вверенным ему соединением (объединением), должен на основе разведданных прогнозировать обстановку при подготовке, в ходе и после выполнения полученной задачи, учитывать ее изменения и влиять на ход и исход боевых действий имеющимися резервами и уточнением своего решения. Управленческий навык в мирное время формируется в ходе практических действий на маневрах, где военачальник именно управляет соединениями и объединениями, превращая свои «знания» в «умения»[13]. По имеющейся у нас информации, великий князь Николай Николаевич (младший) ни разу(!) за время своей службы не был на маневрах в роли испытуемого военачальника. Он всегда выступал в качестве «арбитра», а не «игрока». Это совершенно не удивительно для представителя царствовавшей фамилии, если учесть, что даже многие гораздо менее родовитые военачальники не желали подвергать себя экзамену на редких маневрах, дабы не потерять свое «реноме». Попытка военного министра В. А. Сухомлинова провести в 1911 г. военную игру с высшим командным составом армии (в том числе и с командующим в то время войсками Петербургского военного округа великим князем) не удалась. Последний усмотрел в этом желание своего многолетнего противника (В. А. Сухомлинова) устроить командующим военными округами (в том числе и ему лично) своеобразный экзамен. Не желая подняться выше своих амбиций и личных отношений, великий князь приложил все силы к тому, чтобы это очень важное для высшего военного руководства мероприятие, целью которого было именно получение стратегического управленческого опыта, было отменено.

Стратегические способности ВГК, растиражированные и во время Великой войны и в последующее время отдельными историками, также ставятся под сомнение военным окружением военачальника. Один из офицеров, прослуживший много лет

в ГШ перед Первой мировой войной, а в ходе ее – в Ставке ВГК, оценивая стратегические способности великого князя в предвоенный период, отмечал, что Николай Николаевич (младший), будучи строгим и требовательным строевиком-кавалеристом на посту инспектора кавалерии, тем не менее, «не обладал широкими взглядами на роль и задачи ее в условиях современной войны»[14].

Строгость, проявляемая великим князем и рассмотренная нами выше, является не самым основным качеством полководца. Но отсутствие обширных профессиональных взглядов в военном деле, без чего немыслим полководец, вызывает вполне естественный вопрос: что являлось тому причиной? Быть может, это было следствием недостаточного самообразования и практического опыта? Или следует поискать другие причины определенной узости стратегического мышления?

Возможно, ответ на этот вопрос в какой-то мере дает Г. Шавельский, делая следующий вывод: «...К черновой, усидчивой, продолжительной работе великий князь не был способен. В этом он остался верен фамильной романовской черте: жизнь и воспитание великих князей делали всех их неусидчивыми в работе...»[15]. В этой связи представим читателю распорядок дня ВГК в Ставке, который был незыблем и отличался, со слов ее генерал-квартирмейстера, «необыкновенной размеренностью и регулярностью». «Великий князь вставал около 9 часов утра и, умывшись, молился Богу, после чего к нему являлся доктор Малама наведаться о здоровье, а после доктора дежурный адъютант нес полученные за ночь письма и телеграммы. Затем великий князь у себя в вагоне пил чай. Смотря по экстренности, начальник штаба до или после чая являлся к нему. В 9 часов в вагоне-столовой подавали чай для чинов свиты.

В 10 часов утра великий князь отправлялся в управление генерал-квартирмейстера, где в присутствии начальника штаба выслушивал доклад генерал-квартирмейстера и, сообща с обоими, решал все вопросы, требовавшие принятия тех или иных мер. В 12 часов дня – завтрак...

В 4 часа подавался чай. Великий князь очень часто выходил к чаю в столовую и в совершенно непринужденной беседе с присутствующими проводил некоторое время.

Перед чаем великий князь немного отдыхал, а затем катался на автомобиле или, что бывало реже, ездил верхом на лошади. Пешком гулять великий князь не любил, как и не переносил

быстрой езды на автомобиле. Часов в шесть, почти ежедневно, можно было видеть великого князя сидящим за письменным столом у окна. В это время он писал пространные письма своей жене, жившей в Киеве, сообщая ей решительно все, касающееся его жизни в Ставке.

В 7.30 был обед, а в 9.30 вечерний чай, за которым великий князь любил побеседовать»[16]. Этот режим в Ставке выдерживался строго.

Подобный распорядок дня ВГК, касающийся времени, отводимого им на военные вопросы, приводит в своих воспоминаниях и другой чин Ставки – представитель морского ведомства. «Ежедневно рано утром великий князь из своего вагона направлялся в сопровождении начальника штаба в управление, где, ознакомившись с донесениями, поступавшими за ночь с фронтов, принимал совместно с генерал-квартирмейстером оперативные решения. Донесения, поступающие в течение дня, докладывались великому князю в его вагоне, куда являлись к нему во всякое время для доклада начальники управлений штаба. Таким образом, великий князь был осведомлен во всех подробностях о ходе военных действий и фактически, а не номинально ими руководил»[17].

По изложенному выше для читателя мнению представителя морского ведомства в Ставке, ВГК в ходе работы в управлении генерал-квартирмейстера принимал ответственные решения стратегического уровня – т.е. управлял всеми вооруженными силами на театрах военных действий. Необходимо отметить, что под термином «принимал решения» понимается и активное обсуждение военачальником предложений, представленных ему штабом, внесение в них своих мыслей, идей и утверждение доработанных предложений и пассивное утверждение того, что предоставлено военачальнику разработчиком планов операций.

Отметим одну деталь, которая уточняет характер оперативной работы ВГК в управлении генерал-квартирмейстера. Об этом пишет сам генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов: «Ежедневно к 10 утра в мой кабинет... приходил Верховный главнокомандующий с начальником штаба. Оперативный доклад продолжался в зависимости от материала час или два. Затем, по уходе Верховного, я диктовал или писал сам текущие распоряжения, принимал доклады своих сотрудников или шел разговаривать по прямым проводам со штабами фронтов»[18]. Заметим, доклад,

а не обсуждение информации или выработка основ решения. Хотя вполне возможно, что Ю. Н. Данилов, будучи амбициозным штабным деятелем, хотел этой фразой оттенить свою роль в процессе управления.

Резюмируя вышеприведенные воспоминания, можно отметить, что «весьма напряженный ритм служебных обязанностей» включал в себя всего два или чуть более двух часов, которые ВГК отводил стратегическим делам, заслушивая то, что ему и начальнику штаба Ставки докладывал генерал-квартирмейстер! Это очень соотносится с тонкими наблюдениями протопресвитера Г. Шавельского о фамильной черте Романовых (отсутствие усидчивости в работе), которая не позволяла Николаю Николаевичу (младшему) отводить своему главному делу на театре военных действий – управлению вооруженными силами России – основную часть своего времени.

Поэтому неслучайны очень сдержанные выводы, сделанные великим князем Андреем Владимировичем (двоюродным братом Николая II) из личных наблюдений в штабе СЗФ и Ставке 25 октября 1914 г.: «...верховный главнокомандующий не в курсе дела, у него нет общего плана – в результате нет общей воли, нет цели, нет идеи»[19].

Вполне уместно предположить, что Николай Николаевич (младший), понимая свою недостаточную компетентность в решении оперативных вопросов, полностью отдал эту сферу деятельности своему подчиненному, более искушенному в ней. «Знать» – это не означает «уметь». Понимая важность деятельности генерал-квартирмейстера, ВГК внешне очень уважительно относился к нему. Поэтому-то и вспоминал один из чинов Ставки, что во время перерывов, когда Ю. Н. Данилов обычно гулял по дорожке сада вдоль домика, где было его управление, и, покуривая сигару, обдумывал ведение операций, «великий князь... строго наблюдал за тем, чтобы никто не нарушал размышлений Данилова во время этих прогулок»[20]!

У читателей, знающих наследие русской зарубежной военной мысли (в частности, работы Н. Н. Головина), может возникнуть вполне закономерный вопрос: а как же оценить прозорливое решение Николая Николаевича (младшего) о переброске в ходе Галицийской битвы (1914 г.) резервных войск на ЮЗФ, что оказалось важнейшим фактором победы? Именно направление резервов в нужное место в нужное время – главная задача

полководца в ходе сражения. Как это стыкуется с нашими выводами о том, что великий князь якобы не был стратегом?

В этом месте необходимо сделать краткое отступление, проясняющее для читателя суть вопроса. На всем предвоенном этапе разработки плана войны 1910 г. главным действующим лицом в Главном управлении ГШ являлся Ю. Н. Данилов. И он же, к несчастью для русской стратегической мысли, стал основным лицом Ставки с началом боевых действий. Несостоятельность плана проявилась в 1912 г., в ходе захватнических действий Австро-Венгрии на Балканах. Это заставило военного министра В. А. Сухомлинова в феврале 1912 г. собрать в Москве начальников штабов и генерал-квартирмейстеров военных округов. На совещании рассматривался в том числе и наиболее целесообразный вариант плана мобилизационного развертывания войск («Общий план действий»), подготовленный начальником штаба Киевского округа М. В. Алексеевым на основе глубокого анализа реального положения дел с мобилизацией Русской армии, известными целями наших союзников и вероятными целями противников. К сожалению, он так и не был принят до начала войны[21].

Возвращаясь к великому князю, отметим, что он, конечно же, владел не только информацией о полемике, связанной с планом войны, но и ее сутью. Конечно же, Николай Николаевич (младший) знал о том, каким авторитетом обладал М. В. Алексеев (в отличие от Ю. Н. Данилова) среди наиболее просвещенной части русского генералитета. И, как умному человеку, великому князю была понятна стратегическая мысль М. В. Алексеева. Поэтому неслучайно, узнав от Николая II о своем назначении ВГК, он изложил великодержавному племяннику просьбу назначить генерал-квартирмейстером Ставки именно М. В. Алексеева. Просьба была отклонена.

Таким образом, в наиболее критический момент Галицийской битвы с получением категорической телеграммы ГК ЮЗФ Н. И. Иванова (читай – М. В. Алексеева) о необходимости дополнительных сил, ВГК было принято совершенно обоснованное решение направить резервные соединения на ЮЗФ. Это были те резервы Ставки, которые планировались ее генерал-квартирмейстером к отправке на новое (уже третье по счету) операционное направление (на Познань), что являлось стратегической профанацией. Результатом решения великого князя стали победные итоги Галицийской битвы (они могли быть триум-

фальными, если бы не «полководческая немощь» Н. В. Рузского с его некомпетентным в военных вопросах окружением). Именно победа ЮЗФ компенсировала провальную Прусскую идею Ю. Н. Данилова[22]. Поэтому, на наш взгляд, речь идет не о полководческой прозорливости ВГК, а о том, что стратегическим дарованиям М. В. Алексеева он верил гораздо больше, чем стратегическим фантазиям Ю. Н. Данилова. Не стоит забывать при этом прямо противоположные результаты первых наступательных операций двух фронтов: провальные – Северо-Западного (Танненберг и трагедия армии Самсонова) и победные – Юго-Западного (Галицийская битва). Это неудивительно, так как истинным руководителем ЮЗФ был его начальник штаба М. В. Алексеев, наиболее подготовленный стратег императорской армии, а СЗФ – Я. Г. Жилинский – один из самых неспособных высших военных чинов Великой войны.

Военная практика показала справедливость оценки великого князя, сделанной французским Генеральным штабом задолго до начала Первой мировой войны. В 1903 г. русский военный агент (атташе) во Франции полковник Лазарев предоставил в Главный штаб (в особое делопроизводство) секретную аттестацию главных военачальников русской армии, составленную французским генеральным штабом. В аттестации давалась «убийственно отрицательная оценка как военачальников, так и всех высших генералов, за исключением Драгомирова, признанного выдающимся». В этом ряду числился и Николай Николаевич (младший) как «бездарный, мелочный, совершенно не способный быть полководцем»[23]. Переданная строго конфиденциальная информация наших союзников не имела намерений опорочить высший военный состав России. По словам автора воспоминаний, она явно предназначалась высшему государственному руководству (Николаю II) для принятия соответствующих мер. Но меры приняты не были.

Объем статьи не позволяет остановиться на других операциях Великой войны, которые планировались и проходили при ВГК Николае Николаевиче (младшем). Некоторые авторы мифов считают, что Первая мировая война дала военной истории два имени талантливых полководцев первой величины: Ф. Фоша и П. Гинденбурга. При этом они берут на себя смелость заменить П. Гинденбурга, решения которого (как справедливо отмечается ими же) во многом определялись деятельностью Э. Людендорфа,

на великого князя Николая Николаевича. Ведь, по их мнению, великий князь в ходе Галицийской битвы сокрушил стратегию Ф. Конрада Гетцендорфа, а в ходе осенних операций 1914 г. в Польше – стратегию тандема П. Гинденбург – Э. Людендорф. Именно для них, на наш взгляд, требуется отметить, что стратегические удачи в ходе Первой мировой войны определялись деятельностью М. В. Алексеева, а стратегическая немощь – деятельностью Ю. Н. Данилова при созерцательном участии ВГК великого князя Николая Николаевича (младшего).

---

[1] Термин «по команде» означает порядок последовательного обращения младшего по чину к старшему, с разрешения промежуточных начальников.

[2] См.: Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. М.: Кучково поле. 2006. С. 87.

[3] Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. Протопресвитер – высшее духовное звание в русской императорской армии. Протопресвитер военного и морского духовенства осуществлял свою деятельность на основании Положения об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств, вышедшего 12 июня 1890 года. В ведении протопресвитера находились все церкви полков, крепостей, военных госпиталей и учебных заведений, за исключением Сибири, где дальность расстояний делала неизбежным их подчинение епархиальным архиереям.

[4] Скорее всего, это он унаследовал от своей матери, которая принадлежала к роду Ольденбургских, герцогского и княжеского рода немецкого происхождения. Большинство его представителей были крайне неуравновешенными людьми, «вспыльчивыми и безъ достаточныхъ задерживающихъ центровъ». См.: Ген. А. Мосолов. При дворе императора. Рига: Издательство «Филин», 1938. С. 72.

[5] Там же.

[6] Самойло А. Две жизни. М., 1958. С. 145.

[7] Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 90–91.

[8] Шавельский Г. Указ. соч. Т. 1. С. 138. Один из великих князей оставил следующие воспоминания о чертах характера Николая Николаевича (младшего): «Он совсем не был сильным, волевым человеком, только внешне казался таковым». Великий князь Гавриил Константинович. В мраморном дворце: М.: Вече, 2007. С. 177.

[9] Самойло А. Указ. соч. С. 152.

[10] См.: Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 64–65.

[11] См.: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева. М.: Кучково поле, 2012. С. 42.

[12] См.: Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 73–74.

[13] Вопрос о своеобразии мышления полководца и о путях его формирования автором достаточно подробно рассмотрен в монографии Проигравшие победители. Русские генералы. М., АСТ. 2014 г.

[14] Самойло А. Указ. соч. С. 152–153.

[15] Шавельский Г. Указ. соч. Т. 1. С. 136.
[16] Там же. С. 120–121.
[17] Бубнов А. Д. В царской ставке // Конец Российской монархии. М.: Воениздат, 2002. С. 18. Напомним читателю, что в Ставку кроме генерал-квартирмейстерского управления, ведавшего оперативными вопросами, входили: управление дежурного генерала, в ведении которого находились вопросы численности и укомплектования вооруженных сил, обеспечения их главными видами снабжения, а также назначения на должности командного состава; управление начальника военных сообщений; военно-морское управление.
[18] Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 173–174.
[19] Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М.: Изд. им. Собашниковых, 2008. С. 62.
[20] Бубнов А. Д. Указ. соч. С. 20.
[21] Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. В 4 т. Т. 1. План войны. М.: Айрис Пресс, 2014. С. 62.
[22] Подробно вопросы, связанные с планом войны и первыми операциями наших войск, рассмотрены в фундаментальном труде Н. Н. Головина «Из истории кампании 1914 года на русском фронте». В 4 т. М.: Айрис Пресс, 2014.
[23] Никольский Е. А. Записки о прошлом. М.: Русский путь, 2007. С. 87–88.

М. А. Приходько (Москва)

ПЕРВИЧНАЯ СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МИНИСТЕРСТВА ВОЕННЫХ СУХОПУТНЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

УЧРЕЖДЕНИЕ Министерства военных сухопутных сил было провозглашено Манифестом «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г.[1]

В соответствии с ним, государственная Военная коллегия была подчинена министру военных сухопутных сил[2], которым был назначен Указом Сенату «Об образовании первых трех коллегий в образе производства дел на прежнем основании и о лицах, избранных к управлению министерствами» от 8 сентября 1802 г. генерал от инфантерии (и бывший вице-президент Военной коллегии) С. К. Вязмитинов[3].

Каких-либо иных указаний в отношении структуры учреждаемого Министерства военных сухопутных сил Манифест «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. не содержал. Тем самым основой Министерства военных сухопутных сил становился аппарат Военной коллегии.

В течение начального периода министерской реформы 1802–1810 гг. утверждение министерского порядка управления в Министерстве военных сухопутных сил (Военном министерстве с 1808 г.) проходит крайне медленно.

Продолжение деятельности Военной коллегии как основы Военного министерства, череда продолжающихся войн, начиная с 1805 г., малоэффективное руководство Министерством военных сухопутных сил С. К. Вязмитиновым и недостаточность мер по централизации, предпринятых следующим министром военных сухопутных сил (с 1808 г.) А. А. Аракчеевым, привели к утверждению в Военном министерстве смешанного коллежско-министерского организационного устройства и порядка управления.

В течение завершающего периода министерской реформы 1810–1811 гг. структура Военного министерства не претерпела изменений.

Основные правовые акты завершающего периода министерской реформы – Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов каждому управлению принадлежащих» от 25 июля 1810 г., «Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г. и «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г.[4] – не оказали существенного влияния ни на структурную организацию Военного министерства, ни на порядок делопроизводства в нем.

Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов каждому управлению принадлежащих» от 25 июля 1810 г. подтвердил предмет ведения Военного министерства – устройство внешней безопасности[5].

«Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г. не затронуло Военное министерство.

«Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. обозначило в главных чертах предмет ведения Военного министерства: «все военные сухопутные силы, в составлении их, в устройстве, продовольствии, снабжении и движении»[6], а также подтвердило наличие в составе Военного министерства Военной коллегии – в виде учреждения, соединяющего «все департаменты»[7].

Преобладающее внимание в организационно-структурном плане нового военного министра генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли, сменившего А. А. Аракчеева на этом посту в 1810 г., было сосредоточено на разработке проектов «Учреждения Военного министерства» и «Учреждения для управления большой действующей армии», правовых актов, направленных на изменение всей структуры центрального военного управления в мирное и военное время.

Аппарат Военной коллегии нуждался не в частичных изменениях, а в коренном переустройстве всех его подразделений.

Поскольку деятельность возобновившего в августе 1810 г. свою работу Комитета для изыскания способов к кратчайшему делопроизводству в Военной коллегии[8] не удовлетворяла

М.Б. Барклая де Толли, вместо этого комитета 28 мая 1811 г. учреждена Комиссия для составления военных уставов и уложений[9] под руководством статс-секретаря М. Л. Магницкого[10].

В мае 1811 г. комиссия начала свою деятельность по подготовке проектов «Учреждения Военного министерства» и «Учреждения для управления большой действующей армии»[11]. Их утверждение и реализация произойдут уже после 1811 г.

Тем самым в Министерстве военных сухопутных сил с 1802 г. утвердился смешанный коллежско-министерский порядок управления с преобладанием, примерно до 1808 г., коллежского начала в структурной организации Министерства военных сухопутных сил.

Особым фактором, замедлившим утверждение министерского порядка управления в Министерстве военных сухопутных сил, стало двоевластие в центральном военном управлении между управляющим (начальником) Военно-походной е. и. в. канцелярии и министром военных сухопутных сил в 1802–1808 гг.

Назначение на должность министра военных сухопутных сил генерала от артиллерии А. А. Аракчеева в 1808 г. прекратило двоевластие в центральном высшем управлении, но не внесло существенных изменений в структурную организацию и порядок делопроизводства Военного министерства.

Завершающий период министерской реформы 1810–1811 гг., по сути, не затронул Военное министерство.

В связи с этим в 1802–1811 гг. и структура, и порядок делопроизводства Военного министерства содержали в себе пережитки коллежской системы управления, изменение которых было возможно только путем коренных преобразований и ликвидации Военной коллегии.

Как итог, Министерство военных сухопутных сил в 1802–1811 гг. проходило временной отрезок организационного строительства, получившего правовое оформление в виде «Учреждения Военного министерства» от 27 января 1812 г.[12]

---

[1] ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. С. 244.
[2] Там же. С. 244.
[3] Там же. № 20409. С. 248.

[4] Там же. Т. 31. № 24307. С. 278–280; № 24326. С. 323–328; № 24686. С. 626–769.
[5] Там же. № 24307. § 3. С. 279.
[6] Там же. № 24686. § 5. С. 687.
[7] Там же. § 26. С. 688.
[8] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 30. Оп. 1/125А. Д. 1. Л. 8–9.
[9] Там же. Л. 23–24.
[10] Столетие Военного министерства. Т. 1. СПб., 1902. С. 170.
[11] Там же. С. 168–176.
[12] ПСЗ-1. Т. 32. № 24971. С. 23–39.

В. Н. Прямицын (Москва)

СОВЕТСКИЕ ВОЕННЫЕ АВТОМОБИЛЬНЫЕ ИНСПЕКЦИИ В АФГАНИСТАНЕ 1979–1989 гг.

В ДЕКАБРЕ 1979 ГОДА на территории Среднеазиатского и Туркестанского военных округов было развернуто и доукомплектовано около 100 соединений, частей и учреждений для введения на территорию Афганистана. Ограниченный контингент Советских войск (ОКСВ) был организационно оформлен в виде 40-й общевойсковой армии Туркестанского округа. Управление армии было дислоцировано в г. Кабуле, где разместились все его службы и подразделения. В составе управления вооружения 40-й армии была предусмотрена 71-я Военная автомобильная инспекция (ВАИ), непосредственно подчиненная начальнику автомобильной службы. Кроме того, в марте 1980 года в крупнейших гарнизонах Советской армии были созданы военные комендатуры. В составе каждой из них функционировали нештатные ВАИ, возглавляемые старшими инспекторами ВАИ соответствующих гарнизонных военных комендатур[1].

71-я ВАИ осуществляла деятельность на уровне командующего, штаба и управления 40-й армии, охватывая своей работой весь ОКСВ. В дополнение к широкому функционалу ВАИ общевойскового объединения командующим армией ставились 71-й ВАИ конкретные задачи. К примеру, летом 1985 года военными автомобильными инспекторами была проведена перепись советской автомобильной техники, находящейся в Афганистане, и переучет ее номерных знаков. Примечательно, что 71-я ВАИ, являвшаяся инспекцией общевойсковой армии, приказом министра обороны СССР была приравнена в своем статусе к ВАИ групп Советских войск[2].

Каждую пятницу в штабе 40-й армии проходило совещание под руководством начальника штаба или его заместителя с участием

командиров соединений и полков. Начальнику 71-й ВАИ предоставлялось слово для подведения итогов эксплуатации автомобильного транспорта и обеспечения безопасности дорожного движения за неделю. Мелкие вопросы регулировались с командирами в рабочем порядке, а на уровень начальника штаба выносилось лишь самое серьезное. В обязательном порядке рассматривались ДТП с гибелью людей, случаи выхода в рейс автомобильных колонн с серьезными техническими неисправностями или грубыми нарушениями оформления документации. Такие совещания были действенной формой профилактической работы[3].

В военных комендатурах гарнизонов в части, касающейся ВАИ, была предусмотрена единственная штатная должность – старшего инспектора. Однако к решению задач ВАИ широко привлекались военнослужащие от частей гарнизона. Некоторые из них выделялись в распоряжение военной комендатуры для решения задач в составе суточного наряда, а некоторые – командировались для работы на постоянной основе. В советских гарнизонах в Афганистане формировались списки военнослужащих, привлекаемых к несению службы в составе ВАИ гарнизонов в качестве нештатных инспекторов. С ними проводились занятия, каждому выдавалось удостоверение нештатного инспектора[4].

Важнейшим направлением деятельности ВАИ в Афганистане была разрешительная и дисциплинарная работа, осуществлявшаяся военными квалификационными комиссиями (ВКК). Штатная должность председателя ВКК была предусмотрена только в 71-й ВАИ. В гарнизонах ее функции выполнялись нештатными ВКК. Несмотря на то что в Афганистане велись военные действия, на 40-ю армию ТуркВО распространялись требования руководящих документов, действовавших во всех ВС СССР. В частности, все водители должны были иметь при себе права на управление транспортным средством и штрафной талон, а старшие машин – удостоверения старших машин. В связи с отсутствием на территории Афганистана органов ГАИ МВД СССР, 71-я ВАИ выполняла часть ее функций в отношении военнослужащих 40-й армии. Военная автоинспекция была уполномочена выдавать водительские права с соблюдением всей необходимой отчетности[5].

В условиях ведения военных действий документы по разным причинам то и дело утрачивались. В ВКК ежедневно сплошным потоком шли из войск материалы разбирательств об утрате документов, объяснительные водителей, рапорта их командиров,

ходатайства начальников о выдаче дубликатов документов. Кроме того, личный состав постоянно менялся. Необходимо было оценивать знания и уровень подготовки новых военнослужащих, назначенных старшими машин, выписывать им новые документы.

Еще одной функцией, выполняемой ВКК, была дисциплинарная. К примеру, в одном из приказов командующего армией, посвященных организации и безопасности дорожного движения, описан инцидент с падением автомобиля КамАЗ с прицепом в пропасть при пересечении перевала Саланг. В приказной части 71-й ВАИ предписывалось на ближайшем заседании ВКК рассмотреть вопрос о лишении провинившегося водителя водительских прав[6].

В соответствии с приказом министра обороны СССР в каждом военном округе и каждой армии должна была работать комиссия по предупреждению автомобильных происшествий и безопасности дорожного движения. Она существовала и в составе 40-й армии. Каждый год приказом командующего армией определялся ее состав с непременным включением начальника 71-й ВАИ и его заместителя. Они должны были осуществлять работу комиссии между ее заседаниями. Подобные комиссии ежегодно назначались и в составе советских соединений в Афганистане. На практике их работа, как правило, ограничивалась тем, что в повседневном режиме делали специалисты автомобильной службы и Военной автомобильной инспекции. Э. Ю. Смирнов, служивший в Афганистане председателем военной квалификационной комиссии 71-й ВАИ (1987–1989), вспоминал: *«На деле эта комиссия не собиралась, но работа, для которой она была создана, безусловно, велась. К примеру, каждую из десятков автомобильных колонн, доставлявших грузы по дорогам Афганистана, нужно было подготовить к выезду в техническом, организационном, документальном отношении. Это была огромная работа, которая не оставляла времени на заседания»*[7].

Специалисты Военной автомобильной инспекции в Афганистане регулярно обменивались опытом. Ежегодно в г. Кабуле проводились сборы военных автомобильных инспекторов, длившиеся несколько дней. Одним из элементов сборов были показательные занятия. Наряду с армейскими сборами, на которые направлялись старшие инспекторы ВАИ гарнизонных комендатур 40-й армии, ежегодно проводились окружные сборы ТуркВО[8].

Важной задачей ВАИ в Афганистане был контроль соблюдения правил дорожного движения. Она решалась нештатными ВАИ гарнизонов путем выставления постов. Наибольший размах эта деятельность носила в крупнейшем из гарнизонов – Кабульском, где ежесуточно заступали дежурить 14 постов ВАИ. Развод постов осуществлялся на плацу 158-й военной комендатуры в 07:00. Заступавшие прибывали на своей автомобильной технике, в касках, бронежилетах, с оружием и сухими пайками. Сначала дежурства на постах ВАИ несли на БРДМ-2, но в 1985 году почти в каждом соединении, части и подразделении, причастном к выполнению этой задачи, появился автомобиль ГАЗ-66, оборудованный проблесковым маячком и с нанесенной цветографической схемой ВАИ. На разводе старший автомобильный инспектор гарнизона осуществлял инструктаж, выдавал каждому патрулю необходимые документы и атрибуты. Кроме стационарных постов, контроль автомобильного движения в советских гарнизонах осуществляли подвижные патрули ВАИ[9].

В 19:00 патрули ВАИ снова строились в 158-й военной комендатуре и докладывали о результатах дежурства. С 21:00 до 05:00 в городе был введен комендантский час. В 21:00 в комендатуру прибывали на развод военнослужащие от 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, заступавшие в ночной патруль. Они занимали до утра посты на ключевых перекрестках города. Кабул расположен в горной местности и устроен так, что пересечь его из конца в конец можно всего несколькими маршрутами. Поэтому небольшого количества постов было достаточно для того, чтобы контролировать движение автомобильного транспорта в гарнизоне[10].

Э. Ю. Смирнов так охарактеризовал организацию движения советского транспорта в г. Кабуле: *«Следует отметить, что на автодорогах афганской столицы поддерживалась достаточно высокая дисциплина. В темное время суток автомобили не ездили. По одному тоже не ездили. Кабул был разбит на несколько секторов. При этом функционировала система пропусков, регулировавшая, кто, куда, когда, зачем может перемещаться. Праздно ездящих или перемещавшихся без соответствующих разрешительных документов практически не было»*[11].

Инспекторы ВАИ следили за соблюдением водителями правил дорожного движения, за наличием старших машин, наличием путевых листов и документов на груз, пресекали несанкционированные остановки, остановки у продуктовых лавок, следили

за тем, чтобы по дорогам не перемещались неисправные автомобили. Примечательно, что комендантские посты и патрули находились на улицах города и днем, и ночью. Днем на автомобильной технике, ночью – на бронетехнике. При этом нештатные инспекторы ВАИ контролировали движение только днем. Все потому, что в соответствии с приказом командующего армией перемещения автомобильного транспорта после 18:00 были запрещены. Ночью по городу могла ездить только бронетехника или, в случае необходимости, грузовые автомобили в сопровождении бронетехники[12].

В составе военной комендатуры каждого из гарнизонов функционировал гарнизонный сборный пункт задержанных машин (ГСПЗМ), службу на котором несли прикомандированные военнослужащие. Его работу можно рассмотреть на примере г. Кабула. Пункт находился на территории крепости Бала-Хисар по соседству с 357-м парашютно-десантным полком. Один из ее заборов примыкал к автопарку полка, а второй был каменной стеной крепости. На ГСПЗМ были предусмотрены въездные ворота, помещение дежурного, маскировочные сети, несколько собак. Работа пункта обеспечивалась четырьмя военнослужащими, выделенными от 103-го отдельного полка связи[13].

Стоянка была рассчитана на 50 автомобилей и обычно была почти полностью заполнена. Во-первых, 14 постов ВАИ ежедневно досматривали машины и в случае выявления нарушений направляли их на стоянку. Во-вторых, каждую субботу проводились массовые проверки на дорогах. Безусловно, на ГСПЗМ направлялись не все машины. Это делалось только в крайних случаях, когда нарушения были перечислены в приказе и попадали в перечень. Важным аспектом было то, что задержанные автомобили находились под охраной[14].

Каждую пятницу на территории ГСПЗМ с 16:00 до 18:00 заседала ВКК ВАИ Кабульского гарнизона. В заседании участвовали члены комиссии – представители автомобильных служб частей гарнизона. Выполнялся разбор нарушений за неделю, велся протокол, рассматривались поступившие документы (рапорта, выписки из приказов и т.п.). Для того чтобы вернуть машину в свой парк, представители части прибывали на ближайшее заседание ВКК с объяснительными водителей и старших машин, материалами разбирательства, копиями приказов о наказании и ходатайствами командования на высвобождение машины[15].

Конечными показателями качества работы ВАИ в Афганистане являлись порядок на дорогах и статистика дорожно-транспортных происшествий. 71-я ВАИ собирала со всех профильных частей сведения о проведенной работе, анализировала их и представляла командованию армии исчерпывающую информацию о работе советской военной автоинспекции на территории Афганистана. Вспоминает А. С. Герасименко, служивший начальником 158-й военной комендатуры Кабульского гарнизона (1987–1989): *«Требования нештатных инспекторов ВАИ и военного коменданта гарнизона неукоснительно соблюдались. Раз в месяц у командующего армией проходили совещания по состоянию воинской дисциплины, к которым военный комендант Кабула готовил необходимые материалы с перечислением нарушений, указанием конкретных частей и их командиров. Никому не хотелось попасть в приказ командующего армией о наказании, поэтому на дорогах города в основном дисциплина соблюдалась»*[16].

Командующий и начальник штаба 40-й армии регулярно издавали приказы, посвященные улучшению организации дорожного движения и борьбе с аварийностью. Случалось, что приказ командарма был посвящен конкретным случаям неподчинения отдельных военнослужащих требованиям инспекторов ВАИ. Виновникам объявлялись выговоры и предупреждения о неполном служебном соответствии. В приказах командующего приводились конкретные цифры статистики.

О том, с каким вниманием относилось вышестоящее командование к вопросам организации дорожного движения, вспоминал генерал-полковник С. А. Маев, служивший заместителем командующего 40-й армией по вооружению: *«Генерал армии В. И. Варенников всегда обращал значительное внимание на организацию дорожного движения. Прибывая в тот или иной гарнизон, он мог еще из своего автомобиля посмотреть на то, как организовано дорожное движение, какой поддерживается порядок на дорогах, и по этим признакам сделать выводы о положении дел в гарнизоне в целом. Если замечал нарушения правил дорожного движения или эксплуатации автомобильного транспорта, то на следующий день вызывал на ковер заместителя командующего по вооружению, начальника автомобильной службы, начальника ВАИ, командира провинившейся части и указывал на эти недостатки»*[17].

Несмотря на усилия ВАИ, на протяжении всего времени пребывания Советских войск в Афганистане не удавалось избежать

дорожно-транспортных происшествий, в том числе и с гибелью людей. В значительной мере этой объяснялось тем, что афганские водители и пешеходы относились с пренебрежением к правилам дорожного движения. По этой причине они оказывались фигурантами абсолютного большинства ДТП, в которые попадала советская автомобильная техника на дорогах Афганистана и улицах его городов. К примеру, в столичном гарнизоне 1 из 14 постов ВАИ, заступавших на сутки, нес дежурство непосредственно в 158-й военной комендатуре и предназначался исключительно для выездов на ДТП. В случае если имелись пострадавшие или погибшие, на место происшествия выезжал и старший инспектор ВАИ гарнизона, в задачи которого входило улаживание инцидента с афганской стороной[18].

Важнейшей составляющей работы ВАИ в Афганистане было сопровождение автомобильных колонн. Если транспортные колонны 59-й армейской бригады материально-технического обеспечения и 58-й отдельной автомобильной бригады сопровождались подразделениями 278-й отдельной дорожно-комендантской бригады, то сопровождение колонн с боевой техникой было возложено на ВАИ. К примеру, военным инспекторам Кабула в основном приходилось сопровождать колонны 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады, 66-й отдельной мотострелковой бригады, 191-го отдельного мотострелкового полка, частей 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Вечером накануне мероприятия старшего инспектора ВАИ гарнизона вызывали в штаб армии и сообщали, во сколько и где встретить колонну, куда ее необходимо провести. Сопровождение осуществлялось на автомобиле УАЗ-469[19].

В наиболее ответственных случаях сопровождение колонн поручалось не гарнизонным ВАИ, а 71-й ВАИ армии. К примеру, так было при встрече и сопровождении к месту дислокации 47-го отдельного ракетного дивизиона, вооруженного тактическим ракетным комплексом «Луна». Техника прибывала самолетами Ил-76 на аэродром Кабула. Ее предстояло встретить, сформировать в колонну и провести по городским улицам на противоположную окраину столицы. В составе колонны находились пусковые установки, ракеты и автоцистерны с ракетным топливом, которое было легковоспламеняющимся и чрезвычайно токсичным. Любое попадание даже из стрелкового оружия могло привести к взрыву и заражению местности. Поэтому специалистам

71-й ВАИ пришлось тщательно выбирать и обследовать маршрут, организовывать охрану и оборону на переезде[20].

Сложно переоценить роль ВАИ при подготовке и обеспечении вывода Советских войск из Афганистана. По приказанию командующего армией, 71-я ВАИ совместно с офицерами управления вооружения заблаговременно провела инспекцию парков, мест дислокации автомобильной и боевой техники, оценила ее на предмет технической готовности, способности совершить длительный марш. Остановок для ремонта или буксировок неисправной техники при выводе войск не предполагалось, поэтому необходимо было оценить, какие из машин смогут двигаться в составе колонн, а какие лучше оставить в пунктах постоянной дислокации для передачи афганской стороне.

В ходе этой работы пришлось объехать многие гарнизоны и заставы, обсуждать с командирами, каким образом они собираются оставлять пункты дислокации своих подразделений. К примеру, подразделение со своей боевой техникой заняло 9 лет назад сторожевую заставу. За эти годы значительная часть техники, по сути, превратилась в стационарные огневые точки, а машины обеспечения стали неотъемлемой частью застав, без которых их жизнь была бы затруднена или невозможна. В свете передачи застав афганской стороне изымать эту многочисленную технику было нецелесообразным. Для вывоза личного состава, приписанного к ней, а также имущества и документации пунктов постоянной дислокации необходимо было предусмотреть дополнительный грузовой транспорт. Но следует отметить, что в основном все подразделения выходили с использованием своего штатного транспорта[21].

Непосредственно при выводе войск силы и средства 71-й ВАИ были оптимальным образом распределены. Часть офицеров были направлены из г. Кабула для усиления контроля за автомобильным движением на наиболее сложных участках дороги, по которой предстояло выводить войска. Летом 1988 года были созданы нештатные взводы ВАИ. Первый предназначался для регулирования автомобильного движения на участке дороги от г. Кабула до перевала Саланг, а второй – от перевала Саланг до г. Хайратона.

Командирами взводов были назначены офицеры 71-й ВАИ, а личный состав и техника выделены от соединений 40-й армии. Примечательно, что для решения этих задач отбирались лишь те

водители, которые имели стаж вождения по дорогам Афганистана не менее 1 года. После формирования взводов с военнослужащими были проведены недельные сборы, а на бронетранспортеры нанесены белые полосы, звезды и надписи «ВАИ»[22].

В задачи постов, выделяемых от взводов ВАИ, входили: обеспечение дорожного движения и предотвращение ДТП на участке автодороги, контроль за соблюдением дисциплины марша, отметки в талоне нарушивших правила водителей, арест и направление на ГСПЗМ неисправной техники, изъятие документов у водителей, имеющих неоднократные предупреждения в талонах. Командирам взводов предписывалось ежедневно представлять в 71-ю ВАИ справку-доклад о состоянии дел, материалы для рассмотрения вопроса о лишении водительских прав, предложения по укреплению службы ВАИ на маршруте. Кроме этой плановой работы им ставились и конкретные задачи.

На завершающем, наиболее напряженном этапе вывода войск начальник 71-й ВАИ с двумя УАЗ-469 самолетом вылетел из г. Кабула в г. Мазари-Шариф для обеспечения работы запасного командного пункта армии в г. Наибабаде. Он согласовывал вопросы прохождения автомобильной техникой пограничного и таможенного контроля при пересечении государственной границы в г. Хайратоне. Необходимо было организовать движение таким образом, чтобы автомобильные колонны своевременно прибывали на пункты сдачи боеприпасов, проходили таможенный досмотр, чтобы соблюдалась очередность выхода на Мост Дружбы и пересечения границы.

При этом важно было соблюдать график, исключать задержки, не допускать гибели людей и повреждений техники в ДТП, вести точный учет вышедшей техники. Эта работа велась под наблюдением представителя ООН, который вел учет проходившего в сторону СССР транспорта 40-й армии. Каждый вечер начальник 71-й ВАИ готовил подробный доклад начальнику штаба 40-й армии генерал-майору В. С. Соколову: сколько техники за сутки вышло, сколько всего выведено нарастающим итогом, анализ причин задержек, сколько планируется к выводу на предстоящие сутки, проблемные вопросы.

Последней в колонне выводимых войск шла ремонтно-эвакуационная группа армии, в составе которой находился офицер 71-й ВАИ. Таким образом, военные автомобильные инспекторы 40-й армии встречали выводившиеся войска у границы,

контролировали их движение на маршруте и замыкали колонны 40-й армии[23].

Можно сделать вывод о том, что деятельность 71-й ВАИ, нештатных ВАИ советских гарнизонов и взводов ВАИ существенным образом способствовала решению боевых и повседневных задач, стоявших перед 40-й армией. На фоне ведения военных действий она позволила сохранить жизни и здоровье советских военнослужащих, оптимальным образом эксплуатировать автомобильную и колесную бронированную технику в сложных физико-географических и дорожных условиях Афганистана.

---

[1] Военная полиция России. История и современность. М.: СИНТЕРИЯ, 2021. С. 128.
[2] ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 59. Л. 110.
[3] Интервью Э. Ю. Смирнова В. Н. Прямицыну от 16 апреля 2022 г.
[4] Прямицын В. Н. 158-я Военная комендатура: задачи мирные и боевые // Специальный проект журнала «Полководец»: Оборона и безопасность. № 1. 2002. С. 52–55.
[5] Там же.
[6] Интервью Э. Ю. Смирнова В. Н. Прямицыну от 16 апреля 2022 г.
[7] Там же.
[8] Интервью П. Б. Бочкова В. Н. Прямицыну от 20 апреля 2022 г.
[9] Военная полиция России. История и современность. М.: СИНТЕРИЯ, 2021. С. 128.
[10] Прямицын В.Н. 158-я Военная комендатура: задачи мирные и боевые. С. 52–55.
[11] Интервью Э. Ю. Смирнова В. Н. Прямицыну от 16 апреля 2022 г.
[12] Прямицын В. Н. 158-я Военная комендатура: задачи мирные и боевые. С. 52–55.
[13] Интервью П. Б. Бочкова В. Н. Прямицыну от 20 апреля 2022 г.
[14] Военная полиция России. История и современность. С. 129.
[15] Интервью П. Б. Бочкова В. Н. Прямицыну от 20 апреля 2022 г.
[16] Интервью А. С. Герасименко В. Н. Прямицыну от 25 января 2021 г.
[17] Интервью С. А. Маева В. Н. Прямицыну от 15 апреля 2022 г.
[18] Интервью П. Б. Бочкова В. Н. Прямицыну от 20 апреля 2022 г.
[19] Там же.
[20] Интервью Э. Ю. Смирнова В. Н. Прямицыну от 16 апреля 2022 г.
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] Там же.

А. А. Родин (Брянск)

ШАШКА В НОЖНАХ С ГАЛУНАМИ. ПРИМЕР ПАМЯТНИКА ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА, ОБЪЕДИНЯЮЩЕГО ЭТНОГРАФИЮ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

ТАК СЛОЖИЛОСЬ, что при изучении истории обширного Российского государства мы не найдем многочисленных примеров изобретения и бытования каких-либо видов национального (длинноклинкового) холодного оружия. Исключением является Кавказ, точнее – регионы Северного Кавказа. В данной статье предлагается описание интереснейшего, самобытного вида оружия – шашки в ножнах, украшенных галунами. Для краткости далее по тексту будет применяться термин «галунная шашка», использование которого как уже устойчивого фразеологизма было обосновано в статье Д. А. Шереметьева «Несколько слов о так называемой "галунной" шашке».

Уникальное отличие отделки ножен галунной шашки от всех остальных известных видов холодного оружия состоит в многослойности конструкции и использовании тканых и плетеных галунов, шнуров из металлизированных нитей для отделки внешних деталей. Ножны традиционно изготавливались из двух склеенных дощечек, обтянутых сверху кожей – обычно тонкой красной шагренью. Поверх красной шагрени на ножнах имеется четыре, реже три особых детали – накладки. Далее – муфты. Они имеют разное конструктивное предназначение и форму, но схожи по конструкции. Края муфт всегда отделаны галунами или шнурами и галунами, в зависимости от вкуса и возможностей мастерицы, которая делала ножны. В изготовлении ножен участвовали женщины – обшивали их кожей

и сотканным ими галуном[1]. Галуны – это достаточно эффективная защита от истирания и разрывов торцов кожи и ткани. Очень редко на муфтах встречаются декоративные вставки из вышитых фигур в технике шитья «вприкреп».

Перед тем как приступить к описанию предмета статьи, необходимо обратить внимание на один важный с точки зрения автора момент, а именно – на дискуссионный вопрос о происхождении шашки как вида холодного оружия. До недавнего времени изобретение шашки приписывалось адыгским народам. Шашка представляет собой разновидность сабли, ее название имеет черкесское происхождение[2]. В последние годы появились гипотезы о происхождении шашки у донских казаков от народов Западной Грузии и даже из Средней Азии. Вполне возможно, все эти гипотезы найдут со временем подтверждение. Длинный клинок с рукоятью без защиты руки – самое простое конструктивное решение, которое не могло не появиться в разных географических точках, где известно оружейное производство. Ситуация сравнима с появлением лука и стрел в разных концах планеты в эпоху мезолита. Учитывая вышеизложенное, хотелось бы подчеркнуть, что исследование появления шашки как самостоятельного вида холодного оружия – это отдельная интересная тема, но она не имеет отношения к данной статье.

Если рассматривать галунную шашку как единый комплекс «шашка – галунные ножны – система подвеса», то не должно возникать сомнений в северокавказском происхождении данного самобытного вида оружия, которое является примером того, как местные мастерицы – в соответствии с древними народными традициями построения и украшательства костюма и бытовой утвари – совместили грозное оружие с комплексом одежды и амуниции знатного воина. Сама традиция изготовления боевого снаряжения женщинами уже заслуживает внимания. История костюма народов Северного Кавказа достаточно изучена еще советскими учеными-этнографами. Так, для украшения платья применялись: а) галуны, б) шитье золотом и серебром собственной работы. Шитье золотом играло основную роль в украшении платья[3]. Эти факты должны являться одной из отправных точек при изучении вопроса о происхождении галунных шашек.

Первоначально галунные шашки были показателем статуса владельца. Литературные источники XVIII – первой половины

XIX вв. подтверждают фольклорные и более поздние полевые данные о том, что у адыгов цвет обуви отражал социальное положение ее владельца. Так, К. Кох пишет: «Туфли красного цвета – у князей...»[4]. Для Кабарды наиболее характерно существование определенных запретов на ношение того или иного элемента костюма или определенного цвета одежды для людей незнатного происхождения[5]. Красный цвет основы ножен, богатая отделка галунами и вышивкой, рукояти самих шашек из кости и позже из серебра свидетельствуют о парадном назначении оружия. «Парадное» не в нашем современном понимании. Такие шашки, можно предположить, использовалась знатью для торжественных выездов. В кавказской традиции это могли быть любые поездки на свадьбы, похороны, в гости к кунаку и даже в набег. Шашки как наиболее ценные предметы роскоши включались в список предметов за уплату калыма за невесту или плату за кровь. То есть фактически предназначались для украшения кунацкой. И неслучайно шашка в галунных ножнах стала частью обмундирования и вооружения чинов Собственного Его Императорского Величества конвоя. В начале 1830-х гг. л.-гв. Кавказско-Горский полуэскадрон являлся единственным подразделением в Петербурге, вооруженным шашками.

Горцы из знатных родов имели несколько комплектов холодного оружия. Самые ценные и богато украшенные надевались обычно при парадной форме, а те, что поскромнее, носились при повседневной, в походах и на учениях[6]. Ранняя галунная шашка не была широко распространена и не предназначалась для повседневного ношения. Свидетельством тому служит слабость конструкции подвеса, большое количество элементов в оформлении ножен, отсутствие на некоторых ножнах металлических деталей подвеса – обоймиц. При ношении галунные детали задевали за растения и камни, нижний наконечник из металла отсутствовал, крепление нижнего пасика портупеи было непрочным. Тонкая шагрень не может выдерживать значимые нагрузки на разрыв и трение. Нижний пасик охватывает ножны примерно посередине, в месте, где соединяются треугольные лопасти двух муфт. Чтобы ремень не сдвигался вверх, придумали несколько ограничителей – часто это прорезь в коже ножен, нитяная петля и даже особая роговая или деревянная задвижка. Сами муфты первоначально служили не для предохранения

красной шагрени от истирания, как принято считать, а для ограничения движения ремней подвеса по ножнам. Для предохранения нижней части ножен на Северном Кавказе использовали вощанку, льняную ленту, пропитанную горячим воском, которой и обматывали нижнюю половину ножен. Вообще, вся эта пестрая красивая конструкция вызывает ощущение кустарности, непрочности и временности. Статусность, парадность и еще слабость конструкции – причины того, что галунных шашек сохранилось очень мало. Вероятно, во время Кавказских войн большая часть галунных ножен, потеряв актуальность как праздничные, парадные, были переделаны на более традиционный манер, с металлическим прибором.

В конструкции галунных ножен можно рассмотреть абхазские и западногрузинские корни. Ножны с раструбом, утапливаемая рукоять, изготовление ножен без использования металлических деталей, подвес из тонкого ремешка-козевки, накладной монтаж щечек рукояти – это описание основных признаков абхазского ножа и, можно обобщить, ножей всех народов Северного и Центрального Кавказа. Прямой подвес лезвием вверх на плечевом ремне, специальная скоба с внутренней стороны ножен для верхнего пасика портупеи, рукоять без защитных приспособлений, использование галунов для укрепления торцов цветной кожи на ножнах – это описание сабель и палашей с «юбкой», имеющих происхождение из Западной(?) Грузии, датированных XVIII в. Например, совершенно неповторимы хевсурские предметы: палаши, сабли и щиты, боевое кольцо, грузинские сабли с «юбкой» (кабианикхмали)[7]. Ножны грузинских палашей имеют сходство с ножнами шашек[8]. Такие совпадения редки. Неслучайно появление у соседних народов двух видов длинноклинкового оружия, очень близких по функционалу и имеющих ряд схожих основных конструктивных элементов. Несомненно, что галунные ножны шашек – северокавказского происхождения, но нельзя отрицать возможное влияние соседей. Оружейный комплекс народов Северного Кавказа, в том числе и галунные шашки, развивался теми же путями, что и народный костюм, т. е. проходил при взаимном проникновении соседних культур, обусловленном тесными связями социальной верхушки по всему Кавказу.

Конструкция галунных ножен имела несколько вариантов. Сейчас уже можно проследить некоторые этапы

изменений и постепенного усовершенствования галунных шашек. Количество и форма муфт, наличие обоймиц подвеса, устройство устья, разнообразие декоративных элементов и способов украшения – все говорит о постепенном развитии данного вида этнического оружия. Можно проследить, как, интуитивно полагаясь на собственные вкусы и навыки мастерства, знатные горянки оформляли ножны для своих мужей и братьев. Многослойность конструкции и отделка ножен, без сомнения, повторяют принципы построения традиционного костюма горцев Северного Кавказа. И не только мужского. Шаровары – чувяки – ноговицы – наколенники уже давно известный пример. Похожее устройство имели рукава на женских платьях, имеющие особые лопасти с аппликациями и галунами, на женских кафтанчиках – в виде нарукавников и кожаных нагрудников с застежками.

Ил. 1. Черкесская шашка и ножны, украшенные галунами. Частное собрание

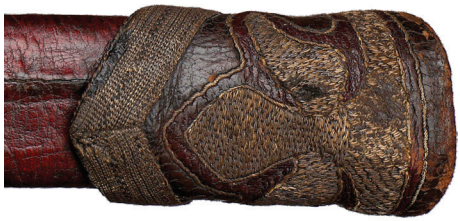
Представленная шашка (ил. 1) находится в частном собрании. Это классический пример черкесской шашки в ножнах, украшенных галунами. Особенную ценность представляют аппликации на муфтах. Это настолько редкий элемент украшений среди сохранившихся подобных предметов, что позволяет назвать эту шашку уникальной.

Краткое описание. Шашка имеет стальной клинок европейского производства, вероятнее всего – австрийского или венгерского. Время производства – конец XVIII в. Клинок – сабельный, имеет сабельный хвостовик. На клинке с каждой стороны прорезаны два широких дола, верхний примерно на второй трети клинка, распадается на три узких дола. Выступающей над обухом елмани нет. В среде коллекционеров такой тип получил название «гусарский», так как часто на клинках с такой сложной раздоловкой бывают вытравлены изображения всадника

с надписью «Vivat Hussar». Рукоять всадная классического типа, с небольшими «ушами», изготовлена из бивня моржа.

Наибольший интерес представляют ножны шашки. При изготовлении этого предмета использован целый набор самобытных ручных техник золотошвейного декоративно-прикладного искусства народов Северного Кавказа. Скорее всего, черкесов, потому что изготовление подобных дорогостоящих предметов в начале первой трети XIX в. было под силу только представительницам знати. Они располагали свободным временем, дорогостоящими материалами и, конечно, навыками. Шитье золотом было особенно характерно для адыгских народов, карачаевцев и балкарцев, плоскостных осетин и ингушей[9].

Основа ножен изготовлена из двух склеенных деревянных дощечек, внутри выбран паз для клинка. Ножны обшиты тонкой красной кожей, вероятно, сафьяном. Деревянный раструб-стакан отсутствует, что говорит о раннем производстве ножен. Его функцию выполняет верхняя муфта-устье (ил. 2). Вероятно, на начальном этапе бытования предмета, когда кожа была новая, это устье можно было вывернуть в сторону рукояти. Верхняя муфта имеет аппликацию в виде традиционного элемента черкесского орнамента – трехлепестника[10]. Он, как и ромбы на других муфтах, изготовлен методом вышивки «вприкреп». Деталь вышита на твердой основе, вместе с которой вырезана и пришита на кожу муфты, как это делалось на кобурах, снаряжении, предметах быта и одежды у народов Северного Кавказа. Для выделения фигуры вокруг аппликаций проложен тонкий шнур из металлизированной нити. Шнур тоже типичен для Кавказа. Он использовался для плетения басонных изделий, различных украшений для башлыков, шапочек, лент для натрусок и т. д. Шнур изготавливался путем обмотки золотыми или серебряными нитями прочной льняной нити-основы.



Ил. 2. Верхняя муфта

Края муфты обшиты кавказским галуном. Рисунок на галуне тоже традиционный. Имеются тонкие черные полоски и черный

зигзаг по центральной части. Галун выполнен из металлизированных нитей в традиционной архаичной технике плетения на дощечках. О чем свидетельствует асимметричность в переплетении рядов нитей. Эта техника характерна для ранних образцов галунных шашек. Позже галуны чаще стали ткать на специальных станочках в технике бёрдо и подобных. Появилась мода полировать их до состояния, внешне напоминающего металлическую гладкую ленту. Здесь мы еще не видим таких галунов. Верхняя муфта на устье является главным декоративным элементом этих ножен.

Ил. 3. Широкая муфта

Обоймица на ножнах отсутствует. Есть некие следы на коже, мы можем предполагать, что существовала простая железная обоймица. Самый архаичный вариант крепления, когда верхний пасик пришивался тонким ремешком-козевкой, на этих ножнах не применялся, т. к. отсутствуют отверстия от иглы.

Широкая муфта (ил. 3) состоит из кожаного чулка, сшитого обычным швом с внутренней стороны. К сожалению, от старых первоначальных галунов остались только отверстия в коже. Имеет место замена галуна на плетеную ленту. Сделано это, вероятно, во времена бытования предмета. Лента тоже традиционная для Кавказа. Изготовлена методом плетения. Несколько шнуров разной толщины стянуты поперек шелковой ниткой, которая играет роль утка.

Муфта с лопастью и муфта-наконечник (ил. 4 и 5). Эти два элемента объединены неслучайно. Во времена бытования шашки они были соединены острыми концами косынок-треугольников при помощи пуговицы. В месте их соединения ножны охватывал ремень нижнего паса портупеи. Верхняя муфта с косынкой-треугольником являлась ограничителем для движения ремня портупеи. При ношении он упирался в крайней точке и уже не мог подниматься выше. Каких-либо приспособлений для крепления этого ремня к ножнам не обнаружено. Это еще одно доказательство статусности и аристократичности ранних галунных шашек. Надежности креплений не придавалось такого значения, как это предполагалось бы для боевого повседневного оружия. Отсюда вытекает и предназначение нижних муфт

Ил. 4. Муфта с лопастью

Ил. 5. Муфта-наконечник

– они не столько защищали красную кожу от истирания, сколько служили как элементы подвеса, компенсировали отсутствие нижней железной обоймицы. Доказательством может служить и то, что на некоторых галунных ножнах под нижней муфтой-наконечником ничего нет. Красный сафьян заканчивается под косынкой-треугольником. Стремление экономить было всегда.

Муфты сшиты внутренним швом. Косынки-треугольники украшены декоративными аппликациями-вышивками в форме ромба, изготовленными в технике «вприкреп». По периметру ромбов проложен тонкий шнур, аналогично верхней муфте на устье. Края также отделаны галуном. Всего на изготовление ножен потрачено около 120 см галуна.

На примере исследования данной шашки и других подобных памятников оружейного и декоративно-прикладного искусства народов Северного Кавказа можно сделать несколько выводов.

Ранние шашки в ножнах, украшенных галунами, являются статусным, парадным оружием знати и племенной верхушки народов Северного Кавказа конца XVIII – начала XIX вв. Богатый декор ножен, а часто и материал и отделка рукоятей не позволяют утверждать, что галунные шашки – это некий упрощенный и удешевленный вариант сабли, эрзац-вариант. Традиционное оформление ножен по совокупности признаков не дает возможности опровергнуть, по крайней мере, на данном этапе, утверждение о северокавказском происхождении комплекса шашка – галунные ножны.

Изучение и описание подобных предметов требуют комплексного междисциплинарного подхода. Галунная шашка, как и, по большому счету, все кавказское оружие, не может быть описана только как памятник оружейного искусства в рамках одной научной дисциплины. Этнография, культурология,

историческая география и, безусловно, историческое оружиеведение в совокупности помогают пролить свет на историю возникновения и бытования данного типа этнического оружия.

---

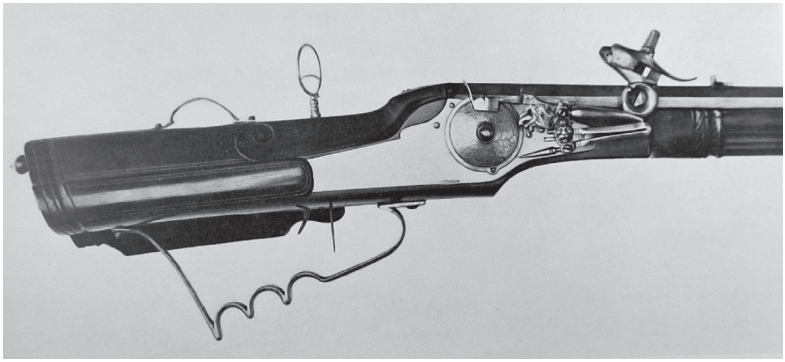
[1] Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. Изд. 2-е, доп. СПб.: Атлант, 2004. С. 59.
[2] Там же. С. 50.
[3] Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989. С. 164.
[4] Там же. С. 33.
[5] Там же. С. 39.
[6] Клочков Д. А. Отличные храбростью... Собственный Его Императорского Величества конвой. 1829–1917. История, обмундирование, вооружение, регалии. СПб.: АО Славия, 2007. С. 61.
[7] Тихомирова Е. И. Кавказское оружие в частных коллекциях. Империя и Кавказ. Оружие, обмундирование, ратные традиции. XIX – начало XX века: каталог выставки. М.: Фонд Русские Витязи. 2020. С. 57.
[8] Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. Изд. 2-е, доп. С. 340.
[9] Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв. С. 199.
[10] Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. Изд. 2-е, доп. С. 40.

Е. А. Родионов (Санкт-Петербург)

О ПРИЦЕЛЬНЫХ ЛИНЗАХ НА ШТУЦЕРАХ XVII–XVIII вв.

В ДАННОЙ СТАТЬЕ будет уделено внимание крайне малочисленной группе прицельных приспособлений на европейских штуцерах и ружьях XVII–XVIII вв., которые в рамках данной работы будут именоваться прицельными линзами. Необходимо уточнить, что речь пойдет не о телескопических прицелах, представляющих собой систему из двух и более линз, а об установленных на оружии единичных линзах, выполняющих для стрелка роль очков или монокля, позволяющих видеть изображение не увеличенным, а более четким.

Вероятно, самым ранним из дошедшего до нашего времени огнестрельным оружием, снабженным прицельной линзой, является колесный штуцер из коллекции замка Росенборг в Копенгагене[1]. Изготовлен он предположительно в Саксонии в 1618 г., вполне стандартный по конструкции и оформлению для начала XVII в., на стволе в казенной части клеймо с литерами «MW», предположительно пражского мастера Макса Венгера, на ложе – неидентифицированное клеймо с литерами «DI»[2]. Щека приклада украшена инкрустированным изображением трех оленей с одной общей головой. На верхней грани приклада, примерно на равном расстоянии между концом хвостовика казенника ствола и выемкой для упора большого пальца правой руки, закреплена короткая прямая металлическая стойка с круглой линзой в золотой оправе, чья оптическая сила определяется в 0,75 диоптрии (ил. 1). На владельца штуцера указывает инкрустированная монограмма из литеры «F» под короной в передней части щеки приклада. Считается вероятным, что она относится к королю Дании Фредерику III (1648–1670) в бытность его наследником престола и явно была выполнена уже после того, как



Ил. 1. Колесный штуцер с прицельной линзой. Германия. Саксония (?), 1618 г. Замок Росенборг, Копенгаген, инв. №7-145

штуцер изготовили и украсили, иначе ее, скорее всего, разместили бы в центре щеки приклада, а не с краю. О проблемах со зрением у датского короля информации нет, также известно, что, хотя он иногда и участвовал в охотах, это придворное развлечение его мало интересовало. Учитывая все это, а также дату рождения Фредерика III (1609), вполне возможно, что первым хозяином данного штуцера был кто-то другой, с кем и был связан монтаж на оружии прицельной линзы[3]. О том, кто ее изготовил и установил, равно как и о личности первого владельца штуцера, информацию, даже на уровне предположений, найти не удалось.

Следующим по времени изготовления известным нам оружием с сохранившимися прицельными линзами является колесный штуцер, продававшийся аукционным домом Херрман Хисторика в 2011 г.[4] Его ствол и замок подписаны аугсбургским мастером Андреасом Гансом («Andreas Gans in Augspurg» (sic! – *E.P.*)), упоминавшимся в период 1705–1740-х гг. (ил. 2). Сам штуцер датирован дилером приблизительно 1720 г., и по своей конструкции и декору типичен для работ южнонемецких оружейников того времени. Вороненый ствол с золоченой подписью мастера, выполненная на замочной доске в технике оброн охотничья сцена, многочисленные вставки на ложе из перламутра, кости и золоченой бронзы – все это указывает на достаточно состоятельного заказчика, которому данное оружие предназначалось. Исходя из наличия на штуцере старого инвентарного номера, дополненного изображением рогов, дилер допускал, что он ранее находился

Ил. 2. Колесный штуцер с прицельной линзой. Германия, Аугсбург, мастер Андреас Ганс, 1720-е гг. 61-й аукцион Herrman Historica, лот 33

в арсенале королей Вюртемберга, но более конкретной информации о его владельцах нет. На верхней грани приклада, перед обширной золоченой вставкой с выемкой для большого пальца, находится короткая, прямоугольная в сечении железная стойка с прицельной линзой на конце, причем линза укреплена на шарнире, что позволяет ее складывать вперед, к стволу, и, несомненно, добавляет удобства в транспортировке и использовании оружия, снабженного столь хрупкой деталью. В аукционном описании штуцера не приводится характеристик самой линзы, а исходя из приложенных фотографий, можно только предположить, что она, скорее всего, незначительно двояковыпуклая.

К той же эпохе относятся снабженные прицельными линзами четыре кремневых штуцера из коллекции Музея истории искусств в Вене. Два из них одинаковые, составляющие гарнитур с двумя кремневыми пистолетами, изготовлены известным венским мастером-оружейником Иоганном Георгом Кайзером[5]. Они роскошно украшены, все детали прибора серебряные, щитки на шейках прикладов в виде имперских двуглавых орлов, на замочных досках и вороненых стволах – золоченые подписи мастера, причем на стволах венский оружейник указывает свой почтенный возраст: «Georg Keiser, alt 84 Jahr 1731» (ил. 3) (Иоганн Георг Кайзер явно гордился своей длительной трудоспособностью, в собрании венского Музея истории искусств есть пара ружей, изготовленных им в возрасте 87 лет, о чем также сообщают подписи на стволах[6]). На ложах обоих штуцеров у перед-

Ил. 3. Кремневый штуцер с прицельной линзой. Австрия, Вена, мастер Иоганн Георг Кайзер, 1731 г. Музей истории искусств, Вена, инв. № A 1761

него конца верхней грани приклада, где он начинает переходить в шейку (далее в тексте – гребень приклада), закреплена невысокая, прямоугольная в сечении, изогнутая вперед стойка с прицельной линзой, при этом способ крепления стойки напоминает крепление некоторых деталей прибора – она вставлена в вырез и зафиксирована поперечной шпилькой, проходящей через ее нижний конец и приклад насквозь. Стойка и оправа линзы железные, и так же, как у вышеописанного колесного штуцера производства Андреаса Ганса, линза закреплена на шарнире, позволяющем складывать ее вперед.

Еще один находящийся в коллекции Музея истории искусств в Вене кремневый штуцер с прицельной линзой изготовлен другим известным венским мастером, Каспаром Цёльнером, он также вполне типичен по конструкции и стилю украшения для традиций австрийских оружейников и может быть датирован периодом

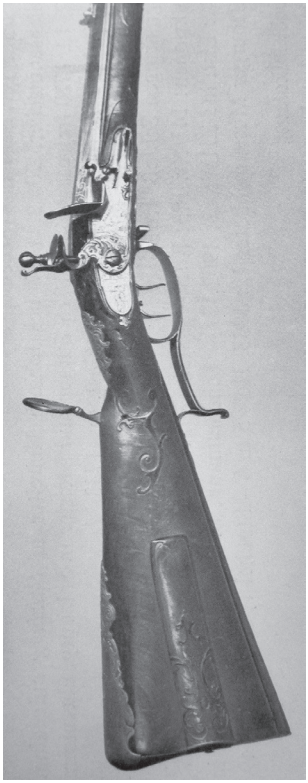
Ил. 4. Кремневый штуцер с прицельной линзой. Австрия, Вена, мастер Каспар Цёльнер, 1720–1730-е гг. Музей истории искусств, Вена, инв. № D 225

1720–1730-х гг.[7] (ил. 4). У него вороненый ствол с золоченой подписью мастера, только детали прибора не серебряные, как у вышеописанных штуцеров Кайзера, а из золоченой бронзы. Прицельная линза здесь также находится на гребне приклада, ее оправа и стойка позолоченные, а линзу можно складывать. Стойка круглая в сечении и, скорее всего, закреплена в прикладе на резьбе, подобно шурупу.

Ил. 5. Неизвестный художник. Портрет императора Карла VI в охотничьем костюме. Холст, масло, 1720-е гг. Дворец Шёнбрунн, Вена

В отличие от ранее упомянутого в данной статье оружия, личность первого владельца этих трех венских штуцеров сомнений не вызывает, им являлся император Священной Римской империи Карл VI (1711–1740). При этом известно, что он был страстным охотником и, по крайней мере в зрелом возрасте, имел проблемы со зрением. Последнее иногда называют как одну из причин трагического случая на охоте в Брандис-над-Лабем 10 июня 1732 г., когда император случайно смертельно ранил главного конюшего, князя Адама Франца Шварценберга, хотя, несомненно, решающую роль там сыграло неправильное расположение стрелков. Было бы соблазнительно предположить, что установка прицельных линз на принадлежавшие Карлу VI штуцеры както связана с этим происшествием, но и тут никаких надежных свидетельств не имеется. Арне Хофф вообще сомневался, что они были снабжены линзами при жизни императора, поскольку другие его штуцеры, изготовленные теми же мастерами, линз не имеют[8] (ил. 5).

Скорее всего, император Карл VI владел также кремневым штуцером из собрания Музея истории искусств в Вене,



Ил. 6. Кремневый штуцер с прицельной линзой. Австрия, Вена, мастер Маркус Цёльнер, около 1730 г. Музей истории искусств, Вена, инв. № G 225

выполненным около 1730 г. венским мастером Маркусом Цёльнером и имеющим прицельную линзу, по конструкции, способу и месту крепления аналогичную линзам на вышеупомянутых штуцерах, изготовленных Георгом Кайзером[9] (ил. 6).

Ни в коем случае не претендуя на исчерпывающий обзор сохранившихся до нашего времени прицельных линз, остается все же констатировать, что их исчезающе мало. Однако если принять во внимание сохранность предметов, на которых они могли быть установлены, можно попытаться приблизительно оценить степень распространенности таких оптических приспособлений. Для этого было осмотрено длинноствольное оружие из коллекции Гатчинского дворца-музея, насчитывающей более 600 единиц ружей, штуцеров, винтовок и мушкетонов, произведенных на территории европейских стран и Российской империи в период с конца XVI по конец XVIII вв. В ходе их изучения обращалось внимание на верхнюю сторону и шейку приклада от затыльника вплоть до хвостовика казенника ствола на предмет наличия отверстий, которые могли бы быть местами креплений прицельных линз, или следов от таковых отверстий, если оружие ранее подвергалось ремонту или реставрации.

Сразу отметим, что ни на одном из ружей, нарезных ружей и мушкетонов, т.е. длинноствольном оружии, имеющем гладкие каналы стволов либо каналы с прямыми нарезами, подобных отверстий или их следов обнаружено не было. Зато из остальных примерно 340 штуцеров и винтовок с колесными и кремневыми замками они выявлены на 26 предметах, изготовленных

в промежутке с середины XVII по середину XVIII вв. в областях, которые можно отнести к германской культурной общности.

Подробные результаты исследования даны в приложении в конце текста, при этом для удобства изучения показалось правильным разделить их на две группы в зависимости от формы приклада штуцера – т. н. аркебузного, который при стрельбе нужно было не упирать в плечо, а держать несколько выше, прижимая левую сторону к щеке, и т. н. ружейного – привычной для современного человека формы, упираемого в плечо. Помимо прочих различий, неважных для нашей темы, отметим, что у аркебузного приклада нет выраженной шейки, как у ружейного, и место, куда упирается большой палец правой руки стрелка, примерно на середине верхней грани, обычно выделено инкрустированной вставкой с небольшим углублением либо, наоборот, выпуклой деталью наподобие пуговки.

Далее несколько общих наблюдений. Отверстия на изученном оружии появились до XIX в., поскольку известно, что с конца XVIII в., когда Гатчинский дворец перешел во владение великого князя Павла Петровича, впоследствии императора Павла I, оно было развешано по стенам, представляя собой часть декора интерьера вначале Арсенального зала, потом Оружейной галереи и не используясь по прямому назначению, так что с того времени отверстия могли заделать в процессе реставрации, но не сделать вновь. Чаще всего отверстие одно, но их может быть и больше, вплоть до пяти, при этом они ориентированы вдоль приклада. У разных предметов отверстия разные по размеру и форме (оценить характеристики заделанных отверстий не представляется возможным), чаще они круглые, но бывают и прямоугольные, диаметром и шириной от 1 до 4 мм, в некоторых отверстиях хорошо сохранились следы резьбы, как от шурупа. Если два штуцера составляют единый комплект (пару), то одинаковые по форме, размеру и расположению отверстия есть на прикладах обоих штуцеров.

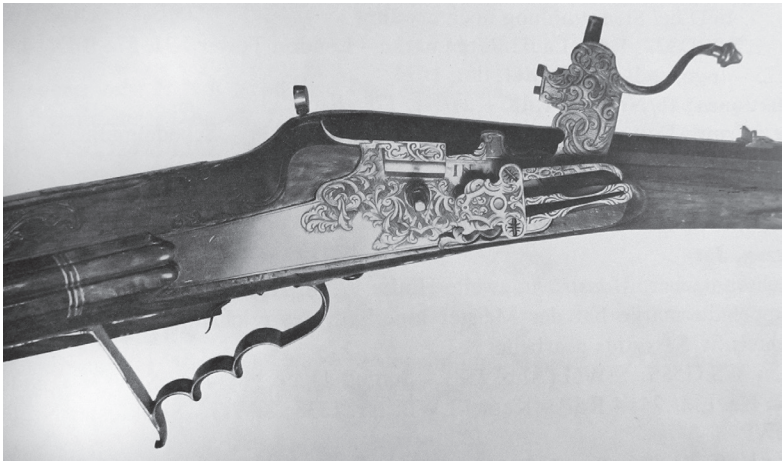
Этот тезис особенно хорошо иллюстрирует колесный штуцер, изготовленный в Вене в 1722 г. Францем Вильгельмом Вейером, – у парного ему штуцера, находящегося ныне в собрании Музеев Московского Кремля, на верхней грани приклада есть такое же прямоугольное отверстие[10] (ил. 7, 8). У штуцеров с ружейными прикладами отверстия в большинстве случаев находятся на гребне приклада, там, где закреплены линзы у рассмотренных выше

Ил. 7. Колесный штуцер. Австрия, Вена, мастер Франц Вильгельм Вейер, 1722 г. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-429-IX

Ил. 8. Отверстие на верхней грани приклада колесного штуцера Ф. В. Вейера. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-429-IX

кремневых штуцеров из коллекции венского Музея истории искусств, а у большинства штуцеров с аркебузными прикладами – на верхней грани, примерно посередине между местом для упора большого пальца и хвостовиком казенника ствола.

Главный вопрос – каким было предназначение обнаруженных отверстий. Можно уверенно утверждать, что они не являются следами от утраченных элементов декора – каких-то инкрустированных вставок и т. п. и, следовательно, имеют функциональное назначение. Вариантов такого назначения видится два – крепление либо прицельной линзы, либо диоптрического прицела, который устанавливался на ложе до казенного среза ствола (для рассматриваемого периода таких прицелов сохранилось немного, но кратно больше, чем прицельных линз, а от XIX столетия они дошли до нас в больших количествах). В пользу этого говорит и то, что, как уже упоминалось, подобные отверстия не обнаружены на гладкоствольном оружии



Ил. 9. Колесный штуцер с диоптрическим прицелом. Австрия, Вена, мастера Иоганн Амандус Нейройтер, Килиан Цёльнер, около 1735 г. Музей истории искусств, Вена, инв. № D 353

либо ружьях с прямыми нарезами в каналах стволов, не предназначенных для высокоточной стрельбы, при которой дополнительные прицелы и оптические приспособления были более насущны. Форма и размер отверстия вряд ли могут дать надежную информацию о том, какое из упомянутых приспособлений в них было закреплено, но, как кажется, их расположение на ложе может сказать несколько больше. Обратим внимание, что рассмотренные выше сохранившиеся до нашего времени прицельные линзы установлены не вплотную к казенному концу ствола, а по возможности ближе к глазу стрелка, в то время как диоптрические прицелы монтировались в основном как можно ближе к хвостовику казенника ствола, в случае со штуцерами с ружейными прикладами – на шейке приклада, а не на его гребне (ил. 9). Если принять это различие, пусть и в самом первом приближении, как определяющий признак, то кажется более вероятным, что часть отверстий на рассмотренном оружии из коллекции Гатчинского дворца предназначались для крепления диоптрических прицелов, как у колесных штуцеров инв. №№ ГДМ-922-IX, ГДМ-988-IX и у кремневого штуцера инв. № ГДМ-810-IX, а отверстия на прикладах остальных штуцеров, каковых в рассмотренной группе явное большинство, скорее всего, служили

для фиксации линз. Наличие у пары колесных штуцеров инв. №№ ГДМ-444-IX и ГДМ-532-IX двух отверстий, одно из которых у самого хвостовика казенника ствола, а другое ближе к углублению для большого пальца, может быть объяснено установкой и диоптрического прицела, и линзы. То, что на некоторых других штуцерах отверстий больше одного и находятся они относительно близко друг от друга по продольной оси, возможно, связано с тем, что со временем зрение хозяина штуцера изменялось, первоначальное расположение линзы становилось неудобным, и ее соответственно переставляли. Таким образом, получается, что на 23 штуцерах из коллекции Гатчинского дворца могли быть установлены прицельные линзы, что дает более 6% от их общего количества[11]. Разные формы и размеры отверстий явно указывают на то, что они не были сделаны одномоментно одним и тем же исполнителем. Об этом же свидетельствуют и сохранившиеся на большинстве рассмотренных предметов инвентарные номера, относящиеся ко времени, когда они еще были вне гатчинской коллекции оружия и, вероятно, вне России, – эти номера гравированы и штампованы на спусковых скобах, по крайней мере, в пяти различных манерах. Коллекции, к которым они относятся, пока не идентифицированы. В одном случае первого владельца штуцера можно установить – на его замочной доске гравированный герб Кристофа Фердинанда Попеля Лобковича[12], но, конечно, невозможно утверждать, что прицельная линза была установлена при его жизни, а не позже.

Причин того, что прицельные линзы сохранились до сегодняшнего времени в крайне малом количестве, может быть несколько. Прежде всего, линза сама по себе представляет очень хрупкую деталь, легко подверженную поломкам, которые вполне могли происходить за минувшие столетия. Можно предположить, что в ряде случаев их конструкция предусматривала относительно легкий монтаж и удаление при необходимости – например, линза хранилась и переносилась отдельно от штуцера и вставлялась или ввинчивалась в предназначенный для нее паз только перед стрельбой, а потом вынималась. Скорее всего, посадочными местами для таких легкосъемных линз должны были служить бронзовые накладки с квадратными отверстиями на гребнях прикладов у еще трех кремневых штуцеров производства венского оружейника Каспара Цёльнера[13] (ил. 10). Качества линзы должны были соответствовать особенностям

Ил. 10. Кремневый штуцер. Австрия, Вена, мастер Каспар Цёльнер, 1720–1730-е гг. Музей истории искусств, Вена, инв. № G 24 a

зрения конкретного стрелка, и для другого хозяина оружия делали пользование им затруднительным или невозможным, так что, когда штуцер с линзой переходил в новые руки, ее вряд ли сохраняли.

Диоптрические прицелы не настолько индивидуальны и менее хрупки, из-за чего они, очевидно, и дошли до нас в существенно большем количестве.

То, что в процессе работы над данной статьей не удалось обнаружить какого-либо живописного либо графического изображения рассматриваемого периода, фиксирующего штуцеры с прицельными линзами, помимо их редкости, возможно, связано с тем, что такая линза (как и, например, очки) свидетельствовала о проблеме со здоровьем хозяина оружия, на которой тот при заказе портрета не хотел заострять внимание. Кроме того, логично предположить, что необходимость в данных оптических приспособлениях появлялась чаще у пожилых людей с развитием дальнозоркости, мешающей видеть стандартные прицельные приспособления. В таком случае бытование линзы на конкретном штуцере могло быть относительно недолгим в сравнении с общим сроком его «активной жизни».

Подводя итог, при всей предварительности результатов проведенного исследования, можно с определенной уверенностью утверждать, что прицельные линзы на европейском охотничьем и целевом оружии XVII–XVIII вв. были хоть и довольно редким явлением, но все же имели гораздо более широкое распространение, чем кажется, исходя из количества сохранившихся образцов[14]. Оценить его точнее помогло бы дальнейшее изучение массового материала в других оружейных коллекциях.

Приложение 1.

Следы от прицельных линз либо диоптрических прицелов на штуцерах с «аркебузными» прикладами.

	Инв. № ГМЗ «Гатчина»	Предмет	Характеристика отверстий либо их следов на верхней стороне приклада
1	ГДМ-934-IX	Колесный штуцер. Австрия, Зальцбург или Эбенау, мастер Корнелиус Клетт (?), 1654 г.	Заделанное отверстие ближе к хвостовику казенника.
2	ГДМ-471-IX	Колесный штуцер. Чехия, Прага, мастер Иоганн Штифтер, 1650-е гг. вероятно, изначально принадлежал Кристофу Фердинанду Попелю Лобковичу (1614–1658)	Отверстие со следами резьбы перед отверстием от вставки для упора большого пальца.
3	ГДМ-738-IX	Колесный штуцер. Германия, Саксония (?), третья четверть XVII в.	Пять отверстий со следами резьбы перед углублением для большого пальца.
4	ГДМ-370-IX	Колесный штуцер. Чехия, Прага, мастер Иоганн Штифтер, 1660–70-е гг.	Заделанное отверстие ближе к хвостовику казенника ствола.
5 6	ГДМ-355-IX, ГДМ-367-IX	Пара колесных штуцеров. Германия, 1660–80-е гг.	Заделанное отверстие перед углублением для большого пальца.
7	ГДМ-999-IX	Колесный штуцер. Чехия. Эгер, 1660–80-е гг.	Отверстие перед углублением для большого пальца.
8 9	ГДМ-444-IX, ГДМ-532-IX	Пара колесных штуцеров. Германия, Саксония, Дрезден, мастер Готфрид Хан, 1676 г.	Заделанное отверстие перед углублением для большого пальца, прямоугольное отверстие у хвостовика казенника ствола (у одного штуцера – заделанное).
10	ГДМ-933-IX	Колесный штуцер. Чехия, Прага, мастер Иоганн Штифтер, 1678 г.	Два отверстия, из них большее со следами резьбы немного ближе к хвостовику казенника.

11	ГДМ-359-IX	Колесный штуцер. Германия, Пруссия, Кюстрин (?), мастер Иоганн Кристоф Берман, кон. XVII в.	Отверстие перед углублением для большого пальца со следами от резьбы.
12 13	ГДМ-988-IX, ГДМ-922-IX	Пара колесных штуцеров. Австрия, Вена, мастер Каспар Цёльнер, начало XVIII в.	Заделанное отверстие у хвостовика казенника ствола.
14	ГДМ-477-IX	Колесный штуцер. Германия, Бавария, Кронах, мастер Михаэль Вагнер, 1708 г.	Отверстие перед вставкой для большого пальца.
15	ГДМ-429-IX	Колесный штуцер. Австрия, Вена, мастер Франц Вильгельм Вейер, 1722 г.	Четырехугольное отверстие перед накладкой на верхней грани.
16	ГДМ-515-IX	Колесный штуцер. Германия, Саксония, Визенталь, мастер Георг Цёффель, 1720–30-е гг.	Отверстие перед выемкой для большого пальца.

Приложение 2.

Следы от прицельных линз либо диоптрических прицелов на штуцерах с «ружейными» прикладами

	Инв. № ГМЗ «Гатчина»	**Предмет**	**Характеристика отверстий либо их следов на верхней стороне приклада.**
1	ГДМ-446-IX	Колесный штуцер. Чехия, Карлсбад, мастер Георг Бальтцер, первая треть XVIII в.	Два отверстия на гребне приклада.
2	ГДМ-389-IX	Кремневый штуцер. Германия, 1720–40-е гг.	Два отверстия на гребне приклада.
3	ГДМ-493-IX	Колесный штуцер. Германия, 1730–40-е гг.	Два отверстия на гребне приклада.
4	ГДМ-384-IX	Кремневый штуцер. Богемия, Лейтмериц, мастер Франц Перет, 1730–40-е гг.	Заделанное отверстие на гребне приклада.

5	ГДМ-911-IX	Кремневый штуцер. Германия либо Австрия, 1730–40-е гг.	Прямоугольное отверстие у переднего конца затыльника приклада.
6 7	ГДМ-403-IX, ГДМ-489-IX	Пара кремневых штуцеров. Германия, Веймар, мастер Иоганн Мартин Лаун, 1730–50-е гг.	Отверстие ближе к гребню приклада.
8	ГДМ-810-IX	Кремневый штуцер. Германия, 1730–50-е гг.	Отверстие на шейке приклада.
9 10	ГДМ-502-IX, ГДМ-643-IX	Пара кремневых штуцеров. Германия, 1730–50-е гг.	Два отверстия на гребне приклада.

[1] Замок Росенборг, Копенгаген, инв. № 7-145; см. Hoff Arne, Schepelern H.D., Boesen Gudmund. Royal Arms at Rosenborg. Vol. 2. Copenhagen, 1956. Plate 49.

[2] Hoff Arne, Schepelern H.D., Boesen Gudmund. Royal Arms at Rosenborg. Vol. 1. Copenhagen, 1956. P. 122–123. В процессе предпринятой в XIX веке реставрации данного штуцера инкрустированную перед спусковой скобой пластинку с датой «1618» заменили на пластинку с датой «1585», что, по мнению оружиеведа Арне Хоффа, было ошибкой.

[3] Blackmore, Howard L. Hunting Weapons from the Middle Ages to the Twentieth Century. N.Y., 2000. P. 269. В русском издании этой книги ошибочно указывается, что на штуцере из коллекции замка Росенборг установлен комплект из позолоченных линз (Блэкмор Говард Л. Охотничье оружие. От Средних веков до двадцатого столетия. М.: 2006. С. 339). В оригинале речь идет о единичной линзе.

[4] 61 аукцион Hermann Historica, München, лот 33.

[5] Музей истории искусств, Вена, инв. №№ A 1760, A 1761. См. Hoff, Arne. Handfeuerwaffen II. Braunschweig, 1969. Tafel IV; Meisterwerke der Hofjagd- und Rüstkammer. Wien, 2013. S. 236–237.

[6] Музей истории искусств, Вена, инв. №№ G 148a, G 148b; см. https://www.khm.at/objektdb/detail/374407/?offset=1&lv=list, https://www.khm.at/objektdb/detail/1369683/?offset=2&lv=list (дата обращения 30.01.2023).

[7] Музей истории искусств, Вена, инв. № D 225; см. https://www.khm.at/objektdb/detail/373958/?offset=19&lv=list (дата обращения 30.01.2023).

[8] Hoff, Arne. Handfeuerwaffen II. Braunschweig, 1969. S. 164.

[9] Музей истории искусств, Вена, инв. № G 225; см. Schedelmann, Hans. Die grossen Büchsenmacher. Braunschweig, 1972. S. 222.

[10] Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-501; см. Московский Кремль. Императорская Рюст-камера. СПб., 2004. С. 126–127. До 1777 года оба штуцера находились в Ораниенбаумской Рюст-камере, откуда один был изъят графом

Г. Г. Орловым и доставлен в Гатчину, а другой вместе с большей частью остальной коллекции в 1810 году был перевезен в Москву.

[11] Безусловно, такую оценку следует рассматривать как самую приблизительную.

[12] Кристоф Фердинанд Попель Лобкович (Kryštof Ferdinand Popel z Lobkowicz (1614–1658)), имперский тайный советник и камергер, проректор пражского университета, правитель герцогства Глогау, наместник Силезии, главный придворный судья (1650–1651) и гофмейстер (1651–1658).

[13] Музей истории искусств, Вена, инв. №№ G 24a, D 397, D 398; см. https://www.khm.at/objektdb/detail/374463/?offset=17&lv=list, https://www.khm.at/objektdb/detail/374143/?offset=4&lv=list, https://www.khm.at/objektdb/detail/374144/?offset=2&lv=list (дата обращения 30.01.2023).

[14] С этим перекликается фраза о прицельных линзах Говарда Л. Блэкмора: «Few of these interesting but fragile accessories have survived» («Немногие из этих интересных, но хрупких аксессуаров сохранились»), т.е. раньше их было больше; Blackmore, Howard L. Hunting Weapons from the Middle Ages to the Twentieth Century. N.Y., 2000. P. 269.

Л. Д. Сабуров (Москва)

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ ПЕТРА I

ПРИ ПЕТРЕ I завершается процесс формирования русской регулярной армии. Военные преобразования первой четверти XVIII в., вошедшие в историю как реформы Петра I, охватили все стороны военного строительства. Изменению подверглись способ комплектования вооруженных сил личным составом, организация и управление войск, их вооружение, методы обучения и воспитания. Благодаря им национальные русские армия и флот по организации, вооружению и боевой подготовке выдвинулись на одно из первых мест в Европе.

Решение о необходимости коренной реорганизации армии окончательно назрело у Петра I после азовских походов[1]. Нужно было решительно преодолеть косность существующей военной организации, традиционное отвращение дворянства к пехотной службе, осознать факт отсталости русского войска и сделать из этого решительные выводы[2]. Эта историческая задача выпала на долю Петра I (ил. 1).

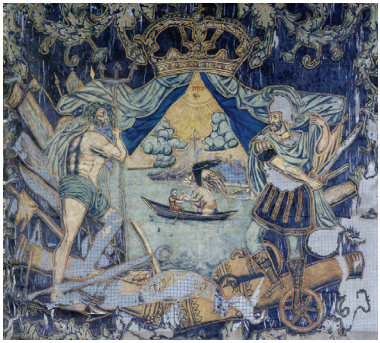
Он осуществил денежную реформу, положив в основу денежной системы десятичный принцип (1698–1704), который сохранился до сих пор. Для сбора средств на содержание регулярной армии и флота указом от 7 декабря 1718 г. распорядился провести подушную перепись населения и изменил систему прямого налогообложения: вместо подворного обложения на большей части территории России ввел подушную подать (1724). «Размер тягла (постоянные и чрезвычайные подати и повинности) в правление Петра I увеличился примерно в 3 раза»[3]. Это явилось одной из причин Астраханского восстания 1705–1706 гг. и восстания Булавина 1707–1709 гг.

Опыт набора даточных людей был использован при введении рекрутской системы комплектования, которая оформи-

лась законодательно к 1705 г. Рекрутская повинность распространялась на все податное население великорусских губерний. Первоначально брали 1 человека с 20 дворов, а с 1724 г. – 5–7 человек со 100 мужских душ. В рекруты набирали физически годных к военной службе мужчин в возрасте не старше 32 лет. Служба в армии и на флоте была пожизненной. Рекрутская повинность давала возможность в короткие сроки развернуть многочисленные вооруженные силы, укомплектованные национально однородным личным составом, обладающим высокими морально-боевыми качествами.

Ил. 1. Кафтан офицера лейб-гвардии Преображенского полка из гардероба Петра Великого. 1721–1725 гг. ГИМ

Офицерский корпус русской регулярной армии и флота комплектовался преимущественно из дворян. «Петр I законодательно закрепил традицию, согласно которой государственная служба дворянства являлась регулярной и обязательной. Поставил выдачу денежного жалованья за гражданскую и военную службу в зависимость от чина и занимаемой должности (указы 1711, 1714, 1715 гг.). Обязал всех дворян служить на равных основаниях – с нижних чинов, с 15-летнего возраста (указы 1714, 1719 гг.). При продвижении по государственной службе, провозглашенной Петром I главной и почетной обязанностью дворянства, распорядился учитывать личную выслугу, а не знатность (Табель о рангах 1722 г.)»[4]. Противопоставил старой знати (Рюриковичам, Гедиминовичам и представителям некоторых татарских родов) новую знать, введя в России для



Ил. 2. Ротное «воскресное» знамя лейб-гвардии Преображенского полка обр. 1700 г. Государственный Эрмитаж

Ил. 3. Полковое «повседневное» знамя лейб-гвардии Семеновского полка обр. 1700 г. Военный музей, Стокгольм

пожалования дворян за заслуги европейские титулы – графа (1706), светлейшего князя (1707) и барона (1710).

Выходцы из других сословий становились офицерами в редких случаях. При этом, достигнув обер-офицерского чина (звания младшего офицера), они получали потомственное дворянство. В начале Северной войны, ввиду нехватки собственных офицерских кадров, правительство Петра I вынуждено было приглашать на службу иностранных офицеров, но уже Нарвское сражение показало, что командный состав, набранный из иностранцев, крайне ненадежен. Поэтому самое серьезное внимание было уделено созданию крепкого национального офицерского корпуса.

Основную массу командного состава готовили гвардейские Преображенский и Семеновский полки (ил. 2, 3). Прежде чем получить офицерский чин, дворяне были обязаны прослужить определенный срок рядовыми в гвардии или в армейских полках. Петр I указом 1714 г. постановил: «Так как многие производят сродников своих и друзей в офицеры из молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в низких чинах, а некоторые служили только для вида по несколько недель или месяцев, поэтому таким требуется ведомость, сколько таких чинов есть с 1709 г., а впредь сказать указ, чтоб и дворянских пород и иных со стороны не писать, которые не служили солдатами в гвардии»[5]. Царь строго следил, чтобы дво-

ряне, поступившие солдатами в гвардейские полки, получали в них известное военное образование, «приличное офицерству» (ил. 4).

Для подготовки артиллерийских, инженерных, морских офицеров и других специалистов были созданы специальные военные школы. В 1698 г. в Москве была открыта Пушкарская школа, а в 1701 г. – Навигационная школа[6]. Унтер-офицерские кадры готовили в гарнизонных школах.

Производство в чины в петровской армии происходило в порядке строгой постепенности. На каждое опустевшее место выбирался путем баллотировки офицерами полка достойнейший, по их мнению. Патенты на все чины до 1724 г. выдавались за подписью самого Петра I[7]. Производство в полковничьи и генеральские чины зависело от государя.

Ил. 4. Капитан гренадерских рот лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков. 1712–1718 гг. Художник Н. Зубов

В ходе реформ сложилась стройная организация русских вооруженных сил. Они состояли из сухопутной армии и военно-морского флота. Их общая «численность к концу первой четверти XVIII в. достигала 339 432 человек. Из них в регулярных сухопутных войсках насчитывалось 224 242 человека и в иррегулярных – 112 067 человек. Личный состав военно-морского флота насчитывал 26 777 человек[8]».

Сухопутная армия разделялась на полевую действующую армию, гарнизонные войска и ландмилицию (поселенные войска на Украине). Численность полевой армии достигала 144 562 человек, в гарнизонных войсках было 74 127 человек и в ландмилиции – 2118 человек.

Сухопутная армия состояла из трех родов войск – пехоты, кавалерии и артиллерии. Главным родом войск была пехота, подразделявшаяся на гвардейскую, гренадерскую и линейную. При Петре I армия стала иметь однотипную организацию: полки, бригады, дивизии.

Основной тактической единицей в пехоте был полк, состоявший из двух батальонов четырехротного состава. Из 8 рот, имевшихся в полку, одна была гренадерская. Общая численность полка достигала 1500 человек, в том числе 40 офицеров, 80 унтер-офицеров, 1120 рядовых строевых, 247 рядовых нестроевых. Пехота была вооружена гладкоствольным ружьем (фузеей) с кремнево-ударным замком (калибр 7,8 лин. – 19,8 мм). В 1708 г. багинет при ружье был заменен трехгранным штыком, что позволило эффективно сочетать огневой бой с ударом холодным оружием. Помимо этого каждый пехотинец имел шпагу, унтер-офицер – алебарду (колюще-рубящее оружие в виде длинного копья с насаженным боевым топором или секирой), офицер – протазан (копье с плоским и длинным металлическим наконечником, насаженное на длинное древко). При Петре I винтовальные пищали стали называться «стуцерами». Они изготовлялись в Туле с 1716 г. Штуцерами были вооружены в русских войсках лучшие стрелки. В гренадерских полках на вооружении имелись ручные гранаты и ручные мортирки. В каждый полк организационно входила конная артиллерия (обычно два орудия).

Подобно пехоте, русская кавалерия имела дивизионную организацию. В составе кавалерийской дивизии обычно имелось 2–3 бригады, в бригаде – 2–3 драгунских полка, в полку – 5 эскадронов. Кроме того, в каждый полк организационно входила конная артиллерия (обычно 2 орудия). В деле создания конной артиллерии Россия на полстолетия опередила Западную Европу. Согласно штатам 1711 г. в полку полагалось иметь: 38 штаб-офицеров и обер-офицеров, 80 унтер-офицеров, 920 рядовых строевых, 290 рядовых нестроевых. Всего в драгунском полку состояло 1328 человек. Драгуны вооружались облегченным ружьем без штыка, палашом и двумя пистолетами. Отличительной особенностью

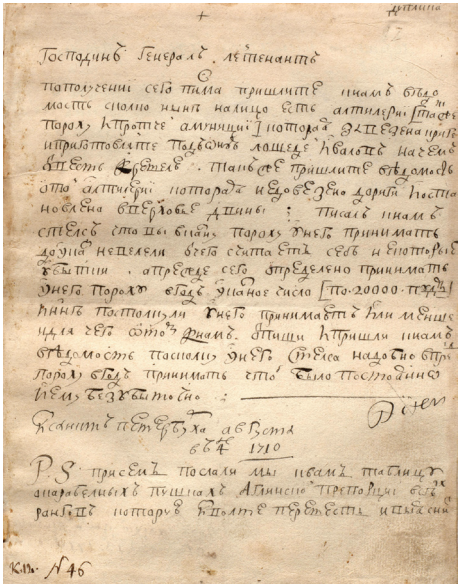
русской кавалерии было то, что она могла действовать как в конном, так и в пешем строю. Эта особенность была использована Петром I для организации летучего конного корпуса (корволанта). Выделяемый от главной армии корволант имел в своем составе 6–7 тыс. человек. В зависимости от поставленной задачи ему придавалась пехота, посаженная на лошадей, и легкая артиллерия. Главным предназначением корволанта являлось выполнение стратегических задач. В Западной Европе стратегическая конница появилась только в эпоху Наполеоновских войн.

Радикальным изменениям подверглась артиллерия. Осваивалось производство новых видов артиллерийских орудий, ружей, боеприпасов и пороха. Учреждены «Оружейный двор» в Туле (1712), «Литейный двор» и пороховой завод в Санкт-Петербурге (1714), Сестрорецкий оружейный завод» (1710), оружейный и пушечный заводы в Петрозаводске и другие.

Общая численность артиллерийского парка к 1725 г. составила около 16 тыс. орудий вместо 4 тыс. в конце XVII в. Были осуществлены серьезные мероприятия по улучшению качества его материальной части. В артиллерии устанавливалось 3 типа орудий: пушки, гаубицы и мортиры. В 1707 г. введена единая шкала калибров (русская артиллерийская шкала), что устраняло имевшую место многокалиберность артиллерии. Число калибров ограничивалось до восьми. Русская артиллерия получила четкое подразделение на полковую, полевую, осадную и крепостную, что обеспечивало более широкие возможности ее тактического использования. На вооружении полковой артиллерии состояли 3-фунтовая пушка и 6-фунтовая мортирка. В каждом пехотном и драгунском полку имелось по две 3-фунтовые пушки и четыре 6-фунтовые мортирки.

Петр I регулярно требовал доклады о состоянии артиллерии. Об этом свидетельствует письмо от 4 августа 1710 г. собственною Петра I рукою писаное генерал-фельдцейхмейстеру генерал-лейтенанту Брюсу о присылке ведомости о наличии артиллерии, пороха и амуниции, подвод, лошадей, ездовых для принятия решения по финансовым вопросам[9] (ил. 5).

В ходе Петровских военных реформ появилась конная артиллерия. В 1701 г. драгунские полки получили на вооружение легкие пушки и мортиры, которые перевозились на «седлах мортирных». В деле создания конной артиллерии Россия на полстолетия



Ил. 5. Письмо Петра I генерал-фельдцейхмейстеру генерал-лейтенанту Брюсу

опередила Западную Европу. Там конная артиллерия впервые появилась в 1759 г. в прусской армии. Король Пруссии признал, что это военное нововведение им заимствовано у русских.

В развитии артиллерии русской армии важную роль сыграли фурштатские команды. 1706-й стал годом введения казенной конной артиллерийской части, которая позже получила название фурштата. В 1714 г. в штате артполка состояло 12 фурштатских команд в общем составе 1255 человек и 1986 лошадей.

Инженерных войск как отдельного рода вооруженных сил во времена Петра I не существовало. Инженеры, понтонеры и минеры организационно входили в штат артиллерийского полка. Строевым инженерным подразделением являлась минерная рота (89 человек). В ходе реформ планировалось создать специальный инженерный полк. Такое решение Петр I принял в 1724 г., однако претворено в жизнь оно было уже после его смерти.

Важнейшей составной частью петровской военной реформы было создание регулярного военно-морского флота. Отсчет его родословной ведется с 1696 г., когда Боярская дума приговорила: «Флоту быть». Строительство же боевых кораблей началось на три года раньше. Только при наличии сильного и современного флота Россия могла бороться со Швецией и Османской империей за выходы в Балтику и Черное море.

Русскому государству пришлось решать триединую задачу: создавать военно-морской флот, строить для него базы

и готовить кадры военных моряков. О размахе строительства русского военно-морского флота свидетельствуют следующие данные: в 1693–1700 гг. было открыто 10 судостроительных верфей и на них построено 70 судов различных классов. В 1700–1715 гг. открыто еще 12 верфей и спущено на воду уже 530 судов. В 1715–1725 гг. открыли 3 верфи, а всего было построено 195 судов.

Строящийся военно-морской флот отвечал всем требованиям времени. Основными классами парусного флота были линейные корабли и фрегаты. Линейный корабль имел водоизмещение 1–2 тыс. тонн, большое парусное оснащение, 2–3 боевые палубы, на которых устанавливалось 52–90 пушек. Фрегат имел от одной до двух боевых палуб и вооружался 25–44 орудиями.

По замыслу Петра I военно-морские силы России должны были состоять из двух видов флотов: открытого моря (парусные суда) и шхерного (преимущественно гребного) – для боевых действий в прибрежных районах, на озерах и реках. Гребной флот предназначался прежде всего для ведения войны против Швеции, которая сама имела сильный шхерный флот. Основным типом гребного боевого корабля стала скампавея. Она имела до 18 пар весел, 3–5 пушек и до 150 человек в экипаже.

Личный состав военно-морского флота, как и в армии, комплектовался в ходе рекрутских наборов. На флот шли в первую очередь новобранцы из русского Поморья, потомственные мореходы. Офицерский состав комплектовался преимущественно из дворянства, экипажи гребного флота – в большинстве случаев из пехотинцев.

В ходе военных реформ в условиях ведения Северной войны Россия смогла создать три новых флота: Азовский, Балтийский и Каспийский. Базами Азовского флота являлись Воронеж, Азов и Таганрог. Командование флотов на Азовском море осуществлялось из Таганрога.

Главной морской силой Российского государства стал флот Балтийского моря, созданный с 1702 по 1709 гг. Завоевав более прочные позиции на балтийском побережье, Россия незамедлительно приступила к строительству сильного парусного флота для действий против Швеции в открытом море. Если до 1709 г. Россия на Балтике не имела линейных кораблей, то к концу Северной войны в состав Балтийского флота входили

31 линейный корабль, 5 фрегатов, 6 шняв, 2 бомбардирских судна, 2 прама и около 70 мелких парусных судов.

Главной базой балтийцев сначала был Санкт-Петербург, имевший в Кронштоте передовую базу, сооруженную в 1703 г. Война на море вызвала необходимость устроить передовые военно-морские базы у Ревеля и Выборга. Они были созданы в 1710 г. в Або и в 1714 г. на Аландских островах (временная). В связи с тем, что новая российская столица не отвечала всем требованиям главной базы мощного многочисленного Балтийского флота, эту базу перенесли на остров Котлин. Здесь к 1723 г. возвели Кронштадт.

Каспийский флот был учрежден по случаю Персидского похода. В состав флота входили 47 небольших парусных и 38 гребных судов. Каспийцы базировались в Астрахани, Дербенте, Баку и на южном берегу Каспия.

Всего русский военно-морской флот во время своего расцвета при Петре I насчитывал 48 линейных кораблей, фрегатов, 80 скампавей, галеры и другие боевые корабли с общим экипажем 28 тысяч человек. Он стал одним из сильнейших в Европе

Военные реформы позволили создать боеспособную национальную регулярную Российскую армию, самую многочисленную из армий европейских государств. Армия и флот строились в ходе Северной войны (1700–1721) с одной из сильнейших в Европе военных держав, Швецией. Это придавало военным реформам высокую динамичность и эффективность.

Военная реформа вызвала изменения и в управлении войсками. Они выразились главным образом в его централизации. Преобразования в этом направлении начались в 1699 г., когда после расформирования стрелецкого войска все военные дела изъяли из Стрелецкого приказа и передали в Земский приказ, который стал ведать делами набора в создаваемую регулярную армию.

«В 1700 г. вместо Иноземного и Рейтарского приказов учреждается Особый, который в следующем году преобразуется в приказ Военных дел. Первым главой его стал боярин Т. Стрешнев. Одновременно шла централизация отдельных направлений в деятельности военного ведомства государства»[10]. Генерал-комиссар стал ведать обеспечением войск вооружением, обмундированием и денежным довольствием. Учрежденный в 1700 г. Провиантский приказ стал заведовать снабжением войск

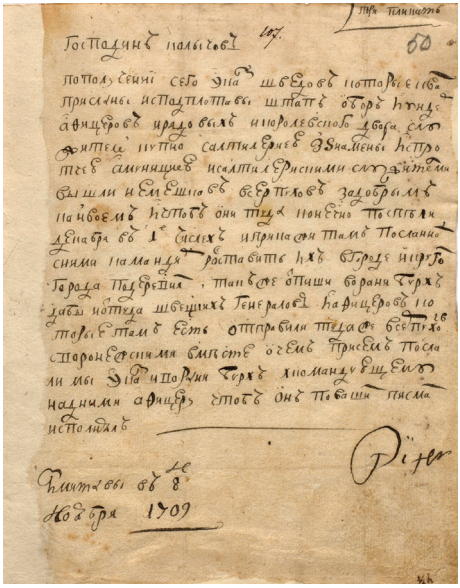
провиантом и фуражом; Пушкарский приказ, преобразованный в 1701 г. в Приказ артиллерии, – артиллерийскими и инженерными делами. Однако такое деление между приказами затрудняло управление армией. Поэтому в 1706 г. приказ Военных дел преобразуется в Ближнюю канцелярию.

Вместо Боярской думы в 1711 г. Петр I создал высший орган исполнительной и судебной власти – Сенат, члены которого назначались царем. Он стал ведать комплектованием армии, а образованный при нем Комиссариат – финансированием войск, снабжением их вооружением, провиантом и обмундированием. Возглавил Комиссариат Я. Долгоруков.

Приказ артиллерии, получивший особый штат в 1712 г., в связи с переездом правительственных учреждений из Москвы в новую столицу был разделен на две части. Петербургская часть бывшего приказа, носившая название Артиллерийской канцелярии, преобразуется в Главную артиллерийскую канцелярию.

Преобразования военного управления привели к введению Военной коллегии и 12 коллегий вместо приказов. Военная коллегия, подчинявшаяся Сенату, занималась всеми военными делами в государстве и наблюдала за работой Главной артиллерийской канцелярии, находившейся в ведении генерал-фельдцейхмейстера. Адмиралтейств-коллегия заведовала флотом.

«Страна была разделена на 12 губерний (во главе с губернаторами), губернии на провинции (во главе с воеводами), провинции на уезды (во главе с земскими комиссарами)[11]». Местные органы власти в лице губернаторов стали причастны к вопросам военного управления. Военные реформы определили круг обязанностей губернаторов. На них возлагалось ведение всех гражданских и военных дел на территории губерний, сбор средств через особых комиссаров. Они проверяли ход рекрутских наборов и производили осмотры новобранцев, отправляемых в полки. Для регламентации военной деятельности на местах в губернии поступили «Инструкции или наказ воеводам». Согласно им губернские власти подчинялись непосредственно Сенату и его Коллегии и являлись его исполнительными органами. На местах губернаторы отвечали за содержание и оборону крепостей, снабжение приписанных войск продовольствием, разрешали недоразумения, возникавшие между населением и войсками при их расквартировании. Примером этого могут послужить указания



Ил. 6. Указания воронежскому губернатору Колычеву. Ноябрь 1709 г.

воронежскому губернатору Колычеву, написанные Петром I 8 ноября 1709 г.[12] (ил. 6).

Петровские военные реформы создали основу нового строевого и полевого управления. Высшей тактической единицей стал полк. Командиром полка являлся полковник, имевший в своем распоряжении штаб части. Его штат состоял из подполковника, премьер-майора, секунд-майора и восьми полковых офицеров. Для управления действующей армией на театре военных действий (ТВД) вводилась должность главнокомандующего – генерал-фельдмаршала, а на флоте – генерал-адмирала. При полевом штабе армии в качестве совещательного органа учреждался военный совет («консилия»). В 1701 г. в армии введена должность генерал-квартирмейстера, при котором находилась военно-походная канцелярия, а в 1711 г. образована квартирмейстерская часть, явившаяся прообразом будущего генштаба. Инфантерия, кавалерия и артиллерия как рода войск имели своих командующих – генерала от инфантерии, генерала от кавалерии и генерал-фельдцейхмейстера.

Управление военно-морским флотом складывалось одновременно с закладкой первых судов. Первым флотским начальником стал окольничий А. П. Протасьев, по указу царя осуществлявший надзор за верфями в ходе строительства Азовского флота, ведая Владимирским судным приказом. Он носил звание партикулярного адмиралтейца.

В первые годы военных реформ общее руководство военно-морскими силами государства осуществляли различные лица. Петр I во избежание такого распыления руководящих функций

переименовывает в 1700 г. Владимирский судный приказ в приказ Адмиралтейских дел, поставив во главе его своего сподвижника – флотоводца Ф. М. Апраксина. Система управления флотом сложилась к 1712 г. с учреждением Военно-морского флота канцелярии. В Москве стал действовать Адмиралтейский приказ, а в Санкт-Петербурге – канцелярия. В 1715 г. канцелярия преобразуется в Морской комиссариат, а приказ – в Московскую адмиралтейскую контору. Единый орган управления флотскими делами был создан в 1718 г. Им стала адмиралтейская коллегия, находившаяся в новой российской столице.

Переход к регулярным вооруженным силам потребовал установления единых принципов и правил обучения и воспитания личного состава, а также боевого применения войск. Поэтому большое внимание было уделено разработке строевых, военно-правовых и полевых уставов. В ходе военной реформы были разработаны и изданы «Краткое обыкновенное учение» 1700 г., «Устав прежних лет» 1702 г., «Артикул краткий» для драгун 1706 г. и др. Накопленный в ходе войны со шведами боевой опыт постепенно систематизировался и обобщался. Особенно важное значение имели написанные лично Петром I в 1708 г. инструкции «Правила сражения» и «Учреждение к бою по настоящему времени». В последней из них была выдвинута передовая для своего времени идея о необходимости полевого тактического обучения войск, главной целью которого должно быть – «как в бою поступать». Впервые стали проводиться двусторонние полевые учения – маневры. В обязанности генералитета вменялась полевая тактическая подготовка среднего и младшего командного состава. Четко были определены обязанности офицера и его место в боевых порядках. Место командира в бою «Учреждение к бою по настоящему времени» рекомендовало выбирать там, где «удобнее видеть и повелевать». В случае выбытия из строя офицеров их должны были заменять младшие командиры. В связи с этим указывалось, что необходимо «учить унтер-офицеров, дабы оные также знали командовать, как и обер-офицеры».

Для повышения эффективности стрельбы и уменьшения потерь от огня противника введен новый порядок боевого построения пехоты. Его глубина была уменьшена с шести шеренг (1700) до четырех (1708). Правила стрельбы предусматривали достижение непрерывности при ведении огня.

Воспитанию воинов способствовало развитие системы воинских ритуалов и церемоний; учреждение полковых знамен, орденов, медалей и порядка награждения за ратную доблесть; введение воинских званий и правил повышения в чине, а также военной присяги. С 1721 г. все солдаты и матросы стали принимать торжественную клятву на верность Отечеству, офицеры присягали при каждом повышении в чине.

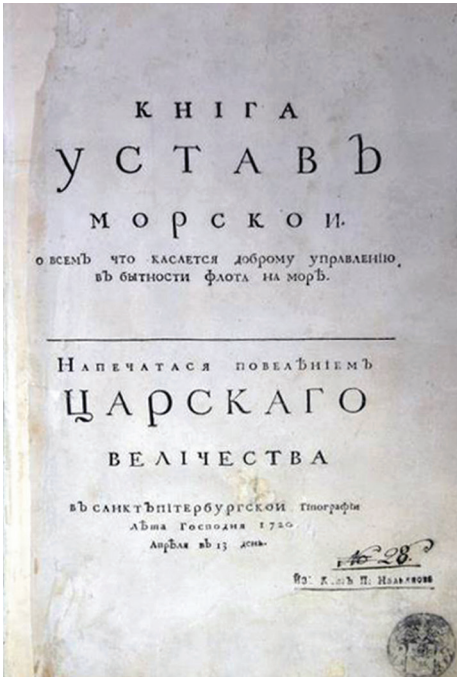
Итог петровским преобразованиям армии был подведен в «Уставе воинском» 1716 г. Военные историки не уделили должного внимания этому документу. Продолжительное время его Устав 1716 г. считали простым переводом немецкого устава (вроде Устава 1796 г. Павла I). Дело в том, что первые отдельные издания 1716 г. печатались параллельно на русском и немецком языках. Немецкий текст предназначался для иноземных офицеров, служивших в русской армии. Так почему-то напечатан Устав 1716 г. и в томе V Полного собрания законов. Это обстоятельство дало «основание» автору немецкого сочинения «История русских войск» фон Штейну безапелляционно заявить, что Устав 1716 г. был составлен немцем-пруссаком, и русский исследователь Устава 1716 г. П.О. Бобровский еще в 80-х гг. XIX в. вынужден был опровергать эту грубую фальшивку немецких историков[13].

«Изучение черновой рукописи Устава 1716 г., хранящейся в РГАДА, достоверно свидетельствует о том, что его текст от начала и до конца был составлен и отредактирован при личном участии Петра I: в данной рукописи им сделано до 200 поправок и дополнений. Сопоставление всех уставных документов показывает, что основным источником строевой и тактической частей Устава 1716 г. явились первые уставные Положения армии и личные инструкции и указы Петра, возникшие в ходе Северной войны»[14].

В отличие от западноевропейских уставов, в основе которых лежало требование механического подчинения, петровский устав 1716 г. на первое место ставил сознательное отношение к воинскому долгу. И офицер, и солдат несли равную ответственность в случае нарушения воинского долга. А для всего личного состава армии уставом вводилась присяга.

Завершением создания регулярного военно-морского флота явился Морской устав, изданный в 1720 г. под названием «Книга устав Морской, о всем, что касается доброму управлению

в бытности флота на море». В военной научной библиотеке музея читатели могут ознакомиться с подлинником этого Устава издания 1720 г. за № 28 (ил. 7). В России он создавался не сразу, а постепенно, по мере расширения масштабов строительства флота и накопления опыта боевого применения его в войнах. Еще в 1668 г. в связи с постройкой первого русского парусного военного корабля «Орел» по инициативе и под руководством А. А. Ордина-Нащокина, командиром «Орла» А. Бутлером были написаны 34 статьи артикульные – «Корабельного строя письмо», прообраз петровского Морского устава.


КНІГА
УСТАВЪ
МОРСКОЙ.
О ВСЕМЪ ЧТО КАСАЕТСЯ ДОБРОМУ УПРАВЛЕНІЮ,
ВЪ БЫТНОСТИ ФЛОТА НА МОРѢ.
НАПЕЧАТАСЯ ПОВЕЛѢНІЕМЪ
ЦАРСКАГО
ВЕЛІЧЕСТВА
ВЪ САНКТЪПІТЕРБУРГСКОЙ Типографіи
ЛѢта Господня 1720.
Апрѣля въ 13 день.
№ 28.

Ил. 7. Морской устав, изданный в 1720 г. под названием «Книга устав Морской, о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море» за № 28. ЦМВС РФ

Петр I не чуждался иностранного опыта: чтобы устав был полноценным, он приказал перевести на русский язык английский, французский, голландский, датский и шведский морские уставы.

Разработка Морского устава началась в 1715 г. и велась под руководством и при личном участии Петра I в течение 5 лет. Морской устав, написанный с учетом опыта боевой деятельности флота в Северной войне, позволяет судить об уровне развития русского военно-морского флота, а также о флотоводческом таланте Петра I, особенно в области тактики морского боя, которому в уставе уделено большое внимание как основному способу решения задач в вооруженной борьбе на море. Для решительного достижения цели устав требовал применения артиллерийского

огня с коротких дистанций, а в случае необходимости – взятия противника на абордаж. При этом важное значение отводилось боевому взаимодействию кораблей для оказания друг другу всевозможной помощи.

В уставе говорилось: «Все воинские корабли российские не должны ни перед кем спускать флага, вымпелы и морсели под страхом лишения живота». За невыполнение приказа, уклонение от боя, проявление трусости виновные наказывались смертной казнью.

Таким образом, основным содержанием петровских военных реформ являлось: создание регулярных армии и флота, основанных на рекрутской системе комплектования; упразднение ранее существовавших разнородных воинских формирований и введение однотипной организации и вооружения в пехоте, коннице и артиллерии, единой системы воинского обучения и воспитания, регламентированной уставами; централизация военного управления, замена приказов Военной коллегией и Адмиралтействколлегией; учреждение должности главнокомандующего, при котором была создана квартирмейстерская часть во главе с генерал-квартирмейстером; открытие военных школ для подготовки офицерских кадров и регламентирование службы офицеров; проведение военно-судебных реформ.

Деятельность Петра I имела своей целью обеспечение государственных интересов страны. Во имя этого он не жалел ни себя, ни других. Его ум был устремлен в будущее, он видел Россию великой и процветающей державой. Петр I говорил: «Я предчувствую, что россияне когда-нибудь, а может быть и при жизни еще нашей, пристыдят самые просвещенные народы успехами своими в науках, неутомимостью в трудах и количеством твердой и громкой славы».

---

[1] Петр Великий. Сборник статей. М.; Л.: Акад. наук СССР / Под. ред. А. И. Андреева. 1947. С. 170.

[2] Там же. С. 170.

[3] Большая российская энциклопедия: В 35 т. / Под ред. Ю. С. Осипова. М., 2014. Т. 26. С. 77.

[4] Там же. С. 78.

[5] С. Князьков. Из прошлого Русской земли. Книга для чтения по русской истории. Время Петра Великого. М.: Планета, 1991. С. 131.

[6] С. М. Соловьев. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. С. 100.

[7] Письма и бумаги Императора Петра Великого. Вып. 2-й. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1948. Т. 8. С. 18, 19.

[8] Военная история государства Российского / Под ред. В. А. Золотарева и др. М.: Кучково поле, 2015. С. 184.

[9] Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 36. Л. 165.

[10] Военная история государства Российского. С. 188.

[11] Военная энциклопедия: В 8 т. / Под ред. С.Б. Иванова. М.: Воениздат, 2002. Т. 6. С. 360.

[12] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 23. Л. 50.

[13] П. О. Бобровский. Военные законы Петра I. СПб.: изд. Балашева, 1887. С. 70–81.

[14] Петр Великий. Сборник статей / Под. ред. А.И. Андреева. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1947. С. 195, 196.

С. Н. Савченко, Т. В. Сиваков (Хабаровск)

УЧАСТИЕ УССУРИЙСКОЙ КОННОЙ БРИГАДЫ В РЕЙДЕ ПО ТЫЛАМ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК В СОСТАВЕ СВОДНОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. М. КРЫМОВА 5-Й РУССКОЙ АРМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА 5 (18) – 6 (19) ИЮНЯ 1915 г.

24 МАЯ (6 июня) 1915 г. для стабилизации ситуации и в связи с угрозой германского наступления на Митаву (ныне Елгава, Латвия) и Вильно (ныне Вильнюс, Литва), а также для улучшения управления войсками, выполнявшими в Риго-Шавельском районе особую задачу на обособленном театре военных действий (части 10-й армии), главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал М. В. Алексеев в телеграмме № 2066/560 приказал эти войска свести в особую 5-ю армию, во главе которой было поставлено переброшенное в Прибалтику полевое управление 12-й армии. В ее состав включались: 3-й, 19-й, 37-й армейские корпуса с прикомандированными к ним частями – 6-й пехотной дивизией, 1-й Кавказской, 3-й Туркестанской стрелковыми, отдельной пехотной бригадами; 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 15-я кавалерийские, 2-я Кубанская казачья дивизии, 4-я отдельная кавалерийская и Уссурийская конная бригады (командир генерал-майор А. М. Крымов, находилась в составе 10-й армии. – *Авт.*), гарнизон крепости Усть-Двинск и 7-я, 16-я ополченческие бригады. Командующим 5-й армией в Риго-Шавельском районе назначался генерал от кавалерии П.А. Плеве[1]. Управление формируемой 5-й армии прибыло в Митаву 24 мая (6 июня)[2], сам генерал Плеве в Митаву приехал 28 мая (10 июня), где и вступил в командование армией[3].

В связи с этим решением генерала М. В. Алексеева, 29 мая (11 июня) Уссурийская конная бригада приказом командующего 10-й армией генерала от инфантерии Е. А. Радкевича № 639 (Гродно) из состава армии исключалась[4] и переводилась в 5-ю армию.

В составе 5-й армии 29 мая (11 июня) – 4 (17) июня части Уссурийской конной бригады приняли участие в целом ряде боев, в том числе 1 (14) июня в известном сражении под местечком Попеляны[5] (ныне Папиле, Литва).

Завершение 1 (14) июня 1915 г. частями 5-й русской армии операции в районе Куршаны (ныне Куршенай, Литва) – Попеляны – Шакиново (ныне Шакина, Литва) ликвидировало угрозу прорыва германских войск на участке фронта Попеляны – Куршаны в направлении на Шакиново – Груздзи (ныне Грузджяй, Литва) – Мешкуцы (юго-восточнее Груздзи на шоссе Шавли – Митава, ныне Мешкуйчай, Литва) для обхода Шавли (ныне Шяуляй, Литва), что позволило бы им развить наступление далее на Митаву и Ригу. Успех русских в данном районе значительно ослабил давление немцев на правый фланг 19-го армейского корпуса 5-й армии и заставил их отступать по всему фронту. Боевые действия с участием Уссурийской конной бригады на этом участке продолжали носить маневренный характер. Общее положение русских войск здесь значительно улучшилось, и они продолжили вести преследование отходившего противника.

Шавельской группе войск (начальник – командир 19-го армейского корпуса генерал от инфантерии В. Н. Горбатовский) 5-й русской армии в этом районе противостояла северная ударная группа германской Неманской армии; в районе Шавли действовал корпус генерал-лейтенанта К. фон Моргена (1-я и 6-я резервные дивизии), левый фланг которого обеспечивал кавалерийский корпус генерал-лейтенанта графа Эгона фон Шметтова (2-я и 6-я кавалерийские дивизии).

К ночи 2 (15) июня Уссурийская конная бригада находилась на левом берегу р. Венты в районе Попеляны[6]. К 30 мая (12 июня) в бригаду входили Приморский драгунский полк, 1-й Нерчинский казачий полк Забайкальского казачьего войска, Уссурийский казачий полк Уссурийского казачьего войска, 8-й Донской казачий артиллерийский дивизион (16-я, 20-я Донские казачьи батареи). Она насчитывала 18 эскадронов и сотен, 7 пулеметов, 68 офицеров, 2269 шашек, 11 конных орудий[7].

2 (15) июня командующий 5-й армией генерал П .А. Плеве приказал 1-му конному корпусу генерала графа М. Н. Граббе (3-я кавалерийская, 4-я Донская казачья дивизии, Уссурийская конная бригада и бригада 4-й кавалерийской дивизии) развить энергичные действия в направлении на Куршаны – Нутовцы в тыл немцам, атаковавшим 38-ю пехотную дивизию 19-го корпуса[8], а также поддерживавшую ее бригаду 56-й пехотной дивизии. Этим командующий армией стремился ослабить натиск немцев на 19-й корпус.

В тот же день во исполнение данного приказа конница генерала графа Граббе, несмотря на упорное сопротивление противника, продвигалась вперед, уссурийцы шли на Тришки (ныне Тришкяй, Литва), донцы выбили немцев из укрепленной позиции в районе Чуйни и начали их преследование. 3-я кавалерийская дивизия с упорным боем продвигалась к р. Венте[9]. В результате этих атак на участке кавалерийского корпуса Шметтова 2-я германская кавалерийская дивизия была оттеснена к р. Жижма на линию Пошимши – Швендры – болото Гельце (Гельжа)[10]. На фронте Шавельской группы части 17-й пехотной дивизии успешно наступали правым флангом. Однако на участке бригады 56-й пехотной дивизии и 3-й Туркестанской стрелковой бригады противник потеснил русские войска от д. Даукши[11].

Около 3 часов дня 2 (15) июня Уссурийская конная бригада через Попеляны двинулась на местечко (далее – м.) Шавдыни (ныне Шяудине, Литва) в фольварк (далее – ф.) Кайрижки (Кайришки) и остановилась на ночлег в районе господского двора (далее – г. дв.) Северинов (Северино)[12].

В ночь со 2 (15) на 3 (16) июня 38-ю пехотную дивизию, понесшую большие потери, сменили на позиции Лупони – Даукши части 56-й пехотной дивизии и к югу от Даукши – 1-я Кавказская стрелковая бригада[13].

3 (16) июня немцы продолжали настойчивые атаки на фронт ф. Вилейки – озеро (далее – оз.) Ракиево (южнее Шавли), обороняясь на фронте Норутайцы – ф. Порынгово (Порингово). К утру 3 июня русская конница выдвинулась: 3-я кавалерийская дивизия – ф. Порынгово – деревня (далее – д.) Попольский; 4-я Донская – в район Рагойне (Рогоне) – Тервидзи (Тервидзе) – р. Жижма; Уссурийская конная бригада – г. дв. Северино – Мешки. 17-я пехотная дивизия продвинулась на фронте ф. Циганы, ф. Антонишки, Радвили, Лупони, остальные войска

генерала Горбатовского обороняли позицию Лупони – Купри – оз. Ракиево.

В связи с этим 3 (16) июня генерал Плеве приказал войскам генерала Горбатовского 4 (17) июня перейти в наступление с целью разбить немцев, действовавших против этих войск, для чего, упорно удерживая противника на фронте ф. Вилейки – оз. Ракиево, 17-й пехотной дивизией наступать с занимаемого ею фронта в общем направлении на Нарвойши – Кужи и далее, в зависимости от обстановки, на левый фланг и тыл противника.

Коннице генерала графа Граббе приказывалось продолжить начатый 2 (15) июня набег на тыл противника в общем направлении на Тырвяны (Дырвяны), Куршаны, причем 3-я кавалерийская дивизия должна была наступать на Куршаны и обеспечивать правый фланг и тыл войск правого крыла генерала Горбатовского[14].

Между тем, 3 июня начальник штаба 5-й армии генерал Е. К. Миллер предполагал, что действия немцев в Риго-Шавельском районе в течение последней недели давали основания сделать вывод, что большими силами они не располагали, крупные операции пока не планировали, а стремились лишь удержать захваченное пространство, ведя активную оборону[15].

По сведениям русского командования, на фронте Тришки – Равдзяны (ныне Рауденай, Литва) были сосредоточены 2-я и 6-я германские кавалерийские дивизии, часть которых отошла в район Неримдайцы (Нерымдайце, Неримайце, ныне Няримдайчай, Литва) – Тришки. Сяды (ныне Седа, Литва), Тельше (Тельши, ныне Тельшяй, Литва) и Тришки были укреплены, причем последние занимали два батальона пехоты с артиллерией и полк конницы. В районе Невараны (Невораны, Невераны, ныне Няваренай, Литва) – Неримдайцы наблюдали многочисленные и сильные разъезды, по дорогам в направлении Куршан двигались большие обозы[16].

В действительности же немцы вели подготовку к наступлению, для чего начали усиление и перегруппировку кавалерийского корпуса Шметтова. 5 (18) июня в Сяды прибыла 23-я кавалерийская бригада 8-й кавалерийской дивизии. 38-я кавалерийская бригада была сменена 33-й кавалерийской бригадой на р. Рынгова и направлена через Тришки в Сяды к 8-й кавалерийской дивизии. В тот же день 18-я кавалерийская бригада 3-й германской кавалерийской дивизии 1-го германского

кавалерийского корпуса была снята с позиций севернее Жогини и направлена через Ляли, Кельмы, Лукники в Тришки к 8-й германской кавалерийской дивизии.

5 (18) июня кавалерийский корпус Шметтова получил задачу обеспечивать левый фланг и тыл корпуса Моргена. В порядке подготовки к намеченному наступлению кавалерийский корпус должен был выдвинуться к р. Виндава (Вента) на участке от Рекце (Рексце) до района Круце – Тыршкле (северо-западнее Векшни) и прочно закрепить его за собой. Однако выполнение этого намерения пришлось временно отложить ввиду действий русских войск[17].

В 7 часов утра 3 (16) июня Уссурийская конная бригада выступила на м. Тришки. Уссурийский казачий полк наступал в пешем строю с восточной стороны Тришки, 1-й Нерчинский казачий полк также в пешем строю – с западной стороны от д. Дермейки (Дырмейки), Приморский драгунский полк стоял в резерве бригады в лесу севернее ф. Натушино (1,2 км северо-западнее Дермейки). Поздним вечером бригада прекратила атаковать Тришки и отошла на хутора Мальдени, где расположилась на ночлег[18].

На фронте Шавельской группы 3 (16) июня вследствие сильного артиллерийского пулеметного и ружейного огня противника частям 17-й пехотной дивизии не удалось взять сильно укрепленные ф. Порынгово и г. дв. Рувили[19].

Утром 4 (17) июня немцы атаковали 19-й Донской казачий полк 4-й Донской казачьей дивизии от д. Швендры, но потерпели неудачу и отошли за р. Ранду. С утра 4 (17) июня наступление русской конницы продолжалось с направлением главного удара в обход Тришки с запада, для чего Уссурийская конная бригада усиливалась тремя полками донцов. К вечеру 4 (17) июня в районе действий конницы генерала Граббе уссурийцы с боем вошли на линию Дермейки – Бедаки – Сукунце (Суконцы) – Добикиня. Донцы встретили упорное сопротивление немцев, которые в дальнейшем сами перешли в наступление и заставили казаков отойти несколько назад. 3-я кавалерийская дивизия также продвинуться вперед не смогла и занимала прежний район[20].

Приморский драгунский полк 4 (17) июня стоял на хуторах Мальдени, ожидая присоединения 19-го, 24-го и 26-го Донских казачьих полков 4-й Донской казачьей дивизии, которые прибыли около 8 часов вечера[21].

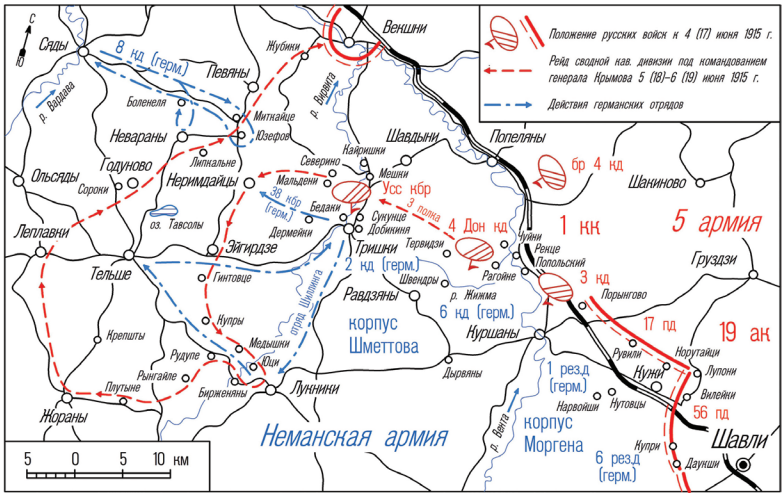
24-й Донской казачий полк до 12 часов дня 4 (17) июня оставался в д. Тервидзи, затем 24-й и 26-й полки выступили в направлении д. Мальдени на присоединение к Уссурийской конной бригаде. Около 11 часов вечера полки прибыли в Мальдени и расположились на ночлег в близлежащих селениях. В 1 часу ночи был получен приказ сосредоточиться к 7 часам утра всей сводной дивизии генерала Крымова у м. Неримдайцы[22].

На Уссурийский казачий полк, который не принял участия в рейде, была возложена отдельная задача: с 4 (17) по 10 (23) июня он нес сторожевое охранение против м. Тришки, прикрывая тыл бригады, направившейся в дальний набег в тыл противника. Затем полк перешел в Векшни (ныне Векшняй, Литва) на присоединение к возвратившейся с набега бригаде[23]. Также для прикрытия тыла набега бригады 20-я Донская казачья батарея 5–11 (18–24) июня занимала позицию у м. Попеляны[24].

Во исполнение возложенной задачи сводная дивизия под командованием генерала Крымова, составленная из Приморского драгунского полка, 1-го Нерчинского, 19-го, 24-го и 26-го Донских казачьих полков, 16-й Донской казачьей батареи (4 конных орудия), в 5 часов утра 5 (18) июня выступила со сборного пункта м. Неримдайцы в направлении на Эйгирдзе (Ейгирдзе, ныне Эйгирджяй, Литва) и Лукники (Лукнишки, ныне Луоке, Литва)[25] (ил. 1). Такое направление было выбрано потому, что более близкое движение на Тришки заставило бы конницу ввязаться в бой с противником до завершения набега в тыл[26].

В 3 часа утра 5 (18) июня 24-й Донской казачий полк с ночлега выслал 5-ю сотню в полосу разведки, указанную в инструкции генерала Крымова. В 4:30 утра полк выступил и был у м. Неримдайцы в 6:45. Здесь собрались все части сводной дивизии. В 7 часов утра сводная дивизия генерала Крымова двинулась в направлении м. Эйгирдзе, Лукники с целью произвести панику в тылу противника и отвлечь на себя часть сил Куршанской группы немцев, тем самым дав возможность русской 17-й пехотной дивизии продвинуться вперед[27].

В 7 часов утра 5 (18) июня Приморский драгунский полк выступил на сборный пункт сводной дивизии генерала Крымова. В 9 часов полк, следуя в авангарде сводной дивизии, имея головной частью 5-й и 6-й эскадроны, выступил из м. Неримдайцы на Эйргидзе, Имповцы (Гинтовце), Купри (Купры), Медышки, Юци (Юце)[28].



Ил. 1. Рейд по тылам германских войск сводной кавалерийской дивизии под командованием генерала А. М. Крымова 5 (18) – 6 (19) июня 1915 г.

В пути стали поступать донесения от разведывательных частей о том, что войска и обозы противника непрерывно продвигались из Тельше на Тришки, – избранное направление для набега сулило богатую добычу.

Голова колонны главных сил сводной дивизии пришла в Юци в полдень. Около трех часов дня начальник головной заставы Приморского драгунского полка из леса у д. Юци доложил, что по шоссе от г. дв. Бирженяны на м. Лукники движется неприятельский обоз в 75–100 повозок; такой же обоз двигался от Лукник навстречу первому (это были обозные колонны 2-й и 6-й германских кавалерийских дивизий[29]). Генерал Крымов приказал 5-му эскадрону атаковать обозы со стороны Бирженян, а 6-му эскадрону – со стороны Лукник. Эскадроны, переправившись через р. Вирвиту, бросились в атаку, но немцы, спрятавшись за повозки и в глубоких канавах, встретили атаки сильным огнем, и эскадроны были вынуждены отойти. Приведя себя в порядок, 5-й и 6-й эскадроны вновь пошли в атаку, и снова неудачно. Тогда немцы, развернув цепи, сами двинулись вперед по ржи, намереваясь оттеснить эскадроны и освободить дорогу обозам. Едва противник вышел из-за повозок и канав, как отходившие лавы эскадронов повернули

назад и в третий раз бросились в атаку. Теперь противнику некуда было укрыться, он был смят и опрокинут; несмотря на огонь в упор, драгуны овладели обозом. Немецкая прислуга была вся изрублена, более 100 фургонов сожжено, взято с собою 6 повозок, приспособленных для перевозки раненых, и около 50 лошадей. Захваченные в двух фургонах несколько сотен тысяч патронов были потоплены на месте.

Когда подошли спешившие на помощь своим под командой ротмистра Р. Э. Кумманта 1-й и 4-й эскадроны Приморского драгунского полка, им осталось только принять 64 пленных, которые были направлены в штаб сводной дивизии. Во время атаки 5-го и 6-го эскадронов приморцы потеряли 3 офицеров и 19 нижних чинов убитыми и 29 драгун ранеными, 19 лошадей убитыми и 3 ранеными. В этом бою пали смертью храбрых командующий 6-м эскадроном поручик Юренев, младший офицер 6-го эскадрона корнет Логинов и командующий 5-м эскадроном штаб-ротмистр Савельев. Одновременно с атакой головного дивизиона на обоз, 2-й и 3-й эскадроны с 2 пулеметами были направлены на м. Лукники, но взять местечко не смогли, так как оно оказалось занятым батальоном пехоты, укреплено окопами и проволочными заграждениями, а каменные строения приспособлены к обороне. Поэтому генерал Крымов, не имея гранат, решил не ввязываться в бой, а потревожить тыл противника в другом месте, и эскадроны, ограничившись боевой разведкой, отошли. В то же время стали появляться колонны немецкой конницы и пехоты, которые были рассеяны огнем 16-й Донской казачьей батареи. Около 7 часов вечера Приморский драгунский полк покончил с захваченными обозами и был оттянут в середину колонны дивизии, которая с 19-м Донским казачьим полком в авангарде двинулась на Медолуки, Рудуне (Рудупе), Рынгайле, Плутыне к м. Жораны (ныне Жаренай, Литва)[30].

Днем 5 (18) июня германскому командованию стало известно, что сводная дивизия (немцы считали, что в набег отправлена Уссурийская конная бригада с 2 орудиями и 4 пулеметами) прорвалась между Тельше и Тришки и уничтожила западнее м. Лукники обозную колонну 2-й германской кавалерийской дивизии. Затем русская конница атаковала колонну 6-й германской кавалерийской дивизии юго-западнее м. Лукники, которая, защищаясь, отступила к м. Жораны. Здесь находились одна обозная и одна муниционная (перевозила боеприпасы и вооружение)

колонны, которые вместе с колонной 6-й кавалерийской дивизии к вечеру отбили нападение русских. Одновременно 300 человек только что прибывшего пополнения 18-го германского пехотного полка отбили повторное нападение на Лукники.

Для отражения прорвавшейся сводной дивизии 2-я германская кавалерийская дивизия в 17 часов направила из Тришки на Лукники сводный отряд в составе 4-го и 5-го эскадронов, 2 орудий и 2 пулеметов под командой майора Шиллинга. Ему было приказано вместе с пополнением 300 человек в м. Лукники разбить и отрезать русских. Но ко времени прибытия отряда на место русских там уже не было: они прошли лесами западнее м. Лукники через г. дв. Крепшты, откуда двинулись в составе шести эскадронов и 6 орудий на Жораны. Это донесение было подтверждено лейтенантом Шмидтом 2-го лейб-гусарского полка. Район Лукники – Жораны оказался на следующий день свободным от русских, которые отошли на северо-запад через Ольсяды[31] (ныне Альседжяй, Литва).

Между тем, разгромив обозы и прикрытие к ним у д. Юци, сводная дивизия направилась дальше к м. Жораны, где рассеяла немецкие обозы[32].

По имевшимся сведениям, в м. Жораны находились запасы продовольствия и санитарный обоз, туда около 23 часов были направлены две сотни 19-го Донского полка, которые в результате атаки выяснили, что и здесь немцы закрепились в окопах с проволокой. Генерал Крымов, не желая затяжного боя и учитывая сильную усталость людей и лошадей, повел сводную дивизию в обход с запада м. Тельше на м. Годуново (Гадонов, ныне Гадунавас, Литва), Невараны, Певяны (ныне Певенай, Литва) и Векшни[33]. В 12 часов ночи с 5 (18) на 6 (19) июня, следуя с проводниками, частью без дороги, частью лесными тропами, сводная дивизия двинулась на м. Леплавки (Лейлавки, ныне Леплауке, Литва) и далее на м. Годуново. Шли всю ночь[34].

6 (19) июня подчиненный 8-й германской кавалерийской дивизии отряд Шиллинга двинулся на Тельше, преследуя несколько русских эскадронов. Части 8-й германской кавалерийской дивизии генерал-майора графа Эбергардта фон Шметтова с 23-й германской кавалерийской бригадой, усиленной 2 батареями 28-го ландверного полка, пулеметным отделением, ротой велосипедистов 1-го егерского полка и эскадроном 3-го уланского полка, выступили в 3 часа утра из Сяды на Невараны, ведя разведку

дороги Эйгирдзе – Неримдайцы, чтобы преградить русским возможность отхода на север. Одновременно 38-я германская кавалерийская бригада двинулась от Тришки на Неримдайцы.

Таким образом, для ликвидации набега сводной дивизии немцам пришлось стянуть в этот район крупные силы кавалерии и пехоты.

В 6 часов утра германские части располагались следующим образом: штаб 8-й германской кавалерийской дивизии с двумя батальонами 28-го ландверного полка, 2 орудиями и одним эскадроном – севернее Невараны, рота велосипедистов и эскадрон 3-го уланского полка – у перекрестка дорог западнее Неримдайцев, 23-я германская кавалерийская бригада – на высотах южнее г. дв. Юзефов (Юзефово), откуда три русских эскадрона отошли в северном направлении.

Направленный 6 (19) июня из Сяды на Сороки в Годуново в разведку разъезд германского гвардейского рейтарского полка был отброшен тремя русскими эскадронами, подошедшими от Тельше и преследовавшими его до Невараны. Здесь русские попали под огонь двух немецких батальонов, стоявших севернее Невараны, и направились искать другие пути для отхода на север[35].

Сводная дивизия, шедшая всю ночь с 5 (18) на 6 (19) июня с короткими остановками для отдыха по лесным дорогам, к 8 часам утра вышла севернее м. Тельше, где остановилась на отдых на два часа. Далее дивизия направилась по дороге на м. Невараны[36].

Сводной дивизии приходилось двигаться целиной, по оврагам и лесам, чтобы скрыться от наблюдения противника, в течение дня три немецких аэроплана вели тщательную разведку действий русской конницы[37].

К 11 часам утра 6 (19) июня сводная дивизия прошла Годуново и направилась к Неваранам, около которых донцы имели стычку с разъездами противника[38].

В 11:30 генерал граф Эбергардт фон Шметтов заметил севернее м. Невараны столбы пыли, которые подняла русская конница, быстро двигавшаяся через Годуново на север и северо-восток. Шметтов двинул оба батальона, стоявших севернее Невараны, в д. Боленеле. В это же время 23-я германская кавалерийская бригада достигла Сяды и взяла под охрану мосты через р. Вардаву[39].

Около полудня, пройдя Невараны, сводная дивизия у д. Липкальне остановилась в резервном порядке, так как

были получены сведения, что г. дв. Юзефов и д. Миткайце заняты частями 8-й германской кавалерийской дивизии. Немцы сосредоточили в м. Невараны значительный отряд, который с приближением русской конницы разделился на две части: бригада конницы с батальоном велосипедистов и 3 орудиями спешно отошла на Сяды, а полк конницы с 2 орудиями – на Миткайце. Генерал Крымов решил покончить с этой второй группой, но она обратилась в бегство, оставив для прикрытия роту егерей и эскадрон. Тотчас же были двинуты лавой три сотни 1-го Нерчинского казачьего полка, которые и изрубили у д. Миткайце спешенный полуэскадрон немцев (40 егерей и 22 кавалериста), остальные ускакали в направлении Сяды[40].

От Миткайце сводная дивизия, рассеивая разъезды немцев, пошла походным порядком через м. Певяны, д. Жубики на м. Векшни[41].

38-я германская кавалерийская бригада прибыла в Неримдайцы лишь к вечеру 6 (19) июня, но к этому времени русская конница отошла в северном направлении на Миткайце на соединение у Певяны с другими русскими кавалерийскими частями. К вечеру 6 (19) июня к германскому командованию поступили донесения, что русская конница ушла из района Ольсяды – Реново (севернее Сяды) – Миткайце – Годуново. Тем не менее, русские разъезды в районе между Тельше и оз. Тавсола (Тавсолы, ныне Таусалас, Литва) оставались вплоть до 10 (23) июня[42].

Сводная дивизия к 9 часам вечера 6 (19) июня прибыла в м. Векшни, где стала на ночлег[43].

В течение 38 часов набега сводная кавалерийская дивизия прошла около 130 верст[44] (1 верста – 1,0668 км), люди и лошади сильно устали. 19-му, 24-му и 26-му Донским казачьим полкам пришлось преодолеть большее расстояние, так как они перед набегом сводной дивизии двигались на присоединение к ней из района д. Тервидзи[45].

В тот же вечер 6 (19) июня генерал Крымов донес генералу графу Граббе о результатах набега конницы и отметил доблестную работу всех частей сводной дивизии, особенно приморских драгун[46].

По замыслу генерала Плеве, одновременно с набегом русской конницы в немецкий тыл, на правом фланге 19-го армейского корпуса утром 6 (19) июня после артиллерийской подготовки перешли в наступление 56-я пехотная дивизия, 5-я

стрелковая бригада и правый фланг 17-й пехотной дивизии[47]. По признанию германского командования, во время сильных русских атак у Куршан с 6 (19) по 10 (23) июня спешенные части кавалерийского корпуса генерала графа Шметтова с трудом оборонялись и дошли до предела своих сил[48]. Однако прорвать оборону противника русские не смогли, и, ввиду израсходования резервов, 9 (22) июня Плеве приказал Шавельской группе перейти к оборонительным действиям[49].

Набег сводной дивизии генерала Крымова получил достаточно высокую оценку обеих противоборствующих сторон. Этим рейдом в глубокий тыл противника были отвлечены большие силы германцев, оказывавших давление на 19-й армейский корпус, который был выведен из тяжелого положения[50].

По свидетельству германского командования, набег сводной дивизии удался. Телефонная сеть немцев была разрушена на большом протяжении по фронту и в глубину, расстройство телеграфной связи левого фланга германской армии длилось несколько дней, а подвоз продовольствия к 2-й и 6-й германским кавалерийским дивизиям был прерван на сутки. Сводной дивизии удалось отойти без потерь, невзирая на попытки немцев окружить ее. Поэтому рейд дивизии был назван «лихо и искусно выполненной кавалерийской операцией». Кроме того, совместные действия русской кавалерии и пехоты вынудили немцев временно отложить выдвижение конницы к р. Виндава (Вента) для последующего наступления[51].

---

[1] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 88–90 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 10.01.2021); Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. / сост. А. Незнамов; Комис. по исслед. и использованию опыта мировой и гражд. войны. М.: Высш. воен. ред. совет, 1922. С. 62–63.

[2] Корольков Г. Сражение под Шавли. М.; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. С. 6–7.

[3] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 9 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 18.02.2020).

[4] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 117. Л. 190–190 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 10.01.2021).

[5] Савченко С. Н., Сиваков Т. В. Бой Уссурийской конной бригады (5-я армия Северо-Западного фронта) под местечком Попеляны Ковенской губернии 1 (14) июня 1915 г. // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. Вып. 6. Хабаровск, 2021. С. 82–111.

[6] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 81–83 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 18.02.2020).

[7] Там же. Л. 40–41.
[8] Там же. Л. 77–79.
[9] Там же. Л. 97.
[10] Позек М. Германская конница в Литве и Курляндии в 1915 году. М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. литературы, 1930. С. 95.
[11] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 97 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 18.02.2020).
[12] РГВИА. Ф. 3573. Оп. 1. Д. 17. Л. 27 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 22.01.2020).
[13] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 188. Л. 54–56, 67–68 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 29.03.2021); РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 77–79 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 18.02.2020).
[14] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 108–108 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 18.02.2020).
[15] Там же. Л. 89.
[16] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 188. Л. 75–76, 88–89 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 29.03.2021).
[17] Позек М. Указ. соч. С. 94–95.
[18] РГВИА. Ф. 3573. Оп. 1. Д. 17. Л. 27 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 22.01.2020).
[19] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 117 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 18.02.2020).
[20] Там же. Л. 117.
[21] РГВИА. Ф. 3573. Оп. 1. Д. 17. Л. 27 об.–28 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 22.01.2020).
[22] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Л. 247, 501 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 17.06.2021).
[23] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 64. Л. 15 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 18.09.2019).
[24] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 35. Л. 272 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 29.05.2021).
[25] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 233–233 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 18.02.2020); РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 35. Л. 60 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 29.05.2021).
[26] РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 511. Л. 12 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 23.02.2021).
[27] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Л. 501 об.–502 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 17.06.2021).
[28] РГВИА. Ф. 3573. Оп. 1. Д. 17. Л. 28 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 22.01.2020).
[29] Позек М. Указ. соч. С. 95.
[30] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Л. 502 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 17.06.2021); РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 511. Л. 12–12 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 23.02.2021); РГВИА. Ф. 3573. Оп. 1. Д. 17. Л. 28–29 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 22.01.2020).

[31] Позек М. Указ. соч. С. 95–96.
[32] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Л. 501 об.–502 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 17.06.2021).
[33] РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 511. Л. 12 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 23.02.2021).
[34] РГВИА. Ф. 3573. Оп. 1. Д. 17. Л. 29 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 22.01.2020).
[35] Позек М. Указ. соч. С. 96.
[36] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Л. 502 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 17.06.2021).
[37] РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 511. Л. 12 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 23.02.2021).
[38] РГВИА. Ф. 3573. Оп. 1. Д. 17. Л. 29 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 22.01.2020).
[39] Позек М. Указ. соч. С. 97.
[40] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Л. 502 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 17.06.2021).
РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 511. Л. 12 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 23.02.2021).
[41] РГВИА. Ф. 3573. Оп. 1. Д. 17. Л. 29–29 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 22.01.2020).
[42] Позек М. Указ. соч. С. 98.
[43] РГВИА. Ф. 3573. Оп. 1. Д. 17. Л.29–29 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 22.01.2020).
[44] РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 511. Л. 12 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 23.02.2021).
[45] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Л. 502 // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 17.06.2021).
[46] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 233–233 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 18.02.2020).
[47] Там же. Л. 203, 229–229 об.
[48] Позек М. Указ. соч. С. 98, 105.
[49] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 203, 229–229 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 18.02.2020).
[50] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 44. Л. 173 об. // [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru (дата обращения: 18.11.2020).
[51] Позек М. Указ. соч. С. 98, 105.

И. А. Сергиевский (Москва)

СОЗДАНИЕ ВРЕМЕННЫХ ПРИЕМНЫХ ОРУЖЕЙНЫХ КОМИССИЙ В РОССИИ В ПЕРИОД МИЛЮТИНСКИХ РЕФОРМ

НА ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ специальная военная операция, проводимая на территории Украины, требует от российского руководства не только грамотного и решительного использования Вооруженных Сил Российской Федерации, но и их всестороннего и полного обеспечения вооружением и военной техникой. Эта военная продукция производится на предприятиях отечественного оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Не последнюю роль в этих процессах играют органы военной приемки, которые осуществляют функции контроля качества и приемки военной продукции на военных заводах. В связи с затяжным характером боевых действий, ряд предприятий ОПК перешли на трехсменный режим работы[1]. Возросший объем производства продукции требует выработки новых подходов с целью исключить ухудшение качества принимаемых изделий. Актуальным в этом плане могло бы быть обращение к историческому опыту военных приемщиков; к тем кризисным, а порой и судьбоносным моментам в истории государства, когда наша промышленность аналогичным образом была вынуждена интенсифицировать и расширять производство вооружения.

В данной статье освещены вопросы создания временных приемных комиссий (ВрПК), осуществлявших приемку переделанного стрелкового оружия в России в конце 1860-х гг. Их учреждение было обусловлено повышенными темпами производства нового нарезного стрелкового оружия, а также его переделки из дульнозарядных образцов. Имеющиеся к середине XIX в. постоянно действующие приемные комиссии (ПК)

на Тульском, Ижевском и Сестрорецком оружейных заводах не справлялись с возросшим объемом изготовляемой военной продукции, что и потребовало создания указанных временных приемных органов.

Затрагиваемая проблематика не нашла своего отражения ни в одном из опубликованных трудов. Вместе с тем, основные вопросы функционирования отечественных органов военной приемки раскрыты в монографии и ряде статей И. А. Сергиевского[2].

В качестве источниковой базы для подготовки статьи были привлечены архивные сведения из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и опубликованные нормативно-правовые акты (приказы военного министра). Необходимые архивные материалы были найдены в фондах № 1 (Канцелярия Военного министерства) и № 504 (Главное артиллерийское управление) РГВИА. Также была использована периодическая печать – журнал «Оружейный сборник».

После завершения неудачной для нашей страны Крымской войны (1853–1856 гг.) руководство Российской империи предприняло ряд мер по реформированию собственных вооруженных сил. Одной из них являлась модернизация военного производства и принятие на вооружение новых образцов стрелкового оружия. К середине 1860-х гг. русская армия в основной своей массе была переоснащена с устаревших гладкоствольных образцов на дульнозарядные нарезные винтовки 6-лин калибра. Это обстоятельство разрешило проблемы дальнобойности и кучности, но не скорострельности стрелкового оружия[3].

Весной 1867 г. на вооружение русской армии была принята 6-лин игольчатая казнозарядная винтовка системы Карле. Одним из аргументов в пользу этого решения являлась возможность переделки ранее изготовленных дульнозарядных винтовок под указанную систему. Тем самым военное руководство планировало значительно сократить затраты и время на перевооружение армии на более скорострельный образец винтовки.

К рассматриваемому времени на всех трех оружейных заводах России (Тульском, Ижевском и Сестрорецком) уже полноценно функционировали постоянные ПК, которые были созданы еще в 1859 г. Опираясь на положительный опыт их работы, было принято решение о создании аналогичных, но уже временных приемных органов. Их задачами должны были стать браковка и приемка переделанных 6-лин казнозарядных винтовок.

Первоначально 6 сентября 1867 г. Технический комитет Главного артиллерийского управления (ГАУ) предложил учредить семь ВрПК – в Санкт-Петербурге, Киеве, Варшаве, Вильне, Николаеве, Туле, Ижевске. Их выбор был обусловлен тем, что часть этих городов являлась традиционными базами отечественного оружейного производства, остальные же были крупными логистическими и экономическими центрами приграничных военных округов Российской империи. Планировалось, что переделкой винтовок будут заниматься как казенные оружейных заводы, так и частные предприниматели. В целом предполагалось направить основные усилия на переоснащение войск, в первую очередь находящихся на западных рубежах страны[4].

По замыслу военного руководства, начальствующий состав ВрПК должен был быть сформирован из офицеров оружейных заводов и постоянных ПК при них. Считалось необходимым, чтобы указанные лица перед началом исполнения своих служебных обязанностей во ВрПК проходили 6-месячную стажировку на базе Тульского и Сестрорецкого оружейных заводов[5].

Основной же рабочий «костяк» ВрПК предполагалось создать за счет включения в их состав наиболее подготовленных браковщиков с оружейных заводов и приемных комиссий. Руководство ГАУ считало возможным безболезненно назначить для указанной цели до 80 мастеров в совокупности (по 40 человек в 1867 г. и в 1868 г. соответственно) из Тулы, Ижевска и Сестрорецка. После чего планировалось осуществить их аналогичную полугодовую переподготовку, а затем распределить в состав ВрПК[6].

Уже в сентябре–октябре 1867 г. в ГАУ стало поступать множество рапортов от офицеров русской армии, в которых выражалось желание войти в состав ВрПК. В большей своей массе это были артиллерийские офицеры из войск. ГАУ серьезно отнеслось к выбору кандидатов в члены комиссий и откомандировывало соискателей на Сестрорецкий и Тульский оружейные заводы. Это было необходимо для оценки их технических знаний и навыков. В случае положительного решения предполагалось, что офицеры останутся при заводах для прохождения дальнейшей стажировки перед зачислением в члены ВрПК[7].

Вероятно, что большой спрос на возможность прохождения службы в формируемых органах военной приемки среди артиллерийских офицеров был вызван денежными соображениями. Дело в том, что будущим членам ВрПК планировалось выплачивать не столовые, а порционные деньги из расчета 1,72 руб. в день для штаб-офицеров (628 руб. в год) и 1,15 руб. – для обер-офицеров (420 руб. в год). У председателей ВрПК эта сумма составляла уже 850 руб. в год. Военнослужащие же постоянных ПК получали несколько меньше (560 руб. в год – председатель и 280 руб. – остальные члены). В ГАУ подчеркивали, что уровень денежного довольствия членов ВрПК должен учитывать «характер операций переделки винтовок, вследствие которого потребуется от комиссий особенная деятельность»[8]. Вместе с тем, перевод во ВрПК был не только привлекателен с финансовой точки зрения, но и позволял проходить службу в крупных городах.

К октябрю 1867 г. военное руководство сошлось по мнении, что создание семи ВрПК будет слишком обременительно для казны. В итоге было решено для начала создать лишь три комиссии – в Санкт-Петербурге, Киеве и Варшаве. Тем самым предполагалось, что новые органы военной приемки займутся контролем качества винтовок, переделываемых исключительно частными промышленниками. Постоянные же комиссии должны были выполнять эту функцию на соответствующих казенных оружейных заводах, как и прежде.

9 ноября 1867 г. последовал приказ военного министра об учреждении ВрПК в вышеназванных городах. Согласно штату (Табл. 1), руководство каждой комиссией осуществлял председатель, в подчинении которого находились до пяти офицеров (два–три из артиллерии и два из пехоты). Число браковщиков разнилось: от 17 до 37 человек, причем старшего из них предполагалось назначать из числа наиболее опытных отечественных или иностранных мастеров. В составе комиссии предусматривалось наличие писарей и сторожей. Денежное содержание членов ВрПК представлено в таблице. Дополнительно на наем рабочих Петербургской комиссии выделялось 3750 руб., Киевской – 1350 руб., а Варшавской – 1875 руб. в год. На канцелярские расходы каждой ВрПК отпускалось 175 руб., на разъезды – 850 руб. и на приобретение мерительных инструментов и принадлежностей – 350 руб. в год[9].

Табл. 1

Штат временных приемных комиссий

<table>
<tr><th rowspan="2">Звания чинов</th><th colspan="3">Число чинов временных приемных комиссий</th><th colspan="2">Годовой оклад содержания (руб.)</th></tr>
<tr><th>Санкт-Петербургской</th><th>Киевской</th><th>Варшавской</th><th>Жалование</th><th>Порционные</th></tr>
<tr><td>Председатель комиссии</td><td>1</td><td>1</td><td>1</td><td rowspan="3">По чинам из окладов тех частей войск, в которых числятся</td><td>850</td></tr>
<tr><td>Члены от артиллерии</td><td>3</td><td>2</td><td>2</td><td rowspan="2">штаб-офицер – 628
обер-офицер – 420</td></tr>
<tr><td>Члены от пехоты</td><td>2</td><td>2</td><td>2</td></tr>
<tr><td>Классные браковщики</td><td>2</td><td>1</td><td>2</td><td colspan="2">1200</td></tr>
<tr><td>Браковщики</td><td>35</td><td>16</td><td>22</td><td colspan="2">300 (336 – в СПб)</td></tr>
<tr><td>Писари</td><td>3</td><td>2</td><td>2</td><td colspan="2">150</td></tr>
<tr><td>Сторожи</td><td>3</td><td>2</td><td>2</td><td colspan="2">120</td></tr>
</table>

Составлено по: Приказ военного министра № 367 от 9 ноября 1867 г. // Оружейный сборник. 1868. № 1. С. 4–8.

В приказе конкретизировалось, что в качестве членов комиссий от пехоты следует избрать шесть «наиболее сведущих в оружейном деле и достойных обер-офицеров», окончивших Учебный пехотный батальон (Офицерскую стрелковую школу), после их переподготовки на оружейных заводах. По строевой и хозяйственной частям ВрПК подчинялись окружным артиллерийским управлениям, исходя из своего местоположения, а по технической части – ГАУ. Общее годовое содержание всех трех комиссий составляло почти 51 тыс. руб. Важно, что согласно приказу ВрПК начинали функционировать не сразу, а только после того, как частные заводчики наладят собственное производство по переделке дульнозарядных винтовок в казнозарядные[10].

За это время личный состав комиссий уже должен был пройти полный курс стажировки в Туле и Сестрорецке.

Предполагалось, что предприниматели, изъявившие желание выполнить госзаказ, достигнут следующих объемов переделки винтовок в год: в столице – 100 тыс., в Киеве – 70 тыс., в Варшаве – 50 тыс. Исходя из этого, ГАУ подчеркивало, что состав ВрПК «должен быть достаточно силен, чтобы обеспечить собою успешный прием оружия в тех, весьма возможных по новости дела случаях, когда сдача винтовок контрагентами не будет постоянна и вследствие того, произойдет по временам большое накопление оружия, подлежащего осмотру»[11].

Сам же порядок переделки винтовок был следующим. Сперва войска отправляли имеющееся дульнозарядное оружие на артиллерийские склады. С них оно доставлялось частным заводчикам, которые осуществляли его переделку под казнозарядное. После чего данные образцы подвергались приемке со стороны ВрПК. А уже после этого стрелковое оружие вновь поступало сначала на склады, а уже потом в действующую армию. То есть на плечи личного состава ВрПК возлагалась ответственность за контроль качества над образцами оружия, уже бывшего в употреблении и переделанного под заряжание с казенной части. В данном случае качество винтовок было на порядок ниже, чем при приемке нового оружия на государственных оборонных заводах, что требовало глубоких знаний и навыков со стороны членов ВрПК[12].

Если с количеством кандидатов на должности председателей и членов ВрПК не возникло проблем, то удручающая ситуация сложилась с желающими стать браковщиками. Так, уже в ноябре 1867 г. командир Сестрорецкого оружейного завода генерал-лейтенант А. Г. Игнатьев в своем рапорте инспектору оружейных заводов генерал-лейтенанту С. С. Голицыну докладывал, что на его предприятии таких набирается лишь 18 мастеров. При этом руководитель производства отмечал, что «сформированные из означенных людей приемные комиссии не могут быть удовлетворительными, так как на сделанный вызов заявили желание поступить в эти комиссии не лучшие из имеющихся на заводе мастеров». Он предполагал, что подобное нежелание было вызвано, в первую очередь, недостаточным денежным содержанием гражданского персонала ВрПК. Дело в том, что их оклады ничем не отличались от окладов коллег в постоянных ПК, а объем работ предполагался более значительным. А. Г. Игнатьев предлагал

увеличить оклады браковщиков ВрПК хотя бы на 100 руб. или же ввести дополнительную денежную надбавку[13].

Аналогичная ситуация наблюдалась и на Тульском оружейном заводе. В докладе заводской администрации сообщалось, что местные оружейники не желают покидать город, ввиду «дороговизны жизни» при их переезде в Петербург, Киев или Варшаву[14].

В Киевском военном округе его командующий генерал от артиллерии А. П. Безак, ввиду отсутствия желающих попасть в ВрПК, предлагал в принудительном порядке назначить по два оружейника от каждого пехотного полка и стрелкового батальона, общим числом 36 человек. После полугодовой переподготовки в Сестрорецке или Туле часть из них входила бы в состав Киевской ВрПК, а остальные возвращались обратно в свои части. Генерал предлагал выделить дополнительные денежные средства для материального поощрения оружейников (премия по 150 руб. в год каждому)[15].

ГАУ прислушалось к мнению высшего командного состава. В декабре 1867 г. в качестве одной из мер по стимулированию набора на должности членов и браковщиков ВрПК было принято решение о начале выплаты полного денежного довольствия личному составу, согласно штатному расписанию комиссий, уже в период его обучения на оружейных предприятиях. В артиллерийском ведомстве подчеркивали, что на службу во ВрПК следует привлекать оружейных мастеров, «известных не только знанием своего дела, но и также хорошей нравственностью и распорядительностью». Поэтому к вопросу о дополнительной денежной надбавке было решено вернуться в следующем году[16].

ГАУ позаботилось и о медицинском обеспечении будущих служащих комиссий. По указанию генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича браковщикам ВрПК было позволено проходить лечение в госпиталях военного ведомства[17].

Попутно приходилось решать и иные проблемы. Если в Варшаве и Киеве браковщики ВрПК могли бы позволить себе съем жилых помещений за собственное жалование, то в столице империи наблюдалась противоположная ситуация. Первоначально их планировалось разместить в казарме лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, но позже выяснилось, что для них не имеется достаточного количества кроватей. После чего артиллерийское ведомство изыскало возможность

по размещению браковщиков Петербургской ВрПК на базе расположения лейб-гвардии Литовского полка[18].

Параллельно с решением организационных, кадровых и социальных вопросов были наконец-то определены фабриканты, которые взялись за выполнение государственного заказа по переделке 6-лин винтовок в казнозарядные. Так, в Петербурге эту роль взял на себя Л. Э. Нобель, а в Киеве – коммерсанты Виноградов и австриец Больман. Варшавскую же комиссию было решено перенести в Либаву, где переделка была возложена на мастерские Н. П. Мейнгардта. Предполагалось, что к тому времени, как указанные предприятия освоят все технические тонкости переделки винтовок, офицеры и браковщики уже закончат свою стажировку на оружейных заводах и прибудут к новым местам службы для контроля качества и приемки военной продукции[19].

Таким образом, к концу 1857 г. ВрПК де-юре были созданы. На оружейных заводах началось обучение специалистов, которые должны были занять штатные должности в этих комиссиях. ГАУ окончательно определилось с частными подрядчиками, на плечи которых должна была лечь переделка 6-лин винтовок под современные на тот момент времени требования.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. После неудачно завершенной Крымской войны руководство Российской империи предприняло интенсивные меры по перевооружению армии. К этой задаче были привлечены и частные предприятия, что потребовало создания дополнительных органов военной приемки при них.

2. В этих условиях военное ведомство было вынуждено в оперативном порядке решать вопросы денежного содержания, социального обеспечения, подбора и переподготовки кадров, что несколько затормозило формирование временных приемных органов.

3. Не вызывает сомнений, что заблаговременное планирование работы отечественных органов военной приемки с учетом возможного резкого роста производства военной продукции будет способствовать обеспечению армии вооружением и военной техникой на должном уровне.

---

[1] Путин отметил наращивание темпов работы оборонных предприятий // Известия. 17.01.2023. Режим доступа: https://iz.ru/1455791/2023-01-17/

putin-otmetil-narashchivanie-tempov-raboty-oboronnykh-predpriiatii (дата обращения 20.01.2023 г.).

[2] Сергиевский И. А. На страже качества: военная приемка Российской империи. М.: Дирижабль, 2022. 290 с.; Он же. Особенности производства и военной приемки 3-линейной винтовки Мосина образца 1891 г. на французском заводе Шательро в 1894–1895 гг. // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2017. № 4 (99). С. 131–137; Он же. «Было бы полезным назначить для приема оружия особых штаб-офицеров...». Формирование органов военной приемки на российских оружейных заводах в середине XIX века // Военно-исторический журнал. 2018. № 6 (698). С. 36–41 и др.

[3] Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия: Русская винтовка. 2-е изд., доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 41.

[4] РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 39. Л. 1–2 об.

[5] Там же. Оп. 3. Д. 938. Л. 1, 20–22.

[6] Там же. Оп. 7. Д. 39. Л. 21–22, 33.

[7] Там же. Л. 8–8 об., 25–30.

[8] Там же. Л. 15; Ф. 1. Оп. 1. Д. 27824. Л. 6.

[9] Приказ военного министра № 367 от 9 ноября 1867 г. // Оружейный сборник. 1868. № 1. С. 4–8.

[10] Там же; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27824. Л. 10.

[11] Там же. Л. 10–11; Ф. 504. Оп. 7. Д. 39. Л. 12 об.

[12] Там же. Л. 84.

[13] Там же. Л. 98–99.

[14] Там же. Л. 104.

[15] Там же. Л. 183–185.

[16] Оружейный сборник. 1868. № 2. С. 10; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27984. Л. 6–7; Ф. 504. Оп. 7. Д. 39. Л. 104.

[17] Там же. Л. 173–174.

[18] Там же. Л. 117, 220.

[19] Федоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие с атласом чертежей различных образцов ручного огнестрельного оружия, бывших на вооружении русской армии. Гвардии полковник В. Г. Фёдоров. СПб.: Типография Главного Артиллерийского Управления, 1911. С. 193; РГВИА. Ф. 504. Оп. 3. Д. 938. Л. 39, 43. Оп. 7. Д. 53. Л. 1–2.

А. А. Смирнова (Санкт-Петербург)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАБЛЕТОК ПЕТРОВА В ПРОТИВОШОКОВОЙ ТЕРАПИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ)

ПРОБЛЕМА противошоковой терапии для военно-полевой хирургии является столь же фундаментальной, как и вопросы обезболивания, асептики и антисептики, переливания крови и лечения огнестрельных ранений. Вероятность летального исхода на войне в результате травматического шока без лечебных мероприятий чрезвычайно высока. Особое значение эта проблема имела для полевых медицинских учреждений войскового и армейского района, где необходимость срочных мероприятий по борьбе с шоком, кровотечением, а также предупреждению инфекций важна.

История осмысления шоковых состояний к началу 1940-х гг. насчитывала более двух веков[1]. В середине XIX века Н. И. Пирогов первым дал классическое описание симптомокомплекса шока, который ему представлялся как общее расстройство всех систем организма в результате травмирующего действия, отмечая в первую очередь расстройства функций центров иннервации и кровообращения[2]. Последующие авторы, повторяя концепцию Н. И. Пирогова, лишь незначительно ее дополняли описанием механистического характера воздействия шока.

Новая попытка переосмыслить шоковые состояния и противошоковую терапию в отечественной науке была сделана лишь в 1930-х гг.[3] На этом этапе развития учения о травматическом шоке широко использовался эксперимент, при помощи которого шло накопление фактического материала. Изучались изменения состава крови, делались многочисленные попытки определения

токсичных веществ в крови, исследовались изменения объема веществ. Много внимания уделялось изучению роли адреналина. Казалось бы, более детальное исследование нарушений функций при шоке должно было способствовать созданию теории, объясняющей патогенез этого процесса. Однако это спровоцировало больше вопросов, чем ответов; понятие «шока» сделалось более расплывчатым. Достаточно указать, что число патологических процессов, которые причислялись к понятию «шок», достигало 50[4].

К началу 1940-х гг. в отечественной медицине сформировались три основные концепции шока – кровоплазмопотери, токсемии и нейрогенной, последняя из которых стала главенствующей на долгие десятилетия.

Помимо патогенеза шока, сложными оставались вопросы практические: дифференциации от других острых состояний и, соответственно, вопросы выбора тактики и схемы лечения.

С такими научными расхождениями в теоретических основаниях СССР вступил в Великую Отечественную войну. Еще в 1938 г. в Москве по инициативе начальника Главного военно-санитарного управления (далее ГВСУ) Е. И. Смирнова при ученом медицинском совете Народного комиссариата здравоохранения (далее НКЗ) была создана шоковая комиссия – как временная, связанная с комплексным изучением вопроса. Комиссия работала до мая 1941 г., а затем, в связи с эвакуацией учреждений и с выбытием почти всех сотрудников из столицы, прекратила свою работу. Решение шоковой проблемы в условиях фронтовой и госпитальной работы побудило к созданию смешанной противошоковой комиссии между сотрудниками ГВСУ и НКЗ. Создавались центральная и периферическая группы. Центральная группа вырабатывала план научно-исследовательской работы, а также организовывала консультации фронтовым группам. Центральная группа разрабатывала теоретические вопросы и организовывала лабораторные работы в тесной связи с клиническими и военно-лечебными учреждениями.

В исследования были вовлечены лаборатории Академии наук, Научно-исследовательского испытательного санитарного института РККА, научно-исследовательских институтов НКЗ и Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. Практические работы проводились в клиниках московских медицинских институтов, в эвакогоспитале 290, в лечебных учреждениях фронтового

и войскового районов: в медико-санитарных батальонах (далее МСБ), полевых подвижных госпиталях (далее ППГ), армейских госпитальных базах (АГБ). В состав центральной комиссии по комплексному типу входили представители Академии наук, Всесоюзного института экспериментальной медицины, сотрудники медицинских институтов и представители фронтов по следующим специальностям: физиологи, биохимики, хирурги, терапевты, невропатологи. К первоочередным работам относились: выработка единой номенклатуры (систематика шоковых состояний по их патогенезу); анализ собранных статистических материалов; оценка предложенных советскими авторами противошоковых средств (Петрова, Попова, Штерн, Асратяна, Сельцовского и др.), типовая организация фронтовых бригад; типовая организация тыловых баз. Руководителями комиссии стали ведущие хирурги СССР – Н. Н. Бурденко, С. С. Гирголав, А. Ф. Лепукалн[5].

По инициативе ГВСУ, в частности, главного хирурга Северо-Западного фронта Н. Н. Еланского, была создана научно-исследовательская группа, вошедшая в историю как «Группа № 1 по изучению шока», объединившая талантливых патофизиологов и клиницистов. На протяжении 1942–1945 гг. Группа № 1 работала в войсковых районах Северо-Западного и 1-го Украинского фронтов, имела блестящее оснащение (получила в свое распоряжение палаточный фонд, автотранспорт, электростанцию, оборудование для операционной и госпитального отделения, необходимое лабораторное имущество), занималась как лечением шоковых состояний, так и глубоким изучением патофизиологических проявлений травматического шока. Руководство Группой было возложено на военврача 2-го ранга, талантливую ученицу профессора И. Р. Петрова Т. П. Гугель-Морозову. Итогом масштабной работы стал выход фундаментального издания «Труды Группы № 1 по изучению шока» в 1945 г. в Праге[6].

По мере изучения шоковых состояний, принимая во внимание тот факт, что большинство раненых, находящихся в шоке и без него, поступало со значительной кровопотерей, в схемы лечения вносились соответствующие корректировки. Большое значение придавалось инфузионно-трансфузионной терапии, что повышало показатели эффективности противошоковой терапии. В составе комплексных противошоковых мероприятий (в рамках восстановления объема крови в организме) первое место отводилось гемотрансфузии (переливанию крови), второе –

переливанию плазмы, третье – вливанию кровозамещающих жидкостей[7]. Насколько переливание крови показывало высокую эффективность, настолько же были высоки риски посттрансфузионных осложнений, связанных с введением чужеродного белка, загустением крови после трансфузии и др. В острых случаях гемолитического шока предпочтение отдавалось переливанию крови от «универсального донора» (0(I) группа крови с «-» резус-фактором)[8]. Но нередко заготовленной крови в условиях ожесточенных боев не хватало, возникали сложности с ее транспортировкой и хранением.

Еще в мае 1940 г., обобщая опыт, полученный медицинской службой Красной армии в Советско-финляндской войне (1939–1940), профессор В. Н. Шамов на итоговой конференции Ленинградского института переливания крови указал на недооцененность чрезвычайно важных в военно-полевой обстановке кровозамещающих растворов. В 1941 г. тема о кровозаменителях была включена в план научно-исследовательской работы института. Под руководством профессора И. Р. Петрова, который вместе с тем возглавлял кафедру патологической физиологии Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, в институте были организованы экспериментальные работы. Под руководством А. П. Вишнякова проводились разнообразные физико-коллоидно-химические исследования крови, плазмы и кровозаменителей. Со своей стороны, Ботанический институт Академии наук СССР оказывал посильную поддержку и занялся поиском коллоидной добавки для кровозамещающих растворов растительного происхождения[9].

Первое военное лето изменило планы института: из-за жары были затруднены транспортировка и хранение консервированной крови. В этих условиях Ленинградский институт переливания крови ускорил темпы и занялся разработкой и изготовлением кровозамещающих жидкостей для фронта[10].

Уже 1 июля 1941 г. начался выпуск 1,2 % гипертоничного раствора, которому был присвоен номер 1. А в августе 1941 г. профессора И. Р. Петров и А. Н. Филатов представили новый солевой раствор, получивший номер 3. В результате экспериментов было выявлено, что солевой раствор № 3 (ЛИПК № 3), смешанный с кровью в отношении 10:1 наиболее прочно удерживается в кровеносной системе, не вызывая свертывания крови и других нежелательных реакций. Причем кровь следовало добавлять

непосредственно перед началом трансфузии. Эксперименты доцента института Т. П. Гугель-Морозовой с сильно обескровленными животными доказывали, что действие раствора № 3, разведенного с кровью, мало отличается по своей эффективности от действия цельной консервированной крови. Клинические наблюдения подтвердили этот вывод даже при тяжелых кровопотерях. При незначительных же кровопотерях и обезвоживаниях организма раствор № 3 оказывал эффективное действие и без добавки консервированной крови.

Тогда же были закончены работы профессора А. Н. Филатова о правилах приготовления растворов с целью устранения посттрансфузионных реакций. Затем последовали интенсивные исследования Центрального института переливания крови и предложены новые кровозамещающие растворы, изготовление которых развернулось в Москве[11].

Ленинградский горздравотдел и Санитарное управление Ленинградского фронта после успешных клинических испытаний раствора № 3, получившего название «жидкость Петрова», поддержали широкий выпуск и его массовое применение в войсках. 4 сентября 1941 г. при Ленинградском институте переливания крови была организована лаборатория кровозамещающих растворов[12].

Имея в виду, что отдельные соли сами по себе токсичны, было предложено применение сложных, эквилибрированных растворов, в которых использовалась способность одних солей подавлять действие других, вместе с тем обезвреживаясь ими. Именно к этой группе относилась жидкость Петрова – Филатова. С целью достижения более длительной циркуляции раствора в кровеносной системе раствор был сделан несколько гипертоничным. В состав раствора № 3 Ленинградского института переливания крови входили: хлористого натрия 15,0, хлористого калия 0,2, хлористого кальция 0,1, двууглекислой соды 0,1, дистиллированной воды 1000,0[13].

В июле 1943 г. по постановлению Президиума ученого совета ГВСУ при начальнике ГВСУ было решено организовать централизованное снабжение учреждений действующей армии солевой смесью для жидкости Петрова. В это же время появилась идея приготовления солевой смеси в таблетированной форме, которая разводилась в 100 мл стерильной воды с добавлением 10 % крови. В скором времени состав солевой смеси был

доработан И. Р. Петровым, и из ее состава была исключена сода. Солевая смесь, согласно постановлению Президиума совета ГВСУ, заготавливалась в виде ампульных растворов для МСБ и ППГ первой линии, а в таблетках – для ППГ второй линии и госпиталей, которые заготавливали солевой раствор из таблеток на месте[14].

Нередко раствор применялся и без добавления крови. По отчетам N-фронта в 1943 г. 70 % раствора применялось без добавления крови, 10 % – с добавлением 25 % крови и 20 % – с добавлением 10 % крови. Из отчетов армий наблюдалось, что лучший эффект достигался (при острых кровопотерях и шоке) при добавлении 25 % крови, слабее – с 10 % крови[15].

Во все лечебные учреждения города и фронта была разослана специальная инструкция по применению растворов. Спрос на кровозаменители из месяца в месяц возрастал.

Производство это не приостановилось и после снятия блокады. Начиная с того момента, когда была восстановлена железнодорожная связь с Ленинградом, и до 20 августа 1945 г. кровозамещающие растворы регулярно отправлялись скорыми поездами из Ленинграда в Москву, откуда распределялись по всем фронтам. Всего за военный период Ленинградским институтом переливания крови было выпущено кровозамещающих растворов 75 % по отношению к консервированной крови.

Институт наладил регулярные выезды своих руководящих работников в лечебные учреждения на линии фронта. Поездки эти начались в первый месяц войны и значительно способствовали улучшению постановки переливаний крови и кровозаменителей в медсанбатах, полковых и батальонных пунктах медицинской помощи. В скором времени за отдельными армиями были закреплены постоянные консультанты: А. Н. Беляков, В. В. Кухарчик, Н. И. Блинов, Г. И. Касумов. Связь с фронтом стала более тесной, приобрела четкие организованные формы.

На фронт было разослано около 4 тысяч печатных пособий по переливанию крови, столько же инструкций по применению кровозамещающих растворов, а также свыше 1200 универсальных аппаратов для гемотрансфузий, изобретенных А. Д. Беляковым. Аппараты эти представляли собой сочетание сифона, капельницы и тройника, что позволяло применять три способа переливания крови или растворов (самотечный, капельный и под давлением) и даже чередовать их в ходе одной и той же гемотрансфузии,

не вынимая иглы из вены больного (универсальность и простота аппарата сыграли выдающуюся роль на войне)[16].

Главный хирург Красной армии генерал-лейтенант медицинской службы Н. Н. Бурденко признавал авторитет И. Р. Петрова в вопросах изучения шока, о чем свидетельствует его назначение для ведения курса в Москве, касающегося вопросов общих физиологических установок шока[17].

В фондах Военно-медицинского музея хранится «Доклад профессора И. Р. Петрова о проделанной работе по шоку на Северо-Западном фронте в период с 14 по 30 июня 1943 г. на имя главного хирурга Красной армии генерал-лейтенанта медицинской службы Н. Н. Бурденко», дополняющий сведения о работе Группы № 1 по шоку. И. Р. Петров докладывал, что совместно с начальником группы был составлен план научно-исследовательской работы по шоку, при этом с каждым научным сотрудником группы проведены индивидуальные беседы по плану задания, намеченного для него.

Примечательны сравнительные характеристики результатов разных способов лечения. И. Р. Петров констатировал: «Проведено ознакомление с результатами последних исследований группы по лечению шока, причем выяснилось, что группой собрано более 20 случаев лечения шока по способу академика Л. С. Штерн и в 15–18 случаях применена противошоковая жидкость Федорова.

После применения жидкости Л. С. Штерн отмечалось или кратковременное улучшение состояние пострадавших, или даже никаких изменений состояния больного не отмечалось. Группа предполагает собрать дополнительный материал. Однако, ввиду того, что подобные результаты отмечались и другими исследователями, было бы правильней дальнейшие наблюдения над применением жидкости Штерн прекратить.

После введения в кровь противошоковой жидкости Федорова (Encodal, эфедрин и солевая смесь) также отмечался эффект непостоянный, иногда при легком шоке хорошее повышение артериального давления, иногда незначительное и кратковременное повышение давления, а иногда полное отсутствие изменений.

Из беседы с автором в Москве я выяснил, что он уже несколько модифицировал состав жидкости. Поэтому было целесообразно не собирать дополнительных случаев, пока автор не остановится на каком-нибудь постоянном составе жидкости».

В пользу раствора Петрова при массовом применении сыграл фактор простоты и дешевизны изготовления при высокой эффективности: «Учитывая хорошие результаты лечения травматического шока по предложенному мною способу, полученные доцентом Т. П. Гугель-Морозовой, а также и в санитарных учреждениях у генерал-майора М. Н. Ахутина, я изучил возможности применения этого, как наиболее простого и дешево стоящего, способа в санитарных учреждениях от ЭГ 2-й линии до ротного участка и пришел к заключению, что профилактика и терапия шока по предложенному мною способу может быть осуществлена, начиная с БМП (батальонных медицинских пунктов) до ЭГ (эвакогоспиталей) 2-й линии».

И. Р. Петровым был составлен проект инструкции по лечению травматического шока для утверждения и распространения по санитарным учреждениям фронтов. Изготовление специальных противошоковых жидкостей он считал нерациональным, так как невозможно в одной жидкости дать все необходимые составные части для комбинированной терапии шока. Познакомившись с работой МСБ, И. Р. Петров убедился в том, что в этом виде санитарных учреждений имеется большая нужда в кровозамещающей жидкости, заготовка которой осуществима в МСБ. Проект инструкции по заготовке и применению кровозамещающей жидкости Петрова составлен совместно с генерал-майором В. Н. Шамовым[18].

В период позиционной войны и затишья военных операций лечебным учреждениям войскового и армейского района требовалось кровозамещающих жидкостей вдвое меньше, чем консервированной крови, а в период активных боевых действий – вдвое больше. Последнее объясняется значительным учащением в этот период переливаний жидкости Петрова.

По годам войны использование кровозаменителей было неравномерное. В начальном периоде они применялись крайне редко. В 1943 г. их применение достигло 33,3 % по отношению к используемой крови, а к концу войны – 60,5 %[19].

Применявшиеся на войне противошоковые кровозамещающие растворы И. Р. Петрова, В. И. Попова, П. Л. Сельцовского, Э. А. Асратяна, серотрансфузии ИПК и др. обладали значительной эффективностью и сыграли существенную роль в борьбе с шоком. Основным условием в организации применения противошоковых растворов являлась возможность бесперебойного

и безотказного обеспечения растворами в нужном количестве. Практика показала, что для надлежащего обеспечения противошоковыми и кровозамещающими жидкостями передовых этапов медицинской эвакуации было необходимо использование трех источников их получения: централизованное снабжение из тыла страны, производство растворов на местах, в аптеке лечебных учреждений и заготовка растворов на армейских и фронтовых станциях. Всем этим условиям соответствовала жидкость (таблетки) Петрова.

Частота применения различных противошоковых растворов (в процентах):[20]

Жидкость Петрова	43,1
Жидкость Сельцовского	7,9
Плазма и сыворотка	6,1
Жидкость Попова	5,4
Жидкость Асратяна	2,5
Жидкость № 28	1,6
Жидкость № 43	0,7
Прочие жидкости (физиологический раствор, 5 % раствор глюкозы и т.д.)	32,7
	100

Исходы шока по годам войны (в процентах):[21]

Год войны	**Летальность при шоке**
Первый (1941)	100
Второй (1942)	94,6
Третий (1943)	76,5
Четвертый (1944)	63,7

Преимущество жидкости (таблеток) Петрова перед другими кровозамещающими растворами состояло не только в простоте и дешевизне препарата, но и в его эффективности. В. Н. Шамов считал, что жидкость Петрова в состоянии не только

длительно поддерживать кровяное давление, но и частично замещать утраченную кровь и оказывать стимулирующее влияние на кровотворящие органы[22]. Этим было обусловлено широкое внедрение и использование ее в войсках в годы Великой Отечественной войны. Благодаря жидкости (таблеткам) Петрова решительно удалось снизить летальность от шока среди военнослужащих в годы Великой Отечественной войны, что, в конечном счете, позволило советским медикам вернуть в строй сотни тысяч солдат и офицеров.

---

[1] Впервые термин «шок» встречается в английской литературе XVIII в., а также описывается рядом французских и немецких авторов под другими названиями. Ледран был первым военным хирургом, описавшим это состояние у раненых, пользуясь термином «шок». Джон Хантер, позднее описывая клиническую картину шока в трактате «О крови, воспалении и огнестрельных ранениях», не пользовался термином «шок». В XIX в., в период становления капитализма в странах Европы, ознаменовавшийся войнами, развитием промышленности и транспорта, развитием хирургической практики, интерес к изучению шока значительно вырос.

[2] Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг./ Гл. ред. ген.-полк. мед. службы Е. И. Смирнов. Т. 3. М., 1953. С. 313.

[3] Насонкин О. С., Цыган В. Н. Исторические вехи эволюции учения о шоке в отечественной медицине. // Вестник Российской Военно-медицинской академии. 2012. №1. С. 315.

[4] Банайтис С. И., Петров И. Р. Травматический шок, его патогенез, предупреждение и лечение. Л., 1953. С. 11.

[5] КП ОФ-22311. Проект реорганизации Шоковой комиссии. 1941 г. (Из архива Н. Н. Бурденко). (Из фондов Военно-медицинского музея).

[6] Насонкин О. С. История легендарной Группы № 1 по изучению шока // Клиническая патофизиология. 2020. № 2. С. 100–102.

[7] Шок и борьба с ним. М., 1944. С. 22–23.

[8] КП ОФ-47413. Отдельный оттиск статьи военврача Соболевой Т. Л. «Случай лечения гемолитического шока переливанием крови универсального донора (Из N-ского эвакогоспиталя ФЭП-50)». 1941–1942 гг. (?). (Из фондов Военно-медицинского музея).

[9] Кухарчик В. В. Ленинградский институт переливания крови в дни войны и блокады. Л., 1947. С. 25.

[10] Там же. С. 26.

[11] Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 284.

[12] Кухарчик В. В. Ленинградский институт переливания крови в дни войны и блокады. С. 27.

[13] Петров И. Р. Острая кровопотеря и лечение ее кровозамещающими жидкостями. Л., 1945. С. 35.

[14] Там же. С. 41–43.

[15] Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 284–285.
[16] Кухарчик В. В. Ленинградский институт переливания крови в дни войны и блокады. С. 28.
[17] КП ОФ-24413. Черновик доклада Н. Н. Бурденко на имя начальника Главного военно-санитарного управления Е. И. Смирнова «О способах лечения шока». (Из фондов Военно-медицинского музея).
[18] КП ОФ-24411. Доклад профессора И. Р. Петрова о проделанной работе по шоку на Северо-Западном фронте на имя Н. Н. Бурденко. 1943 г. (Из фондов Военно-медицинского музея).
[19] Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 282.
[20] Там же. С. 422.
[21] Там же. С. 459.
[22] Там же. С. 286.

В. П. Соломонов, Е. Э. Эльц, В. А. Данилевская (Санкт-Петербург)

ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ О СЕВЕРНЫХ КОНВОЯХ И ПРИОБЩЕНИИ К ИСТОРИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ

ГОДОВЩИНЫ важных исторических событий Второй мировой войны знаменуются по всей России, в Европе и за ее пределами широким спектром коммеморативных практик, в которых музеи принимают активное участие. Коммеморативные практики, еще в начале XX в. прочно вошедшие в деятельность военно-исторических музеев и ориентированные, прежде всего, на национальное прошлое, в настоящее время все чаще выходят за пределы национальных границ и способствуют расширению сетей и отношений, выстраиваемых музеями с местными и зарубежными партнерами. Коммеморативная деятельность способствует поддержанию общего исторического нарратива, сохранению общей памяти о прошлом. В этом процессе музеи укрепляют свои связи с отечественными и зарубежными общественными организациями, сообществами, образовательными учреждениями, неправительственными организациями, решая тем самым проблему искажения истории.

В 2021 году в разных городах России и других стран прошли памятные мероприятия, посвященные 80-летию прибытия первого союзного конвоя «Дервиш» в Архангельск. В разных видах коммеморации[1] активно участвовали музеи, хранящие тематические коллекции по конвоям Второй мировой войны. Мероприятия объединяли участников из разных стран и в дальнейшем способствовали появлению ряда проектов, использующих накопленный

потенциал сотрудничества для дальнейшего диалога и институционального взаимодействия.

31 августа 2021 г., в 80-ю годовщину прибытия в Архангельск первого союзного конвоя «Дервиш», в Северном морском музее (Архангельск) прошла сессия Международной конференции «Ленд-лиз и арктические конвои: от регионального сотрудничества к глобальной коалиции». Отраслевая музейная секция международной научной конференции была посвящена опыту музеев в изучении и сохранении наследия Арктических конвоев и сопровождалась презентацией выставочного проекта. В сентябре 2021 г. Фонд сохранения исторической памяти «Международный центр Северных конвоев» (Санкт-Петербург) провел международную конференцию, посвященную 80-летию Северных конвоев, в рамках которой о работе по сохранению памяти о Северных конвоях рассказали представители музея ледокола «Красин», Австралийского военного мемориала и Королевских музеев Гринвича (Великобритания). С августа 2021-го по май 2022 г. в Северном морском музее была представлена выставка «Порт назначения – Архангельск», посвященная 80-летию прибытия первого союзного конвоя «Дервиш». Основу выставки составило уникальное разнообразие ранее не экспонировавшихся предметов из музеев и частных коллекций[2].

Масштабные мемориальные мероприятия 2021 г., посвященные 80-летию первого прибытия союзного конвоя в СССР, способствовали включению темы Северных конвоев в деятельность Музея Западных подходов в Ливерпуле. Между Музеем Западных подходов и Северным морским музеем Архангельска было заключено соглашение о сотрудничестве, частью которого стало взаимодействие в организации выставки «Арктические конвои – общая история», открывшейся в феврале 2022 г. в Ливерпуле. Выставке предшествовал проведенный музеем Западных подходов совместно с Британским советом и Отделом культуры и образования Посольства Великобритании в Москве литературно-исторический конкурс, посвященный Арктическим конвоям.

Музейная онлайн-конференция «Арктические конвои: Общая история», организованная совместно Британским советом, Отделом культуры и образования Посольства Великобритании в Москве, Музеем Западных подходов в Ливерпуле и Северным морским музеем в Архангельске 8 февраля 2022 г., была направлена на формирование творческих коллабораций

и развитие долгосрочных связей между музеями Севера России и Великобритании.

Участие Британского совета в реализации межмузейных проектов позволило нам взглянуть на музейное сотрудничество через призму публичной дипломатии, а точнее, сетевой теории публичной дипломатии, которая, по словам американского профессора Р. С. Захарны, только начинает применяться. Сетевое взаимодействие становится новой моделью убеждения в эпоху глобальных коммуникаций, когда эффективная публичная дипломатия заключается в наведении мостов с иностранной общественностью[3]. Дж. Най указал на продолжающуюся трансформацию публичной дипломатии с продвижением негосударственных акторов и развитием коммуникационных сетей, объединяющих мир. «Новая публичная дипломатия» все больше стремится наладить диалог, выстроить отношения с субъектами гражданского общества в других странах, содействовать созданию сетей между неправительственными сторонами внутри страны и за рубежом[4]. Сетевая коммуникация, рассматриваемая как тенденция, ведущая к обновлению традиционной дипломатии, подразумевает создание структур и динамики для эффективных каналов коммуникации, соединяющих культуры.

Можно предположить, что, участвуя в организации музейной онлайн-конференции «Арктические конвои: Общая история», Британский совет, имеющий отличные контакты в российском музейном секторе и считающийся эффективным механизмом публичной дипломатии, поддерживает развитие международной сети из организаций северо-западных регионов России и Великобритании, которая складывается на основе темы Северных конвоев. Во время вышеупомянутой конференции основные участники, которые до этого сотрудничали на двусторонней основе, выступили скоординированно: Музей Западных подходов (Ливерпуль, Великобритания), Северный морской музей (Архангельск), Фонд «Международный центр Северных конвоев» (Санкт-Петербург), Музей «Ледокол “Красин”», Мурманский областной краеведческий музей, Проект «Русские Арктические Конвои» (Шотландия, Великобритания), Национальный морской музей и Королевские музеи Гринвича (Великобритания).

Новые, возникшие во время ограничений пандемии формы организации международного культурного сотрудничества,

которые широко используют онлайн-платформы и цифровые технологии, очевидно, будут способствовать развитию сетевых инициатив, вовлекающих музейные институции в совместные мероприятия. При том что еще до пандемии аккаунты музеев взаимодействовали в социальных сетях через посты, подписки, лайки, создавая своего рода сеть, в которой обмен и распространение информации подчиняются определенным закономерностям[5].

Анализ деятельности музеев, занимающихся военной историей, в социальных сетях показал, что наиболее посещаемые зарубежные музеи являются тренд-сеттерами и имеют подписки друг на друга; европейские музеи преимущественно подписываются на музеи своего региона. Определенную региональную направленность можно обнаружить и в формировании сетевого партнерства музеев по тематике Северных конвоев.

На данном этапе необходимы конкретные шаги по укреплению сотрудничества между музеями для формирования партнерской сети на основе темы Северных конвоев 1941–1945 гг. Выставка как метод межмузейного сотрудничества, а также новые проекты, ориентированные на использование онлайн-платформ для международного и межрегионального взаимодействия, призваны реализовать эти цели.

Концепция международной виртуальной выставки

Поскольку художественные музеи, как нам кажется, более успешны в проектах международного сотрудничества, мы решили позаимствовать их инструментарий. Мы обратились к универсальному языку искусства, чтобы поделиться лучшими практиками и укрепить связи с музеями, с которыми у нас налажены контакты, создать общее культурное пространство, объединить российские и зарубежные (прежде всего британские) музеи в виртуальной выставке.

8 февраля 2022 г. в ходе онлайн-конференции Международный центр Северных конвоев и Северный морской музей объявили о создании межмузейной виртуальной выставки «Закал сердец бесстрашных... История Северных конвоев 1941–1945 гг., самопожертвования и мужества, переданная посредством искусства». Открытие выставки было запланировано на 31 августа 2022 г. и приурочено к годовщине начала Северных конвоев в СССР

в 1941 г. Виртуальный характер выставки был обусловлен современными тенденциями; начальный этап формирования сетевого партнерства не позволял провести полноценную офлайн-выставку картин из разных музеев на одной площадке. Кроме того, в связи с современной тенденцией активного использования Интернета в культурно-образовательных целях, виртуальный формат выставки позволил бы донести суть и идеи выставки до максимально широкой аудитории: работников искусства и культуры, представителей общественных и ветеранских сообществ, музейных организаций, а также молодого поколения и семей ветеранов Второй мировой войны в разных странах.

Помимо институциональной задачи установления и расширения межмузейного сотрудничества для дальнейшего формирования сетевого партнерства, цели выставки виделись ее организаторам следующим образом: привлечь внимание к эстетической и исторической значимости произведений искусства в изучении истории Северных конвоев; представить зрителям символы и ценности, объединявшие народы СССР и других стран-союзников в годы Второй мировой войны; выявить и проанализировать возможные тенденции в изменении этих символов и ценностей во времени и при смене поколений.

С точки зрения анализа смены поколений в восприятии Северных конвоев и отражения этого восприятия в произведениях искусства важной частью выставки стала коллекция изображений детских работ – как представителей современной молодежи, так и реальных свидетелей тех исторических событий, о которых идет речь.

Решающая роль выставки как механизма налаживания сотрудничества между музеями была обусловлена актуальностью выбранной темы, ее объединяющим потенциалом; наличием творческих работ о Северных конвоях в музеях России и других стран; возможностью дальнейшего расширения тематики сетевого партнерства за счет включения ленд-лиза и других союзных конвоев 1941–1945 годов, что, в свою очередь, позволило бы привлечь к партнерству больше музеев и расширить его географию. Успешная реализация проекта межмузейной выставки «Закал сердец бесстрашных... История Северных конвоев 1941–1945 гг., самопожертвования и мужества, переданная посредством искусства» может стать ключом к реализации этих планов в будущем.

Партнерство в неспокойные времена: путь от замысла к исполнению

Идея создания совместного проекта, объединяющего российские и зарубежные музеи вокруг темы Северных конвоев, возникла во время конференции ICOMAM в Толедо в ноябре 2021 г.[6] Важнейшей проблемой для таких проектов является проблема совмещения национальных исторических нарративов.

Целью выставки, которая и стала воплощением такого совместного проекта, было установление контактов, расширение сотрудничества и создание партнерства между российскими и зарубежными, особенно британскими, музеями на основе темы Северных конвоев. Благодаря широкой международной поддержке и положительному опыту взаимодействия и общения Фонда сохранения исторической памяти «Международный центр Северных конвоев» с британскими музеями, в феврале 2022 г. была достигнута договоренность с об участии в планировавшейся виртуальной выставке с несколькими музеями Великобритании, в том числе крупными. Однако впоследствии эти договоренности были отменены британскими музеями в связи с ухудшением международной обстановки.

Для достижения заявленной цели выставки, а именно представления в экспозиции культурного диалога между художниками из разных стран, поиск зарубежных участников выставки был продолжен посредством существующих контактов Международного центра с британскими художниками, представителями общественности и семьями ветеранов конвоев, а также с помощью российских организаций (СПб РОО «Полярный конвой») и Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга. Таким образом было обеспечено участие в выставке изображений картин британских художников Дианы Макки, Джима Рея и Гордона Фрикерса.

Перед лицом новых вызовов, поставленных перед музеями России и других стран, Международный совет музеев сыграл конструктивную роль в «наведении мостов» между культурами и народами. Приглашение на Генеральную конференцию Международного совета музеев (ИКОМ), состоявшуюся 20–26 августа 2022 г. в Праге, а также методическая поддержка со стороны Международного комитета музеев и коллекций оружия и военной истории (ИКОМАМ) облегчили общение с зарубежными друзьями, организациями и дипломатическими представительствами. Во многом благодаря факту

взаимодействия Фонда «Международный центр Северных конвоев» с ИКОМ и ИКОМАМ было получено согласие Австралийского военного мемориала на демонстрацию изображения из музейной коллекции в виртуальной выставке. Развивая инициативу по созданию сетевого партнерства по теме «Северные конвои», Фонд «Международный центр Северных конвоев» уделяет большое внимание «народной дипломатии», стремясь сохранить культурные и духовные связи между народами и обращаясь за помощью к ведущим институтам общественной дипломатии.

Для достижения цели создания и развития межмузейного партнерства на основе темы Северных конвоев, в рамках работы над реализацией проекта виртуальной выставки была проведена работа по установлению контактов Фонда «Международный центр Северных конвоев» с российскими музеями и привлечению их к участию в проекте. Благодаря опыту успешного сотрудничества с музеем-ледоколом «Красин» (единственным сохранившимся в России судном Северных конвоев 1941–1945 гг.), изображения картин из коллекции музея составили экспозиционно насыщенный и высокоинформативный раздел виртуальной выставки.

При взаимодействии с крупнейшими музеями северных городов, Мурманска и Архангельска, с целью, в том числе, установить долгосрочные контакты для обмена опытом и совместной деятельности в ходе подготовки к выставке было решено предоставить таким музеям максимальную свободу в выборе изображений. Следует отметить, что именно выбранные музеями работы сформировали видение всей структуры выставки, в которой отразилось представление региональными музеями российского Севера темы Северных конвоев. Структурирование виртуальной выставки стало своеобразной формой диалога, в результате которого список присланных музеями работ расширялся путем запроса дополнительных изображений. Таким образом, выставка была структурирована с целью достижения максимального просветительского эффекта.

«От музейной истории к личной»

В настоящее время Фонд во взаимодействии с Северным морским музеем осуществляет подготовку межмузейного молодежного проекта «Северные конвои 1941–1945 гг.: от музейной истории – к личной», целью которого является популяризация

истории Северных конвоев 1941–1945 гг. среди молодежной аудитории через исследовательскую и творческую деятельность на основе изучения музейных артефактов и индивидуальных биографий, формирующих личное отношение к исследуемой теме. Данный проект также направлен на дальнейшее расширение сотрудничества и создание партнерства между российскими музеями на основе темы Северных конвоев 1941–1945 гг. и привлечение внимания зарубежной аудитории к сохранению памяти о союзничестве стран во Второй мировой войне.

Проект предполагает создание цикла онлайн-лекций, раскрывающих страницы истории Северных конвоев и ленд-лиза, а также современные практики сохранения памяти о Северных конвоях. Лекции проводятся в гибридном (онлайн и очном) формате на площадках музеев – участников проекта с выходом на онлайн-платформы. Ведущие семинаров и лекций – сотрудники соответствующих музеев, а также представители Фонда «МЦСК», преподаватели вузов Санкт-Петербурга, представители Международного совета музеев.

С целью способствовать изучению истории, формированию творческих и исследовательских навыков учащейся молодежи, сохранению и укреплению традиционных ценностей, росту патриотизма в молодежной среде на примере героизма участников Северных конвоев Великой Отечественной войны в проект вводится конкурсная часть. Участники посещают музеи проекта, изучают представленные в них артефакты, относящиеся ко Второй мировой войне и Северным конвоям. Иногородним и зарубежным участникам предлагается изучить артефакты российских музеев с помощью онлайн-ресурсов либо изучить артефакты музеев своего города и представить творческое задание. В качестве творческого проекта может быть представлен видеофильм, художественно-публицистическое произведение, графическая комплексная работа или эссе.

Работы должны включать самостоятельно проведенный анализ выбранной темы (аспекта темы, например, определенный аспект истории Северных конвоев и ленд-лиза, отражение темы в искусстве, международное (межмузейное) сотрудничество по сохранению памяти об участниках Северных конвоев и т. д.) и личное отношение (позицию) автора.

Актуальным вопросом в настоящее время является расширение географии зарубежных участников проекта. Теория

сетевой публичной дипломатии становится методологической основой для поиска и выстраивания форм коммуникации с зарубежными организациями и зарубежной аудиторией. В этом вопросе Фонд взаимодействует с кафедрой международных гуманитарных связей факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, привлекает студентов к выполнению аналитических и практических заданий.

В условиях пандемии и изоляции, в том числе политической, которые, несомненно, накладывают негативный отпечаток на глубину музейной работы и межмузейного сотрудничества, мы надеемся, что новые форматы работы, включая виртуальные выставки и дистанционное общение, станут основой для новых серьезных проектов и исследований, позволяющих рассказать многослойную историю.

---

[1] Огоновская И. С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа: Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны: сборник статей. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2021. С. 237–241.

[2] Тенетов Е. А., Барзенин А. В., Копица М. Н., Кузнецов В. И. Порт назначения – Архангельск // Dervish: грани памяти. Архангельск, 2021. С. 65–68.

[3] Nikolaeva J. V., Elts E. E, Danilevskaya V. A., Solomonov V. P. The experience of creating Memorial Complex «Northern Convoys» in St. Petersburg, Russia // Papers from the international Conference of the international Committee for Museums and Collections of Arms and Military History (ICOMAM) at the Army Museum in Toledo 16–18 November 2021. P. 39–45.

[4] Nye J. The Future of Power. NY: Public Affairs, 2011. 320 pp.

[5] Vasiliki G., Vrana V. G., Kydros D. A., Kehris E. C., Theocharidis A. T., Kavavasilis G. I. Top Museums on Instagram: A Network Analysis // International Journal of Computational Methods in Heritage Science. 2019. 3(2):18–42.

[6] Zaharna R. S. Network purpose, network design: Dimensions of network and collaborative public diplomacy // Relational, Networked, and Collaborative Approaches to Public Diplomacy: The Connective Mindshift. 2014. P. 173–191.

Е. А. Сотников (Уфа)

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ КЛИМОВ И ЕГО ДВИГАТЕЛИ

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ КЛИМОВ в истории отечественной авиации – фигура фундаментальная, знаковая. В годы Великой Отечественной войны Климов проявил себя не только создателем авиационных моторов, но и выдающимся организатором, способным налаживать серийное производство двигателей в сложнейших условиях военного времени. Владимир Яковлевич вошел в историю нашей страны вместе с массовым авиамотором М-105, на котором во время войны летало больше половины наших боевых самолетов, и это дает полное право называть Климова в числе прославленных «конструкторов Победы». Его наследие не стало достоянием прошлого. Климов сумел воспитать целую плеяду учеников-двигателестроителей, таких как Сергей Петрович Изотов, Олег Александрович Рудаков, Валентин Викторович Старовойтенков и многих других, продолживших его дело.

Владимир Яковлевич Климов – человек из народа. Отец конструктора, Яков Алексеевич, – выходец из Владимирской губернии, с детства овладевал строительным ремеслом, много работал сам, а впоследствии стал подрядчиком, сколотил свою артель и, имея предпринимательскую жилку, стал получать неплохой доход. После смерти первой супруги в тридцать два года женился вторично. Женой его стала шестнадцатилетняя Прасковья Васильевна, простая крестьянская девушка. У семьи появились на свет шестнадцать детей, из которых до зрелости дожили только восемь человек. Яков Алексеевич всем детям дал хорошее образование, ценность которого он очень хорошо осознавал[1].

Дочь конструктора Ирина Владимировна Климова, говоря о традициях рода, подчеркивает: «Отец с малых лет рос спо-

собным, старательным и пытливым. Дед, Яков Алексеевич, не жалел средств на воспитание детей, например, папе для подготовки к поступлению в Комиссаровское училище нанял репетитора. Папа поступил туда в 1903 г. Это учебное заведение было на хорошем счету, потому что основывалось на традициях исконно народных: там учили, прежде всего, честному отношению к работе. В «комиссаровке» был семилетний курс обучения. Первые три года посвящались общеобразовательным предметам, а далее к общему образованию присоединялись занятия в училищных мастерских. Готовые мастера-механики после выпуска могли идти работать на производство или продолжать обучение в высших технических училищах. Отец говорил, что наука там ему давалась легко, ведь он с детства был приучен к самодисциплине... В училище было несколько отделений: столярно-токарное, слесарно-тисочное, слесарно-механическое, литейное, котельное, паровых машин и тепловых двигателей. Учащимся доверяли изготавливать в учебных мастерских заказные изделия. Как это пригодилось потом отцу в жизни!»[2].

Успешно окончив Комиссаровское училище, Климов самостоятельно подготовился к поступлению в Императорское Московское техническое училище, которое спустя годы станет МВТУ им. Баумана, и осенью 1910 г. был зачислен в него студентом.

В процессе обучения Владимир вступил в воздухоплавательный кружок Жуковского и даже провел там несколько исследовательских работ в области теории авиации, но тянуло его к моторам. Обучаясь на четвертом курсе, Климов начал работать в лаборатории двигателей внутреннего сгорания под руководством одного из самых известных в то время отечественных двигателистов Николая Романовича Брилинга. Именно здесь Владимир понял, что моторная тематика ему интересна больше всего.

В мае 1915 г. Брилинг рекомендовал Владимира на практику конструктором-чертежником на петроградский заводик «Дюфлон-Константинович и Ко». Здесь задумано было начать производство авиамоторов по типу немецких Benz и Mersedes. С опытом, имевшим практическую ценность, в октябре 1916 г. Климов вернулся в училище, запасшись добротным материалом для дипломного проекта. Диплом по теме немецкого авиамотора в июне 1917 г. был успешно защищен, и совет училища назначил талантливому студенту специальную стипендию для

подготовки к преподавательской деятельности на кафедре двигателей внутреннего сгорания и двухлетней командировки на Запад. Но в стране начиналось смутное время, и о поездке в Европу пришлось забыть. Климов решил самостоятельно подготовиться к защите кандидатской диссертации на ученую степень. И, возможно, в мирное время все так бы и получилось, но в стране стало не хватать солдат, и Владимир в августе 1917 г. оказался мобилизованным в армию и отправлен учиться немудреному пехотному делу. От длительной службы и войны его спасла революция.

Климов после службы в армии успел поработать в разных местах, пока в ноябре 1918 г. не поступил в Научную автомобильную лабораторию, которая в 1921-м превратилась в Научный автомоторный институт (НАМИ). Там он нашел свое настоящее место и прошел все ступени – от лаборанта до заместителя директора. Шесть лет работы в научной среде московского НАМИ, в кругу именитых наставников и талантливых сверстников стали для Владимира Яковлевича временем профессионального роста.

В эти годы Климов проявился как критичный и скрупулезно вникающий в детали дела специалист. Он на лету схватывал и основы управленческих навыков, благо было с кого брать пример. Помимо основной работы Климов совмещал научную и педагогическую деятельность, читая лекции в МВТУ, Военно-воздушной академии им. Жуковского, одно время заведовал кафедрой конструкции авиадвигателей в МАИ[3].

Высокая требовательность наряду с профессионализмом стали решающими факторами в назначении его председателем комиссии по приемке моторов у фирм «Юнкерс» и БМВ в Германии в 1924–1926 годах, там же он участвовал в переговорах по приобретению лицензии на двигатель БМВ VI.

Климова во время поездки за границу интересовало все: станки, организация труда, технологические схемы и многое другое. Он стремился в максимальной доле перенять возможное для реализации, полезное и необходимое, складывая всю информацию в единую картину. Поездка в Германию была и первым опытом вживания в европейскую культуру труда, отношений и быта. Здесь Владимир Яковлевич имел возможность не только критически изучить производство и постичь особенности контроля за выпуском авиамоторов на всех стадиях их создания, но и подробно углубиться в изучение материалов, термообработку, литье и микроанализ сталей[4].

Результаты работы за границей комиссии под руководством Климова в НАМИ были восприняты вполне оптимистично. Научный комитет УВВС 26 августа 1926 г. сопоставил их с данными пяти типов других иностранных двигателей, и мнения благожелательно сошлись на германском БМВ VI. Идею осуществить его производство в СССР поддержал и Авиатрест (предшественник Главного управления авиационной промышленности). Мотор подходил по эксплуатационным качествам и по мощности, и его серийный выпуск в СССР представлял наименьшие затруднения. После анализа нескольких вариантов остановились на идее покупки лицензии и заключении соглашения о технической помощи в освоении производства. Основу для такого стратегически важного решения подготовила работа Климова. В Советском Союзе мотор БМВ VI получил наименование М-17. Всего было изготовлено 27534 экземпляра советского «баварца»[5].

После германской командировки Владимир Яковлевич вернулся к неоконченным и новым проектам в НАМИ, продолжил преподавание в Академии ВВФ и МВТУ, где читал курс лекций «Уравновешивание двигателей» и теоретический курс авиационных двигателей.

В 1928–1930 гг. Климов вновь был направлен за границу с той же миссией: закупка авиационных двигателей. На этот раз он был командирован во Францию – там покупали «Юпитеры» у фирмы «Гном-Рон». В этот раз результатом работы Климова стало не только успешное заключение договора, но и бесплатное предоставление фирмой «Гном-Рон» лицензии на производство мотора «Юпитер» VII[6]. Вернувшись из Парижа, конструктор отправился в Запорожье, где до 1931 г. работал на заводе № 29, запуская в серийное производство лицензионный мотор М-22 (тот самый «Юпитер»). Всего в серийном производстве М-22 было выпущено 2717 моторов. В биографии Климова эпопея с М-22 заняла пять месяцев насыщенной и напряженной работы на запорожском заводе в качестве начальника технического контроля и восемь месяцев — в должности помощника директора по технической части[7].

После работы в Запорожье Климов вернулся в ЦИАМ и там руководил отделом бензиновых двигателей. Генерал-полковник авиации Александр Николаевич Пономарев оставил в своих воспоминаниях след об этом периоде жизни В. Я. Климова: «Мне довелось познакомиться с ним в Военно-воздушной академии

им. Жуковского. В те годы Владимир Яковлевич заведовал лабораторией бензиновых двигателей в ЦИАМ и по совместительству читал лекции по теории авиамоторов нам, слушателям инженерного факультета. Лекции Климова выгодно отличались фундаментальной научностью, высокой инженерной культурой и прекрасной методикой изложения»[8].

Показателем культуры производства в авиационном двигателестроении был налаженный по инициативе Климова выпуск содержательных альбомов, демонстрировавших конструкции иностранных и отечественных моторов. Кстати будет сказать, что именно по инициативе Владимира Яковлевича и при его непосредственном участии в МАИ была создана самостоятельная кафедра «Конструкции авиационных двигателей», где читались основы конструирования, описательный курс и теоретические принципы создания авиамоторов.

Советский Союз в начале 30-х годов все еще проигрывал в гонке авиационных моторов. Нашим конструкторам так и не удалось создать свой двигатель, отвечающий предъявляемым требованиям. Все мировые воздушные флоты уже начали переходить на высотные моторы. Учитывая тревожные тенденции в авиапроме, советским руководством было принято принципиальное решение идти проверенным путем и найти за рубежом авиационные моторы, подходящие для лицензионного производства в условиях развивающейся отечественной индустрии. И вновь закупочные комиссии отправились на Запад. В. Я. Климов в 1933 г. опять отправился в командировку во Францию. На этот раз он стал председателем комиссии по переговорам с компанией «Испано-Сюиза»[9]. Среди отобранных во Франции образцов был двигатель жидкостного охлаждения, выпущенный в 1932 г. Этот мотор имел четко истребительную версию, не исключавшую его постановку на фронтовые бомбардировщики. В итоге советское руководство вынесло постановление о закупке во Франции авиационных моторов, а также о проведении переговоров на получение лицензии и технической помощи фирмы-производителя в организации серийного выпуска двигателей в Советском Союзе.

Под серийную линию французского авиамотора было решено назначить рыбинский завод № 26 головным предприятием по лицензионному выпуску копии-аналога «Испано-Сюиза», ставшего в соответствии с советской моторостроительной индексацией М-100.

На Рыбинском заводе ситуацию было решено повернуть кардинальным образом, сделав ставку не на сиюминутную выгоду, а на будущий успех мотора. Рыбинцев обязали до конца 1934 г. собрать полтора десятка авиадвигателей из моторной россыпи оригинальных деталей. В следующем году задача была поставлена еще более серьезная: требовалось многократно увеличить производство: выпустить не менее шестисот «испано-сюиз» советского изготовления – авиамоторов М-100, положивших начало легендарному ряду климовских «сотых». Такого результата невозможно было добиться без научно-конструкторского и технологического сопровождения лицензионного проекта. Поэтому была поставлена задача – создать конструкторский отдел с целью совершенствования французского мотора.

Заводским конструкторам предстояло наладить технологию производственного процесса и вместе с тем творчески усовершенствовать двигатель, повысив его мощность, высотность, надежность и экономичность. Такой конструкторский отдел на заводе № 26 был создан в июле 1934 г. Владимир Яковлевич был назначен главным конструктором опытно-конструкторского бюро (ОКБ) завода № 26. В его структуре было организовано еще и серийное конструкторское бюро (СКБ), которому поручили контроль за налаживанием серийного производства моторов. Спустя четыре месяца в серию пошел новый авиамотор М-100.

Созданный Климовым М-100 – это точная копия французского двигателя, автор которого – швейцарский конструктор Марк Биркигт. Французы передали советской стороне лицензию на производство, чертежи, технологии, но в дальнейшем сопровождении своего детища не участвовали.

Строительство нового мотора потребовало выпуска сложных деталей, производство которых следовало освоить. Нужно было учиться работать на неизвестных рыбинцам швейцарских станках. Требовалось разгрести массу чертежей, переданных французами, чтобы на их основе произвести собственные станки для обработки основных деталей двигателя, решить ряд сложных задач в металлургии и точном литье, организовав, в частности, производство отливок сложной конфигурации. Французская технология тут не годилась по стоимости, качеству и составу сплава. Поэтому пришлось идти своим путем, ища замену дефицитному в стране кобальту. Тернистый путь к серийному мотору одолели с честью. А конструкторы ОКБ тем временем смотрели

вперед: матричный двигатель для них был уже пройденным этапом. Азбуку М-100 климовцы освоили влет.

Становление «сотого» в серии было стремительным и драматичным. Все планировалось сделать собственными силами и в крайне сжатые сроки. Поэтому под руководством Климова документацию оперативно переделывали под советские стандарты, подбирая отечественные аналоги импортных материалов. Развертыванию массового производства М-100 давали «зеленый свет» в прямом и переносном смысле. Выделялись значительные средства на приобретение станков, инструментов и материалов. Все грузы для завода в Рыбинске по железным дорогам доставлялись вне очереди. Конструкторские, технологические и организационные мероприятия дали убедительный результат: за год выпуск моторов вырос на порядок! Если в 1935 году завод построил 100 двигателей, то в 1936 году из Рыбинска отгрузили 1071 авиамотор М-100. Всего построили 5061 экземпляр мотора М-100, который справедливо назвать и русской «испано-сюизой», и пробным камнем Климова, и технологическим университетом на базе живого, молодого производства[10].

Триумфом мотора М-100 и коллектива, создавшего его, стало 30 декабря 1936 г., когда за внедрение двигателя в серийное производство завод № 26 был награжден орденом Ленина. Кавалером высшего ордена страны стал и главный конструктор В. Я. Климов[11].

Успех не вскружил голову Климову. В течение малого времени требовалось модернизировать мотор, существенно улучшив его характеристики. И климовское ОКБ с головой окунулось в работу. Работа ОКБ Климова до войны была построена по эффективным стандартам: новые модификации авиадвигателей передавались в серию, а им на смену приходили опытные разработки. На Рыбинском заводе кроме опытного бюро работало серийное КБ. Серийщики занимались тем, что находилось у завода на потоке, а климовцы – всем новым. Когда после доводки М-100 заработал без нареканий, он успешно пошел в серию. А ОКБ тем временем уже занималось следующей модификацией «сотого» – М-100А, двигателем, ставшим основой винтомоторной группы скоростного бомбардировщика СБ. Мотор М-100А стал последним аналогом французского. Все моторы Климова, последовавшие за М-100А, были уже совершенно авторской импровизацией на тему французского прототипа. Созданные до войны опытные моторы М-101 и М-102 в серию не пошли, оставшись пробными камнями.

Удачным получился М-103, а М-103А в то время был признан лучшим в мире авиамотором по соотношению веса и силы – самым легким на единицу мощности. В серийное производство модификация «103» пошла в 1938 г., и до 1941-го был построен 11 681 экземпляр. Двигатель в основном использовался на скоростных бомбардировщиках СБ-2, без которых не обошелся ни один локальный военный конфликт перед началом Второй мировой. «Сотые» моторы менялись год от года, от мотора к мотору в классическую схему «сотого» добавлялись все более совершенные решения и новшества.

Следующей попыткой получить новую модификацию двигателя стал мотор М-104 с улучшенными высотными характеристиками. Но этой машине не суждено было встать на поток, в истории моторостроения ей выпало негромкое звание переходной модели, выпущенной в количестве всего 232 экземпляров[12].

Несомненной конструкторской удачей стал мотор М-105. Этот мотор практически полностью был сделан климовцами – начатый конструкторскими разработками в 1937 г ., но долго «созревавший» из-за доводок. От французских корней в нем остались только принципиальные конструктивные решения. Большое количество мелких усовершенствований и постепенное увеличение ресурса мотора М-105 продолжалось вплоть до октября 1939 года. Двигатель за этот год трижды ставили на государственные испытания, и каждый раз он возвращался на завод с неудовлетворительной оценкой. К весне 1940 г. М-105 уже обнадежил своей стабильностью и пошел на крыло скоростного бомбардировщика СБ, а позже устанавливался на истребителях ЛаГГ-3, Як-1, Як-7, Як-3, Як-9, бомбардировщиках Як-4, Пе-2 и Ер-2.

Только за первое полугодие 1941 г. было выпущено более 5,5 тысячи двигателей М-105[13].

Детище Климова оказалось массовой, относительно дешевой, технологически простой машиной, пригодной к модифицированию и улучшениям. Это позволило двигателю войти в ранг основных моторов для боевой авиации, а потому потребовалось резкое увеличение его производства. Этот двигатель стал самым массовым в самолетах боевой авиации периода Великой Отечественной войны. В общей сложности было изготовлено 75 250 двигателей М-105. Выпускали его до 1946 г.

Суровые годы Великой Отечественной войны внесли свои коррективы в работу конструкторского бюро и в жизнь В. Я. Климова. Вместе с заводом ОКБ было эвакуировано в Уфу. Эвакуация

проходила в жесточайших условиях, причем на 17 декабря объем проведения эвакуационных мероприятий характеризовался оценкой «крайне неудовлетворительно». Хотя из Рыбинска было вывезено около 32 тысяч человек (из них 24 500 сотрудников завода, остальные – члены семей), в Уфу прибыло лишь 12–14 тысяч. Это объяснялось тем, что часть рабочих разбежались в пути, часть вернулись в Рыбинск, а некоторые, прибыв в Уфу, предпочли не задерживаться в городе, так как условия проживания и труда были явно неприемлемы. Сотрудники авиазаводов были вынуждены ютиться не только в землянках, но и в палаточных городках. Однако основная масса потерь персонала пришлась все же именно на этап эвакуации. Дело в том, что если оборудование эвакуировалось преимущественно железнодорожным транспортом, то персонал и члены семей добирались водным путем. Поздней осенью Волга замерзла, и людям пришлось добираться до Горького (откуда их отправили уже по железной дороге) около 100 км пешком и на подводах. Не лучше было положение дел и с эвакуацией оборудования. На декабрь 1941 г. 1000 вагонов с имуществом завода все еще не прибыли в Уфу. Значительная часть имущества также следовала по реке на баржах и, не успев до ледостава добраться до Уфы, попросту вмерзла в лед[14].

Несмотря на плохие условия, климовцы в эвакуации продолжали работу по совершенствованию «сотой» серии двигателей. Создание «сто пятого» и его творческое развитие не дали Владимиру Яковлевичу повода почить на лаврах. Он продолжал идти вперед, поступательно и непрерывно, работая сразу по нескольким параллельным направлениям развития конструкции мотора. Результатом этой работы стал двигатель М-106. Предполагалось, что он станет основным мотором для истребителей и отчасти для бомбардировщиков ВВС. «Сто шестой» климовцы доводили долго. Ресурс двигателя не превышал пятидесяти часов и упрямо не хотел расти. Доводка велась медленно, и лишь в ноябре 1942 г. опытный «сто шестой» рискнули установить на Як-9, а в январе 1943 г. – на Як-1. Но надежды не оправдались. Его сняли с производства в мае 1943-го.

В ознаменование заслуг Климова в марте 1944 года его включили в круг конструкторов-моторостроителей, получивших право обозначать свои творения личными инициалами. Теперь названия моторов этого конструктора начинались с букв «ВК» – «Владимир Климов»[15].

В 1944 г. выпуск двигателей ВК-105 был снижен. Это было вызвано развертыванием крупносерийного производства нового мотора Климова ВК-107, доводившегося еще с довоенных времен.

Разработку проекта М-107 ОКБ Климова начало с середины 1939 г. По сравнению с М-105 новый тип сильно форсировали по частоте вращения вала, усилив при этом многие детали. Доводка двигателя проходила очень сложно. За весь 1941 г. изготовили всего 29 моторов. Серийное производство двигателя фактически начали в 1942-м. В сумме было построено 7902 мотора М-107/ ВК-107. Этот двигатель был хотя и проблемным, но адекватным ответом на моторные разработки Германии в годы войны. М-107 стал последним крупносерийным поршневым мотором Климова и в основном шел на самолеты Як-3, Як-9 и Пе-2И.

В конце войны ОКБ Климова были разработаны ВК-108 и ВК-109, но в серию они не пошли. Доводку ВК-109, как и дальнейшее совершенствование ВК-108, прекратили в начале 1947 г. Более Климов поршневыми двигателями не занимался. В общей сложности разные заводы выпустили более 100 000 поршневых моторов его конструкции. Век поршневой авиации заканчивался.

Постановление ГКО от 20 июля 1945 г. «О мероприятиях по изучению и освоению немецкой реактивной техники» обязывало НКАП провести работы по изучению и освоению трофейных реактивных газотурбинных двигателей, авиационных жидкостных реактивных двигателей, реактивных самолетов и самолетов-снарядов. В частности, главному конструктору Климову завода № 26 надлежало изучить и освоить копированием немецкий реактивный газотурбинный двигатель ЮМО-004.

За несколько месяцев до этого решения на высшем уровне, в конце марта – начале апреля 1945 г., Климова вызвали в НКАП и поручили ознакомиться с немецкими турбореактивными двигателями, найденными нашими войсками на территории Германии.

В распоряжении Климова была дюжина ЮМО-004. Техническая документация в оригинале находилась полностью в руках климовских конструкторов. На заводе № 26 под руководством главного конструктора Климова было организовано производство малой серии ЮМО-004, получившего название РД-10. В его производстве были задействованы и немецкие специалисты. Производство РД-10 было освоено, всего было произведено 1911 двигателей, которые устанавливали на первых отечественных реактивных истребителях Як-15, Як-17, Су-9 и на опытных

самолетах С. А. Лавочкина[16]. Первые серийные ТРД – копии трофейных немецких двигателей – очень быстро устарели. Они не обладали необходимой надежностью, их ресурс был очень мал.

По постановлению Совмина СССР от 26 июня 1946 г. в Ленинграде было создано Опытно-конструкторское бюро № 117 для разработки турбореактивных двигателей под руководством главного конструктора Владимира Яковлевича Климова и одновременно – завод под тем же номером. Так был создан конгломерат опытного завода и опытно-конструкторского бюро. Стояла задача основать опытно-конструкторскую базу современного уровня с дальней перспективой самостоятельной работы.

Летом 1946 г. В. Я. Климов и А. И. Микоян посетили международную авиационную выставку в Париже. Там их заинтересовали самые передовые на тот момент серийные двигатели фирмы «Ролс-Ройс». Они имели в 1,5–2 раза большую тягу, чем трофейные немецкие, меньший расход топлива и были намного надежнее. На закупку у фирмы «Ролс-Ройс» турбореактивных двигателей Климов был откомандирован в Англию в качестве председателя Государственной комиссии по приемке этих моторов. Советской делегации удалось закупить у фирмы «Ролс-Ройс» наиболее совершенные турбореактивные двигатели «Нин» I , «Нин» II и «Дервент» V.

В 1946 году Климов параллельно с руководством ОКБ-117 с февраля 1947 г. по июнь 1956-го возглавлял ОКБ завода № 45 в Москве, специально организованное для создания РД-45 и РД-500 – копий английских турбореактивных двигателей. Новинки английского двигателестроения были успешно скопированы и запущены в серийное производство.

Яковлев и Лавочкин рассчитали свои реактивные самолеты под «истребительный» двигатель РД-500, родившийся на базе лицензионного «Дервента». Микоян выбрал более мощный «бомбардировочный» РД-45, созданный на основе мотора «Нин». Вскоре двигатель был модернизирован. Хороший материал лопаток позволил увеличить температуру выходящих газов, а значит, и тягу. Этот двигатель уже назывался ВК-1 – по инициалам Климова. МиГ-15 с этим мотором стал называться МиГ-15бис. Двигатель ВК-1 устанавливали также на МиГ-17 и на бомбардировщик Ил-28. Если РД-45, копий английского «Нин», выпустили менее 10 000, то ВК-1 – более 50 000. Это только в СССР, но его производство вели также в Польше и Китае[17].

Затем последовал еще ряд опытных газотурбинных двигателей, созданных под началом В. Я. Климова: ВК-2, ВК-3, ВК-5Ф, ВК-7, ВК-13. За три-четыре года отечественное авиадвигателестроение создало свои серийные образцы ГТД, которые не только догнали зарубежные, но по отдельным показателям оказались выше уровня мировых стандартов. А Климов в очередной раз доказал свой непревзойденный класс конструкторской школы.

В 1960 г. Владимир Яковлевич ушел на пенсию по состоянию здоровья. 9 сентября 1962 года он скоропостижно скончался. Был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Авиация на протяжении всей истории ее существования – это все самое передовое, что есть в науке и технике, это воплощение человеческого гения, это важный аргумент в отстаивании государственных интересов. Настоящую степень развития нации показывает именно планка авиационных достижений, характеризующая научно-промышленный уровень страны. Дело Климова, вложенное в фундамент моторостроительной отрасли Отечества, – это государственно важное наследие великого конструктора, это его школа, которая живет, работает, осваивает небо и побеждает в нем.

---

[1] Сухановский А. Ф. Климов: краткое руководство к изучению жизни и творчества патриарха отечественного авиамоторостроения Владимира Яковлевича Климова с фотографиями, схемами и чертежами. Архангельск: СК-Столица, 2012. С. 14.
[2] Там же. С. 15.
[3] Там же. С. 25.
[4] Там же. С. 29.
[5] Двигатели боевых самолетов России / Под общ. ред. В. В. Горошникова. Рыбинск: Медиарост, 2020. С. 86–99.
[6] Сухановский А. Ф. Указ. соч. С. 33–39.
[7] Двигатели боевых самолетов России. С. 251.
[8] Сухановский А. Ф. Указ. соч. С. 36.
[9] Двигатели боевых самолетов России. С. 252.
[10] Там же. С. 201.
[11] Там же. С. 252.
[12] Там же. С.191–195.
[13] Мухин М. И. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М.: «Вече», 2011. С. 196.
[14] Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006. С. 358.
[15] Двигатели боевых самолетов России. С. 251.
[16] Сухановский А. Ф. Указ. соч. С. 126.
[17] Там же. С. 149.

О. Н. Суслина (Владимир)

ГЕНЕРАЛ Н. Г. СТОЛЕТОВ В ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

В ИСТОРИИ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ были и есть яркие, неординарные, замечательные своим талантом люди. К их числу, бесспорно, принадлежит Николай Григорьевич Столетов (1831–1912), генерал от инфантерии, видный военный деятель. Разносторонняя деятельность Н. Г. Столетова нашла отражение в дневниках, переписке, воспоминаниях современников.

Детские и юношеские годы Николая Григорьевича прошли в городе Владимире. Он родился в семье купца 3-й гильдии Григория Михайловича Столетова, где царила атмосфера уважения, согласия и взаимопомощи. Как справедливо заметил в своих воспоминаниях Н. П. Губский[1], племянник Н. Г. Столетова, «быт столетовской семьи был в значительной степени старозаветный, но в нем и следа не было «темного царства» – ни самодурства, ни ханжества, ни грубых слов, ни грубых наказаний для детей. Старое не шло там против нового, для этого достаточно было здравого смысла и моральной чуткости»[2].

Приоткрыть завесу прошлого и узнать, каким был Коля Столетов в свои юношеские годы, могут помочь уникальные источники – детские дневники[3] Александра и Анны – младших брата и сестры Николая.

Свои дневниковые записи Саша Столетов[4] вел довольно регулярно на протяжении трех лет (1848–1850). Из них мы узнаем, что Николай был одним из лучших учеников гимназии. 5 сентября 1848 г. Саша не без гордости замечает: «Николеньке подарили шесть томов Шиллера, в каждом томе 2 части. В чудесных переплетах небольшого формата, с надписью на каждой: за благонравие и успехи»[5]. В гимназические годы проявился

большой интерес Николая к иностранным языкам: «Николеньке Соханский[6] дал переводить какую-то математическую книгу, чтоб после напечатать в Журнале народного просвещения» (1849). Николай пользовался авторитетом у младших братьев и сестер и приобщал их к изучению французского языка. Этому немало способствовала и его мать Александра Васильевна: «Был за обедом разговор, маменька говорила, что Николенька читает очень скоро стихи французские, и говорила: «Не учиться ли тебе, Варя, у Николеньки-то хоть по-французски»[7]. Интересно, что кроме языков, которые изучали в гимназии, Николай «постоянно брал уроки татарского вместе с детьми знакомых купцов-татар». На основе татарского языка впоследствии он освоил турецкий язык, который очень пригодился ему в разносторонней военной деятельности.

Николай ладил со всеми домашними, жил в мире и согласии со своими братьями и сестрами. Видимо, более других к нему был привязан Александр: «Я вчера написал Николеньке стихи»[8]. Николай, в свою очередь, заботится о младшем брате. Саша пишет: «Мы катались; Николенька мне купил карандаш»; «Николенька принес от ученика книгу «Библиотеку для чтения». Я там читал повесть: Кузьма Рощин»[9]. Эти добрые детские отношения перерастут в крепкую мужскую дружбу, которую братья пронесут через всю жизнь.

21 июня 1850 г. Саша рассказывает, что Николай за отличные успехи по всем предметам и примерное поведение был награжден золотой медалью. 18 августа Саша в памятной книжке отметил: «Васенька приехал из Москвы и сказал нам, что Николенька определился на математический факультет»[10].

Открылась новая страница в жизни Николая Столетова, а спустя 3,5 года он оканчивает Московский университет, но неожиданно для всех, как подчеркивает Е. К. Андреевский[11], несмотря на уговоры родителей «устроить себя получше», уходит добровольцем на фронт: идет Крымская война.

Все, что фиксировалось Евгением Константиновичем много лет – рассказы Дмитрия Столетова, с которым Е. К. Андреевский учился в Михайловском артиллерийском училище, очевидцев событий, заметки из записной книжки, известия, – впоследствии легло в основу его мемуаров о генерале Н. Г. Столетове.[12] Эти записки охватывают практически все основные этапы биографии Николая Григорьевича.

Летом 1854 г. Н. Г. Столетов вступил в военную службу фейерверкером 4-го класса 1-й легкой батареи 10-й артиллерийской бригады.

«Судьба сразу послала его в Севастополь... участие в постоянных делах по обороне этой твердыни и в деле под Инкерманом дало ему скоро солдатский крест св. Георгия и офицерский чин», – замечает Е. К. Андреевский. Этот факт подтверждают и архивные материалы: действительно, Николаю Столетову был вручен солдатский Георгий под № 99730[13].

Вскоре после этого сражения, как рассказывает Е. К. Андреевский, в жизни Н. Г. Столетова произошел интересный случай. Однажды командир 10-й арт. бригады А. П. Голынский приказал Н. Столетову вместе с командой из нескольких солдат разнести по позициям бригады приказы и денежное довольствие. Команда двинулась в путь под вечер, скоро наступила темнота, к которой присоединился густой туман, поэтому отряд сбился с пути. Через час движения команда оказалась в расположении одного из укреплений 11-й артиллерийской бригады. Командир этого поста, сначала недовольный тем, что нарушили его отдых, который тогда выпадал редко, отнесся к незваным гостям дружелюбно, а за самоваром, появившимся в палатке, о чем только ни переговорили, вспоминая знакомых по общей alma mater. Офицер много рассказывал о боевой севастопольской жизни, а на прощанье подарил Николаю Григорьевичу небольшой, в шуточном тоне набросанный рассказ «о ночном пробуждении», которым Н. Г. Столетов его обеспокоил. Далее генерал Е. К. Андреевский от лица своего героя рассказывает: «Я был очень рад получить этот маленький знак внимания взамен простого клочка бумаги, на котором я довольно казенно написал свое звание: старший фейерверкер, имя, отчество и фамилию; меня порадовало оставление мне на память этого рассказа, но собственно подпись, сделанная под ним, тронула меня лишь много, много лет позже; под рассказом значилось: Лев Николаевич Толстой, поручик артиллерии... После того мы виделись с ним мельком в минуту сумбура суетливого отступления на Черной речке 4 августа 1855 года. «Здравствуйте, Николай Григорьевич», – сказал он ласково, издали кланяясь. «Вот какие дела», – прибавил он, указывая на отступавшие вразброд части помятой после геройских усилий армии. «А! Вы уже офицер», – успел он крикнуть, уносимый движением своей батареи. Больше во время войны я его не встречал»[14].

Этот случай из жизни Н. Г. Столетова, переданный Е. К. Андреевским, вполне мог иметь место, однако настораживает тот факт, что Н. Г. Столетов окончил Московский университет в 1854 г., а Л. Н. Толстой учился в 1844–1847 гг. в Казанском университете. В предисловии к воспоминаниям автор оговаривается, что некоторые заметки, «не находя себе подтверждения в официальных или иных известиях своего времени, нигде ими и не опровергаются...». Кроме того, в воспоминания вошли устные сообщения, рассказы не только очевидцев, но и лиц, «близко стоявших к делу и к событиям». Возможно, отдельные рассказы, передававшиеся устно от одного человека другому, постепенно обрастали мифическими подробностями.

После Крымской войны подпоручик Николай Столетов в 1857 г. поступает в Николаевскую академию Генерального штаба, которую оканчивает в конце 1859 г. и получает назначение в Кавказский военный округ. Об этом периоде военной деятельности Н. Г. Столетова сохранилось очень мало документальных свидетельств, тем более интересны для нас «Записки» Е. К. Андреевского.

В Тифлисе Николай Григорьевич исправно нес службу, постепенно осваиваясь в новой должности. Но вскоре «с ним случился небольшой эпизод, который имел, по его убеждению, влияние на всю его дальнейшую судьбу, жизнь, службу и карьеру»[15]. Однажды в ожидании приема начальником штаба Н. Г. Столетов завязал оживленную беседу с мирными черкесами, местными жителями. Среди офицеров, приглашенных к начальнику штаба, Николай Григорьевич оказался младшим, поэтому был вызван в кабинет последним. Выяснилось, что генерал наблюдал из окна за беседой штабс-капитана Столетова с горцами и удивился, узнав, что молодой офицер владеет татарским и турецким языками и имеет намерение изучить местные языки. Начальник штаба подробно расспросил Н. Г. Столетова о его прошлом, строго проэкзаменовал и выразил убеждение, что богатые знания Н. Г. Столетова пригодятся ему в предстоящей службе вообще и в особенности здесь, на Кавказе. Генералом этим оказался Дмитрий Алексеевич Милютин, который вскоре был отозван в Санкт-Петербург, а впоследствии в течение 20 лет (1861–1881) являлся военным министром России. Он неоднократно прибегал к услугам Н. Г. Столетова, к которому относился с большим уважением.

«В течение двух лет – 1861–1863 годов – ему посчастливилось принять с успехом участие в экспедициях против горцев и получить за боевое отличие впервые офицерский орден – св. Анны 3-й степени с мечами и бантом», – пишет Е. К. Андреевский. И действительно, данные послужного списка генерала Столетова подтверждают этот факт[16].

Наместник и главнокомандующий на Кавказе великий князь Михаил Николаевич лично стремился вникнуть во все дела по управлению краем и командованию армией, а также сам назначал офицеров на различные должности. «Можно понять, как почувствовал себя Столетов, когда Его Высочество, имея нужду в особо доверенном лице для назначения военным начальником Закатальского округа, избрал и назначил его» (6 ноября 1863 г.) «Молодому, не достигшему 30-летнего возраста офицеру было крайне лестно получить обширное поле деятельности, как мирной, так и военной»[17].

Николай Григорьевич приступил к исполнению своих обязанностей в очень неспокойное время, когда край бурлил после подавления восстания лезгин. Свободно владея восточными языками, Н. Г. Столетов мог говорить с народом без переводчика и своим разумным и твердым воздействием поколебал упорство лезгин. Порядок был восстановлен, Николай Григорьевич «успел заслужить репутацию надежного администратора и распорядительного военного начальника, а за полезную деятельность получить чин подполковника и ордена св. Станислава 2-й степени и св. Владимира 4-й степени».

Однако в 1866 г. военный министр Д. А. Милютин решил перевести подполковника Н. Г. Столетова в Туркестанский край, где ему были крайне необходимы «выдающиеся офицеры».

В Туркестане подполковник Столетов «пробыл с 1 января 1867 года по июнь 1869 года правителем канцелярии военно-народного управления».

Однако «волею высшего начальства Столетов был вновь переведен на Кавказ». В конце лета 1869 г. последовало высочайшее повеление: «прочно занять Балханский залив и укрепиться в нем», начальником экспедиционного отряда был назначен Генерального штаба полковник Столетов.

В начале ноября отряд под командованием Н. Г. Столетова высадился в Муравьевской бухте, и «началась энергичная работа полковника Столетова по рекогносцировке берегов

и окрестностей, по приисканию лучшего места стоянки лагеря, по отысканию мест добывания лучшей питьевой воды». Е. К. Андреевский рассказывает о нападении туркмен-текинцев 20 октября 1870 г. на пост Михайловский. Однако значительное место в повествовании Е. К. Андреевского отводится описанию интриг в штабе Кавказского военного округа, в результате которых, видимо, «в середине июля 1871 г. Столетов был отчислен от занимавшейся им в течение двух лет должности, причем его плодотворная и многотрудная деятельность была одновременно с тем награждена пожалованным ему орденом св. Владимира 3-й степени»[18].

В яркой незаурядной биографии генерала Н. Г. Столетова самой значительной страницей стало участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Еще в октябре 1876 г. генерал-майор Столетов секретным приказом был назначен командиром Болгарского ополчения[19]. Ядром ополчения стали болгары, которые возвращались с Сербско-турецкой войны 1876 г. и осели в Кишиневе. Предыстория, организация привлечения болгарской молодежи, подробности формирования и обучения дружин изложены в воспоминаниях председателя Кишиневского болгарского благотворительного общества И. С. Иванова[20]. Эти воспоминания написаны на основе заметок, которые Иван Степанович делал во время войны 1877–1878 гг. в своей памятной книжке. Большой интерес представляет и пространная выдержка из письма командира болгарского ополчения Н. Г. Столетова военному министру Д. А. Милютину от 3 января 1881 г., где подробно рассказывается о ходе подготовки и формирования дружин ополчения, а также дается высокая оценка деятельности И. С. Иванова.

Н. Г. Столетов вел большую организаторскую работу, под руководством русских офицеров проводилась усиленная военная подготовка и учения ополченцев. К маю 1877 г. в составе ополчения насчитывалось 6 дружин общей численностью более 5 тыс. человек. В ходе войны было создано еще 6 дружин, в результате чего численность ополчения достигла 12 тыс. человек. Оценивая роль Н. Г. Столетова в создании болгарского ополчения, И. С. Иванов писал: «В истории образования болгарского войска бесспорно первое место должно принадлежать генералу Столетову, не только как организатору его, но и как человеку, дисциплинировавшему это молодое войско, т. е. воспитавшему его вполне в военном духе. Попечение генерала Столетова о болгарском ополчении не

имело пределов, он весь, телом и душою, был предан ему и только жил мыслью об увеличении его»[21].

Об истории болгарского ополчения, его участии в походах и боевом крещении под Эски-Загрой говорится в «Записках о болгарском ополчении» начальника штаба ополчения Е. Е. Рынкевича. Отмечая, что в бою под Старой Загорой «на каждую дружину приходилось 4-5 турецких таборов», подполковник Рынкевич подчеркивал: вера в мужество болгар была крепка у дружинных офицеров»[22]. Ополченцы отважно сражались на протяжении четырех тяжелых часов, но командование, сознавая, что удержаться будет невозможно, дало приказ отступать. Начальник ополчения генерал Столетов «отделился при отступлении несколько влево с двумя орудиями Пономарева для выбора новой позиции, с которой можно было поддержать отступление 1-й и 3-й дружин, но был отрезан неприятелем, и что с ним сталось, неизвестно»[23] – заметил во время боя полковник Ф. М. Депрерадович[24]. Дневниковые записи Федора Михайловича, которые он вел на протяжении всей войны, и личные впечатления легли в основу его «Воспоминаний».

Участник этих событий младший офицер болгарин С. И. Кисов[25] заметил: «Несмотря на близость противника, Столетов и его окружавшие благополучно прибыли к генералу Гурко... [Столетов] ему доложил об исходе боя и об участи Ополчения; при этом докладе генерал Столетов не мог удержаться от слез»[26].

По другой версии, «когда... добрались к отряду ген. Гурко и Столетов к нему явился, то Гурко, как говорят ординарцы, принял его, встретив вопросом: «А где же ваше ополчение, генерал?»[27]

Отряд был отведен к Шипкинскому перевалу, Н. Г. Столетов был назначен начальником Шипкинской позиции. «Генерал отлично сознавал громадное значение защиты Шипкинского перевала для исхода войны и особенно чувствовал опасность, связанную с наступлением армии Сулеймана. Все эти мысли продиктовали генералу Столетову речь, с которой он обратился к дружинам»[28], – писал С. И. Кисов. В своей речи Н. Г. Столетов подчеркнул, что от участи Шипкинской позиции зависит судьба Болгарии.

День 11 августа явился переломным днем в обороне Шипки. Турецкое командование решило атаковать защитников одновременно со всех сторон, зайти к ним в тыл и окружить. «Генерал Столетов, предугадывая намерения турок отрезать нам сообщение

с Габровым и опасаясь, чтобы не был занят тыльный шанец и плацдарм, отправил туда горный дивизион Константинова с двумя полуротами Орловского и Брянского полков»[29], – вспоминал полковник Ф. М. Депрерадович. Так на Узун-Куше была возведена батарея, получившая название Тыльной. Н. Г. Столетов принял на себя непосредственное руководство обороной тыла.

Особенно тяжелое положение сложилось на Волынской высоте и Шипке. Даже такой доблестный командир как полковник А. И. Липинский начал терять надежду удержать позицию. Переписка Н. Г. Столетова и А. И. Липинского сохранилась и была опубликована в 1884 г. Александр Иосифович в своей записке обращается к командиру отряда: «Скажите верно, будет или нет свежая помощь, теперь уже два часа пополудни». Ответ генерала Столетова показывает, какое тяжелое время переживает русско-болгарский отряд: «Свежей помощи нет: возьми полдружины, но знай, что ослабится левый фланг. К Радецкому послал полковника Депрерадовича. Да сохранит Бог нашу позицию. Столетов»[30]. «Столетов еле жив и неутомим, он очень богомолен и часто крестится. Над ним трунили, а теперь все удивляются его энергии и непоколебимому мужеству»[31], – писал в одном из писем о Николае Григорьевиче чрезвычайный посланник в Константинополе граф Н. П. Игнатьев.

«Оборона Шипки перешла в руки двух лиц: полковник Липинский командовал правым флангом и тылом, полковник граф Толстой фронтом и левым флангом. Липинский и гр. Толстой были героями этого дня; они, вместе со Столетовым, отстояли Шипку»[32], – подчеркивал в своих воспоминаниях участник этих событий генерал В. Д. Кренке[33].

Измотанные четырехдневными боями дружины ополчения были отведены к Габрову и Зелено Древу. «25 сентября проехал на Шипку брат нашего генерала, капитан гвардейской артиллерии Дмитрий Григорьевич Столетов, он привез снаряды для мортирной батареи... Невзирая на уговоры старшего брата, опять едет на гору Св. Николая; ему непременно хочется видеть действие нашей мортирной батареи»[34], – отметил Ф. М. Депрерадович. На страницах его воспоминаний Н. Г. Столетов упоминается довольно часто: «Генерал встречает меня дружелюбно; сам он живет по-прежнему в палатке, хотя, на мой взгляд, в этом нет необходимости, так как деревня Баевцы тут же под боком»[35]. «Вечера я обыкновенно провожу у генерала; с ним приятно провести

время, как с человеком, много читавшим и много на своем веку видевшим... В настоящее время его мечта – обходное движение и внезапное нападение на Шейновский укрепленный лагерь». Это же подтверждает и подпоручик С. И. Кисов: «Генерал Столетов... задумал скрытный зимний поход за Балканы и неожиданное нападение на турецкий тыл»[36].

В конце декабря 1877 г. русское командование решило разгромить армию Вессель-паши, которая обороняла выход с Шипкинского перевала. Имитлийский отряд под командованием М. Д. Скобелева выступил 24 декабря. В его авангарде шли ополченцы Н. Г. Столетова. Наступление началось утром 28 декабря. «В шейновском бою Столетов сыграл свою роль добросовестно, неутомимо и незаметно. В огне он был спокоен, хоть и говорил: «Не люблю я этой суматохи». Косился на тех, которые уж очень усердно кланялись турецким пулям... Спокойно выполнял приказания Скобелева и сам отдавал такие»[37], – вспоминал военный корреспондент В. И. Немирович-Данченко.

Другой участник этого решающего боя, известный русский художник В. В. Верещагин, вспоминал, как в конце сражения, когда подошел Столетов, то он «шепнул Скобелеву, чтобы тот помирился с ним, и Михаил Дмитриевич протянул руку: «Ну, помиримся, ну, не сердитесь». Хотя старик и упирался сначала, но в конце концов «превосходительства» обнялись и поцеловались. Дело в том, что во время атаки болгар Столетов, подошедший к Скобелеву с каким-то замечанием, услышал от него вместо ответа: «Подите прочь от меня!» Я совсем поражен был такой необычайной резкостью...»[38].

3 января 1878 г. генерал Н. Г. Столетов в третий раз перешел Балканы. Он командовал 1-й бригадой 3-й пехотной дивизии, в состав которой кроме частей регулярной армии входили и семь дружин Болгарского ополчения. Оценивая роль Н. Г. Столетова в событиях 1877–1878 гг., В. И. Немирович-Данченко подчеркивал, что генерал Н. Г. Столетов – «одна из крупнейших фигур освободительной войны, так много сделавший для Болгарии».

16 февраля 1878 г. Николай Григорьевич был отозван в Россию для выполнения важного дипломатического поручения. Окончание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. обострило англо-русские противоречия. В качестве контрманевра против Англии русское правительство предприняло военную демонстрацию в Средней Азии. Одновременно в Кабул было

решено направить дипломатическую миссию во главе с генералом Н. Г. Столетовым.

В состав миссии входил врач Иван Лаврович Яворский[39], который впоследствии опубликовал свои путевые дневники (два объемных тома). И. Л. Яворский так передает свое первое впечатление от знакомства с руководителем миссии Н. Г. Столетовым: «Я прежде никогда не видел генерала Столетова. Составил о нем понятие по газетным известиям. Я ожидал увидеть бравого, закаленного воина, почти титаническую фигуру. Но я был неожиданно изумлен, увидев перед собою небольшого роста человека слабого телосложения, с мягкими манерами и тихим голосом»[40]. В значительной степени труд И. Л. Яворского – это занимательное описание увиденного в путешествии: природы, местного населения и т. д. Однако специалисты не слишком высоко оценили книгу доктора: «При всей обширности сочинение содержит немного новых научных данных. Это простой рассказ..., приправленный историческими компиляциями и частыми упреками начальнику миссии, который будто бы мешал Яворскому производить научные наблюдения»[41]. Интересно, что сам же Яворский, задумав сделать барометрические исследования, «заметил зловеще маленькие шарики ртути»[42]: из трубки барометра вытекла ртуть. Видимо, получая перед поездкой прибор, «исследователь» его не проверил. Начальник миссии проявлял интерес к молодому 25-летнему доктору: во время ночного дежурства «разделял его одиночество», рассказывал эпизоды из русско-турецкой войны и «казалось, сам снова переживал все минуты страдания армии». В часы отдыха Николай Григорьевич много рассказывал об истории и географии Афганистана. И. Л. Яворский отметил, что «генерал посоветовал мне учиться по-персидски, и я в тот же день, с его слов, записал и заучил несколько десятков слов и фраз»[43].

29 июля 1878 г. миссия въехала в Кабул. Иван Лаврентьевич подробно описывает здания, в которых разместили посольство, и их убранство. На другой день эмир Шир-Али-хан дал аудиенцию главе миссии, которая продолжалась два часа, а затем ему были представлены все члены миссии.

Из рассказа доктора мы узнаем, что на следующий день эмиру должны были преподносить подарки, но те, что были заготовлены для миссии, «были ниже всякой, даже очень снисходительной критики». Тогда начальник миссии «взял свои три лучшие

лошади, подаренные ему эмиром бухарским; велел оседлать их подаренными эмиром же эффектными бухарскими седлами, с парчевыми, поверх них, попонами. Уздечки на лошадях были бирюзовыми с коралловыми букетами на лбах. Таким образом, вышел хотя и не очень ценный, но зато эффектный подарок»[44].

Глава миссии неоднократно встречался с Шир-Али-ханом и в большинстве случаев один на один, результаты переговоров держались в секрете. Однако в труде Яворского содержится утверждение, будто Н. Г. Столетов обещал эмиру прислать 30-тысячное войско[45]. Такие и подобные им неподкрепленные официальными документами утверждения привели к тому, что деятельность миссии впоследствии рядом исследователей оценивалась негативно.

Известно, что главной целью посольства было поддержание в эмире недоверия к действиям англичан и поощрение к дальнейшему сопротивлению попыткам их утвердиться в Афганистане. Но миссия прибыла в Кабул, когда уже был подписан Берлинский трактат, и об этом было сообщено Н. Г. Столетову. Российское правительство придерживалось лавирующей политики, стремясь избежать столкновения с Англией и не испортить отношений с Афганистаном. Такие обстоятельства требовали от руководителя посольства большой гибкости и осторожности, что, видимо, не всегда удавалось осуществить. Известный русский историк и востоковед А. Е. Снесарев писал: «По обычаю, не были предусмотрены последствия нашего сильного шага, но тон по отношению к Афганистану и англичанам впервые был взят настоящий»[46].

Несмотря на ряд негативных замечаний И. Л. Яворского и отдельные критические выпады в печати, правительство положительно оценило деятельность Н. Г. Столетова во главе дипломатической миссии в Кабуле. 23 мая 1879 г. он был награжден орденом св. Владимира 2-й степени с мечами[47].

К сожалению, в рамках настоящей статьи нет возможности осветить другие интересные страницы биографии генерала, отраженные в мемуарах современников.

Деятельность генерала Н. Г. Столетова обширна, многогранна и поучительна. Изучая жизнь этого замечательного человека, мы с интересом исследуем не только документальные источники, но и отзывы о нем современников. Мемуарная литература помогает составить более яркое и объемное представление об этой

личности. Конечно, и в его биографии были темные пятна и противоречия, но бесспорно, что Н. Г. Столетов был выдающимся военачальником, который прошел нелегкий путь от солдата до генерала от инфантерии.

---

[1] Губский Николай Порфирьевич (1877–1948) – сын младшей сестры Столетовых Анны, редактор газет «Владимирец», «Смоленский вестник»; историк, член редколлегии и автор статей по всеобщей истории в Малой и Большой советских энциклопедиях.

[2] Губский Н. П. Из воспоминаний и семейных преданий. Архив Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника (далее: Архив ГВСМЗ). Д. 2225. Л. 3.

[3] Дневники Александра и Анны Столетовых в начале 50-х гг. XX в. были подарены Н. П. Губским архиву МГУ, откуда переданы в ГВСМЗ в 1974 г.

[4] Столетов Александр Григорьевич (1839–1896) – выдающийся русский ученый-физик, профессор Московского университета.

[5] ГВСМЗ. Фондовая коллекция «Книга рукописная». В-24168/1. С. 4.

[6] Соханский Н. И. – директор Владимирской мужской гимназии.

[7] ГВСМЗ. Фондовая коллекция «Книга рукописная». В-24168/1. С. 16–17.

[8] Там же. С. 26.

[9] Там же. С. 40–41.

[10] Там же. С. 83–84.

[11] Андреевский Е. К. Из записок за сорок семь лет // Исторический вестник. 1912. Т. 130. С. 41.

[12] Евгений Константинович Андреевский (1847–1917). Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял ординарцем при главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче. В 1878 г. был назначен флигель-адъютантом его величества.

[13] Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 400. Оп. 21. Д. 894. Л. 64.

[14] Андреевский Е. К. Из записок за сорок семь лет. С. 41–44.

[15] Там же. С. 44.

[16] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 243–049. 1912. Л. 1–17.

[17] Андреевский Е. К. Из записок за сорок семь лет. С. 46.

[18] Там же. С. 58.

[19] Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. В. 1. СПб., 1900. С. 3–12, 27–134.

[20] Иванов Иван Степанович, болгарин по происхождению, кишиневский уездный исправник, председатель Кишиневского болгарского благотворительного общества, председатель комиссии по приему добровольцев в болгарское ополчение.

[21] Иванов С. Болгарское ополчение и его формирование в 1875–1879 гг. Заметки и воспоминания. СПб., 1889. С. 11–12.

[22] Рынкевич Е. Е. Записки о болгарском ополчении // Военный сборник. 1902. № 4. С. 77, 90.

[23] Депрерадович Ф. М. Из воспоминаний о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. СПб., 1881. С. 98.

[24] Депрерадович Федор Михайлович (1838–1884) – полковник, участник сербско-турецкой войны 1876 г., командир 1-й дружины болгарского ополчения, генерал-майор (1878).
[25] Кисов Степан Иванович, болгарин по происхождению, подпоручик 54-го пехотного Минского полка, младший офицер и командир роты 3-й дружины болгарского ополчения.
[26] Кисов С. И. Из боевой и походной жизни 1877–1878 гг. Воспоминания полковника запаса Болгарской армии. София, 1903. С. 195.
[27] Депрерадович Ф. М. Указ. соч. С. 127.
[28] Кисов С. И. Указ. соч. С. 230.
[29] Депрерадович Ф. М. Указ. соч. С. 173.
[30] Августовские бои на Шипке // Военный сборник. 1884. № 10. С. 201–203.
[31] Игнатьев Н. П. Походные письма 1877 года. Письма Е. Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий. М., 1999. С. 206.
[32] Кренке В. Д. Шипка в 1877 году // Исторический вестник. 1883. Т. 11. № 2. С. 370.
[33] Кренке Виктор Данилович (1816–1893) – генерал-лейтенант, военный инженер. В 1877 г. руководил оборонительными работами на Шипке. В 1878 г. – начальник военных сообщений в Болгарии.
[34] Депрерадович Ф. М. Указ. соч. С. 247.
[35] Там же. С. 242.
[36] Кисов С. И. Указ. соч. С. 348, 349.
[37] Вас. Немирович-Данченко. Забытый (Воспоминания о Н. Г. Столетове) // Русское слово. 1912. 8 июля.
[38] Верещагин В. В. На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 года. М., 1902. С. 210.
[39] Яворский И. Л. (1853–1920) – врач, профессор Новороссийского университета (1894), географ.
[40] Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Авганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Т. 1. СПб., 1882. С. 6.
[41] Мушкетов И. В. Туркестан. СПб., 1886. С. 286.
[42] Яворский И. Л. Указ. соч. С. 115.
[43] Яворский И. Л. Указ. соч. С. 78.
[44] Там же. С. 328.
[45] Яворский И. Л. Указ. соч. Т. 2. СПб., 1883. С. 83.
[46] Снесарев А. Е. Авганистан. М., 1921. С. 230.
[47] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184026. П/С 243–049. Л. 5.

Р. А. Тимофеева (Санкт-Петербург)

О ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНЫХ РАЗРАБОТКАХ В. Н. СВЯЦКОГО 1900–1918 гг.: ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Штрихи к портрету

БОЛЕЕ 100 ЛЕТ прошло с создания нескольких чертежей, отражающих развитие отечественной военно-инженерной мысли рубежа веков. Фонды ЦГИА СПб и иных архивов хранят первоначальные виды «Крепостного щита системы полковника Свяцкого», «Осадного щита системы полковника Свяцкого» и др.

Автор изобретения – В. Н. Свяцкий (ил. 1), русский офицер, артиллерист, участник Первой мировой войны и теоретик военного дела. В конце 1890-х – начале 1900-х гг. он принимал активное участие в дискуссии о полевой скорострельной артиллерии, выступая, в частности, на собраниях «Общества ревнителей военных знаний» (1901–1902).

Вопрос о тактике артиллерии автором рассматривался в неразрывной связи с меняющимися условиями ведения боя, когда «в пределах пехоты, как рода войск, тактика не может изыскать средств для улучшения положения дела»[1], и только в скорострельной артиллерии можно найти для этого средства. Необходимым требованием, по мнению автора, становится «прикрытие щитом артиллерии»[2], несмотря на то, что эта идея многим была «несимпатична» в указанное время по ряду причин (увеличение массы, демаскировка и т. д).

Иное направление научной деятельности автора – это разработка образцов защитного вооружения различных типов: крепостных, осадных, полевых щитов, часть из которых нашла применение уже в период Русско-японской войны, часть – в 1914–1918 гг.

Предмет и источниковая база исследования

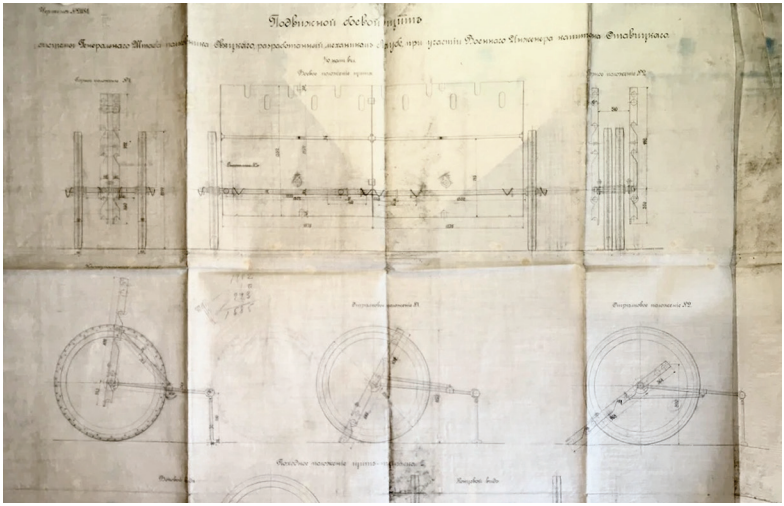
Предмет исследования – отражение в образцах защитного вооружения эволюции представлений о ведении военных действий. Период деятельности Свяцкого – это время сосуществования и, позднее, упразднения разделения на полевую и крепостную пехоту. Общие процессы развития военного дела нашли отражение в изменениях более частного порядка – стрелковых щитов различных типов.

Источниковая база исследования состоит из предметов и графических материалов, находящихся в собраниях государственных музеев и частных коллекциях, включает в себя документы из государственных федеральных, региональных и ведомственных архивов. Среди них – сведения о заказах и отзывы из действующей армии (ФКУ «Российский государственный военно-исторический архив», Москва); акты испытаний (ФКУ «Российский государственный военный архив», Москва); чертежи, технические условия, данные о заказах (ГКУ «Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга», Научный архив ВИМАИВиВС, ФКУ «Информационный историко-научный центр – Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации»). Ряд фотоснимков 1914–1918 гг. были обнаружены в Федеральном архиве Германии (Бундесархив).

Ил. 1. Младший офицер 1-й батареи 1-го дивизиона 6-й артиллерийской бригады, поручик армейской артиллерии Владимир Николаевич Свяцкий

Музейные предметы из собраний:

1. Инженерно-документального фонда ФГБУ «ВИМАИВиВС» (фотоснимки ИДФ 1702 / 24–37);



Ил. 2. Подвижный боевой щит. 1905 г. Чертеж

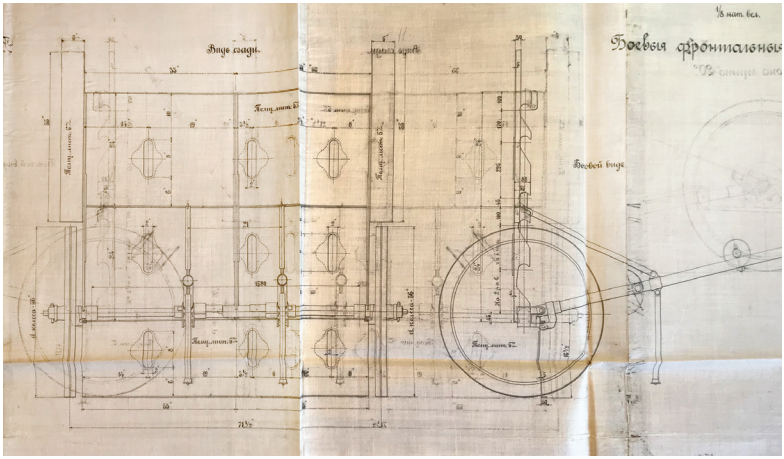
2. Инженерно-технического фонда ФГБУ «ВИМАИВиВС» («Щит полевой системы Святского» (ВИМАИВиВС ИТФ 361), «Щит стрелковый» (ВИМАИВиВС ИТФ 381));

3. Фонда оружия ФГБУК «Государственный исторический музей» («Щит пулеметный» (ГИМ 68257/239088219 ор)).

Типология

1. Наиболее ранние по времени создания предметы – это «броневые колесные щиты». Данные образцы разрабатывались В. Н. Свяцким еще в период Русско-японской войны (ил. 2). Особенность коллективного закрытия такого рода позволяла использовать их в качестве защиты для 12 человек, так как броневые полотнища в верхнем ряду имели соответствующие упоры для ружей и следующий ряд был оснащен шестью бойницами. Щит был передвижной конструкцией, так как монтировался на колесной оси. Двадцать таких щитов общей стоимостью 10 160 руб. были заказаны обществу Путиловских заводов для испытаний и использования этой конструкции в действующей армии[3].

Развитие концепции обусловило ряд модификаций последующего периода. В частности, благодаря программе ГУГШ по



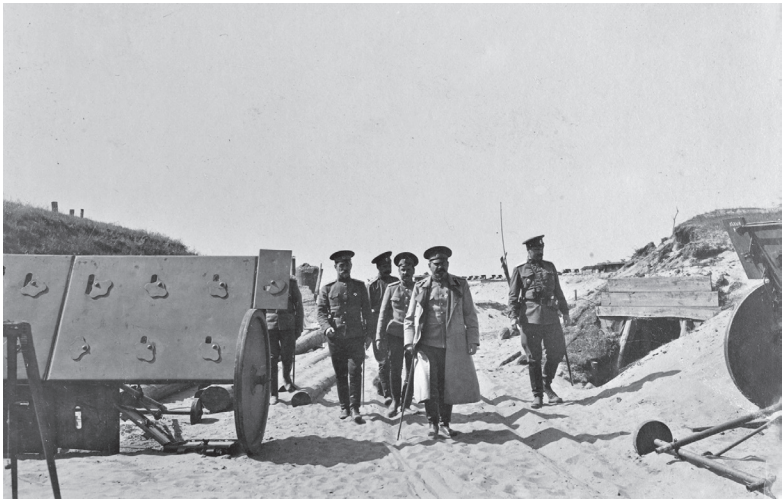
Ил. 3. Осадный щит. Чертеж

усилению крепостей проводились сравнительные исследования известных образцов – полковника Свяцкого и генерал-майора Фабрициуса.

Для проведения испытаний «броневых подвижных щитов» была создана комиссия в рамках Главного крепостного комитета Военного ведомства[4]. Сами мероприятия проводились в Брест-Литовской крепости после 15 августа 1907 г.[5] По результатам было принято решение о заготовке дополнительно 500 щитов системы Свяцкого для некоторых крепостей в 1908 г. и на эти нужды было ассигновано 260 000 руб.[6]

В 1909 г. автором было предложено несколько разновидностей такого рода закрытий, отличающихся – в зависимости от назначения – площадью поверхности щита, системой крепления полотнищ, конструкцией колесных осей. Назначение изделия зависело от сферы применения. Это либо «осадные щиты» (более легкие и мобильные) (ил. 3), либо «крепостные щиты» (ил. 4). Использование крепостных щитов позволяло усиливать позиции на открытых и/или стратегически значимых участках (в районе крепостных ворот как дополнительное закрытие артиллерии и т. д.).

Определенным итогом периода 1905–1909 гг. стало создание особого совещания для рассмотрения вопроса о броневых закрытиях в крепостях (циркуляр ГАУ № 187 от 25 декабря 1909 г.).



Ил. 4. Крепостной щит. Общий вид

2. Индивидуальный щит.

Кроме образцов коллективной защиты, разработки Свяцкого включали также индивидуальные щиты, создание которых отвечало требованиям ГАУ. В соответствии с выводами, содержание которых было отражено в журнале Артиллерийского комитета № 201 от 22 сентября 1909 г. «О результатах испытания переносных щитов для пехоты», предполагалось внести ряд усовершенствований в конструкцию изделий периода Русско-японской войны. В частности, речь шла о подставках или упорах, которые одновременно служили бы рукоятью для переноски щита[7]. Эти и прочие требования были закреплены предписанием ГАУ № 55614 от 23 декабря 1909 г. «О выработке щита для закрытия нижнего чина». В итоге данное изделие должно было отвечать следующим требованиям: размеры примерно 10 на 12 вершков, масса – менее 12 фунтов, наибольшая дистанция защиты – 400–500 шагов[8].

Период 1909–1910 гг. отмечен различными опытами, проводимыми с целью выбора оптимального материала, формы и конструкции закрытия. Для определения лучших характеристик рассматривались различные модели щитов, панцирей, тележек и мантелетов, в том числе изобретения частных лиц.

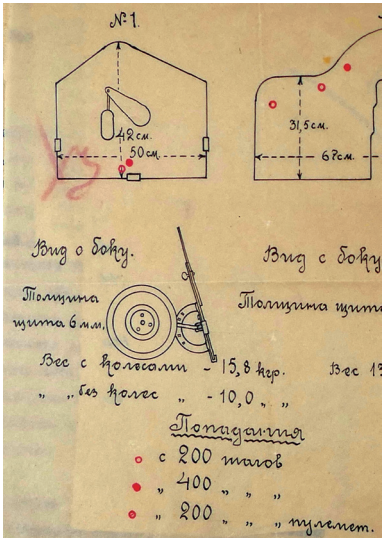
Определенные итоги данных опытов нашли отражение в журнале отдела по оружейной части Артиллерийского

комитета № 247 от 21 августа 1912 г. «О щитах системы полковника Свяцкого». При этом щит, предложенный Свяцким, был признан «наилучшим и наиболее разработанным»[9]. Основное полотнище имело вырез для винтовки, который закрывался бойничной крышкой, имеющей ось для вращения и зажимную рукоятку для закрепления крышки в определенном положении. С задней стороны щита были приклепаны шарнирные стойки-ручки, которые имели выдвижные стержни для установки щита под различными углами наклона к горизонту. Также с задней стороны к щиту были приклепаны ролики для перемещения и угольники, которые позволяли устанавливать сверху такой же второй щит и увеличивать площадь закрытия. Ширина щита составляла 55,88 см, высота 30,48 см, толщина полотна – 5 мм. Общая масса вместе с роликами и стойками составляла 9,6 кг[10].

По результатам испытаний автору было предложено внести ряд изменений – в первую очередь, речь шла об уменьшении массы. Выбор металла также был значим в данном контексте: рассматривались образцы Ижевского и Путиловского заводов. В результате начальником Ружейного полигона Офицерской стрелковой школы в начале 1912 г. был дан заказ Путиловскому заводу на изготовление трех щитов (3, 4 и 5 мм) из специальной ванадиевой стали, признанной лучшей по результатам отстрела (остроконечная пуля, дистанция 50 шагов при вертикальном расположении щита)[11].

В дальнейшем, уже в период Первой мировой войны, мы увидим развитие такой концепции малого передвижного щита: модификация позиционного боевого щита Свяцкого от 16 января 1915 г. – предмет, который выпускался серийно в условиях военного времени (ил. 5).

Полевой стрелковый колесный щит состоял из щитового листа сложной формы с бойницей, бойничной заслонкой и железного болта-заклепки[12]. Полотнище сложной формы толщиной 6 мм имело размеры 510 на 430 мм. Щит был съемным и соединялся с тележкой. Тележка состояла из железной сплошной коленчатой оси, двух деревянных колес со стальными ободами и втулками, рамки из полосового железа с приклепанными к ней четырьмя заклепками двумя скобками с вкладышами и четырьмя секторами с восемью заклепками и двумя ключами, и двух кожаных (колец) прокладок. Тележка была снабжена деревянной ручкой и парусиновой или пеньковой лямкой.



Ил. 5. Полевой стрелковый колесный щит. Эскиз

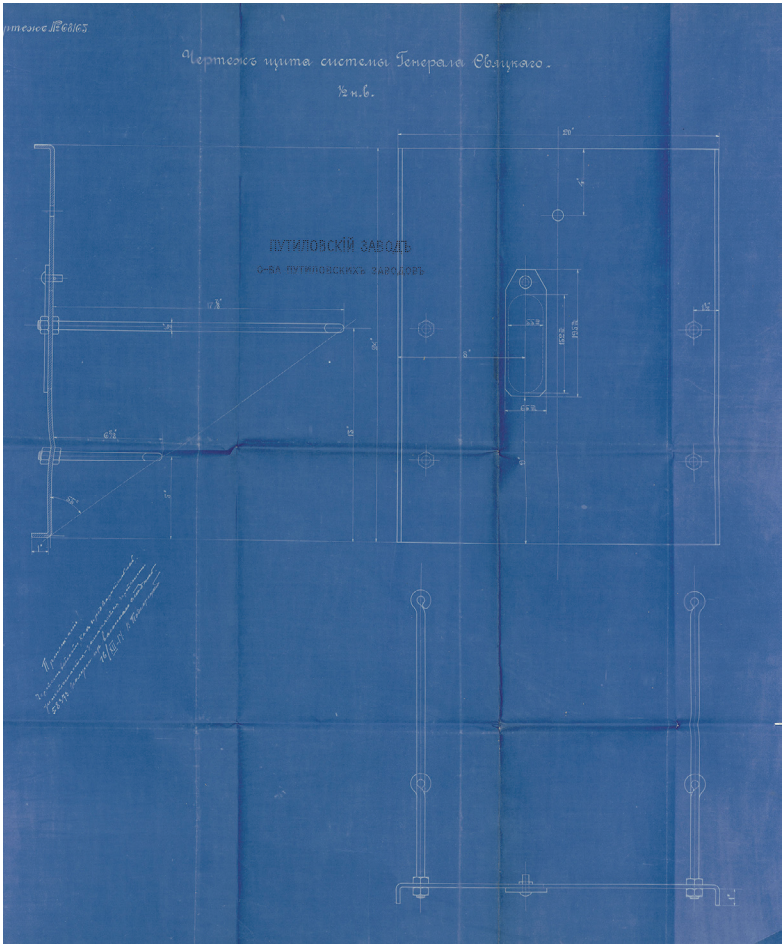
В соответствии с решением журнала Особой комиссии по обороне государства № 94 от 1 сентября 1916 г., полотнища для таких щитов были заказаны Ижорскому заводу (срок – 1 ноября, стоимость 28 руб. за штуку), тележки – Чебоксарской земской управе (первоначальный срок – 1 декабря, стоимость 17 руб. за штуку[13], готовность по факту – 15 ноября[14]).

Общее количество полотнищ для колесных щитов системы Свяцкого, изготовленных на Ижорском заводе Морского ведомства за указанный период, составило 6000 штук[15].

В целом период Первой мировой войны оказался плодотворным на разработки в области защитного вооружения. Свяцким был предложен ряд модификаций щитов и вспомогательных средств (тележек), позволяющих обеспечивать большее удобство применения.

Ил. 6. Позиционный щит. 1914 г. ВИМАИВиВС. ИТФ

Следующий индивидуальный щит, разработанный Свяцким (позиционный щит), был заказан 19 ноября 1914 г. обществу Путиловских заводов в количестве 150 штук (цена одного предмета – 59,50 руб.)[16]. Лист стали (ширина 508 мм, высота 610 мм, толщина 5,5 мм) был снабжен закрывающейся «защиткой» амбразурой, щит имел две ножки, служащие опорой при установке щита, и ручки[17] (ил. 6). Первые 12 предметов из



Ил. 7. Позиционный щит. 1914 г. Чертеж

партии отличались наличием приклепанных закраин, в дальнейшем предполагалось выполнение загнутых кромок самого полотнища (ил. 7).

Однако судьба данного заказа сложилась странно – в телеграмме командующего армией от 28 декабря 1914 г. говорится, что согласия генерал-майору Свяцкому на заказ щитов он «еще не давал»[18], и 29 декабря 1914 г. ГВТУ уведомило Правление общества Путиловских заводов о том, что никаких расчетов по этому

Ил. 8. Наружейный щит. 1915 г.

заказу оно проводить не уполномочено[19].

Очередное изобретение генерал-майора Свяцкого – наружейный щит – появляется в 1915 году (ил. 8). Технические условия были одобрены журналом ТК ГВТУ № 1271 от 17 декабря 1915 г., заказ был размещен на Ижорском заводе. Этот щит состоял из щитовой пластины толщиной 5 мм с прорезью для прицеливания, бойничной крышечки, ствольной накладки, кожаной или парусиновой шлевки. Щит тремя заклепками соединялся с колодкой, которая фиксировала щит на винтовке. Щит обеспечивал защиту от остроконечных пуль винтовки Мосина с 50 шагов при установке щита под углом в 45 градусов[20].

Данный щит был направлен в корпуса 2-й армии (Гренадерский корпус, 5-я и 42-я пехотные дивизии IX корпуса, X армейский корпус, Сводный армейский корпус). В заключении об испытании щита в боевой обстановке были отмечены и положительные аспекты применения, и возникшие трудности. Щит прикрывал голову стрелка, был удобен при наступлении на короткие дистанции. В то же время речь шла о несовершенстве конструкции крепления, сложностях прицеливания при надетом щите, неудобстве переноски. Щит оказался применим более при позиционной войне, чем полевой[21].

Эволюция применения

Кроме разработки образцов защитного вооружения, В. Н. Свяцким были предложены различные варианты его использования. Так, в частности, в 1917 г. рассматривалась «систематическая атака» (рапорт № 79 от 27 марта 1917 г.). Предложение было оценено как неприменимое, в первую очередь в связи с тем, что от иных средств поражения, кроме фронтального ружейного огня, щит на

колесах не защищал[22]. Также подверглась критике идея применения щитов на колесах вторыми линиями атакующих.

Рассуждения Свяцкого вполне соответствовали ряду других концепций данного периода, рассматривавшихся по представлению ГУГШ («щитовая завеса» генерал-лейтенанта Филатова и др.). Однако позиционный характер борьбы, отмеченный как преобладающий в указанный период (журнал ТК ГВТУ № 24с от 9 февраля 1917 г.), определил недостаточную пригодность колесных щитов в предложенном виде. По итогам рассмотрения вопроса было определено остановить даже имеющиеся заказы щитов такого рода[23].

Поскольку к 1917 г. имелось значительное число изготовленных и принятых полевых переносных стрелковых щитов (160 459 штук – в частях и на складах Северного, Западного, Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов[24]), данный период отмечен предложениями различных вспомогательных средств, обеспечивающих большее удобство эксплуатации.

В марте 1917 г. были проведены сравнительные испытания тележек для таких щитов конструкций генерал-майора Свяцкого, Петроградского Механического и литейного завода и инженера Бергера[25]. По итогам испытаний предпочтение было отдано тележкам Свяцкого, весной того же года были начаты переговоры об их производстве в Петрограде и в Чебоксарских земских мастерских. Однако работы по данным заказам так и не были согласованы.

Выводы

Разработки Свяцкого в области защитного вооружения получили сравнительно широкое распространение в середине 1900-х – 1910-х гг. Период создания названных бронещитов – 1905–1915 гг. Их серийное производство было реализовано на частных и казенных заводах Петербурга-Петрограда и Чебоксарской земской управы.

Отметим, что особенности конструкции были определены, в первую очередь, требованиями Технического комитета ГВТУ, кроме этого, изменения вносились автором и/или инженерами-технологами заводов как реакция на отзывы из действующей армии. Так, применение образцов в боевых условиях обусловило модернизацию и совершенствование конструкции (повышение прочности, обеспечение мобильности).

Возможно, многие из этих опытов на данный момент выглядят мало обоснованными или слишком сложными, но, в любом случае, изначальная цель была человечна и высока. Используя высказывание другого изобретателя начала XX в., И. Занько, – это спасение «драгоценной крови моих любимых братьев славян, кои смогли бы вернуться к любящим их семьям»[26].

Интерес к образцам защитного вооружения дореволюционного периода сохраняется в последующее десятилетие. Отчеты декабря 1922 г.[27] и февраля 1923 г.[28]в соответствии с «Проектом программы сравнительных испытаний стрелковых и крепостных щитов различных типов на непробиваемость пулями» подтверждают ценность и значение данного опыта.

---

[1] Свяцкий В. Н. Бой полевой скорострельной артиллерии. СПб.: Экономическая типо-литография, 1902. С. 1.
[2] Свяцкий В. Н. К вопросу о тактике полевой скорострельной артиллерии. СПб.: Экономическая Типо-литография, 1903. С. 15.
[3] Всеподданнейший отчет военного министерства за 1905 год. СПб.: Военная типография, 1907. Разд. паг. С. 27.
[4] Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/4. Д. 445. Л. 14.
[5] Там же. Л. 10, 28.
[6] ВИМАИВиВС. КП 2715. ИДФ НВФ 22/621. Л. 33.
[7] ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4262. Л. 4; ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 602. Л. 115.
[8] ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4262. Л. 2.
[9] Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 686. Л. 75.
[10] Там же. Л. 76.
[11] Там же. Л. 76 об.
[12] Там же. Ф. 6р. Оп. 3. Акт 22. Д. 1. Л. 1–2об.
[13] Там же. Ф. 13. Оп. 87/5. Д. 7. Л. 11–14об.
[14] РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 20. Л. 88–89.
[15] Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 246. Л. 52 об.
[16] РГВИА. Ф. 802. Оп. 2. Д. 533. Л. 48–48 об.
[17] Там же. Л. 72–73.
[18] Там же. Л. 75.
[19] Там же. Л. 76.
[20] ЦГИА СПб. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 6457. Л. 406–408.
[21] РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 32. Л. 114–115.
[22] Там же. Л. 93.
[23] Там же. Л. 117–118.
[24] Там же. Л. 153.
[25] Там же. Л. 127.
[26] Там же. Л. 31
[27] РГВА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 120. Л. 58–60 об.
[28] Там же. Д. 87. Л. 24–32 об.

А. В. Толстых (Москва)

ЯПОНСКИЕ КУЗНЕЦЫ-ОРУЖЕЙНИКИ САКАКУРА-СЭКИ МАСАТОСИ

РОССИЙСКИЕ музейные собрания и частные коллекции насчитывают немалое количество произведений японских кузнечных мастеров, созданных в разные эпохи, что является материальным свидетельством истории взаимоотношений двух государств как в мирный период, так и на этапе военного противостояния. Однако при наличии достаточного объема общих сведений о японском оружии для музейных специалистов и коллекционеров в исследовательской деятельности могут возникать затруднения, связанные с отсутствием систематизированных данных относительно некоторых значимых имен в области японского оружейного искусства не только в российских, но и в иностранных источниках. К таким примерам следует отнести кузнецов Сакакура-Сэки Масатоси (坂倉関正利) из провинции Мино, информация о которых даже в японских источниках немногочисленна и разрозненна.

Провинция Мино на протяжении многих веков выступала в качестве одного из главных оружейных центров Японии, в котором создавались высококачественные клинки. Одним из кузнечных сообществ Мино, ставшим частью единой школы Сэки, были оружейники из местечка Сакакура. Сегодня эту группу кузнецов принято именовать собирательным термином «Сакакура-Сэки» (坂倉関).

«Место под названием Сакакура – это современное Сакакура – поселок Сакахоги уезда Камо префектуры Гифу. Если поставить точку в районе города Сэки, то Сакакура будет располагаться к юго-востоку от него на границе с провинцией Овари»[1].

Топоним «Сакакура» в японских источниках встречается в трех иероглифических вариациях:「坂倉」«Сакакура»,「酒倉」

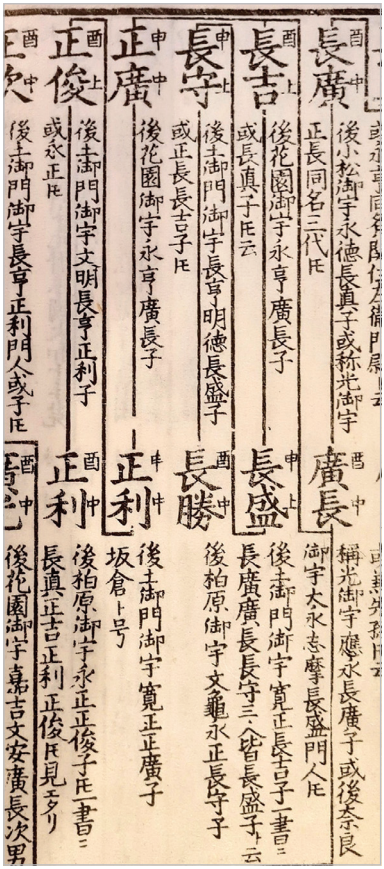
Ил. 1. Территория провинции Мино на карте Японии. Населенные пункты Сэки, Акасака и Сакакура в Мино. Генеалогия кузнецов Масатоси

«Сакакура» и「酒蔵」«Сакакура» – что, вероятно, связано с разным его написанием в отдельные исторические периоды. Известный специалист в области японских мечей доктор

Ил. 2. Япония. Префектура Гифу. Река Кисо у поселка Сакахоги – исторические земли, где жили и работали кузнецы Сакакура-Сэки

Токуно Кадзуо (1933–2002) в крупном исследовательском труде «Большое обозрение мечей из Мино» (Мино-то Тайкан) высказал предположение, что в слове «Сакакура», записанном иероглифами「坂倉」, осуществлено замещение первого символа наименования「酒」, то есть использован иной иероглиф с тем же произношением. Относительно происхождения кузнецов Сакакура доктор Токуно сообщает, что их корни следует искать в кузнечном объединении Сима, представители которого переехали из местечка Кояма в Сакакура, обосновавшись там окончательно.

Успешно осуществлять свою деятельность в рамках концепции местной кузнечной гильдии по массовому производству и активному сбыту клинкового оружия как в Мино, так и за пределами провинции, представителям Сакакура-Сэки позволила близость к крупной водной магистрали – полноводной реке Кисо и важной сухопутной артерии страны – «Восточному горному тракту» (Тосандо).



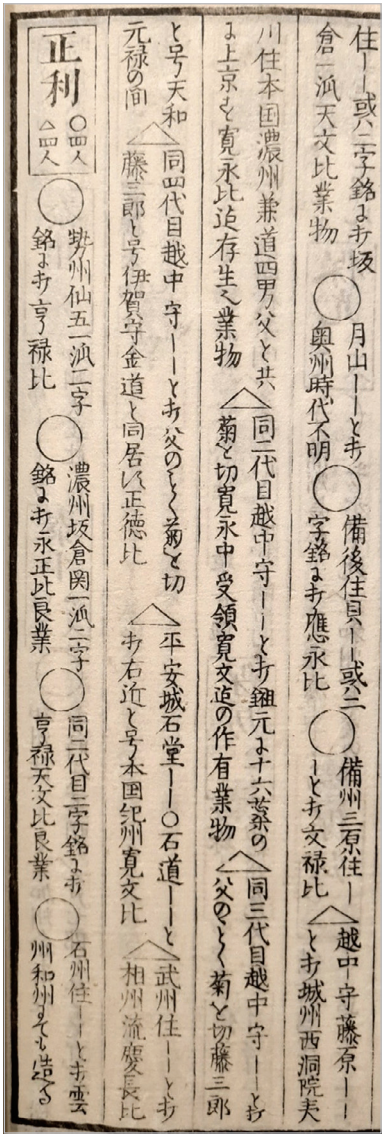
Ил. 3. Генеалогия кузнецов Масатоси, представленная в «Исследовании кузнецов нашей страны» (Хонтё Кадзи Ко)

Что касается основоположника Сакакура-Сэки, то согласно генеалогии кузнецов провинции Мино, представленной в 1796 году, 8-й год эры Кансэй, в многотомном сочинении Камата Натаэ (1727–1797) под названием «Исследование кузнецов нашей страны» (Хонтё Кадзи Ко), первым мастером этой группы назван Масатоси (正利), который был сыном Масахиро и потомком Хиронага из Сима.

В «Собрании подписей на старых мечах» (Кото-Мэй Сюроку)[2], изданном в 1828 году, 11-й год эры Бунсэй, говорится о двух поколениях Сакакура-Сэки Масатоси. Мастер первого поколения работал в годы Эйсё (1504–1521), второго – в период Кёроку – Тэмбун (1528–1555). Аналогичные даты творческой активности Масатоси указаны в другом известном письменном труде первой половины XIX века – «Заметки о кузнецах старого и нового времени» (Кокон Кадзи Бико)[3]. В данном источнике отмечается, что Масатоси из Сакакура-Сэки работал в годы Эйсё и его клинки славились хорошими режущими характеристиками (ёки-вадзамоно). Преемник Масатоси во втором поколении подписывался двумя иероглифами (нидзи-мэй) в годы Кёроку – Тэмбун и изготавливал не менее острые мечи, чем его предшественник[4].

Во второй части «Скорректированного беглого указателя подписей кузнецов старого и нового времени» (Косэй Кокон

Кадзи-Мэй Хаямидаси), опубликованного в 1849 году, 2-й год эры Каэй, появилось уточнение относительно времени работы второго поколения Масатоси – годы Тэмбун (1532–1555)[5]. Наконец, обратившись к всеобъемлющему письменному труду о датировках, которым по праву считается «Обозрение подписей на японских мечах» (Нихонто Мэйкан)[6], можно обнаружить информацию, полностью согласующуюся с данными из вышеуказанных источников. Сакакура-Сэки Масатоси первого поколения – приблизительно годы Эйсё, Масатоси второго поколения – приблизительно годы Тэмбун. Помимо этого, здесь представлены сведения еще об одном мастере Масатоси, который имеет отношение к Сакакура-Сэки, но проживал не в Сакакура, а в Акасака и ковал в годы Эйроку (1558–1570). Если у двух поколений Масатоси известны лишь подписи «Масатоси»「正利」, то этот кузнец помимо двух иероглифов имени Масатоси подписывался также как «Масатоси, проживающий в Акасака в Носю»「濃州赤坂住正利」[7].



Ил. 4. Упоминание кузнецов Масатоси в «Заметках о кузнецах старого и нового времени» (Кокон Кадзи Бико)

Несмотря на географическую удаленность Сакакура от Акасака, нельзя не учитывать

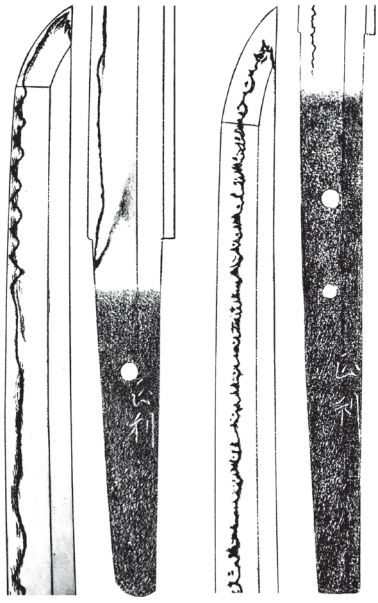
тот факт, что связь между кузнечными объединениями этих двух населенных пунктов существовала. При этом являлся ли Масатоси из Акасака мастером, наследующим Масатоси второго поколения, остается неясным. Ретроспективный взгляд на линию оружейников Сакакура-Сэки позволяет обнаружить другие примеры, когда представители одной династии подписывались одним именем. Помимо Масатоси в Сакакура занимались ковкой кузнецы Масаёси (正吉), один из которых, творивший в годы Буммэй (1469–1487), был в родстве с Масатоси. Имя Масаёси в генеалогии Сакакура-Сэки встречается с сороковых годов XV века вплоть до второй половины XVI столетия[8].

Один из сыновей Масатоси первого ковал в годы Тэмбун в Сакакура под именем Масатоси (正俊), записываемым с одним измененным иероглифом[9]. В «Обозрении подписей кузнецов из Мино» (Мино Токо Мэйкан) сказано, что этот человек является тем же лицом, что и Масатоси второго поколения[10]. В «Исследовании о кузнецах Мино периода Муромати» (Муромати-ки Мино Токо-но Кэнкю) на этот счет говорится следующее: «Что касается другого Масатоси [с записью имени как「正俊」], то в «Обозрении подписей» [Мэйкан] он упоминается лишь однажды, а шанса увидеть его произведение, к сожалению, пока не представилось»[11]. Этот же вопрос затрагивается в «Большом кузнечном обозрении» (Токо Тайкан): «Говорят, что Масатоси второго поколения и Масатоси [с записью имени как「正俊」] – это один и тот же человек, но подписи у этих мастеров выполнены в разных стилях, поэтому, скорее, всего это разные люди»[12]. Также в первой половине XVI века в Сакакура ковал мечи Масаёси с написанием имени「正喜」, родословная которого неясна[13].

В изучении творчества оружейников периода «Старых мечей», включающего время до 1596 года, исследователю при отсутствии материальных доказательств в виде реально существующих опубликованных кузнечных работ так или иначе приходится сталкиваться с противоречивыми и непроверенными сведениями, изложенными в старых сборниках о клинках, либо с полным отсутствием необходимой информации. Кузнецы Сакакура не являются исключением.

Ранние произведения представителей Сакакура-Сэки встретить сложно, а генеалогические связи внутри кузнечной школы, представленные в письменных источниках, весьма запутанны

и часто нелогичны вследствие больших временных разрывов между годами работы разных мастеров. В «Исследовании о кузнецах Мино периода Муромати» отмечено, что почти все кузнечные работы, дошедшие до нашего времени и изготовленные в рамках школы Сакакура-Сэки, являются изделиями авторства Масатоси (正利)[14]. По мнению доктора Токуно, отдавшего много лет изучению оружейного искусства провинции Мино, основная часть мечей, которые приходится видеть экспертам, относится к авторству Масатоси (正利), который работал в Сакакура в период от эры Тэмбун до годов Эйроку[15]. Но также следует учитывать, что наряду с ними могут все-таки встретиться клинки того же времени, подписанные на хвостовиках как「正俊」«Масатоси»[16]. Стоит отметить, что с тех лет, когда Токуно Кадзуо писал о мечах Сакакура, мало что изменилось. Только больше стало встречаться клинков, представляющих собой неподписанные работы[17] с экспертной оценкой в японских документах[18] «Сакакура-Сэки» либо «Сакакура-Сэки Масатоси».



Ил. 5. Катана и вакидзаси с подписью Масатоси, представленные в «Собрании оттисков мечей из Мино» (Мино-то Осигата Сю)

Стиль работы Сакакура-Сэки Масатоси в целом соответствует отличительным чертам кузнечных произведений «Позднего Сэки»[19]. Кроме Масатоси, общие для Мино стилевые тенденции прослеживаются в работах всех членов Сакакура-Сэки, но иногда встречаются прямая (сугу-ха) и гвоздичная закалка (тёдзи-ха) или «выбросы закалки» (тобияки). Оружие, изготавливаемое Сакакура-Сэки Масатоси, отличалось большим разнообразием. Это были как длинные и короткие мечи (катана, вакидзаси, танто), так и клинки древковых орудий (нагината,

Ил. 6. Катана без подписи с экспертной оценкой NBTHK № 360372 от 2001 г. «Сакакура-Сэки Масатоси». Из частной коллекции. Москва

яри). Подписи на них, как говорилось выше, выполнены, как правило, в виде двух иероглифов имени. Хотя в «Исследовании о кузнецах Мино периода Муромати» есть единичное упоминание редкой подписи из трех иероглифов (сандзи-мэй): «Изготовил Масатоси» 「正利作」[20]. Датировок (нэнки-мэй) на мечах Масатоси нет.

Интересно отметить, что на клинках Масатоси встречается закалка в стиле «трех кедров» (самбонсуги), которую ассоциируют с другой известной кузнечной династией из Мино – Канэмото. Помимо этого, закалка и характер кованой поверхности мечей (дзиганэ) Масатоси позволяет говорить о возможной связи Сакакура-Сэки Масатоси и кузнечной школы Сэнго Мурамаса из земель Исэ. Более того, один из представителей направления Мурамаса также именовался Масатоси и являлся современником Сакакура-Сэки Масатоси – работал в провинции Исэ в годы Тэмбун. Поразительное сходство в подписях этих двух Масатоси породило версию о творческом взаимообмене кузнецов, о котором, в частности, писали Судзуки Такуо, Сугиура Ёсиюки и Токуно Кадзуо. В книге «Кузнецы префектуры Миэ» (Миэ Кэнно Токо) есть заметка о сходстве двух оружейников: «В Мино в Хатия на северном берегу реки Кисо в кузнечной школе Сакакура был мастер по имени Масатоси [正利], иероглиф имени которого [正] был похож на иероглиф [正] мастеров Мурамаса из Исэ. Поэтому его (Масатоси из Сакакура) часто путают с Масатоси из школы Мурамаса»[21].

Внутриполитические и экономические изменения в жизни страны в конце периода Муромати (вторая половина XVI в.) способствовали сокращению профессиональных кузнечных объединений в провинции Мино. Оружейники «Позднего Сэки» переезжали из родных краев в другие регионы Японии, находя покровительство у знатных самурайских домов. Подобная миграция привела в итоге к появлению в разных уголках страны многочисленных кузнечных школ, имевших своими истоками оружейное дело Мино. Последним из кузнецов Сакакура-Сэки, именовавшимся Масатоси, был мастер, работавший в Сэки в годы Канъэй (1624–1644)[22].

---

[1] Судзуки Такуо, Сугиура Ёсиюки. Муромати-ки Мино Токо-но Кэнкю [室町期美濃刀工の研究]. Исследование о кузнецах Мино периода Муромати. Токио: Рибун Сюппан, 2006. С. 153. Здесь и далее перевод с японского языка Толстых А.В.

[2] Танака Киёфуса. Кото-Мэй Сюроку [古刀銘集録]. Собрание подписей на старых мечах. Киото: Даймондзия Сэндзо, 1828.

[3] Ямада Асауэмон. Кокон Кадзи Бико [古今鍛冶備考]. Заметки о кузнецах старого и нового времени. Эдо: Маэгава Рокудзаэмон, 1830.

[4] Там же. Том 3. С. 47.

[5] Одзэки Дзэмбэй Нагатоми. Косэй Кокон Кадзи-Мэй Хаямидаси [校正古今鍛冶銘早見出]. Скорректированный беглый указатель подписей кузнецов старого и нового времени. Эдо: Сухарая Мохэй, 1849. Т. 2. С. 6.

[6] Хомма Кундзан, Исии Масакуни. Нихонто Мэйкан [日本刀銘鑑]. Обозрение подписей на японских мечах. Токио: Юдзанкаку, 1975.

[7] Там же. С. 869.

[8] Там же. С. 899.

[9] Там же. С. 870.

[10] Сугиура Ёсиюки. Мино Токо Мэйкан [美濃刀工銘鑑]. Обозрение подписей кузнецов из Мино. Токио: Рибун Сюппан, 2008. С. 302.

[11] Судзуки Такуо, Сугиура Ёсиюки. Муромати-ки Мино Токо-но Кэнкю [室町期美濃刀工の研究]. Исследование о кузнецах Мино периода Муромати. С. 153.

[12] Токуно Кадзуо. Токо Тайкан [刀工大鑑]. Большое кузнечное обозрение. Токио: Когэй Сюппан, 1977. С. 566.

[13] Хомма Кундзан, Исии Масакуни. Нихонто Мэйкан [日本刀銘鑑]. Обозрение подписей на японских мечах. С. 902.

[14] Судзуки Такуо, Сугиура Ёсиюки. Муромати-ки Мино Токо-но Кэнкю [室町期美濃刀工の研究]. Исследование о кузнецах Мино периода Муромати. С. 153.

[15] Токуно Кадзуо. Мино-то Тайкан [美濃刀大鑑]. Большое обозрение мечей из Мино. Токио: Токэн Кэнкю Рэнго Кай, Оцука Когэйся, 1975. С. 32.

[16] Там же. С. 32.

[17] Кузнечные работы, не имеющие на хвостовиках имени мастера и называемые «му-мэй» (без подписи), могли быть изначально не подписаны кузнецом-ору-

жейником либо утратили авторскую подпись после процедуры укорочения меча (о-суриагэ).

[18] Речь идет о сертификатах экспертной оценки (нинтэйсё, кантэйсё), выданных японскими специалистами после изучения представленных на экспертизу кузнечных произведений. Выдаются указанные сертификаты как частными экспертами, так и крупными организациями (NBTHK, NTHK). Неподписанные работы в таких документах по совокупности отличительных характеристик относят к авторству конкретных мастеров либо к определенным кузнечным школам.

[19] Японские мечи, созданные кузнецами Сэки в период между эрой Буммэй (1469–1487) и эрой Бунроку (1592–1596) принято именовать кузнечными работами «Позднего Сэки» (Суэ-Сэки). Изготавливавшиеся в большом количестве клинки этого неспокойного времени в первую очередь отвечали критериям практичности и высоко ценились в среде военных как надежное боевое оружие.

[20] Судзуки Такуо, Сугиура Ёсиюки. Муромати-ки Мино Токо-но Кэнкю [室町期美濃刀工の研究]. Исследование о кузнецах Мино периода Муромати. С. 156.

[21] Ягасэ Сэйити. Миэ Кэн-но Токо [三重県の刀工]. Кузнецы префектуры Миэ. Цу: Миэ Кэн Кёдо Сирё Канко Кай, 1976. С. 58.

[22] Хомма Кундзан, Исии Масакуни. Нихонто Мэйкан [日本刀銘鑑]. Обозрение подписей на японских мечах. Токио: Юдзанкаку, 1975. С. 869.

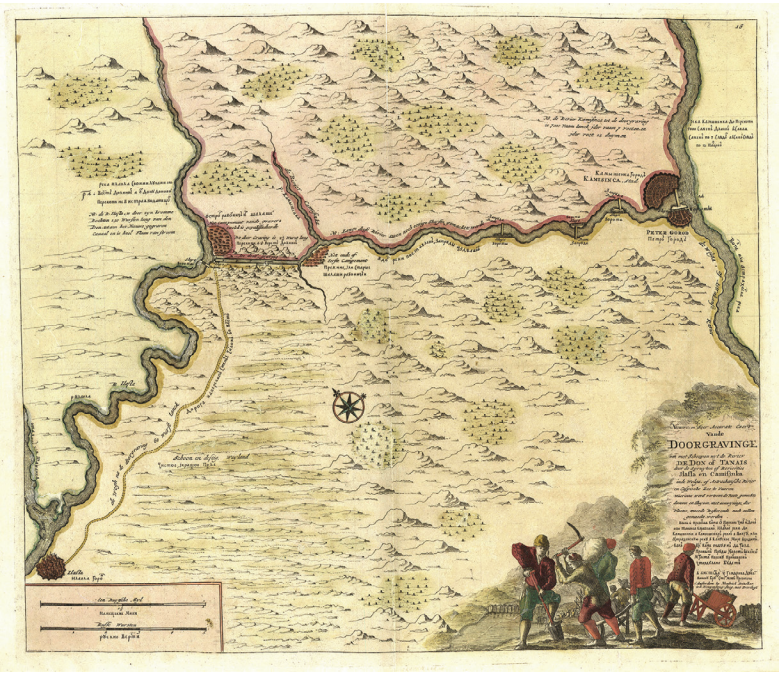
И. О. Тюменцев (Волгоград)

СТРОИТЕЛЬСТВО ВОЛГО-ДОНСКОГО КАНАЛА ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ И СОЗДАНИЕ ЦАРИЦЫНСКОЙ ЛИНИИ*

ЭПОХА ПЕТРА ВЕЛИКОГО превратила Нижнее Поволжье из некогда богом забытого захолустья в площадку для реализации нескольких масштабных проектов. Взятие Азова в 1696 г. и выход России в Азовское море привели к тому, что крымский хан и его кубанские вассалы оказались заперты в своих улусах, что сняло угрозу турецких и крымских нападений на юго-восточные уезды России. Передвижение по Переволоке – местности, где большая излучина Дона близко подходит к Волге, стало более безопасным. Насущной задачей для Петра I явилось строительство Волго-Донского судоходного канала, который имел важное военно-стратегическое значение и создавал основы для дальнейшего продвижения России в Причерноморье, на Кавказ и в Прикаспийские земли.

4 ноября 1696 г. на заседании Боярской думы в Москве было принято решение соединить Волгу с Доном каналом. Общее руководство проектом осуществлял в прошлом «воспитатель царя» глава Казанского приказа князь Борис Алексеевич Голицын, который был отправлен на Переволоку в июле 1697 г. «для осмотрения низовых городов и строения новыя черты (выделено авт.) и шлюзнаго дела на реке Камышенке», а также для переговоров с ханом Аюкой[1]. Как видно из приведенной цитаты, прокладка канала должна была сопровождаться созданием защищавшей ее сторожевой линии – черты. Описание деятельности Бориса

*Статья написана при поддержке гранта РНФ 2022–2023 гг., проект № 22-28-20016 «Канал Камышинка – Иловля (Волга – Дон) как памятник науки и техники и объект культурного наследия Петровской эпохи».



Ил. 1. Карта Корнелиуса Крюйса, 1703 г.

Алексеевича содержится в воспоминаниях И. А. Желябужского: «Ходил водою и был в Понизовых городех. И на Царицыне хотели перекопывать реку, а посошных людей всех городов было 35 000. И ничево они не сделали – все простояли напрасно»[2]. В данном случае это поздняя оценка мемуаристом общего итога деятельности Б. А. Голицына по строительству Волго-Донского канала.

Ольга Геннадиевна Литвинова в своем диссертационном исследовании утверждает, что проект Волго-Донского канала будто бы был разработан норвежцем контр-адмиралом русской службы Корнелиусом Крюйсом[3]. Но это явная ошибка. Адмирал был нанят Петром Великим на службу лишь в 1698 г.[4], поэтому не мог быть разработчиком проекта[5]. Видимо, исследовательницу ввела в заблуждение карта канала и его окрестностей, составленная К. Крюйсом[6] (ил. 1).

В 1695 г. Петр Первый нанял шведского инженера полковника Иогана (Ягана) Брекелля[7] для реконструкции укреплений

только что завоеванного Азова, а затем поручил ему строительство Волго-Донского канала на Переволоке на реках Камышинка и Иловля. На строительство было направлено около 20 тыс. работных людей из центральной России. На Волге, в устье реки Камышинки, на правом берегу на месте крепости Камышинка была заложена крепость – Петер-город, аналог будущей Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Левый берег Камышинки, как видно на карте К. Крюйса, занял опоясанный крепостной стеной город Дмитриевск – прообраз будущего Санкт-Петербурга[8]. «Город был тогда обрыт валом и кругом был обнесен палисадами и по местам сделаны были земляные больверки, на которые поставили пушки, привезенные из Казани, и на всех четырех сторонах города были устроены четверо ворот. И после сего в скором времени в том городе заложена церковь во имя Казанской Божьей Матери, которую и склали по нижния окошки, и так оная церковь осталась недостроенной»[9]. Город явно закладывался как южные ворота России в Каспийское и Азовское моря. На Дону, недалеко от устья реки Иловли, в районе Паншина городка царь Петр и его советники хотели заложить еще один город-порт с верфями, на которых предстояло построить корабли российского Черноморского флота. На время строительства канала здесь разместили работных людей. Верфи находились на острове, где позднее возникла станица Трехостровская[10].

К сожалению, архив казанских воевод и губернаторов погиб в начале XIX в., поэтому о строительстве канала исследователи судили главным образом по мемуарам «главного инженера» строительства англичанина Джона Перри[11]. Наши разыскания показали, что делопроизводственная документация частично сохранилась в архивах Ядринской и Инсарской уездных приказных изб. Выявленные материалы позволяют установить, что для строительства канала на Камышинку и Иловлю были отправлены для охраны строительства местные помещики и служилые люди по прибору, а затем строители – мастера плотники, столяры, кузнецы, жестянщики, землекопы и др. Здесь же можно обнаружить сведения о затребованных материалах, их количестве и качестве, возникающих проблемах и найденных решениях[12].

К марту 1698 г. 4 км Волго-Донского канала были вырыты и построен шлюз на реке Иловле. Но как только ворота шлюза были заперты и он был наполнен, вода размыла основание

камеры и вышла из закрытого шлюза. Ныне это северный вал – «Селимов вал», как он оформлен в госреестре. Иоган (Яган) Брекелль, по отзывам современников, был хорошим специалистом по созданию оборонительных укреплений (фортификатором), но не обладал достаточными знаниями для строительства канала. Зная крутой нрав царя Петра и боясь ответственности за допущенные просчеты, он тайно бежал из России по паспорту своего слуги[13]. Анализ документов Ядринской и Инсарской приказных изб свидетельствует, что местные власти приняли меры для отправки материалов и мастеров в 1697–1698 гг.[14]

Будучи в «Великом посольстве», Петр I нанял в 1698 г. опытного инженера-строителя корабельных верфей, каналов и кораблей англичанина Джона Перри[15]. Англичанин, судя по его рассказу и действиям, считал выполнение проекта делом чести и, прибыв в Дмитриевск, всерьез взялся за дело. Обнаружив грубые просчеты в проведенных И. Бреккелем работах, он перенес трассу канала в другое место – южнее трассы канала Брекелля. Ныне это южная ветка канала, названная в государственном реестре «Петров вал»[16]. В 1698 г. по Хопру, Бузулуку и Медведице отправились тамбовские чиновники, которые переписали расположенный здесь строевой лес для верфей в Паншино и, возможно, строительства канала. Попутно они переписали местные казачьи городки, предоставив властям, а потом и историкам, уникальные сведения об их местоположении и состоянии[17]. К большому недовольству верховых казаков, начались лесоразработки на земле, которую казаки считали своей, добытой кровью.

Дж. Перри отметил в своих записках, что строительство защищало от набегов «кубанских татар» (ногайцев и крымцев) войско из 2 тыс. конных, 4 тыс. пехоты и 12 полевых орудий, которое окружило стройку пикетами. Принятые меры не были простой предосторожностью. Англичанин стал свидетелем лихого набега 3-4 тыс. кубанцев, которые угнали у русских 1,4 тыс. лошадей[18]. Как видно, князь Б. А. Голицын явно не выполнил указ царя о строительстве «валовой черты» и ограничился обычными для больших русских строек мерой – использованием войскового прикрытия.

На грандиозные петровские строительные объекты согнали несколько десятков тысяч государственных крестьян из России. Задействовали солдат регулярной армии и донских казаков. В результате принятых мер теперь численность строителей на канале

должна была достигнуть 35 тыс. человек[19]. Но непосильный труд и постоянная военная опасность привели к массовому бегству работных людей и солдат в казачьи городки, где они обретали волю[20]. Власть в лице «губернатора» Б. А. Голицына, по словам Дж. Перри, никак не могла с этим справиться. Инженер ежегодно требовал отправки на строительство канала сотни тысяч рабочих рук, а получал десятки, которые тут же разбегались. Тем не менее, он упорно продолжал начатое дело и, по его словам, построил большую часть канала, что подтверждается археологической разведкой, которая обнаружила, что канал был вырыт наполовину и были установлены некоторые шлюзы. Общая длина этого канала была 3,73 км, ширина 47 м[21].

Вернувшись из «Великого посольства» и расправившись со стрельцами, Петр Великий в 1699 г. отправился рекой Доном из Воронежа в Азов досматривать только что построенный Черноморский флот и отправить посольство в Турцию с предложением мира. Примечательно, что, остановившись накоротке в Паншино, он канал не осматривал[22]. По всей видимости, царь спешил реализовать созданный во время «Великого посольства» военный союз и начать войну со Швецией.

В 1701 г., вскоре после начала Северной войны, Дж. Перри отозвали в Москву и поручили строительство Ивановского канала (1702–1707) между реками Ока и Дон через реки Шат, Упу и Ива-новское озеро. В 1707 г. по каналу прошли первые корабли[23].

В литературе неоднократно высказывалась мысль, что, несмотря на весь оптимизм Дж. Перри, невозможно было построить канал между Волгой и Доном через Иловлю и Камышинку. По мнению О. Г. Литвиновой, англичанин исходил из личного опыта в условиях «плохо изученной гидрологии», «на основе поверхностного визуального осмотра водных объектов, входящих в систему, не проводя при этом сезонных наблюдений»[24]. С этим трудно согласиться. Дж. Перри прямо говорит, что внимательно изучил работу предшественника в продолжительное время и затем перенес трассу канала на новое место[25]. Далее, гидрология того времени сильно отличалась от нынешнего, так как тогда в России, в частности, в Поволжье и Подонье, росли массивы леса, впоследствии вырубленные.

В литературе утвердилось мнение, что проект строительства канала был приостановлен, а затем совсем закрыт из-за Северной войны. В действительности после отъезда Джона Перри какие-то

работы между реками Иловлей и Камышинкой велись. Летом 1708 г. именно работные люди с Волго-Донского канала помогли атаману И. Ф. Некрасову забросать крепостной ров землей и овладеть Царицыном[26]. Наконец, в 1718 г. поручик Матвей Яковлев сын Болкошин сообщил в своей сказке, что был под Царицыным в канальной работе[27]. Все эти данные подтверждают, что Петр Великий не оставлял мысли достроить канал, поэтому для его поддержания находились работные люди и их руководители. Примечательно, что несколько десятилетий XVIII в. в Европе бытовала уверенность, что канал построен[28].

Сделанное наблюдение позволяет по-новому взглянуть на причины создания Царицынской линии в 1718–1720 гг. После ухода России из Приазовья из-за Прутской катастрофы 1711 г. кубанские и крымские татары возобновили набеги на пограничные южные уезды через Переволоку, которые достигли апогея в 1717 г. Считается, что Царицынская линия должна была положить конец этим набегам. Но не только. Жизнь показала, что бояре, принимая решение о строительстве канала и его защиты «валовой чертой» оказались правы. Б. А. Голицын, не исполнив приговор в части создания линии, поставил строительство канала под удар. Волей-неволей пришлось реализовывать вторую часть боярского приговора[29].

Указ о строительстве Царицынской линии Петра Великого последовал 15 ноября 1717 г. Он предусматривал создание буферной зоны с помощью фортификационного сооружения – укрепленной линии[30]. Вновь создаваемую оборонительную линию планировалось протянуть в самом узком месте Волго-Донского междуречья. Т. И. Лавринова в своем исследовании считала, что власти рассматривали два проекта, в действительности их было три:

Первый проект предполагал строительство «валовой черты» в непосредственной близости от трассы строящегося Волго-Донского канала параллельно правому берегу реки Камышинки от города Дмитриевска на Волге (сейчас город Камышин Волгоградской области) до реки Иловли в район нынешнего города Петров Вал. Затем он шел левым берегом реки вниз по течению реки Иловля до станицы Иловлинской на Дону. Этот план свидетельствует, что одной из причин строительства Царицынской линии была не столько защита внутренних областей России от набегов, сколько стремление защитить

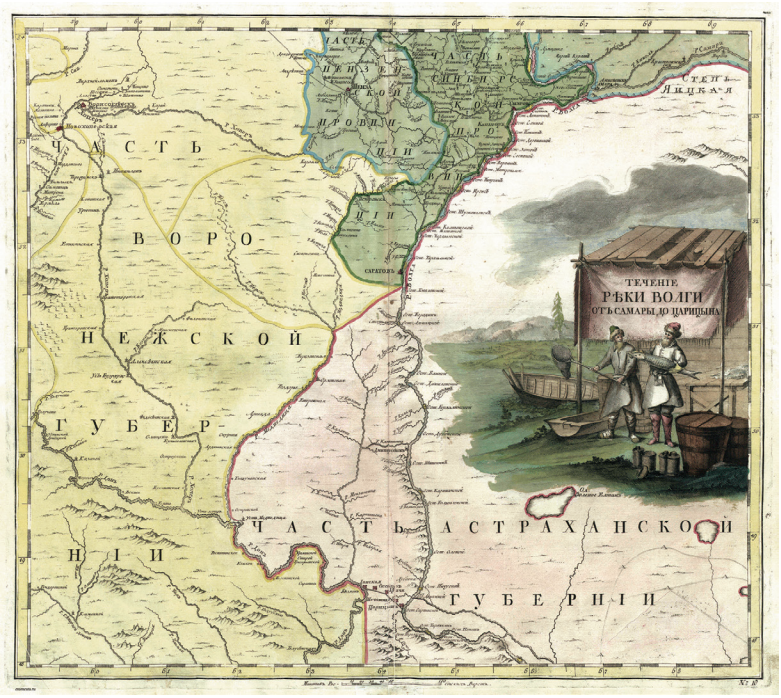
замороженную стройку Волго-Донского судоходного канала. В этом случае центром линии должен был стать Дмитриевск, который Петр предполагал сделать главным перекрестком водных путей на юге страны[31].

Второй проект предусматривал возведение Царицынской линии от крепости на Волге до Паншина городка на Дону. В этом случае линия была намного короче (от Дмитриевска до Иловли расстояние составляло более 100 км, а от Царицына до Паншина примерно 60 км) и, казалось, была экономически более рентабельной («где работы будет меньше») с более короткими сроками строительства. Причем она не только защищала южные уезды России и трассу Волго-Донского канала, но и надежно прикрывала Московский тракт на участке от Царицына до Дона. Все это явилось решающими аргументами при выборе именно этого проекта для строительства оборонительной линии[32].

В ходе проектирования рассматривался еще один, третий, вариант прокладки линии – от Царицына до казачьего городка Голубой (сейчас станица Голубинская Волгоградской области). Но и от него отказались, так как расстояние до нее составляло около 70 км. К тому же, один из вдохновителей набегов орды бунтовщик Игнат Федорович Некрасов был уроженцем станицы Голубинской и легко мог провести кочевников поймой Дона в обход линии[33].

Петр Великий прекрасно знал трассу от Царицынской крепости через степь до донской переволоки у Паншина со времен 1-го Азовского похода 1695 г. На картах конца XVII в. оно обозначалось в 50 верст[34]. В спешке никаких инженерно-изыскательских работ не проводилось. Не исключено, что просто извлекли из архива Казанского приказа готовый проект «валовой линии» И. И. Бакунина, и это явилось еще одним решающим аргументом в пользу именно такого варианта строительства линии[35]. И. И. Бакунин выбыл со службы около 1707 г. и к 1717 г. умер. О том, что он автор проекта «валовой черты», по всей видимости, никто не вспомнил, поэтому имя инженера, спроектировавшего Царицынскую линию, остается неизвестным.

Исследователи совершенно справедливо указывают, что Царицынская линия надежно закрыла Переволоку от набегов кочевников в глубь России, но не только это. Проведенное исследование показало, что Царицынская линия возводилась также для защиты строящейся и временно замороженной трассы



Ил. 2. Река Волга от Самары до Царицына, 1745 г.

Волго-Донского канала и проложенного вдоль нее царицынско-паншинского участка Астраханско-Московского тракта. Под защитой линии драгунские полки Низового корпуса квартировали в зимнее время в близлежащих станицах Войска Донского. Именно поэтому во время Каспийских походов Петра Великого и последующих войн России и Турции Царицынская линия и ее окрестности являлись главной тыловой базой русских войск (ил. 2).

[1] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Т. 3. СПб., 1830. № 1591.

[2] Желябужский И. А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I: записки русских людей. М., 1990. С. 259.

[3] Литвинова О. Г. Инженерно-технологические аспекты строительства водных коммуникаций России в XVIII–XIX вв. (на примере ОбьЕнисейской соединительной водной системы): Дисс. ... канд. истор. наук. Томск, 2015. С. 43.

[4] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию.1698 г. № 51, 83; 1703 г. № 37; 1704 г. № 21; 1718 г. № 8.
[5] Крюйс К. Атлас реки Дон. См.: http://papacoma.narod.ru/maps/maps-images2/kruis_atlas_full.pdf (дата обращения 14.04.2022).
[6] Прил. № 1.
[7] РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию.1695 г. № 7.
[8] Прил. № 1.
[9] Тюменцев И. О., Горбань О. А. Камышинская летопись (источниковедческий анализ, текст, комментарии) // Стрежень: научный ежегодник. Волгоград, 2000. С. 247.
[10] Прил. № 1.
[11] Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. 167 с.
[12] Чибис А. А. Документы Ядринской приказной избы второй половины XVII – начала XVIII вв. (Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа). Чебоксары: 2017. Т. 1. № 367–403. С. 449–482.; Клейтман А. Л. Документы Инсарской и Ядринской приказных изб как источники по истории строительства Волго-Донского канала (на Камышинке и Иловле) // Вопросы истории естествознания и техники. 2023 (В печати).
[13] Ф. Лефорт: сборник материалов и документов / Российский гос. архив древних актов, Посольство Швейцарии в Москве; [сост. Лаптева Т. А., Соловьева Т. Б.]. – М.: Древлехранилище, 2006. С. 274, 346; 2–5, 16, 22–23, 58–60.
[14] Чибис А. А. Указ. соч. № 367–403. С. 449–482; Клейтман А. Л. Указ. соч.
[15] РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию 1698 г. № 10. Л. 115, 120.
[16] Перри Дж. Указ. соч. С. 1–4.
[17] Попов С. В. Материалы к истории Войска Донского // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 12. Новочеркасск, 1914. С. 186–201.
[18] Перри Дж. Указ. соч. С. 1–4.
[19] Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. С. 633.
[20] Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. 1707–1709. М.: АН СССР, 1962. С. 56.
[21] Перри Дж. Указ. соч. С. 1–3: См.: Кияшко Я. А. Археологические исследования памятников Петровской эпохи на территории Волгоградской области // Вестник ВолГУ. Сер. 4. 2023. (В печати).
[22] Крейс К.-И. Экстракт из журнала, держанного от господина вицеадмирала Крейса, на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа в Азов, на Таганрог и к Керчи, а оттуды паки назад к Азову. 1699 г. / Пер. П. Ларионова // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. 8. СПб., 1850. С. 367–394. См.: http://mikv1.narod.ru/text/Kreis1850.htm (дата обращения 14.04.2022).
[23] Перри Дж. Указ. соч. С. 4–12, 17.
[24] Литвинова О. Г. Указ. соч. С. 38.
[25] Перри Дж. Указ. соч. с. 1–4.
[26] Булавинское восстание. М.: ВОП, 1935. с 437–438; Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1976. С. 145; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска / Сост. К .В. Татарников. М.: Старая Басманная, 2016. Т. 1. С. 1472–1473.
[27] Офицерские сказки. С. 782.

[28] Прил. № 2.
[29] Подробнее см.: Царицынская линия. Памятник фортификации Петровской эпохи: строительство, эксплуатация, современное состояние и перспективы музеефикации. В 2 т. Волгоград, 2022. Т. 1. С. 47–65.
[30] ПСЗЗ. Т. 5. № 3116.
[31] Лавринова Т. И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 и первые годы существования. Волгоград: Издатель, 2012. С. 85.
[32] ПСЗ. Т. 5. № 3116.
[33] Лавринова Т. И. Указ. соч. С. 29.
[34] Александров Б. В. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР // В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII века. Приложение. М.; Л.: АН СССР, 1946. С. 348.
[35] Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 10. СПб.: Тип. Праца, 1867. С. 161–162.

В. С. Хохлов (Москва)

ОРГАНИЗАЦИЯ СВЯЗИ ГРУППИРОВОК СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» вынуждала советское руководство поддерживать военное присутствие СССР во многих союзных и дружественных государствах, оказывать им военную помощь в защите их суверенитета. Для управления советническими аппаратами и контингентами советских войск в этих странах развертывалась и функционировала глобальная радио- и космическая сеть связи.

В страну, где имелось это присутствие, решением Генштаба ВС СССР направлялись подразделения связи, советник по связи при главном военном советнике и начальнике связи вооруженных сил этой страны. В войсках советники по связи имелись при командирах дивизий, бригад, отдельных полков. Они выполняли очень важный объем задач по поддержанию связи высшего военного и политического руководства СССР не только с советским военным контингентом в стране пребывания, но и нередко с руководством этой страны. Специальные узлы связи развертывались в зависимости от военно-политической и оперативно-стратегической обстановки в целом ряде стран. Их количество доходило до десяти. Значительная часть этих узлов выполняла задачи в достаточно опасных и напряженных условиях, не говоря о влиянии климата (Вьетнам, Ангола, Йемен, Куба, Эфиопия, Сирия и другие страны). Управление начальника войск связи Советской армии (с 20.10.1958 г. – Управление начальника войск связи Министерства обороны СССР, УНВС МО СССР) проводило отбор военнослужащих, направляемых в эти специальные командировки. Начальниками узлов, их заместителями по политчасти и вооружению, как правило, назначались офицеры из

частей связи центрального подчинения, остальные – из военных округов.

Созданием узлов и систем связи за границей, которые обеспечивали связь как в интересах Генштаба ВС СССР, так и в интересах вооруженных сил этих стран, занимался отдел по военно-техническому сотрудничеству с зарубежными странами УНС ВС СССР. Его основными задачами являлись:

поставка техники связи практически всех образцов, находящихся на вооружении войск связи ВС СССР, в том числе и засекречивающей аппаратуры связи (ЗАС) в экспортном исполнении;

командирование специалистов связи в страны, в которые поставлялась техника связи, с целью обучения иностранных специалистов на местах;

подготовка и осуществление официальных визитов начальника связи ВС СССР в зарубежные страны и прием делегаций из иностранных армий. Последние, как правило, осуществлялись на взаимной основе.

организация обучения иностранных военнослужащих на специальных факультетах на базе Ульяновского ВВКУС и Военной академии связи;

взаимодействие с 10-м Главным управлением, Главным оперативным управлением и рядом других управлений ГШ ВС СССР и Сухопутных войск в связи с возникающими задачами;

международно-правовая защита использования радиочастотного спектра Управлением связи ВС СССР (РФ).

В контексте изложения материала, касающегося участия ВС СССР и, соответственно, войск связи в локальных вооруженных конфликтах, необходимо сделать небольшую оговорку. Присутствие военного компонента того или иного государства за пределами национальных границ являлось неотъемлемым атрибутом вооруженного насилия второй половины XX в. В 123 странах по линии Министерства обороны СССР побывали наши соотечественники[1]. Советские воины с чувством высокой ответственности выполняли свой патриотический и интернациональный долг.

Военная история нашей страны знает много примеров по оказанию военной и интернациональной помощи другим государствам. Вашему вниманию предлагаются лишь отдельные (типичные) примеры организации связи группировок советских войск за рубежом в ходе венгерских 1956 г. и чехословацких 1968 г. событий, Карибского кризиса 1962 года.

Как правило, для координации действий по организации связи в локальных вооруженных конфликтах в Управлении начальника войск связи Советской армии (Министерства обороны СССР) создавалась оперативная группа, а в район выполнения задачи направлялся генерал из числа руководящего состава этого управления.

Самое активное участие в венгерских событиях (операция «Вихрь» 4 октября – 11 ноября 1956 г.) принимали связисты Особого корпуса советских войск[2], соединений и частей 38-й армии генерала Х. Мамсурова и 8-й механизированной армии генерала А. Бабаджаняна ПрикВО, в том числе 31-я танковая, 11, 13 (39), 32-я гвардейские, 27-я механизированная дивизии. С 1 ноября к этой группировке присоединилась 35-я гвардейская механизированная дивизия ОдВО. Командовал этой группировкой войск Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами Организации Варшавского договора Маршал Советского Союза И. С. Конев[3].

Связь в операции обеспечивали штатные подразделения связи войск, принимавших участие в этой операции, а также сформированный на базе 1-го отдельного полка связи (опс) МВО 301-й отдельный батальон связи (обс), обеспечивающий связь И. С. Коневу[4]. 103 военнослужащих, 7 радиорелейных станций, аппаратные П-221 и Э-349 35-го опс РВГК были обращены на усиление войск связи, которыми руководил начальник штаба УНВС СА генерал-лейтенант В. А. Лебедев[5].

Маршала А. С. Конева не удовлетворяла работа телефонной связи, и он высказал ряд претензий к работе связи по телефону начальнику войск связи Советской Армии генерал-полковнику И. Т. Булычеву. Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков разрешил Булычеву не только послать специалистов из центра, но и самому выехать на несколько дней в Венгрию. С Булычевым двумя самолетами вылетели, кроме офицеров УНВС СА, и специалисты 1-го узла связи ГШ ВС СССР во главе с полковником Н. А. Царевым. До ввода в действие штабной АТС телефонисткам пришлось работать в сложной и не совсем привычной для них обстановке (несколько коммутаторов К-100, смонтированных в автомашине). С прибытием специалистов узла связи ГШ ВС положение со связью в штабе группы изменилось радикальным образом в лучшую сторону. Недели через две маршал Г. К. Жуков приказал И. Т. Булычеву

возвратиться в Москву. Перед его отъездом И. С. Конев высоко оценил работу связистов и предложил тех, кто заслуживает, всемерно поощрить – вплоть до представления к правительственным наградам, что потом и было выполнено[6].

В числе награжденных был и бывший председатель Совета ветеранов войск связи ВС РФ генерал-лейтенант, а тогда лейтенант А. А. Асеев, удостоенный ордена Красной Звезды. Этот же орден получили старший лейтенант В. Г. Абакумов, лейтенант М. Т. Поляков из 32-го отдельного полка связи. Его командира подполковника К. М. Княжицкого наградили орденом Александра Невского, а рядовых А. В. Максимова и В. Н. Воронина – соответственно медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги»[7].

В 1962 г. (июнь–октябрь) была проведена операция «Анадырь», в ходе которой осуществлена переброска советских войск по воздуху и воде на остров Куба с целью создания группировки войск (сил), способной обеспечить оборону острова. Она стала ответной мерой на размещение американских ракет в Турции и Италии, а также на угрозы военного вторжения США на Кубу. Для проведения операции сформировали Группу советских войск на Кубе в составе 51-й ракетной дивизии; 302, 314, 400 и 496-го мотострелковых полков; 11-й зенитно-ракетной дивизии; 32-го истребительного авиаполка; 134-й отдельной авиаэскадрильи; 437-го отдельного вертолетного полка; 561 и 564-го полков фронтовых крылатых ракет и др. частей и учреждений. Общая численность Группы составляла свыше 50 тыс. военнослужащих и до 3 тыс. вольнонаемных. Командующим Группой являлся генерал армии И. А. Плиев, а начальником связи – генерал-майор Е. З. Асатуров[8].

Для обеспечения связью Группы в июле 1962 г. силами 7-го опс РВСН в сложнейших климатических условиях Кубы на голом месте совместно с прикомандированными частями связи Сухопутных войск (498-й отдельный радиорелейный батальон связи и 126-й отдельный линейно-кабельный батальон), ВВС (107-й отдельный батальон связи), ПВО (21-й узел связи) и ВМФ (338-й узел связи) в течение двух недель развернули узлы связи и обеспечивали командованию Группы устойчивую связь внутри группировки и с Генеральным штабом ВС СССР[9].

По воспоминаниям генерал-полковника И. Т. Булычева: «Высшему руководству страны требовалась хорошая связь с Гаваной. Министерство связи СССР, по условиям разности

поясного времени, обеспечивало радиосвязь нашей страны с Кубой – не более десяти часов в сутки. Однажды начальник Генерального штаба ВС СССР Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов информировал его, что Главный военный совет не удовлетворен имеющейся радиосвязью с Кубой, а потому принял решение возложить ответственность за эту связь на меня как первого заместителя начальника войск связи МО СССР. При этом он передал указание министра обороны СССР, чтобы связь с Гаваной была постоянной и круглосуточной, добавив, что я, по указанию руководства, в этой работе могу рассчитывать на помощь Министерства связи СССР и Министерства морского и речного флота СССР. Таким образом, перед нами встала новая сложная и весьма ответственная задача – обеспечить непрерывную связь не только со всеми пунктами погрузки, с кораблями, находящимися в акватории, но и с Гаваной. Я привлек, кроме радиоспециалистов своего аппарата, специалистов Узла связи Генштаба ВС СССР, а также начальника связи Министерства морского флота. В срочном порядке была разработана сложная схема радиосвязи с использованием радиосредств, размещенных как на территории нашей страны, стран народной демократии, так и на судах морского флота»[10].

УНВС МО СССР разработало схему организации радиосвязи по радионаправлениям. Для управления Группой войск было подготовлено радионаправление № 1, затем радионаправление № 2 для радиосвязи Главного штаба ВВС и № 501 – для радиосвязи Главного штаба ВМФ с Группой войск. Радиоданные разрабатывались из расчета смены частот и позывных 4–5 раз в сутки с примерным распределением времени: с 1.00 до 8.00, с 8.00 до 15.00, с 18.00 до 19.00, с 19.00 до 22.00 и с 22.00 до 1.00. Радионаправления маскировались под действующие в Министерстве связи СССР радиосвязи. С этой целью радиостанциям Группы войск назначались позывные международной серии, выделенные по международным соглашениям Советскому Союзу и Кубе. Работа в радионаправлениях осуществлялась с использованием действующих международных кодов. При этом предусматривалась возможность перевода указанных радиосвязей (в радионаправлениях № 1 и 501) на использование сменных радиоданных (частот и позывных) с использованием соответствующей радиодокументации.

Для обеспечения устойчивой круглосуточной радиосвязи также привлекались мощные радиопередатчики стационарных радиоцентров ГШ ВС СССР (передатчики мощностью 150 и 80 кВт) и мощные стационарные радиопередатчики ГШ ВМФ. В штабе Группы войск использовались радиопередатчики Р-100 (25 кВт) и Р-110 (5 кВт). В случае плохого прохождения радиоволн на трассе использовались в радионаправлениях стационарные радиопередатчики Министерства связи СССР, расположенные в Николаеве и Тбилиси. Учитывая неблагоприятные условия приема в районе Москвы, был предусмотрен прием передаваемой с Кубы информации в этих радионаправлениях на радиоцентрах ГСВГ и приграничных округов (Белорусского, Прикарпатского, Одесского, Дальневосточного, Закавказского и Туркестанского). Предполагалось также использовать действующие связи Минсвязи СССР, Главного разведывательного управления ГШ и КГБ СССР[11].

Трудностей в организации связи было немало, в том числе языкового характера, вспоминал командир 498-го отдельного радиорелейного батальона связи (оррбс) Л. И. Титов: «По соображениям скрытности русский язык использовать запрещалось. Кое-как выучили на испанском цифры от ноля до десяти. Когда дело дошло до двузначных чисел, процесс затормозился. Времени было в обрез, и решили двузначные числа обозначать перечислением входящих в их состав двух цифр. Сложно сказать, запутали или нет этим американскую разведку, но вот своих запутали точно. На линии образовался гвалт из какой-то тарабарщины: никто друг друга не понимал и подчиняться старшей линии не хотел. Тогда майор Титов на свой страх и риск принял единственно правильное решение: перейти на русский[12].

В результате, благодаря большому опыту организаторов и высокой квалификации привлеченного к работе личного состава радистов-операторов, надежная, почти круглосуточная радиосвязь с Кубой была налажена очень скоро. Работала она до конца кризиса вполне удовлетворительно.

За обеспечение Группы надежной связью орденом Красного Знамени был награжден первый заместитель начальника войск связи МО СССР генерал-полковник И. Т. Булычев, орденом Красной Звезды – начальник связи Группы генерал-майор Е. З. Асатуров. Орден Красного Знамени получил и командир

489-го оррбс майор Л. И. Титов, будущий генерал-лейтенант и заместитель начальника связи ВС СССР[13].

Начиная с 1960-х гг., на Кубе функционировал объединенный узел связи ГШ ВС СССР (позывной «Горец»). Он состоял из приемного и передающего радиоцентров. Одной из главных его задач являлось поддержание радиосвязи с Узлом связи ГШ ВС СССР для обеспечения работы группы советников с Генеральным штабом. Узел также обеспечивал внутреннюю связь штаба Группы и ее связь с частями, дислоцированными на Острове свободы.

21 августа 1968 г. войска пяти государств – участников Организации Варшавского договора (СССР, НРБ, ВНР, ГДР и ПНР) в рамках операции «Дунай» ввели группировки своих войск в Чехословакию с целью «отстоять дело социализма» в ЧССР, предотвратить утрату Компартией Чехословакии властных полномочий, возможный выход страны из социалистического содружества и Организации Варшавского Договора.

Подготовка к операции началась еще весной 1968 года. С марта по 20 августа проходили учения, отрабатывались нормативы по воинским учетным специальностям, боевая учеба не прекращалась и в летний период. Перед вводом войск в Чехословакию на территории Западной Украины, Польши и ГДР прошли учения войск связи.

20 августа была готова группировка войск, первый эшелон которой насчитывал до 250 тыс., а общее количество – до 500 тыс. человек, около 5 тыс. танков и бронетранспортеров. Советские войска представлялись в них соединениями и частями 1-й гвардейской танковой, 20-й гвардейской общевойсковой, 16-й воздушной армиями (ГСВГ), 11-й гвардейской общевойсковой армией (БВО), 13-й и 38-й общевойсковыми армиями (ПрикВО) и 14-й воздушной армией (ОдВО). Подготовку операции осуществлял Главнокомандующий Объединенными Вооруженными силами стран Варшавского договора Маршал Советского Союза И. И. Якубовский, однако за несколько дней до начала операции ее руководителем стал главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель министра обороны СССР генерал армии И. Г. Павловский.

В соответствии с замыслом командования были сформированы Прикарпатский и Центральный фронты. Прикарпатский фронт – на основе управления и войск Прикарпатского военного округа и нескольких польских дивизий. В его состав

вошли четыре армии: 13-я, 38-я общевойсковые, 8-я гвардейская танковая и 57-я воздушная. При этом 8-я гвардейская танковая армия и часть сил 13-й армии начали перемещение в южные районы Польши, где в их состав дополнительно включили польские дивизии. Центральный фронт был сформирован на базе управления Прибалтийского военного округа с включением в него войск Прибалтийского военного округа, ГСВГ и СГВ, а также отдельных польских и восточногерманских дивизий. Этот фронт был развернут в ГДР и Польше. В состав Центрального фронта входили 11-я и 20-я гвардейские общевойсковые и 37-я воздушная армии.

Еще один фронт (Южный) для прикрытия действующей группировки также развернули в Венгрии. Кроме него была развернута для ввода в Чехословакию и оперативная группа «Балатон». В ее состав входили две советские дивизии, а также болгарские и венгерские подразделения[14].

В операции «Дунай» принимали участие соединения и части связи: 3-я отдельная бригада связи (обрс) ВГК Северной группы войск; 4-я обрс ВГК Белорусского военного округа; 6-я обрс ВГК Группы советских войск в Германии; 119-я обрс ГСВГ; 1-й опс Московского военного округа; 59-й обс ГШ ВС СССР; 821-й отдельный радиорелейный кабельный батальон связи (орркбе); 30-й и 192-й гвардейские отдельные радиорелейные батальоны связи ГШ ВС СССР[15]. Их работа по организации связи по своему содержанию и методам осуществлялась в соответствии с конкретными условиями обстановки, полученной ими задачи, порядком работы командира и штаба объединений, соединений и частей, связь которым они обеспечивали.

Многие военные связисты тогда были награждены правительственными наградами, в том числе и командир батальона 6-го обрс ВГК, будущий начальник связи ВС СССР, министр обороны РСФСР (20 августа – 9 сентября 1991 г.) генерал армии К. И. Кобец – орденом Красной Звезды.

Ввод в Чехословакию войск стран Варшавского договора был вынужденной мерой, направленной на сохранение единства стран социалистического лагеря, а также на предупреждение выхода войск НАТО на границы Советского Союза.

ВС СССР во второй половине XX века также с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г. принимали участие в боевых действиях в Демократической Республике Афганистан. Под скромным

названием «Ограниченный контингент советских войск в Афганистане» находилась 40-я армия. Рамки статьи не позволяют рассмотреть вопросы организации связи в этот период в силу их объема.

В целом организация связи в ходе рассматриваемых вооруженных конфликтов имела ряд особенностей, главными из которых являлись:

необходимость организации единого управления всеми силами и средствами с учетом сил и средств, находящихся в районе выполнения боевой задачи;

учет несовместимости технических средств управления частей и подразделений различных видов и родов вооруженных сил, что затрудняло создание единой системы управления;

возросшее противоречие между потенциальными возможностями развернутых средств связи оперативно-стратегического звена и крайне низкими возможностями средств связи тактического звена управления;

повышенные требования по обеспечению устойчивости и скрытности управления.

Таким образом, опыт организации связи в рассматриваемый период показал, что успех при проведении специальной операции достигается согласованным действием всех элементов оперативного построения объединенной группировки войск и требует заблаговременной разработки планирующих и распорядительных документов для различных вариантов ее состава и развития событий (оперативной обстановки). Несомненно, знание опыта организации связи в специальных операциях позволит сделать правильные выводы о роли и месте войск связи при ведении боевых действий современного характера.

---

[1] Россия (СССР) в войнах второй половины XX века. М.: Триада-фарм, 2002. С. 62.
[2] Лавренов С. Я, Попов И. М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ; Астрель, 2003. С. 85.
[3] Там же. С. 91, 100.
[4] Первый полк Российской империи. М., 1999. С. 163.
[5] Ордена Красной Звезды Полевой узел связи Генерального штаба. М., 2007. С. 3.
[6] Хохлов В. С. Генерал Булычев. И дольше века длилась жизнь. М.: Авиация и спорт, 2022. С. 200.
[7] Главное управление Связи Вооруженных Сил Российской Федерации: история создания и развития (1919–2019 гг.). М.: Авиация и спорт, 2019. С. 468.

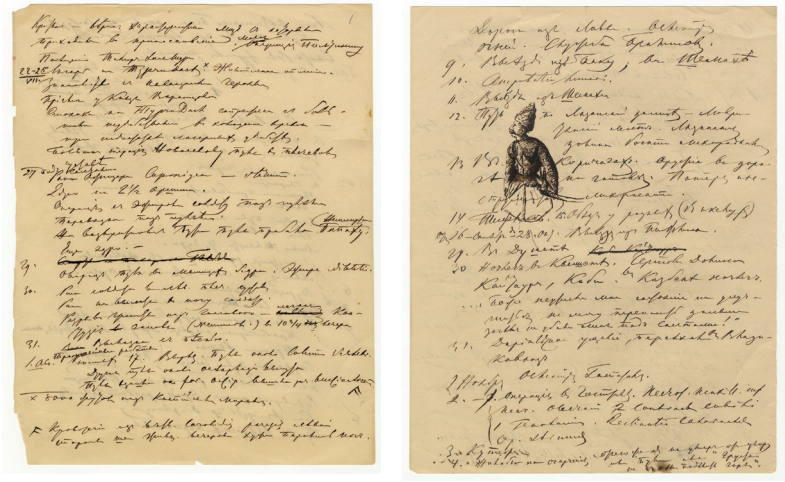
[8] Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. С. 159–160.
[9] Главное управление Связи Вооруженных Сил Российской Федерации: история создания и развития (1919–2019 гг.). С. 469; Стратегическая операция «Анадырь». Как это было. М., 2000. С. 186.
[10] Булычев И. Т. Воспоминания к 60-летию Узла связи Генерального штаба. О делах и людях Узла связи Генерального штаба. М.: Воениздат, 2003. С. 15–16.
[11] Главное управление Связи Вооруженных Сил Российской Федерации: история создания и развития (1919–2019 гг.). С. 469.
[12] Лисанов Е. Операция «Анадырь» глазами связиста // Красная звезда. 2004. 24 июня.
[13] Указ Президиума Верховного Совета СССР № 1739-VI от 1 октября 1963 г. // [Электронный ресурс]: http://www.cubanos.ru texts/txt019 / Дата обращения 25.01.2023.
[14] Россия (СССР) в войнах второй половины XX века. С. 337.
[15] Состав группировки войск Варшавского Договора. [Электронный ресурс]: http: //www. dunay1968.com / Дата обращения 25.01.2023.

Т. А. Цапина (Москва)

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О БИТВЕ ПОД САЛТАМИ В СОБРАНИИ ОПИ ГИМ

В ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ 1847 год был временем, когда главнокомандующий кавказскими войсками кн. Михаил Семенович Воронцов и лидер горцев имам Шамиль уделяли особое внимание междуречью Казикумухского Койсу и Каракойсу в Нагорном Дагестане. Военно-стратегическое, политическое и экономическое значение этого района обусловили невероятное упорство обеих сторон в военном противостоянии[1]. Неслучайно кн. Воронцов лично возглавил войска, задачей которых было покорить верные Шамилю

Ил. 1. Штурм аула Салты 14 сентября 1847 г. Художник Франц Рубо



Ил. 2, 2а. Фрагменты дневника медика. ОПИ ГИМ Ф. 419. ГИМ 23898. Арх. 3921

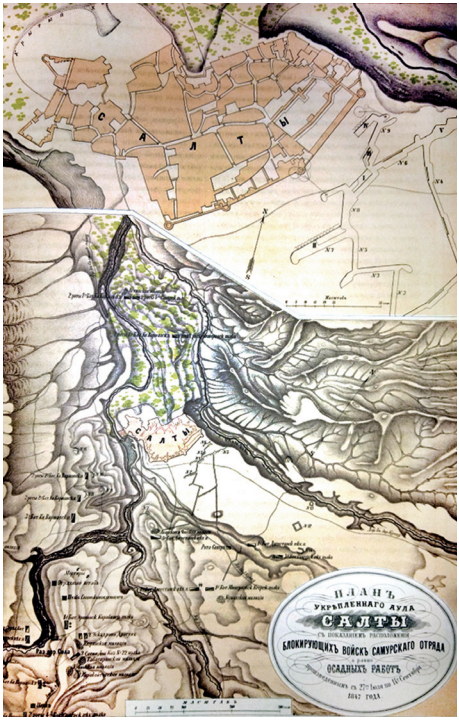
аулы Гергебиль и Салты. После неудачной для русских войск попытки в июне 1847 г. овладеть Гергебилем главнокомандующий 27 июля того же года разбил лагерь при ауле Салты, который еще в 1845 г. считался базой сторонников мюридизма[2] и на защиту которого стеклись верные имаму воины многочисленных горских обществ.

Салтинское сражение – одно из самых ярких, длительных и кровопролитных событий Кавказской войны (ил. 1.). Осада аула Салты, длившаяся почти два месяца, с 25 июля по 14 сентября 1847 г., и закончившаяся успешным для царских войск штурмом, нашла отражение в официальных реляциях, письмах, воспоминаниях. Нами обнаружен еще один очень любопытный источник – дневник непосредственного участника этих событий, медика, который документально, практически ежедневно вел записи с 22 июля по 26 декабря 1847 г. (ил. 2, 2а). В это время он находился в расположении русских войск, где оказывал медицинскую помощь, а затем совершил вместе с Пироговым обратный путь, вплоть до Москвы.

Надо сказать, что осада и штурм аула Салты вошли не только в военную, но и в медицинскую историю (ил. 3). Именно здесь в 1847 г. впервые в военно-полевых условиях врач Николай Иванович Пирогов применил эфир как наиболее прогрессивный на тот момент способ анестезии для проведения операций. Потому

этот дневник представляет собой ценность и как источник по военной истории, и как источник по истории медицины.

Дневник хранится в отделе письменных источников ГИМ в необработанном фонде № 419, состоящем из материалов, собранных П. И. Щукиным[3]. Как дневник попал к коллекционеру – неизвестно.



Ил. 3. Карта осады аула Салты

Прежде чем перейти к содержанию дневника, остановимся на его происхождении. Дневник не подписан, и автор его нам пока не известен. Тем не менее, с большой долей вероятности можно предположить, что он принадлежит перу старшего фельдшера Ивана Калашникова, который был отправлен с врачами Н. И. Пироговым и П. Ю. Неммертом[4] на Кавказ в июне 1847 г. Эта знаменательная поездка нашла отражение в изданном в 1849 г. Пироговым Н. И. «Отчете о путешествии по Кавказу»[5], в котором Пирогов писал, что ему было велено императором «испытать возможности приложения эфирных паров к производству операций на поле боя...» И далее: «В помощь мне при исполнении этих поручений был назначен ассистент при хирургической госпитальной клинике г. доктор Неммерт и старший фельдшер 2-го военно-сухопутного госпиталя Калашников»[6].

Из «Отчета» Пирогова и других источников известно, что медики выехали 8 июня 1847 г. из Санкт-Петербурга на сибирском тарантасе в направлении Кавказа. В конце июня – начале июля они были в Пятигорске, где Пирогов в госпитале провел

показательные операции с эфиром. Затем их путь лежал через Моздок, Кизляр, Кази-Юрт, Чирт-Юрт, Темир-Хан-Шуру, вечером 22 июля они прибыли на плато Турчидаг[7], после чего спустились вниз под Салты. Там в расположении русских войск они находились до 24 сентября, когда после успешного штурма аула и оказания медицинской помощи раненым выехали в сторону Москвы, куда и приехали 16 декабря.

Начало обнаруженного нами дневника утрачено, и первые три строки не датированы, но в них обозначено пребывание в Теми-Хан-Шуре. Однако уже через несколько строк стоит дата 22–25 июля. Последние записи дневника – 16 декабря (прибытие в Москву) и 26 декабря – отбытие из Москвы, судя по всему, в Петербург. Эти даты полностью совпадают с датами пребывания Пирогова и сопровождавших его медиков на Кавказе и их обратного пути в Москву. Так же как и перечисленные в дневнике населенные пункты с датами нахождения в них по дороге к аулу Салты (начиная с Темир-Хан-Шуры и Турчидага) и в обратную сторону, вплоть до отъезда из Москвы, полностью совпадают с тем маршрутом, который проделали Пирогов и сопровождавшие его медики по направлению к театру военных действий и обратно и который описан Пироговым в «Отчете».

Автором дневника не могли быть ни П. Ю. Неммерт, ни сам Н. И. Пирогов, так как они упоминаются в дневнике как третьи лица[8].

Отметим еще такой дополнительный аргумент в пользу приписывания нами авторства дневника Калашникову: врачи, которые сопровождали Пирогова на Кавказ, были с ним и под Севастополем. Это и Неммерт, и Дукшинский, и Калашников. О последнем речь идет и в ряде писем, адресованных Пироговым жене из Севастополя[9].

Обратимся теперь к самому дневнику. Он представляет из себя сложенные 8 листов, без обложки, исписанных малоразборчивым почерком. На одном из листов есть небольшой рисунок, на котором запечатлен кавказский воин. Дневник повествует о трудовых буднях медперсонала весьма лаконично, порой несколькими строками или даже несколькими словами за день. Однако дни более активных боевых действий, когда поток раненых увеличивался, записи становятся более распространенными – например, за 23 августа, в день сражения за салтинские сады, записи заняли две страницы.

Начало дневника, как уже было отмечено, утрачено, и первая, недатированная, запись выглядит так: «Краткая-верная характеристика лиц, с которыми приходил в соприкосновение. Малая операции Полтинину[10]. Посещение Темир-Хан-Шуры».

Итак, автор прибыл в укрепление Темир-Хан-Шура (современный Буйнакск), которое с 1847 г. являлось центром военного и гражданского управления Дагестаном и основным пунктом сбора раненых на левом фланге Кавказской линии.

Следующая строчка дневника, датированная интервалом 22–25 июля, информирует, что автор находится уже в лагере у горы Турчидаг на высоте 8000 футов над Каспийским морем. Там происходит его знакомство с «кавказскими героями»; также он присутствует на приеме у главнокомандующего войсками на Кавказе кн. Воронцова. В записи за эти дни упоминается о «большой операции Новоселову[11], пуля в плечевом суставе».

27 июля автор уже под Салтами, где врачи тут же приступают к лечению больных. «Рана офицера Сиронеуса... Операция с эфиром солдату под пулями».

29 июля автор отмечает смерть и похороны Глебова. (Надо сказать, что за этой краткой информацией скрывается сообщение о гибели адъютанта кн. М. С. Воронцова, Михаила Павловича Глебова, который здесь же, на Кавказе, в 1841 г. был секундантом Мартынова в роковой дуэли с М. Ю. Лермонтовым).

Последующие практически ежедневные записи за август-сентябрь выглядят стенограммой о проделанной за день работе: перевязки, операции с эфиром, ампутации. Назовем фамилии раненых, указанных в дневнике: Полтинин, Новоселов, Слепцов[12], Бибанов[13], Крюковский[14], Кинжалов, Мищенко[15], Энгельгардт, кн. Гагарин[16], Прокопович[17], лекарь Сорокин, кн. Аргутинский-Долгорукий[18], Гейден[19] и др. Некоторые из них были упомянуты в «Отчете» Н. И. Пирогова, в записках находившихся в Салтах при штабе Воронцова Н. В. Исакова[20] и врача Э. С. Андреевского[21]. Остановимся на отдельных случаях.

Операция Новоселову, о которой сообщает автор дневника 22–25 июля, была произведена Пироговым с применением эфира как показательная при некотором скоплении народа и самим Пироговым описана в «Отчете» весьма кратко[22], а вот Эраст Степанович Андреевский, личный врач главнокомандующего войсками на Кавказе гр. М. С. Воронцова и его семьи, состоявший в 1847 г. в звании гражданского генерал-штаб-доктора

Кавказа и являвшийся в некотором роде конкурентом Пирогова, оставил о ней весьма саркастическое воспоминание: «Пирогов завонял своим эфиром весь лагерь, к общему удивлению всех привел Новоселова, раненного под Чохом, в бесчувственное положение так, что он ревел благим матом и страшно метался во время длинной и совершенно бесполезной операции, которую потом через несколько лет поправил И. В. Буяльский[23] в Петербурге (отыскав пулю, которую никак не удалось Пирогову)»[24].

Об этой же операции оставил воспоминания и Н. В. Исаков, состоявший офицером Генерального штаба при Дагестанском отряде кн. М. З. Аргутинского: «Приехал к нам Н. И. Пирогов, чтобы убедиться, действительно ли у нас плохи лекаря, и в день его приезда вместе с дровами принесли раненого офицера. Натурально, Пирогов пошел сделать перевязку. Мы все бросились смотреть первое употребление эфира для усыпления во время операции; кто держал за руку, кто за ногу бедного Новоселова (он был впоследствии плац-майором в Царском Селе), пока ему надели маску и усыпляли посредством эфира. Затем Пирогов со своим ассистентом, маленьким, но очень искусным хирургом, Неймертом, сделали разрез в плече, Пирогов долго искал пулю, сделал еще разрез сзади плеча, искал обеими руками, долго хладнокровно перевязывая артерии лигатурою, весь сам в крови, однако же объявил нам, что теперь пули найти нельзя и, вероятно, она сама выйдет»[25].

7 августа автор дневника сделал запись: «Рана кн. Гагарина. Раздробление кости, эфир. Проботорный разрез. Эфир. Ампутация ноги».

По поводу этого случая сохранилось более подробное описание у Н. В. Исакова: «Он [Гагарин] впереди своей милиции внесся в лощину, где был лагерь, был ранен, отнесен в лагерь; позвали Пирогова, который позвал несколько врачей посмотреть и отнял ногу в науку их неумелости, о консервативной хирургии ни он, да и никто тогда не думал. Нам невольно стало тогда приходить на мысль не слишком ли уж это быстро и нельзя ли в случае подобном быть подальше от Пирогова»[26].

15 августа на позициях русских войск отмечался праздник Успения. 17 августа автор ездил к раненому чохцу[27] за Цудахар и провел в седле 11 часов.

22–23 августа (в годовщину коронации императора, как отмечено самим автором) произошло одно из самых яростных сражений; отряд под командованием генерала Бюрно занял

салтинские сады, тут же соорудил завалы из камней, стойко их защищал, затем вынужден был спуститься к низовому укреплению и там отбил 8 атак. Неслучайно в этот день запись наиболее обширна. Приведем ее полностью, заметив предварительно, что, насколько нам известно, именно в этом дневнике впервые соотносятся сражение за сады при ауле и годовщина коронации Николая I, к которой активизация военных действий, возможно, и была приурочена.

«23 [августа] У нас ранено до 200, убито 152. Убит Бибанов (рана в бок и брюхо. Контужен в голову камнем – "не отдал пушки" – убит пулей в голову. "Мы все пропали без нашего отца Бибанова"– говорили все графские[28] солдаты.)

Ранены 3 офицера, один в брюхо (сальник вышел – смерть). Другой в грудь навылет. Многие ранены пулями в упор с размозженными костями. Саблями, шашками, кинжалами с крючьями по 5 ран. Хирургической работы от 8–11 часов.

...Я вынул 12 пуль, сделал 15 расширений и наложил 6 швов от 12½ до 5 и после от 6–12 ночи я сделал 2 ампутации. Пирогов одно вылущение плеча, 2 ампутации, другой врач 4 ампутации, я вылущил палец, устал ужасно в крови по горло и еще 50 человек трудно раненых нам не доставлены. Некоторые салтинцы были в панцирях и кольчугах. Раны нашим сзаду при отзыве милиционер. Завещание Бибанова.

Раненые картечью. Один с перебитой левой рукой, он не владел ею, он убивает прикладом двух салтинцев и говорит: теперь можно и умереть, убив 8 собак.

Если завтра такая же работа, как сегодня, то ненадолго меня хватит...

Мы не разгибали целый день спины.

Эфирование при свечах, подсвечники из обороченных штыков весьма оригинальны».

Заметим, что Бибанов, один из героев кавказской войны, был очень любим и почитаем среди сослуживцев. Ему посвящены небольшая брошюра «Полковник Бибанов. Жизнеописание», составленная вышеупомянутым Новоселовым[29], а также страницы изданий по истории 83-го пехотного Самурского полка[30].

24 августа произошло нападение на Орбелиани[31]. И далее опять перевязки, раны, ампутации...

3 сентября автор начал делать перевязки в 5 часов утра, так как часть раненых перевозили в Кумых[32] в сопровождении

Пирогова. По поводу этого краткого отъезда Пирогова из лагеря существует в литературе мнение, что он был связан с не очень удачной операцией на глаз кн. М. С. Воронцову, которую делал Пирогов и которую раскритиковал Э. С. Андреевский[33]. На эту же тему – следующая запись в дневнике от 4 сентября: «Совещание с Андреевским о болезни глаза Воронцова. Отказ Неммерта». Судя по всему, Неммерт отказался делать какие-либо медицинские манипуляции на глазу главнокомандующего. Воронцов впоследствии писал, что спасением глаза он обязан Э. С. Андреевскому. (Из-за проблемы с глазами Воронцов практически не осуществлял командование при окончательном штурме Салты.)

Наконец осада подошла к концу, и русскими войсками было предпринято два штурма – 9 сентября и (окончательный) 14 сентября, когда горцы были окончательно выбиты из аула.

В дни штурма Салты 9 сентября автор записал: «В 4 часа ночи нас разбудили. В 5 часов жестокая канонада. – "Это был ад..." Штурм. – "Мы осматривали с 6 до 4½ больных" 4 amputati. Я две... Вечером приносят от Орбельяни раненых загоревшимися ракетами... "Я устал"».

10–11 сентября – записи о схватке на батарее, об убитых и раненых.

14 сентября, на Воздвиженье, как отмечает автор, опять жестокая канонада и штурм. Много убитых и раненых. Кн. Аргутинский, командовавший штурмом, ранен в ухо. Ранен в живот лекарь Сорокин. Раненый Прокопович, перевязанный, идет в дело и погибает. «Я работал с 6 до 4, и с 9 до 11. 2 amputati. Устал наповал». 15 числа перевязки длились почти весь день. 16 сентября – до 40 ампутаций.

Помимо своих раненых, медики оказывали помощь и пленным. 16 сентября была проведена ампутация мюриду, у которого была рана колена и бедра. Отмечена терпеливость мюрида[34]. Далее идет запись «В 4 часа поехал отрезать голову мюриду». Речь, видимо, идет о голове наиба Идриса, героя обороны Гергебиля в июне 1847 г. Об этом сюжете упоминает Пирогов в своем «Отчете»: «На тропинках и во рвах позади аула лежали еще трупы бежавших, между ними лежал и наиб Сартис (он же Идрис. – *Т. Ц.*), знаменитый своей стратегической распорядительностью... Череп его достался нам»[35] Впоследствии череп наиба был передан в Императорскую Военно-медицинскую академию[36].

Помимо ранений военных беспокоила и холера. Перед тем как начать осаду Салты, кн. М. С. Воронцов с войсками провел на Турчидаге, который находится на высоте более 2 км над уровнем моря, 5 недель, чтобы излечить их от холеры, которая отступает в высокогорьях. Однако внизу, в салтинском лагере, холерные эпизоды вновь стали встречаться, и автор дневника 11 августа записал: «Холера. Опыт с эфиром над холерными».

Под Салтами было применено еще одно новшество для облегчения страданий раненых – алжирские портативы. В записи за 8 августа автор упоминает и о «пробе алжирских портативов». Речь идет о средстве для переноса раненых. «Во время нынешней экспедиции, – писал Пирогов, – по высочайшему повелению мне поручено было испытать носилки и лежанки, употребляемые в Алжире для транспорта раненых»[37]. Пирогов благосклонно отзывался об этом изобретении и считал, что алжирские носилки в условиях дагестанских гор причиняют раненым значительно меньше страданий и требуют меньшего количества обслуживающего персонала.

Были опробованы здесь и крахмальные повязки. Они употреблялись, как правило, для фиксации конечностей. Позже Пирогов писал, что под Салтами узнал «различные невыгоды» этих повязок[38].

Находясь непосредственно вблизи театра военных действий, медработники сами подвергались опасностям и заболеваниям. Можно представить себе их эмоциональное состояние, особенно в первые дни попадания на театр военных действий, ведь они привыкли оказывать помощь больным и раненым в госпиталях, в более спокойной обстановке. 27 июля автор записал: «Операция с эфиром солдату под пулями. Перевязка под пулями. На возвратном пути пуля пробила папаху Неммерта». На следующий день у автора дневника над головой разорвалась граната, что привело к легкой контузии, в другой раз «три пули легли со свистом возле меня», а «мимо Неммерта пролетело ядро (5 августа). «Через палатку Неммерта пролетела граната (10 августа). ...Картечь рикошетом легла около нашей палатки» (12 сентября) и так далее. Преследуют и болезни: 1 сентября – «Неммерт болен на перевязке». Досаждают насекомые: «Едят осы, блохи. Кожа лезет с рук».

Помимо лечения больных важно было тщательно вести протоколы лечения, операций, перевязок. Пирогов отмечал, что «статистика была ведена весьма аккуратно сопровождавшим меня

ассистентом, доктором Неммертом»[39]. Отчеты же об операциях большей частью приходилось писать в конце рабочего дня, часто в темноте. Так, 18–19 августа в дневнике отмечено, что Неммерт писал истории болезни в холодную ночь при лунном освещении. Надо думать, что при статистической обработке своего врачебного опыта под Салтами Пирогов использовал и отчеты, которые писал автор дневника. А тот писал их постоянно, о чем много упоминаний в дневнике, а после штурма 14 сентября, когда было особенно много раненых, он писал отчеты чуть не все дни подряд: 18 сентября: «перевязки и пишу целый день»; 19 сентября: «18 часов пишу отчеты»; 20 сентября то же; 21 сентября: «Не выхожу из палатки, все пишу. Руки и поясница немеют. Поражение слизистых оболочек»; 22 сентября: «Пишу до обморока».

Автор дневника – искусный медик. Из дневника следует, что он проводил самостоятельно ампутации, делал вылущивания костей, вырезывание пуль, не говоря о перевязках. Дважды он отмечал, что его лечением довольны ахтынцы, которых в том числе поражает медицинское приспособление – катетер. Испытывая несколько ревностное чувство к Пирогову, однажды он заметил: «Пирогову слава, мне работа».

Автор дневника обращал внимание и на особенности ведения военных действий. 19–20 августа он отмечает меткость неприятельских выстрелов. Горцы попадают через узкие бойницы русских орудий прямо в глаз стрелка. Именно в эти дни произошло ранение Энгельгардта в левый глаз через отверстие щита. А точность попадания неприятельских винтовок такова, что выстрелы с 35 саженей (ок. 64 м) расщепляют спицу в колесе. Пули, по его наблюдениям, состоят из сплава меди и свинца. Это, кстати, подтверждается и другими источниками и объясняет тяжесть ранений. Среди орудий горцев он выделяет фальконеты – небольшие пушки малого калибра. Для поджога леса осаждающие использовали брандскугели – зажигательные снаряды гладкоствольной артиллерии. Как отмечено выше, некоторые салтинцы были одеты в кольчуги и панцири.

Но вот Салты взяты, и 24 сентября автор вместе с Пироговым выступает в обратный путь. Перед ними разворачивалось «зрелище пожара» – это догорал сожженный аул. Дорога лежала через Леваши, Оглы, Темир-Хан-Шуру, где они были размещены в холерном госпитале «без вьюков... Я сплю на досках и бурке. В госпитале 7 операций».

Далее следуют деревни Хили, Буйнаки. Уже и природе отводится место на дневниковых листах: «Ехали по берегу Каспийского моря над облаками». Привлекают внимание тополя, чинары и «божественные виды при дожде, холоде и голоде...». Дорога красива, но и полна опасностей. В Дербенте были вынуждены передвигаться с конвоем, так как существовала опасность нападения «немирных кайтайцев»[40]. 3 октября в Дербенте медиками был осмотрен госпиталь, в котором на следующий день Пирогов провел операцию, а автор вырезал кусок разбитой кости и вправил вывих. 6 октября они в госпитале в Кокуме. Госпиталь произвел хорошее впечатление. «Раненые все выздоравливают». Затем следуют Куба, Баку, Шемах, в котором проведена операция по ампутации плеча. Далее путь лежал по Лозанской долине, которая «богата лихорадками». В Коричагах были потеряны инструменты и микроскоп. Долгая, почти на 2 недели, остановка в Тифлисе, с 16 по 28 октября, где автор дневника обедает у родных. Далее в дневнике буквально одним словом идет перечисление населенных пунктов, через которые они проезжали: Душет, Квешети, Чертова долина, Кайтаур, Коби, Казбек, Дарьяльское ущелье и, наконец, Владикавказ, где ими был осмотрен госпиталь и проведена операция, а 3 ноября там же имел место «кутеж». Затем Ставрополь, Екатеринодар, где была проведена операция. Далее Тамань, Фанагория и Керчь, где были также проведены операции, Феодосия, Симферополь, Одесса. В Киев прибыли 5 декабря, а 7 декабря в госпитале – операция. Запись за 9 декабря: «Осмотр Лавры и катакомб. Упал с дрожек с Пироговым, ушиб лица и плеча». 11 декабря – выезд из Киева, далее через Нежин, Глухов, Орел, Тулу в Москву, куда автор прибыл 16 декабря, и из которой выехал 26 декабря, видимо, в Санкт-Петербург.

Познакомив читателя с этим любопытным источником, хотелось бы остановиться на двух особенностях дневника. Во-первых, дневник порой производит впечатление подготовительной работы для написания либо своих воспоминаний об этих событиях, либо, возможно, заготовки для чьих-то воспоминаний. Например, в дневнике встречаются такие фразы: «Сцены из солдатской жизни», хотя сами сцены не описаны, или «Описание праздника (Успение)», но самого описания нет. Также на обратном пути в Дербенте от 3 октября имеется запись: «Описание города с историческими заметками» – но самого описания также нет. Есть еще аналогичные примеры.

Другая особенность дневника – некоторые фразы в самом дневнике даются в кавычках. Например, за 21 августа запись «...скучно, нет мне работы. Все ухаживают за Пироговым. Я чужд всему. Я сбоку, я толерирован...» дана в тексте в кавычках. Кавычки имеются и в вышеприведенном отрывке за 23 августа, и в записях за 26 августа: «Моим больным с ампутациями в. худо», или за 31 августа после фразы: «Удачи Пирогова» идут в кавычках слова: «Мне во всем изъян». При этом надо заметить, что кавычки не всегда закрываются, возможно, по небрежности автора. Здесь непонятно, закавычивает ли автор свои мысли и эмоции, или он цитирует кого-то, например, того же Неммерта. И если закавыченные слова принадлежат Неммерту, то рискну предположить, что и вышеозначенная особенность дневника в том, что отдельные фразы (как темы для дальнейших воспоминаний), может быть, были сделаны для Неммерта или кого-то еще, кто мог планировать в дальнейшем описать этот эпизод своей жизни или тогда же вел записи, которые были известны автору дневника. Все эти особенности являются предметом дальнейшего изучения, которое возможно при условии обнаружения новых источников и сведений по этой проблематике.

Изложив основные сюжеты из дневника медика, наблюдавшего осаду и штурм аула, что называется, изнутри, перейдем к свидетельствам о тех же событиях самого главнокомандующего, кн. М. С. Воронцова, и его доктора, Э. С. Андреевского, которые имеются в архиве кн. М. С. Воронцова, также хранящегося в ОПИ ГИМ. В фонде 60 описи 2 в единице 2123 отложились письма кн. М. С. Воронцова и Э. С. Андреевского к Ивану Тимофеевичу Ягницкому, бывшему адъютанту князя Воронцова (отличившемуся, как и князь, в войне 1812 г.), а затем управляющему его имениями. Также там имеется письмо (копия) Воронцова Ладинскому Петру Антоновичу[41], начальнику гражданского управления Закавказского края.

Первое письмо за интересующее нас время написано главнокомандующим к Ягницкому 28 июля в лагере при Салтах. В нем сообщается, что, освободившись в Турчидаге от холеры, войска спустились, чтобы «заняться истреблением укрепленной деревни Салты и дать возможность верной нам деревне Цудахар вновь выстроиться». В отправленном оттуда вскоре, 1 августа, письме доктора Э. С. Андреевского к тому же Ягницкому лагерь у Турчидага назван «Божьим карантином против холеры».

Андреевский советует управляющему воспользоваться его наблюдениями о способах борьбы с холерой, которые он поместил в газете «Кавказ»[42], издававшейся с 1846 г. по инициативе Воронцова. Описывая Салты, Андреевский отмечал, что они сильно укреплены стенами, блиндажами, оборонительной казармой, башнями, ямами и «разной чертовщиной», и чтобы щадить людей, Воронцов велел осаждать Салты правильной осадой. Днем, по словам Андреевского, обстановка спокойная, однако по ночам постоянно идет перестрелка, которая наносит небольшой урон, однако среди убитых – адъютант князя, штаб-ротмистр гвардии Глебов. (О нем упомянуто и в дневнике медика. См. выше. – *Т. Ц.*).

Следующее отложившееся в фонде письмо (копия) М. С. Воронцова адресовано к Петру Антоновичу Ладинскому, начальнику гражданского управления Закавказского края. Оно написано по горячим следам сражения за Салты, а именно 18–24 сентября[43]. Воронцов писал, что опыт семинедельной сильной атаки и то, что видно теперь, после взятия аула, показало, что ни в одном случае в истории Закавказской войны неприятелем не было принято таких мер для укрепления какой-либо местности, «как было сделано теперь под строгим распоряжением Шамиля. Это была настоящая крепость». Воронцов разъяснял, что общий штурм был почти невозможен, а потому были употреблены всякого рода побочные средства, как-то значительное количество двухпудовых бомб, которых не жалели, сильный артиллерийский огонь. Благодаря тому, что были заняты сады, приближены бекеты и ночные резервы, было пресечено сообщение с аулом и подвоз провианта. Вода же, текущая в аул, была испорчена ежедневным бросанием в нее навоза со всего лагеря: из одного только небольшого источника в садах малая часть гарнизона могла ночью брать воду, однако и то под выстрелами русских войск. Были проведены масштабные инженерные работы, давшие возможность подойти к самой стене и разрушить ее батареями.

Отдавая должное защитникам аула, князь отмечал, что «приговоренный к смерти гарнизон или фанатизмом, или угрозами Шамиля страдал и терпел геройским духом».

Изнурительная осада Салт была тяжела и для осаждающих. Воронцов признается в письме, что если бы защитники аула еще могли сопротивляться, то он не покинул бы крепость, «а скорее положил бы здесь свои кости, нежели уйти, не взявши Салты, но

продолжение осады скоро бы стало и для нас тяжело»[44]. Фураж подходил к концу, перемена погоды могла бы вызвать болезни... Для Воронцова победа над Салтами была особенно важна после неудачной осады Гергебиля, а также по тому эффекту на окружающие горские общества, который должна была произвести эта победа. В письме присутствуют следующие патетические строки: «Долго Дагестан будет помнить жребий этого несчастного аула и защитников оного; увидим, какое это будет иметь влияние на власть Шамиля повсюду»[45].

При этом письме Воронцов посылал Ладинскому статью, которую просил немедленно напечатать и выдавать особым листом в Тифлисе и окрестностях, а также напечатать в газете «Кавказ», а само это письмо, за неимением времени писать отдельно, показать кн. Эристову, О. А. Реутту и всем желающим знать подробности, снять копию и послать генералу Эсперо в Кутаис, а также прочесть Патриарху. Воронцову было важно, чтобы правильное изложение событий как можно быстрее было доставлено тем, кому об этом знать необходимо «ибо до них нескоро еще дойдут справедливые слухи». (Заметим, что в газете «Кавказ» подробное известие о взятии аула Салты было опубликовано в № 39, вышедшем 27 сентября).

В те же дни, 21 сентября, Э. С. Андреевский адресует Ягницкому полное неостывшими эмоциями письмо – отчет о взятии Салт, укрепленных «как будто бы сам Сатана распоряжался инженерными работами у Шамиля»[46]. В целом ауле, по его словам, имелась всего одна узенькая улица, с подвалами, крытыми ходами, стенами, завалами и пр. Во время осады гарнизон аула сменился несколько раз. Потери горцев при штурме Андреевский называет «ужасными», а русских – незначительными (за оба штурма около 340 человек). Он сообщает Ягницкому и о своем пациенте – кн. Воронцове, который накануне впервые вышел на улицу из палатки, так как глаз почти поправился, не потеряв ни зрения, ни наружной формы. Воронцов считал себя всецело обязанным Андреевскому в плане спасения своего глаза, о чем он наряду с известием о взятии Салт сообщал Ягницкому в письме от 29 сентября из Темир-Хан-Шуры[47].

На этом мы заканчиваем обзор документов о салтинском сражении, хранящихся в ОПИ ГИМ. В заключение скажем, что обнаруженный нами дневник медика дополняет фактическим материалом историю осады и штурма аула Салты, биографии

участников этой баталии, передает динамику военных будней. Практически ежедневное освещение медицинской помощи, оказываемой автором, Пироговым и его помощниками раненым обогащает новыми сведениями историю применения эфира при операциях в военно-полевых условиях, ставшее переломным моментом в русской военно-полевой хирургии. Приведенные примеры отношения Исакова и Андреевского к операциям с эфиром, проведенным Пироговым, отражают непростое отношение к этому нововведению. Следует еще отметить, что данный дневник дополняет работу Геселевича А. М. «Летопись жизни Н. И. Пирогова (1810–1881)[48], поскольку в нем имеются более подробные сведения о проведении операций Пироговым под Салтами, неотраженные в «Летописи»; также более детально описан обратный путь в сторону Москвы. И наконец, дневник является беспристрастным свидетельством человеческих страданий и ужасов войны и памятником мужества, самоотверженности и профессионализма врачей, работавших на театре военных действий (ил. 4).

Сведения о взятии Салт содержатся в разных в официальных источниках, начиная с напечатанного в том же году издания

Ил. 4. Н. И. Пирогов на перевязочном пункте при осаде аула Салты. Художник П. Д. Бучкин

штаба отдельного Кавказского корпуса «Овладение укрепленным аулом Салты в Дагестане в 1847 г.». Однако письма Воронцова и Андреевского, не внося принципиально нового в описание этого сражения, обладают эмоциональной ценностью, содержат интересные характеристики, суждения и оценки произошедшим событиям[49].

---

[1] См. об этом также М. Гаммер. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. Москва. Крон-Пресс. 1998 г. 512 с. С. 255–260.
[2] См. Мунаев В. С. Северный Кавказ и Закавказье во время управления князя Михаила Семеновича Воронцова 1844–1854 гг. Ставрополь, 2012. С. 76.
[3] ОПИ ГИМ Ф. 419. ГИМ. 23898 Арх. 3921.
[4] Неммерт Петр Юльевич (1819–1858) – доктор медицины, профессор патологической анатомии Санкт-Петербургской Военно-Медицинской академии. С 1842 г. состоял ассистентом госпитальной клиники Н. И. Пирогова. В 1847 г. сопровождал Н. И. Пирогова на Кавказ.
[5] Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу, содержащий полную статистику ампутаций, статистику операций, произведенных на поле сражения и в различных госпиталях России с помощью анестезирования, опыты и наблюдения над огнестрельными ранами и проч. / [Соч.] Н. Пирогова, акад. и п. о. проф. С.-Петерб. медико-хирург. акад... СПб.: Тип. Э. Праца, 1849.
[6] Н. И. Пирогов. Собрание сочинений в 8 т. М., 1959. Т. 3. С. 83. О Калашникове в примечаниях к Отчету сказано: Калашников Иван, лекарский помощник, сотрудник Н. И. Пирогова по медико-хирургической академии. Вместе с Н. И. Пироговым был в Кавказской экспедиции 1847 г. Умело готовил анатомические препараты, делал скелеты. Ездил с Н. И. Пироговым в Крым во время первой и второй поездки. Там же. С. 529.
[7] Геселевич Анатолий Михайлович. Летопись жизни Н. И. Пирогова (1810–1881). М.: Медицина, 1976. С. 36.
[8] На всякий случай отметим, что в дневнике упомянуты как третьи лица и врач Дукшинский, и лекарь Сорокин.
[9] Надобно отдать справедливость Калашникову, который утром и вечером часов по пять работает в гангренозном отделении; только человек такой, как он, привыкший к нечистым работам в анатомии, может выносить столько, сколько он выносит, возясь с гнилью и живыми трупами... Письмо Пирогова к жене, А. А. Пироговой, от 30.01.1855 г. Н. И. Пирогов. Собрание сочинений в 8 т. М., 1959 г. Т. 6. Ч. 2.
[10] Михаил Петрович Полтинин(?-?) – генерал-лейтенант, участник заграничного похода, Русско-персидской, Русско-турецкой и Кавказской войн, георгиевский кавалер.
[11] Семён Корнилович Новосёлов (1812–1877) – генерал-майор, участник Кавказской войны. Принимал участие в штурме Гергебиля в июне 1848 г., 23 июня во время фуражировки у села Чох был ранен.
[12] Слепцов Николай Павлович (1815–1851), участник кавказских войн, генерал-майор.

[13] Бибанов Алексей Иванович (?–1847) подполковник, командир 5-го батальона пехотного Варшавского полка.

[14] Возможно, имеется в виду Круковский Феликс Антонович (1804–1852), генерал-майор, бывший наказной атаман Кавказского линейного войска. В 1845 г. был назначен командиром Нижегородского драгунского полка, с которым воевал, в том числе, под Салтами.

[15] Мищенко, майор мингрельского егерского полка. См. о нем также: Н. А. Волконский. Трехлетие в Дагестане. 1847 год. Осада Гергебиля и взятие Салты. Кавказский сборник. Тифлис, 1882. Т. 6.

[16] Гагарин Юрий Павлович (1811–1858) – сотник гребенского казачьего полка.

[17] Прокопович – поручик Эриванского полка. См. о нем также История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка. Сост. Штабс-капитан Шибанов. Тифлис, 1871. С. 180–181.

[18] Князь Моисей Захарович Аргутинский-Долгорукий (1797–1855) – генерал-лейтенант(1845); в январе 1847 г. был назначен Дербентским военным губернатором. 14 сентября 1847 г. возглавил штурм аула Салты. 8 ноября 1847 г. был назначен командующим войсками в Прикаспийском крае.

[19] Граф Федор Логинович Гейден (1821–1900) – начальник главного штаба при Александре II, финляндский генерал-губернатор (1881–1897). За отличия при производстве траншейных работ под аулом Салты, во время которых был ранен, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени; затем – орденом Св. Георгия 4-й степени (25 ноября 1847 г.) «в воздаяние за отличное мужество и храбрость, оказанные против Горцев, при покорении укрепленного селения Салты, в 1847 году».

[20] Исаков Николай Васильевич (1821–1891), генерал от инфантерии (1878). В начале 1846 г. был командирован на Кавказ, где состоял офицером генштаба при дагестанском отряде кн. М. З. Аргутинского-Долгорукова, отличился при штурме Салт.

[21] Андреевский Эраст Степанович (1809–1872) – доктор медицины, генерал-штабдоктор Кавказской армии, д. с. с., основоположник российской курортологии.

[22] Один офицер на фуражировке был ранен в плечевой сустав без повреждения кости; пуля засела у него в глубине и нам, несмотря на расширение разреза, не удалось ее извлечь. Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу // Пирогов Н. И. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1959. Т. 3. С. 69.

[23] Буяльский Илья Васильевич (1789–1866), русский анатом и хирург, заслуженный профессор Императорской Медико-хирургической академии (1839).

[24] «Из архива К. Э. Андреевского. Записки Э. С. Андреевского». Одесса, 1913. Т. 1. С. 61.

[25] «Из записок Н. В. Исакова. Кавказские воспоминания. Русская старина, 1917 г. Год XLVIII. Т. 169. С. 335.

[26] Из записок Н. В. Исакова. Кавказские воспоминания. Русская старина. Год. 48. 1917 г. Т. 170. С. 50.

[27] Чохцы – жители аула Чох в Гунибском районе Дагестана.

[28] Графский солдат – имеется в виду солдат Графского отряда.

[29] Полковник Бибанов. Жизнеописание. Изд. гвардии-полковником Новоселовым. СПб., 1858 г.

[30] История 83-го пехотного Самурского его императорского высочества великого князя Владимира Александровича полка. Т. 1. Составил капитан А. Петров. Петровск.

(Даг. Обл.): тип. А. М. Михайлова, 1892. См. также 83-й Самурский полк на Кавказе, в Хиве и Закаспии. 1845–1881 года. Сост. Рекалов. Ставрополь. 1911.

[31] Князь Илико Зурабович Джамбакуриан (Илья Дмитриевич) Орбелиани (1818–1853) – генерал-майор русской армии. В битве под Салтами командовал в Дагестанском отряде пехотным батальоном.

[32] Кумых – село в Дагестанской области.

[33] См. об этом: С. Б. Манышев. Отправлен на Кавказ для... применения употребления эфира. (Н. И. Пирогов на Кавказе и становление военно-полевой хирургии в середине XIX века.) //«Новое прошлое». Кавказский пленник. 2018. 3. Ростов-на-Дону.

[34] Об этой ампутации Пирогов писал: ...Одна нога его была перевязана тряпками; я думал, судя по его равнодушию, что он незначительно ранен. Но каково же было мое удивление, когда, сняв повязку, я увидел, что нога его, перебитая ядром выше колена, висела почти на одной только коже. На другой день после отнятия бедра этот же мюрид сидел между нашими ранеными так же спокойно и с тем же стоицизмом. Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу // Пирогов Н. И. Собрание сочинений. Т. 3. С. 70.

[35] Там же.

[36] См. об этом Сергей Манышев. «Злоключения головы» // https://etokavkaz.ru › istoriya › zloklyucheniya-golovy

[37] Н. И. Пирогов. Собрание сочинений. Т. 3. С. 82.

[38] Сочинения Н. И. Пирогова. Изд. В память столетия со дня рождения Н. И. Пирогова. 1810–13 ноября–1910. Киев, 1910. Т. 1. С. 9.

[39] Там же. Т. 1. С. 6.

[40] Кайтайцы – этническая группа даргинцев, жители Дагестана.

[41] Ладинский Петр Антонович (1784–1865) – генерал-лейтенант, начальник гражданского управления Закавказского края.

[42] «Наблюдение доктора Э. С. Андреевского о холере». Газета «Кавказ» № 27 от 05.07.1847. С. 106–107. Здесь Э. Андреевский приводит состав «воронежского эликсира», излечивающий от холеры.

[43] ОПИ ГИМ Ф. 60. Оп. 2. Ед. 2123. Л. 66-70.

[44] Там же. Л. 67.

[45] Там же. Л. 68.

[46] Там же. Л. 71.

[47] Там же. Л. 73.

[48] Геселевич Анатолий Михайлович. Летопись жизни Н. И. Пирогова (1810–1881). М.: Медицина, 1976. 100 с.

[49] Салтинское сражение явилось одним из сюжетов повести известного дореволюционного писателя Василия Немировича-Данченко, брата известного драматурга, выросшего на Кавказе в семье офицера, воевавшего под началом Воронцова, проведшего детство в военных гарнизонах и слышавшего рассказы отца и его сослуживцев об экспедициях и набегах. Это произведение художественными литературными приемами интересно передает эмоциональную, психологическую составляющую Кавказской войны в целом и эпизода, связанного со штурмом Салт, в частности.

Д. Г. Целорунго, В. Н. Литуев (Музей-заповедник «Бородинское поле», Московская обл.)

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ УНТЕР-ОФИЦЕРА ТИХОНОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ОПЫТ IT-ТЕХНОЛОГИЙ)

ПЕРЕД НАМИ текст воспоминаний русского унтер-офицера Тихонова, участника боев на Багратионовых флешах и на высотах деревни Семеновская, служившего в чине рядового в одном из пехотных полков 3-й пехотной дивизии генерала П. П. Коновницына. Текст записан со слов Тихонова в 1830 г. (Приложение 1). Рассказ этот составлен из замечаний, сделанных солдатом на прочитанную ему 5-ю главу I тома «Истории нашествия императора Наполеона на Россию» Д. П. Бутурлина[1].

С чисто литературной точки зрения текст воспоминаний неидеален, герой рассказа в своем изложении событий «перескакивает» с одной темы на другую. Вместе с тем, для исследователей важнейшим позитивным моментом в воспоминаниях русского солдата являются его непосредственность и критический подход в изложении хода Бородинского сражения, а также в описании известных ему главных и второстепенных действующих лиц великой битвы. Благодаря этому исследуемый нами текст имеет высокий уровень достоверности и обладает еще не раскрытым информационным потенциалом за счет того обстоятельства, что до настоящего времени текст не подвергался математической обработке, которая предоставляет исследователю возможность определить взаимосвязи между факторами, выявленными в данном историческом источнике. Именно вычисление взаимосвязей между факторами – содержательными параметрами текста, которые скрыты в различных его частях, – может помочь определить, что герой рассказа имел в виду как бы между строк. Решение

подобной исследовательской задачи возможно только при помощи математических процедур и современных IT-технологий.

Наша исследовательская задача предполагает реализацию нескольких этапов работ. Во-первых, необходимо создать перечень параметров текста, как мы называем, факторов-конструктов (от лат. Constructio – построение, их можно представить в качестве различных существительных текста нашего источника, например, пехота, кавалерия, приказание и т. д. – *Прим. авт.*), которые в максимальной полноте должны отражать содержание исследуемого нами текста (табл. 1). Во-вторых, в соответствии с информационными технологиями, важнейшим этапом является оцифровка текста. В-третьих, нужно получить текст в форме цифрового аналога, который уже можно обработать по соответствующим математическим моделям. И наконец, представить читателям результаты применения IT-технологий к тексту нашего источника в виде таблицы и графов.

В таблице 1 содержится 27 факторов-конструктов. Это обстоятельство связано с тем, что текст имеет относительно большой объем. В информационных технологиях изучение объема текста не является решающим, поскольку для решения исследовательских задач важнейшим элементом является выявление значимых взаимосвязей между факторами-конструктами, которые отражают содержание текстов.

В качестве математической модели оцифрованного текста воспоминаний русского солдата были избраны: кластерный анализ, который отразил общую структуру взаимосвязей факторов-конструктов текста; факторный анализ, который представил «вес» каждого фактора-конструкта, а также результаты обработки данных методами нелинейной множественной регрессии. Кластерный и факторный анализы сделали для нас явными представления о том, какие выявленные в тексте факторы-конструкты влияют друг на друга и с каким знаком, положительным или отрицательным.

Вся система взаимосвязей факторов-конструктов текста воспоминаний Тихонова образовала сложную общую структуру взаимосвязей, в свою очередь, состоящую из десяти взаимосвязанных внутренних структур. Причем все структурные взаимосвязи оказались «подвешены» на таком факторе как «Я» – Тихонов, автор воспоминаний (6)* и «Бородино» (27) – сражение, в котором я участвовал, и все виденное своими глазами расскажу (Здесь

и далее в скобках указаны номера факторов-конструктов, как в таблицах 1 и 2. – *Прим. авт.*). Другими словами, главное в отраженных взаимосвязях факторов-конструктов – это исключительно личные представления автора воспоминаний, записанные спустя 18 лет после сражения (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Перечень названий факторов-конструктов и номеров к ним из математической модели оцифрованного текста воспоминаний унтер-офицера Тихонова

Факторы-конструкты и пояснение к ним
1. Французы (французские солдаты)
2. Мы (однополчане Тихонова, солдаты дивизии Коновницына)
3. Багратион (Петр Иванович, здесь – факт ранения Главнокомандующего 2-й Западной армией)
4. Мост в Бородине (мост через р. Колочу на Новой Смоленской дороге за восточной окраиной села)
5. Штабные (русские офицеры Главного штаба соединенных армий)
6. Я (Тихонов – автор воспоминаний)
7. Наполеон (солдаты Наполеона)
8. Шанцы (небольшие земляные артиллерийские укрепления)
9. Коновницын (Павел Петрович, генерал-лейтенант, начальник 3-й пехотной дивизии)
10. Бутурлин (Петр Михайлович – русский военный историк, в 1812 г. подпоручик, в Бородинском сражении не участвовал)
11. Свалка (военный жаргон – теснота и давка в сражении, а по тексту в первую очередь – ожесточенная схватка)
12. Пехота (русская)
13. Кавалерия (русская)
14. Артиллерия (русская)
15. Кавалерия (французская)
16. Стрелки (здесь – французская легкая пехота, действовавшая рассыпным строем)
17. Резервы (русские)
18. Пехота (французская)
19. Гвардейцы (русские)
20. Дохтуров (Дмитрий Сергеевич – генерал от инфантерии, сменил раненого Багратиона на месте Главнокомандующего 2-й Западной армией)
21. Капитан (русский офицер)
22. Гренадеры (русские)
23. Приказание (чтобы завтра атаковать француза, оказалось слухом, вечером Кутузов отдал приказ об отступлении)
24. Начальство (русские генералы и офицеры)
25. Юнкер (однополчанин Тихонова)
26. Ротный (командир роты, в которой служил Тихонов)
27. Бородино (сражение, я, Тихонов, в нем участвовал и расскажу, что видел)

Следующим знаковым моментом взаимосвязанных факторов-конструктов является то, что практически все структурные взаимосвязи включены внутрь общей структуры. А общая структура, включающая все остальные взаимосвязи, образована тремя важнейшими факторами-конструктами, имеющими связи между собой: «Свалка» (11), «Пехота» русская (12), «Французы» (1). При этом необходимо отметить, что из этих трех участвующих во взаимосвязях факторов-конструктов, которые создают контур общей структуры, имеют значимые веса только два: «Свалка» (11) и «Пехота» русская (12), а фактор «Французы» – французские солдаты (1) имеет минимальное и незначимое измерение (табл. 2).

Остановимся на описании важного фактора-конструкта «Свалка» (11), через который проходят взаимосвязи основных факторов-конструктов всего графа. С одной стороны, фактор «свалка» показывает на высокую ожесточенность боевых действий – в данном случае, в первой половине битвы на левом фланге русской армии у высот деревни Семеновской, где непосредственно сражался автор воспоминаний.

С другой стороны, фактор «Свалка» должен указывать, в контексте автора воспоминаний, на просчеты французского высшего командования в планировании начала сражения, то есть сражение пошло не по первоначальному плану, мало того, «Свалка» во время битвы сама по себе представляла опасность для обеих сторон тем, что в бою это явление плохо управляемо со стороны воинских начальников и в конечном итоге опасно непредсказуемыми последствиями.

Вот описание этой ситуации бригадным генералом Сокольницким из штаба Наполеона, которое включил в свои мемуары другой участник сражения, наполеоновский офицер армейской разведки Р. Солтык. Время и место, описываемые Тихоновым и Сокольницким, совпадают.

Сокольницкий по своим служебным обязанностям во время сражения совершил поездку в корпус маршала Даву, штурмовавшего Багратионовы флеши, а от него отправился в корпус маршала Нея, который действовал рядом. Когда Сокольницкий приблизился к следующей цели своей поездки, то обнаружил сумбурно отступавшим весь Третий корпус, в неразберихе перемешавшийся с атаковавшими его русскими. Соколинский быстро вернулся к Наполеону и получил от него приказ для

дивизии Фриана, еще не побывавшей в сражении, атаковать противника. Соколинский тотчас поспешил в эту дивизию и отправился с ней на помощь маршалу Нею. Этот своевременно выполненный маневр, по словам Солтыка, изменил положение в сражении в этом месте в пользу французов[2]. Здесь надо отметить, что отборная пехотная дивизия генерала Фриана стояла в резерве с начала сражения и по замыслу Наполеона предназначалась для победного аккорда в битве, но ее пришлось бросить в огонь в первые часы сражения для удержания позиций французского правого фланга.

А вот как описывает это событие Бородинской битвы в своем историческом труде П. М. Бутурлин, который писал, что при деревне Семеновской с беспримерным ожесточением шел бой и 700 орудий на пространстве не более одной квадратной версты обстреливали во всех направлениях небольшую равнину, находящуюся впереди Семеновской. «В сей страшный час многочисленные колонны неприятельской пехоты и кавалерии двинулись на сию роковую равнину и флеши. Багратион, видя, что неприятель выигрывает место, приказал войскам своим выступить к нему навстречу. Вся линия колонн левого крыла россиян двинулась вперед скорым шагом. Натиск был ужасен: ни одна из сторон не хотела уступать победы, которая, казалось, была близка, оттого последовала ужасная сеча. Пешие, конные и артиллеристы обеих сторон, вместе перемешавшись, представляли ужасное зрелище неправильной громады воинов, препирающихся один на один с бешенством отчаяния. Хотя неприятель был в превосходном числе, однако же россияне держались, доколе несчастие, случайно приключившееся, не переменило всего положения дел... Багратион, начальник его штаба Сен-При и многие другие генералы были ранены. Войска, не управляемые более начальниками, начали отступать»[3].

Приведенные выше цитаты подтверждают высокие положительные веса и тесную взаимосвязь факторов-конструктов «Свалка» (11) и «Пехота» русская (12) в нашей математической модели (табл. 2).

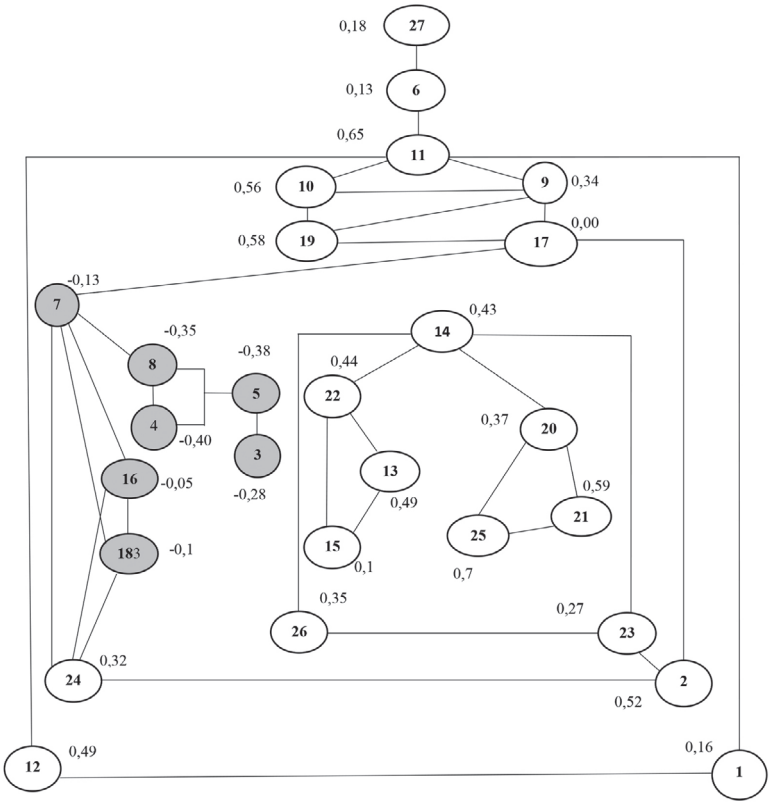
Фактор-конструкт «Бутурлин» (10) имеет в графе также большой факторный вес и состоит в взаимосвязи с фактором «Я» (6) через фактор-конструкт «Свалка» (11), что указывает, с одной стороны, на опосредованное общение военного историка гвардии полковника и флигель-адъютанта Бутурлина

и живого свидетеля великого события, простого русского солдата, точки зрения которых сходятся в данном случае на факторе (11) как ожесточенной схватке, или, по словам Тихонова, как «Свалке».

Следует обратить внимание еще на одну небольшую, но важную конструкцию, состоящую из четырех взаимосвязанных факторов: «Бутурлин» – историк (10), «Коновницын» (9), «Гвардия» русская (19), «Резервы» русские (17). Три первых фактора-конструкта имеют высокие факторные веса, здесь как бы выражено уважительное отношение мемуариста Тихонова к историку Бутурлину как обратившему повышенное внимание на место сражения, где сражался рядовой Тихонов, а также к успешным действиям русской гвардии в сражении и к своему начальнику дивизии, а вот фактор-конструкт «Резервы» русские (17) с нулевым факторным весом указывает на неверную оценку, которую дал Тихонов, в отношении русского командования в битве, которое посылало к Багратиону резервы по частям, а это «только народ даром губить. Резерв надо вводить разом» (Приложение 1). Но эта солдатская оценка распоряжений высокого командования противоречила тому факту, что русские позиции на Бородинском поле, хотя и были противником потеснены, нигде не были прорваны, в том числе и на левом фланге, где сражался рядовой Тихонов. Русская армия при Бородине, исходя из стратегического замысла М. И. Кутузова, вела исключительно оборонительное сражение, и за все время битвы Кутузов ни разу не отдал команду ни об общем, ни о локальном наступлении на позиции противника. Здесь можно вспомнить и о численном превосходстве в сражении при Бородине регулярных войск Наполеона – как минимум на треть, и о главном правиле в сражении для военачальников: сохранять до последней возможности как можно больше резервов, этого правила придерживались как Кутузов, так и Наполеон. В этом смысле показательна итоговая фраза Наполеона из его «Общих распоряжений для сражения на завтра, 7 сентября [1812 г.]», где, подытоживая свои распоряжения, он особо подчеркивал, что они должны быть исполнены в порядке и методично, стараясь, чтобы всегда были значительные силы в резерве[4].

Таблица 2

Граф взаимодействий факторов-конструктов из математической модели оцифрованного текста воспоминаний унтер-офицера Тихонова



Показатели графа подтверждают наш вывод (табл. 2), где фактор-конструкт «Резервы» русские (17) имеет ближайшие положительные взаимосвязи с факторами-конструктами «Гвардейцы» русские (19), «Коновницын» (9) и «Мы» (2), каждый из которых, в свою очередь, имел высокий положительный факторный вес от +0,58 до +34, и только один фактор-конструкт «Наполеон» (7), то есть солдаты Наполеона, оказывал на фактор «Резервы» русские (17) невысокое отрицательное влияние (-0,13). Таким образом, в конечном итоге вводимые в бой по частям русские резервы

не позволили Наполеону осуществить свой замысел в генеральном сражении: прорвав русские позиции левого фланга, разгромить русскую армию.

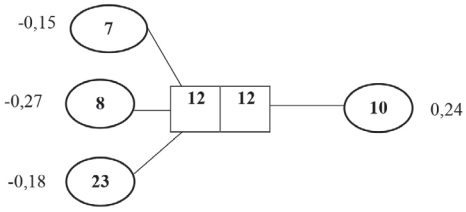
Критический настрой автора воспоминаний как к своим, так и к противнику наблюдается в коротком описании им конкретных ситуаций. Так, о действиях русской пехоты у Багратионовых флешей Тихонов вспоминал: «То наша пехота оправится, вперед пойдет, то кавалерия наша пойдет выручать пехоту... Опять мы все полезли вперед, и опять без толку» (Приложение 1).

О французских солдатах ветеран вспоминал, что, когда дивизия Коновницына подошла к Багратионовым флешам, «построились и ударили в штыки: французы заметались, как угорелые... Француз храбр... А на штыки нет, не горазд. Храбр он, да уж очень нежен» (Приложение 1). Исходя из высказываний мемуариста, фактор-конструкт «Французы» (1) занимает в графе хоть и узловое положение, но имеет очень низкий положительный факторный вес.

Обработка данных из текста воспоминаний методами нелинейной множественной регрессии предоставила нам возможность произвести более тонкий анализ взаимосвязей факторов-конструктов из оцифрованного текста. К сожалению, рамки статьи не позволили нам остановиться подробно на всех результатах, полученных с помощью нелинейной множественной регрессии. Рассмотрим только два из них.

Таблица 3

Локальный граф влияния факторов-конструктов на фактор «Пехота» русская

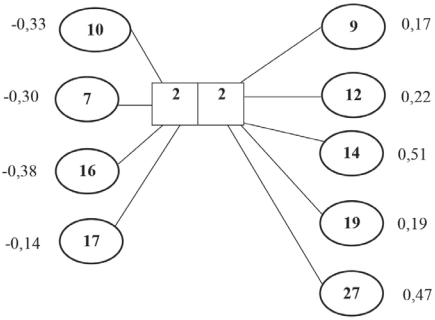


На фактор-конструкт «Пехота» русская (12) положительное действие оказывал только один фактор-конструкт – «Бутурлин» (10), что следует из описания боя у Багратионовых флешей у историка Бутурлина, прочитанного унтер-офицеру

Тихонову (табл. 3). Отрицательные влияния на фактор «Пехота» русская оказывали три фактора-конструкта «Наполеон» (7) – солдаты Наполеона, «Шанцы» (8) и «Приказание» (23). Подробней остановимся на последнем. Тихонов вспоминал, что вечером «приказание привезли, чтобы завтра атаковать француза», но эти слова имеют свой подтекст, так как такого «приказания» в действительности не было, вечером по русским войскам на поле разошелся лишь слух, что такой приказ как бы был отдан, на самом деле вдогонку за этим слухом в войска вечером 26 августа пошел приказ об отступлении с бородинских позиций, отсюда у фактора «Приказание» и отрицательное влияние на фактор-конструкт «Пехота» русская (табл. 3). Другими словами, суммарно действующие отрицательные факторы в этом графе оказались в большинстве и в сумме составили (-0,60). В этом графе оказался только один положительный фактор-конструкт – придворный историк «Бутурлин» (10), что указывает на расхождения в точках зрения на Бородинское сражение простого солдата и тогдашнего главы официального направления в русской военно-исторической историографии.

Таблица 4

Локальный граф влияния факторов-конструктов на фактор «Мы»



На фактор-конструкт «Мы» – однополчане Тихонова, солдаты дивизии Коновницына (2) – оказывают положительное влияние пять факторов: «Коновницын» (9), «Пехота» русская (12), «Артиллерия» (14), «Гвардейцы» русские (19), «Бородино» – сражение (27), то есть я, Тихонов, в нем участвовал и расскажу о нем все, что видел, что слышал и что о нем думаю. Общее

значение вычисленных положительных факторных весов равно 1,56 единиц, что говорит о высокой оценке, данной Тихоновым своим товарищам по оружию, с которыми он сражался бок о бок на Бородинском поле, а также начальнику своей дивизии генералу Коновницыну.

Отрицательно влияли на фактор-конструкт «Мы» следующие четыре фактора: «Бутурлин» (10), «Наполеон» (7) – солдаты Наполеона, «Стрелки» французские (16), «Резервы» русские (17). При этом общее значение вычисленных факторных весов, имеющих отрицательный знак влияния на фактор «Мы», составило 1,15 единицы. С тремя факторами из четырех все понятно, а вот фактор-конструкт «Бутурлин», оказавшийся в группе факторов с отрицательным влиянием на фактор «Мы», опять указывает на несовпадение взглядов флигель-адъютанта Его Императорского Величества и простого русского солдата на ход Бородинского сражения.

Таким образом, вычисление взаимосвязей параметров факторов-конструктов позволяет получать новые исторические знания даже из мемуарных исторических источников, несмотря на крайнюю степень их субъективности. Это возможно потому, что при изложении автор воспоминаний не может контролировать невольно возникающий контекст своих высказываний, скрытый нередко и для него самого, но с помощью математических методов измерения взаимосвязей факторов-конструктов мы имеем возможность выявлять и скрытый контекст.

Математическое моделирование преобразованного текста воспоминаний унтер-офицера Тихонова в цифровое состояние отобразилось в противоречивых измерениях представлений о Бородинском сражении. В рассказе неграмотного солдата изложено исключительно увиденное своими глазами и услышанное впоследствии от боевых товарищей. Рассказ не лишен и критических замечаний в сторону обеих противоборствующих сторон в сражении, а математическая модель выявила как достоверность одних фактов в изложении воспоминаний, так и недостоверность других, как это произошло с рассуждением Тихонова об ошибках командования в организации подхода русских резервов к Багратиону.

Мы показали в нашей статье результаты обработки массовых данных с помощью построения математических моделей, которые показали преимущественно позитивную оценку,

данную Тихоновым действиям русских войск в Бородинском сражении. По-другому, пожалуй, и не могло быть, ведь ветеран Отечественной войны 1812 г. унтер-офицер Тихонов вспоминал и давал свои оценки спустя два десятилетия, с высоты видения русского солдата – победителя в тяжелой войне с «нашествием двунадесяти языков».

---

[1] Чтения в Обществе истории и древностей российских (Чтения ОИДР). 1872. Кн. 1. Отд. 1. С. 115–118. (Приложение 1).

[2] Soltyk R. «Napoleon im Jahr 1812, oder historisch-militärische Darstellung des Feldzugs in Russland». Wesel und Leipzig, 1838. S. 209.

[3] Бутурлин Д. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Часть первая. СПб., 1837. С. 277–279.

[4] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 2. Д. 899а. Л. 13–14.

Приложение 1

Рассказ о Бородинском сражении отделенного унтер-офицера Тихонова, записанный в 1830 г.

«От самого Дорогобужа француз обходил нас с правого фланга, от того и под Бородином у нас пуще всего за правый фланг опасались, и настроили там шанцев видимо, не видимо. Сказывали, будто Багратион бранился со штабными и говорил: «Чего вы за правый фланг страшитесь? Вы берегите левый фланг!» Да его не послушали.

В Бородине хороший мост, как следует на почтовом тракте. Забери только между сваями лесом, да завали соломою и землею, вот тебе и плотина. За день, а много за два, набралось бы в реке столько воды, что не то что через Колочу, а и через [речку] Войну, без мостов проходу не было бы. У нас все реки так.

За год перед тем, как меня в рекруты сдали, прорвало у нашей мельницы плотину, так не то что весь покос с телегами ездили и колес, бывало, не замочишь, а ребятишки бродили, рубашонок не поднимали. Перед первым Спасом мельник сделал помощь, поправил плотину: в два дня набралось столько воды, что не то что в брод перейти, а стали с лугов лошадей перегонять: так одна, слепая, лошадь, завертелась на середине и утонула. Укрепи только получше Бородино, да и гляди, как Наполеон без мостов через реку перебираться станет.

Багратионовские шанцы сам видел. Так, дрянь, и шанцами стыдно назвать. В Тарутине сказывали, будто Шевардинский редут и Раевского шанцы такие же были: ров мелкий, в колено, амбразуры до земли, и лезть через них ловко, и каждого солдата внутри видно.

Коновницын повел нас к Багратионовским шанцам часу в восьмом, коли не позднее. Подошли наши две бригады, а третья в кустах была, построились, ударили в штыки: французы заметались, как угорелые (смеется). Француз храбр. Под ядрами стоит хорошо, на картечь и ядра идет смело, против кавалерии держится браво, а в стрелках ему равного не сыщешь. А на штыки, нет, не горазд. И колет он зря, не по-нашему: тычет тебя в руку, или в ногу, а то бросит ружье и норовит с тобою вручную схватиться. Храбр он, да уж очень нежен.

Бутурлин говорит, что около Багратионовских шанцев, как Багратиона ранили, свалка была. Свалка была и перед тем, и после. То наша пехота оправится, вперед пойдет, то кавалерия наша пойдет выручать пехоту, то французские шассеры наскочат на пушки, пойдут артиллеристов рубить. Горькая, сударь, артиллерийская служба, самая тяжелая. Палят по ним из пушек больше, чем по ком-либо, и стрелки их донимают, подбивают пушки, ящики взрывают; а тут либо пехота навалит, либо конница наскачет; ружья нет, отбивайся, как знаешь, а то, жди: «Отцы, мол, родные, выручьте!»

Вся беда не в свалке, а в том, что к Багратиону резервы подходили по частям. Когда мы подошли, у него, кроме Воронцова да Неверовского, и народу больше не было. За нами перестроились они, опять пошли в дело. Там подошли сводные гренадеры, как нас уже отбили; опять мы все полезли вперед, и опять без толку. Гвардейцы пришли поздно, и через овраг не переходили. Самое поганое дело подводить резервы по частям: только народ даром губить. Резерв надо вводить разом.

Как Багратиона ранило, переводить нас за овраг начал Коновницын, этак, около полудня. Дохтуров приехал после. Пехота французская за овраг не переходила, а отлеживалась за шанцами и за кустиками; кавалерия перескакивала и за овраг, бросалась на нас, а больше на гвардейцев, да те их так угостили, что долго они потом помнили, каково гвардию атаковать. Кирасиры, и шассеры заносились Бог знает куда. У нас капитана ранило, так унтер-офицер с четырьмя солдатами понесли его на

перевязку, и я был в носильщиках. Встречали мы убитых французских кирасиров за второй линией.

Семеновская улица идет поперек поля сражения, от француза под горку. С полевого конца там тоже шанцы были. Сказывали, что шанцы француз занял, да гренадеры его оттуда выгнали.

Как перешли мы за овраг, жарил в нас француз из пушек часа полтора страсть как, а там много полегче стало, а этак, около вечерен, и совсем мало стали палить из пушек; палили, особенно наши, до темной ночи. А тут приказание привезли, чтобы завтра атаковать француза. Мало его осталось, повалили мы его страсть что: он очень густо стоял, нашим пушкам ловко было палить; наших зарядов много меньше пропадало, чем французских, да мы и стояли пореже. Повалил он, после полудня, у нас много народу, но все не столько, сколько мы у него.

Коновницын, Сударь, был такой Генерал: что на смотру, что на ученье, что на полковом празднике, что в деле, всегда одинаковый. Ловкий и распорядительный был генерал, спокойный. А ты видишь, что начальник спокоен, ну, и сам не сомневаешься ни в чем.

Про Дохтурова у нас говорили, что коли он где станет, надобно туда команду с рычагами посылать, а так его не сковырнешь. Стойкий был человек, веселый такой и добрый. Старый служака, еще с Суворовым ходил, а, пожалуй, и Румянцева помнил. Всего, значит, насмотрелся, ничем его не удивишь.

Начальство под Бородином было такое, какого не скоро опять дождемся. Чуть бывало кого ранят, глядишь, сейчас на его место двое выскочат. Ротного у нас ранили, понесли мы его на перевязку, встретили за второй линией ратников. «Стой!» кричит нам ротный (а сам бледный, как полотно, губы посинели). «Меня ратнички снесут, а вам баловаться нечего, ступайте в батальон! Петров! Веди их в свое место!» Простились мы с ним, больше его не видали. Сказывали, в Можайске его французы из окна выбросили, от того и умер. А то поручика у нас картечью ранило. Снесли мы его за фронт, раскатываем шинель, чтоб на перевязку нести. Лежал он, с закрытыми глазами: очнулся, увидал нас, и говорит: «Что вы, братцы, словно вороны около мертвечины собрались. Ступай в свое место! Могу и без вас умереть!» Как перешли мы за овраг, после Багратиона, стали мы строиться. Был у нас юнкерок, молоденький, тщедушный такой, точно девочка. Ему следовало стать в 8-м взводе, а он, возьми, да в знаменные

ряды и стань. Увидал это батальонный Командир, велит ему стать в свое место. «Не пойду я, говорит, Ваше Высокоблагородие, в хвост, не хочу быть подлецом: хочу умереть за Веру и Отечество». Батальонный у нас был строгий, разговору не любил; велел он фельдфебелю поставить юнкера на свое место. Взял его, раба божьего, Иван Семенович за крест*, ведет, а он туда же, упирается. Когда б не такое начальство, не так бы мы и сражались. Потому что какое ни будь желанье и усердье, а как видишь, что начальство плошает, так и у самого руки опускаются. А тут в глаза всякому наплевать бы следовало, если бы он вздумал вилять, когда он видит, что отрок, и человеком его назвать еще нельзя, а норовит голову свою положить за Веру и Отечество. Да вилять никто и не думал».

---

* Перевязь, широкий ремень для ношения патронной сумы или тесака, две перевязи, перекрещиваясь на груди, составляли собою как бы Андреевский крест.

К. В. Черенцова (Санкт-Петербург)

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧИНОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО АРСЕНАЛА: ОПЫТЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ. ПО СТРАНИЦАМ «АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ЖУРНАЛА» (XIX – нач. XX вв.)

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ научно-технической деятельности предполагает реализацию комплекса мероприятий, нацеленных на «получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы»[1]. Неотъемлемой частью этих мероприятий является организация фиксации результатов, достигнутых в процессе их реализации.

Необходимость понимания актуального состояния той или иной отрасли научного знания, одновременного проведения профильных опытных, практических работ, нацеленных на развитие, совершенствование или поиск новых путей, позволяет эффективнее осуществлять внутринаучную рефлексию, результаты которой помогают выявлять и закреплять основания для последующего поступательного научного развития.

Создание артиллерийского вооружения находится на стыке науки, технологий и производства, и за шесть с лишним столетий прошло насыщенный путь, наполненный поисками форм внутриотраслевого и междисциплинарного взаимодействия.

В России к конце XVIII – начале XIX вв. содержание отечественной литературы, связанной с артиллерией, преимущественно сводилось к освещению вопросов теории и практики ее применения[2], в некоторых трудах приводилось описание материальной части[3].

20 декабря 1807 г. (1 января 1808 г.) по распоряжению инспектора всей артиллерии А. А. Аракчеева был основан печатный орган артиллерийского ведомства – «Артиллерийский журнал». Концепция данного издания предполагала, что в нем будут публиковаться «любопытные и отборные выписки и переводы из книг, особенно иностранных, ... другие акты, до артиллерии касающиеся», а также сведения о «выходящих артиллерийских книгах»[4].

В 1812–1839 гг. журнал не издавался, после возобновления выхода в свет и к концу XIX – началу XX в. «Артиллерийский журнал» вошел в число наиболее известных специализированных печатных изданий Военного ведомства.

Во «Введении», напечатанном в «Артиллерийском журнале» №1.1808, указывалось: «...Для образования же искусных артиллеристов вообще, честолюбие каждого должно не только воспламенять нас к неусыпному упражнению во всем до звания артиллериста касающемся, но еще обязывает ко взаимному сообщению наших познаний, дабы новым лучом опытности озарить круг занятий любителей сей части воинского искусства, и так сугубою ревностию соделаться отечеству вяще полезными.

Для достижения сей цели будет издаваться артиллерийский журнал, в котором будут читателям сообщаться не только всякие новые изобретения до артиллерии касающиеся, но вообще все что может быть занимательно, а потому и входят в состав сего журнала не только всякие любопытные и отборные выписки и переводы из книг иностранных..., но еще и доклады ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и разные по артиллерии акты, также сведения о занятиях Временного артиллерийского комитета и известия о производстве работ в арсеналах, лабораториях, пороховых заводах...»[5].

Таким образом, по замыслу А. А. Аракчеева в тематический перечень нового издания входило размещение сведений о работах, выполнявшихся в технических заведениях артиллерийского ведомства, в том числе арсеналах – Санкт-Петербургском, Брянском и Киевском[6].

Столичный среди них играл ключевую роль: показатели его производственной деятельности по выпуску орудий и материальной части, принятых на вооружение, превышали производительность других арсеналов. Так, «Ведомость, показывающая сколько в 1807 году при С. Петербургском и Брянском арсеналах отлито орудий разных калибров для батарейной и полковой

артиллерии...», указывала, что в столичном за год было отлито 6-фунт. и 12-фунт. пушек 180 шт., в Брянском – 83 шт., единорогов – 203 и 59 соответственно, лафетов пушечных и единорожных – 115 и 63 соответственно[7]. В период пребывания А. А. Аракчеева на должности инспектора всей артиллерии в Санкт-Петербургском арсенале были увеличены объемы опытных работ, проводимых для совершенствования материальной части, введено упорядочение производства в соответствии с утвержденными «Атласами чертежей...», начато масштабное переоснащение производственных мощностей[8]. Таким образом, широкий диапазон деятельности арсенала послужил основанием для того, чтобы ее описание стало одной из постоянных составляющих различных разделов и рубрик «Артиллерийского журнала».

Так, в №1.1808 была опубликована статья А. И. Маркевича «Об артиллерийской шкале или об артиллерийском размере в России потребляемом», в которой были представлены результаты опытов, проведенных им с участием арсенала в целях поиска оптимальной единой шкалы весов и калибров отливаемых орудий: «Я не довольствовался найденным мною в разных книгах содержанием удельной тяжести чугуна к тяжести дождевой воды, но старался еще и сам вновь сие исследовать: перевесил несколько сот разных калибров ядер, гранат и бомб, наперед надлежащим образом окалиброванных, весил также разные чугунные большие штуки для Санктпетербургского арсенала вылитые, коих кубическое содержание толщины можно было верно вычислить, к тому же вылиты были у меня нарочно из разного чугуна кубы, кои я также весил и сверх того брал еще справки от Санктпетербургского арсенала о весе разных чугунных снарядов, каковой в них оказался при приеме их от заводов...»[9]

В №3.1808 были размещены заметки: «Ежегодное посещение Санкт-Петербургского арсенала», где сообщалось о посещениях его мастерских желающими «лично удостовериться о запасе в готовых орудиях со всею принадлежностью и упряжью» (из них «генералитета – 58 человек, разного звания – 18 855 человек») и «Краткое описание мастерских при Санктпетербургском арсенале», в которой содержалась информация о техническом оснащении производства с указанием имеющегося литейного и станочного оборудования[10].

В №1.1809 были опубликованы материалы о работах, проведенных в арсенале по поиску новой технологии оковки колес для

артиллерийских орудий (1803–1804), и изготовлении опытного орудия конструкции генерал-майора Дибича (1804), включая калькуляцию на израсходованные материалы и трудозатраты[11].

В №3.1809 была размещена информация о конкурсе на изобретение машины для арсенала, «посредством которой бы облегчалась работа в освобождении отлитых орудий от прилившегося к их поверхности металла...», за что объявлялось вознаграждение в виде золотой медали «в 10 червонных с надписью сему изображению соответственной», о передаче производства оковки для зарядных ящиков по образцу, установленному в С.-Петербургском арсенале, заводу К. К. Гаскойна[12].

В №4.1809 в статье артиллерии майора Зоборовского «О способе отливания медных артиллерийских орудий в чугунные опоки» был описан новый способ литья орудий, введенный при участии А. А. Аракчеева (с чертежами)[13].

В №5.1809 была размещена докладная записка А. А. Аракчеева на имя Александра I о «прибавлении к жалованию горновым кузнецам, находящимся в арсеналах, по четырнадцати рублей в год каждому, в Петербургском арсенале ста человекам...»[14].

В №1.1810 были опубликованы именной рескрипт императора Александра I и благодарственное письмо А. А. Аракчеева командиру Санкт-Петербургского арсенала генерал-майору П. И. Тимлеру. Как отмечалось в первом: «В командование Артиллерийским Департаментом инспектора графа Аракчеева производство работ в Арсенале, Вам вверенном, доведено до такого состояния, что отделка оных удивляет посетителей, а крепость приготовляемой артиллерии доказана наидальнейшими движениями...»[15]

После возобновления печати журнала (1839) на его страницах начали появляться публикации, принципиальным отличием которых стало то, что их авторами являлись офицеры, состоящие при арсенале на службе.

Прикомандирование офицерских, классных и нижних чинов из частей гвардейской или полевой артиллерии в технические заведения артиллерийского ведомства осуществлялось на основании распоряжения инспектора всей артиллерии для пополнения недостающих штатных чинов. В офицерский состав арсенала преимущественно входили выпускники Артиллерийского училища (основано в 1820 г., с 1849 г. – Михайловское артиллерийское училище, в 1855 г. его офицерские классы были преобразованы

в Михайловскую артиллерийскую академию). Помимо этого, после получения профильного образования, начиная с 1832 г., по инициативе главноначальствующего Артиллерийским училищем генерал-адъютанта И. О. Сухозанета в образовательную программу этого учебного заведения было введено командирование выпускников, с отличием окончивших училище, в технические артиллерийские заведения для изучения арсенального дела с целью практического применения полученных технических знаний[16].

На должность командира арсенала назначались штаб-офицеры или генералы полевой артиллерии, зарекомендовавшие себя как умелые организаторы и знатоки артиллерийского дела, при этом специальные требования (как к начальнику технического заведения) к ним не предъявлялись. В 1824 г. по инициативе управляющего учебной артиллерийской бригадой, Санкт-Петербургским арсеналом, Охтенскими пороховыми заводами и Санкт-Петербургской лабораторией генерал-майора от артиллерии А. Д. Засядко в штате арсенала была учреждена должность штаб-офицера по искусственной части (позднее – помощник начальника арсенала по технической части), в ведении которого находились вопросы, связанные с технологиями и производством[17].

В 1840 г. по указанию генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича штатный состав столичного арсенала был реорганизован в арсенальную бригаду, в структуру которой входили три части: техническая, хозяйственная и строевая. Техническую часть составляли производственные, инструментальная и чертежная мастерские; заведующими мастерскими назначались строевые офицеры, проявившие склонность к технической деятельности. Во время одного из посещений генерал-фельдцейхмейстером Михаилом Павловичем лаборатории Артиллерийского училища (в 1840-х гг.) им было отдельно указано, что «снабдить артиллерию хорошими орудиями, порохом и другими предметами материальной части настолько же необходимо для успеха артиллерийского дела, как и... употребить артиллерию в бою»[18].

В 1840-х гг. в «Артиллерийском журнале» были опубликованы:

– статьи штаб-офицера по искусственной части Санкт-Петербургского арсенала поручика Н. Г. Карташевского «Описание машины, употребляемой ныне в арсеналах для поднятия орудий и других тяжестей, на высоту не слишком большую», в которой сообщались сведения о новой переносной подъемной

машине, применявшейся в арсенале, и способах работы с габаритными грузами, и «Описание устройства и употребления прибора для поверки правильности мушек у медных орудий», в которой была описана разработанная в арсенале технология поверки точности расположения мушек на орудиях обр. 1805 и 1838 гг. Следует отметить, что Н. Г. Карташевский входил в число наиболее образованных специалистов арсенала и стал первым заведующим образованной в нем в 1849–1850 гг. «образцовой мастерской», которая занималась обеспечением производства эталонными мерительными инструментами, лекалами и т. д[19];

– отчет «О железных крепостных лафетах», в котором были представлены результаты испытаний железных лафетов конструкции полковника Венгловского (автор не указан)[20].

В 1850-х гг. были опубликованы статьи (без указания авторства):

– «О результатах опытов, произведенных над прочностью артиллерийского металла разрывом брусков на гидравлическом прессе», где были описаны испытания, проведенные в 1843 г. в арсенале при участии Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета для апробирования пресса и выработки правил определения прочности металла посредством разрыва и скручивания отлитых из него брусков[21];

– «Об опытах, произведенных над колесами различного устройства», где были описаны изыскания в целях увеличения прочности колес, применяемых в русской артиллерии (проводились в 1847–1848 гг.). В результате была выработана технология ошиновки колес цельными шинами, в других технических заведениях было введено изготовление оборудования для выполнения данных работ в полевых условиях[22];

а также:

– статья штаб-офицера искусственной части арсенала капитана А. И. Плесцова «Проект применения фотографии к электробаллистическим хронометрам», в которой описывались возможности использования фотографического способа для уточнения показаний хронометра, разработанного полковником К. И. Константиновым для анализа движений орудийного снаряда[23];

– статья полковника А. Ф. Ферсмана «Некоторые сведения насчет вновь строящегося в Вене арсенала и сравнение его с новым С.Петербургским арсеналом» (по результатам заграничной командировки), в которой был представлен сравнительный анализ

двух технических артиллерийских заведений с описанием преимуществ «...нового русского арсенала перед Венским...»[24];

– статья А. Энгельгардта «О литье медных орудий в Санкт-Петербургском арсенале с 1850-го по 1856-й год», в которой описывалась работа новой литейной мастерской, обустроенной горным инженером А. Фелькнером. На основе результатов исследований свойств металлов и европейских достижений литейного искусства им была внедрена усовершенствованная технология отливки артиллерийских орудий[25].

Следует отметить, что ряд статей о деятельности столичного арсенала принадлежал авторству офицеров, не находящихся при нем на службе, но так как результаты проводимых в нем опытных работ были напрямую связаны с решением насущных для артиллерии задач, то и обоснован интерес к ним со стороны офицеров артиллерийского ведомства.

В 1860-х гг. были опубликованы статьи:

– поручика от артиллерии (в дальнейшем известного книгоиздателя) Ф. Ф. Павленкова «О старых нарезных орудиях, хранящихся в Санкт-Петербургском арсенале», в которой был представлен обзор уникальных артиллерийских орудий XVII–XVIII вв. из коллекции Достопамятного зала[26];

– штаб-офицера по искусственной части Санкт-Петербургского арсенала полковника А. И. Плесцова «Описание способа изготовления железных осей с волокнистым или слоистым сложением железа и способа устранения по возможности сгибания осей при продолжительной стрельбе» и «О скреплении стальных орудий медными оболочками», в которой была описана технология увеличения сопротивления стальных орудий разрывам во время выстрелов, прошедшая опытные испытания в арсенале[27];

– поручика А. Семевского «Материал для колес полевых лафетов», в которой были представлены результаты материаловедческих исследований и расчеты по изысканию оптимальной конструкции лафетных колес, проведенные в арсенале[28].

В 1870-х гг. были опубликованы статьи:

– начальника кузнечной мастерской Санкт-Петербургского арсенала капитана М. Н. Коробкова «Железные лафеты русской полевой артиллерии», в которой был представлен сравнительный анализ деревянных и железных лафетов, принятых в русской артиллерии и изготавливаемых в столичном арсенале, и «Практическое кование лошадей», где рассматривались

варианты наилучшей оковки лошадей применительно к обеспечению нужд артиллерии[29];

– генерал-майора А. И. Плесцова (бывшего помощника командира Санкт-Петербургского арсенала по искусственной части) «О черчении проекций круга и об изображениях в проекциях цилиндров, конусов и вообще тел вращения», в которой был обобщен опыт чертежной практики в начертании вращения тел при различных наклонах осей этих тел к плоскостям проекций. Он применялся во время обучения в технических учебных заведениях артиллерийского ведомства, в частности, Технической артиллерийской школе при обучении будущих мастеров арсеналов[30].

В 1890-х гг. были опубликованы статьи:

– генерал-майора М. Н. Коробкова «Железо и способы его испытания как материала для постройки артиллерийских изделий», в которой были представлены результаты работ по определению качества железа с помощью различных механических и термических испытаний, проводившихся в арсенале с применением новых, авторских методик (по их итогам была принята «Инструкция на прием железа с казенных и частных заводов по заказам артиллерийского ведомства» (журнал Арткома № 128, 1877), а автор удостоен Михайловской премии (журнал Конференции Михайловской артиллерийской академии от 19.01.1888), и «Наилучший и простейший способ измерения тягучести и гибкости металлов», в которой были систематизированы результаты опытов над железом, литым металлом и сталью, проведенные в арсенале в 1870–1880-х гг. Эти изыскания позволили усовершенствовать технологию работ с различными металлами и сплавами, применяемыми в артиллерийском производстве[31];

– начальника кузнечной мастерской Санкт-Петербургского арсенала капитана М. Д. Гедеонова «Об измерении высоких температур», в которой был представлен обзор и проведен сравнительный анализ средств измерения (пирометров) европейских марок, применяемых для кузнечного производства при изготовлении опытных и серийных изделий материальной части артиллерии, и «О влиянии некоторых тепловых обработок на механические свойства стали», в которой были обобщены результаты многочисленных опытов, проводившихся в арсенале на протяжении нескольких лет для выявления зависимости прочности различных типов сталей от видов теплового воздействия, с последующим микроскопическим исследованием[32].

В 1900–1910-х гг. в «Артиллерийском журнале» были опубликованы статьи начальника слесарно-лафетной мастерской Санкт-Петербургского арсенала В. М. Родзевича: «Краткий исторический очерк Санкт-Петербургского арсенала. 1712–1900» (подготовлен в преддверии 50-летия переноса арсенала на Выборгскую сторону по поручению его начальника – генерал-майора М. Н. Коробкова, при участии классного технического мастера Ф. Ф. Прохорова), «Опыт рациональной расценки формовочных работ», в которой были представлены результаты впервые проведенных в техническом заведении артиллерийского ведомства работ по определению критериев и способов расчета стоимости номенклатуры работ, производимых в литейной мастерской, «Подвижная артиллерийская мастерская в русско-японскую войну 1904–1905 гг.», в которой описывался опыт функционирования вновь организованной артиллерийской мастерской в полевых условиях[33]; бывшего командира арсенала генерал-лейтенанта М. Н. Коробкова «О тягучести металлов»[34], а также статья технического мастера Санкт-Петербургского арсенала Ф. Н. Шелашенкова «Техники и скорострельная артиллерия», в которой были представлены предложения по улучшению организации работы технических мастеров в артиллерийских бригадах в мирное и военное время и внедрению новых критериев ремонта орудий и материальной части в подвижных мастерских и местных арсеналах[35].

Таким образом, статьи офицеров Санкт-Петербургского арсенала отражали текущий и обобщенный практический опыт в части конструктивного совершенствования орудий и материальной части артиллерии, а также материаловедения.

Необходимо отметить, что представление производственной деятельности столичного арсенала не ограничивалось статьями его чинов. Начиная с 1856 г. структура «Артиллерийского журнала» была изменена. В его рубрикатор вошло размещение отчетов о занятиях Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета (с 1869 г. – Артиллерийский комитет (Артком) Главного артиллерийского управления, ГАУ). В дальнейшем информация о деятельности этой структуры артиллерийского ведомства занимала значительную часть каждого выпуска журнала и содержала в себе подробные сведения, в том числе и о работах, выполнявшихся в арсенале. Так, необходимость форсированного создания железных лафетов во время Крымской войны послужила поводом для проведения соответствующих опытных работ: в арсенале

изготавливались опытные образцы, а в проектировании некоторых принимали участие его офицеры – состоящий по полевой пешей артиллерии полковник Н. Г. Карташевский (автор проекта конструкции железного станка к 1-пуд. единорогу, а также инициатор работ по совершенствованию различных мерительных инструментов); штаб-офицер по искусственной части арсенала, состоящий по полевой пешей артиллерии полковник А. И. Плесцов (автор проектов горного, осадного лафета); командир арсенала генерал-майор П. П. Безак (автор проектов лафетов для орудий полевой артиллерии, нового способа ошиновки колес и т. д.), о чем сообщалось на страницах журнала[36]. А. И. Плесцов был автором многих новаций, которые были рассмотрены Арткомом и получили его положительную оценку. В их числе – проект повозки для артиллерийского, инженерного, комиссариатского и провиантского ведомств; проект высокого осадного и крепостного лафетов для стрельбы из осадных и крепостных орудий поверх бруствера («через банк»); предложение конструкции нового полевого железного лафета, совмещающего удобство размещения орудийной прислуги и лошадей с защитой от пуль и осколков; также им был представлен способ определения эксцентриситета орудий для определения истинного положения осей канала и наружной поверхности орудия, независимо от формы канала и наличия повреждений, и т. д.[37]

Нельзя не отметить и деятельность офицера по искусственной части Санкт-Петербургского арсенала генерал-майора Лаврова, который на протяжении многих лет занимался усовершенствованием способов литья орудий из бронзы. Описания его трудов в 1870-х гг. периодически размещались в отчетах Арткома, помимо этого на страницах «Артиллерийского журнала» были подробно представлены результаты его изысканий в связи с присвоением автору большой Михайловской премии за 1871–1876 гг.[38]

Таким образом, офицерами Санкт-Петербургского арсенала в XIX – начале XX вв. в рамках выполнения должностных обязанностей обеспечивался широкий перечень опытных и исследовательских работ. Они не включали в себя обязательную публицистическую деятельность, однако инициатива в этом направлении поддерживалась руководством и приветствовалась на уровне ГАУ. Введение арсенальными авторами в научный оборот новых сведений, касающихся материаловедения, организации производства, методологии приемки изделий и т. д. позволяло предприятию находиться на передовых позициях в теории и практике

артиллерийского производства. Стоит обратить внимание на хоть и не очевидную, но имеющую место зависимость постоянного саморазвития, печатной активности и успешного карьерного роста авторов, готовивших публикации для «Артиллерийского журнала». Так, генерал от артиллерии М. И. Коробков в 1898–1900 гг. являлся начальником арсенала, в 1900–1908 гг. – инспектором артиллерийских приемок на казенных, горных и частных заводах, в 1908–1914 гг. – заведующим артиллерийскими приемками; генерал-лейтенант М. Д. Гедеонов – начальником арсенала в 1914–1917 гг.; генерал-майор В. М. Родзевич, начальник слесарно-лафетной и литейной мастерских, участник русско-японской войны, в 1914 г. возглавил Тифлисский окружной арсенал[39].

Организация в арсенале изучения достижений профильных и смежных наук, работа по вовлечению в него офицерских и классных чинов создали благодатную почву для реализации новых творческих идей, становившихся предметом для последующего описания и обобщения. Фиксация результатов научно-производственной деятельности, их претворение и совершенствование в повседневном опыте способствовали интенсивному продвижению их, в конечном итоге послужившему залогом планомерного развития русской артиллерии в XIX – начале XX вв.

---

[1] Федеральный закон от 23 августа 1996 г. №127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (с изменениями и дополнениями). Гл. 1, ст. 2.

[2] Вельяшев-Волынцев И. А. Артиллерийские предложения, для обучения благородного юношества Артиллерийского и Инженерного шляхетского корпуса, сочинены Иваном Вельяшевым-Волынцевым. СПб., тип. Арт. и Инж. шляхет. кадет. корп., 1767; Данилов М. В. Начальное знание теории и практики в артиллерии: С приобщением гидростатических правил с задачами. / Собранное капитаном артиллерии Михайлом Даниловым. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1762; Мелиссино П. И. Краткие артиллерийские записки для наставления унтер-офицеров в новоучрежденных артиллерийских батальонах сочиненные при артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе. СПб., в Императорской типографии, 1789.

[3] Маркевич А. И. Новые легчайшие и вернейшие способы ставить диоптры и мушки на артиллерийских орудиях и наводить оныя на градусы: С приобщением разсуждения о прицеливании орудий, высоте и виде мушек и диоптров на оных: Предложены от артиллерии маиором Маркевичем. Напечатано по всевысочайшему его императорскаго величества повелению. СПб., 1799; Шувалов П. И. Практика единорогов, изобретенных артиллерии генерал-фельдцейхмейстером и кавалером, графом Петром Ивановичем Шуваловым, и преимущества их пред прежними артиллерийскими орудиями, кратко описанные в вопросах и ответах для употребления в артиллерийских школах. СПб.: печатана при Императорской Академии наук, 1760.

[4] Военная энциклопедия. СПб.: тип. И. Д. Сытина, 1911. С. 97–98.
[5] Артиллерийский журнал. 1808. № 1. С. III–IV.
[6] Там же. 1852. № 6. С. 132–147.
[7] Там же. 1808. № 4. С. 99; 1852. № 6. С. 132–147.
[8] Родзевич В. М. Историческое описание С.-Петербургского арсенала за 200 лет его существования: 1712–1912 гг.: в 3 ч. // СПб.: типолитография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1914. С. 336–340.
[9] Артиллерийский журнал. 1808. № 1. С. 36.
[10] Там же. 1808. № 3. С. 64–76.
[11] Там же. 1809. № 1. С. 85–130.
[12] Там же. 1809. № 3. С. 84, 99–106.
[13] Там же. 1809. № 4. С. 39–63.
[14] Там же. 1809. № 5. С. 91–96.
[15] Там же. 1810. № 1. С. 105–107
[16] Там же. 1871. № 6. С. 117–119; № 7. С. 145. Родзевич В. М. Историческое описание... С. 266.
[17] Родзевич В. М. Историческое описание... С. 214.
[18] Артиллерийский журнал. 1871. № 7. С. 145. Родзевич В. М. Историческое описание... С. 236–238.
[19] Там же. 1843. № 6. С. 33–43; 1846. № 4. С. 116–118. Родзевич В. М. Историческое описание... С. 505–507.
[20] Там же. 1847. № 5. С. 1–33, также см. 1852. № 2. С. 233–240.
[21] Там же. 1850. № 5. С. 399–409.
[22] Там же. 1851. № 6. С. 453–471.
[23] Там же. 1852. № 3. С. 403–410.
[24] Там же. 1853. № 2. С. 41–52.
[25] Там же. 1857. № 1. С. 8–17.
[26] Там же. 1861. № 1. С. 86–112.
[27] Там же. 1861. № 1. С. 17–27; 1863. № 12. С. 1035–1038.
[28] Там же. 1861. № 11. С. 863–904, № 12. С. 1072–1086, 1862. № 1. С. 1–37.
[29] Там же. 1870. № 4. С. 600–619, № 5. С. 793–803; 1871. № 3. С. 339–388.
[30] Там же. 1872. № 12. С. 1662–1670.
[31] Там же. 1888. № 3. С. 7–22; 1890. № 10. С. 1059–1109, № 11. С. 1157–1182; 1895. № 9. С. 820–881.
[32] Там же. 1893. № 1. С. 93–113; 1898. № 4. С. 333–361.
[33] Там же. 1900. № 7. С. 697–727, № 8. С. 813–839; 1902. № 7. С. 683–697, 1907. № 8. С. 949–982.
[34] Там же. 1908. № 12. С. 1479–1528.
[35] Там же. 1912. № 9. С. 1063–1067.
[36] Там же. 1856. № 2. С. 135–146; № 3. С. 27; № 6. С. 103–104; 1860. № 3. С. 129–136. Родзевич В. М. Историческое описание... С. 512, 518
[37] Там же. 1860. № 7. С. 442–443; № 10. С. 689–692; 1871. №10. С. 615–624, 647.
[38] Там же. 1874. № 4. С. 325–332; № 9. С. 812–818; 1877. № 3. С. 89–93, 99–109; 1880. № 5. С. 227–230.
[39] Там же. 1914. № 5. С. 609–614, № 6. С. 7–16. Родзевич В. М. Историческое описание... С. 628; Офицеры русской императорской армии [Электронный ресурс]: URL: https://ria1914.info/index.php/Родзевич_Вячеслав_Михайлович (дата обращения: 02.02.2023).

А. Н. Чубинский (Москва)

О СТРОЕВЫХ ФУЗЕЯХ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

КАК ИЗВЕСТНО, оружием, определяющим лицо европейского Нового времени, является мушкет, гладкоствольное ружье большого калибра, предназначенное для вооружения крупных масс пехоты. Если героем Средневековья мы привыкли видеть конного рыцаря в тяжелом вооружении, то популярный образ воина последующей исторической эпохи – вооруженный мушкетом пехотинец.

К началу XVIII столетия мушкеты за более чем полтора века своего существования претерпели немало изменений. В ходе эволюции этого оружия оно оснащалось разными типами замков – фитильными, колесцовыми, кремнево-ударными разных конструкций и, наконец, французскими батарейными; к нему приспосабливались ложи разной формы, планомерно уменьшался вес оружия в целом и длина ствола, вследствие чего стало возможным при стрельбе отказаться от подсошков. На рубеже XVII и XVIII столетий мушкет получил штык, который пехотинец мог смонтировать на дуле и временно превратить огнестрельное оружие в подобие копья. В России XVIII в. мушкет со штыком чаще всего именовался фузеей, но в других странах Европы то же оружие продолжало называться мушкетом. В нашей работе название мушкет будет употребляться как родовое, а фузея – как видовое название оружия. Иными словами, всякая фузея является мушкетом, но не всякий мушкет допустимо называть фузеей. В то же время в начале XVIII в. в русском языке эти слова были практически полными синонимами. В целом военный термин «мушкет» принципиально многозначен, определенного «типа мушкета» не существует, это совокупность разных типов

строевых гладкоствольных дульнозарядных ружей XVI–XIX вв. со сходными тактико-техническими характеристиками, а объединяющим признаком является длинный ствол большого калибра. Что касается русского наименования «мушкет», то в России XVII в. оно могло прилагаться и к таким типам стрелкового оружия, которые с современной точки зрения мушкетами не являются. В том числе мушкетами могли именоваться крепостные ружья, например, в одном из хранилищ Оружейной палаты в 1687 г. находился «мушкет з жагрою длинный трех аршин, станок кленовой, ствол полукруглой, от казны мишень с трубкою»[1].

Целью нашей работы является пополнение сведений о мушкетах петровского времени, в первую очередь русского изготовления. Наибольший интерес для нас представляют стволы этого оружия, конструктивные типы замков и форма лож. Большое внимание будет уделено обстоятельствам изготовления мушкетов в Москве, на Бархатном дворе и других производственных площадках Оружейной палаты. Надо сказать, что подобное исследование назрело давно: производство строевых мушкетов в Оружейной палате в интересующий нас период времени до сих пор не становилось предметом интереса отечественных исследователей.

Несколько слов нужно сказать о предшествующей эпохе бытования этого оружия в России. Первые крупные партии боевых мушкетов закупались царским правительством в странах Европы в преддверии Смоленской войны 1631–1632 гг. Так, в 1631 г. планировалось в Швеции «наняти... охочих солдатов пеших, да... купить на тех наемных людей ратныя збруи десять тысяч мушкетов с заряды, да пять тысяч шпаг»[2]. Но большую часть вооружения в течение всего XVII в. Россия закупала в Нидерландах. Имеются сведения о том, что в 1630 г. только один голландский оружейный дилер Элиас Трип поставил 50 000 мушкетов[3]. Скорее всего, все это оружие было оснащено фитильными замками. Собственное производство мушкетов в России было развернуто не позже 1630-х гг. С. К. Богоявленский приводил данные о том, что «в 1639 г. Андрей Виниус должен был сдать по подряду 636 стволов голых мушкетных на немецкий образец да 136 стволов русского образца мушкетных». На основании цитаты из документа 1653 г. «фурмы пулечные пригодились только к старым голландским мушкетам, а русского дела к мушкетам те фурмы не годятся, велики» исследователь сделал вывод о том, что калибр у русских

мушкетов был меньше, чем у голландских[4]. К началу 1640-х гг. определенно существовало отечественное производство этого оружия, о чем мы можем судить по следующему документу 1641 г.: «По государеву... указу ... послать в Стрелецкой приказ ... полтора пуда зелья доброго, а простреливать тем зельем пятьсот пятдесят мушкетов московского и тулского дела»[5].

Исследование М. Н. Ларченко, посвященное царской оружейной казне в 1647 г., показало, что из хранящихся в ней 9410 мушкетов почти половина была снабжена русскими замками, остальные были фитильными, «с жаграми»[6]. Поскольку стрелковое оружие с русским замком в середине XVII в. не могло производиться нигде, кроме России, указанные мушкеты с полным правом можно считать российскими (пусть даже значительная их часть могла иметь импортные или откованные на заводах Андрея Виниуса стволы). Местом изготовления огнестрельного оружия обычно считается место его сборки вне зависимости от происхождения отдельных деталей. Отметим, что в той же описи 1647 г. в числе строевого оружия числился 741 мушкет с «барабарскими замками» [7], то есть французскими батарейными.

В документе 1652 г. сообщается общее количество мушкетов, выданных из Оружейной палаты с 1647 г.: «Выписано в Оружейном приказе на перечень что с прошлого 155-го году по нынешей по 160-й год марта по 1-е число при боярине и оружейничем при Григорье Гавриловиче Пушкине... в розные приказы и по подписным челобитным мушкетов... в росход вышло 7874 мушкетов з жагры и с шпаги, и с подсошки, и з бандалеры; 3126 мушкетов з замками немецких; 1241 мушкет з замками ж стволы немецкие, а станки и замки руское дело; 798 мушкетов з барабарскими замки руского и немецкого дела; да московского дела, что деланы стволы на Бархотном дворе, а ложи и замки в Оружейном приказе 13 497 пищалей. Всего с рускими и з барабарскими замками немецкого и руского дела в росход мушкетов 18 652 мушкета. Абоего з замки и с фитилями 26 526 мушкетов»[8].

Как видно, наблюдается заметный перевес оружия с искровыми замками над фитильным, пусть даже мы не знаем, какой именно тип замка именовался немецким. Интересно, что наибольшая часть длинноствольного оружия – тринадцать с половиной тысяч «пищалей» – сделаны на Бархатном дворе и в Оружейной палате, но неизвестно, мушкеты ли это или традиционные боевые русские ружья (например, малокалиберные с русскими замками

и аркебузными прикладами), которые в конечном итоге суммируются с мушкетами. Наибольший интерес представляет упоминание мушкетов с «барабарскими замками русского и немецкого дела». Эта запись подтверждает массовое производство французских батарейных замков в России в середине XVII в.

В 1657 г. московское правительство заключило договор с голландским оружейным торговцем Питером Таком о закупке десяти тысяч мушкетов со стволами двенадцатого калибра и ореховыми ложами, а также банделерами с десятью патронами из овечьей кожи[9]. Для пересчета этого весового калибра в линейный, скорее всего, нужно использовать амстердамский фунт, в таком случае получаем около 19 мм. Заметно сложнее истолковать сообщение о том, что в Новогороде на Пушечном дворе хранились «два замка обрасцовые, карабинной да мушкетной, каковы присланы из Москвы в прошлом 187 (1679. – А. Ч.) году»[10]. Это были, очевидно, кремневые искровые замки, но нет уверенности, что они принадлежали к русскому типу.

Важные данные о боевом оружии предоставляет документ служебной переписки между Пушкарским приказом и Оружейной палатой 1683 г., в котором сообщается о возвращении оружия из первого учреждения во второе. Оказывается, что в 1682 г. Пушкарский приказ находился у Оружейной палаты в подчинении, и в это время со «двора боярина Никиты Ивановича Романова из оружейных каменных амбаров перевезено на Пушечной двор ружья две тысечи двести сорок два мушкета новых немецких з галанскими замками, станки ореховые с медною и железною оправою»[11]. Судя по более раннему документу, «голландскими» замками именовались батарейные: в 1657-м царь Алексей Михайлович заказал для покупки в Голландии у коммерсанта Ивана Гебдена «пистоли надежные, замки резные галанские о дву взводах»[12]. Эти замки, несомненно, французского типа, их отличительной особенностью был безопасный полувзвод курка.

Помимо наиболее прогрессивных мушкетов с батарейными замками, в русской армии 1680-х широко были представлены и фитильные. В 1684 г. мастера Ствольного приказа, дочернего по отношению к Оружейной палате учреждения, собирали мушкеты со старыми мушкетными стволами и фитильными замками: «В прошлом во 193-м году... делали станочного дела мастеры к ых великих государей мушкетным стволам новые станки з жагры... всего... зделали семьсот шездесят восмь мушкетов»[13].

В каких-то случаях мы не можем уверенно судить о типе замка на боевых ружьях, например, исходя из документов о поставке в Россию в 1682 г. голландским купцом Ильей Табертом 4000 «шпанских» мушкетных замков[14]. Возможно, это были в действительности замки средиземноморского типа испанского извода.

Ясно, что к 1710 годам в русской армии бытовало оружие исключительно с кремневым замком французского типа. Но мы не знаем, когда именно этот замок стал преобладающим, а потом и единственным на отечественном оружии. Согласно Переписной книге 1687 г., в Оружейной палате в числе боевого армейского оружия хранилось более четырех с половиной тысяч мушкетов с фитильными, колесцовыми и кремневыми замками (более половины – русского производства), среди отдельных комплектующих деталей – около шести тысяч четырехсот стволов, четыре тысячи шестьсот фитильных замков, семьсот сорок искровых мушкетных(?) замков – колесцовых и кремневых, более шести тысяч мушкетных лож[15]. Особо отметим «тритцать восмь мушкетов з замками барабарскими, станки кленовые руское дело, оправы железные, цена по сороку алтын... тысеча восмьдесят пять мушкетов, стволы и замки, и станки московское дело, цена по сороку алтын... триста три мушкета з жагры, станки кленовые и ореховые, оправа медная и железная, в том числе дватцать два без замков, да девяносто два галанских, да пятьдесят один руских, цена по сороку алтын»[16]. Прокомментируем описание мушкетов «з замками барабарскими». Они явно были собраны в России (скорее всего на московском Бархатном дворе), так как их ложи «русское дело». Замки французского типа, возможно, импортные, но нельзя исключить их отечественное изготовление. Заметим, что оружие с французским замком именуется мушкетом, хотя в этой описи слово «фузея» уже используется[17].

Неясно, какой именно конструкции «тульские замки» (скорее, русские, но нельзя исключить, что батарейные) были использованы при сборке нескольких сотен мушкетов на Бархатном дворе летом 1687 г., когда ложевые мастера Ствольного приказа делали ложи и собирали ружья, используя «старые мушкетные стволы», а также спуски и «хвостовые щурупы», изготовленные замочниками Оружейной палаты[18].

Ежегодные заказы в Туле по 2000 фузей с «шкоцкими» замками практиковались с 1696 г.: «В прошлом 205-м и в нынешнем 206-м годех по указу великого государя зделано на Туле

в Казенной кузнецкой слободе на прошлой 205-й год против наряду 204-го году 2000 фузей с шкоцкими замки... генваря в 18 день Казенной слободы кузнецкой староста Ивашко Леонтьев... те фузеи привез к Москве, и то ружье... прострелено, зелье кладено по осми золотников в ствол... и то ружье после прострелу досматривал Оружейные полаты стволного и замочного дела мастер Афонасей Вяткин, а по осмотри ево и по скаске то ружье стволы правленые без раковин и бес паек мерою и пулею в верхнею отделкою и замки и станки зделаны против образцовой фузеи... а после прострелу и досмотру то ружье в станки все собрано и к отдаче все в готовности»[19]. Согласно опубликованным И. Н. Юркиным документам, в 1697–1699 гг. из Оружейной палаты в Тулу поступали заказы на изготовление ежегодно по «2000 фузей с шкоцкими замки»[20]. В деле 1697 г. из архива Оружейной палаты есть ссылка на более ранний заказ 1695 г.: «В прошлом 203-м году по указу великого государя велено зделать тулским казенным кузнецом в Оружейную полату 1000 фузей с шкоцкими замки»[21]. Заметим, что в 1697 г. крупные поставки осуществлялись туляками не только в Оружейную палату: «В нынешнем в 205-м году генваря в 31 день... велено тульскому казенному кузнецу Игнашке Васильеву поставить в Пушкарской приказ 5000 мушкетов тульского дела в ложах с шкотцкими замками самых добрых против образцового мушкета с прострелом ценою по рублю по 18 алтын по 2 деньги за мушкет»[22]. Поставка была запланирована тремя партиями в рассрочку: «1000 мушкетов на первой неделе Великого поста нынешнего 205-го году, 2000 мушкетов сентября к 1-м числу, 2000 ж мушкетов на первой неделе Великого поста 206-го году»[23].

Образец, по которому туляки обязывались делать указанные мушкеты и на который ссылался Афанасий Вяткин, наверняка был изготовлен в Оружейной палате. Именно в 1695 г. в Тулу из Москвы была послана «образцовая фузея», чтобы «сделать в казну... 1000 фузей... мерою и во всем в отделке учинить против образцовой, какова фузея сделана и дана им для образца за клеймом мастерства ствольного и замочного и станочного дела мастеров Афонасья Вяткина и Филипа Балтыря»[24]. Эти данные подтверждают мнение Е. В. Мышковского о том, что «в 1695 г. в Туле началось производство ружей новых образцов для русской регулярной армии»[25]. Авторами этого эталонного армейского оружия были два ведущих мастера Оружейной палаты конца XVII в., оба

мастера изготавливали замки англо-голландского типа, а Филипп Тимофеев Болдырев делал и французские батарейные замки.

Вопрос о едином образце пехотного мушкета 1695 г. здесь не может быть поднят. В том же документе сообщается, что «все фузеи были... против образцовой фузеи, а пулею делать поменши образцовой, против того, каковы фузеи деланы на Туле ж в нынешнем... году по наряду из Преображенского»[26]. Следовательно, в 1695-м существовало минимум два образца, отличавшихся калибром. Не в меньшем количестве, чем в Туле, изготовление фузей со «шкоцкими» замками проводилось в Москве мастерами Ствольного приказа. Так, в июле 1697 г. «в Приказе ствольного дела налицо ружья и замков... 2279 стволов фузейных да 2364 замка шкоцких, и то ружье велено отделывать в станки»[27]. Но в последнем случае нам неизвестно происхождение стволов и замков.

Как видно, ключевым термином в цитированных документах является «шкоцкий замок». В нашем исследовании 2014 г., посвященном наименованиям замков эпохи Московского царства, было показано, что «шкоцким» замком в документах XVII в. именовался кремневый замок англо-голландского типа[28].

Действительно, в обстоятельном исследовании О. Г. Леонова и И. Э. Ульянова об оружии русской пехоты петровского времени утверждается, что «изначально на вооружении новоприборных солдат состояли «мушкеты» – кремневые гладкоствольные ружья – с замками англо-голландской или скандинавской системы. С начала XVIII в. широкое распространение получили ружья с французским батарейным замком»[29].

Можно было бы принять рабочую гипотезу, согласно которой на рубеже XVII–XVIII вв. искровые англо-голландские замки на мушкетах русской армии были заменены на французские. Но, как было показано выше, батарейный замок на русских мушкетах появился намного ранее петровского времени. Сомнительным оказывается и второе утверждение. Как показывают документы Оружейной палаты, фузеи 1700-х гг., точно так же как и мушкеты 1690-х, имели «шкоцкие» замки. Например, в июле 1702 г. ложевщику Оружейной палаты Фоме Марачеву было выдано «новых тульских двенатцать стволов приделывать новые станки с шкоцкими замки»[30]; в 1703 г. было «принето на Бархотной двор Стволного приказу у станошников у Филипа Лукьянова с товарищи всего 3 человека по двенатцати фузей присажены в новые станки с шкоцкими замки, делали по станку в день[31]; «1706-го

маия в 18 день отдано на Бархотном дворе тульским казенным станошником Максиму Камаеву с товарищи дватцети человеком по шести стволов присаживать в новые станки с шкоцкими замки, делать в день по станку»[32], «1707-го генваря в 11 день по указу великого государя принято на Бархотной двор у кормовых станочников у Ивана Осипова... по двенатцати фузеи присажены в новые станки с шкоцкими замки; делали в день по станку, итого семдесят две фузеи»[33]. Наименование «шкоцкий замок» продолжало существовать и в 1710-х гг., как показывает обстоятельный словарь тульской оружейной лексики Н. А. Щегловой[34]. Причем никакие другие конструкции замков в документах этого времени за небольшим исключением не упоминались.

Невозможно предположить, что все эти замки принадлежали к англо-голландскому типу, невероятным кажется и предположение, что в конце XVII в. голландские и французские замки функционировали параллельно, и для них использовалось одно и то же наименование. Единственное возможное объяснение этой загадочной ситуации таково: «шкоцким замком» по меньшей мере с 1690-х гг. именовался французский батарейный. Строевое оружие XVIII в. с англо-голландскими замками неизвестно вообще, а документы рубежа веков не показывают перехода на принципиально новую конструкцию. Последние изготовленные в России «шкоцкие» замки, которые точно являются замками англо-голландского типа, фиксируются в конце 1670-х – нач. 1680-х гг. Возможно, оружие с англо-голландскими замками производилось в Оружейной палате и несколько позднее, но у нас нет точно идентифицированных в письменных источниках предметов стрелкового оружия, по которым мы могли бы убедиться в соответствии названия «шкоцкий замок» и определенной конструкции. К сожалению, мы не имеем и более поздних образцов оружия двух последних десятилетий XVII – первых десятилетий XVIII столетия, для которых можно было бы установить аутентичное наименование замка в современных им документах. Но существует еще один серьезный аргумент в пользу того, что в начале XVIII в. «шкоцким» называли именно французский батарейный замок. В документах Оружейной палаты, начиная с 1701 г., часто упоминаются ручные мортирки, и во всех случаях, когда их механизм воспламенения имеет уточняющее наименование, это «шкоцкий» замок. Например, в сентябре 1702-го было «отдано Ствольного приказу станошником Ивану Васильеву,

Григорью Лукьянову по шти мартир приделывать в новые станки с шкоцкоми замки»[35]; в марте 1703 г. «отдано з Бархотного двора постороним станошником Михаилу Васильеву с товарищи пяти человеком по двенатцати мартир приделывать в новые станки с шкоцкими замки»[36]. В то же время практически все сохранившиеся в мировых собраниях оружия образцы ручных мортирок снабжены французскими замками, не существует ни одной мортирки с кремневым замком англо-голландского типа[37].

Таким образом, мушкеты «раннепетровского» времени, предшествовавшего Северной войне, могли иметь русские и даже фитильные замки, но уже в 1680-х гг. были широко распространены мушкеты с французскими замками. Не позднее середины 1690-х гг. в России широко развернулось производство собственных мушкетов с батарейными замками, причем последние изготавливались в Туле, возможно, и в Москве. Все импортные фузеи этого времени наверняка имели французские замки и, скорее всего, ореховые ложи. Военные ружья, которые производились в Москве на Бархатном дворе, часто имели «починошные» стволы, переставленные со старого оружия. Ложи русских мушкетов в каких-то случаях были кленовыми и, скорее всего, имели французский приклад, но прямых доказательств этому нет. О приборе лож имеется сообщение конца января 1698 г. в деле о заказе в Туле «2000 фузей с шкоцкими замки», где указывались расценки на отдельные детали: «Ствольным заварищком по 25 алтын на ствол, замочником по 10 алтын по 4 деньги на замок и с прибором, станочником на древье к клепанью и с крепкой водкою, и с трубки, и с шонполы, и с набойники по 4 алтына по 2 деньги на станок»[38]. Не вполне ясно, почему за шомпольные трубки и «набойники» (прибойники шомполов) платят ложевым мастерам, так как детали прибора должны изготовлять замочные мастера. Наличие шомпольных трубок говорит о том, что шомпольный канал на цевье был открытым.

Мушкеты в это время приобретались не только Оружейной палатой, но и другими ведомствами. Выше мы приводили данные о заказе в Туле пяти тысяч мушкетов Пушкарским приказом. Закупал зарубежное вооружение и Разрядный приказ. Например, в 1697 г. мастера Оружейной палаты были командированы в Разряд для контрольного отстрела 1500 мушкетов, которые были куплены «у иноземца Данилы Артамонова»[39] (очевидно, Даниила Гартмана). Но другие центральные учреждения, как мы видим, не

имели столь обширного штата оружейных мастеров, производственной и ремонтной базы для боевого армейского оружия.

Здесь требуется уточнить, что мастера Оружейной палаты непосредственно почти не занимались изготовлением боевого оружия. Крупнейшим государственным учреждением, специализирующимся на производстве и ремонте строевого оружия русской армии, прежде всего огнестрельного, был Ствольный приказ, формально не подчиненный Оружейной палате. Однако должность судьи обоих учреждений чаще всего совмещал один и тот же руководитель; по сути, Оружейная палата курировала производство оружия в Ствольном приказе. Его мастерские и складские помещения находились за кремлевской стеной на берегу Москвы-реки, это место носило наименование Бархатного двора[40].

Начало Северной войны по времени почти совпало с непосредственным переподчинением Ствольного приказа Оружейной палате. Собственный архив Ствольного приказа не сохранился, но его деятельность с 1700 г. подробно отражена в приходно-расходных книгах Оружейной палаты, которая, таким образом, сосредоточила в своих руках договоры о закупке «заморского» вооружения и его отдельных деталей, договоры о подрядах с московскими частными изготовителями, а также изготовление армейского оружия, в том числе с использованием импортных деталей, ремонт и рассылку вооружения в полки и другие города. На основе документов Оружейной палаты мы постараемся изложить историю русских мушкетов интересующего нас периода времени.

Мушкетные стволы (и мушкеты) в России первого десятилетия XVIII в. были большей частью импортными, преимущественно голландскими. Со ссылкой на архивные документы Л. К. Маковская писала, что в 1706–1708 гг. купцы И. Любс и З. Дикс поставили в Оружейную палату помимо 25 050 фузей отдельные комплектующие – 25 058 стволов (и 58 420 замков)[41]. Оружие, поставляемое европейскими коммерсантами, могло производиться и на заводах, расположенных в России. Так, договор, подписанный голландцем Елизаром Избрантом в 1700 г., требовал, чтобы он «зделал... в Оружейную полату... на своих железных заводех две тысечи фузей, стволы из олонского доброго железа с шкотцкими замками заморского дела и с скобами, и с прибором, с станками кленовыми з двема петли все в отделку самым добрым мастерством против обрасцовой голанской фузеи, какова ему дана за орлом и за печатью из Оружейные полаты, а зделать ему те

фузеи... и отдать в Оружейную полату на прострел, а за те фузеи взять ему... по рублю по тринатцати алтын по две денги за фузею (1 руб. 40 коп. – А. Ч.)»[42].

Значительная часть фузей и фузейных стволов поставлялась из Тулы, например, в январе 1701 г. было выдано «казенным кузнецом Никите Демидову да Максиму Масолову за три тысящи фузей по рублю по шти алтын по четыре деньги наперед половина... те фузеи посланы в Новгород»[43]. Скорее всего, это оружие входило в двухгодичный заказ 1701–1702 гг. на восемь тысяч фузей[44]. Иногда в Тулу передавались для сборки готовые стволы и замки, очевидно, импортные.

При этом архивные документы не содержат упоминаний о производстве фузейных стволов на Бархатном дворе. Лишь косвенные данные указывают на возможность такого производства: «В нынешнем 1702-м году... работают на Бархотном дворе черноделцы... на девети горнах сверлоки отковывают болшие мушкетные по два сверлока в день»[45]. Думается, что упомянутыми сверлами рассверливали старые стволы (ржавые или горелые) при ремонте, например, в том же документе повествуется о том, что тульские кузнецы «Микита Ченцов с товарищи... переделывают старые мушкетные стволы заново, обтирают те стволы болшими пилами»[46]. Аналогичным образом в 1702 г. «оружейных дел мастеру тулянину Никите Демидову... [было] велено... из старых жагреных ржавых тысячю стволов нутра развертеть и верхи обелить и вычистить и поставить во всякой отделке з замками и станками доброю работою во всем против немецкого ружья, чтобы к стрельбе было надежно и бестрашно»[47]. Заметим, что на стволах этих ружей, снятых с европейских фитильных мушкетов, могли остаться прежние клейма. Подобные наряды встречались и в более поздние годы: «Туляном на дело ржавых пяти тысящ стволов на чистку и для присадки в станки по пятнатцати алтын от ствола»[48]; в 1705 г. «работали на Бархотном дворе Ствольного приказу черноделец Григорей Крапов с товарищи... сверлили у старых горелых стволов нутры, а высверлили в шесть дней дватцать стволов»[49].

Небольшие партии фузейных стволов Оружейная палата покупала у посадских (не казенных) тульских кузнецов: «1703-го марта в 20 день... выдать... тулянину Якову Никифорову за взятые фузейныя за тритцать за пять стволов по дватацти алтын за ствол»[50]. Тульские стволы часто фигурируют в делах о сборке

оружия, например, станочнику Фоме Марачеву было дано «новых тульских двенатцать стволов приделывать новые станки с шкоцкими замки... на покупку клепани, клею, вотки, хвощу, шонполов по осми денег»[51].

Выявлены едничные закупки фузейных стволов у устюжан. Так, в октябре 1703 г. было «выдано за 22 ствола по 20 алтын ствол устюженским кузнецам Ивану Травину с товарищи»[52]. Экзотично выглядит сообщение о выдаче «тулянину... за пять фузейных стволов красного железа по сороку алтын»[53]. Как видно, дамасковые фузейные стволы стоили столько же, сколько полноценный мушкет в сборке.

Очень интересен факт заказа оружия в Павловской слободе, то есть в Павлове-на-Оке. В 1703 г. были выданы деньги «на дело в селе Павловском четырех тысяч фузей две тысячи рублев»[54].

Работы по ремонту старых стволов в Ствольном приказе сопровождались заменой казенных винтов, надо полагать, с хвостовиками. Например, осенью 1705 г. «отделщики Иван Черепан с товарищи... приделывали к старым фузейным стволам... новые казенные щурупы... и винты навивали, и в стволы завертывали»[55]. Также при починке на стволы устанавливались ушки (серьги) для крепления шпильками на цевье, стандартная формулировка для такой работы – «петли в стволы ставили»[56]. Упоминания мушек на стволах единичны, а прицелы не упоминаются вовсе. Возможно, это означает, что такой детали не существовало, для прицеливания служил желобок, выточенный на хвостовике.

Некоторые документы трудно прокомментировать. Так, в 1703 г. упоминаются некие «немецкие черные стволы», которые отделывают мастера Ствольного приказа, и «новые немецкие стволы»[57]. Первое упоминание может означать, что неизвестные нам подрядчики поставляют в Оружейную палату неотделанные мушкетные стволы, откованные по образцу «немецких». Возможно, речь идет все же о старых мушкетных стволах со складов Бархатного двора, которые ремонтируются, включая смену казенных винтов: «В нынешнем 1703 году... работают на Бархотном дворе тульские казенные кузнецы Семен Чепарухин с товарищи... отделали девеносто стволов немецких, приделывали вновь казенные щурупы, правили и чистили»[58]. «Новые немецкие стволы», скорее всего, импортные. Но известно, что большую часть этих деталей поставляли голланцы, в то же время

«голландские стволы» в документах Оружейной палаты не упоминаются. Остается предположить, что здесь использовалось традиционное для XVII в. определение «немецкий», означавшее «европейский», и что голландские стволы вполне могли проходить в документах под таким названием.

Подавляющее большинство замков на мушкетах начала столетия, с нашей точки зрения, конструктивно относились к французскому типу. В документах они назывались «шкоцкими» или просто замками без уточняющего определения. Тем не менее, в некоторых случаях замки характеризуются по месту производства. В июне 1703 г. было «принето на Бархотной двор Стволного приказу у замошников у Филипа Артемьева с товарищи... сто тритцать два замка тульских и немецких, приделывали вновь у замков курки, огнива, пружины болшие и малые гупки, щурупы, ладышки, заделали в шесть дней»[59]. Это список деталей замков французского типа, наиболее склонных к поломкам. Также это единственная формулировка, сопровождающая передачу замков в починку, другие формулировки не встречаются, хотя трудно предположить, что замочные доски и пороховые полки, которых нет в списке, никогда не ремонтировались. Для починки выдавались «надельные» деньги «на покупку железа, на сталь, на уголья по четыре деньги на замок»[60].

Крайне редко в документах фигурируют другие детали замков или дополнительные данные. Например, в 1704 г. коммерсанту Захарию Диксу было выдано «за четыреста плоских замков по шестнатцами алтын по четыре денги замок»[61]. Скорее всего, это были французские замки с плоскими досками и плоскими же курками (по 50 копеек штука). Такие замки чаще всего снабжались собачкой – внешним предохранителем в виде крючка, зацепляющего курок в положении полувзвода. Эту деталь отмечал даже царь Петр Алексеевич, например, в своем письме князю М. П. Гагарину в 1708 г.: «Господин полковник и камендант! К предбудущей кампании подряди из-за моря вывесть дватцать тысяч фузей, которые б были мерою одного калибра и замки с собачками. А денег на то ружье половину... сыщи ныне... зело нужно»[62].

Замки массово поставлялись европейскими купцами, например, в августе 1701 г. было выдано «иноземца ильиной жене Таберта за пять тысящ замков фузейных по десяти алтын, итого тысяща пятьсот рублев»[63], причем «ис того числа послано на Тулу х ружью две тысящи замков»[64].

Отдельные замки, а также фузеи изготавливались в Москве в частных мастерских Немецкой слободы, причем непосредственными работниками были русские ученики. Например, у мастера Яна Катти в октябре 1705 г. работали «по указу великого государя... в слободе у иноземца замочного мастера... ученики три человека, ковали замки, а пять человек отделывали, а отделал всякой по три замка салдатцких»[65]. В декабре в той же мастерской «иноземца Яна Катти» русскими учениками делались «афицерския замки»[66], очевидно, для офицерских ружей. 13 октября 1705 г. «в слободе у иноземца станочного мастера Яна Кеенберха ученики... делали фузеи салдатцкия, к стволам станки и привезвали замки с приборы»[67]. В последнем случае явно использовались готовые стволы, замки и части прибора.

Сходная схема сборки наблюдалась и у казенных мастеров. Так, 31 мая 1702 г. «были у дела на Бархотном дворе Стволного приказу станошники староста Иван Петров с товарищи шеснатцать человек, приделывали новые станки к старым немецким стволам и замкам, а делали каждый человек по станку на день... да они же приделывали х крестовским фузеям шкоцкие немецкие замки, а были у дела пять дней, а приделали по сорок замков»[68]. Стандартный срок на изготовление ложи и сборку одного ружья станочным мастером – один день: «В 1702-м году августа с 4 числа... Оружейные полаты станошные мастеры Демьяну и Саве Блисовым, Фоме Морачову дано им в дело по двенатцати стволов тульских приделывать в новые станки с шкоцкими замки по шти станков на неделю, по станку на день, а надельных денег... на покупку клепани, клею, вотки, хвощу, шенпалов по осми денег, Афонасей Вяткин руку приложил»[69]; в 1703 г. было «отдано с Бархотного двора Ствольного приказу станошником Ивану Захарову с товарищи сорок шесть человек по двенатцати немецких новых стволов присаживать в новые станки с шкоцкими немецкими замки и приборы немецкие, делать по станку в день»[70]; «1705-го... Ствольного приказу станошником Ивану Петрову с товарищи шести человеком на шесть дней по шести стволов присаживать в новые станки с шкоцкими замки... клепани, вотки, хвощу, шонпалов масла по остми денег на станок»[71], «1706-го июня в 4 день... принето на Бархотный двор Ствольного приказу у станошников у старосты Ивана Захарова с товарищи у дватцети у девети человек по двенатцати фузеи присажены в новые станки с шкоцкими замки, делали в день по станку»[72]. Материалы, на

которые выдавались деньги, включали раствор азотной кислоты как основу для окраски ложи («водка»), хвощ для шлифовки лож и масло для их пропитки. Клёпанью именовались, скорее всего, торцованные доски, из которых вырезалась ложа[73]. Неясно, как применялся клей при изготовлении новых лож, обычно его покупали для починки.

Другой вид работ, который выполняли ложевщики, – модернизация старых станков для возможности установки штыков с трубкой, для чего необходимо было укоротить цевье в дульной части, это место именовалось «устье» или «усье». В декабрьском документе 1706 г. сообщается, что «работали на Бархотном дворе посторонние станошники Сидор Федоров с товарищи... обрезывали устье у станков и станки поклеивали и медью у станков устье огибали, всего обрезали двести станков»[74]. Здесь упоминается ленточный наконечник цевья в виде медной оковки, реже эта деталь бывает железной: «Работали на Бархотном дворе... станошники... обрезывали усье у станков по дватцети по семи в день, и усье... жестью огибали и станки поклеивали... всего обрезали усьев у станков девесот семьдесят два»[75].

Форма фузейных лож на русских мушкетах первого десятилетия XVIII в. в документах не описана. Скорее всего, русское оружие повторяло импортные фузеи, которые наверняка имели приклады французского (фузейного) типа с прямыми ребрами и круглой в сечении шейкой. Но хоть сколько-то твердых доказательств этому нет. На рисунках в уставе Вейде 1698 г. приклады на мушкетах иногда показаны с вогнутым нижним ребром[76], что позволяет отнести их ложи к французскому типу, в других случаях нижнее ребро у прикладов выгнутое[77], как у старофранцузской ложи.

Что касается материала лож, нам встречалась только древесина клена: «Подрятчику за пятьсот пять станочных фузейных кленовых деревьев семь рублев пятнатцать алтын»[78], «1709-го генваря... выдать... за поставленные станочные кленовые восмьсот сорок пять дерев по уговорной цене по четыре денги за дерево... подрятчику Троецкого Сергиева монастыря села Шарапова крестьянину Григорью Трофимову»[79]. Упоминавшиеся Ю. В. Шокаревым дуб, ясень и вяз как материал для лож солдатских фузей[80] в документах начала XVIII в. не найдены. Есть редкие упоминания ореха, но только как ложевого материала для ружей по меньшей мере офицерских: «В прошлом 1707-м году... Оружейные полаты

кормовой станошник Василей Насонов... фузею осажевал в новой ореховой станок в Преображенское на государев двор, а делал фузею шесть дней»[81]. Помимо кленовых шомполов иногда упоминаются дубовые: «1705 году... станошники... растирали ис фузейного кленового деревья, которое негодно на станки, страгали по дватцети шонпалов в день»[82], а в 1701 г. из Оружейной палаты выдавались деньги на покупку «на шонполы досок дубовых»[83]. Чаще всего на покупку шомполов ложевым мастерам выдавались деньги, но иногда их делали в казенных мастерских: «Работали на Бархотном дворе посторонние станошники Атамон Григорьев с товарищи... принето ис починки сто фузей, станки наставливали и поклеивали, да оне ж страгали шонапалы по тритцети в день»[84].

Какие именно детали входили в прибор мушкетных лож рассматриваемого времени, показывает запись 1703 г.: «Выдать от расхода подьячего Андрея Беляева денег на дело фузейных приборов... а в приборе по скобе, по спуску, да по два щурупа привертных, по щурупу хвостовому, за прибор по шти денег»[85]. Прибор часто поставляли подрядчики по данным им образцам, например, тяглецы Бронной слободы Андрей и Федор Сорокины в 1703 г. «уговорились зделать в полату Оружейную... 6000 фузейных приборов; а в приборе по скобе, по спуску, по 2 щурупа привертных, по щурупу хвостовому против данных обрасцов»[86]. Прибор к «винтованным пищалям», которые также производились на Бархатном дворе и представляли собой, надо полагать, офицерские винтовки с традиционными русскими нарезными стволами и фузейными ложами, был в разы дороже, чем на солдатских фузеях: «Подрятчику на дело приборов к десяти винтовалным пищалем по шти алтын по четыре деньги (20 копеек. – А. Ч.)»[87]. Фурнитура «солдатской ложи», стоившая 3 копейки и именовавшаяся в документах «прибором по пяти мест» (из пяти деталей) определенно не содержала ни затыльника, ни замочной личинки. Точное перечисление деталей ложи винтовальной пищали мы можем узнать для 1702 г. – «...на дело к винтованным к двумстам пищалем приборов двести, а в приборе по скобе, по пыжовнику с трубкою, по три трубки шомполных, по два щурупа привертных, по дощечке, которая бывает под щурупами, по щурупу хвостовому, по спуску з дощечкою, по защолчке... по шести алтын во четыре деньги»[88]. Здесь также нет ни затыльника, ни наконечника цевья, но есть непонятная «защелчка» и спусковая личинка. Интересно, что этот заказ мог быть передан посадским

оружейникам в сентябре 1702 г.: «Отдано с Бархотного двора Самопалного ряду станочником присланные с Тулы винтованные сто девяносто два ствола, зделать к ним новые станки и переделать к ним шкоцкие замки и приборы и выкрасить под орех»[89].

К числу единичных упоминаний деталей прибора лож относится сообщение о покупке в ноябре 1702 г. «на фузейные ободки буйловаго рога на десять алтын»[90]; очевидно, здесь имеются в виду роговые наконечники цевья.

Среди деталей прибора не позднее 1702 г. в документах встречаются «погоны с кольцами»[91]. В апреле 1706 г. «Стволного приказа замошники Авдоким Уродов с товарищи... восмьдесят погонов с кольцы отделали, да дватцать три пары пистолей приделывали дватцать четыре курка»[92]. Погоны «нагоняли» на фузеи, например, в апреле 1703 г. «работали на Бархотном дворе... отдельщики, три дни присаживали шпаги в день по дватцети шпаг всякой человек, да два дни на фузеи погоны нагоняли, да день черные крыжи обтирали»[93]. Это позволяет заключить, что под «погонами» понимались погонные скобы драгунских фузей, которые монтировались на ложе слева и крепилась задним замочным винтом и обоймицей, нагнанной на цевье. Эта скоба позволяла возить фузеи в седле на плечевой перевязи. Неясно, правда, какая деталь в приведенных цитатах именовалась кольцом, – собственно кольцо, скользящее по скобе, к которому крепится карабин перевязи, или обоймица (ложевое кольцо) на цевье. Возможно, обе детали носили одно название: «1707-го генваря с 20... отдельщики... отделывали в день по пети погонов с колцы с плоскими и с круглыми, а в шесть дней по тритцати»[94]. «Плоские кольца» здесь наверняка обоймицы. Таким образом, упоминаемые в документах «погоны» служат маркером драгунских ружей, которые в явном виде в текстах не значатся. Выше мы цитировали документ 1700 г. о поставке Елизаром Избрантом тысячи фузей «с станками кленовыми з двема петли»[95]. Это наверняка антабки, но других упоминаний этих деталей мы не знаем. Встречаются упоминания ружейных ремней, например, в 1705 г. был заключен подряд на поставку «к драгунским фузеям ремней яловичных красных»[96].

Вряд ли прибор лож первых лет XVIII столетия был качественным. В 1702 г. фузейный прибор оценивался в 5 денег, то есть 2,5 копейки, а для крепежа спусковых скоб использовались «гвозди малой руки»[97].

Важные детали о фузеях московский работы можно почерпнуть из дела об освидетельствовании на Петербургском Оружейном дворе в 1722 и 1724 гг. ружей, предложенных частным поставщиком москвичом Василием Лазаревым. В 1722 г. этот коммерсант представил «две фузеи, одна русской, другая немецкой работы... а по свидетельству... немецкой фузеи раковины великие и с пробы порвался, а русской фузеи замок и станок русского дела, токмо ствол старый шведского дела и оные фузеи в указанные калибер явились негодными, понеже калибером ниже». В 1724 г. Лазарев предложил «немецких и тульских фузей... по три фузеи... у немецких фузей замки плоские с собачками, а что объявлены тульские и оные фузеи не тульские а именно значит стволы старые, осатка (сборка. – А. Ч.) московская, замки круглые, мастерства самого плохого и разнокалиберные станки кленовые, и оное ружье пробовано, и с пробы устояли пять фузей, а шестой фузеи амстердамского дела один ствол разорвало пополам[98]. Оба осмотра проводились при участии надзирателя оружейного двора Константина Аввакумова, бывшего мастера Оружейной палаты, который был переведен в Санкт-Петербург в 1711 г. вместе с большой группой московских оружейников[99], а в 1700-е годы он руководил сборкой оружия на московском Бархатном дворе. Интересно, что в первом случае ствол русского ружья оказался старым шведским, а во втором одно из русских ружей, похоже, имело также старый голландский ствол, который разорвало при отстреле. Очень важно, что замки «немецких» фузей – «плоские», то есть с плоскими замочными досками и с собачками. Замки на ружьях московский сборки («осадки») – «круглые», то есть с округлой поверхностью замочной доски, и невысокого качества. Отметим и материал ложи у фузеи «московской осадки» – клен.

Приведем также цитату из приходно-расходной книги Оружейной палаты 1705 г., существенно расширяющую наши знания об оружии, которое могло именоваться фузеей: «1705-году октября в 24 день в полате Оружейной боярину Федору Алексеевичу Головину с товарищи оружейных дел мастер Афонасей Вяткин доносит... велено тульские де широкие усье работы Микиты Демидова дела семьсот фузей с турецкими замки, а у тех фузей велено широкие устье оттереть и к ним присадить багинеты и приделать замки шкоцкие, а на поклейку тех станков надобно рыбья клею пуд, да белово железа педесят листов, да сала квашенинного к сверленью багинетов, к чистке и к смаске ружья

десеть пуд»[100]. Эта цитата показывает, что Никита Демидов поставил в Оружейную палату ружья с замками турецкого типа (только так можно понять определение «турецкий») и стволами, имеющими то или иное дульное расширение («широкое устье»). Для присаживания штыков дульную часть этих стволов необходимо сточить и сделать цилиндрической, а замки на ружьях заменить французскими. Калибр этих стволов был достаточно большим, в противном случае их не стали бы переделывать в строевые фузеи. Следовательно, это не могли быть традиционные стволы казачьих или завесных пищалей с дульным раструбом, калибр которых редко превышал 13 мм. Остается предположить, что стволы принадлежали к турецкому типу с грушевидными утолщениями на дуле. Подобные стволы длиной около полутора метров и калибром 16–18 мм ковали мастера Оружейной палаты в 1674 г., наверняка и тульские казенные кузнецы[101]. Неясно, где были сделаны замки средиземноморского типа турецкой версии (с боковой планкой), исходно установленные на «фузеях». С большой вероятностью, в Туле, но пока такое свидетельство единично, можно предположить, что Демидов использовал замки турецкого происхождения, например, захваченные после взятия Азова в 1696 г. Крайне интересен вопрос о ложах демидовских «фузей»: турецкие микелеты, как правило, устанавливались только на станках турецкого же типа.

В завершение приведем комментарий к поступлению в 1701 г. во Владимирский пехотный полк «987 мушкетов тульской работы» и «1064 багинетов»[102]. Это оружие не могло быть поставлено в полк напрямую из Тулы. С большой вероятностью, оно на каком-то этапе должно было оказаться в Оружейной палате и на Бархатном дворе, возможно, там же оно были модернизировано, а «багинеты» присажены к ружьям. Отдельный вопрос – причина именования упомянутых мушкетов как тульских. Вряд ли они были определены как тульские по каким-то характерным признакам на самом оружии, клеймам или надписям, скорее, информация о тульском происхождении находилась в сопроводительных документах. Однако теоретически из основных деталей этих фузей собственно тульскими могли оказаться только ложи, а стволы, замки и штыки имели разное происхождение.

Итак, наша работа показала, что русские пехотные ружья первого десятилетия XVIII в. были большей частью сборными и включали детали, произведенные в разных местах в разное

время. Принципиально сборным было оружие, произведенное на Бархатном дворе в Москве в 1700–1707 гг., в лучшем случае мастера Ствольного приказа изготавливали ложи, а стволы, замки, ложевые приборы и штыки могли быть сделаны в самых разных местах. Особо нужно отметить случаи изготовления каких-либо деталей на Бархатном дворе, но провинциальными мастерами – туляками и устюжанами, также и московскими посадскими оружейниками. Причем стволы (отчасти и замки) часто являлись «починочными» деталями, которые могли храниться в царской казне и ожидать ремонта и сборки теоретически десятилетиями. Импортное оружие (и его детали) после ремонта на Бархатном дворе также не может более определяться как только европейское. Рассверленные стволы с новыми казенными винтами, замки с переустановленными курками и огнивами, отремонтированные или даже замененные целиком ложи показывают, что такие ружья далее должны определяться как русские с отдельными старыми деталями. Продукция Бархатного двора не может иметь каких-либо характерных признаков, свойственных другим производственным центрам, она представляет собой смешение разных оружейных школ и стилей. Таким образом, основные проблемы, стоящие перед историками оружия, – это поиск в музейных коллекциях сборных мушкетов петровского времени, различение русского и импортного оружия, локализация места производства отдельных деталей.

---

[1] Опись Оружейной палаты, составленная в 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936. Л. 370.

[2] СГГД. Т. 3. М., 1822. С. 316.

[3] Яблонская Е. А. Огнестрельное оружие Нидерландов XVII–XVIII веков [Каталог собрания]. М., 2012. С. 22.

[4] Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. М., 1938. Т. 4. С. 269.

[5] АЮБ. Т. 2. СПб., 1864. С. 722–723.

[6] Ларченко М. Н. Перечневая роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 177.

[7] Там же.

[8] Выписка Оружейного приказа о расходе оружия. 1652. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Л. 4493. Л. 1–2.

[9] Яблонская Е. А. Огнестрельное оружие Нидерландов XVII–XVIII веков [Каталог собрания]. М., 2012. С. 22.

[10] ДАИ. СПб., 1895. Т. 9. С. 163.

[11] Память из Пушкарского приказа в Оружейную палату об отсылке ружья. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21596. Л. 1–2.
[12] Бакланова Н. А., Чекан И. В., Заозерская Е. И. Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. М., 1928. С. 67.
[13] О расходе денег на мушкетные стволы. 1685. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52159. Л. 1–2.
[14] Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 2. М., 1994. С. 45.
[15] Опись Оружейной палаты, составленная в 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936. Л. 370–375 об.
[16] Там же. Л. 370 об. – 371.
[17] Там же. Л. 321 об.
[18] Об отдаче станочникам старых мушкетных стволов. 6 июля 1687. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 25299.
[19] Выписка Оружейной палаты о привозе сделанных в Туле на прошлой 205 год фузей. 25 февраля 1698. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 33249. Л. 1–2. Вероятно, это дело имелось в виду в определителе Л. К. Маковской. См. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992. С. 83, сноска 51.
[20] Тульские оружейники. Сборник документов / Отв. ред. И. Н. Юркин. М., 2003. С. 152.
[21] О даче из Приказа ствольного дела на оружейных дела денег. 27 июня 1697. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 32950. Л. 1.
[22] О поставке тульским казенным кузнецом Игнатием Васильевым 5000 мушкетов. АВИМАИВиВС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 514. 1697. Л. 1.
[23] Там же.
[24] Есипов Г. В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. С. 150, № 567.
[25] Мышковский Е. В. Ручное огнестрельное оружие русской армии периода Северной войны // Сб. ИМАИВ. Вып. 4. Л., 1959. С. 71.
[26] Есипов Г. В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. С. 151, № 567.
[27] О даче из Приказа ствольного дела на оружейных дела денег. 27 июня 1697. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 32950. Л. 2.
[28] Чубинский А. Н. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI – начала XVIII в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Ч. IV. СПб., 2014. С. 416–419.
[29] Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698–1801. История Российских войск. М., 1995. С. 33.
[30] Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 30.
[31] Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 53.
[32] Дела Оружейной палаты за май–декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 26.
[33] Дела Оружейной палаты за январь–июнь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1000. Л. 11.

[34] Щеглова Н. А. Технический словарь тульских оружейников XVII–XVIII веков. М., 2004. С. 83–84. Автор этого подробнейшего словаря приводит цитату из документа 1713 г. и не вполне точно определяет «шкоцкий» замок как «шотландский ударно-кремневый замок... с огнивом, отделенным от крышки, закрывающей полку».
[35] Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 218.
[36] Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 46.
[37] См. также нашу статью «Первые русские алебарды и мортирки» (в печати).
[38] Память тульскому старосте Панкрату Горбунову о сделании 2000 фузей. 24 янв. 1698. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 33189. Л. 1–2.
[39] О присылке из Оружейной палаты в Разряд мастеров для прострела 1500 мушкетов. 1697. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 32878. Л. 1.
[40] О Ствольном приказе и Бархатном дворе см. нашу статью «Ствольный приказ и Оружейная палата. Производство строевого оружия на московском Бархатном дворе в 1700–1707 гг.» (в печати).
[41] Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992. С. 23.
[42] Поручная запись по иноземце Елизаре Избранте. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 34347. Л. 1.
[43] Ведомости Оружейной палаты 1701–1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д . 986. Л. 31 об.
[44] Ведомости Оружейной палаты 1701–1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д . 986. Л. 23; Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 176.
[45] Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 377.
[46] Там же. Л. 378.
[47] Там же. Л. 10 об.
[48] Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 108.
[49] Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 305.
[50] Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 92.
[51] Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 30.
[52] Дела Оружейной палаты за сентябрь 1703 – март 1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 990. Л. 140.
[53] Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 108.
[54] Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 6. Скорее всего, две тысячи рублей были авансом, но не полной платой по договору. Если две тысячи составляют полную сумму, то цена одной такой фузеи составляет всего 50 копеек, что может относиться разве ко стволу оружия. Нельзя исключить, что в этой цитате под фузеями надо понимать фузейные стволы.
55 Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 58.
[56] РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 994. Дела Оружейной палаты за январь-март 1705. Л. 62; Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 67 об.

[57] Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 282, 293, 293 об., 294, 329 об., 342, 438 об.
[58] Там же. Л. 366.
[59] Там же. Л. 347.
[60] Там же. Л. 192.
[61] Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 109.
[62] ПБПВ. Т. 8. Вып. 1. Л., 1948. С. 57.
[63] Ведомости Оружейной палаты 1701–1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д . 986. Л. 31 об.
[64] Там же. Л. 32.
[65] Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 28, см. также Л. 29, 31, 46.
[66] Там же. Л. 331.
[67] Там же. Л. 33. См. также Л. 326, 338.
[68] О приделывании на Бархатном дворе новых станков к старым немецким стволам и замкам. 31 мая 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36073. Л. 1. Что означает определение «крестовская фузея» сказать трудно, возможно, здесь отражено имя поставщика или местность, из которой поставлялись оружие или его детали.
[69] Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 76.
[70] Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 438 об.
[71] Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 301.
[72] Дела Оружейной палаты за май–декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 174.
[73] Известно другое значение этого слова – жестяная лента с отверстиями для гвоздей, оковка. Но трудно предположить, как такой материал мог пригодиться при изготовлении ложи и сборке ружей.
[74] Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 305.
[75] Там же. Л. 50.
[76] Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1698 году. СПб., 1841. С. 81, 84.
[77] Там же. С. 83, 85, 86.
[78] Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 17 об.
[79] Дела о расходах Оружейной палаты 1709. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1006. Л. 17.
[80] Шокарев Ю. В. Ручное огнестрельное оружие русской армии XVIII в. // Из истории русской армии и оружия. Труды Государственного ордена Ленина Исторического музея. Вып. 64. М., 1987. С. 27.
[81] Дела Оружейной палаты за январь–июнь 1708. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1003. Л. 37.
[82] Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 64.
[83] Ведомости Оружейной палаты 1701–1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д . 986. Л. 92 об.
[84] Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 328.
[85] Там же. Л. 175.

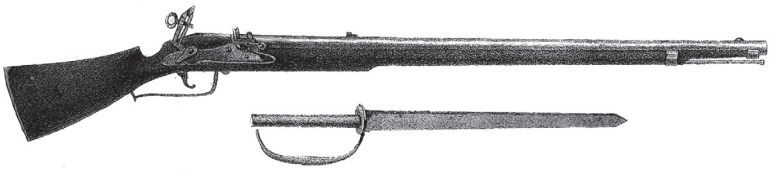
[86] Там же. Л. 359 об.
[87] Ведомости о приходе и расходе денежной казны Оружейной палаты за 1703–1704. Л. 116.
[88] Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 128.
[89] Там же. Л. 162.
[90] Там же. Л. 317.
[91] Там же. Л. 303.
[92] Дела Оружейной палаты за май–декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 29.
[93] Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 176 об.
[94] Дела Оружейной палаты за январь–июнь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1000. Л. 27.
[95] Поручная запись по иноземце Елизаре Избранте. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. д. 34347. Л. 1.
[96] Дела Оружейной палаты за январь–март 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 994. Л. 285 об.
[97] Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 3, 5.
[98] Рапорт Оружейного правления о приеме в артиллерию ружей. 1724. АВИМАИиВС. Ф. 2. Оп. 7.Д. 14. Л. 4, 7. Текст документа передан К. В. Нагорным в интернет-публикации http://www.reenactor.ru/ARH/ARH/Arxiv_12.pdf. Время обращения 19.01.2023.
[99] См. Новоселов В. Р. Закрытие Мастерской палаты и перевод ее мастеров в Санкт-Петербург // Оружейный сборник. Вып. I. Материалы заседаний Оружейного семинара Государственного Эрмитажа, 2016–2020. Памяти Л. И. Тарасюка. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2021.С. 268. В 1700-х гг. Аввакумов был, пожалуй, лучшим замочным мастером Оружейной палаты, уступая разве что Афанасию Вяткину.
[100] Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 283.
[101] Чубинский А. Н. Русские «двухаршинные» стволы из собрания Оружейной палаты и пищали 1674 года // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Десятой Международной научно-практической конференции. Часть 3. СПб., 2021. С. 420–421.
[102] Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение / Под ред. В. И. Егорова М., 2008. С. 124.

А. Н. Чубинский (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ГАРТМАНОВСКИХ» И «АМСТЕРДАМСКИХ» ФУЗЕЙ ИЗ РОССИЙСКИХ МУЗЕЕВ

При многочисленных упоминаниях русских пехотных ружей XVII – начала XVIII вв. в письменных источниках мы почти не знаем хранящихся в музеях образцов этого оружия. Имеются единичные публикации мушкетов XVII в., которые могут быть определены как вооружение русской пехоты эпохи Московского царства. Например, А. К. Кирпичников и И. Н. Хлопин опубликовали два фитильных мушкета 1650–1660-х гг. европейского происхождения, хранившиеся в XVII в. в Кирилло-Белозерском монастыре[1], Л. К. Маковская ввела в научный оборот два мушкета с русскими замками третьей четверти того же столетия, происходящие из оружейной казны Соловецкого монастыря[2]. Однако датировки последних предметов крайне приблизительные, локализация места их изготовления проблематична. В экспозиции Государственного исторического музея (ГИМ) в Москве выставлен крайне интересный мушкет с русским замком и ложей французского типа с сильно скошенным затылком[3]. По некоторым признакам, это оружие было собрано в Москве с участием мастеров Оружейной палаты (и Ствольного приказа)[4] в 1660-х –1670-х гг., но ложа может оказаться позднейшей. В московской Оружейной палате отечественные мушкеты отсутствуют.

Что касается русских пехотных ружей 1690-х гг. – первого десятилетия XVIII в., то такое оружие никогда не публиковалось, за исключением труда А. В. Висковатова. Во втором томе «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» был приведен рисунок ружья со шведским замком,



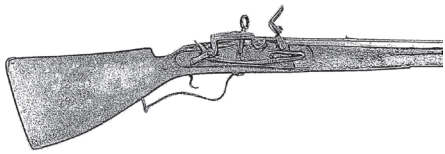
Ил. 1. Иллюстрация из «Исторического описания...» А. В. Висковатова. 1842 г.

которое, согласно подписи, являлось русской «фузеей 1701 г.», причем ему принадлежал багинет с дужкой, не доходящей до черена[5] (ил. 1). В тексте книги имелась ссылка на это изображение: «Фузеи... в значительном количестве добывались от шведов, в сражениях и при взятии разных крепостей и городов»[6]. Следовательно, автор мог полагать, что ружья, которые он именовал «фузеями 1701 г.», на самом деле были трофейным шведским оружием. На других рисунках из этого же тома такие ружья со шведскими замками показаны как вооружение солдат гвардейских и армейских полков первых десятилетий XVIII в.[7]

В действительности, в оружейных собраниях России имеется несколько мушкетов, очень сходных с рисунком «фузеи 1701 г.», очевидно, что в качестве модели для рисунка был использован один из них.

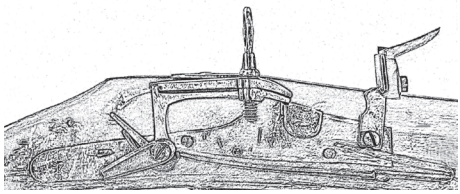
Эти ружья[8] (ил. 2) имеют характерную наружность, заметно отличающую их от большинства европейских пехотных мушкетов рубежа веков. Их черные ложи имеют относительно легкие приклады старофранцузского типа, на которых вырезана крупная надпись 17X07 (ил. 3), спусковые скобы в виде S-образной ленты с задней вертикальной стойкой и крупные кремневые замки шведского типа с непривычным дизайном (ил. 4). Курки замков угловатые с очень длинными губками, составляющими прямой или даже острый угол с короткой стойкой. Губки стягиваются винтом, головка которого выполнена в виде крупного кольца; курок дополнительно фиксируется длинным курковым кронштейном. Внешняя боевая пружина, действующая снизу вверх на длинную пятку курка, соединена с подогнивной пружиной. Огниво, совмещенное с крышкой пороховой полки, подвижно смонтировано на стойке посредством винта и может быть повернуто в сторону, отдельной деталью является еще одна предохранительная крышка пороховой полки, положение которой фиксирует овальный щиток. Шептало, как и у классического снепханса, проходит сквозь

прорезь в замочной доске и при взведенном положении курка зацепляет его длинную пятку. Замочные доски – с овальным левым краем и почти вертикально срезанным правым. На стволах и замках этих ружей имеются клейма, в том числе с латинскими, а иногда с кириллическими буквами. Стволы имеют длину 89–97 см, калибр 18–20 мм и прицелы в виде щитка с прорезью, врезанные на некотором отдалении от казны (у некоторых образцов в виде невысокой колодки на хвостовике).



Ил. 2. «Фузея 1707 г.», или так называемая «гартмановская фузея»

Ил. 3. Надпись, вырезанная на прикладе «фузеи 1707 г.»



Ил. 4. Кремневый замок шведского типа на «фузеях 1707 г.»

В настоящее время эти фузеи чаще всего определяются как боевые шведские ружья времени Северной войны, в том числе как трофеи Полтавского сражения[9]. Эта традиция прослеживается от публикации Н. Е. Бранденбурга, в которой предполагалось, что надпись на прикладе обозначает 1707 год изготовления[10]. В других случаях об этих же ружьях писали как о русских «гартмановских фузеях», изготовлявшихся в России якобы по образцу мушкетов, привезенных из Швеции голландским коммерсантом Даниилом Гартманом[11]. Эта версия, опирающаяся, скорее всего, на рисунки из книги А. В. Висковатова, была разработана В. Е. Маркевичем, утверждавшим, что на Оружейном дворе Санкт-Петербурга изготавливались «гартмановские фузеи с шкоцким замком», в его книге был приведен рисунок ружья, в котором без труда можно узнать исследуемую фузею[12]. При этом в книгу В. Е. Маркевича 1937 г. вкралась опечатка, которая повторялась и в переизданиях[13], замок был ошибочно назван «шоцким». В то

время как цитата из документа 1696 г., на которую, по всей видимости, опирался В. Е. Маркевич, звучит так: «Торговому иноземцу Данилу Гартману... поставить у города Архангелского сентября 1 числу 205 году три тысячи мушкетов немецких добрых с оправою и *шкоцкими* (курсив наш. – *А. Ч.*) замками»[14]. Эта цитата показывает ошибочность сопоставления «фузей 1707 г.» с оружием, поставленными Гартманом. Как мы показали[15], в 1690-е гг. «шкоцкими» замками называли батарейные, следовательно, мушкеты Гартмана имели французские замки. В любом случае, маловероятно, чтобы голландский коммерсант торговал оружием, снабженным шведским замком.

Невозможно доказать и то, что подобные ружья производились в Швеции на рубеже XVII–XVIII в. и состояли на вооружении армии Карла XII. Такие ружья в музеях Швеции нам неизвестны. С другой стороны, аналоги замков (и спусковых скоб) «фузей 1707 г.» встречаются на шведских боевых ружьях первой половины XVII в. Шведские кремневые замки (Swedish snaplock) с угловатым курком и внешней боевой пружиной известны по меньшей мере с начала XVII в.[16] Боевые мушкеты с прикладами типа «рыбий хвост» и полностью аналогичными замками в большом количестве производились в Швеции в основном в 1620-е гг.[17]

Приведенные данные дают право на жизнь гипотезе об импорте «фузей 1707 г.» в Россию из Швеции в середине XVII в. Известный православный путешественник Павел Алеппский, посетивший Россию в 1654–1656 гг., описал беседу с русским патриархом Никоном, в ходе которой последний с гордостью «показал... из окна... множество телег, нагруженных ружьями... он сказал, что их пятьдесят тысяч и что они получены теперь в ящиках из Шведского королевства»[18]. Ложи с прикладами старофранцузского типа в Швеции середины XVII в. существовали, но вряд ли мушкеты в середине XVII в. могли иметь кремневый замок, а не фитильный, стандартный для того времени. Однако мы считаем такую версию маловероятной.

Ранее мы предполагали, что замки «фузей 1707 г.» (и оружие в целом) были изготовлены на Петровских Олонецких заводах, так как замки шведского типа традиционно производились в данном регионе и бытовали под наименованием «карельских замков»[19]. Однако полные шведские аналоги замков существенно ослабляют приведенную версию.

Тем не менее, мы продолжаем считать, что «фузеи 1707 г.» сделаны в России. На наш взгляд, их замки (вероятно, и стволы; менее вероятно – ложи) в действительности являлись трофеями Северной войны, но они не имели отношения к боевым шведским фузеям, захваченным в полевых сражениях. Источник их появления – арсеналы шведских крепостей, где они находились в виде отдельных деталей или в составе морально устаревших мушкетов. Так, например, трофеи, взятые в Нарве в 1704 г., включали «ручнаго ружья солдатского, рейтарского и драгунского 11200, пистолетов 1592 пары», в Иван-городе – 370 мушкетов[20]. Неясно, какое количество из одиннадцати с половиной тысяч ружей составляли драгунские фузеи и рейтарские карабины, но наверняка в своем большинстве это были пехотные мушкеты. Можно привести и дифференцированное описание интересующего нас трофейного оружия в Нарве в 1706 г.: «Завоеванного ружья швецкого 1112 фузей замки с курками починенова; 1948 фузей к стрельбе негодны; 7745 фузей жагренова швецкого ж, 1686 мушкетов з жаграми»[21]. В том же нарвском арсенале в 1708 г. хранилось «замка фузейных и санопальных горелых 182... скобок фузейных 90... стволов фузейных годных 353, стволов же ломаных негодных 432, стволов же в станках деревянных 1763... фузей прирезных 448, жагреных к прирески годных 924»[22]. Как видно, в виде отдельных деталей в Нарве хранились и стволы, и замки, и даже спусковые скобы.

Достаточно очевидно, что русское командование стремилось использовать трофейное оружие, по меньшей мере, его наиболее дорогие детали – стволы и замки. Можно предположить, что трофейные мушкеты или их основные комплектующие части были отправлены на тот или иной русский оружейный завод или в мастерскую (вполне вероятно, в Москву), где были починены и смонтированы на новых ложах. Особенно интересны упоминаемые в документе 1708 г. «стволы на ложах» и «прирезное оружие». С нашей точки зрения, это старые ружья со снятыми замками, скорее всего, фитильными, которые были готовы к установке новых замков. Исходя из даты составления описи, они не могли послужить основой при сборке «фузеи 1707 г.». Но сам факт их наличия косвенно подтверждает нашу гипотезу. Замки, установленные на «фузеях 1707 г.» имеют столь длинные доски, что теоретически они могли закрыть вырезы на ложах от прежних фитильных замков.

Страна и время сборки описываемых ружей удостоверяются клеймом с кириллическими буквами, которое выбито на стволе и замке «фузеи 1707 г.», которая хранится в Государственном Эрмитаже[23]. Овальное клеймо включает надпись АѰЗ под короной. Это не что иное, как обозначение 1707 г., переданное старославянской цифирью. Совпадение даты на стволе, замке и ложе однозначно свидетельствует о том, что это ружье было собрано в России в 1707 г., как и все остальные мушкеты аналогичного дизайна. Об этом же говорят встречающиеся на исследуемых ружьях клейма с русскими буквами, например, клеймо НИ на стволе и замке фузеи, хранящейся в Тульском музее оружия[24]. Заметим, что принадлежность части буквенных клейм неоднозначна, – в тех случаях, когда начертания букв латиницы и кириллицы совпадают. При этом массовое наличие личных клейм у русских казенных оружейников не вызывает сомнения, это было связано с необходимостью идентификации мастеров, допустивших брак. Например, в 1697 г. часть поставленных в Оружейную палату из Тулы стволов не выдержала прострела, и старосте тульских казенных кузнецов было «велено... те рваные стволы по клеймам розабрать на Туле»[25].

Итак, появление на русских ружьях шведских замков (и стволов) вполне объяснимо. Сложнее понять причину, по которой для вновь собранных мушкетов использовались старофранцузские ложи, которые к началу XVIII в., как кажется, уже отошли в прошлое. Предположение о том, что ложи, а стало быть и мушкеты в целом, произведены все-таки шведскими мастерами задолго до событий Северной войны, снова упирается в отсутствие шведских аналогий.

Необходимо принять во внимание, что именно в 1707 г. ввиду угрозы наступления Карла XII московский Бархатный двор, основная производственная площадка Оружейной палаты и Ствольного приказа, прекратил работу, производство было реорганизовано и перемещено в другие места[26]. Возможно, что в связи с этим в конце лета 1707 г. традиционная для Бархатного двора сборка ружей частично переместилась в Тулу: «Августа в 13 день по указу великого государя... выдать... денег за фузеи, которые стволы и замки четыре тысячи немецкой работы посланы на Тулу ради осадки в станки, и в то число прислано с Тулы тысеча фузей»[27]. Нельзя исключить, что под оружейными деталями «немецкой работы» здесь понимались трофейные шведские

стволы и замки, и «фузеи 1707 г.» в действительности были собраны в Туле. Но более вероятно, что эти ружья были собраны в Москве с использованием отремонтированных деталей, имевших шведское происхождение. Многочисленные примеры изготовления мастерами Ствольного приказа мушкетов со старыми «немецкими» стволами и замками мы приводили выше. В том же 1707 г. такие работы неоднократно проводились не только мастерами Стволного приказа, но и Оружейной палаты: «1707-го июля с 22-го числа... по указу великого государя станошного дела мастеровые люди шестнатцать человек работали осадили в шесть дней в станки по двенатцати фузей починошного ружья, что прислано из военного походу из Острогу... ноября с 27-го числа декабря по 2 число... роздано станошного дела мастеровым людем по двенатцати фузей с всеми приборы в присатку в новые станки Фоме Морачеву, Михаилу Васильеву, Афонасью Риге»[28]. Группа трех последних мастеров числилась в Оружейной палате. А работавшие в ней ложевщики белорусского и западноевропейского происхождения с 1660-х гг. определенно изготавливали ложи старофранцузского типа[29].

Нельзя исключить, что эти фузеи были собраны в московской Немецкой слободе в одной из частных мастерских, в которых в качестве учеников работали русские мастера и которые выполняли заказы на изготовление строевого оружия. Именно европейским оружейникам было свойственно помечать приклады строевых ружей крупными резными надписями с указанием года производства. Дизайн надписи «17X07» вряд ли мог быть разработан русскими мастерами, для которых была привычнее буквенная цифирь. Возможно, центральный символ в надписи «X» ассоциативно связывался в Андреевским крестом.

Невелика вероятность изготовления «фузей 1707 г.» в оружейных мастерских при северо-западных крепостях, где исходно хранилось трофейное оружие, – такие мастерские не могли производить крупные партии оружия, не обладали достаточной ремонтной базой и собственными клеймами. Несколько более вероятно, что эти фузеи были собраны все же на Олонецких Петровских заводах или даже в на оружейном дворе в Санкт-Петербурге, но сведения о последней мастерской в 1707 г. отсутствуют.

Отметим два вопроса, несколько ослабляющих нашу версию об изгтовлении описываемых фузей в России в 1707 г. «Фузеи 1707 г.» не приспособлены для примыкания штыка с трубкой. Но,

по мнению Масловского Д. Ф., вставляющиеся в дуло багинеты существовали до 1709 г.[30]

Другой контраргумент – надпись «17Х07», полностью аналогичная нанесенным на этих фузеях, встречается на прикладе хранящегося в Артиллерийском музее гладкоствольного ружья калибром 16,5 мм с фитильно-колесцовым замком и мушкетной ложей[31], которое не могло быть сделано в Москве в начале XVIII в.[32] С другой стороны, надпись на этом ружье вряд ли имеет отношение к обстоятельствам его изготовления, она выглядит позднейшей.

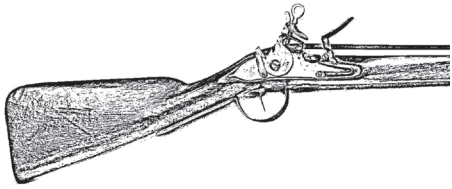
И все же мы не можем полностью исключить возможность исходной сборки этих фузей в Швеции в 1640-х – 1650-х гг.[33], но и в этом случае ружья явно были перебраны и отремонтированы в России, их непременно отстреливали и нанесли ряд русских клейм и надписи с датой; следовательно, даже в этом случае их допустимо считать русским оружием.

Возможно, «фузеи 1707 г.» в России так и не поступили в войска. То, что в музеях сохранилась относительно большая группа этих однотипных ружей (при полном отсутствии других русских фузей, датированных первым десятилетием XVIII в.), может указывать на их невостребованность, вероятно, из-за их экзотического дизайна и заметной разницы в калибрах. В целом судьба этих фузей в XVIII–XIX вв. достаточно очевидна: они долгое время хранились в одном из российских цейхгаузов, откуда и поступили в музеи.

Таким образом, «фузеи 1707 г.» (безусловно, имеющие в своем составе ранние шведские замки, детали прибора и, вероятно, стволы) были собраны в России в 1707 г., скорее всего, в Москве при участии мастеров европейского происхождения. Эти ружья можно причислить к вооружению петровской армии первого десятилетия XVIII в. и предложить следующую атрибуцию: «Фузея пехотная солдатская. Россия, Москва, Оружейная палата (?) (Бархатный двор (?)), 1707 г. (сборка, ложа). Ствол, замок, спусковая скоба – Швеция, первая половина XVII в.».

Не менее запутанная история связана с ружьем из собрания Музеев Московского Кремля (ил. 5). Ружье имеет ствол длиной 107 см и калибром 20 мм, французский замок с плоской доской и французскую же ложу, железный прибор, за исключением медной замочной личинки (ил. 6), на которой выбита надпись Amsterdam. В 2012 г. оно было публиковано в каталоге голландского оружия

с атрибуцией «Амстердам, 1680–1700 гг.» и без указания на область его бытования[34]. Клеймо на стволе подтверждает атрибуцию. Самое раннее упоминание ружья было найдено автором каталога Е. А. Яблонской в Описи Оружейной палаты 1808 г., но наиболее интересная часть архивного описания была опущена при публикации. В 1808 г. это ружье было описано в паре с другим аналогичным так: «Фузей пара, *названныя по прежним ведомостям салдатскими... одна из них со штыком. Замки гладкие с собачками позади курков.* На сторонах, противоположных замкам, по медной накладке, на которой вырезано Amsterdam. В станках ореховых с медною оправою»[35] (выпущенный в публикации 2012 г. текст выделен нами курсивом). Таким образом, речь идет не просто о «ружьях» (в упомянутом каталоге ружьями названо преимущественно охотничье оружие), а о строевых мушкетах пехотных полков. Временем производства фузеи мы считаем верхнюю границу имеющейся датировки, на которую указывает контрольное клеймо Амстердама на стволе – около 1700 г.



Ил. 5. Фузея с надписью «Amsterdam» на замочной личинке

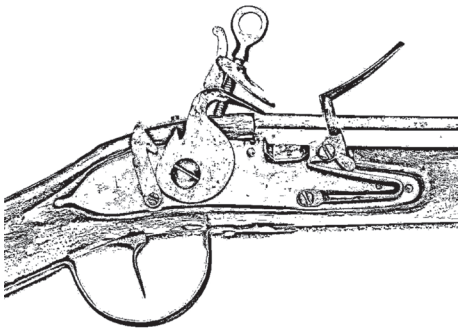
Ил. 6. Замочная личинка

Крайне информативной деталью является замочная личинка фузеи. Ее полный аналог с той же надписью был обнаружен финскими подводными археологами среди артефактов, поднятых с русского военного корабля, затонувшего в Ботническом заливе в 1714 г.[36] Эта находка показывает, что закупленные Россией в первые годы XVIII в. голландские мушкеты активно использовались не только в армии, но и во флоте вплоть до 1714 г. Возможно также, что подобные личинки служили для уточняющего наименования фузей в русских документах: «В Санкт-Питербурхском цехаузе у цейдерехтора Аврамова ружья налицо фузей амстердамских 64 со штыками»[37].

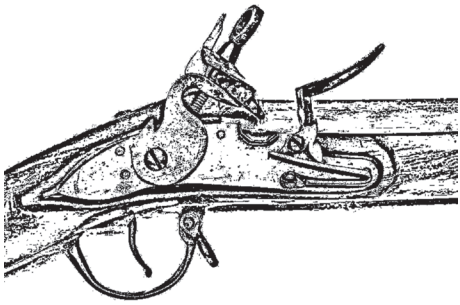
Парная фузея (как и штык) в Музеях Кремля на сегодня не числится, но ее следы были обнаружены в Описи Оружейной палаты 1886 г.: «Ружье с железным грубым прибором, на замочной пластинке надпись: «Amsterdam». *Передано в Музей Тульского оруж. завода... 1910 г.*»[38]. Как видно, искомое ружье (очевидно, без штыка) было выдано в Тулу в 1910 г. Благодаря помощи коллеги из Тульского музея оружия, эта «амстердамская фузея» была найдена[39]. Замки, замочные личинки и другие детали прибора обоих ружей аналогичны, но ствол и ложа тульского ружья имеют принципиальные отличия. Цевье этого ружья, не доходящее до среза ствола около 8 см, отграничено от «оголенного» участка широким плоским кольцом, нагнанным на ствол, и высокой мушкой, примыкающей к этому кольцу. Очевидно, что это приспособления для крепежа штыка. К этим деталям мы вернемся ниже, а пока ответим на вопрос о том, как два ружья с аналогичными замками и характерными деталями прибора, которые исходно хранились в паре, могут иметь столь разную конструкцию дульной части. Кроме того, голландские ружья с кольцом в дульной части неизвестны. Единственный возможный ответ – тульская «амстердамская фузея» была модернизирована уже в России, возможно даже, получила новую ложу[40]. Внимательный осмотр кремлевского ружья показал, что и оно имеет поздние железные детали: наконечник цевья, оковку на цевье на устье шомпольного канала, прибойник шомпола и, возможно, спусковую скобу. Все они имеют относительно невысокое качество по сравнению с хорошо отделанным стволом и качественной ложей. Вызывает сомнение исходная комплектность замка (ил. 7). Мы не можем указать ближайшие голландские аналогии, но существует по меньшей мере один очень сходный с данным замок, сделанный в России. Это замок французского типа с собачкой[41], кольцом на прижимном винте курка и плоской замочной доской, на которой нанесено клеймо ПМ (ил. 8). Он установлен на Олонецкой солдатской фузее 1717 г.[42]

Итак, обе «амстердамские фузеи» рубежа XVII–XVIII вв., хранившиеся до 1873 г. в Оружейной палате, были существенно отремонтированы в России. На кремлевском ружье были заменены замок и большая часть деталей прибора, а на хранящемся в Туле, возможно, заменили ложу и модернизировали ствол для крепления штыка с трубкой. Нельзя исключить, что на тульской фузее был установлен новый (трофейный шведский?) ствол.

Вряд ли эти переделки относятся ко второй половине 1710-х гг., когда в России уже существовал образец пехотной фузеи, на который ориентировались все оружейные заводы. Наличие олонецкого аналога замков на «амстердамских фузеях» не может служить достаточным доказательством того, что они были переделаны на Петровских Олонецких заводах. Известно, что значительную часть олонецких оружейников составляли туляки; в равной степени туляки работали на московском Бархатном дворе и поставляли замки своей работы в Москву, где они вполне могли быть использованы при ремонте голландского оружия. Место хранения обеих фузей в начале XIX в. является аргументом в пользу того, что их ремонт проводился все же в Москве, вероятно, на Бархатном дворе в 1700-е гг. Для оружия, проходившего через эту мастерскую, было характерно наличие разновременных деталей, происходящих из разных производственных центров. Таким образом, атрибуция кремлевской «амстердамской фузеи» должна быть следующей: «Фузея пехотная солдатская. Россия, Москва, Бархатный двор (сборка, железные детали прибора), 1700-е гг. Ствол, замочная личинка – Нидерланды, Амстердам, ок. 1700. Замок – Тула (?), 1700-е гг.». Остается неясным, использовался ли на этой фузее когда-либо багинет.

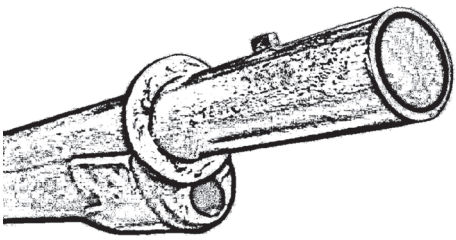


Ил. 7. Кремневый замок фузеи с надписью «Amsterdam» на замочной личинке



Ил. 8. Кремневый замок олонецкой солдатской пехотной фузеи 1717 г.

Атрибуция тульской фузеи сложнее, может оказаться, что в этом ружье единственная голландская деталь – это замочная



Ил. 9. Кольцо на дуле шведской (?) фузеи начала XVIII в., служившее стопором трубки штыка

личинка. На ее датировку может повлиять анализ приспособлений для крепления штыка – кольца-стопора для штыковой трубки и мушки. Выемка на кольце была необходима для фиксации пружины, укрепленной на трубке штыка. Аналогичное кольцо (без выемки) в дульной части имеет мушкет из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в С.-Петербурге (ил. 9), который в настоящий момент атрибутируется как шведский начала XVIII в.[43] Сходное техническое решение имела и шведская фузея образца 1725 г. К кольцу на тульской «амстердамской фузее» примыкает высокая плоская мушка, очевидно, входившая в прямую прорезь на трубке штыка. Вероятность крепления на этом ружье багинета неизвестной нам конструкции крайне мала.

Здесь будет уместно расширить тему и привести данные о русских багинетах и штыках начала XVIII в., обнаруженные нами в архиве Оружейной палаты. Эти данные представляют большой интерес, еще А. Н. Кулинский писал, что «об использовании багинетов в русской регулярной армии до нас дошло очень мало сведений»[44]. Действительно, единственный сохранившийся багинет с деревянной цилиндрической рукоятью, который, как считается, был изготовлен в России в петровское время, скорее всего, принадлежал не пехотной фузее, а мушкетону – ружью с конической каморой калибром 24 мм[45]. При этом на раннем этапе не существовало даже терминологического различения собственно багинетов, которые вставлялись рукоятью в канал ствола, и штыков с трубкой, монтировавшихся на наружной части дула, – все они именовались багинетами. При этом документы показывают заметное разнообразие этого вида оружия в начале XVIII в., описи военного имущества дают массу определений хранившихся в них штыков: «долгие», «короткие», «широкие», «плоские», «трехгранные»[46]. К этим определениям, перечисленным в труде К. В. Татарникова, мы постараемся добавить новые данные,

опираясь на описания штыков и багинетов, проходивших через Оружейную палату и московский Бархатный двор в 1700-е гг.

Наиболее раннее свидетельство о существовании русских багинетов зафиксировано в выписке к челобитной ложевого мастера Оружейной палаты 1702 г.: «В прошении... мастеров Демьяна Блисова с товарыщи написано, работали де они к свейскому походу багинетные черенья»[47]. Очевидно, что «свейский поход» – это выступление русской армии под Нарву в 1700 г., в ходе подготовки которого ложевщики вытачивали деревянные рукояти к багинетам – «череньё». Полосы для этого оружия, вероятно, были импортными. В том же 1700 г. голландцем Захарием Диксом в Оружейную палату была поставлена тысяча «полос багинетных немецких стальных»[48].

В декабре 1701 г. указывалось сделать «на Бархатном дворе одношпажных багинетов и к ним крыжей и мелких приборов и ножен»[49], уточнялось, что крыжи должны быть медными[50]. Определение «одношпажные» характеризует клинки оружия, вероятно, однолезвийные. В конце 1700 г. в Туле был размещен заказ на изготовление «3000 багинетных и фузейных приборов»[51].

В июне 1701 г. было выдано две тысячи рублей «из Ратуши на дачю иноземцом Христофору Бранту, Ивану Любсу на дело четырех тысящ богинетных полос с железными крыжи, которые против обрасца велено им делать за морем»[52]. Возможно, что упоминающиеся месяцем позже образцовые багинеты связаны с этим заказом: «Июля в 14 день по указу великого государя... в Оружейной полате к двум богинетам стальным, которые объявил для образца торговой иноземец Иван Любс, зделать крыжи, да к поясам тех богинетов оправы серебреныя... а по смете... серебреных дел мастера Ивана Лана надобно к тому делу серебра три фунта»[53]. Безусловно, «багинеты с крыжами» – это именно багинеты, клинковое оружие с рукоятью и гардой, в данном случае в парадном оформлении. Багинетные «крыжи» также заказывались у тяглецов Конюшенной слободы в феврале 1701 г.[54], всего «на дело крыжей богинетных медных» в 1701 г. было выдано 1850 руб[55]. Запись конца 1701 г. показывает, что полосы багинетов были как шведские, так и отечественные: «На дело богинетных крыжей и ножон с крючками и с наконечники медными к вывозным из-за моря вышеписанным свейским полосам и московского дела» выдавалось 2579 руб.[56]

В 1702 г. изготовление багинетов было еще актуальным: «Принето... Преображенского полку у салдата и Ивана Дюкова пятьсот дерев кленовых, а к фузеям малое число годитца, а достальные на пистолные станки и на карабинные станки годятца и... к багинетам на черенья»[57]. Действительно, в том же году в апреле «на Бархотном дворе посторонние станошники Яков Иванов с товарыщи ... приделывали к новым багинетным шпагам черенья»[58], и в конце июня мы встречаем точно такую же формулировку: «был у дела на Бархотном посторонней станошник Иван Алексеев, приделывал к новым багинетным шпагам черены»[59]. Других упоминаний багинетных черенов и крыжей в документах Оружейной палаты первого десятилетия XVIII в. нами не обнаружено, вероятно, после 1702 г. их производство было свернуто.

В трех столбцах Оружейной палаты конца 1701 г. говорится о заключении договоров с тремя русскими частными подрячиками на поставку каждым по «500 кривых багинетов»[60], причем в одном из них поставщик с московского посада «Огородной слободы Иван Петров» обязывается сделать «багинеты кривые с ножнами против обрасца». Вероятно, именно этот заказ 1701 г. предусматривал выдачу «на дело тысящи пятисот богинетов кривых троегранных с трубки... и с привертными щурупы двесте девяносто рублев»[61]. Как видно, штыки с трубками и прижимными винтами («привертными щурупами») и трехгранными клинками изготавливались подрядчиками по заказу Оружейной палаты уже с конца 1701 г., видимо, по шведским образцам. Заказывались они и в Туле: «Декабря во 2 день тульским казенным кузнецом Дементью Галахтионову с товарыщи на дело двух тысящ богинетов кривых наперед триста рублев, срок той отделки марта первое число»[62]. Также штыки ковали московские мастера: «Декабря в 20 день Оружейные полаты кузнецом Ивану Архипову с товарыщи на пятьсот богинетов кривых без ножен по адиннатцати алтын по две деньги наперед»[63]. Не позднее осени 1702 г. «кривые багинеты» ковали и кузнецы Ствольного приказа на Бархатном дворе[64].

Параллельно заключались договора о поставке ножен: «Декабря в 19 день конюшенного чину Ивану Михайлову на дело тысящи богинетного поясья по два алтына по пяти денег... Срок той отделке марта первое число. Того ж числа Мещанской слободы Степану Зверинскому на дело тысящи пятисот ножен

с крючками и с наконешники, паяными медью, железными х кривым богинетом по осми денег»[65]. Крупные заказы практиковались и далее, летом 1703 г. у подрядчиков Терентия Серпуховитина и Ивана Черепанова было закзано «4000 тысяч кривых багинетов»[66].

В том же 1702 г. в документах значатся и «коленчатые багинеты», это синонимическое название «кривых»: «Державнейший царь государь... на Бархотном дворе делали багинеты кривые против обрасца из твоих государевых припасов... в нынешнем 1702-году апреля з 22-го числа велено делать в Оружейной палате к фузеям коленчатые багинеты, и в то число для поспешения давано в кузнечные ряды на дело тех багинетов железо и сталь»[67]. Далее в документе перечислялись детали заказов, которые раздавались старостам московских кузнечных рядов: «На Болото старосте Меркулу Яковлеву дано железа 9 пуд, стали 9 фунтов, и ис того числа приятно на Бархотной двор 90 багинетов весу в них 4 пуда 12 фунтов; за Арбацкия ворота старосте Давыду Максимову дано железа 8 пуд с полупудом, стали 9 фунтов и с того числа принято на Бархотной двор 83 багинета... за Тверские ворота старосте Ильев Иванову дано железа 4 пуда с полупудом, стали 5 фунтов, и с того числа принято на Бархотной двор 45 багинетов»[68].

Определение «коленчатые» бытовало в течение всего рассматриваемого периода времени[69] наравне с «кривыми» по меньшей мере до 1711–1712 гг.: «Принято в казну Оружейную полату у подрятчика у Ивана Копылова восмьсот шесть кривых богинетов с ножны и присажены к фузеям», «Принято... у подрятчика у Ивана Стрежнева сто шездесят три богинета отковкою и отделкою добраго мастерства и против образцового сходственны, и те... богинеты отпущены в Московской полк маия в 28 день, для того в казне богинетных ножей нет опричь тех. Афанасей Вяткин руку приложил... в Оружейной полате выписано... по подряду деланы в Оружейной полате к фузеям коленчатые богинеты ценою по 7 алтын по 4 деньги богинет»[70].

Встречающиеся в документах записи о сверлении «багинетов» означают, что речь идет о штыках с трубкой, например, «1703-го июля в 12 день... выдать... за высверленыя кривыя за пятьсот богинетов за сто по полтине... сверлщику Семену Глуханову»[71]; и таких упоминаний немало как для «кривых багинетов», так и «коленчатых» [72]. Высверливались трубки штыков, чтобы

приблизить их внутренний диаметр к внешнему диаметру дульной части стволов. Однозначно указывает на штыковые трубки с прорезями сообщение 1705 г.: «Ствольного приказу отдельщики присаживали к фузеям точеные кривые багинеты по три в день, а на стволах по два целика впаивали и устье у стволов зачищали Сава Федоров, Иван Анбар, Максим Чечкин работали пять дней. В тех же числех... точили в день по три багинета»[73]. Очевидно, что под «двумя целиками» подразумевались мушка и штыковой целик, соответствовавший прорези в трубке штыка.

Полосы для штыковых клинков поставлялись в Оружейную палату в колоссальных количествах: «1706-го июня в 13 день... устюжским и тульским мастеровым людем за тритцеть за семь тысяч за триста за семьдесят за пять ножевых лезвий по осми денег за лезвие... выдать»[74]. Однако нами не найдено ни одного упоминания о том, чтобы на Бархатном дворе подобные «лезвия» сваривались с трубками.

Терминологическую неясность показывает сентябрьская запись 1705 г.: «Ствольного приказа отдельщики присаживали на фузеи точеные багинеты по три в день... Максим Чечкин присадил в два дни шесть фузей с точеными багинеты, а два дни десеть фузей присадил с простыми багинеты»[75]. Неизвестно, какова была разница между «точеными» и «простыми багинетами» и почему первые были более трудоемки при подгонке к ружьям. В другом месте той же книги Оружейной палаты «простые багинеты» являются синонимом «кривых»[76]. Вообще, многочисленные определения, прилагавшиеся к штыкам, не всегда просто сопоставить с их реальной формой и конструкцией. Летом 1703 г. на Бархатном дворе «работали посторонние колмогоры, отделывали и обтирали старые толстые багинеты»[77], в январе 1708 г. чернодельцы Ствольного приказа отделывали «широкие багинеты»[78], а в следующей цитате 1702 г. неясно, какое «гладкое» оружие соседствует и, как кажется, противопоставляется штыкам: «Багинеты против немецкого обрасца гладкие и кривые»[79]. Три типа штыков значатся в документе 1711 г. о передаче оружия в армейские полки, очевидно, в связи с Прутским походом: «Марта в 12 день... взято в Оружейную полату к четырем тысячам багинетам, которые... приделаны к фузеем и посланы в военной поход в армею... у подрятчика у Степана Федорова с товарыщи две тысячи пятьсот троегранных, тысяча пятьсот плоских широких... четыре тысячи, которые багинеты деланы по-ножевому»[80].

Здесь штыки различались клинками, – троегранными, уплощенными двулезвийными (?) и однолезвийными.

Встречаются записи о штыках для гвардейских ружей, но определить их тип невозможно. Например, весной 1702 г. «На Бархотном дворе тульские казенные кузнецы Спиридон Стыров с товарищи... приделывали кривые багинеты отделанные, которые сняты с тульского ружья, к преображенским и семеновским фузеям... обтирали черные багинеты пятнадцать человек... черноделъцы на горнах отковали по четыре багинета в день»[81].

Упоминаются в документах и непонятные для нас детали. В октябре 1705 г. «на Бархотном дворе... отделывалии в день по полтара багинета и *лапатки* (курсив наш. – *А. Ч.*) приделывали»[82]. Возможно, здесь идет речь о щитках, фиксирующих штык (или все же багинет?) в ножнах. Определенная ссылка на национальный тип штыка имеется в другой записи 1705 г.: «На Бархотном дворе... Иван Васильев отделал восемь багинетов в четыре дни, а в два дни отделал три багинета саксонских; Петр Матвеев присадил пять фузей з багинеты простыми, да шесть багинетов отделал саксонских, работал пять дней; Алексей Петров с товарищи четыре человека слаживали паяли и обтирали по четыре наконешника в день»[83] (под «наконешниками» здесь надо понимать железную деталь прибора штыковых ножен).

Крайне трудно объяснить сообщение о покупке в 1701 г. «на закрепки багинетных колец проволоки железной»[84]. Возможно, здесь идет речь о багинетах, и под кольцами надо понимать втулки, укрепляющие верхние окончания их рукоятей, но неясно, как для их крепления использовалась проволока.

Приведем также два свидетельства 1707 г., которые показывают принципиальную сложность понимания документов петровской эпохи. В марте 1707 г. в письме Петра I М. П. Гагарину, руководившему Оружейной палатой, указывалось: «Против обрасцового багинета зделать багинетов 30.000, которые... потребны против неприятеля, но еще и иной в них есть выгод: вместо топора и рубить ими мочно на фашины лес и протчее; и для того впредь иных багинетов старого маниру делать не вели, а которые и зделаны, помаленьку переделать... против обрасца»[85]. Казалось бы, «рубить фашины» штыками с шейкой и трубкой, лишенными рукояти, невозможно, и Петр имеет виду багинет с однолезвийным клинком тесачного типа. Однако другое мартовское письмо Петра сходного содержания, адресованное Б. П. Шереметеву, опровергает наше

предположение: «Послан к вам багинет образцовый, против которого вели... делать сколько возможно, только покороче образцового вершка на полтора или на два, и к старым трубкам приваривать... которые багинеты не толико что против неприятеля будут изрядны, но еще и иной есть в них выгод: вместо топора мочно ими рубить на фашины лесу и прочее. И для того положить довольно укладу, и сделать на них ножны по самый заворот (как и у прочих багинетов водится)»[86]. Здесь речь идет именно о штыках с трубками и шейками («ножны по самый заворот»), а значит, Петр предполагал осуществлять заготовку фашин при помощи штыков, примкнутых к ружьям.

Возвращаясь к теме «амстердамских» фузей, приведем цитату из приходно-расходной книги Оружейной палаты 1701–1702 гг., согласно которой на Бархатном дворе проводилась подгонка к фузеям 6407 багинетов, а также выдавались деньги «Михайлу Соснину с товарыщи от дела десяти тысеч колец на фузеи, что замыкаютца багинеты... Григорью Карпову с товарыщи за девять тысеч пружин, что замыкаютца в колца у фузей»[87]. Сходную цитату К. В. Татарников отнес к багинету «образца 1700 г.» и посчитал, что пружина крепилась к черену[88]. С нашей точки зрения в этой цитате речь идет о штыках, на трубках которых смонтирована прямая пружина, замыкавшаяся на нагнанных на ствол кольцах. Именно такое кольцо установлено на шведской (?) фузее из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ил. 9) и тульской «амстердамской» фузее, речь о которой шла выше. Таким образом, весьма возможно, что это оружие является вещественным свидетельством производственной кампании 1701 г.[89] Других упоминаний колец и пружин для крепления «багинетов» нами не обнаружено.

Показательно, что в ходе уточнения атрибуции фузеи из Тульского музея оружия нам пришлось предпринять самостоятельное исследование ранней истории русских «багинетов», показавшее, что собственно багинеты, скорее всего, не производились после 1702 г., а штыки с трубками изготавливались в Москве с конца 1701 г. Однако тот факт, что в описях военного имущества долгое время продолжает упоминаться уточняющее определение «кривые багинеты»[90], относившееся к штыкам с трубкой, говорит о том, что паралельно с ними существовали и классические багинеты с рукоятями.

Итак, наша работа показала, что ряд хранящихся в российских музеях мушкетов петровского времени, которые традиционно определялись как европейские, нужно атрибутировать как оружие русского изготовления, содержащее первоначальные детали из разных стран Европы. Это относится и к «гартмановским» фузеям, и к «амстердамским», которые, на первый взгляд, не имеют ни одной русской детали. Здесь будет уместно прокомментировать часто встречающееся в документах определение оружия как «немецкого», прилагавшееся и к отдельным деталям. Из разных источников мы хорошо знаем, что сборное оружие, имевшее хождение в России в первом десятилетии XVIII в., имело колоссальное количество голландских и немалое количество шведских деталей, в первую очередь – стволов и замков. Однако в делопроизводственных документах Оружейной палаты мы встречаем почти лишь только «немецкие» детали. Дело в том, что это определение охватывало все европейские изделия, а не только произведенные в германских государствах. Приведем интереснейшую цитату из челобитной 1711 г., которую написал «лебгвардии Семеновского полку пушкарь Григорей Федоров [сын] Лебедев». В своем прошении он сообщает, что «в прошлом... 709 году будучи... пот Полтавою... послал... к Москве к жене своей... фузею швецкую немецкую с личнами стальными в прикладе и в ложе цена восмь рублев, да пара пистолей цена пять рублев немецкие да палаш цена полтора рубли»[91]. В этой цитате шведское трофейное оружие именуется немецким. Столь же широкий смысл определения «немецкий» можно распространить и на многие другие документы петровской эпохи.

---

[1] Кирпичников А. К., Хлопин И. Н. Великая Государева Крепость. М., 1972. С. 172–173.

[2] Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992. С. 109. Рис. 60, 61.

[3] ГИМ. Экспозиция Главного здания. Витрина 7.

[4] Замок русского типа характерен для этого времени, как и прорезные шомпольные трубки, которые изготовляли мастера Оружейной палаты белорусского происхождения.

[5] Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружений российских войск... СПб., 1842. Ч. 2. Рис. 161. На другом рисунке также фузея показана как вооружение стрелка пехотного армейского полка 1720-х гг. См. там же. Рис. 198.

[6] Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружений российских войск. СПб., 1842. Ч. 2. С. 23.

[7] Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружений российских войск. СПб., 1842. Ч. 2. Рис. 157, 158, 198.

[8] По меньшей мере один такой мушкет хранится в Историческом музее в Москве (Денисова М. М., Портнов М .Е., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. С. 111. Табл. XXV. Рис. 156.), три мушкета – в ВИМАИВиВС в С.-Петербурге (Ефимов С. В. Петр Великий и русская армия. СПб., 2022. С. 372, 408, 472), один – в Тульском музее оружия (Пинк И. Б., Ивлева О. Б., Дергачев А. С. Тульский государственный музей оружия: 100 уникальных предметов из собрания музея. Тула, 2016. С. 26, № 8).

[9] Совершенная Виктория. К 300-летию Полтавского сражения. Каталог выставки. СПб., 2009. С. 321, кат. 275. Замок фузеи назван «нидерландским».

[10] Бранденбург Н. Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. III. СПб., 1889. С. 148–149. № 241–243.

[11] Денисова М. М., Портнов М. Е., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. С. 111; Жук А. Б. Винтовки и автоматы. М., 1987. С. 16. Рис. 22.

[12] Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. История развития со времен возникновения до 1936 г. Л., 1937. С. 122–123. Рис. 216.

[13] Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. История развития со времен возникновения до 1936 г. СПб.; М., 1997. С. 97.

[14] Дополнения к Актам историческим. Т. 12. СПб., 1872. XXVI. Память из Разряда в Новгородский приказ... С. 46.

[15] См. нашу статью «О строевых фузеях петровского времени. К постановке вопроса» в настоящем сборнике.

[16] Drejholt Nils. Firearms of the Royal Armouries I from Gustav II Adolf to Charles XIII. [Catalogue]. Stockholm, 1996. P. 47, № GIIA 65.

[17] Richard Brzezinski, Richard Hook. The Army of Gustavus Adolphus 1. Infantry Osprey Publishing, 2000. P. 17.

[18] ЧОИДР. 1898. Кн. 4. Путешествие патриарха Макария. С. 45.

[19] Чубинский А. Н. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI – начала XVIII вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Ч. IV. СПб., 2014. С. 416.

[20] Книга марсова и воинских дел. СПб., 1713. С. 41.

[21] Роспись орудий, боеприпасов, оружия и снаряжения в Нарве и Иван-городе на 1 января 1706 г. АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Приказ Артиллерии Д. 5. Л. 6.

[22] Ведомость военным припасам в Нарве и Иваногороде 1708. АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37. Л. 180.

[23] ГЭ. Инв. № З.О. 5422. Автор выражает благодарность сотрудникам Эрмитажа М. Г. Зайченко и Ю. Г. Ефимову за возможность познакомиться с этим предметом в фондах музея.

[24] Пинк И. Б., Ивлева О. Б., Дергачев А. С. Тульский государственный музей оружия: 100 уникальных предметов из собрания музея. Тула, 2016. С. 26, № 8.

[25] Тульские оружейники. Сборник документов. Отв. ред.: И. Н. Юркин. М., 2003. С. 120. № 27.

[26] См. нашу работу «Ствольный приказ и Оружейная палата. Производство строевого оружия на московском Бархатном дворе в 1700–1707 гг.» (в печати).

[27] Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1001. Л. 100.
[28] Там же. Л. 324.
[29] Чубинский А. Н. О ложах русских ружей XVI – начала XVIII вв. // Государственный Эрмитаж. Оружейный семинар. Заседание 29 сентября 2022 года. [СПб., 2002]. С. 18.
[30] Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883. С. 20.
[31] Ефимов С. В. Петр Великий и русская армия. СПб., 2022. С. 696.
[32] Думается, что ружье сделано в Швеции не позднее середины XVII в.
[33] На боевом шведском оружии этого времени часто установлены немецкие стволы.
[34] Яблонская Е. А. Огнестрельное оружие Нидерландов XVII–XVIII веков [Каталог собрания] М., 2012. С. 134–135, кат. № 167. В публикации замок неправомерно отнесен к типу dog-lock, также в описании у ружья указаны «медные подшомпольные трубки», которых на цевье на момент публикации не было.
[35] Опись вещам Мастерской и Оружейной палаты 1808 г. РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4009. Л. 468 об. № 6488.
[36] The Maritime Museum of Finland. Annual Report 1984–1985. Helsinki, 1986. P. 24. Автор искренне благодарит Б. В. Мегорского за консультации и указание ссылок на финскую литературу.
[37] Сборник указов, выписок, росписей и снабжении полков оружием... 1715. АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 179. Л. 84.
[38] Выделенная курсивом приписка находится в архивном экземпляре описи. См. Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. ОРПГФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Л. 171 об., № 6975.
[39] ТГМО. Инв. № 0047. Автор выражает искреннюю благодарность заместителю директора по научной работе И. Б. Пинку за возможность познакомиться с рабочим фото фузеи.
[40] Тульская ложа отличается от ореховой московской цветом и формой.
[41] В настоящий момент собачка отсутствует, но она наличествовала согласно документам XVIII в.
[42] Чубинский А. Н. Старинное огнестрельное оружие в собрании Оружейной палаты. М., 2010. С. 78–79. Впрочем, замок на этом ружье может оказаться не первоначальным.
[43] Ефимов С. В. Петр Великий и русская армия. СПб., 2022. С. 372.
[44] Кулинский А. Н. Штыки мира. Т. 1. СПб., 2002. С. 15.
[45] Денисова М. М., Портнов М. Е., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. С. 111.
[46] Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение / Под ред. В. И. Егорова. М., 2008. С. 56.
[47] Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 194.
[48] О поставке иноземцем Захарьем Диксом из-за моря полос багинетных. 21 января 1700. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34264. Л. 1.
[49] О сделании на Бархатном дворе одношпажных багинетов. 1700. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34820. Л. 1.
[50] О сделании к заморским багинетным поясам по 1000 крыжей медных. 1700. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д 34821. Л. 1.

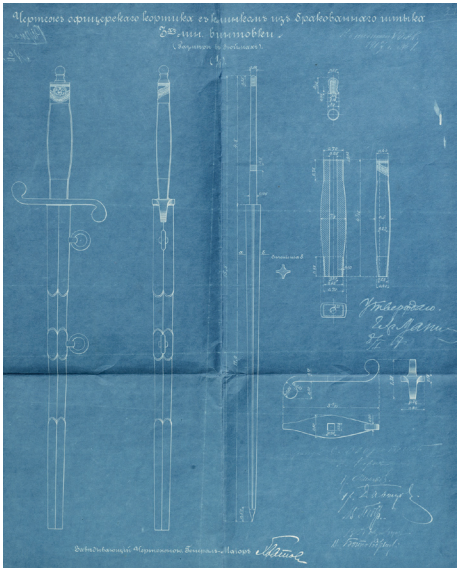
[51] О выдаче тульским казенным кузнецам денег 240 руб. 31 декабря 1700. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34864. Л. 1.
[52] Ведомости Оружейной палаты за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 18 об.
[53] О сделании к двум багинетам крыжей. 1701. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8651. Л. 1.
[54] О выдаче денег подрядчикам на дело 300 багинетных крыжей. 12 февраля 1701. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35057. Л. 1.
[55] Ведомости Оружейной палаты за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 19.
[56] Там же. Л. 22 об.
[57] Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 58.
[58] О приделывании на Бархатном двое к новым багинетным шпагам черенья. 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36014. Л. 1.
[59] Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 24.
[60] Память о Антоне Васильеве в том, что он уговорился зделать в Оружейную палату 500 кривых багинетов и присадить к фузеям со всем припасом. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35640. 17 декабря 1701. Л. 1; Уговор Ивана Петрова о сделании 500 багинетов кривых с ножнами. 18 декабря 1701. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35644. Л. 1; Поручная запись оружейных дел по мастере по Андрее Колтыкееве о том, что сделать ему и поставить в Оружейную палату 500 кривых багинетов с ножнами и со всем прибором. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35650. Л. 1.
[61] Ведомости Оружейной палаты за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 23.
[62] Там же. Л. 32 об.
[63] Там же. Л. 33.
[64] Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 250 об., 251.
[65] Там же. Л. 32 об.
[66] Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 331.
[67] Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 88.
[68] Там же. Л. 89.
[69] Дела Оружейной палаты за сентябрь 1703 – март 1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 990. Л. 62; Расходы по Оружейной палате 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 997. Л. 4.
[70] Расходные денежные документы Оружейной палаты за 1712 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1010. Л. 6, 21.
[71] Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 410.
[72] Там же. Л. 422; Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 133; Дела Оружейной палаты за сентябрь 1703 – март 1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 990. Л. 99; Ведомости Оружейной палаты за 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 174 об.; Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 277.

[73] Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 310.
[74] Дела Оружейной палаты за май–декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 146.
[75] Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 69.
[76] Там же. Л. 70.
[77] Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 364.
[78] Дела Оружейной палаты за январь–июнь 1708. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1003. Л. 32.
[79] Ведомости Оружейной палаты за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д . 986. Л. 224.
[80] Расходные документы Оружейной палаты 1711. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1009. Л. 66.
[81] О приделывании на Бархатном дворе кривых багинетов к фузеям.1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36019. Л. 1.
[82] Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 52.
[83] Там же. Л. 310 об.
[84] Ведомости Оружейной палаты за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 93.
[85] ПБПВ Т. 5 . С. 131, № 1626.
[86] Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. Под ред. В. И. Егорова М., 2008. С. 56.
[87] Ведомости Оружейной палаты за 1701 и 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 91, об. 92.
[88] Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. С. 24.
[89] Если эта фузея в действительности была модернизирована на Бархатном дворе в 1701–1702 гг., то время ее привоза из Нидерландов следует отсрочить на несколько лет.
[90] Масловский Д. Ф. Северная война. 1705–1708 гг. Сб. военно-исторических материалов. Вып. 1. СПб., 1892. С. 80.
[91] Расходные документы Оружейной палаты 1711. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1009. Л. 76.

Р. Н. Чумак (Санкт-Петербург)

ОБ ОФИЦЕРСКОМ КОРТИКЕ С КЛИНКОМ, ИЗГОТОВЛЕННЫМ ИЗ БРАКОВАННЫХ ШТЫКОВ К 3-лин ВИНТОВКЕ МОСИНА обр. 1891 г.

В СОБРАНИЯХ крупных военно-исторических музеев, а также в частных коллекциях можно обнаружить образцы кортиков, которые по конструкции эфеса не отличаются от русского морского офицерского кортика обр. 1803 г., но имеющие четырехгранный клинок, по форме и размерам близкий к игольчатому штыку 3-лин винтовки Мосина образца 1891 г. На клинках кортиков этого типа обычно нанесен заводской условный знак Ижевского оружейного завода («Лук со стрелой»), а также буква «П». На верхней втулке рукоятки могут находиться как изображение вензеля императора Николая II, так и символ РСФСР в виде скрещенных серпа и молота или вообще отсутствовать какие-либо обозначения. Эти кортики хорошо известны исследователям истории отечественного холодного оружия и коллекционерам, они описаны в ряде изданий, разработанных на базе музейных и частных коллекций[1], и датируются обычно периодом 1917–1920 гг. Авторы этих работ не подвергают сомнению подлинность кортика описанного типа, но считают его разновидностью морского кортика обр. 1803 г., который по каким-то причинам получил нестандартный клинок. В условиях трудностей, испытываемых русской промышленностью в ходе Первой мировой войны, замена клинка у такого сугубо вспомогательного оружия как кортик клинком, изготовленным из массово выпускавшихся винтовочных штыков, является вполне рациональным актом. До последнего времени эти соображения, хотя и поддерживались большинством исследователей истории отечественного холодного оружия, но без документального подтверждения



Ил. 1. Чертеж офицерского кортика с клинком из бракованных штыков 3-лин винтовки. Архив ВИМАИВиВС Ф. 6Р. Оп. 3. А. 22. Д. 15

Ил. 2. Чертежное наименование кортика (крупный план)

факта существования отдельного утвержденного варианта кортика образца 1803 г. с клинком, изготовленным из штыка винтовки Мосина образца 1891 г., не могли считаться достаточно обоснованными.

В процессе исследования вопроса о происхождении кортика образца 1803 г. с клинком от штыка винтовки Мосина в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) автором статьи был выявлен документ, раскрывающий происхождение этого образца холодного оружия. В данном случае идет речь о документе, имеющем название «Чертеж офицерского кортика с клинком из бракованных штыков 3-х лин винтовки»[2]. На чертеже изображен кортик с эфесом по образцу морского кортика образца 1803 г. и четырехгранным игольчатым клинком с долами на всех гранях. Внешний вид кортика и его элементов, приведенные на чертеже, полностью соответствуют сохранившимся в музеях и частных коллекциях кортикам образца 1803 г. с игольчатым клинком, о которых упоминалось выше.

Выявление чертежа кортика с его официальным названием крайне важно для точной атрибуции оружия данного типа. Изучение чертежа позволило получить и другие важные для атрибуции кортика сведения, содержание которых приводится ниже.

1. Организация, разработавшая конструкцию кортика, на чертеже не названа. Однако на нем имеется подпись генерал-майора Николая Семеновича Хватова, который в 1916 г. состоял в должности заведующего чертежной технической частью при Главном артиллерийском управлении. Также выявлено несколько нечетких подписей других лиц, среди которых достоверно идентифицирована подпись Бойно-Родзевича. С большой вероятностью можно заключить, что она принадлежит полковнику В. Бойно-Родзевичу, который в 1916 г. исполнял должность старшего производителя опытов и разработки технических вопросов Артиллерийского комитета ГАУ.

2. Чертеж кортика утвержден 8 января 1917 г. Журналом Артиллерийского комитета ГАУ № 1 за 1917 г. Подпись лица, утвердившего чертеж, со значительной вероятностью принадлежит генерал-лейтенанту А. А. Маниковскому, который с 1915 по 1919 гг. занимал должность начальника ГАУ.

3. Размеры кортика (чертежные):

– общая длина 407 мм;

– длина клинка без хвостовика 11 дюймов (279,4 мм);

– длина хвостовика клинка 4,5 дюйма (114,3 мм);

– толщина трубки рукоятки максимальная 0,5 дюйма (12,7 мм);

– ширина рукоятки максимальная 22,2 мм;

– боевой конец клинка имеет заточку в виде остроконечного конуса, длина заточенного участка 0,5 дюйма (12,7 мм).

4. На верхней втулке рукоятки нанесен вензель императора Николая II и под ним растительный орнамент в виде опоясывающей втулку ленточки. Других обозначений на кортике или его элементах чертеж не содержит.

5. Ножны имеют устье, гайку и наконечник с краями в виде выступающих полукружьев.

Для проверки соответствия чертежных параметров кортика описанного выше типа их сохранившимся образцам автор предпринял поиск в фондах ВИМАИВиВС. В результате изучения коллекции холодного оружия музея в ней был выявлен один такой кортик (инв. №118-7). Он поступил в музей в декабре 1936 г. от гр. А. Э. Зайден-Варга[3] (закупка). Конструкция и вид элементов

Ил. 3. Подпись заведующего чертежным подразделением АК ГАУ генерал-майора Н. С. Хватова

Ил. 4. Подпись должностного лица, утвердившего образец кортика

Ил. 5. Изображение вензеля императора Николая II на верхней втулке рукоятки

этого кортика полностью соответствуют приведенным на чертеже. Размеры несколько отличаются: общая длина составляет 395 мм (на 12 мм меньше чертежного значения), длина клинка составляет 280 мм, что точно соответствует чертежному значению.

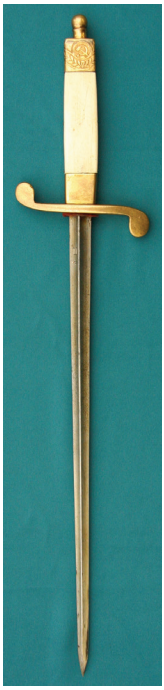
Важной особенностью выявленного в ВИМАИВиВС кортика является наличие на нем заводских клейм: на боковой поверхности клинка (внутри дола) нанесен заводской условный знак Ижевского оружейного завода, над ним нанесено приемное клеймо в виде буквы «П». Кроме того, на верхней втулке рукоятки, где чертежом предусматривалось расположение вензеля Николая II, находится изображение скрещенных серпа и молота на фоне лучей восходящего солнца.

Обобщая результаты проведенного исследования, автор считает, что описанный в настоящей статье офицерский кортик с клинком от штыка 3-лин винтовки Мосина образца 1891 г. обладает совокупностью признаков, позволяющих выделить его в отдельную разновидность данного оружия под названием «Кортик офицерский образца 1917 года».

На основе изучения чертежа кортика образца 1917 г. и сохранившегося в коллекции оружия ВИМАИВиВС его экземпляра автор предлагает версию появления и бытования этого оружия.

Ил. 6. Кортик офицерский образца 1917 г. в ножнах. ВИМАИВиВС 118-7

Ил. 7. Кортик офицерский образца 1917 г. с ножнами. ВИМАИВиВС



Ил. 8. Кортик офицерский образца 1917 г. ВИМАИВиВС

Ил. 9. Рукоятка кортика образца 1917 г. ВИМАИВиВС

Ил. 10. Вид медальона с изображением серпа и молота на верхней втулке рукоятки. ВИМАИВиВС

Ил. 11. Расположение заводских клейм на клинке кортика образца 1917 г. ВИМАИВиВС

Ил. 12. Изображение заводских клейм на клинке кортика образца 1917 года. ВИМАИВиВС

Ил. 13. Вид на устье ножен кортика образца 1917 года. ВИМАИВиВС

В августе–ноябре 1916 г. после существенного расширения перечня лиц, которым полагалось ношение кортика (в большинстве случаев не относящихся к флоту), в Артиллерийском комитете ГАУ на основе морского кортика образца 1803 г. был разработан офицерский кортик нового образца. Его главной особенностью было использование клинка от бракованных штыков винтовки Мосина образца 1891 г. 8 января 1917 г. образец этого кортика утвердил АК ГАУ, его выпуск был организован на Ижевском оружейном заводе[4]. В начальный и очень непродолжительный период изготовления кортики образца 1917 г. выпускались с вензелем императора Николая II на верхней втулке рукоятки. После Февральской революции 1917 г. из-за запрета ношения вензелей отрекшегося императора на офицерском оружии этот элемент оформления из конструкции кортика был исключен, и они выпускались без каких-либо символов на верхней втулке рукоятки. Кортики образца 1917 г. изготавливались и в советский период истории России, при этом с 1918 г.[5] на верхней втулке рукоятки наносилось изображение символа РСФСР в виде скрещенных серпа и молота. В настоящий момент пока неизвестны обстоятельства изготовления кортиков образца 1917 г. на Ижевском оружейном заводе, в первую очередь в отношении даты начала

и окончания их производства, а также количества выпущенных экземпляров. Поиск этих сведений будет продолжен автором в ходе дельнейших исследований.

---

[1] Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. СПб.: Атлант, 2005. 584 с., ил.; Кулинский А. Н. Русское холодное оружие XVIII–XX вв. Том I: Определитель. СПб.: Атлант, 2001. 384 с.; Федурин Д. А. Кортики мира. СПб.: Атлант, 2004. 496 с.; Федурин Д. А. Морские клинки. СПб.: Атлант, 2007. 520 с., ил.; Суханов И. П. Оружейные реликвии Российского флота. Из коллекции Центрального военно-морского музея. СПб.: Фортекс, 2002. 208 с., ил.

[2] АВИМАИВиВС, Ф. 6Р, Оп. 3, Акт 22, Д. 15.

[3] Адольф Эдуардович Зайден-Варг, 1898 г. р., беспартийный, по национальности немец. По состоянию на 1938 г. проживал в Ленинграде и занимал должность начальника автоколонны УНР-9 Отдела инженерных войск Краснознаменного Балтийского флота. Арестован 29 марта 1938 г. и 14 июня того же года Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР приговорен к высшей мере наказания по ст. 58-6 УК РСФСР (шпионаж). Источник: https://ru.openlist.wiki/Зайден-Варг_Адольф_Эдуардович_(1898).

[4] Кортиков данного типа с заводскими условными знаками других оружейных заводов России в настоящий момент автором не выявлено.

[5] Символ РСФСР в виде изображения скрещенных серпа и молота мог использоваться при маркировке различных предметов не ранее апреля 1918 г., когда он был установлен решением правительства РСФСР. Окончательное утверждение этого символа состоялось 10 июля 1918 г. на заключительном заседании 5-го всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов вместе с Конституцией РСФСР.

Р. Н. Чумак (Санкт-Петербург)

МОДЕЛЬ ГЕРМАНСКОЙ 240-ММ ПУШКИ ОСОБОЙ МОЩНОСТИ «24 CM KANONE 3» В СОБРАНИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

СОБРАНИЕ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) содержит большое количество моделей образцов военной техники, разработанных в России, СССР и других странах мира. Среди них видное место занимают масштабные модели опытных и малоизвестных образцов советской и иностранной военной техники, в число которых входят танки, самоходные противотанковые ракетные комплексы, а также артиллерийские орудия и самоходные артиллерийские установки. Большая часть таких моделей поступила в музей с предприятий-разработчиков данной техники после завершения цикла опытно-конструкторских работ. Дальнейшая судьба этих моделей была очень разной: в лучшем случае они хранились в музеях предприятий вне внимания исследователей; в худшем – при ликвидации предприятия уничтожались вместе с музеями. Только очень небольшую часть моделей редких образцов военной техники удалось сохранить в крупных государственных военно-исторических музеях и включить в музейный фонд Российской Федерации. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи входит в ограниченное число таких собраний, где историки вооружения могут увидеть и изучить уникальные модели редких образцов военной техники мира и использовать полученные сведения в своих научных работах. Одной из таких моделей из собрания ВИМАИВиВС посвящена настоящая статья.

Ил. 1. Генерал-полковник артиллерии И. И. Волкотрубенко в должности начальника Пензенского высшего артиллерийского инженерного училища (1958–1966 гг.). ВИМАИВиВС

В статье описана модель пушки особой мощности, которая в учетных документах музея называется «Модель трофейного крупнокалиберного орудия на поворотной платформе». Модель поступила в музей из Главного артиллерийского управления в январе 1961 г. В приходных документах на модель имеется сопроводительное письмо от 7 июня 1960 г., в котором она обозначена как «Трофейная модель крупнокалиберного артиллерийского орудия». В указанном письме также сообщается, что с 1945 г. модель орудия хранилась в кабинете заместителя начальника ГАУ. В этом году данную должность занимал генерал-полковник артиллерии Иван Иванович Волкотрубенко (ил. 1). Сейчас вряд ли удастся установить, откуда и каким путем к нему поступила модель орудия, но на ее происхождение указывает текст сопроводительного письма из ГАУ. Очевидно, что эта модель имеет германское происхождение и в годы Великой Отечественной войны была взята нашими войсками в качестве трофея в некой военной или технической организации, связанной с разработкой, изготовлением или поставкой вооружения для вермахта.

Одной их существенных проблем, препятствующих полноценному использованию описанной в настоящей статье модели орудия в экспозиционной деятельности музея и научных исследованиях, является ее весьма поверхностная атрибуция. Она объясняется крайней редкостью воспроизведенного в модели образца орудия, информации о котором не оказалось у сотрудников музея, проводивших его первичную атрибуцию при поступлении из ГАУ. Произошедшая в постсоветской России либерализация архивного законодательства (т. н. «архивная революция»),

а также широкий обмен информацией между историками различных стран, построенный на электронных средствах коммуникации, привели к существенному расширению информационной базы исследований. Отечественные историки получили возможность изучить многие ранее недоступные им источники информации о зарубежных разработках в области вооружения, что способствовало повышению качества проводимых ими исследований.

Именно изучение иностранных источников по истории артиллерии германской армии периода Второй мировой войны позволило установить тип орудия, которое послужило образцом для изготовления исследуемой модели[1]. Им является германская 240-мм пушка особой мощности, в германских источниках обозначавшаяся как «24 cm Kanone 3» или «24 cm K3». Данное орудие известно и отечественным историкам артиллерии, сведения о его создании и бытовании, а также главные особенности конструкции достаточно подробно описаны в некоторых изданиях[2].

Представляется целесообразным привести краткие сведения о пушке «24 cm Kanone 3». Орудие разработано германской фирмой «Rheinmetall-Borsig» («Рейнметалл-Борзиг») в середине 1930 гг. и в 1939 г. поступило на вооружение артиллерийских частей вермахта. Изначально планировалось выпустить 20 таких пушек, но к началу 1941 г. усилиями двух фирм – «Рейнметалл-Борзиг» и «Крупп» – удалось изготовить только около 10 пушек, а в течение нескольких последующих лет еще несколько штук. К началу Второй мировой войны все пушки данного типа находились в 84-м артиллерийском полку Резерва главного командования германской армии в составе двух тяжелых артиллерийских дивизионов: I/84 и II/84. Пушки «24 cm Kanone 3» применялись в войнах Германии с Польшей в 1939 г., с Францией в 1940 г. и с 1941 г. на Восточном фронте против СССР. Один дивизион 84-го артиллерийского полка (II/84), имеющий на вооружении несколько пушек «24 cm Kanone 3», базировался на оккупированной территории Эстонской ССР и использовался в береговой обороне германских войск для блокирования выхода надводных кораблей Балтийского флота из Финского залива. По некоторым данным, за все время производства было изготовлено 14 пушек типа «24 cm Kanone 3», из них в боевом составе артиллерии вермахта действовало не более 6 единиц. В настоящее

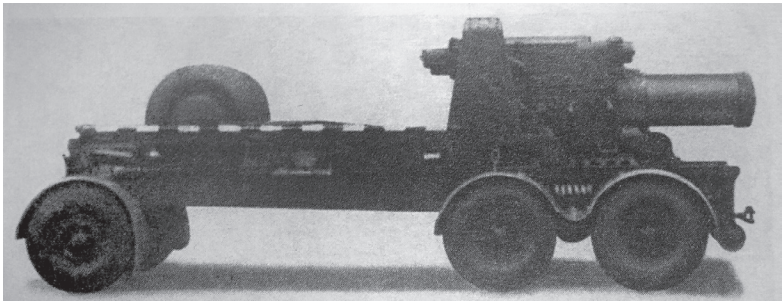
Ил. 2. 240-мм германская пушка особой мощности «24 cm Kanone 3» в экспозиции военного музея в Кобленце

время единственный сохранившийся образец пушки «24 cm Kanone 3» находится в собрании военного музея в Кобленце (Die Wehrtechnische Studien-sammlung der Bundeswehr, Koblenz), ФРГ (ил. 2).

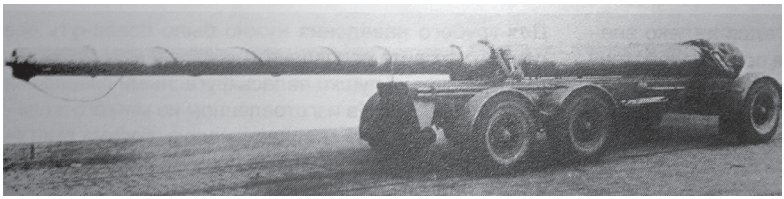
Пушка «24 cm Kanone 3» в первую очередь представляет интерес как пример одного из способов обеспечения мобильности тяжелых крупнокалиберных орудий особой мощности. В походном положении пушка разбиралась на шесть частей, транспортируемых отдельно друг от друга на специальных повозках с помощью мощных полугусеничных артиллерийских тягачей типа Sd. Kfz.8. Сборка и приведение пушки в боевое положение производились силами расчета без использования подъемного оборудования (крана) путем затаскивания ее частей друг на друга с помощью имеющихся на них направляющих рельсов, пандусов и электрической лебедки на лафете (ил. 3).

Еще одной интересной особенностью конструкции пушки «24 cm Kanone 3» является стрельба со специальной плиты, укладываемой на землю, на которую орудие устанавливалось в боевом положении, а также двойная система гашения отдачи при выстреле. Ее лафет был устроен таким образом, что обеспечивал откат ствола в люльке и одновременно с ним – откат всего верхнего станка относительно нижнего станка, который имел собственное

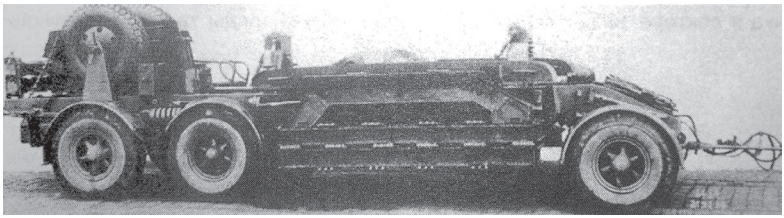
Ил. 3. Повозки с некоторыми частями разобранной для транспортировки пушки «24 cm Kanone 3». Фото из книги Шункова В. Н. «Энциклопедия артиллерии особой мощности», Минск, 2004. С. 212–214



3.1. Повозка-лафет



3.2. Ствольная повозка



3.3. Повозка с плитой основания

демпфирующее устройство, состоящее из тормоза отката и двух накатников. Такое решение позволяло обеспечить большую устойчивость пушки при стрельбе, повысить ее меткость и скорострельность за счет сокращения времени на восстановление наводки. Некоторые технические характеристики пушки «24 cm Kanone 3» приведены в таблице 1.

Таблица 1

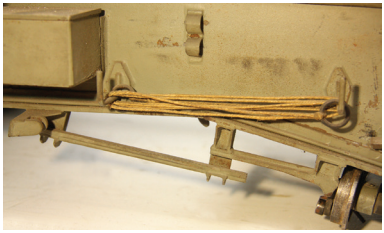
Основные технические характеристики германской 240-мм пушки «24 cm Kanone 3»

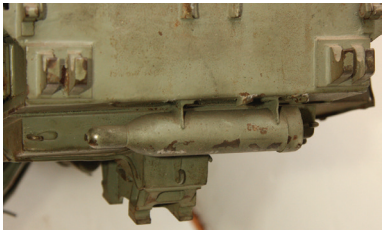
Характеристика	Значение
Калибр ствола по полям, мм	238
Вес общий в боевом положении, кг	54866
Вес в походном (транспортном) положении, кг	81500
Вес ствола, кг	22100
Вес снаряда, кг	152,3
Длина ствола, мм/ калибров	13102 / 55
Угол возвышения ствола, градусы	от 00 до 560
Начальная скорость снаряда, м/с	970
Максимальная дальность стрельбы, м	37500
Расчет, чел.	25
Время перевода пушки в боевое положение, ч.	1,5

Наличие в конструкции пушки ряда оригинальных технических решений, которые могут представлять интерес для историков артиллерии, а также значительная трудность доступа к ее реальному образцу (единственный экземпляр находится в военном музее ФРГ), делает целесообразным ее изучение с помощью других средств, в т. ч. оригинальной и подробной модели, имеющейся в ВИМАИВиВС. С этой целью было проведено описание и фотографирование главных элементов конструкции модели пушки, которые максимально полно отображают ее устройство. Результат исследования приведен ниже (ил. 4).

Модель пушки «24 cm Kanone 3» образца 1939 г. выполнена в масштабе 1:10 и окрашена в типичный для германской

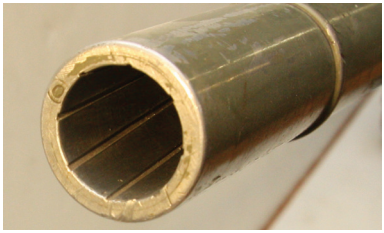
Ил. 4. Общий вид модели пушки «24 cm Kanone 3». Для визуальной оценки реального размера орудия рядом с его моделью размещена масштабная фигура советского бойца

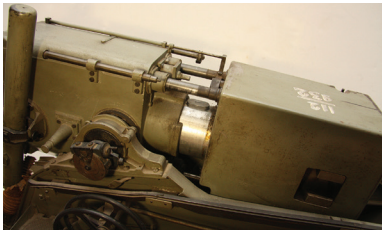


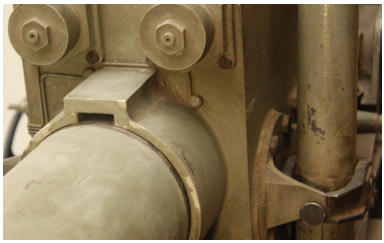


Ил. 5–7. Элементы ЗИП, закрепленные на модели пушки

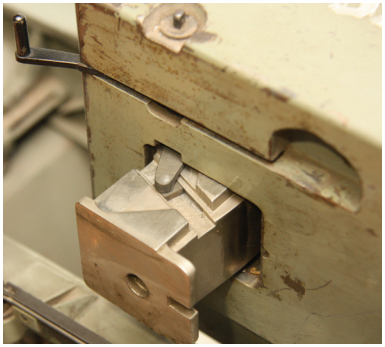
военной техники серый цвет. Размеры модели (при угле возвышения ствола 0°): длина 1740 мм, ширина 285 мм, высота 380 мм. Материалы: сталь, алюминий, резина, пластмасса. Качество изготовления модели и степень детализации воспроизведенных в ней частей реальной пушки очень высокие, вплоть до мельчайших деталей внешнего вида: головок отдельных заклепок, кабельных трасс электрических приводов и инструментов из комплекта ЗИП. Также в модели в функционирующем виде воспроизведены главные механизмы, обеспечивающие подготовку реального орудия к стрельбе (ил. 5–7).

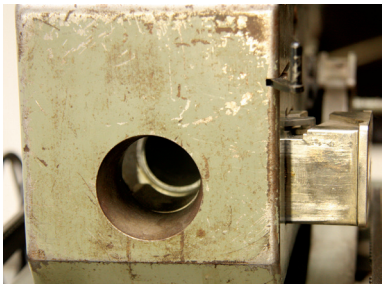






Ил. 8–10. Вид на части ствола





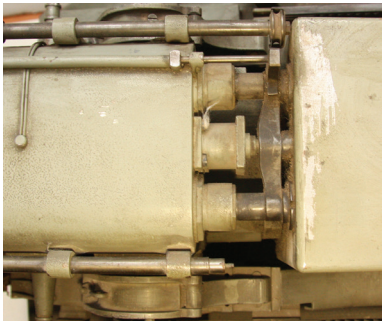
Ил. 11–13. Механизмы затвора и казенник

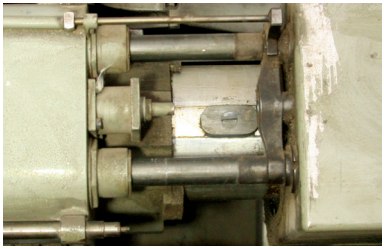
Ствол модели имеет длину 1245 мм, диаметр канала ствола на дульном срезе составляет 24 мм. В дульной части ствола воспроизведен нарезной участок длиной около 70 мм с 8 винтовыми нарезами правого вращения[3]. На верхней поверхности ствола перед казенником установлена шпонка, которая при откате ствола во время движения по нему снаряда предотвращает его проворачивание в люльке. Для прохода шпонки в верхней части канала люльки выполнен сквозной продольный паз (ил. 8–10).

Механизм запирания канала ствола представлен клиновым горизонтальным затвором с ручным приводом. При отпирании затвор выдвигается из казенника вправо. Открывание затвора возможно только при приведении ствола на угол заряжания (около 0°). Казенник имеет форму параллелепипеда, массивный, в реальной пушке выполняет функцию противовеса для зацапфенной части ствола (ил. 11–13).

Противооткатные устройства состоят из двух накатников, смонтированных в верхней части люльки по обеим сторонам ствола, а также одного тормоза отката, расположенного в нижней части люльки под стволом (ил. 14, 15).

Лафет упругий, однобрусный, подвижный, с колесным ходом. Состоит из люльки обойменного типа, верхнего станка, нижнего станка (платформы), уравновешивающего механизма и опорно-поворотного устройства. В нижней части люльки





Ил. 14, 15. Вид на штоки накатников в люльке

смонтированы два зубчатых сектора механизма вертикального наведения (ил. 16).

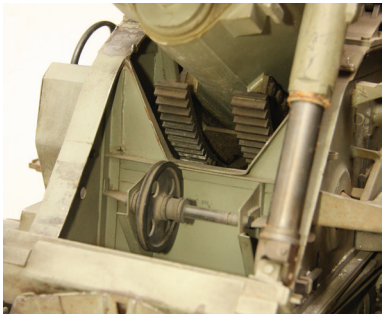
Уравновешивающий механизм пневматический, толкающего типа, состоит из двух колонок, расположенных по обеим сторонам от ствола[4]. Неподвижные при подъеме ствола части уравновешивающего механизма (штоки) закрыты гофрированными кожаными кожухами.

Прицел независимого от орудия типа, смонтирован на левой цапфе люльки (ил. 17, 18).

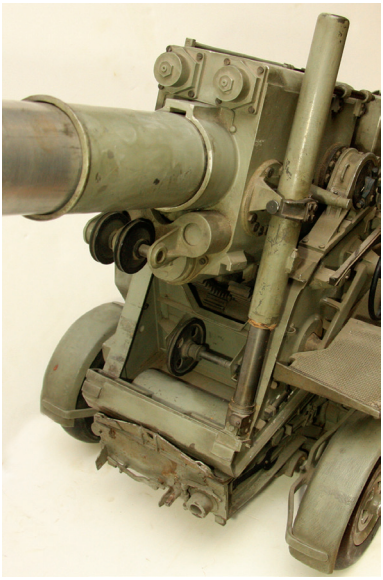
Механизмы наводки состоят из подъемного и поворотного механизмов. Подъемный механизм зубчатый с электрическим приводом и ручным дублированием, обеспечивает придание стволу углов возвышения. Поворотный механизм реализован в виде двух отдельных механизмов, расположенных в разных частях лафета: механизм грубой наводки обеспечивает поворот всей пушки вокруг поддона, механизм точной наводки обеспечивает поворот верхнего станка относительно нижнего в секторе величиной 6° (+/- 3° в каждую сторону). При точном наведении верхний станок поворачивается вокруг нижнего станка в указанном выше секторе с помощью приводов наведения. При грубом наведении пушки она поворачивается на плите[5] целиком, при этом хоботовая часть лафета, опираясь на расположенную под ним двухколесную тележку, обкатывается по специальным рельсам, уложенным на земле (ил. 19–21).

Ходовая часть колесная с пневматическими шинами, смонтированными на двух двухколесных тележках, расположенных по обеим сторонам лафета. Подвеска всех колес независимая, рычажная, с пружинным подрессориванием (ил. 22).

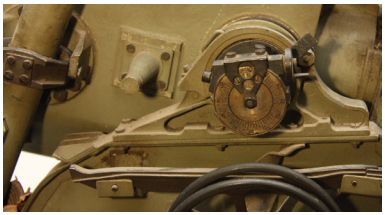
Вспомогательные механизмы представлены краном с лебедкой для подъема боеприпасов с грунта. Кран располагается на левой



Ил. 16. Зубчатые секторы механизма вертикального наведения на люльке



Ил. 17. Левая колонка уравновешивающего механизма, защитный кожух убран



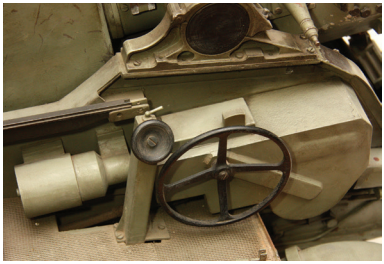
Ил. 18. Механический прицел

стороне хоботовой части нижнего станка лафета. Изображения главных частей и механизмов модели пушки «24 cm Kanone 3» приведены на ил. 3–24.

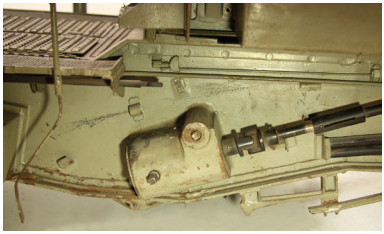
С учетом результатов изучения модели целесообразно произвести корректировку ее названия и предложить ее в следующем виде: «Модель 240-мм пушки особой мощности «24 cm Kanone 3» (Германия, 1938–1945 гг.)». Описание пушки и другие ее данные, приведенные в настоящей статье, могут использоваться музейными сотрудниками при уточнении атрибуции модели, в ходе ее подготовки к экспонированию, а также в других исследованиях, посвященных эволюции иностранной артиллерии XX века.

[1] Hogg, Ian V. German Artillery of World War Two. 2nd corrected edition. Mechanicsville, PA: Stackpole Books, 1997. P. 191–194.

[2] Шунков В. Н. Энциклопедия артиллерии особой мощности / В. Н. Шунков, под общей редакцией А. Е. Тараса. Минск: Харвест, 2004. 448 с. (Библиотека военной истории).

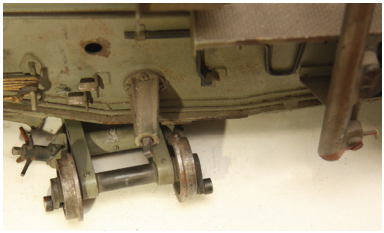


Ил. 19. Пост вертикального наведения. Малый маховик на стойке обеспечивает управление электрическим приводом вертикального наведения, большой маховик обеспечивает ручное дублирование привода и точную наводку

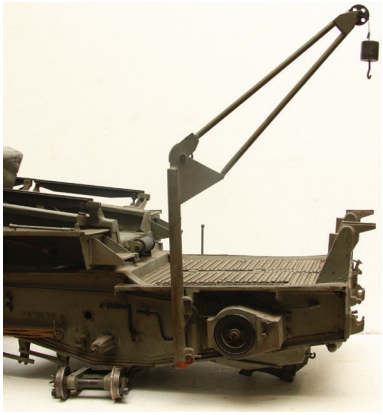


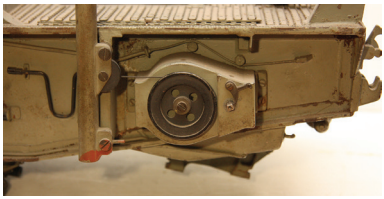
Ил. 20. Электромотор и вал электрического привода вертикального наведения

Ил. 22. Ходовая часть лафета



Ил. 21. Колесная тележка механизма грубого наведения в горизонтальной плоскости





Ил. 23, 24. Кран с электрической лебедкой

[3] В данной модели воспроизведена одна из разновидностей пушки «24 cm Kanone 3», спроектированная для стрельбы снарядами с готовыми выступами.
[4] В модели имеется только одна колонка уравновешивающего механизма, вторая колонка на момент поступления модели в музей отсутствовала.
[5] Плита в составе модели отсутствует, модель поступила в музей без нее.

Р. Н. Чумак (Санкт-Петербург)

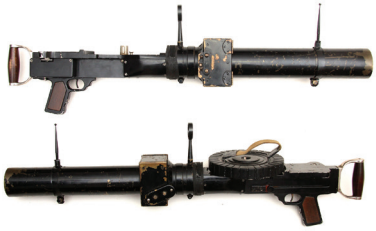
АВИАЦИОННЫЙ ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ФОТОПУЛЕМЕТ THORNTON-PICKARD МОДЕЛИ «HYTHE MK. III GUN CAMERA» В СОБРАНИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

Авиация как самостоятельный род войск получила боевое применение в годы Первой мировой войны. Начав войну с использования самолетов в качестве невооруженных разведчиков, к ее концу армии противоборствующих сторон обзавелись значительным парком полноценных боевых летательных машин – истребителей и бомбардировщиков. Они совершали налеты на позиции войск противника на поле боя, на важные государственные и промышленные объекты в тылу и защищали свои самолеты от нападений авиации противоборствующей стороны.

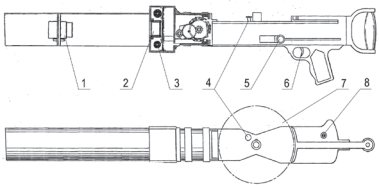
В условиях массового использования истребительной авиации важным делом стало создание средств защиты от нее. Менее скоростные самолеты-бомбардировщики в то время могли положиться только на оборонительные пулеметные установки. Такие установки (турели) монтировались чаще всего в фюзеляже самолета и должны были защищать его самые уязвимые зоны – хвостовое оперение и подходы к нему с этой стороны. Для выполнения такой задачи пулеметные установки имели возможность поворачиваться в разные стороны, наклоняться вверх и вниз. В годы Первой мировой войны на авиационных пулеметных установках монтировались облегченные модификации наземных пулеметов. Управлял турелью с пулеметом специальный член экипажа самолета – воздушный стрелок.

Подготовка воздушного стрелка была очень непростым делом. Его следовало научить стрелять с движущегося самолета по

другому движущемуся самолету, при этом оба самолета – и с которого, и по которому ведется стрельба – перемещаются, причем одновременно, с разными скоростями и по сложным кривым, лежащим во всех трех измерениях. Оружие и выпущенные из него пули подвергаются воздействию набегающих под разными углами потоков воздуха, которые существенно отклоняют их от точки прицеливания. Воздушный стрелок должен учиться стрелять в тех условиях, в которых он будет действовать в реальном бою, т. е. в воздухе во время полета на самолете. С другой стороны, из соображений безопасности лучше проводить такое обучение без стрельбы из боевого оружия по реальному самолету. Еще одним важным вопросом является определение качества подготовки стрелка после прохождения им курса обучения. Для того и другого желательно иметь в авиации средства объективного контроля, позволяющие инструктору видеть, куда и насколько правильно обучающийся воздушный стрелок наводил свое оружие. В начале Первой мировой войны имеющаяся в мире техника фиксации образов окружающего мира ограничивалась пленочными фото- и киноаппаратами.

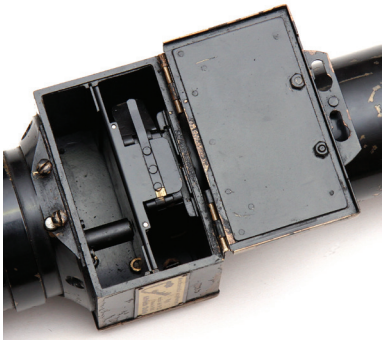


Ил. 1. Общий вид фотопулемета. ВИМАИВиВС



Ил. 2. Устройство фотопулемета. 1. Объектив с затвором лепесткового типа; 2. Стеклянный блок с перекрестием; 3. Катушка с пленкой; 4. Толкатель механизма контроля смены дисков; 5. Рукоять взведения; 6. Спусковой крючок; 7. Имитатор диска с патронами; 8. Окно счетчика кадров. ВИМАИВиВС

Именно фотоаппарат решила использовать английская промышленная компания «Thornton-Pickard Manufacturing Co» в качестве основы для разработки аэрофотокамеры, которая положила начало специальной разновидности военной фототехники – авиационным фотопулеметам. Авторами конструкции фотопулемета стали совладелец компании «Thornton-Pickard Manufacturing Co» Артур Пикард (Artur Pickard) и его товарищ Френк Слингер (Frank Slinger). К работе по созданию фотопулемета они привлекли военных



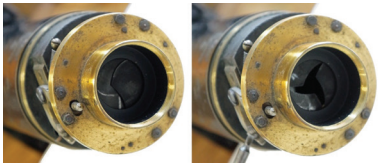
Ил. 3. Фотокамера фотопулемета. Крышка отсека для фотопленки открыта. ВИМАИВиВС

Ил. 4. Рамка с катушками с фотопленкой. ВИМАИВиВС

специалистов из школы авиационной стрельбы Королевского воздушного корпуса в Хайте (графство Кент). Участие в работе опытных летчиков способствовало реализации в изделии значительного количества практичных идей и принципов, способствующих качественной подготовке воздушного стрелка. В первую очередь для того, чтобы приучить стрелка обращению с боевым оружием в воздухе, конструкторы встроили фотоаппарат в специальный корпус, весьма реалистично имитирующий очертания, габариты, вес и устройство органов управления ручного пулемета Льюиса, который в те годы широко использовался в авиации (ил. 1, 2). Образец такого фотопулемета имеется в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных и войск и войск связи (ВИМАИВиВС).

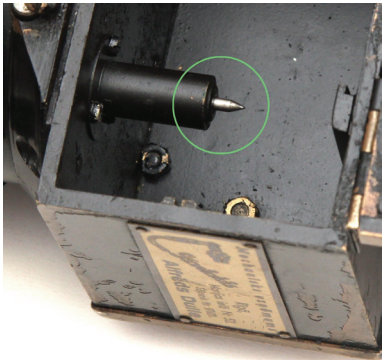
Фотоаппарат, используемый в фотопулемете, заряжался кассетой с 60-мм фотопленкой, на которой умещалось от 12 до 16 снимков (ил. 3 и 4). Перед пленкой располагался стеклянный блок, на котором было нанесено перекрестие с ракурсными кольцами. Центр перекрестия находился на оптической оси объектива фотоаппарата, имитирующего ствол боевого пулемета. Это же перекрестие отображалось и на снимке (ил. 5). Спереди стеклоблока с перекрестием в трубе, имитирующей кожух ствола пулемета, располагался объектив с фотозатвором диафрагменного типа, который позволял обойтись без использования отдельного механизма регулировки диафрагмы (ил. 6). Поскольку боезапас установки с пулеметами Льюиса снаряжался в диски, которые нужно было менять во время воздушного боя, и был невелик по количеству патронов как в одном диске,

Ил. 5. Стеклоблок с прицельной маркой. ВИМАИВиВС



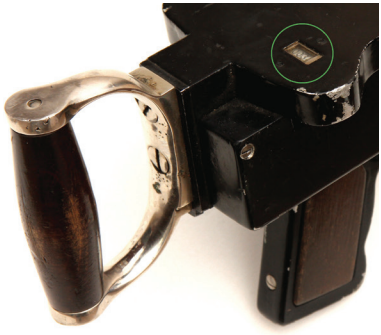
Ил. 6. Фотозатвор: левое фото – шторка затвора закрыта; правое фото – шторка затвора открыта при осуществлении снимка. ВИМАИВиВС

Ил. 7. Шток привода механизма контроля смены диска. ВИМАИВиВС



Ил. 8. Игла механизма контроля смены диска. ВИМАИВиВС

Ил. 9. Счетчик кадров. ВИМАИВиВС

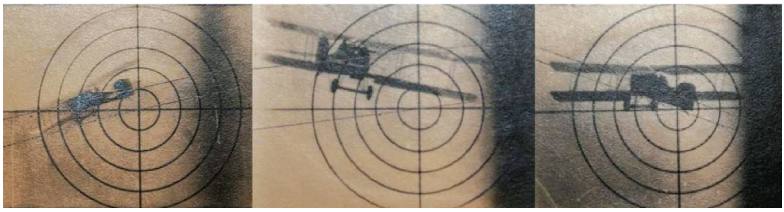


Ил. 10. Расположение счетчика кадров на корпусе пулемета. ВИМАИВиВС

так и в целом на самолете, то стрелки обучались вести результативную стрельбу с минимальным расходом патронов. Им следовало стремиться попасть в самолет противника первыми выстрелами очереди, а не сопровождать его длинными очередями и не стрелять непрерывно до тех пор, пока самолет не «влетит» в трассу пуль. Поэтому при нажатии на спусковой крючок фотопулемет производил только один фотоснимок, фиксирующий первый и самый важный «выстрел» очереди. Кроме того, фотопулемет имел специальное устройство, которое при замене магазина иглой пробивало небольшое отверстие в краю пленки (ил. 7, 8). Эту операцию стрелок должен был уметь выполнять при всех обстоятельствах полета, и описанное устройство фотопулемета сигнализировало инструктору о том, действительно ли обучаемый произвел замену магазина перед каждым обстрелом цели или забыл о ней. Таким образом, воздушный стрелок приучался не только прицеливаться в противника, но и практиковался в перезаряжании своего оружия в воздухе, что само по себе являлось непростой работой, требующей ловкости и твердого навыка. Также фотопулемет оснащался счетчиком фотоснимков, позволявшим стрелку контролировать расход «патронов» в учебном бою (ил. 9, 10).

Для использования фотопулемета по назначению необходимо было зарядить его кассетой с фотопленкой и отвести «рукоять перезаряжания» назад до постановки на шептало. После этого, поворачивая турель с фотопулеметом, нужно было навести его на цель. Когда стрелок считал, что наведение закончено и можно открывать огонь, он нажимал на «спусковой крючок» фотопулемета, спуская его подвижные части с боевого взвода. При этом происходил спуск затвора встроенного фотоаппарата, который фиксировал сектор пространства в направлении «стрельбы». Если в этом секторе находилась учебная цель, она попадала в кадр, при этом на снимке отображалось перекрестие, указывающее, куда было направлено оружие (ил. 11).

Для осуществления нового снимка стрелок должен был снять с фотопулемета и снова установить на него имитатор диска с патронами и вновь взвести подвижные части. После выполнения учебной задачи пулемет сдавался в фотолабораторию, где из него извлекали пленку, проявляли ее и отдавали инструктору. Используя имеющиеся на пленке изображения, он мог оценить правильность прицеливания и сделанных начинающим воздушным стрелком упреждений, а также дать ему необходимые рекомендации или указать на ошибки.

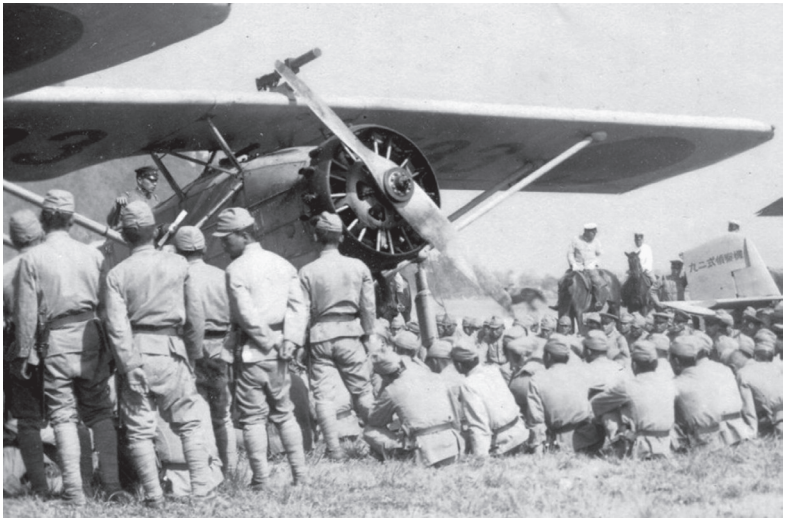


Ил. 11. Изображение самолета-цели на фотоснимке, сделанном из фотопулемета «MK III H»

Ил. 12. Стрелок с фотопулеметом «MK III H» во время обучения. Военная база «Еллингтон Филд», Хьюстон, штат Техас, США. Апрель 1918 г.

Ил. 13, 14. Фотопулемет «MK III H», установленный на оборонительной турели на самолете «Curtiss» JN-4 (США)

В 1916 г. тренировочный авиационный фотопулемет под обозначением «Hythe Mk. III Gun Camera» (MK III H) был завершен в разработке, запущен в серийное производство и стал поступать в авиацию стран Антанты. Фотопулемет мог быть установлен на штатной подвижной турели или на самолетах-истребителях – неподвижно в фюзеляже или над верхним крылом, будучи нацеленным по направлению полета летательного аппарата. Фотопулеметы «Mark III Hythe» использовались в ВВС Великобритании, США, Канады, Японии и некоторых других странах мира (ил. 12) Из расчета использования этого фотопулемета в США фирмой «Кертис» (Curtiss) выпускались даже несколько моделей учебных самолетов



Ил. 15. Фотопулемет «MK III H», установленный на разведывательном самолете «2MR8 Mitsubishi Type 92» (Япония)

Ил. 16. Фотопулемет «Тип Хайсу» типа «MK III H», установленный на учебно-тренировочном самолете «Tachikawa Ki.54b» (Япония)

Ил. 17. Фирменная табличка фабрики, изготовившей фотопулемет «MK III H» из коллекции ВИМАИВиВС (Механическая фабрика «Контакт» Альфреда Дуле. Латвия, г. Рига). ВИМАИВиВС

«Curtiss JN-4» с различным расположением турелей (Curtiss JN-4HG) (ил. 13, 14). В Японии фотопулеметы «Mark III Hythe» изготавливались фирмой «Rokuosha», предшественницей фирмы «Konica», под обозначением «Обучающая камера гибкого типа» или «Тип Хайсу». Эти фотопулеметы устанавливались на учебной модели разведывательного самолета «2MR8 Mitsubishi Type 92» и на некоторых других самолетах

(ил. 15, 16). В ВВС Великобритании фотопулеметы «Mark III Hythe» использовались до 1934 г., когда им на смену пришли более совершенные авиационные фотопулеметы конструкции Уильямса (Williamson Machine-Gun Aircraft camera). Но при этом фотопулеметы «Mark III Hythe» продолжали использоваться и далее – вплоть до начала Второй мировой войны. За весь период производства фотопулеметов «Hythe Mk. III Gun Camera» (MK III H) только в Великобритании их было выпущено несколько тысяч штук.

Описанный в статье фотопулемет «Mark III Hythe» из коллекции ВИМАИВиВС изготовлен в 1930-х годах в Риге (Латвия) на механической фабрике «Контакт», принадлежавшей Альфреду Дуле, и является уникальным образцом фототехники военного назначения (ил. 17).

А. Е. Шагов (Москва)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО всегда использовалось в войнах государств – с применением пропаганды, дезинформации, разведывательных и контрразведывательных мероприятий (ил. 1).

Ил. 1. Борьба в информационной сфере в условиях гибридной войны

Термин «информационная война» одним из первых использовал Т. Рона в аналитическом отчете для компании «Боинг» «Системы оружия и информационная война» 1976 г.[1] С того момента начинает формироваться понимание того, что информация может быть оружием. С учетом того, что

развитие экономик стран Европы и США основано на прорыве в информационно-телекоммуникационных технологиях, то этот сектор становится особенно уязвимым как в военное, так и в мирное время.

Применение информационного оружия происходит, во-первых, через воздействие на информационные средства и системы противника и, во-вторых, через воздействие на сознание людей. Первое направление получило название кибервойны, когда атакам подвергается техническое оборудование и системы его программного обеспечения. В мире существуют целые научные институты, разрабатывающие все новые и новые компьютерные вирусы, вирусные программы и прочие средства выведения из строя компьютеров или кражи информации.

Второе направление – это проверенные способы пропаганды и агитации, контрпропаганды и контрагитации, достигшие небывалых по своей силе высот по изощренности и массовости влияния на умы людей. Используются откровенная ложь и подделка информации (получил распространение термин «фейковая» – поддельная – война).

Если целью первого направления является нанесение ущерба жизнеобеспечивающим системам государства-противника (в области энергетики, обороны, управления и др.), то второе направление направлено на психологическую обработку людей с целью дестабилизации политической ситуации в стране.

Известно следующее определение информационной войны: «Вид конфликта, при котором задачами противоборствующих сторон являются защита собственной информации и информационных систем, манипулирование информацией противника или ее искажение, а также ограничение возможностей противоборствующей стороны в доступе и обработке информации»[2]. Наряду с этим можно дать и другое определение информационной войны: «Активные действия в информационном пространстве, ставящие своей целью дестабилизацию информационной системы противника и защиту собственной информационной среды»[3].

Огромным преимуществом информационной войны является то, что без единого выстрела можно овладеть ресурсами государства, если перепрограммировать поведение противника, убедив, например, общество в единственно верных западных ценностях. Разработана технология такого перепрограммиро-

вания, основными объектами которой являются властная элита и молодежь.

Существует распространенное мнение, что именно такое информационное поражение было нанесено Советскому Союзу в 90-е годы прошлого века, когда из строителей коммунизма людей в течение короткого времени превратили в строителей капитализма. По этому поводу американский аналитик Джозеф С. Най – автор концепции «мягкой силы» – сказал: «Именно информационная открытость советского государства, призыв новых политических элит интегрироваться в мировую систему и дали эффект бомбы, разрушившей страну. Бомба западничества, взорвавшаяся в России, произвела в ней неслыханные ранее опустошения не только в сферах государственности, экономики, идеологии и культуры, но и в самом человеческом материале общества. В таких масштабах и в такие сроки это до сих пор не удавалось сделать никаким завоевателям и ни с каким оружием. <...> Запад с помощью этого орудия одержал самую грандиозную в истории человечества победу, предопределившую, на мой взгляд, ход дальнейшей социальной эволюции на много веков вперед»[4]. Термин «информационная война» в 1992 г. вошел в официальную стратегию США, что подтверждается документами министерства обороны Соединенных Штатов[5].

Украинский конфликт стал благодатной почвой для очередного витка информационной войны. Миллионы хакерских атак обрушились на информационное пространство России. Периодически в информационную среду вбрасываются провокационные антироссийское фейки (интернет-утки, неправдивые фото или видео, выдаваемые за реальные), обостряя тем самым международные отношения государств. Главной задачей фейков служит дезинформация общества, при этом не только того государства, против которого направлена ложная информация, но и многих других государств. В результате у людей формируют искаженное мнение о каком-либо событии. Посредством такой ложной информации любое государство можно выставить агрессором, настроив тем самым против него мировое сообщество.

Вышеперечисленный материал позволяет сформулировать основные задачи, которых можно достичь посредством информационной войны. Они включают:

дезинформацию мирового сообщества путем размещения в средствах массовой информации, преимущественно электронных, заведомо ложной и провокационной информации;

распространение своей идеологии путем массированных атак на сознание граждан других государств, манипулирование их сознанием;

вербовку сторонников среди властной элиты, молодежи, в научных и образовательных кругах;

доступ к информационным ресурсам (архивам, банкам данных, музеям, библиотекам и пр.) с последующей их фальсификаций или уничтожением;

снижение влияния государства по принятию важных политических решений на мировой арене;

внедрение в общественное сознание принципов исключительного удовлетворения только своих потребностей, стяжательства, атмосферу безнравственности, негативного отношения к своей истории и культуре;

дестабилизацию политической и экономической системы государства; распространение порочащих и клеветнических сведений о руководстве страны;

создание состояния конфронтации между ведущими политическими силами государства;

шантаж влиятельных политических деятелей; разжигание национализма, ксенофобии, расовой и религиозной ненависти;

организацию массовых беспорядков, протестных выступлений, экстремистских проявлений.

Стало очевидным фактом то обстоятельство, что если еще недавно Интернет имел преимущественно информационную составляющую, то теперь в нем все более набирает силу вектор агитационный, пропагандистский, отличающийся ярко выраженной агрессивностью. Традиционные СМИ все больше работают с интернет-ресурсами как источниками информации и средством воздействия на умы граждан. Информация в Сети становится все более массово востребованной, быстро распространяемой и общественно значимой. Российское общество столкнулось с возрастающей угрозой в информационно-коммуникационной среде.

Целью информационной войны является управление процессом изменения сознания людей, их мировоззрения, отношения к обществу и государству; опасностью для людей является

потеря ими собственной воли, а для государства – его суверенитета. Это всегда было целью любого завоевателя, но теперь этого можно добиться «мягкими» средствами, которые в ряде случаев могут быть опаснее «жестких», потому что жертва мягкого принуждения может и не осознавать обмана, а увидеть результат слишком поздно.

Таким образом, информационная война стала представлять собой мощное средство непрямого невоенного воздействия на политику отдельных государств и на международную обстановку в целом. Усиливается противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением США и НАТО использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения целей мирового господства. С этой целью во все возрастающих масштабах используются технологии манипулирования общественным сознанием как населения собственных стран, так и стран-мишеней с привлечением всего диапазона средств фальсификации истории и искажения фактов.

Современная Россия втянута не по своей воле в целый ряд информационных конфликтов со странами Запада, из которых следует особо выделить США и Великобританию. Помимо собственных СМИ и прочих специальных организаций, в своей информационной борьбе с Россией эти страны в последние десятилетия активно используют как спонсируемые ими силы внутри России (несистемную оппозицию, русофобские СМИ), так и антироссийски настроенные элиты и СМИ некоторых соседних с Россией стран (Польши, Украины, Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии).

Кроме того, американские и британские спецслужбы постоянно готовят дезинформацию об окружении Президента России В. В. Путина и руководящего состава Министерства обороны РФ, которую используют для обоснования новых антироссийских санкций, и ведут активную антироссийскую кампанию.

В рамках уже нескрываемых провокационных действий специалисты американских и британских спецслужб фабрикуют фейковую информацию о российском руководстве. Западная пропаганда традиционно концентрирует свои усилия на нескольких направлениях:

разжигание розни: в первую очередь межнациональной и межрелигиозной;

организация и поддержка сепаратистских настроений;

разжигание ненависти к представителям власти: в первую очередь к аппарату чиновников и органам правопорядка;

прямые фейковые нападки на Президента России и его ближайшее окружение;

реклама достижений Запада: как реальных, так и вымышленных, направленная в том числе на пропаганду эмиграции из России на Запад;

создание в странах Запада образа агрессивной и вероломной России, с которой нельзя иметь никаких дел.

Что касается военной составляющей информационного противоборства, то, как показывает опыт локальных войн и вооруженных конфликтов первой четверти XXI века, на первое место выходит не количественно-качественный состав противоборствующих группировок, а информационное обеспечение военных (боевых) действий и создание информационно необходимых условий для более эффективного применения вооруженных сил.

В военных конфликтах современности превосходство над противником достигается за счет существенного повышения качества управления войсками, единого понимания и оценки динамично развивающейся оперативно-стратегической обстановки командованием всех уровней, адекватного реагирования на изменяющуюся ситуацию принятием своевременных и обоснованных решений, ускоренного доведения их до подчиненных войск (сил).

Основой современной системы единого информационного пространства ведущих западных стран являются непрерывность и гибкость оперативного и боевого управления военными (боевыми) действиями. Это зависит от способности данной системы оперативно адаптироваться к динамично меняющейся обстановке и переносить функции оперативного и боевого управления на любой уровень по вертикали и горизонтали в соответствии с возникающими потребностями оперативного (боевого) планирования и управления войсками (силами).

Информационное превосходство определяется американскими военными специалистами как оперативное преимущество, извлекаемое из способности собирать, обрабатывать и распределять непрерывный поток информации, противодействуя противнику в том же (ил. 2).

Ил. 2. Ведение боевых действий в едином информационном пространстве

Реализация данной концепции должна способствовать проведению «господствующего маневра», «высокоточного сражения (боя)» и «всеобъемлющей защиты» путем надлежащего планирования и согласования действий войск (сил), обеспечения своевременной обратной связи с подчиненными соединениями, частями и подразделениями для получения сведений об их состоянии, положении и средствах, способствующих выполнению поставленных задач. По мнению американского командования, выполнение намеченных НИОКР позволит обеспечить качественно новый уровень информационной совместимости систем разведки, наблюдения, опознавания войск и объектов на поле боя, управления и средств поражения в рамках единой информационно-управляющей инфраструктуры.

Состоящие на вооружении ВС США и разрабатываемые разведывательные и ударные средства, прежде всего высокоточное оружие, оснащаются аппаратурой автоматизации управления и обмена данными в глобальной информационной сети. Наращивание боевых возможностей вооруженных сил благодаря этим мероприятиям будет осуществляться поэтапно, по мере

внедрения систем и средств связи нового поколения, модернизации систем спутниковой связи и дальнейшей автоматизации процессов управления войсками и оружием.

По мнению американского командования, так должна действовать в едином информационно-коммуникационном пространстве система ПРО, ПВО (ВКО). Построенная по единому замыслу и плану, эта комплексная система представляет собой совокупность взаимосвязанных, одновременно функционирующих подсистем: разведки и оповещения; ракетного и авиационного прикрытия; зенитного ракетного артиллерийского прикрытия; управления, а также всестороннего обеспечения. От качества работы каждой подсистемы, способности командования собрать в единое целое вышеперечисленные составляющие в конечном результате зависит и эффективность противоракетной (противовоздушной) обороны.

Современная война может вестись в любом звене управления (тактическом, оперативном, стратегическом), а принципы ее ведения не зависят от географического региона, боевых задач, состава и структуры вооруженных сил.

Основным аспектом формирования перспективных систем стратегического и оперативного управления и разведки ВС США становится принцип формирования глобального «виртуального командного центра»[6], доступ к которому будут иметь имеющие на это право пользователи из любой точки мира, что практически приводит к размыванию классических границ между стратегическим и оперативным уровнем боевого управления. Такой глобальный «виртуальный командный центр» обеспечит соответствующим структурам боевого управления и разведки устойчивый доступ в рамках их функциональной ответственности к единой глобальной картине отображения боевого пространства, основой формирования которой становится единая информационная среда, получившая в США наименование глобальной информационной сети – «GIG» (Global Information Grid)[7].

Центральной задачей всех сетевых войн является проведение операций базовых эффектов – «EBO» (Effects-Based Operations)[8], представляющих собой совокупность действий, направленных на формирование модели поведения союзников, нейтральных и противостоящих государств в различных ситуациях: мира, кризиса и войны. Ведение «EBO» означает

заведомое установление полного и абсолютного контроля над всеми участниками проводимых или возможных военных (боевых) действий, манипулирование ими как в мирное, так и военное время. Таким образом, и противник, и занимающие нейтральную позицию стороны заранее подчиняются навязанному им сценарию, действуют не по своей воле, а по воле тех, кто руководит проведением «ЕВО».

Суть сетевой войны заключается в том, что она не имеет начала и конца, ведется постоянно для того, чтобы обеспечить тех, кто ее ведет, возможностями всестороннего управления всеми участвующими в войне сторонами. Смысл операций базового эффекта заключается в установлении прямого контроля не над отдельными субъектами, а над их побуждениями, действиями и намерениями. Это широкомасштабный проект глобальной манипуляции и тотального контроля.

Тотальный характер сетевых войн означает запрограммированный расчет на победу. Они развязываются не в период эскалации отношений, грозящий перерасти в военно-политический кризис, как классические войны недавнего прошлого, а намного раньше – в периоды мира и кризисов, причем в отношении не только противоборствующей стороны, но и союзников или нейтральных стран с целью абсолютного контроля над всеми участниками текущего процесса.

Для военных действий будет характерно возрастающее значение высокоточного, электромагнитного, лазерного, инфразвукового оружия, информационно-управляющих систем, беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружений и военной техники. Возможные сценарии военных (боевых) действий и особенности боевого применения войск в первой половине XXI века являются основой для формирования направлений развития вооружения и военной техники в ведущих государствах НАТО.

Разведка из традиционного вида обеспечения превращается в активно действующую службу и становится одной из составляющих ударного компонента высокоточных средств поражения и обороны. С развитием и накоплением высокоточного оружия возникает острая необходимость в различных информационных комплексах, реализованных в средствах разведки и управления, а также в силах и средствах РЭБ. Для непрерывного

и детального наблюдения за всей территорией противника и омывающими ее морями, за его воздушно-космическим пространством, состоянием его стратегических ударных и оборонительных сил в настоящее время широко применяются космические, морские, воздушные и наземные силы и средства разведки в пределах театра военных действий.

Космические средства разведки становятся основными источниками информации как при планировании, так и при организации и ведении военных (боевых) действий. Из космического пространства будет постоянно и широко осуществляться радиотехническая, радиолокационная, инфракрасная, радиационная, химическая, фото- и телевизионная разведки, которые призваны непрерывно выдавать необходимую информацию в реальном масштабе времени.

Информационное превосходство над противником в ходе ИО может быть достигнуто только при проведении согласованных и взаимодополняющих мероприятий. Так, могут активно проводиться операции в киберпространстве или применяться силы радиоэлектронной борьбы для воздействия на боевую технику и военную инфраструктуру противника, что, в свою очередь, позволит боевым самолетам ВВС США (воздушная сфера), использующим GPS-системы (космическая сфера), нейтрализовать (уничтожить) часть системы ПВО противника (наземная сфера).

В вооруженных силах США происходит дальнейшее возрастание роли информационных операций, развиваются их теоретические основы, увеличивается численный состав подразделений ИО с одновременным расширением учебно-материальной базы подготовки специалистов в данной области. Особая значимость придается объединенному командованию ССО и кибернетическому командованию США по вопросам информационного обеспечения военных (боевых) действий и киберпространству как возможному ТВД.

Информационное превосходство в современных войнах достигается и будет достигаться за счет:

господства в информационном пространстве космических систем и средств разведки, предупреждения, навигации, метеорологии, управления и связи;

преимущества в количестве высокоточных ракет, разведывательно-ударных боевых систем наземного, морского,

воздушного и космического базирования и возможности непрерывно маневрировать этими силами и средствами и их огнем;

скорости ввода боевых программ в высокоточные системы;

возможности массированного и длительного по времени применения высокоточного оружия различного базирования;

адресного всестороннего материально-технологического обеспечения разведывательно-ударных боевых систем;

надежной информационной защиты высокоточных ударных и оборонительных сил и средств на суше, на море, в воздухе и в космосе.

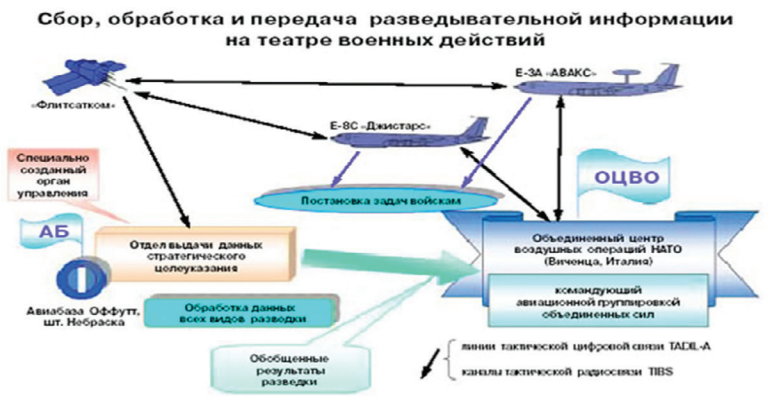
Таким образом, под информационным противоборством в войнах будущего следует понимать новую стратегическую форму борьбы сторон, в которой используются специальные способы и средства, воздействующие на информационную среду противника и защищающие собственную в интересах достижения стратегических целей войны.

Информационное противоборство будет резко возрастать в следующих направлениях: борьба с системами управления противника различных уровней; борьба между ударными и оборонительными средствами сторон; создание сложной информационной и помеховой обстановки во всем воздушно-космическом пространстве; информационное обеспечение массированных высокоточных ракетных ударов; ставка на информационное обеспечение военно-технического превосходства.

Следует заметить, что информационное противоборство как вид боевого обеспечения военных (боевых) действий практически никогда не прекращалось и во всех прошлых войнах. Выигрыш информационного противоборства в войнах будущего фактически приведет к достижению стратегических и политических целей войны.

Главная цель информационного противоборства (информационной борьбы) – сохранение необходимого уровня своей информационной безопасности и снижение уровня этой безопасности у противника. Поставленная цель может быть достигнута решением ряда взаимоувязанных задач, важнейшие из которых – разрушение информационного ресурса и поля противника и сохранение собственного.

Главная задача в реализации информационного превосходства США ставится как достижение в качестве национальной цели информационного доминирования по отношению к любой



Ил. 3. Сбор, обработка и передача разведывательной информации на театре военных действий

враждебной нации или транснациональной общности. В свою очередь, министерство обороны США, предпринимая усилия по созданию мощной информационной системы для театра военных действий, полагает, что эта система сможет обеспечивать вооруженные силы информацией такого уровня и качества, которые не были доступны ранее (ил. 3).

Характеристики информационной системы для театра военных действий дадут ее потребителям возможность получить намного более качественную его визуализацию[9] (как по времени, так и в пространстве) и обеспечить концентрацию усилий рассредоточенных соединений и частей на решаемых задачах. Интегрированная из коммуникационных сетей и сетей датчиков, программного обеспечения и организационных структур, информационная система сможет предоставлять: надежную и качественную связь для соединений, частей и подразделений; оперативную информацию о ходе операции; точные и своевременные разведывательные данные о местоположении и действиях противника; каталог баз данных, относящихся к зоне операции и оперативным возможностям противника, а также доступ к этим базам; точное местоположение союзных войск и их боевые возможности (в реальном масштабе времени); способность проведения операций на всем театре военных действий, выполняемых непрерывно из мест оперативного развертывания; обработку в реальном масштабе времени информации, дающей

общую картину оперативной обстановки, складывающейся на театре военных действий; встроенную систему безопасности с многоуровневой защитой доступа, позволяющую распределять информацию только своим потребителям.

Информационные системы театра военных действий – это совокупность подсистем для сбора, обработки, анализа, архивирования и распределения информации, которые призваны обеспечить достижение информационного превосходства над противником. При сосредоточении на имеющемся или потенциальном противнике информационные системы, собирающие данные, охватывают открытые источники, традиционную разведку, системы наблюдения и обнаружения. Собранные данные становятся информацией после их обработки и приведения к виду, удобному для пользования. Для удовлетворения специфических запросов потребителя такая информация может трансформироваться в разведывательную – в случае применения к ней целенаправленного анализа, интерпретации, сличения с относящейся к запросам другой информацией и общим информационным фоном.

Технологическое опережение в области информатизации США воспринимают в качестве одной из главных предпосылок реализации своего информационного преимущества. В то же время констатируется, что современные информационные технологии доступны любому, кто имеет финансовые возможности их получить. Постоянно увеличивающиеся распространение и доступность информации создают для потенциального противника (при растущей зависимости США от информации и информационных систем) предпосылки достижения временного или локализованного паритета в боевом пространстве или асимметричного преимущества. Быстрое внедрение перспективных технологий делает возможным неожиданное появление асимметричных угрожающих возможностей у широкого круга потенциальных противников. При этом американское командование считает, что уровень интенсивности информационных операций, проводимых противником в мирное время, неизбежно повысится с эскалацией кризисной ситуации.

В ближайшее время вооруженные силы США будут располагать интегрированной архитектурой принятия решений, базирующейся на искусственном интеллекте, нанотехнологиях, эффективном синтезе информации, многофункциональных

процессорах со способностью поддерживать принятие решений в реальном масштабе времени, технологиях сжатия данных для повышения скорости обработки. При этом использование командованием США информационных систем с подключением установок искусственного интеллекта как операционных умножителей эффективности военных (боевых) действий, окажет влияние на военное искусство, организацию и боевую подготовку. Приобретая эффективные наступательные (как правило, превентивные) и оборонительные информационные способности, США стремятся не только защищать свои системы от «кибернетических атак», но и быстро находить их источник и давать адекватный «ответ» на любом уровне действий, вплоть до его физического уничтожения.

Одной из форм скрытого воздействия на общественное сознание является информационный терроризм, который ведется с использованием источников СМИ и других информационных средств в целях нагнетания негативной обстановки в обществе, разложения его определенных групп. С информационной точки зрения терроризм можно рассматривать как специфическое информационно-управляющее воздействие на население страны и органы власти в целях изменения общественного сознания, в основе которого лежат противоправные насильственные действия.

В арсенале информационных террористов в настоящее время имеются достаточно эффективные, успешно апробированные на практике методы, способы и средства проникновения к информационным ресурсам и программно-аппаратным средствам самого разного назначения, в том числе к объектам и сетям жизнеобеспечения.

При этом в отличие от других форм компьютерных преступлений, указанные действия могут преследовать политические цели: оказание давления на органы власти и управления, принуждение их принять выгодные для террористов решения; дестабилизация общественно-политической обстановки за счет устрашения населения либо посягательства на личную безопасность государственного или общественного деятеля. Опасность кибертерроризма заключается в том, что он не имеет национальных границ и террористические акции могут осуществляться из любой точки мира. Как правило, обнаружить террориста в информационном пространстве очень сложно, так как он действует через один или несколько подставных компьютеров, что

затрудняет его идентификацию и определение местонахождения. Интенсивность атак в информационном и виртуальном пространстве в будущем однозначно будет только возрастать, поэтому во многих странах кибернетические атаки уже приравниваются к военным действиям. Ответ на них может быть не только виртуальным, но и с реальным использованием военной силы.

---

[1] Rona T.P. Weapon Systems and Information War, Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976.

[2] Бедрицкий А.В. Эволюция американской концепции информационной войны // Аналитические обзоры РИСИ. 2003. № 3. С. 3

[3] Романова В.А. Информационная составляющая гибридных войн современности. Южно-Российский институт управления. Научная статья. 2015.

[4] Най Джозеф С. До скорой встречи, оружие! // Новая газета. № 10. 1 февраля 2010 г.

[5] Department of Defense Directive TS-3600.1, 21 December 1992, «Information Warfare».

[6] BAE partners on visualization for virtual command centers. Defense Systems. 2011, November 20.

[7] Global Information Grid. Information Assurance. 2004, October 26.

[8] Effects-Based Operations. Security Challenges. 2006.

[9] Визуализация – общее название приемов представления числовой информации или физического явления в виде, удобном для зрительного наблюдения и анализа.

Т. Н. Шевяков (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДЕЛКИ ЗНАМЕН И ШТАНДАРТОВ РУССКОЙ АРМИИ В 1917 г.

ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ после Февральской революции 1917 г., 4 апреля, первый военный и морской министр Временного правительства Александр Иванович Гучков подписывает приказ по военному ведомству № 182, ставший переломным моментом в истории русских военных знамен и штандартов. Процитирую пункт первый, непосредственно касающийся регалий: «Частям войск, имеющим знамена и штандарты с вензелем отрекшегося императора Николая II (т. е. получившим таковые за период времени с 1895 г. по 1917 г.), доставить означенные знамена и штандарты (без соблюдения церемонии, установленной для отвоза знамен) в Петроград в Технический комитет Главного интендантского управления (Екатерингофский пр., 51) для выполнения работы но снятию означенных вензелей и по замене пришедших в ветхость знамен новыми». Данное решение было принято, как сейчас модно говорить, в рамках актуальной повестки, а проще говоря – волюнтаристски, без каких-либо предварительных консультаций.

Для понимания масштаба возникшей проблемы следует дать небольшой экскурс в прошлое. Держателем контракта на заготовление знамен и штандартов русской армии, начиная со второй половины царствования Александра II, была московская фабрика братьев Сапожниковых. Это предприятие, чьи производственные мощности располагались неподалеку от Казанского вокзала, в основном занималось изготовлением церковных тканей и облачений, заказы от военного ведомства были пусть и почетной, но обузой, поскольку время от времени возникали проблемы с оплатой заказов – в особенности эта проблема обострялась в годы крупных заказов (1897, 1904, 1905, 1914–1916). В годы Первой

мировой войны знамена и штандарты были пожалованы рекордному количеству частей второй и третьей очереди, несмотря на то что практически все командующие фронтами выражали серьезное сомнение по поводу необходимости этого, ввиду того что эти части будут с большой долей вероятности расформированы по окончании войны[1]. В общей сложности фабрика Сапожниковых за годы войны получила заказы на 240 пехотных, 25 казачьих знамен и 14 штандартов, т. е. в общей сложности на 279 регалий; еще примерно сотне частей (часть пехоты 3-й очереди, пограничные конные полки и дивизионы, вновь сформированные саперные батальоны, крепостные части) знамена и штандарты пожалованы не были, поскольку фабрика объективно могла заготовить их не ранее 1918 г.[2]

Следует также учитывать, что к моменту появления приказа далеко не все регалии были в частях. После пожалования знамени или штандарта информация об этом поступала в Технический комитет, откуда отправлялся заказ на фабрику Сапожниковых. После заготовления регалии направлялись из Москвы в Петроград, откуда уже рассылались по принадлежности – в теории. На практике же, к примеру, знамена полков 12-й, 13-й и 14-й Сибирских стрелковых дивизий, пожалованные 1 октября 1914 г. и отправленные в полки в июле 1915-го, до 17 октября 1916 г. хранились в Киевской крепости-складе и лишь 9 ноября того же года были отправлены в штаб 7-й армии. Третьеочередным полкам 103-й пехотной дивизии знамена были пожалованы 20 июня 1915 г., практически сразу после их сформирования, однако информация об этом затерялась в недрах военного ведомства, и в мае 1917-го, т. е. спустя два года, повторно было возбуждено ходатайство о пожаловании знамен этим полкам. Впрочем, само по себе жалование регалий в годы войны зачастую тоже было хаотичным – в 1915 г. Оренбургскому казачьему войску и всем полкам в его составе были внезапно пожалованы юбилейные знамена, при том что дата была совершенно не круглая – 341 год. При этом о столетних юбилеях пяти саперных батальонов, имевших старшинство 1816 г., попросту забыли.

Технический комитет Главного интендантского управления, упомянутый в приказе, не был конечной точкой маршрута. После того как очередная партия регалий собиралась на Екатерингофском проспекте, ее отправляли в Москву, на фабрику Сапожниковых. При этом, повторюсь, решение Гучкова было

абсолютно волюнтаристским, потому что никаких инструкций и/или рекомендаций разработано не было – то есть непосредственный изготовитель был просто поставлен перед фактом необходимости переделки.

Всего на фабрику Сапожниковых в 1917 г. было отправлено 444 знамени и штандарта – по 75 штук 22 сентября, 5 и 23 октября, 120 – 24 ноября и 99 – 19 декабря[3]. К сожалению, перечня этих регалий на данный момент не удалось выявить. Пока в распоряжении исследователей есть лишь два списка – регалий, переданных в Технический комитет из 11-й армии[4] и находящихся в Техническом комитете по состоянию на 4 марта 1918 г.[5] Первый список состоит из 43 единиц, второй – из 148 (из которых 25 – новых и не выданных в полки знамен и штандартов). 14 регалий указаны в обоих списках. Стоит отметить, что списки составлены без какой-либо системы, вероятно, в порядке сдачи регалий. Анализ списков усложняет тот факт, что наименования частей в нем указаны как действующие на 1917 г., так и старые, указанные на знаменных скобах (например, 5-й Западно-Сибирский стрелковый батальон, Ташкентский резервный батальон и т. д.).

Весь этот административный хаос наложился на идущее параллельно преобразование Главного интендантского управления в Хозяйственный комитет РККА с одновременным переездом его в Москву. 30 марта комитет доложил наркому по военным делам Подвойскому о том, что 148 регалий, снятых с древков, перевезены в Москву, и запрашивал, что делать с ними и с остававшимися на фабрике Сапожниковых 444 знаменами и штандартами[6]. 3 апреля Подвойский на запросе поставил краткую резолюцию – «Распределить по музеям»[7]. Лаконичность Подвойского поставила Хозяйственный комитет в тупик, тем более что 26 июля того же 1918 г. выходит приказ Московского окружного военкомата, который гласил: «Согласно распоряжения Народного Комиссариата по военным делам, знамена расформированных воинских частей прежней армии подлежат сдаче для хранения в Артиллерийский музей. Все имеющиеся знамена сдать на хранение, как указано выше, снесясь предварительно с Начальником музея – Петроград, Петропавловская крепость»[8]. 10 августа Хозяйственный комитет направляет в Артиллерийский музей запрос – следует ли хранящиеся 148 знамен и штандартов (в письме 25 новых ошибочно указаны отдельно) отправить обратно

в Петроград[9], на что 22 августа последовал ответ, что знамена следует пока оставить в Москве[10].

В прошедшей практически незамеченной статье Андрея Юрьевича Низовского «К вопросу о судьбе сданных в 1917 г. знамен с императорским вензелем»[11] ошибочно указано: «После августа 1918 г. следы многих полковых знамен теряются. Значительная часть их поступила в Артиллерийский музей»[12]. Очевидно, что Артиллерийский музей в этот момент никак не мог принять хранившиеся в Москве регалии по той простой причине, что его коллекции, сильно пострадавшие в ходе мятежа 6–21 июля, только возвращались из Ярославля, где было утрачено около 2000 регалий из собрания музея.

Относительно недавно Государственный исторический музей начал оцифровывать свою знаменную коллекцию и выложил ее сначала на Госкаталоге, а затем (в лучшем качестве) в электронном каталоге самого музея. При анализе информации из электронного каталога обнаружилось, что из 152 знамен и штандартов, указанных в двух списках (Технического комитета – 123, без учета новых, и 11-й армии – 43, из которых 14 дублируются), в ГИМе находятся 90, т. е. около двух третей. Еще 8 – в частных коллекциях, местонахождение же еще 54 регалий пока установить не удалось. Кроме того, еще семь регалий, фигурирующих в документах 11-й армии как отправленные в Технический комитет самостоятельно либо переделанные в полках, распределились следующим образом: три в ГИМе, две в частных коллекциях и по одной – в Тамбовском и Забайкальском краеведческих музеях. Помимо этого, в электронном каталоге ГИМа есть еще 69 знамен и штандартов, бывших в строю в годы Первой мировой войны, из которых 21 имеет признаки переделки в соответствии с приказом № 182; с достаточно большой долей вероятности можно говорить о том, что они были переданы туда с фабрики Сапожниковых. Если говорить о переделанных в 1917 г. знаменах и штандартах, они встречаются и в других музеях – в частности, в Государственном Эрмитаже, Артиллерийском музее, Центральном музее Вооруженных Сил, Музее современной истории и даже в Оружейной палате Московского Кремля, а также в частных коллекциях.

Далее мы рассмотрим варианты переделки знамен и штандартов в соответствии с приказом № 182. Как было сказано ранее, никаких инструкций на сей счет дано не было. Изменению

подлежали регалии образца 1883 г. (модификации 1894 и 1897 гг.), а также образца 1900 года. Если с первыми (обр.1883/94) особой проблемы не предвиделось – вензеля и короны были шитыми, то образцы 1883/97 и 1900-го были цельнотканными, то есть удаление вензеля без повреждения полотнища было довольно затруднительным делом. При этом приказ № 182, несмотря на его лаконичность, в частях на фронте могли понять по-своему, что привело к самодеятельной переделке регалий до отправки в Технический комитет.

Знамен и штандартов образца 1883/94 гг. в строю на 1917 г. было 82, образца 1883/97 – 57, а вот 1900-го – около 600, что со всей очевидностью представляло серьезную проблему для исполнения заказа в короткий срок (для понимания – в 1915 г. было пожаловано рекордное число регалий – 155 штук, которые удалось изготовить лишь к концу следующего года). Изготовители предложили наиболее дешевое, быстрое и не травмирующее полотнище решение – зашивать вензеля белым полотном с узкой галунной каймой по прибору. Стоимость переделки составляла: за материал, галун и работу – 95 руб., за упаковку и пересылку – 20 руб., итого – 115 руб.[13] (в документах Хозяйственного комитета (вероятно, ошибочно) указана иная цифра – 175 руб.[14]). Для сравнения, стоимость изготовления знамени на конец 1915 г. составляла 975 руб., а штандарта – 750 руб.[15] На данный момент известно два знамени, переделанных подобным образом, – 17-го Сибирского стрелкового полка в ГИМе (ТФ-432) и 302-го пехотного Сурожского полка в Эрмитаже (Зн-3112). Всего фабрика Сапожниковых к марту 1918 г. исправила таким образом 14 знамен, после чего работа остановилась – с одной стороны, из-за непонимания, есть ли в подобной переделке необходимость, и с другой – из-за огромной задолженности военного ведомства не только за переделку, но и за заказы военного времени[16].

Из 163 регалий в Государственном историческом музее 113 не имеют следов переделки. Оставшиеся 49, помимо указанного выше 17-го Сибирского стрелкового полка, распределяются следующим образом.

С 17 знамен спорот вензель и из них на 6 – еще и короны на орлах. Это знамена 2-го гренадерского Ростовского (ТФ-654), 37-го пехотного Екатеринбургского (ТФ-659), 39-го пехотного Томского (ТФ-677), 96-го пехотного Омского (ТФ-739), 116-го пехотного Малоярославского (ТФ-674), 123-го пехотного

Козловского (ТФ-649), 140-го пехотного Зарайского полков (ТФ-655), 17-го стрелкового полка (ТФ-748, вензель Александра III), 7-го Сибирского стрелкового полка (ТФ-749), 16-го (ТФ-732) и 18-го (ТФ-730) саперных батальонов. Вензель и короны на орлах удалены на знаменах 14-го пехотного Олонецкого (ТФ-667), 15-го пехотного Шлиссельбургского (ТФ-669), 93-го пехотного Иркутского (ТФ-735), 113-го пехотного Старорусского (ТФ-671), 137-го пехотного Нежинского (ТФ-705) и 325-го пехотного Царевского (ТМ-658[17]) полков, причем у последнего не только снят вензель Александра III, но и красной краской добавлена надпись «Свобода, равенство, братство!». Все они, за исключением знамени Ростовских гренадер, фигурируют в списке Технического комитета.

На 8 регалиях вензеля зашиты полотном, т. е. переделка минимально травмирующая и максимально схожая с фабричной. На знамени 5-го Сибирского стрелкового (ТФ-302) и штандарте 9-го драгунского Казанского полков (ТФ-657) эта ткань белая, в цвет полотнища. На знаменах 66-го пехотного Бутырского (ТФ-441), 171-го пехотного Кобринского (ТФ-298) полотно не сохранилось, но видны следы) и 326-го пехотного Белгорайского полков (ТФ-418[18]) и штандарте 15-го драгунского Переяславского полка (ТФ-648, полотно не сохранилось, но видны следы) – ткань «революционная», красная, причем на Кобринском знамени также зашиты все короны, скипетры и державы, а на Переяславском штандарте – лишь короны. На знамени 50-го пехотного Белостокского полка (ТФ-315) ткань синяя, в цвет каймы, с белой цифрой «50» посередине. Уникальным в некотором плане оказалось знамя 1-го батальона 150-го пехотного Таманского полка образца 1875 г. (ТФ-308[19]), на котором угловые вензеля Александра II были закрыты красными фигурными розетками.

На трех знаменах и одном штандарте вензель вырезан с частью полотнища – это знамя, числящееся в списке Технического комитета, как «знамя лейб-гвардии Стрелкового батальона»[20] (ТФ-384[21]), знамена 14-го Финляндского стрелкового полка (ТФ-299, на место вырезанного вшит кусок церковной ткани), 37-го Сибирского стрелкового полка (ТФ-314) и штандарт Офицерской кавалерийской школы (ТФ-409). Стоит отметить, что в ГИМе хранится 17 вырезанных со знамен вензелей Николая II (ТФ-683 – ТФ-699), что позволяет надеяться на то,

что через некоторое время в электронном каталоге появятся иные, ранее не выявленные знамена, подвергшиеся переделке.

Еще 6 регалий подверглись лишь незначительной переделке. На знамени 2-го Сибирского казачьего полка (ТФ-718) красной тканью зашиты короны на орлах, у 204-го пехотного Ардагано-Михайловского (ТФ-399[22]), 2-го (ТФ-317) и 9-го (ТФ-313) Сибирских стрелковых полков снят вензель с георгиевской ленты под иконой Спаса Нерукотворного, у 69-го пехотного Рязанского полка (ТФ-294) этот вензель закрыт куском красной ткани, а у 21-го пехотного Муромского (ТФ-666) – георгиевской ленточкой.

Оставшиеся 14 знамен – это регалии дружин ополчения, в том числе оставшиеся в полках 3-й очереди. На 11 из них красной тканью зашит вензель (или вензеля в случае Московских дружин) и слово «Царя» в надписи «За Веру, Царя и Отечество», на одном слово «Царя» зашито зеленой материей в цвет полотнища, еще на одном вензель закрашен золотой краской (в цвет ополченского креста) и на последнем, помимо закрашенного вензеля, поверх слова «Царя» нашит кусок красной материи с вышитой надписью «и Родину».

Из числа регалий 11-й армии, отправленных (или якобы отправленных) в Технический комитет отдельно от прочих, стоит упомянуть знамя 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска. Командующий полком в ответ на запрос сообщал командующему армией генералу Гутору: «Что касается царских вензелей, то они зашиты шелком и никаких подозрений возбуждено быть не может»[23]. Данное знамя хранится сейчас в Забайкальском краеведческом музее (ЧОМ-659) и не имеет никаких следов переделки или зашивки полотнища. В то же время со штандарта 13-го гусарского Нарвского полка, якобы отправленного в Технический комитет[24] и ныне хранящегося в Тамбовском областном краеведческом музее (ТОКМ КП 1182), удален вензель Николая II.

Стоит отметить, что переделанные регалии оказывались и в рядах Белой армии в годы Гражданской войны. Так, в списке русских знамен и штандартов, хранящихся в Белграде, есть «Знамя неизвестного полка. На полотнище на месте вензеля нашит кусок красного шелка, на полотнище надпись – «С нами Бог» и 1809–1909»[25]. В 1945 году это знамя в числе прочих «белградских знамен» передано в Центральный музей Красной Армии (на этот момент красный шелк был уже утрачен и указано, что

вырезана часть полотнища с вензелем)[26]. В 1971 году оно было передано в Артиллерийский музей, где и хранится поныне. Благодаря фотографии знамени, опубликованной в книге Кайгородцева и Низовского «Полковые святыни российского воинства»[27], можно с уверенностью сказать, что это полковое знамя 35-го пехотного Брянского полка, переданное в Главную квартиру Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России в августе 1919 г.[28]

Из числа регалий, имеющих следы переделки 1917 г., стоит упомянуть еще четыре. Во-первых, это два ополченских знамени. Знамя 356-й Лифляндской дружины Государственного ополчения, хранящееся в Центральном Музее Вооруженных Сил, было изготовлено на средства дворянства Юрьевского уезда осенью 1914 г. и по высочайшему соизволению передано в дружину 3 ноября того же года[29]. На этом знамени в центральном медальоне ополченского креста императорский вензель заменен на изображение Св. Георгия Победоносца на красном фоне (как на орденском кресте) и вместо смытого слова «Царя» в лозунге «За Веру, Царя и Отечество», написано слово «Народ». В Музее современной истории имеется знамя неизвестной дружины (ГЦМСИР ГИК 17697), на котором вензель и надпись «Царя» закрыты красной материей, т. е. переделка схожа с той, что есть на знаменах ополчения в Государственном историческом музее.

В собрании Оружейной палаты хранится штандарт 15-го гусарского Украинского полка[30] (Зн-150/1) образца 1827 г. для Литовского корпуса, пожалованный в том же году 2-му дивизиону Польского уланского полка. В 1892 году при формировании 48-го драгунского Украинского полка (с 1907 г. – 15-го гусарского) штандарт был «по наследству» передан в полк. В 1917 г. угловые вензеля Николая I были зашиты малиновым (в цвет полотнища) шелком, а корона с орла в центре полотнища спорота.

Из числа регалий, хранящихся в частных коллекциях, следует упомянуть знамя 22-го саперного батальона, фигурирующее в списке Технического комитета, на котором спорот вензель Николая II.

На основе исследованного массива регалий русской армии, бывших в строю в 1917 г., можно сделать следующие выводы:

1. Приказ № 182 в большинстве частей был проигнорирован, его исполнение явно связано с активностью революционных настроений в той или иной части.

2. Основной исполнитель – фабрика Товарищества на паях А. и В. Сапожниковых – физически не могла исполнить заказ на переделку в обозримые сроки и фактически исправила лишь 14 регалий из примерно 750, требующих исправления.

3. Самодеятельное исправление знамен и штандартов свелось (по мере убывания частоты) к:

а) удалению вензелей и корон;

б) зашиванию вензелей и корон (это можно связать с нестабильностью политической ситуации и возможной необходимостью вернуть status quo);

в) вырезанию части полотнища с вензелем;

г) удалению незначительных элементов.

4. Исправление знамен ополчения по большей части состояло в удалении/зашивании императорского вензеля и слова «Царя».

5. Переделке подверглись, несмотря на ясную формулировку приказа, регалии предыдущих царствований – Николая I (штандарт 15-го гусарского Украинского полка и ряд знамен ополчения), Александра II (знамя 1-го батальона 150-го пехотного Таманского полка), Александра III (17-го стрелкового и 325-го пехотного Царевского полков).

---

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 16. Л. 109, 109 об.

[2] Там же. 17. Л. 19

[3] РГВА. Ф.47. Оп. 7. Д. 10. Л. 1 об.

[4] Низовский А. Ю. К вопросу о судьбе сданных в 1917 г. знамен с императорским вензелем // Бомбардир. № 29. 2019. С. 37–38.

[5] РГВА. Ф. 47. Оп. 7. Д. 10. Л. 3–4 об.

[6] Там же. Л. 7.

[7] Там же. Л. 15.

[8] Приказ Московского Окружного Комиссариата по военным делам № 541 от 26 июля 1918 г.

[9] РГВА. Ф. 47. Оп. 7. Д. 10. Л. 22.

[10] Там же. Л. 23.

[11] Низовский А. Ю. К вопросу о судьбе сданных в 1917 г. знамен с императорским вензелем. С. 36–43.

[12] Там же. С.43.

[13] ЦИАМ. Ф. 348. Оп. 1. Д. 222. Л. 68 об.

[14] РГВА. Ф. 47. Оп. 7. Д. 10. Л. 15.

[15] ЦИАМ. Ф. 348. Оп. 1. Д. 222. Л. 68 об.

[16] РГВА. Ф. 47. Оп. 7. Д. 10. Л. 6.

[17] Атрибутировано как «Знамя Царевского резервного пехотного батальона».

[18] Атрибутировано как «Знамя неизвестного полка».

[19] Атрибутировано как «Знамя пехотного полка».
[20] Три знамени образца 1900 года, заготовленные для гвардейских стрелков, первоначально предполагалось передать в 15–18-й Кубанские пластунские батальоны, однако от этой идеи отказались «в виду несоответствия цветов их вензелей и розеток» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 513, Л. 152). В ГИМе хранится знамя с серебряным шитьем (ТФ-384), т. е. оно предназначалось для Лейб-гвардии 2-го или 3-го стрелковых полков.
[21] Атрибутировано как «Знамя 7-го пограничного Заамурского пехотного полка».
[22] Атрибутировано как «Знамя Михайловского крепостного батальона».
[23] Низовский А. Ю. К вопросу о судьбе сданных в 1917 г. знамен с императорским вензелем. С. 37.
[24] Полк был расформирован в 1918 г. в Тамбове и, вероятнее всего, штандарт передал в музей напрямую.
[25] Даватц В. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926. С. 224.
[26] РГВА. Ф. 7. Оп. 11566. Д. 83. Л. 44.
[27] Кайгородцев А. Н., Низовский А. Ю. Полковые святыни российского воинства. СПб., 2021. С. 376–377.
[28] РГВА. Ф.39720. Оп. 1. Д. 20, Б. л. (россыпь). Приказ Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России от ...08.1919.
[29] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2266. Л. 135–136.
[30] Атрибутирован как штандарт 48-го Украинского уланского полка.

А. В. Шестаков (Хабаровск)

ЖАЛОВАННЫЙ КОРТИК ИЗ ФОНДОВ ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ

В ФОНДАХ Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (ХКМ) хранится один экспонат, история которого до последнего времени представляла загадку. Это наградной кортик (ХКМ КП 14105/1) (ил. 1). Клинок у него короткий, однолезвийный, железный. Вероятно – кованый, кустарного изготовления. Общая длина кортика 56 см, длина клинка 43 см,

Ил. 1. Жалованный кортик «Охотского ведомства».
ХКМ им. Н. И. Гродекова. ХКМ КП 14105/1. Фото А. В. Храмцова

ширина 3 см. Между пятой клинка и эфесом навита в два витка проволока диаметром 3 мм. Наибольший интерес представляет эфес кортика. Он литой, вероятно – бронзовый. Представляет собой стилизованную фигурку пушного зверя. Голова зверька с выделяющимися прижатыми ушами и передние лапы являются навершием рукояти, тело – самой рукоятью. Задние лапы и загнутый над спиной хвост образуют гарду. От задних лап к передним отходит лента, представляющая собой дужку гарды. На ленте с правой стороны выгравирована надпись. По всей поверхности эфеса, кроме ленты, нанесены короткие росчерки, имитирующие меховой покров. Длина эфеса – 13 см.

В 1926–1927 гг. в Дальневосточном крае проводилась перепись его «северных окраин». Маршрут (около 1500 км) – по северной части Охотского побережья у эвенков, в пределах Ольского

района, – с 25 сентября 1926 г. по 16 августа 1927 г. прошел переписчик Б. А. Чернявский[1]. Летом 1927 г. председатель туземного Совета в Ольском районе передал ему «Тунгусский (эвенки) родовой кортик», который Б. А. Чернявский, в свою очередь, передал в Хабаровский комитет Севера в ноябре 1927 г. Дальневосточный комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) возглавлял тогда К. Я. Лукс, одновременно работавший уполномоченным Главнауки на Дальнем Востоке и директором Хабаровского краевого музея. Именно Карл Янович и доставил этот «родовой кортик» 20 ноября 1927 г. в музей, тогда же он получил свой первый музейный номер – «инв. № 8544».

На правой стороне дужки гарды кортика выгравирована надпись: «ОХОЦКОГО ВЕДОМСТВА УКЖҰРСКОГО» (ил. 2). Анализируя особенности надписи, можно сделать следующие выводы по времени ее создания.

Ил. 1. Жалованный кортик «Охотского ведомства». ХКМ им. Н. И. Гродекова. ХКМ КП 14105/1. Фото А. В. Храмцова

Приемы начертания отдельных букв более всего соответствуют периоду с 1733 по 1787 гг. Такое название начальника рода как «князец» широко было введено в Сибири после утверждения «Устава об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. Согласно ему, «управление кочевых инородцев» составляла «особенная Родовая Управа» и «Начальник под именем Тайши, Князца, Улусного головы, Тоена», причем при взаимодействии с правительственной администрацией все они назывались старостами[2]. Термин «ведомство» по отношению к Охотскому краю встречается в источниках конца XVIII – начала XIX вв.

Больше всего информации дает словосочетание «УКЖҰРСКОГО РОДУ». В 1648 г. в северной части Охотского побережья в устье реки Мотыхлей (сейчас – окрестности г. Магадан) было основано Тауйское зимовье, давшее название побережью Тауйской губы. Оседлых жителей Тауйского побережья, живших в поселках Армань и Ола, кочевые эвены всегда выделяли и называли их «мэнэл», что означало «сидячие», «живущие на одном месте». Они представляли собой автохтонное население

с палеоазиатским чертами в хозяйстве и культуре. Арманский диалект эвенского языка относят к особому, исчезнувшему в настоящее время тунгусо-маньчжурскому языку, в котором сохранилось много архаического[3]. Основой существования мэнэл было рыболовство, морской промысел[4]. Прибрежные эвены в прошлом были надежной опорой гарнизона тауйского зимовья. Они были задействованы в военных действиях между коряками и русскими в 1730, 1748, 1751, 1753, 1755 гг., участвовали в закладке Гижигинской крепости[5]. В XVIII в. у «пеших тунгусов» (мэнэл) сформировались и свои этнически-территориальные родовые названия – типа «укчерский» или как на дужке – «УКЖҰРСКОГО РОДУ» и т. п. Первое известное нам упоминание имени этого рода относится к 1702 г. Тогда приказчик Тауйского зимовья Степан Осипов упоминал приход с «Олы реки пеших тунгусов Абдарского [Угжурского] рода Кагун с родниками, Бодыня с родниками...»[6]. Первое упоминание этого рода под названием «Укжурского» относится к 1741 г. Он был тогда перечислен среди родов пеших тунгусов, находящихся в ведомстве тауйской ясачной избы[7]. В материалах III (1762 г.) и IV (1782 г.) ревизий населения Восточной Сибири (Иркутской губернии) этот род был указан среди родов «ясашных оленных тунгусов при Тауинском форпосте» Гижигинского уезда[8]. Последнее известное нам упоминание данного названия относится к 1858 г. Тогда были составлены очередные ясачные списки Охотской администрации, и тунгусы, проживавшие в селе Армань, были отнесены к «Огжурскому или Укжурскому» роду[9]. В материалах Всероссийской переписи 1897 г. этот род был обозначен уже под именем «оседлых арманских»[10]. Соответственно, исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что надпись «УКЖҰРСКОГО» на кортике была нанесена в конце XVIII в.

Подобный кортик с литой рукоятью в виде пушного зверя представлен в экспозиции Охотского краеведческого музея имени Е. Ф. Морокова (ОМКПОФ 629). У него на дужке рукояти в таком же стиле, как и на вышеописанном кортике, написано «ОХОЦКОГО ВЕДОМСТВА ДОЛГАНСКОГО»[11]. «Долганский род», также как и «Укчжурский» указывались в материалах III (1762 г.) и IV (1782 г.) ревизий населения Восточной Сибири (Иркутской губернии) среди родов «ясашных оленных тунгусов при Тауинском форпосте»[12]. Кортик был найден жителем Охотска Е. Г. Борисовым на окраине поселка, «в земле,

взрыхленной гусеницами трактора», и подарен музею в 70-е годы XX в[13].

Такой вид оружия как кортик (колющее холодное оружие с коротким двулезвийным, реже однолезвийным прямым клинком) появился в конце XVI в. и первоначально применялся как оружие абордажного боя. В России оно появляется начиная с XVIII в.[14] Тогда же сформировался и обычай вручения наградных кортиков представителям туземных народов Сибири.

Упадок ясачных поступлений из Сибири, злоупотребления ясачных сборщиков вынудили правительство Екатерины II реформировать налоговое обложение. В 1763–1769 гг. в ходе ясачной реформы была проведена перепись ясачного населения и подтверждено закрепление ясачных за родами. Чтобы заинтересовать князцов сбором ясака, за исправный и бездоимочный платеж им стали выдавать как подарки (в виде сукна, табака, изделий из меди), так и знаки различия (кортики, медали)[15].

Так, например, в 1791 г. были «награждены из казны кортиками» после приведения к присяге несколько чукотских тоенов[16]. Такая практика продолжалась до середины XIX в. В первой половине XIX в. охотский фортмейстер Круз пожаловал кортик в серебряной оправе «родовому коряке Ятхигину Эвлохову» за участие, которое он проявил «в скудные пропитанием 1816, 1817, 1818 годы» к жителям Гижиги, «составляя табуны оленей в пользу русских»[17]. В 1872 г. Комитет министров рассматривал предложение колымского окружного исправника барона Майделя о праве носить чукотским головам и старостам кортиков не в виде награды, а как знак должностного лица. Он обосновывал это предложение тем, что «жалуемые Правительством кортики составляют у инородцев ... особое отличие и передаются ими из потомства в потомство». Эта мера должна была поощрить чукчей «к успешному сбору ясака и для того, чтобы чукчи смотрели на своих старшин и родоначальников как лиц, которым дана власть управлять ими и собирать ясак». Император утвердил решение, согласно которому чукчи получили право носить кортики «по образцу тех, коими награждались вообще инородцы, но только с тем, чтобы кортики эти служили только знаком должности, а не наградою и при смене одного лица были передаваемы другому, вновь избираемому должностному лицу»[18].

Во время строительства в 1909 г. телеграфной линии Якутск – Охотск начальник Иркутского почтово-телеграфного округа

Р. Ю. Зонненбург дважды, в марте и в мае–августе, проехал по трассе. Одним из итогов этих поездок стало издание им своих заметок об этих поездках. Рассказывал он в них и о встрече на почтовой станции Кетанда со старостой 2-го Уяганского рода тунгусом Гавриилом Петровичем Нориным и отдельно указал, что «знаком власти у него служит кортик с надписью «"ОХОЦКАГО ВЪДОМСТВА, УЯГАНСКАГО ВТОРОГО РОДА КНЯЗЦУ Е. II" (известный вензель)»[19]. Второй Уяганский род также указан в материалах III (1762 г.) и IV (1782 г.) ревизий населения Гижигинского уезда Иркутской губернии среди родов «ясашных оленных тунгусов при Тауинском форпосте»[20].

В музеях России хранятся подобные кортики, но в более полной комплектности. Так, например, в Якутском государственном объединенном музее истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского хранится наградной кортик (КП-11865/) длиной 56,5 см. Его клинок также прямой, однолезвийный, длиной 45 см и шириной 2,5 см. Но на пяте клинка с правой стороны выбита надпись «IPKҮЧIKЪ» (Иркутск), с левой стороны – «1771-году». Рукоять медная, в виде «соболя», с дужкой, на которой выгравирована надпись «НАМСКОГО УЛУСУ-5 НАМСКОЙ ВОЛОСТИ», выполненная в той же манере, что и на кортике из Хабаровского музея. Кроме того, у кортика между клинком и рукоятью с внешней стороны помещен щиток в виде перевернутого сердца с вензелем императрицы Екатерины II (IE II) и неразборчивой надписью по краю «НАГРАЖДЕНЪ ЗА...»[21]. В Государственном историческом музее хранится «Кортик жалованный, в ножнах. XVIII в.» (ГИМ 96006/857). Его длина – 51 см, длина клинка 40 см, ширина клинка – 2,1 см. У него на дужке написано «НАМСКОГО УЛ[УС]А МОДҮЦКОЙ ВОЛОСТИ К[НЯЗЦУ?]». У этого кортика надпись на щитке более разборчива: «НАГРАЖДЕНЪ ЗА ИСПРАВНО И НА СРОКЪ ПЛАТЕЖЪ ВЪ КАЗНУ ЯСАКА»[22].

Известны также кортики с надписями: «МАИСКОГО ЗИМОВЬЯ 4 ЕЖАНСКОГО РОДҮ КНѦСЦУ»[23], «АЛАЗЕЙСКОГО ЗИМОВЬЯ, ЮКАГИРСКИЙ РОД» (НККМ-497)[24] и др. Все эти кортики объединены формой оформления рукояти и наличием надписей на дужке, щитке и клинке. В некоторых случаях, как, например, на кортиках из Хабаровского и Охотского музеев, щитки были утеряны, а клинки (вероятно, в XIX – начале XX вв.) были заменены на новые.

Интересно, что изображения на рукоятях пушных зверей, шкурками которых и собирался ясак, в мелких деталях различаются. Более того, в то время как кортики старост родов с Северо-Востока Сибири украшены изображениями пушных зверей из семейства куньих (в основном – соболя или горностая), на кортиках пеших эвенков с побережья Охотского моря представлены песцы или лисицы (ил. 3).

Ил. 3. Изображение пушного зверя (песца?) на эфесе кортика. Фото А. В. Храмцова

В более позднее время форма эфеса менялась. В 1909 г. в Уягинском стойбище в Охотском уезде Р. Ю. Зонненбург описал кортик иного типа у старосты 2-го Гирбиканского рода: «Эфес – олень, портупей с изображением оленя (Охотский герб – олень), на клинке с одной стороны вырезан олень и цветочный орнамент, с другой же стороны – надпись: «"1778, года, Марта 1-го. Жалованъ / (...) канцелярии Охоцкаго порта: / за верной и исправной принос / в казну Ясаковъ"»[25]. Второй Гирбиканский род в материалах III и IV ревизий населения Иркутской губернии был указан уже среди родов «ясашных тунгусов» Охотского уезда[26]. В 1963 г. Владимир Алексеев, молодой колхозник оленеводческой артели имени XX партсъезда, нашел этот кортик в заброшенном лабазе в тайге у реки Наукичан и передал в Охотский музей[27]. Длина кортика (ОМКПОФ 630) – 44 см, длина клинка – 33 см, длина рукояти – 11 см. Сама рукоять – литая, из металла желтого цвета, в виде бегущего оленя. Между клинком и рукоятью у него также помещен щиток, но уже с изображением оленя. На клинке выгравирована надпись «1778, ГОДА МАРТА 1-ГО, ЖАЛОВАНЪ ОТ КАНЦЕЛЯРИІ ОХОЦКАГО / ПОРТА. ЗА ВЕРНОЙ И ІСПРАВНОЙ ПРИНОС В КАЗНУ ЯСАКОВЪ». На другой стороне клинка выгравирован, вероятно, символ

с герба города Иркутска – «бабр (тигр) с соболем в зубах» и растительный орнамент[28].

Кортик из Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова с надписью: «ОХОЦКОГО ВЕДОМСТВА УКЖҰРСКОГО», вероятно, был изготовлен в Иркутске в 1771 г. вместе с целой серией жалованных кортиков, которыми в ходе ясачной реформы в Сибири награждались старосты (тайши, князцы, улусные головы, тоены) различных народностей Сибири. При разработке формы рукояти этих кортиков учитывались особенности географического положения этих родов, и пешие эвенки с побережья Охотского моря получили рукояти с изображением песцов (лис?), из которых часто и состоял их ясак. Жалованные кортики сибирских старост, несомненно, представляют собой не только образцы наградного оружия, но и предметы, отражающие процесс взаимодействия сибирской администрации с местными народностями Сибири и Дальнего Востока.

---

[1] Итоги переписи северных окраин Дальне-Восточного края (1926–1927): с приложением карты северных окраин Дальне-Восточного края / РСФСР, Дальне-Восточный краевой стат. отдел ЦСУ. – Благовещенск, 1929 (2018). – LXVIII, 296, 54 с., 1 вкл. л. карт. в 2 крас. С. XX–XXI.

[2] Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.] – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXVIII: 1822-1823-1830. – [1], 1014, [4] с. С. 359, 400.

[3] Попова У. Г. Эвены Магаданской области. М., 1981. С. 11.

[4] Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. С. 157.

[5] Там же. С. 80.

[6] Там же. С. 77.

[7] Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о Сибири и Северо-Востоке). Магадан, 1983. С. 15, 159.

[8] Кабузан В. М., Троицкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // Советская этнография. №3, 1966, С. 36.

[9] Попова У. Г. Указ. соч. С. 21.

[10] Гурвич И. С. Указ. соч. С. 157.

[11] Кортик старосты Долганского рода (Электронный ресурс) // Museum.ru : [сайт]. [1996-2023]. URL: http://www.museum.ru/C9912.htm (дата обращения: 30.01.2023).

[12] Кабузан В. М., Троицкий С. М. Указ. соч. С. 36.

[13] Филиппова Л. Возвращаясь к прочитанному // Охотско-эвенская правда. 25 января 2020 г.

[14] Кулинский А. Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917 годов. М., 1994. С. 104.
[15] Гурвич И. С. Указ. соч. С. 65.
[16] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сборник архивных материалов под редакцией Я. П. Алькора и А. К. Дрезена. Издательство Института народов Севера ЦИК СССР. Л., 1935. С. 188.
[17] Билибин Н. Классовое расслоение кочевых коряков. Владивосток, 1933. С. 43, 44.
[18] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т.XLVII, отд. 2. СПб., 1875. С. 364–365.
[19] Зонненбург Р. Ю. Из Якутско-Охотского края: путевые впечатления с постройки охотского телеграфа. Иркутск: Эл.-тип. С. А. Серебреникова, 1910. С. 60.
[20] Кабузан В. М., Троицкий С. М. Указ. соч. С. 36.
[21] Наградной кортик (Ножны под номером КП-11865/2 Ор-78/2) (Электронный ресурс) // Госкаталог.RU : [сайт]. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16440752.htm (дата обращения: 30.01.2023).
[22] Кортик жалованный, в ножнах. XVIII в. (Электронный ресурс) // Государственный исторический музей : [сайт]. [2018]. URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3083265.htm (дата обращения: 30.01.2023); Дуров В.А. Русское наградное оружие. Серия: Оружейное дело. М.: Фонд Русские Витязи, 2010. С. 300.
[23] Дуров В. А. Указ. соч. С. 301.
[24] Аллаи. Кортик. Нагрудное оружие-сабля (Электронный ресурс) // Госкаталог.RU : [сайт]. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15405582.htm (дата обращения: 30.01.2023).
[25] Зонненбург Р. Ю. Указ. соч. С. 60.
[26] Кабузан В. М., Троицкий С. М. Указ. соч. С. 35.
[27] Е. Ф. Мороков. В старом лабазе // Дальний Восток. № 5, 1964. С. 190–191.
[28] Кортик старосты Горбиканского рода. XVIII в. (Электронный ресурс) // Museum.ru : [сайт]. [1996–2023]. URL: http://www.museum.ru/C9911.htm (дата обращения: 30.01.2023).

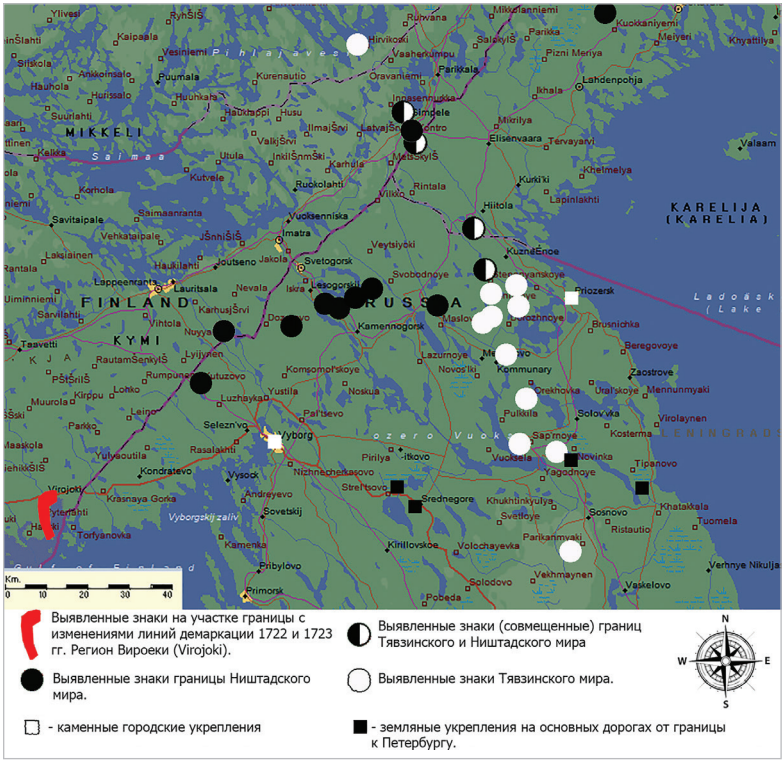
К. В. Шмелев (Санкт-Петербург)

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ГРАНИЦА 1721/1722 гг. В ПАМЯТНИКАХ АРХЕОЛОГИИ

Изучение внешних границ Российского государства как части территории и взаимодействия с соседями имеет в отечественной историографии достаточно длительную традицию. Однако основное внимание исследователей традиционно привлекалось к западной и южной границам; северо-западной, собственно русско-шведской границе, уделялось значительно меньшее внимание. Одна из наиболее ранних работ, посвященных укреплениям на «Литовском рубеже» в XVII в., написана И. Д. Беляевым[1], «Засечной Черте» посвящена монография А. Яковлева[2]. Вопрос о пограничных укреплениях на Северо-Западе эпизодически поднимался в работах историков XIX–XX вв.[3] Основные архивные материалы, т. н. «межевые дела», сконцентрированы в фондах РГАДА[4]. Русско-польская и литовская границы рассматриваются в ряде работ В. Г. Пежемского, М. М. Кромма, А. В. Малова[5] и В. Н.Темушева[6]. Южным границам посвящены ряд исследований, среди них работа О. А. Курбатова[7]. Отметим, что большинство вышеупомянутых работ построены на материалах письменных и картографических источников, данные археологии привлекаются редко, среди них публикации И. Г Бурцева и А. Н Голотвина, посвященные Тульской и Белгородской[8] засечным чертам. С локализацией отдельных точек русско-шведских границ связаны исследования А. И. Резникова и О. Е. Степочкиной[9], изучению участков границ также посвящены несколько исследований[10]. Значительная работа по публикации письменных источников северо-западной границы проделана А. А. Селиным[11]. Ряд исследований опубликованы К. В. Шмелевым[12]. Учеными были изучены памятники,

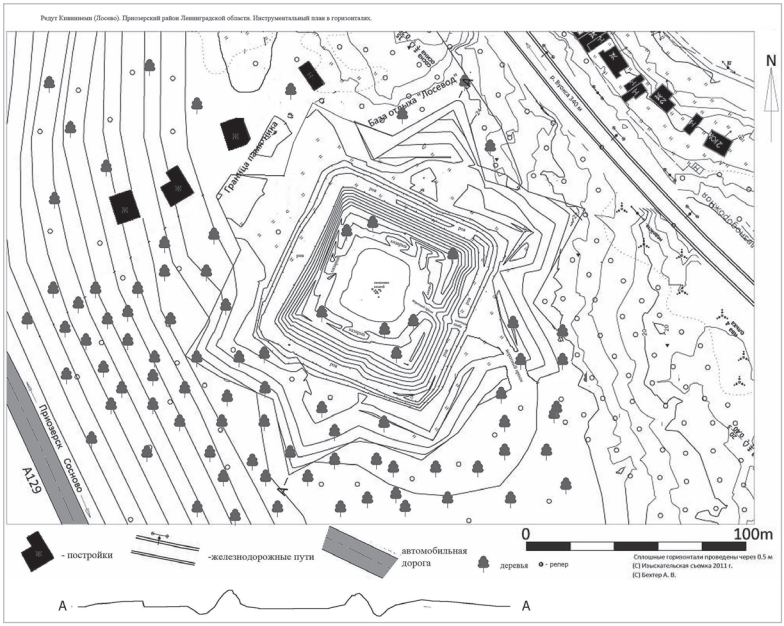
имеющие отношение к русско-шведским границам, – Тесовский и Лавуйский остроги (А. А. Селин), Ивнинский острог, редуты Кивиниеми и Улла (К. В. Шмелев). Ореховецкой, Тявзинской и Ништадтской границам посвящены ряд исследований российских и финских ученых: проблемы политического становления границ рассматривают исследования K. Katajala[13], J. Kokkonen[14] и А. Толстикова[15]. Выявлением пограничных знаков на территории Финляндии занимались V. Laakso и ряд других исследователей[16], огромная отдельная работа была проделана краеведом из Керимяки S. Strömberg[17].

Основной комплекс документов, связанных с установлением границы в 1722 г., представлен текстом договора и записями межевых комиссий[18], а также картографическим материалом[19]. Источники фиксируют несколько видов рукотворных объектов, связанных с линией границы (ил. 1). В первую очередь это пограничные укрепления, основная их часть строилась[20] после окончания войны 1741–1743 гг.[21] Формирование системы укреплений связано с расположением границы и основных дорог на Карельском перешейке. На севере перешейка находились две каменные крепости – Выборг (Viborg) и Кексгольм (Keksgolm, Корела), которые являлись основой обороны границы[22], и ряд земляных укреплений, входивших в систему обороны Кексгольма[23]. Южнее для прикрытия основных путей было сооружено четыре редута полевого типа: Мула (Muolla) и Сувек (Sudenoia) на дороге из Выборга, а также Кивиниеми (Kiviniemi) и Тайполе (Taipale, Улла) из Кексгольма. Укрепления описаны в нескольких работах по истории фортификации и изображены на картах XVIII в.[24] В настоящее время не существует устоявшегося мнения о точной дате их строительства[25], народная традиция связывает их с петровским периодом[26]; в целом сформировано мнение, связывающее постройку с временем войны 1741–1743 гг. К 1740 г. существовал проект Б.-Х. Миниха об укреплениях границ и крепостей[27], хотя возможно и более раннее сооружение отдельных элементов[28]; вероятно, самыми ранними являются шанцы в Кивиниеми и Мула. Все они сохраняли значение до войны 1807–1809 гг., когда граница отодвинулась и потребность в укреплениях отпала. В настоящее время редуты Кивиниеми, Тайполе и Мула локализованы на местности. Шанцы располагались в межозерных дефиле[29] и контролировали основные дорожные направления: Тайполе – путь вдоль берега



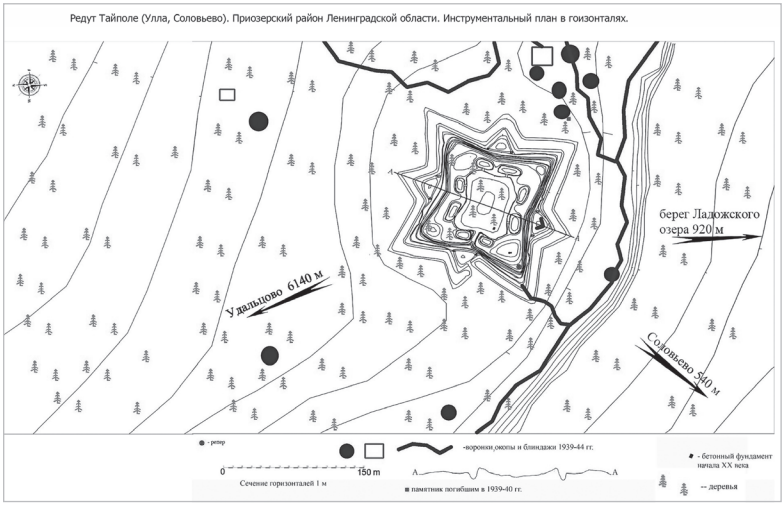
Ил. 1. Памятники археологии, связанные с границей Ништадтского мира

Ладоги, Кивиниеми – из Кексгольма в Петербург. Редут Мула находился на протоке между оз. Molajärvi и Эуропя (Агрипе)[30], Сувек к юго-востоку от него, оба находились на трассе дороги из Выборга. Сейчас Мульский ретраншемент расположен на берегу р. Булатная – протоки, соединяющей озера Охотничье и Б. Раковое. Документы о постройке сооружения не выявлены, но имеется ряд изображений на картах и упоминание о закладке «большого окопа»[31] 06.08.1741 г. корпусом генерала Кейта[32]. Укрепления состояли из «ломаного окопа» на западном берегу протоки, двух малых редутов и многоугольного редута (штершанца)[33]. В настоящее время выявлена часть руинированных сооружений на восточном берегу Булатной. Редут Сувек, вероятно, полностью уничтожен при спрямлении участка дороги между н. п. Красносельское и Вещево.



Ил. 2. Редут Кивиниеми. Инструментальный план

Редут в Кивиниеми (ил. 2) (Лосево). Первоначальный облик шанца точно не известен[34], документы, относящиеся к его постройке (помимо проекта Миниха), не выявлены, но есть изображения на картах. Конструктивно шанец[35] состоит из редута подпрямоугольной и ложемента восьмиконечной формы, расположенных над протокой из оз. Вуокса в Суванто[36]. В XVIII в., когда уровень воды в них был выше, укрепления находились непосредственно на берегу. Переправа на дороге из Кексгольма, видимо, находилась на трассе современного Приозерского шоссе. Длина валов редута ок. 80 м, склоны имеют значительную крутизну (ок. 40–50°), площадь – более 1 га. Между валами и ложементом находится ров, общая высота стенок рва и вала составляет порядка 8 м. На валах имеются четыре угловых валганга, в теле вала расположены остатки помещений, «внутривальных казарм». Входные проемы всех помещений и воротный проем имеют следы облицовки камнем. Воротный проем редута расположен на южном фасе, вместо моста через ров оставлена земляная дамба. Ворота ложемента направлены в сторону юго-запада. Ложемент размером 210×203 м



Ил. 3. Редут Тайполе. Инструментальный план

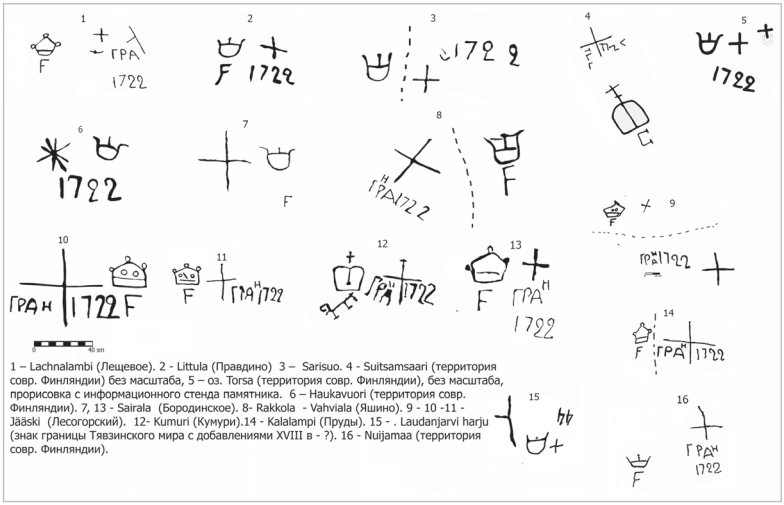
имеет слегка неправильную форму. В верхней части валов находится банкет для стрелков, участки ложемента разделены противорикошетными траверсами. В 2012 г. был сделан разрез участка юго-восточного ложемента. Основное тело насыпи сложено из утрамбованного материкового песка с крупными камнями, не образующими конструктивных элементов[37].

Редут Тайполе (ил. 3) (Улла, совр. Соловьево) многократно описан в литературе, но до последнего времени не имел охранного статуса[38]. До 1818 г. редут находился на перешейке между озерами Ладога и Суванто. Представляет собой двухчастное укрепление из редута подпрямоугольной и ложемента восьмиконечной формы. Длина валов редута – ок. 130 м. При этом в плане валы имеют не прямую, а несколько вогнутую форму и склоны крутизной порядка 40–50°. Между валом и ложементом находится ров, общая высота внутренних стенок рва и вала достигает 10 м. Как и в Кивиниеми, имелись угловые валганги и «внутривальные казармы», в верхней части валов расположен банкет, на ложементе – прикрытый путь и траверсы. Внутренний плац – подпрямоугольной формы. Ворота редута (на западном фасе) прослеживаются в виде понижения гребня вала на глубину до 1,5 м. Ворота ложемента направлены на юго-западную сторону. Ложемент размером 216×218 м имеет форму неправильной

восьмиконечной звезды и состоит из четырех куртин, имеющих в центре реданные выступы.

Другим типом памятников являются объекты, непосредственно маркирующие границу. При прохождении пограничной линии использовались способы маркировки в виде знаков[39], наносившиеся на твердую долговечную основу, в большинстве случаев – на находящиеся в створе границы валуны или скальные выходы. Периодически, когда не имелось естественной основы для нанесения знака, сооружалась искусственная[40]. В этом отличие маркировки Ништадтского периода от более ранних, когда использовалась широкая номенклатура маркировок: кроме знаков на камне, наносились отметки на деревья, делалось их «огранение», т.е. создание плоских поверхностей путем широких затесов[41]. В случае, если наблюдалось совпадение линий новой и старой границ с уже имеющимися знаками, то часто новые маркировки добавлялись к старым[42]. Текст договора к Ништадтскому миру содержит полное описание линии границы – от крайней юго-западной точки на побережье Финского залива и далее в направлении на северо-восток, с описанием отдельных участков и поворотных точек. При этом, в отличие от более ранних договоров, текст не содержит описаний конкретных пограничных знаков, но подробно описывает направления, отдельные пункты, урочища и другие объекты, связанные с привязкой на местности. Также договор содержит описание типового изображения на пограничном знаке – оно должно было содержать указание принадлежности «к Российской стране, и грань, а от Шведской страны F и корона, а от обеих стран 1722 год»[43]. Первым этапом демаркации, вероятно, являлось создание просеки (в терминах XVIII в. – «аллеи») шириной три-четыре сажени, в ходе эксплуатации она должна была периодически поновляться, что также было прописано в тексте договора[44].

Работа по археологическому обследованию данных объектов полноценно ведется в последние годы исследователями из России и Финляндии[45], хотя отдельные знаки фиксировались исследователями еще в начале XX в.[46] Основная масса локализованных «признаков» концентрируется на юго-западном участке границы – на территории Выборгского и Приозерского районов, северо-западном Приладожье и прилегающих регионах Финляндии. В целом, линия XVIII в. близка к современной российско-финской границе, хотя не всегда совпадает с ней в деталях.



1 – Lachnalambi (Лещевое). 2 - Littula (Правдино) 3 – Sarisuo. 4 - Suitsamsaari (территория совр. Финляндии) без масштаба, 5 – оз. Torsa (территория совр. Финляндии), без масштаба, прорисовка с информационного стенда памятника. 6 – Haukavuori (территория совр. Финляндии). 7, 13 - Sairala (Бородинское). 8- Rakkola - Vahviala (Яшино). 9 - 10 -11 - Jääski (Лесогорский). 12- Kumuri (Кумури).14 - Kalalampi (Пруды). 15 - . Laudanjarvi harju (знак границы Тявзинского мира с добавлениями XVIII в - ?). 16 - Nuijamaa (территория совр. Финляндии).

Ил. 4. Изображения на пограничных знаках Ништадтского мира

Рассмотрим основную часть известных знаков Ништадтского мира. Крайняя юго-западная оконечность границы – район Виролахти (Финляндия). Здесь прослежены две группы знаков: одна с датировкой «1722» (6 шт.) и вторая (из 4 штук) – «1723». На первой части знаков присутствуют только крест и дата, символика шведской стороны не нанесена. При этом вторая группа расположена восточнее первой, параллельно западному берегу залива Виролахти, спрямляя участок границы, в конфигурации 1722 г. делающей сильный изгиб к западу. Ситуация в данном микрорегионе изучена финскими исследователями[47], она отражает деятельность межевых комиссий на местности в части изменения отрезка границы и его передемаркацию в 1723 г. Расположенные северо-восточнее участки исследованы фрагментарно, однако в ряде случаев прослеживаются крупные отрезки границы с отдельными межевыми знаками (ил. 4)[48].

Vahviala (Яшино). Находится в районе урочища Rakkola. Рисунок нанесен на вертикальную поверхность крупного валуна, при этом естественный рельеф камня разбивает изображение на две части: изображения равноконечного креста и надпись «ГРАн1722» в две строки и короны с вензелем «F». «Пояс» как отдельное изображение отсутствует, его функцию выполняет естественный излом камня.

Nuijamaa. Расположен рядом с Nuijamaa (Финляндия) в непосредственной близости от современной границы[49]. Маркировки нанесены на боковую поверхность гранитного валуна. Знаки состоят из короны «классического» типа, ниже которой расположен вензель «F», а правее – в три строки крест и надписи «ГРАН» и «1722».

Участок границы Littula – Jääski – Kalalampi (Правдино – Лесогорск – Пруды). Данный отрезок границы, вероятно, соотносится с участком, описанным в межевом протоколе[50]. Всего на данном участке выявлено пять объектов, уверенно соотносимых с «признаками» границы 1721 г.:

Литулла. Знак расположен в 2,8 км к юго-западу от поселка Правдино (Littula). Изображение, ориентированное по линии северо-восток – юго-запад, нанесено на плоской горизонтальной вершине скального выхода. В северной (шведской) части нанесены корона и «F», в южной – крест и дата «1722».

Яааски 1. Находится на расстоянии 7 км к северо-востоку от Литулла и в 820 м к юго-востоку от поселка Лесогорский (Jääski), на краю старого шоссе из Выборга в Яааски. Знак находится на ровной вертикальной поверхности скальной гряды, ориентированной по линии север – юг. В северной части нанесено изображение короны (редко встречающейся формы) и вензель «F», в южной – крест (причем мастер в качестве вертикальной части креста использовал естественную трещину) и надпись «ГРАн1722».

Яааски 2. Находится на расстоянии 646 м к востоку[51] от Яааски 1 и в 1,1 км к юго-востоку от поселка Лесогорский на берегу реки Вуокса (Vuoksi). Изображение нанесено на вертикальную поверхность гранитной скалы. Ниже знака находится выкладка из мелкого камня, выполнявшая функции платформы, с которой производились работы по нанесению изображения. В северной части рисунка находится изображение короны того же типа, что и в Яааски 1, и «F», в южной – крест, по сторонам от вертикальной оси креста – «ГРАН» и «1722».

Яааски 3. «Признак» находится на восточном берегу реки Вуокса в 1 км к востоку от Яааски 2 и в 1,06 км к югу от пос. Лесогорский. Знак состоит из двух групп рисунков на вертикальной и горизонтальной поверхности небольшого скального выхода. На горизонтальной нанесены изображения короны, вензеля «F» и равноконечного креста. Канавки, формирующие крест, неглубокие, неаккуратно обработанные, по всей видимости, изображение

не закончено. Отметим, что тип изображенной короны больше не встречается среди известных знаков Ништадтского мира. На вертикальной поверхности находятся надпись «ГРан 1722» и еще один крест большего размера. Грань между двумя плоскостями выполняет функции «пояса», а наличие второго (незаконченного) креста, вероятно, объясняется ошибкой резчика, первоначально планировавшего разместить всю композицию на верхней плоскости камня.

Калалампи. Знак расположен в 6 км к востоку от Яааски 3 и в 1,5 км к востоку от поселка Пруды (Kalalampi). Изображения нанесены на двух гранях вертикальной скалы, на высоте порядка 13 м от подножия. На одной поверхности имеется изображение короны и «F», на второй – рисунок из равноконечного креста и надписей «ГРАн» и «1722» по сторонам от центральной оси. Как и в случае Яааски 3, грань между двумя плоскостями выполняет функции «пояса».

Восточнее упомянутых памятников прослежена группа знаков в районе озера Torajärvi (Бородинское)[52]:

Сайрала 1. Знак расположен[53] в 4,4 км к северо-западу от поселка Бородинское (Sairala). Изображение предельно лаконичных форм нанесено на южную вертикальную грань крупного валуна. В западной части рисунка находится крупный равносторонний крест, а в восточной – корона «классического» типа и вензель «F».

Сайрала 2. Памятник расположен в 713 м к востоку от Сайрала 1 и в 3,8 км к северо-западу от поселка Бородинское. Изображение нанесено на горизонтальную поверхность небольшого плоского валуна. В северо-западной части рисунка изображение короны[54] и «F», в юго-восточной – креста и ниже него – в две строки «ГРАн» и «1722».

Следующий участок границы частично совпадает с линией Тявзинского мира 1595 года. Часть знаков 1722 г. нанесена на камни с уже присутствующими более ранними маркировками:

Laudanjarvi harju. Данный пункт находится в 6,7 км к северо-востоку от дер. Маслово. Маркировка нанесена на верхнюю грань крупного гранитного валуна. Композиция состоит из изображения вытянутого предмета (в терминологии протоколов Тявзинского мира – «крюк»), короны «классического» типа и равноконечного креста. Выше нанесены цифры – «44», причем формирующие их канавки имеют большую глубину, а сам рисунок развернут на 180° относительно основного изображения.

А. И. Резников датирует данный знак периодом Тявзинского мира[55], однако необходимо отметить, что цифры явно несинхронны остальным изображениям и, возможно, относятся XVIII в.

Lachnalambi (Лещевое). Расположен[56] в 6 км к северо-западу от Laudanjarvi harju. Маркировки[57] нанесены на горизонтальной площадке гранитного массива, на берегу оз. Lachnalambi (Лещевое). Изображение состоит из короны (того же типа, что и в Сайрала 2 и Калалампи), ниже расположен вензель «F», а восточнее – группа, состоящая из равноконечного креста, небольшой черты (вероятно, «пояса», «крюка») и надписей «ГРА» и «1722». Данный знак определенно состоит из двух несинхронных групп изображений: вероятно, изображение креста, «пояса» и «крюка» можно датировать концом XVI в., а остальное – периодом после Северной войны.

Sarisuo. Расположен[58] в 11 км к северо-западу от Lachnalambi и в 6 км к северо-западу от станции Ояярви. Маркировки нанесены на боковые грани небольшого гранитного валуна. На одной плоскости изображена корона «классического» типа, на другой – крест и «1722». Естественная грань между плоскостями выполняет функции «пояса».

Группа знаков к северу от современной границы на территории Финляндии, Torsa – Haukavuori[59]:

Torsa, Etelä-Karjala. Расположен в 8,3 км к северо-западу от современной границы, на берегу озера Torsa. Знак в данной точке упомянут в протоколах как к Тявзинскому, так и к Столбовскому миру[60]. Маркировки нанесены на поверхность плоского гранитного валуна и состоят из короны «классического» типа, двух равноплечных крестов и даты «1722».

Haukavuori, Etelä-Karjala. Находится[61] в 7,3 км к северо-востоку от знака на озере Torsa, на вершине горы Haukavuori («Гасукавуори» по тексту протокола). Знаки нанесены на горизонтальной площадке в верхней части скального массива, изображены два взаимоналоженных креста (возможно, это попытка переделать рисунок равноконечного креста в розу ветров или компасную картушку), корона «классического» типа и «1722».

Suitsamsaari. Объект выявлен[62] в 1934 г. на острове Suitsamsaari, в регионе Uukuniemi (Etelä-Karjala). Изображение было нанесено на горизонтальную поверхность плоского невысокого валуна. Прослеживается рисунок равноконечного креста, следы надписи

(ГРАН 1722-?), корона и, вероятно, остатки изображения вензеля. Тип изображаемой короны не имеет прямых аналогов среди известных знаков Ништадтского мира.

Кумури (Kumuri). Карелия. Объект находится в непосредственной близости к современной границе, в 0,15 км к северу от пограничной полосы на холме Сапаскаллио. Изображение располагается на южном окончании скального выхода высотой 20–25 м[63]. В левой части композиции корона и расположенный под ней вензель «F», в правой – равноконечный крест и надпись «ГР^{A}(н-?)1722».

Рубежные камни Ништадтского мира оказываются не единственными памятниками подобного рода в Восточной Европе. Наиболее ранними объектами со схожими функциями принято считать т. н. «Борисовы камни» на территории Беларуси[1]. Непосредственно на Северо-Западе фиксируется традиция «межевых камней», обозначающих не государственные, а землевладельческие границы. Известен «Юрьевский межник»[2] в Новгороде, упоминаемый в 1134 г. и разграничивающий владения Юрьева и Пантелеймонова монастырей[3]. Подобная же традиция зафиксирована для территории Псковской земли, в районе Печор и Изборска выявлены знаки в виде простого равноконечного креста, нанесенного на верхнюю плоскость валунов[4], аналогичного облика камни зафиксированы краеведами в Принаровье[5], т. е. на северо-западной окраине границы 1617 г. Отметим, что именно изображение равноконечного креста (как наиболее простой формы) имеется на подавляющем большинстве пограничных знаков. Более того, на знаках, соотносимых с границей Тявзинского мира, равносторонний крест часто единственное изображение. Возможно, в таком случае маркировка крестом – это исходно инициатива именно русской стороны, перенос традиции установки «межников» на межгосударственную границу. Изображения на камнях Ништадтского мира также несут изображения крестов максимально простой формы (за несколькими исключениями), хотя в предшествующий период иногда используются сложные формы[6]. Еще один элемент рельефа, всегда упоминаемый письменными документами, – это «пояс», черта, символизирующая непосредственно линию границы. Осмотр всех доступных знаков границ 1595, 1617 и 1721 гг. показал, что к данному предмету мастера, наносившие рельеф, относились с известной долей небрежности. В ряде случаев этот

элемент отсутствует, хотя и упоминается в межевом протоколе. Наиболее часто в качестве «пояса» использовались естественные трещины, иногда подвергавшиеся доработке. Отметим также обнаружение выборгскими краеведами в створе границы камней без нанесенных знаков государственной принадлежности, но с пробитыми в направлении границы канавками[7], т. е. возможна ситуация, когда наносился только «пояс» – например, в качестве технической маркировки, отмечающей промежуточные точки на линии границы.

Наконец, необходимо рассмотреть последний элемент символики, появлявшейся на рубежных камнях. На знаках границ 1595 и 1617 гг., несмотря на то, что межевые записи практически всегда говорят о «коронах» во множественном числе, чаще всего в реальности на знаках присутствует только одна корона. С чем это связано, сказать сложно. Возможно, изготовление рельефов – как сложный процесс, требующий услуг профессиональных мастеров, – проходил без контроля со стороны межевых комиссий[1]. Ништадтский пограничный договор прописывает нанесение только одной короны, добавляя обязательный вензель правящего монарха[2] и дату демаркации[3]. Как минимум, в одном случае нанесены цифры «44», характер данной маркировки позволяет говорить о ее несинхронности основному изображению. Выскажем осторожное предположение, что это следы передемаркации после войны 1741–1743 гг. Наконец, необходимо сказать о форме изображаемых корон. Характерная форма для памятников Тявзинского, Столбовского и в ряде случаев Ништадтского мира – корона с тремя зубцами и нижним краем полукруглой формы, условно ее можно назвать «классическим» типом. В ряде случаев имеется раздвоение верхней части центрального зубца, иногда добавляются дополнительные дуги в верхней части. Эти элементы деталировки оказываются в рамках традиции шведской геральдики и отражают элементы реальной короны, изготовленной для Эрика XIV и используемой как шведский государственный символ до настоящего времени. При этом ряд знаков 1722 г. несет изображения корон абсолютно другого облика, не имеющего прямых аналогий в шведской государственной геральдике. Сложно сказать, почему в период после Северной войны появляется новая традиция

изображения корон (при параллельно сохраняющейся старой), вероятно, этот вопрос может стать направлением дальнейших исследований.

Таким образом, пограничные «признаки» Ништадтского мира оказываются частью традиции, связанной со средневековыми межевыми знаками и памятниками Тявзинского и Столбовского мира. Письменные данные демонстрируют множество подобных объектов, не выявленных до настоящего времени, – в таком случае, перспективным направлением оказывается продолжение полевой работы по поиску и локализации[1] знаков как Ништадтского мира, так и других границ.

---

[1] Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской границе Московского государства до времени Алексея Михайловича. М., 1846.

[2] Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916.

[3] Репников Н. И. Памятники военной старины в низовьях Волхова // Записки разряда военной археологии. Т. 3. 1914; Оглобин Н. Н. Обозрение историко-географических материалов XVII и XVIII столетий, заключающихся в книгах Разрядного приказа // Описание документов и дел Московского архива Министерства юстиции. Кн. 4. 1884.

[4] РГАДА. Ф. 96. «Сношения России с Швецией»; Ф. 79. «Сношения России с Польско-Литовским государством».

[5] Пежемский В. Г. Конфликты на границе России с Великим княжеством Литовским в XVI – начале XVII в. // Феодальная Россия. Новые исследования. СПб., 1998; Кромм М. М. Меж Русью и Литвой. М., 2008; Малов А. В. Борьба за Невель в конце Смуты // UkrainaLithauanica. Київ, 2008; Малов А. В. Северо-западное пограничье в конце Смуты: к методике реконструкции событий и источниковедению темы // Смутное время в России. СПб., 2012.

[6] Темушев В. Н. 2004. Начало складывания московско-литовской границы. Борьба за Ржевскую землю // Российские и славянские исследования. В. 1. Мн.; Темушев В. Н. 2007. Литовско-тверская граница (проблемы интерпретации источников) // Российские и славянские исследования. В. 2. Мн.; Темушев В. Н. 2008. К вопросу о московско-литовской границе в XV в. (Волости Чагоща и Болонеск) // Археалогія эпохі сярэднявечча/ Матэрыялы па археалогіі Беларусі. В. 15, Мн.; Темушев В. Н. 2007. Литовско-тверская граница (вторая половина XIV – начало XVI в.) // Вестник ТвГУ. В. 4., Тверь; Темушев В. Н. 2008. Формирование московско-литовской границы в XV – начале XVI вв. // Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. В. 1. Мн.

[7] Курбатов О. А. 2014. Атаман, ездоки и вожи: станица русских пограничников 1630-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.–T.V. http://www.milhist.info/2014/06/11/kyrbatov_5>.

[8] Бурцев И. Г. 2015. Тульские засеки XVI–XVII в.: историко-археологическое изучение // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3. Ч. 1; Бурцев И. Г. 2014.

Обустройство Тульской засечной черты XVI–XVII вв. по историческим и археологическим источникам // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. III. Казань; Голотвин А. Н. Усманский участок Белгородской Черты XVII века // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. III. Казань.

[9] Резников А. И., Степочкина О. Е. 2005. Локализация южной части русско-шведской границы 1617 года и пограничных знаков на ней // Проблемы исторического регионоведения. СПб.; А. И. Резников, О. Е. Степочкина. Пограничные камни на границе 1323–1595 гг. на участке 1-го межевого протокола 1595 г. [Электронный ресурс] http://www.aroundspb.ru/history/border_stones/border_stones.php.

[10] Пидотти Г. А. Реальные памятники Столбовского договора // Известия ВГО. Том LXXIII. Вып. 2. М.-Л.: 1941; Богданов В. И. 2006. Обследование трех межевых знаков границы России и Швеции по Ореховецкому и Столбовскому мирным договорам // Скандинавские чтения 2004 года. СПб.; Богданов В. И. 2003. Уникальные наскальные метки ординаров XIX в. и демаркационные знаки XIV–XVII вв. в Балтийско-Ладожском регионе // Университетские Петербургские чтения. СПб., Резников А. И., Исаченко Г. А. 2003. О влиянии природных границ на политические рубежи Северо-Запада Европейской России // Университетские Петербургские чтения. СПб., Резников А. К., Исаченко Г. А., Балашов Е. А. 2000. Наследие политических границ прошлого в современных ландшафтах Северо-Запада Европейской России // Изв. Рус. геогр. о-ва. Т. 132. В. 2.

[11] Selin A. A. 2015. Appearing of the Borderland Delimitation in Ingermanland in 1617-1618 // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 49.No. 2–3.; Селин А. А. 2016. Русско-шведская граница 1617–1700 гг. Формирование, функционирование, наследие. СПб., Селин А. А., Фомина Ю. Б. 2016. После Столбова: трассирование границы в Ижорской земле в 1617–1618 гг. // От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М.; Selin A. A., KukushkinK., Sablin I., Kocheryagina E. 2017. Regimes of the Russian–Swedish border in the Novgorod Lands / Basic Research Programme. No. 149.

[12] Шмелев К. В. 2004. Заставы и гарнизоны «Свейского рубежа» XVII века. // Новый часовой, № 15; Шмелев К. В. 2017. «Чертеж Русским и Шведским городам» как источник о фортификации пограничных крепостей в период войны 1656 г. История и археология» // «Война и оружие. Новые исследования и материалы». Труды 8-й международной научно-практической конференции. Т IV; Шмелев К. В. 2019. «А на том камени грань, крест да короны». Граница Столбовского мира 1617 г. в памятниках археологии // «Война и оружие. Новые исследования и материалы»: Труды 9-й Международной научно-практической конференции. Ч. II. СПб.; Шмелев К. В. 2022. Пограничные камни: история и современность // Граница Ништадтского мира – линия Петра Великого. Материалы международной научной конференции, посвященной 300-летию окончания Великой Северной войны и заключению Ништадтского мирного договора (6–9 октября 2021 г., Выборг) Ч. II. СПб.

[13] См. Katajala K, 2011 ‘Maps, Borders and State-Building’, // Physical and Cultural Space in Pre-industrial Europe. Methodological Approaches to Spatiality.Lund; Katajala K, 2017. Line, zone or sieve? conceptualizing the 1617 russo-swedish border.

Линия, зона или решето? Концептуализация российско-шведской границы 1617 г. // Nordicand Baltic Studies Review. 2017. Is. 2 и др.

[14] Kokkonen, J. 2011 Searching Back the Old Border : The Border between Russia and Sweden in the Early Modern Period//Труды Карельского научного центра РАН. N. 6.; Kokkonen, J. 2010. ÜberlokaleKontaktflächen der Grenze. Die nördlichen Grenzgebietezwischendem Schwedischen Reich und dem Grossfürstentum Moskauim 17. Jahrhundert // Kirchliche Zeitgeschicte. Grenzenals Barrieren – Grenzregionenals Chancen. Das Beispiel Karelien. Vol. 23, No. 1.

[15] Tolstikov, A. 2015. From Mezha and Rån to Rubezh and Gränsen: Conceptualizing the Russo-Swedish Border in the Late Middle Ages and Early Modern Period / Nordic Historical Review. No. 19.

[16] Laakso V. 2013. Kiveenkirjoitettu ruotsin ja vendjdn vlisethistorialliset rajamerki tarkeologian valossa//Historiallinen aikakauskirja 4; Julkunen J, Julkunen P, Strömberg S. 2011. Sulo Strömbergin matkassa itärajalla. Rajahakkauksia neljältä vuosisadalta. Tripylon Oy.

[17] Julkunen J, Julkunen P, Strömberg S. 2011. Sulo Strömbergin matkassa itärajalla. Rajahakkauksia neljältä vuosisadalta. Tripylon Oy.

[18] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VII. СПб.: 1830. С. 33–40; «Русско-шведские экономические отношения». М.-Л., 1960.

[19] См. Карта Финляндии с указанием границ России и Швеции в разное время по договорам, а также по картам Генерального штаба. Ордин К. Ф. «Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам». Том I. СПб., 1889; Карта границы по Ништадтскому мирному договору. 1722 г.; Карта Выборгского уезда. 1726 г., Карта Кексгольмского уезда. 1727 г., Карта Ингерманландии и Карелии. 1735 г. Печатана при Императорской Академии наук; Ingria et Carelia. 1741 и др.

[20] Шмелев К. В. 2020. Земляные укрепления XVIII в. на Карельском перешейке. Исследования и новые данные // На страже рубежей. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Тула.

[21] Шв. «Hattarnas ryska krig» – «Война Шляп».

[22] Помимо Выборга и Кексгольма в центральной части перешейка находилась земляная шведская крепость Kivenapp (Kivenebb), однако ее укрепления в период после Северной войны не использовались. (Сорокин П. Е., Бельский С. В. Крепость Кивеннапа на Карельском перешейке: результаты археологического обследования // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 2014. В. 28. С. 167).

[23] Назаренко К. Б., Смирнов В. И. 1998. Полевые укрепления первой половины XVIII в. на Карельском перешейке // Цитадель. № 1 (6); С. 18.

[24] См.: Карта Выборгской губернии, сочиненная в 1797 году. СПб., 1799; Карта Выборгской губернии. СПб., 1805; Часть семитопографической карты, заключающая окружность Санкт-Петербурга. СПб., 1810; Карта части границы Российской империи, смежной с королевством шведским вт. пол. XVIII в. / РГА ВМФ. Ф. 3. Оп. 4. № 1079; Charta über Die Lendereijen der Dörffern Selostretenskoi, Parckila, Kangaspeldo, Pellilä, Sormola, und Lawola, dem Kirchspiele Mohla des Wiburgschen Kreisses, Belegen, und von den Rewisions... 1785–1788; Charta öfver Mohla Säteri-Gårds och Illiälä Hjelpe Hemmans Ägor med Kildiä Utmarck, samtendelKopralaByss Uttegar i Mohla Socknaf Wiborgs Län, af Hög-Grefveliga Schuvalovska Donation, Till... 1786; Geometrisk Charta

öfver Mohla Säteri Gårdsoch Illiälä hielpe hemmans ägor, samt en del Koprala Byss Uttegar, uti Mohla Socknoch Wiborgs Kreijs, samthög-Grefveloga Schuvalovska Donation belägne... 1786; Charta öfver Kifwiniemi Bys Ägoruti Sackula Sochnoch Kexholms Södra Prowince Belägnesamt Herr Baron och Håf Banquveren Friedrichs Till Hörande Gods Till skattlägning Afmätte. 1777; Charta öfwer En del af Kiwiniemi Byss Åkrar, Ängaroch Skogsägor, Belägen i Sackola Sockneoch Kexholms Södra Häradaf Wiborgs Län, afmätte. Rätte ligen varaaf copieradfrån den vid Provincie... 1777; Charta öf ver Kiviniemi Bysägoruti Sackolasoknoch Kexholms Kreijs Belägne Högborne Herr Baron och Riddaren Petter von Friedrichsalodial Gods, Till skatt läggning af mätteår 1777 af Afdeltoch... 1777–1801; Charta öfwer Kifwiniemi Bys Åkrar Ängar, och en del af Skogs Ägor belägneuti Sackolasok noch Kexholms Södra Province afmätte. 1777.; Charta öfver 1721 års Gräntz mellan Sverigie och Ryssland.

[25] Библиография вопроса: Ласковский Ф. Ф. 1865. Материалы для истории инженерного искусства в России. Т. 3. СПб.; Ласковский Ф. Ф. 1865. Чертежи к материалам для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. СПб.; Баженов П. В. Полевая фортификация для употребления в школах инженерного корпуса. СПб., 1815; Назаренко, Смирнов 1998; Орехов Д. И., Балашов Е. А. 2008. Карельский перешеек – земля неизведанная. Ч. 8. Восточный сектор: Метсяпиртти; Проскурякова М. Е. 2009. Российские крепости и гарнизоны в Выборгской Карелии в первой половине XVIII века. СПб., Шмелев К. В. 2015. Дерево-земляные бастионные укрепления на территории Карельского перешейка в XVII–XVIII вв. Опыт изучения и новые данные // «Война и оружие. Новые исследования и материалы»: Труды VI международной научно-практической конференции. СПб.; Шмелев К. В. 2014. Дерево-земляная полевая фортификация на Северо-Западе России в конце эпохи Средневековья и начале Нового времени // Труды IV (XX) Всерос. археол. Съезда. Том III. Казань; Nordqist K. 2015. Karialan kannksenpicnetlinnakket – vaineta 1700 – luvultanykypavaan // Sota historia linnenaikakauskirirja. Helsinki. № 35.

[26] Карельский перешеек. Л., 1962. С. 315–316.

[27] «Мнение генерал-фельдмаршала графа Миниха и кабинетных министровъ о укреплении Остзейских границъ и крепостей противу шведов и украинских от Смоленска вниз по Днепру, о определении на границах командиров и о способности ихъ подписанное государыней императрицей Анной Иоанновной. 1740-го февр. 25». На 11 листах / Архив СПб ИИ РАН. Ф. 177. Оп. 01. Д. 04.

[28] Ласковский Ф. 1865 (1). С. 378; Назаренко, Смирнов 1998. С. 19. Возможно наличие каких-то укреплений в Кивиниеми еще в шведское время, единственный источник, подтверждающий их наличие, – карта 1708 г.; Tract-Charta utaf en del af Carelen och Viborgs-Lähn, ut-wisandes Wägarna, March-Routerna, och de förnämste Pass och Defiléer af detta landet; jämte Svenska Armeens Passage Åhr 1708, öfwer Newa Strömmen, och dess vid dit Marchen hafde Campementer, under Hr General Major Lübeckers Commando.

[29] Современная гидросеть Карельского перешейка сформирована после образования в 1818 г. р. Бурная (Taipaleenjoki), до этого озерная система была обширнее и расположение редутов было привязано к ней.

[30] Ныне озеро не существует, после падения уровня воды в начале XIX в. на его территории образовалась группа Раковых озер.

[31] Манштейн Х. Г. Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб., 1875. С. 216.

[32] В ходе боевых действий в районе Мула были сосредоточены полевые госпиталя. Проскурякова, 2009.
[33] Назаренко, Смирнов, 1998. С. 20.
[34] Назаренко, Смирнов, 1998. С. 19
[35] Отчет об обследовании фортификационных сооружений на протоке в Лосево 21–23.05.1973 г. // Б. н. Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия правительства Ленинградской области.
[36] Обследования редута производили в 2011–2012 гг. экспедиции Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ и ИИМК РАН. См.: Шмелев К. В. 2014. Отчет об археологических разведках на территории ЛО в 2011 году. СПб.; Бессуднов А. А. 2012. Отчет по археологическому обследованию территории в зоне строительства линии Лосево – Каменногорск в Выборгском и Приозерском р-нах ЛО в 2012 г. СПб.
[37] Шмелев, 2015.
[38] Шмелев К. В. 2020. Отчет об археологических разведках на территории Ленинградской области и Республики Карелия в 2018–2019 годах. СПб. С. 52–63.
[39] «Признаков» в терминологии XVIII в.
[40] В тексте Ништадтского протокола говорится об установке столбов, понизу «обкладенных камнем» или сооружении «особливо складен курган каменный и на оного кургана верхнем камне насечены признаки». Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 1. СПб., 1838.
[41] Также сооружались ямы с углем, на территории Карелии еще и т. н. «каменные кучи». См. Шмелев, 2019.
[42] Подобная практика сохраняется до XX века, когда в Карелии пограничная маркировка Тартусского мира 1920 г. наносилась на камни со знаками Столбовского мира 1617 г.
[43] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VII. СПб., 1830. С. 35.
[44] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VII. СПб., 1830. С. 34–35.
[45] См. Laakso 2013; Резников А. И., Степочкина О. Е., Пограничные камни на границе 1323/1595 гг. на участке 1-го межевого протокола 1595 г. (Retusaari – Varpavuori). [Электронный ресурс] https://www.aroundspb.ru/history/border_stones/border_stones.php и др.
[46] Pälsi S. 1934. Ristkalhon Rajameerleit Uukumienen halvan talon maalta.
[47] Arpiainen H. 2011. Uudenkaupungin rauhan 1721 raja Virolahdella.
[48] Основная масса знаков выявлена краеведами и экспедицией А. И. Резникова. По ряду причин в данной работе не учтен ряд пограничных «признаков», выявленных в последнее время, в частности, знак из Оярви, также несколько знаков на территории Финляндии, исследованных V. Saloheimo и S. Strömberg. См.: Julkunen, Julkunen, Strömberg. 2011.
[49] Данный знак локализован по сведениям выборгских краеведов.
[50] «...граничные признаки до признака подле Курманлакс берега и далее чрез Курманлакс Майякалли Омеки чрез дорогу из Выборга до Питер кирки Юкаренмеки, Венамеки граничного признака на горе каменной и столбе до берега реки Воксы, до куду есть одна миля и девять шестнадцатых долей мили,

оттуда на Ост чрез реку Воксу, чрез Якколя или Ахтиаля двор, чрез Риттаниеми Калло, Ламбиэрви озеро Вепсельма во Угенмеки гору и граничный признак...». Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 1. СПб., 1838.

[51] Между знаками (в 370 м к востоку от Яааски 1 и в 168 м к западу от Яааски 2), с небольшим, порядка 20 м, отклонением к югу от створа границы, выявлен еще один знак – в виде каменного столбика высотой 0,6 м, установленного в центре площадки из мелкого камня. На восточной грани столбика нанесены цифры «86», другие изображения отсутствуют. По сообщению А. И. Резникова, подобные знаки в виде каменных столбиков с цифрами встречены и в других районах Карельского перешейка. Выскажем предположение, что это следы внутренних межеваний периода Российской империи, скорее всего, XIX столетия (границы владений этого периода могли совпадать с отрезками границы более раннего времени); впрочем, некие «каменные столбы» периодически упоминаются и в межевом протоколе Ништадтского мира (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 1. СПб., 1838). Подобного типа знаки с нанесенными номерами известны и на территории Финляндии (Puustjärvi E. 2018. Kymmenen tarinaa kivestä. Kiven monta perinteistä käyttötarkoitusta. С. 23).

[52] «...до граничного признаку на камне на земле деревни Вирола близ двора Пирриланниеми или Пенивиролаин, который будет к Норду, потом чрез Торанэрви, Арвелинкалио, Корвин, Полюксенаго на земле Куисмаля чрез Алякунну...» Полное ... 1838.

[53] В 500 м к юго-западу находится еще один знак, в виде вертикального каменного столбика, аналогичный прослеженному между Яааски 1 и 2. В данном случае он не несет какой-либо маркировки.

[54] Тип короны схож с изображением из Калалампи.

[55] https://www.aroundspb.ru/history/border_stones/border_stones.php.

[56] Там же.

[57] В 2.5 м к северо-востоку расположен еще один знак в виде каменного столбика на площадке, забутованной мелким камнем, аналогичного прослеженным около памятников Яааски и Сайрала, с маркировкой «№-5».

[58] https://www.aroundspb.ru/history/border_stones/border_stones.php.

[59] «...чрез Илмеисярви и Ахвенламби Пекиви, граничной признак на камне восемь тысяч триста восемьдесят две сажени, оттуду норден-вестен до Торсавуори и Гасукавуори граничнаго признаку на горе...». Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 1. СПб., 1838.

[60] Laakso 2013. С. 470.

[61] https://www.aroundspb.ru/history/border_stones/border_stones.php.

[62] Pälsi, 1934.

[63] Шахнович М. М. 2015. Отчет об археологических работах Северокарельской археологической экспедиции в Лахденпохском, Сортавальском, Кондопожском, Костомукшском, Прионежском, Пудожском, Медвежьегорском районах Республики Карелия и в Мурманской области в 2013 г. Т. I. Петрозаводск. С. 39–40.

[64] Романов Е. Р. 1911. Древние лапидарные памятники Западно-Русского края // Записки Северо-Западного отдела Императорского русского географического общества. Т. 2. Вильно; Таранович В. П. 1946. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР // СА. М.-Л., Т. VIII.

[65] В настоящее время находится в экспозиции музея «Витославлицы».
[66] Янин В. Л. Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Культура древней Руси. М., 1966.
[67] Седов В. В. Межевой камень XIV в. из Изборска // Советская археология, 1974. № 3. С. 262.
[68] Будько В. И. Межевики // Знамя труда, 24.12.1998.
[69] «Крест в круге» и восьмиконечный крест, чаще всего с т. н. «подножием» или «голгофой». Шмелев, 2019.
[70] Устное сообщение В. Гранского (Выборг).
[71] Относительно знаков 1617 года, об этом косвенно свидетельствует тот момент, что полный комплект из трех корон изображен на тех знаках, которые находились на трассах крупных дорог.
[72] «F» – первая буква имени короля Фредерика, шв. Fredrik I, 1720–1751.
[73] В нескольких случаях присутствует и на знаках предшествующих периодов. Шмелев, 2019. С. 575–577.
[74] Огромная благодарность В. Гранскому (Выборг), А. И. Резникову (СПб.), А. Селину (СПб.), М. Проскуряковой (СПб.) и А. Пересветову-Мурату (Stockholm).

Е. И. Юркевич (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ ЗАПИСКИ «ОСНОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ КОМАНДЫ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА…»

История гатчинских войск Великого князя Павла Петровича, существовавших в резиденциях будущего императора Павла I в 1783–1796 гг., является одной из малоизученных страниц русской военной истории. И тем большую ценность представляют собой документы, связанные с этим малоизвестным формированием. Один из таких уникальных документов хранится в фондах Государственного архива Российской Федерации[1].

Это копия переведенной с немецкого языка записки «Основание и формирование Артиллерийской команды Его Императорского Высочества Великого Князя и Наследника Всероссийского Престола, и проч., и проч., о должности, упражнении и перемене обмундирования оной, как и о учреждении конной артиллерии при кирасирском полку», первая часть которой составляет отдельное дело[2], а вторая часть вшита в сборное дело.[3]

Записка представляет собой две части приложений к материалам о Гатчинских войсках, собранных в 1835 г. флигель-адъютантом императора Николая I Павлом Николаевичем Игнатьевым (1797–1879), которые легли в основу вышедшей в том же году книги «Сведения о Гатчинских войсках»[4]. Материалы этой «Записки» были широко использованы генерал-лейтенантом Василием Федоровичем Ратчем (1816–1870) в первой его военно-исторической работе – «Сведения об артиллерии Гатчинских войск»[5]. В современный научный оборот этот документ был введен в 2003 г.[6]

«В январе 1835 флигель-адъютант П. Н. Игнатьев представил великому князю Михаилу Павловичу составленное им «извлечение» из 25 книг, «поступивших из С[анкт]-Петербургского ордонансгауза и принятых 28-го числа сего месяца из архива Инспекторского департамента Военного министерства». К собственному сочинению автор приложил несколько этих книг, показавшихся ему заслуживающими особенного внимания (не позабыв указать номера листов наиболее любопытных документов), а также массу выписок из них. Так, в приложении под литерой «A» находился список указа об учреждении Военного департамента, под литерой «B» именной список офицеров пехоты на 1794, «C» именной список офицеров кавалерии, «D» копия с договора о приеме на службу фельдъегерей, «E» именной список офицеров артиллерии, «F» и «G» «подробное описание первоначального устройства сей артиллерии и всех изменений в составе оной» и проч. Основная часть этих материалов в настоящий момент хранится в Государственном архиве Российской Федерации (фонд 728)», – пишет К. В. Татарников, исследовавший эти документы[7] и впервые опубликовавший в 2008 г. полный текст «Записки»[8].

Имя автора «Записки» неизвестно, но, судя по наличию в тексте большого количества мелких бытовых деталей и точного, вплоть до числа, указания дат событий, ее автором был человек, сам служивший в Гатчинской артиллерии. Попробуем выяснить, кто конкретно.

Во-первых, «Записка» переведена с немецкого. Это может означать, что ее первоначальный текст писал человек, для которого немецкий язык был родным.

Во-вторых, наиболее часто в «Записке» упоминаются Христиан и Иван Гессе, вероятно, родственники, оба – сержанты саксонской артиллерии. И если Христиан Гессе, как будет видно ниже, был в 1788 г. уволен для «смотрения» за гатчинской пильной мельницей, то Иван Христианович Гессе (1757–1816) служил в Гатчинской артиллерии вплоть до восшествия Павла на престол, долгое время исполняя в Артиллерийской команде должность фельдфебеля[9]. Это особенно важно, так как фельдфебель должен был знать весь личный состав своей команды (роты), и, главное, должен был вести журнал прибыли и убыли людей[10]. А в «Записке» мы встречаем имена очень многих нижних чинов, которые, вероятнее всего, взяты из

Ил. 1. Пешая артиллерия Гатчинских войск. М. И. Теребенев. 1851 г. Литография. Раскрашена акварелью. 45,7 х 59 см. ВИМАИВиВС 1ИФ 18-1728-7

журнала, который вел фельдфебель Артиллерийской команды, т. е. И. Х. Гессе. Интересно, что подробные именные списки вновь поступивших нижних чинов исчезают из текста «Записки» именно после производства И. Х. Гессе в офицеры, что лишний раз свидетельствует в пользу того, что именно он был автором текста. Именно авторством Гессе можно объяснить и то, что оригинал «Записки» был написан по-немецки, и то, что в ней так много имен нижних чинов.

Еще один персонаж, имя которого очень часто встречается на ее страницах, – Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834). Возможно, именно ему принадлежала идея написания «Записки». Дело в том, что Алексей Андреевич уделял очень много внимания сохранению исторических артефактов, и особенно, как справедливо отметил И. В. Хохлов, это проявилось в аракчеевской усадьбе Грузино, выразившись во множестве памятников и мемориальных предметов, посвященных прежде всего Александру I, Павлу I и А. Д. Меншикову (бывшему владельцу Грузино)[11]. Артиллерийская команда Гатчинских войск – также в первую очередь детище Аракчеева[12], поэтому вполне закономерно, что

он мог выступить заказчиком составления исторической справки о ней. Причем эта справка заканчивается на том времени, когда сам Аракчеев уже командовал гатчинскими артиллеристами, т. е. для него важно было получить информацию о развитии Артиллерийской команды Гатчинских войск до его прибытия туда, т. е. до осени 1792 г. А сама «Записка», судя по всему, и была написана в конце 1793 г. и давала А. А. Аракчееву полную картину развития подчиненной ему команды.

Таким образом, с достаточной уверенностью автором этой «Записки» можно считать Ивана Христиановича Гессе, о судьбе которого будет рассказано ниже. Но сначала расскажем подробнее о самой «Записке».

В ней кратко, но достаточно подробно излагается история артиллерии Гатчинских войск с весны 1786 по конец 1793 гг. Наиболее полно (с апреля по декабрь, помесячно) описаны события 1792 г. Особенно ценными в записке являются именные списки нижних чинов, принимаемых в Гатчинскую артиллерию, в том числе список первых 9 артиллеристов (1786 г.), списки чинов артиллерии, принимавших участие в боевых действиях во время Русско-шведской войны 1788–1791 гг., описание первого обмундирования гатчинских артиллеристов, фиксация доставки в Гатчину и Павловск новых орудий для великого князя. Таким образом, эта «Записка» является важнейшим документом для изучения истории артиллерии Гатчинских войск.

Теперь пришло время сказать несколько слов об авторе этого документа, каковым, как было сказано выше, несомненно является Иван Христианович Гессе.

Он родился в 1757 г. в Саксонии в семье обер-офицера. По достижении необходимого возраста поступил на службу в саксонскую артиллерию, в которой дослужился до чина сержанта. 9 марта 1788 г. принят тем же чином в Артиллерийскую команду Гатчинских войск и стал первым ее инструктором в вопросах стрельбы и строевой подготовки[13]. Как было сказано выше, Иван Христианович был сначала фельдфебелем Артиллерийской команды, а 13 сентября 1792 г. он стал подпоручиком, 25 июня 1793 г. – поручиком, в 1795 г. – капитан-лейтенантом, 26 октября 1796 г. – капитаном, командиром пешей роты своего имени Артиллерийского полка Гатчинских войск[14].

Кроме того, в начале 1790-х гг. И. Х. Гессе, в целях повышения быстроты стрельбы, занимался и усовершенствованием лафетов

Ил. 2. Конная артиллерия Гатчинских войск. Гинценберг. 1851 г. Литография. Раскрашена акварелью. 45,7 х 59 см. ВИМАИВиВС 1ИФ 18-1728-8

орудий Гатчинской артиллерийской команды, правда, весьма неудачно. «Сержант Гессе ощупью искал сообразнейшей системы с передками, работал неутомимо с своими мастеровыми, и гатчинский цейхгауз наполнялся целым рядом разных лафетов его предположений, на практике оказывавшихся один другого неудобнее», – писал В. Ф. Ратч[15].

По воцарении Павла I, 9 ноября 1796 г., И. Х. Гессе уже в чине подполковника был переведен в лейб-гвардии Артиллерийский батальон, а 15 ноября того же года назначен плац-майором (помощником коменданта) в Москву[16]. С Москвой оказалась связана вся его дальнейшая служба. Уже 15 мая 1797 г. он был назначен московским комендантом. 14 августа 1799 г. он стал генерал-майором, а 12 декабря 1809 г. – генерал-лейтенантом. За службу был награжден орденом Св. Анны I степени.

Скончался генерал-лейтенант Иван Христианович Гессе 9 мая 1816 г. и был похоронен на московском Иноверческом кладбище на Введенских горах.

Иван Христианович, хотя и слыл человеком чрезмерно мягким, любителем пунша и трубки, пользовался у москвичей

любовью и уважением, поскольку способствовал уменьшению преступности в городе и упорядочению комендантской службы[17].

Таким образом, Иван Христианович Гессе, как и многие его сослуживцы по Гатчинским войскам[18], оставил добрый след в истории русской армии.

В связи же с малой известностью «Записки» И. Х. Гессе и ее огромной значимостью для изучения истории артиллерии Гатчинских войск представляется необходимым ее публикация в качестве приложения к данной статье.

Приложение

Основание и формирование Артиллерийской команды Его Императорского Высочества Великого Князя и Наследника Всероссийского Престола, и проч., и проч. о должности, упражнении и перемене обмундирования оной, как и о учреждении Конной Артиллерии при Кирасирском полку.

Часть 1.[19]

Приключения 1786 года.

На Святой неделе оного года приняты из Морской Артиллерии, по воле Его Императорского Высочества, в Гренадерскую команду нижеследующие:

Унтер-офицер Петр Волосков.

Бомбардиры: Григорий Иванов, Петр Мокеевский, Михайло Дуванов, Григорий Поспелов, Иван Куликов, Ларион Терентьев, Иван Любимов, Петр Налимов.

Оные Артиллерийские служители получили квартиру в Павловске и состояли под командою Капитана Адама фон Штейнвера.

Амуницию получили следующую:

1. Зеленый кафтан с желтыми медными пуговицами, с черным воротником и обшлагами, подкладкою того же цвета, воротник с золотым прозументом [позументом. – *Е. Ю.*].

2. Белый суконный камзол.

3. Белые суконные штаны.

4. Черные суконные щиблеты [штиблеты. – *Е. Ю.*] с 24 пуговицами.

5. Шляпу с медною пуговицею, белою шерстяною обшивкою, кистьми и султанчиком, смешанного черного с желтым цветом и с белым бантиком.

6. Камлотовый красный галстук с белою холстяною обшивкою.
7. Тупоносые башмаки.
8. Белый суконный плащ.
9. Телячий шламзак с ремнями и пряжками.
10. Зеленую фуражную шапку с черною опушкою.
11. Кожаную портупею с медн[ою] пряжкою.
12. Гренадерский тесак.
13. Деревянную натруску с гербом и вензелем Ея Величества Государыни Елисаветы Петровны.

Примечание. Унтер-офицерские кафтаны были с плисовыми обшлагами и стамедною подкладкою. На рукавах же носили прозументы по чинам. – Шляпы обшиты золотым прозументом, в прочем все, как и у рядовых. – Сверх же сего носили еще перчатки с раструбами и натуральные трости с костяными набалдашниками. – Ческа их состояла из длинной косы и одной пукли [букли. – *Е. Ю.*]. – Должность их [артиллеристов. – *Е. Ю.*] состояла, по большей части, когда в Павловске еще не было порохового погреба, караулить отпущаемый из Адмиралтейств-Коллегии порох, делать картузы и патроны, наконец, ходили три человека артиллеристов в крепость Мариенталь на караул, которых на часы разводил Гренадерский Ефрейтор, к находившемуся в лесу пороховому магазейну, где также приготовляли под смотрением Артиллерийского Унтер-Офицера картузы и патроны. – Для Экзерциции употребляемы были находившиеся в крепости Мариентале медные и чугунные одно-, полу- и четвертьфунтовые пушки, коих всех было 14, которые также употребляли при маневрах пехоты.

Ежедневно делаемы были два сигнальных выстрела: первый, когда подавать кушанье на стол, второй, когда за оный садились. Оные выстрелы производил один Унтер-Офицер и два бомбардира, коим плачено из Конторы Унтер-Офицеру по 10-ти, а бомбардирам по 5 копеек.

В оном же году случилось, что медная пушка одного фунта, по имению в нижней части канала раковины, сама собою выпалила, при котором несчастии бомбардир Иван Любимов с правой руки потерял два пальца.

В Ноябре месяце определен в Морскую Артиллерию Сержантом служивший при Саксонской Артиллерии Унтер-Офицером Крестьян Гессе, который, по воле Его Императорского Высочества, принят в оную команду; и препоручено было его

[ему. – *Е. Ю.*] заведение Экзерциции оной, который в оном же еще году завел и ныне употребляемые натруски.

Примечание. Касающееся до удовольствования и обмундирования, оная команда была снабдена Командующим Гренадерскою командою, равным образом нужные к пушкам принадлежности были требованы из Адмиралтейств-Коллегии его рапортами, или сделаны на деньги Его Императорского Высочества, так что никогда Обер- или Унтер-Офицер оной команды что-нибудь под свои расписки требовали. Оное продолжалось, пока в 1792-м году в Сентябре месяце бывший при Артиллерийском и Инженерном Корпусе Адъютантом и Учителем математики и артиллерии господин Алексей Аракчеев принят Его Императорским Высочеством, и пожалован Главной Артиллерии Капитаном, которому уже одному препоручено удовольствование и обмундирование Артиллерийской роты.

Приключения 1787-го года.

Марта 8 числа умножилась оная команда следующими людьми:

Из Морской Артиллерии: Бомбардиры: Ларион Яковлев, Данило Егоров, Игнатий Карманов, Поликарп Прокопьев.

Из Главной Артиллерии: Сержант Александр Попов, Канониры: Никита Ипатов, Ефим Таланов.

Люди же из Главной Артиллерии пришли конвоем при шести новых 3-х фунтовых пушках и с надлежащими к их числу передками в Павловское, и приняты по воле Его Императорского Высочества и их желанию в оную команду.

Оные пушки вылиты в Сестербеке [Сестрорецке. – *Е. Ю.*] под ведением Главной Артиллерии Полковника Эйлера. – Они поставлены были перед Дворцом и от того времени всегда употреблялись при всех Экзерциях и маневрах пехоты, к коим употребляемы были, по неимению при Артиллерии лошадей, придворные лошади, к каждому передку по две и одному форейтору; орудии же возились на людях, но на дальних расстояниях на передках.

В оном году умер бомбардир Иван Любимов, и вместо его определен Морской Артиллерии бомбардир Денис Петров.

Примечание. В осенние месяцы, когда Его Императорское Высочество изволит шествовать в Гатчину, то и в оное ж время

туда командировалась Артиллерия, где она с двумя вновь формированными Гренадерскими ротами и Кирасирским полком маневрировала. При оных маневрах случилось, что Его Императорскому Высочеству угодно было при Кирасирском полку иметь несколько пушек Конной Артиллерии, и соизволил сержанту Крестьяну Гессе приказать тотчас сделать описание Экзерциции оной, по представлению ж оного Его Императорское Высочество изволил оказать свое удовольствие и приказал помянутому сержанту Гессе из Кирасирского полка дать Унтер-Офицеров и рядовых и тотчас начать ученье, и оные люди к совершенному удовольствию Его Императорского Высочества в две недели совсем были выучены. – Сия Конная Артиллерия состояла при Кирасирском полку до 1793 года, в котором оная уже совсем отдана под Команду и Инспекцию Господину Артиллерии Маиору Алексею Аракчееву. – Осенью также стреляли из 6-ти фунтовых пушек в мишень, дабы новая Конная Артиллерия получила некоторые практические понятия от оной.

Равным образом построил Сержант Гессе в стороне Мариенбурга, где должно было поставить мишень, земляной вал, дабы ядрами не учинить вреда.

Приключения 1788-го года.

В первых числах Марта отставлен от службы Сержант Петр Волосков и сделан, по воле Его Императорского Высочества, во флоте Комиссаром.

Марта 9-го числа определил Его Императорское Высочество в Морскую Артиллерию Сержантом служившего при Саксонской Артиллерии Унтер-Офицером Ивана Гессе и соизволил принять его в свою команду. – Равным образом, прибыл в оном же месяце из Морской Артиллерии Унтер-Офицер Василий Мозин, который в Мае произведен в Сержанты.

Примечание. Во время весны выравнивали и увеличивали Сержанты Крестьян и Иван Гессе учебное место в Павловском. Для оной работы ежедневно им даваемы были 60 человек из вновь сего года формированного баталиона, также на сем месте построен Артиллерийскими служителями на углу деревянный бруствер.

1 Июня выступили на переднюю сторону оного места в лагерь, где Артиллерия позади баталиона стояла.

27 Июня выступили из лагеря и маршировали на Каменный остров. Оного же числа принял Сержант Крестьян Гессе от Господина Полковника Эйлера следующие инструменты, которые сделаны на Сестербецком заводе: форм для литья пуль – 5, ножниц для обчищивания оных – 5, чушечек – 5, котел один. Оные инструменты и ныне находятся при команде.

Июня 28 и 29 чисел вылиты на Каменном острову пуль свинцовых 16.000, и к оным приготовлены патроны и отданы в Гренадерский баталион.

Июня 30-го отправился оный баталион водою, но Артиллерия 1-го Июля сухим путем чрез Сестербек в Выборг.

8-го числа прибыла Артиллерия с 4-ю для похода назначенными 3-х фунтовыми пушками в Выборг, но тотчас получила повеление отправиться на галерах в Фридрихсгам[20] и находиться пока при Главной Артиллерии, пять верст позади Выборга.

Примечание. Здесь оная команда упражнялась деланием военных припасов для баталиона; к пушкам ежедневно на караулы ходили Ефрейтор и трое рядовых; сверх же сего дежурный Унтер-Офицер днем и ночью осматривал оный [караул. – *Е. Ю.*] и рапортовал Сержанту Крестьяну Гессе, который уже делал сам рапорты Адъютанту Главной Артиллерии.

Августа 16 числа командированы были из оной команды с Гренадерским баталионом во флот к Адмиралу Грееху [С. К. Грейгу. – *Е. Ю.*] и разделены по кораблям таким образом: на 70-пушечной[21] корабль «Мстислав», которым командовал Капитан Григорий Молоской [капитан бригадирского ранга Григорий Иванович Муловский (1757–1789). – *Е. Ю.*], которого в сражении 1789 года убили, вместо которого вступил Капитан Отто Васильевич [Эссен. – *Е. Ю.*], командированы были следующие:

Унтер-Офицер Василий Мозин.

Бомбардиры Михайло Дуванов, Денис Петров, Данило Егоров, Игнатий Карманов, Петр Налимов, Иван Куликов, Ларион Яковлев, Григорий Поспелов.

Оные служители имели в 1788-м и 1789-м годах винтер-квартиру в Ревеле.

На 60-ти пушечном[22] корабле «Мечеславе» были:

Бомбардиры Поликарп Прокофьев, Ларион Терентьев.

Оным кораблем командовал Капитан Михайло Борисов[23] и имели в 1788-м году винтер-квартиру в Копенгагене.

Прочие Артиллерийские служители пошли обратно в Павловское следующим образом: Сержант Крестьян Гессе сухим путем с разными транспортами Гренадерской команды и с их экипажем [экипировкой, т. е. снаряжением. – *Е. Ю.*]. Сержант Иван Гессе с Сержантом Поповым водою на галере, и при них Бомбардиры: Григорий Иванов, Петр Мокеевский; канонеры Никита Ипатов, Ефим Таланов, несколько Подпрапорщиков, барабанщиков, флей[т]щиков и музыкантов, также 4 трех фунтовые пушки, несколько знамен, ружей, сум и палаток из баталиона; и прибыли 8 числа Сентября в Павловское. Во время Шведской войны ходили Артиллерийские Унтер-Офицеры на ординарцы к Его Императорскому Высочеству, а рядовые ходили по 3 человека чрез трое суток на караул в Мариенталь, и стояли на часах у порохового погреба.

Приключения 1789 года.

Февраля 20 уволил Его Императорское Высочество Сержанта Крестьяна Гессе в Гатчину и препоручил ему смотрение над пильною мельницею; от него же принял команду Сержант Иван Гессе.

В Сентябре месяце прибыли в Павловское в команду бывшие на корабле «Мечеслав» Бомбардиры: Поликарп Прокофьев и Родион[24] Терентьев.

Приключения 1790 года.

В Августе месяце прибыли с корабля «Мстислав» обратно в Павловское:

Сержант Василий Мозин.

Бомбардиры: Денис Петров, Михайло Дуванов, Данило Егоров, Игнатий Карманов, Петр Налимов, Иван Куликов, Ларион Яковлев, Григорий Поспелов.

Примечание. Такоже баталион прибыл обратно и был формирован до 1000 человек, когда же опять приказано было оный снабдить боевыми патронами, и у присланных с Сестербека форм калибры были велики, то Сержант Иван Гессе сделал пару новых форм, кои и ныне при команде находятся.

Приключения 1791 года.

В Марте месяце умер Бомбардир Иван Куликов, и вместо его вступил в Мае Бомбардиром бывший при 5-м Егерском Дивизионе Капралом Куприян Новенков.

Июня 29-го в день тезоименитства Его Императорского Высочества, сожег Сержант Иван Гессе маленький фейерверк в Павловске.

Приключения 1792 года.

Апреля 28-го приняты в Морскую Артиллерию Сержантами из Артиллерийского Корпуса [Артиллерийского и Инженерного Шляхетного Кадетского Корпуса. – *Е. Ю.*] фузелерной роты Унтер-Офицеры Павел и Карл Грини [Грины. – *Е. Ю.*] приняты в оную команду.

Апреля 30-го числа вышел приказ, чтобы Артиллерийские Унтер-Офицеры и рядовые впредь не носили бы на шляпе бантиков, также отменены султанчики и употреблялись красные [кисти на шляпах. – *Е. Ю.*].

Июля 1-го купил Маиор Костылев 12 лошадей для Артиллерии, но только для Экзерциции употреблялись, фураж же получали от помянутого Маиора.

Июля 14 прибыли в команду:

Фурлейты: Лаврентий Захаров, Захар Вилисов, Фрол Полежаев, Дмитрий Захаров, Григорий Герасимов, Лукьян Един.

Оные приняты из Московского Гренадерского полка с 6-ю новыми медными пушками с надлежащим числом принадлежностей.

Июля 16 приняты из Главной Артиллерии:

Унтер-Офицер Афанасий Гретнин.

Бомбардиры: Филипп Морев, Иван Лосев, Михайло Трифонов, Степан Киреев, Иван Попов, Михайло Шапошников.

Июля 19-го получил Капитан-Лейтенант Каннабих по воле Его Императорского Высочества Артиллерийскую команду.

Июля 30-го соизволил Его Императорское Высочество приказать, чтобы всегда при разводе была одна пушка.

Августа 4 во время маневров Сержанта Попова пушка сама выпалила, по имению в канале раковин, при которой Бомбардир Григорий Иванов потерял два пальца.

Оного же числа определен бывший во флигель-роте Капитана фон Штейнвера Унтер-Офицер Петр Осипов Бомбардиром. Равным образом определился кают-юнга Захар Головин барабанщиком.

9 числа прибыл из Главной Артиллерии Бомбардир Фадей Киреев.

11 ч[исла] определился служивший при галерном флоте поручик фон Роланд.

12 [числа] Его Императорское Высочество соизволил переименовать оную команду в настоящую роту, и при оной состояли Капитан-Лейтенант Каннабих и Поручик фон Роланд, Фельдфебелем Сержант Иван Гессе.

30 Августа прибыли в роту из Морской Артиллерии: Дорофей Краснобаев, Степан Синицын, Алексей Тимерман, Прокофий Афанасьев, Иван Пигарс, Андрей Филиппов, Трофим Сидоров, Яков Хорин, Леонтий Кубынин, Алексей Семенов, Афанасий Афанасьев, Иван Степанов, Григорий Лялин, Иван Матвеев, Никифор Петров, Аника Куликин, Савелий Панкратьев, Федор Рослин, Иван Николаев, Иван Архипов, Герасим Волков, Ефим Кириллов, Терентий Гулаков, Федор Малыгин, Ефим Логинов, Андрей Андреев, Нефед Савельев, Василий Ветин.

Равным образом прибыли в роту из Московского Гренадерского полка Иван Мехмеранов, Максим Михайлов, Михайло Данилов, Петр Якимов, Дмитрий Осипов, Алексей Банков.

В оное ж время прибыли из Главной Артиллерии:

Фурлейты: Аркадий Гайдуков, Степан Скорняков, Никифор Алексеев, Федор Рябцов.

Сентября 2 числа выступила рота в Гатчину и прибыла тог ж числа. Орудии поставила на Коннетабле [у обелиска Коннетабль. – *Е. Ю.*], а квартиры свои получила на Пильной мельнице в Слободе. Караул же имела Ефрейтора и 3 рядовых, в новом доме, содержала пост у порохового погреба.

4-го числа Его Императорское Высочество соизволил приказать принять Артиллерийскую роту Главной Артиллерии Генерал-Поручика и Кавалера Петра Ивановича Мелиссино. Старшему его Адъютанту и Кадетского Артиллерийского Корпуса Математики и Артиллерии Учителю Алексею Аракчееву, который того же числа после обеда оную от Господина Капитан-Поручика Каннабиха на Пильной мельнице и принял.

Подлинное за подписанием Поручика Сиверса.

Основание и формирование Артиллерийской команды Его Императорского Высочества Великого Князя и Наследника Всероссийского Престола, и проч., и проч. о должности, упражнении и перемене обмундирования оной, как и о учреждении Конной Артиллерии при Кирасирском полку.

Часть 2[25].

По принятии Адъютантом Аракчеевым роты происходили частные ученья при орудиях, как без пальбы, так и с пальбою, и за бывшее ученье 17-го Сентября одни Артиллерийские Господа Офицеры приглашены были того ж числа к обеденному столу Его Императорского Высочества.

Сентябрь.

14. – Приказано Его Императорским Высочеством, чтобы Господин Адъютант Аракчеев требовал и получал все артиллерийские вещи, как то: порох, армяк, фитиль и проч. из Главной Артиллерийской Канцелярии, о чем он, Аракчеев, и писал к Артиллерии Генерал-Поручику и Кавалеру Мелиссино, яко старшему в оной Канцелярии, и с оного уже времени все оные вещи получаемы были по его требованиям из оной Канцелярии.

Его Императорское Высочество изволил произвесть Фельдфебеля Ивана Гессе в Констапели, которой и причислен при оной же роте, а вместо его определен Фельдфебелем Сержант Александр Попов.

22. – Прибыло из Главной Артиллерии Канонирскаго полка Канонир 5 челов[ек], которые в роту и причислены.

24. – Господин Адъютант Алексей Аракчеев произведен Его Императорским Высочеством в Артиллерии Капитаны, в чин Армейского Премьер-Маиора, которому и препоручено было обмундирование людей и все прочие требования, касающиеся по Артиллерийской команде, требуя уже оные им самим прямо из Адмиралтейской Коллегии – и с оного же числа позволено ему Его Императорским Высочеством быть всегда за его столом.

25. – Прибыло из Главной Артиллерии Бомбардирского полка 5 челов[ек] Бомбардир[ов], которые и причислены в роту.

29. – Приказано при пароле, что в тот день, в которой быть баталионному ученью, то для сигнала выстрелено будет по утру из 18 фунтовой пушки, стоящей перед Дворцом, три выстрела; почему для оного и командировались всегда в оные дни один Унтер-Офицер с 4-мя рядовыми, которые в 6 часов утра

и находились уже при оной пушке, а Артиллерии Капитан Аракчеев был во Дворце и дожидался повеления Его Высочества о сигнальных выстрелах, и оный порядок продолжался во всю оную осень; заряд же пороху в пушку полагаем был по 9 фунтов мушкетного.

30. – Прибыло из Главной Артиллерии Канонирского полка Канонир 5 челов[ек], которые и причислены в роту.

Октябрь.

Артиллерия имела уже свой особливый караул, состоящий из Унтер-Офицера и 7 рядовых, имея фрунт у круглого рея[26], на большой дороге, а другой пост при пороховом погребе.

11. – Получены из Главной Артиллерии 15 понтонов со всею их принадлежностию, которые привезены были в Гатчино Господ[ином] Штык-Юнкером Флисом с командою, состоящею из 1 капрала и 25 человек понтонеров, которые и привезены были на Пильную мельницу, а Его Императорское Высочество после разводу изволил приезжать верхом их смотреть и приказал, чтобы из них навести на находящейся здесь речке мост, который и был наведен к трем часам пополудни, куда изволил прибыть Его Императорское Высочество со всею Свитою и изволил осматривать оный мост и объявил свою благодарность, и при Его присутствии перевезена была через мост шести фунтовая пушка с полною ее упряжкою.

12. – Был маневр: переправа чрез понтонный мост и оного же числа выключен по приказанию Его Императорского Высочества и по собственному желанию Сержант Карл Грин в Драгунский Эскадрон.

13. – Штык-Юнкер Флис отпущен был обратно с его командою в С.-Петербург, а понтоны оставлены были в Гатчине при Артиллерийской роте, и при них Капрал Студицкой и понтонеров 10 человек, которые после, в 1793-м году, и выключены из Главной Артиллерии в Артиллерийскую роту.

Понтонный мост остался на воде по 19 Октября, которого числа и был снят под смотрением Констапеля Гессе, разобран и положен в магазею.

15. – Был сожжен перед Дворцом фейерверк, присланный от Артиллерии Генерал-Поручика и Кавалера Мелиссино с Артиллерии Капитаном Маковеевым и Артиллерии

Подпоручиком Федором Бухмеером, которые и получили от Его Императорского Высочества по золотым часам, а находящиеся с ними рядовые по рублю, а Господ[ин] Маковеев приглашен был к вечернему столу Его Императорского Высочества.

После фейерверка же была зажжена иллюминация на обеих галереях Дворца, которая делана была при Артиллерийской роте под смотрением Господ[ина] Артиллерии Капитана Аракчеева.

19. – Прибыло из Морской Артиллерии Капралов 2: Нехорошкин и Десяткин.

20. – Получен в первый раз из Главной Артиллерии порох и прочие вещи по требованию Артиллерии Капитана Алексея Аракчеева.

21. – Приказано при пароле, чтоб при Артиллерийском карауле всегда парадировал Офицер, у которого бить збор особо своим барабанщикам, и формировать Артиллерийской караул особо, исправляя должность при развод за Маиора Капитану-Поручику Каннабиху, почему 22-го числа парадировал в первый раз при Артиллерийском карауле Господин Констапель Гессе.

Оного же числа произведен Канонир Ефим Таланов в Капралы в оную же роту, первый по представлению Артиллерийского Начальника Господина Артиллерии Капитана Аракчеева, и с оного же числа при разводе, во время баталионного развода, Артиллерийской всегда обучался особо, при пушках.

22. – Прибыло из Морской Артиллерии Сержант Вылегжанинов и Бомбардиров 1.

27. – Получены с Квартирмейстером Апрелевым присланные от Артиллерии Генерал-Поручика и Кавалера Мелиссино вылитые при С.-Петербургском Арсенале под его смотрением четыре шестифунтовые батальонные пушки, со всею к ним принадлежностию, которые Его Императорское Высочество изволил смотреть в манеже, а потом приказал было оные поставить во Дворце в сенях у парадной лестницы, где они и стояли всю оную осень. Квартермистру же Апрелеву пожалованы Его Императорским Высочеством золотые часы.

28. – После обеда было ученье Артиллерийской роте из новых пушек с ядрами в мишень; пушки же стояли на землю без платформ, при котором был и Его Императорское Высочество Великий Князь и с Ея Императорским Высочеством Великою Княгинею и со всею Свитою.

Ноябрь.

12. – Было ученье баталионное с порохом, при котором находилась Артиллерийская рота с 4-ю новыми орудиями, с пальбой.

В оном же месяце причислен в Артиллерийскую команду из Главной Артиллерии из фурштата Унтер-Офицер Пономарев, который и имел уже смотрение как за конюшней, так и за всеми фурлейтами; но по худому его поведению был Господином Артиллерии Капитаном Аракчеевым отослан обратно в 1793-м году в Генваре месяце в старую его команду, а на место его получен Унтер-Офицер Семенов, который и причислен в Артиллерийскую команду.

19. – Артиллерийская рота выступила в 9 часов утра из Гатчины на Каменный остров чрез Павловское, имея при себе две шести фунтовые пушки, с которыми того же числа пополудни в 5 часов в Павловское, где и оставила оные пушки.

20. – Выступила в 8 часов из Павловска и прибыла в 6 часов вечера в город, и Его Императорское Высочество изволил смотреть, стоя у Арсенала, а в 8-м часу прибыла на Каменный остров и получила квартиры в Новой Деревне, принадлежащей Господину Собакину, для приема которых командирован был с 19 на 20 число ночью из Павловска Капитан-Поручик Каннабих, Артиллерийские же лошади поставлены были на зелененных пороховых заводах.

Караул Артиллерийская рота содержала на Каменном острову, при Главном карауле одного Ефрейтора и 3 челов[ек] рядовых, имея пост у пушек, в Новой же Деревне имела особливый свой караул: Унтер-Офицера 1-го, барабанщика и 9 чел[овек] рядовых, имея посты у фрунта, который был в середине деревни и на обеих концах оной; развод же делаем был на Каменном острову вместе с баталионным, к которому ежедневно изволил приезжать Его Высочество.

В Ноябре месяце прибыли из Морской Артиллерии Сержанты Плеханов, Шульгин, Капралы Пустозеров, Козлов, Бомбардир[ов] и Канонер[ов] 28 челов[ек], из Артиллерийского Кадетского Корпуса мастеровые: токарь 1, столяр 1, итого всех чинов 34 человека, которые все и причислены в роту.

Декабрь.

В сем м[еся]це 9-го числа причислены в роту по воле Его Высочества из Артиллерийского Кадетского Корпуса

из Сержантов в Поручики Петр Капцевич, из Фурьеров в Подпоручики Николай Котлубицкой, которому и приказано при Артиллерийской команде быть Адъютантом.

В оном же месяце 10 числа получены в Артиллерийскую команду из С.-Петербургского Арсенала вылитые там, под смотрением Артиллерии Господина Генерал-Поручика и Кавалера Мелиссино, четыре орудия, а именно: две 12-ти фунтовые и две 6-ти фунтовые батарейные пушки со всею к ним принадлежностию, которые поставлены были на Каменном острову в манеже, при коих и обучался Артиллерийский развод ежедневно.

В оном же месяц 25 числа отставлен от службы Его Императорским Высочеством по собственному желанию поручик Роланд тем же чином.

В оном Декабре месяце прибыло из Морской Артиллерии Капрал Плешков, Бомбардиров и Канониров 38 из 1-го флотского батальона, из музыкантов в Сержанты Андрей Иванов, из Артиллерийского Кадетского Корпуса мастеровые: паяльщик 1, седельник 1, флей[т]щиков 2, которые причислены в роту в барабанщики; из С.-Петербургского Арсенала мастеровые: плотник 1, слесарь 1, кузнец 1, итого всех чинов 47 челов[ек], которые и причислены все в роту.

Происшествия 1793 года.

Генварь.

В оном м[еся]це 17 числа произведены Его Императорским Высочеством из Фельдфебелей в Подпоручики Александр Попов и отослан в Морскую Артиллерию, а вместо его определен Фельдфебелем Сержант Федор Шульгин; из Сержантов в Подпоручики Павел Грин, который и причислен в Артиллерийскую команду.

В оном же месяце Артиллерийские лошади переведены из заводов в Новую Деревню и поставлены на дворе у Господина Собакина, и, по примеченному беспорядку Господином Артиллерии Капитаном Аракчеевым за фурлейтским Унтер-Офицером, посылаем был на конюшню из роты ежедневно 1 Унтер-Офицер на дежурство, который принимал и раздавал суточный фураж.

В оном же месяце 15 числа Капитан-Поручик Каннабих произведен Его Императорским Высочеством в Капитаны и

переведен из Флота в Главную Артиллерию в Квартермистры и оставлен при оной же роте.

В оном же месяце Его Императорское Высочество изволил приказать, чтобы Г[осподин] Артиллерии Капитан Аракчеев именовался Маиором и был бы по Артиллерийской команде яко Главный Начальник, а Квартермистра Каннабиха именовать Капитаном и исправлять должность Маиора по Артиллерийской части, а Констапеля Гессе именовать Подпоручиком.

Оного же месяца получила Артиллерийская команда два раза отданное при пароле, 21 и 24 чисел, благоволение Его Императорского Высочества, за усмотренную Его Высочеством по оной части исправность и порядок.

В оном же месяце, для лучшего порядка и смотрения, вся Артиллерийская команда разделена была Маиором Аракчеевым на 4 отделения, из которых первым командовал Маиор Аракчеев, имея еще Адъютанта Котлубицкого, вторым Поручик Капцевич, третьим Подпоручик Гессе, а четвертым Капитан Канабих, имея Подпоручика Гриня [Грина. – *Е. Ю.*]. Сии отделения назывались по фамилиям Командиров, наприм[ер]: Первое Отделение Маиора Аракчеева.

Фурлейты же, понтонеры и мастеровые соединены в одну, пятую часть, которая и названа фурштатом, и препоручена в смотрение Адъютанту Котлубицкому.

В оном же месяце прибыли из Морской Артиллерии Сержанты Мантуров и Петр Козьмин, Бомбардиров и Канониров 33. Гребного флота из Артиллерийских баталионов Сержанты Михайло Попов, Федот Иванов, Бомбардиров 3. С С.-Петербургских пороховых заводов Унтер-Фурмейстер Дуденков, итого всех чинов 41 человек, которые и причислены все в роту.

Убыло: отосланные по примеченной в них к службе неспособности для определения обратно в Морскую Артиллерию Капрал Плешков, Бомбардиров 12, итого 13 человек.

Полевая Артиллерия, состоящая из двух рот.

Гарнизон одной роты Гатчина, а другой Павловск.

Мундир: Офицеры и солдаты воротников на мундирах не имеют, а обшлага такого же цвета, как и мундиры, с красною оторочкою; рядовые и барабанщики имеют красные погоны; Офицеры имеют все на камзолах широкий золотой позумент, а на шляпах

золотой узинькой позумент, и притом камзолы и штаны как у Офицеров, так и у рядовых палевого цвета. Бомбардиры имеют на обшлагах золотой позумент, а Унтер-Офицеры сверх оного еще из золотого позумента змейки.

У рядовых находится вместо сумы круглая лядунка, а на перевязи две на цепочках протравки.

Начало происхождения. 1786 года в Апреле месяце взяты из Морской Артиллерии 1 Унтер-Офицер и 8 Бомбардиров в Павловское, и причислены к бывшей пехотной команде Капитана Штейнвера, а в Ноябре месяце оного же года принят был из Саксонской службы один Унтер-Офицер, а в 1787 году в Марте месяце приняты еще из Морской Артиллерии 4 бомбардира. Из Главной Артиллерии 1 Унтер-Офицер и два Канонира, с которыми и привезены из Сестербека 6 новые 3-х фунтовые пушки со всею принадлежностию, которые литые в Сестербецких заводах, которые уж и употреблялись всегда при пехотных маневрах, получая от Придворной Конюшенной Конторы лошадей. В 1788 году в Марте месяце приняты еще два Унтер-Офицера, один из Саксонской службы, а другой из Морской Артиллерии. В 1792-м году в Июле месяце получены из Кирасирского полка 12 лошадей, которые и состояли уже в Артиллерии, и 6 челов[ек] Фурлейтов, и из Главной Артиллерии 1 Унтер-Офицер и 6 челов[ек] Бомбардиров, и в Июле месяце оная команда отдана уже в командование Капитан-Лейтенанта Каннабиха. Спустя несколько времени, в оном же месяце, принят из Галерного флота Поручик 1, и названа уже оная команда Артиллерийскою ротою. В Августе месяце увеличена оная рота присланными из Морской Артиллерии 28 и из Московского Гренадерского полка 6-ю человеками. В Сентябре месяце получил оную роту взятый из Главной Артиллерии Артиллерист Капитан Аракчеев. В Декабре месяце увеличилась оная рота разными чинами 47-ю человеками. В 1793 году в Генваре месяце определены из Артиллерийского Инженерного Кадетского Корпуса 4 человека Офицеров и из разных мест разными чинами 28 человек. В Феврале месяце отставлено из оной роты от службы Сержант 1 и Бомбардиров 8 человек. В Марте месяце поступили в оную роту из Главной Артиллерии вылитые при С.-Петербургском Артиллерийском Арсенале пушки 12-ти фунтовые легкой препорции две, 6-ти фунтовые легкой препорции четыре,

и немного потяжелее две, со всею к ним принадлежностию, которые уже и употреблялись завсегда при пехотных маневрах и при Артиллерийской роте во время ученьев. В Апреле месяце увеличилась оная Артиллерийская команда присланными из Главной Артиллерии 11-ю человек[ами], в Июне месяце поступили еще в Артиллерийскую роту из Главной Артиллерии 11 человек, а в Июле м[еся]це поступили из оной же Артиллерии музыкантов 8 человек, которые находятся и поныне в Артиллерии; и в сем же месяце поступил из пехоты 1 Офицер в фурштат. В Августе месяце получена в оную же роту из Главной Артиллерии двух пудовая медная мортира со всею к ней принадлежностию, которая уже и употреблялась завсегда при Артиллерийских на батарее маневрах, а в Октябре месяце из оной роты отослано во Флот Унтер-Офицеров 2, рядовых 48 человек. В Декабре месяце отставлено от службы Унтер-Офицеров 2, рядовых 9 человек.

---

[1] Выражаю искреннюю благодарность сотруднику Российского государственного военно-исторического архива К. В. Татарникову за предоставление копий этого документа.

[2] ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 304.

[3] ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 280. Л. 57–65, об.

[4] Сведения о Гатчинских войсках. СПб., 1835.

[5] Ратч В. Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. СПб., 1851.

[6] Юркевич Е. И. Артиллерия Гатчинских войск Великого Князя Павла Петровича (1783–1796) и ее влияние на развитие русской полевой артиллерии конца XVIII – 1-й четверти XIX веков: Автореферат... кандидата исторических наук. СПб., 2003. С. 9.

[7] Татарников К. В. Павловская команда 1782–1796: История, униформа и снаряжение Гатчинских войск/ С. 3 / Tatarnikov_08.pdf // www.reenactor.ru.

[8] Там же.

[9] ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 304. Л. 9.

[10] Ратч В. Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 106–107.

[11] Хохлов И. В. «Русский новгородский дворянин» граф Алексей Андреевич Аракчеев // Русский новгородский дворянин: К 250-летию со дня рождения графа А. А. Аракчеева / Авт.-сост. И. В. Хохлов. Великий Новгород, 2019 (НГОМЗ). С. 14–20.

[12] Ратч В. Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 27.

[13] Ратч В. Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 20; Русский биографический словарь. Т. 5: Герберский–Гогенлоэ. М., 1916. С. 144.

[14] Ратч В. Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 44; Русский биографический словарь. Т. 5: Герберский–Гогенлоэ. С. 144.

[15] Ратч В. Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. I: По 1798 год. СПб., 1864. С. 82.
[16] Потоцкий П. П. История Гвардейской артиллерии. СПб., 1896. С. 31.
[17] Русский биографический словарь. Т. 5: Герберский–Гогенлоэ. С. 144.
[18] См. Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.; СПб., 2007. С. 35–47.
[19] ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 304. Л. 1–10.
[20] До 1918 г. – название г. Хамина, Финляндия.
[21] Артиллерийское вооружение «Мстислава» состояло из 74 пушек.
[22] Артиллерийское вооружение «Мечеслава» состояло из 66 пушек.
[23] Капитан 2-го ранга, впоследствии (1799) контр-адмирал Михаил Иванович Борисов (? – 1801).
[24] Так в документе. Правильно: Ларион.
[25] ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 280. Л. 57–65, об.
[26] Вероятно, имеется в виду круглая рига, до сих пор сохранившаяся в Гатчине.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белоусов Дмитрий Николаевич – Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва (Санкт-Петербург), адъюнкт.

Данилевская Варвара Андреевна – Фонд сохранения исторической памяти «Международный центр Северных конвоев» (Санкт-Петербург), помощник директора.

Литуев Виктор Николаевич – ПАО «Ксеньевский прииск» (Москва), заместитель генерального директора, доктор экономических наук, кандидат исторических наук.

Лопатин Сергей Викторович – Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), доцент, кандидат педагогических наук.

Наумов Владимир Валентинович — Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва (Санкт-Петербург), доктор военных наук, профессор.

Низовский Андрей Юрьевич – историк-исследователь (Москва), член Союза писателей РФ, член Союза журналистов РФ.

Оболонская Эдита Владимировна – Санкт-Петербургский горный университет, Горный музей, хранитель музейных предметов 1-й категории.

Оводков Никита Алексеевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник (хранитель фонда).

Орлов Алексей Викторович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Оточкин Вячеслав Валентинович – Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), доцент, кандидат исторических наук.

Панков Роман Николаевич – Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, аспирант.

Пасхин Сергей Михайлович – Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва (Санкт-Петербург), старший преподаватель, кандидат военных наук, доцент.

Пашута Валерий Лукич – Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Петров Федор Александрович – Государственный Исторический музей (Москва), главный научный сотрудник.

Петрова Елена Петровна – Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Владимир), хранитель музейных предметов 1-й категории.

Пинк Игорь Борисович – Тульский государственный музей оружия, заместитель директора, кандидат исторических наук.

Пономарёв Николай Вениаминович – ВИ (ВМ) ВУНЦ ВМФ «ВМА» (Санкт-Петербург), заместитель начальника по тылу, полковник.

Порошин Алексей Алексеевич – Саратовский медицинский университет РЕАВИЗ, доцент, кандидат педагогических наук.

Поярков Алексей Александрович – Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), доцент, кандидат педагогических наук.

Приходько Михаил Анатольевич – Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, доцент, кандидат юридических наук.

Прямицын Владимир Николаевич – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), начальник отдела, советник РАРАН, доктор исторических наук.

Родин Антон Альбертович – коллекционер, исследователь, реконструктор (Брянск).

Родионов Евгений Александрович – Государственный музей-заповедник «Гатчина», старший научный сотрудник, хранитель фонда.

Сабуров Леонид Давыдович – Центральный музей Вооруженных Сил РФ МО РФ (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторический наук.

Савченко Сергей Николаевич – Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Сергиевский Илья Александрович – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, майор.

Сиваков Тимофей Валентинович – Государственный архив Хабаровского края, специалист, краевед.

Смирнова Анастасия Александровна – Военно-медицинский музей МО РФ (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Соломонов Владимир Петрович – Фонд сохранения исторической памяти «Международный центр Северных конвоев» (Санкт-Петербург), директор.

Сотников Евгений Аркадьевич – Военный учебный центр при ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», начальник.

Суслина Ольга Николаевна – Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник (Владимир), старший научный сотрудник.

Тимофеева Римма Александровна – Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, кандидат искусствоведения, доцент.

Толстых Алексей Владимирович – Галерея «Оригами-Токэн» (Москва), эксперт в области японского оружейного искусства.

Тюменцев Игорь Олегович – Волгоградский ОНПЦ по охране памятников, главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор.

Фалалеева Марина Валентиновна – Государственный Исторический музей (Москва), старший научный сотрудник.

Хохлов Владимир Сергеевич – НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), старший научный сотрудник, советник РАРАН, кандидат исторических наук.

Цапина Татьяна Александровна – Государственный исторический музей (Москва), научный сотрудник.

Целорунго Дмитрий Георгиевич – Музей-заповедник «Бородинское поле» (Московская обл.), заведующий отделом, кандидат исторических наук.

Черенцова Ксения Владимировна – АО «Конструкторское бюро "Арсенал" им. М. В. Фрунзе» (Санкт-Петербург), главный специалист Службы интеллектуальной собственности АО «КБ "Арсенал"», кандидат исторических наук.

Чубинский Александр Николаевич – Музеи Московского Кремля, старший научный сотрудник.

Чумак Руслан Николаевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, начальник отдела, кандидат технических наук.

Шагов Андрей Евгеньевич – НИИ Военной истории Военной академии Генерального штаба МО РФ (Москва), начальник управления, член-корреспондент РАЕН, кандидат исторических наук, доцент.

Шевяков Тимофей Николаевич – ООО «Джи Ар Консалтинг» (Москва), генеральный директор, кандидат исторических наук.

Шестаков Алексей Вячеславович – Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, старший научный сотрудник.

Шигин Виталий Анатольевич – Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва (Санкт-Петербург), адъюнкт.

Шмелев Кирилл Владимирович – Санкт-Петербургский государственный университет, Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева, научный сотрудник.

Эльц Елена Эдуардовна – Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, кандидат исторических наук.

Юркевич Евгений Иванович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Наумов В. В., Шигин В. А., Белоусов Д. Н. (Санкт-Петербург). Особенности управления тылом во втором периоде Великой Отечественной войны 3

Низовский А. Ю. (Москва). Об авторстве и обстоятельствах создания памятника батарейной № 1 и легкой № 1 ротам Гвардейской артиллерийской бригады на Бородинском поле..... 15

Оболонская Э. В. (Санкт-Петербург). Производство в России ручного стрелкового оружия в XIX в. На примере образцов Горного музея Санкт-Петербургского горного университета..... 32

Оводков Н. А. (Санкт-Петербург). Magazin von Malkoff-Paskin: иностранные патенты на русские винтовки первой половины 80-х годов XIX в. 42

Орлов А. В. (Санкт-Петербург). От заграничных заказов к мобилизации промышленности. ГАУ и военная индустрия 1914–1915 гг. 59

Оточкин В. В., Пашута В. Л., Поярков А. А., Лопатин С. В. (Санкт-Петербург). Военный институт физической культуры в фотографиях, архивных документах и экспонатах ВИМАИВмВС 89

Панков Р. Н. (Ульяновск). Подшефная работа Ульяновского областного комитета ВЛКСМ как форма военно-патриотического воспитания молодежи (конец 1970-х – 1980-е гг.) 99

Пасхин С. М. (Санкт-Петербург). Организация управления и связи в тылу фронта Красной армии во втором периоде Великой Отечественной войны 105

Петров Ф. А., Фалалеева М. В. (Москва). Дневник лейтенанта флота Леонтия Федотовича Львова, участника Балтийского театра военных действий Крымской войны 1853–1856 гг. 115

Петрова Е. П. (Владимир). Украшенные кремневые пистолеты XVIII в. в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника 127

Пинк И. Б. (Тула). Казнозарядные неавтоматические пистолеты в собрании Тульского государственного музея оружия 135

Пономарёв Н. В. (Санкт-Петербург). Боевое применение иностранных броневых автомобильных частей в составе Русской армии в ходе Первой мировой войны 151

Порошин А. А. (Саратов). Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич (младший): мифы и реальность 160

Приходько М. А. (Москва). Первичная структурная организация Министерства военных сухопутных сил Российской империи 174

Прямицын В. Н. (Москва). Советские военные автомобильные инспекции в Афганистане 1979–1989 гг. 178

Родин А. А. (Брянск). Шашка в ножнах с галунами. 188

Родионов Е. А. (Санкт-Петербург). О прицельных линзах на штуцерах XVII–XVIII вв. 197

Сабуров Л. Д. (Москва). Военные реформы Петра I 212

Савченко С. Н., Сиваков Т. В. (Хабаровск). Участие Уссурийской конной бригады в рейде по тылам германских войск в составе сводной кавалерийской дивизии под командованием генерал-майора А.М. Крымова 5-й русской армии Северо-Западного фронта 5 (18) – 6 (19) июня 1915 г. 228

Сергиевский И. А. (Москва). Создание временных приемных оружейных комиссий в России в период Милютинских реформ 242

Смирнова А. А. (Санкт-Петербург). Использование таблеток Петрова в противошоковой терапии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Военно-медицинского музея) 251

Соломонов В. П., Эльц Е. Э., Данилевская В. А. (Санкт-Петербург). Опыт международного сотрудничества в сохранении памяти о Северных конвоях и приобщении к историческому наследию новых поколений 262

Сотников Е. А. (г. Уфа). ВладимирЯковлевич Климов и его двигатели 271

Суслина О. Н. (Владимир). Генерал Н. Г. Столетов в дневниках и воспоминаниях 283

Тимофеева Р. А. (Санкт-Петербург).
О военно-инженерных разработках В. Н. Свяцкого 1900–1918 гг.: защитное вооружение ... 296

Толстых А. В. (Москва). Японские кузнецы-оружейники Сакакура-Сэки Масатоси ... 307

Тюменцев И. О. (Волгоград). Строительство Волго-Донского канала при Петре Великом и создание Царицынской линии ... 317

Хохлов В. С. (Москва). Организация связи группировок советских войск в вооруженных конфликтах второй половины XX в. ... 327

Цапина Т. А. (Москва). Новые источники о битве под Салтами в собрании ОПИ ГИМ ... 337

Целорунго Д. Г., Литуев В. Н.
(Музей-заповедник «Бородинское поле», Московская обл.).
Воспоминания участника Бородинского сражения унтер-офицера Тихонова как исторический источник ... 355

Черенцова К. В. (Санкт-Петербург). Научно-техническая и производственная деятельность чинов Санкт-Петербургского арсенала: опыты, исследования, результаты. По страницам «Артиллерийского журнала» (XIX–нач. XX вв.) ... 369

Чубинский А. Н. (Москва). О строевых фузеях Петровского времени. К постановке вопроса ... 381

Чубинский А. Н. (Москва). К вопросу об артибуции так называемых «гартмановских» и «амстердамских» фузей из российских музеев ... 405

Чумак Р. Н. (Санкт-Петербург). Об офицерском кортике с клинком, изготовленным из бракованных штыков к 3-лин винтовке Мосина обр. 1891 г. ... 428

Чумак Р. Н. (Санкт-Петербург). Модель германской 240-мм пушки особой мощности «24 cm Kanone 3» в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи ... 435

Чумак Р. Н. (Санкт-Петербург).
Авиационный тренировочный фотопулемет Thornton-Pickard модели «Hythe Mk III Gan Camera» в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи ... 446

Шагов А. Е. (Москва). Информационные войны коллективного Запада как угроза национальной безопасности России ... 454

Шевяков Т. Н. (Москва). Особенности переделки знамен и штандартов русской армии в 1917 г. ... 469

Шестаков А. В. (Хабаровск). Жалованный кортик из фондов Хабаровского краевого музея 479
Шмелев К. В. (Санкт-Петербург). Русско-шведская граница 1721/1722 гг. в памятниках археологии 487
Юркевич Е. И. (Санкт-Петербург). К вопросу об авторстве записки «Основание и формирование Артиллерийской команды Его Императорского Высочества...» 506
Сведения об авторах 528

УДК 351.852.1 + 355.48
ББК 79.1 + 68 + 63
В 65

В 65 **Война и оружие. Новые исследования и материалы:** труды Одиннадцатой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–19 мая 2023 г. / Под ред. С. В. Ефимова: в 4 частях. – Ч. 3. – СПб.: ВИМАИВиВС, СПбГУПТД, 2023. – 536 с.

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Одиннадцатой Международной
научно-практической конференции

В четырёх частях

Часть 3

Редакторы *Т. Н. Юдина, Н. В. Медведев*
Художник *Н. Ю. Якубовская*
Верстка: *А. В. Барашев*
Корректор *Я. В. Камашина*

Подписано в печать 28.04.2023.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 16,75
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 200 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

Адрес музея: 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 7.
Тел./факс: (812)498-09-32, 232-02-96
www.artillery-museum.ru

ISBN: 978-5-7937-2331-2

